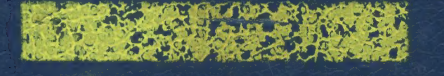
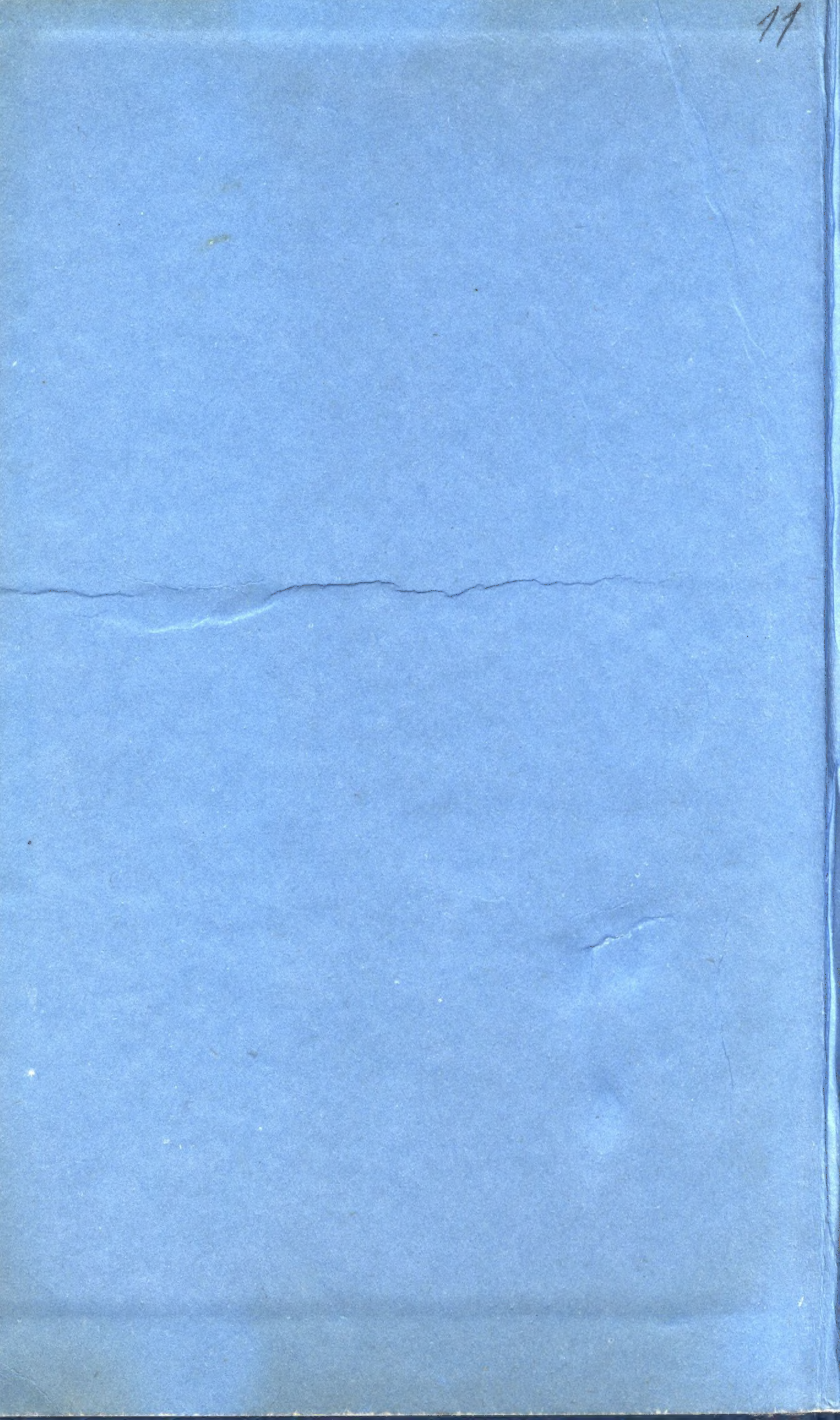
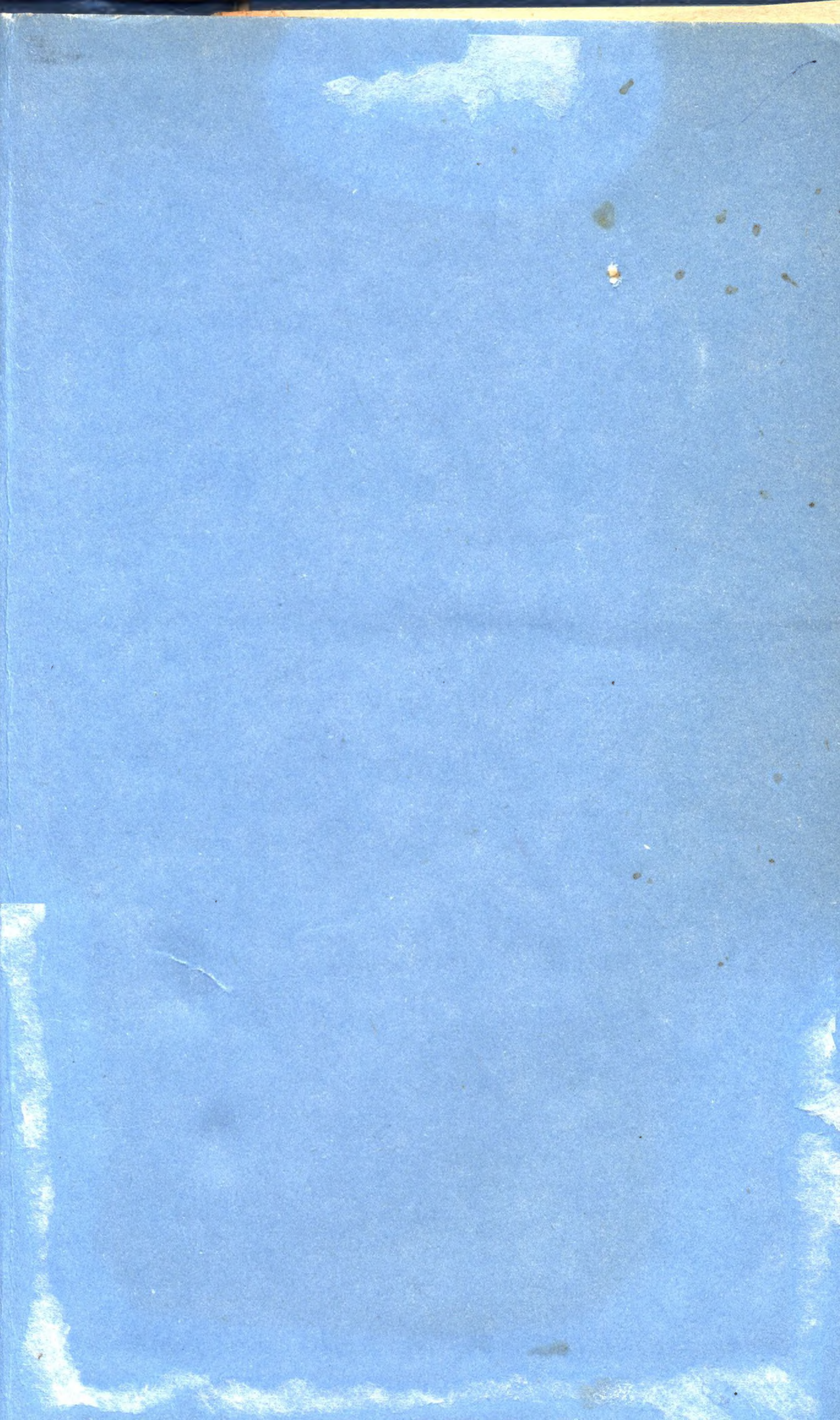
ГАРОЛЬД РОББИНС

Не люби чужого

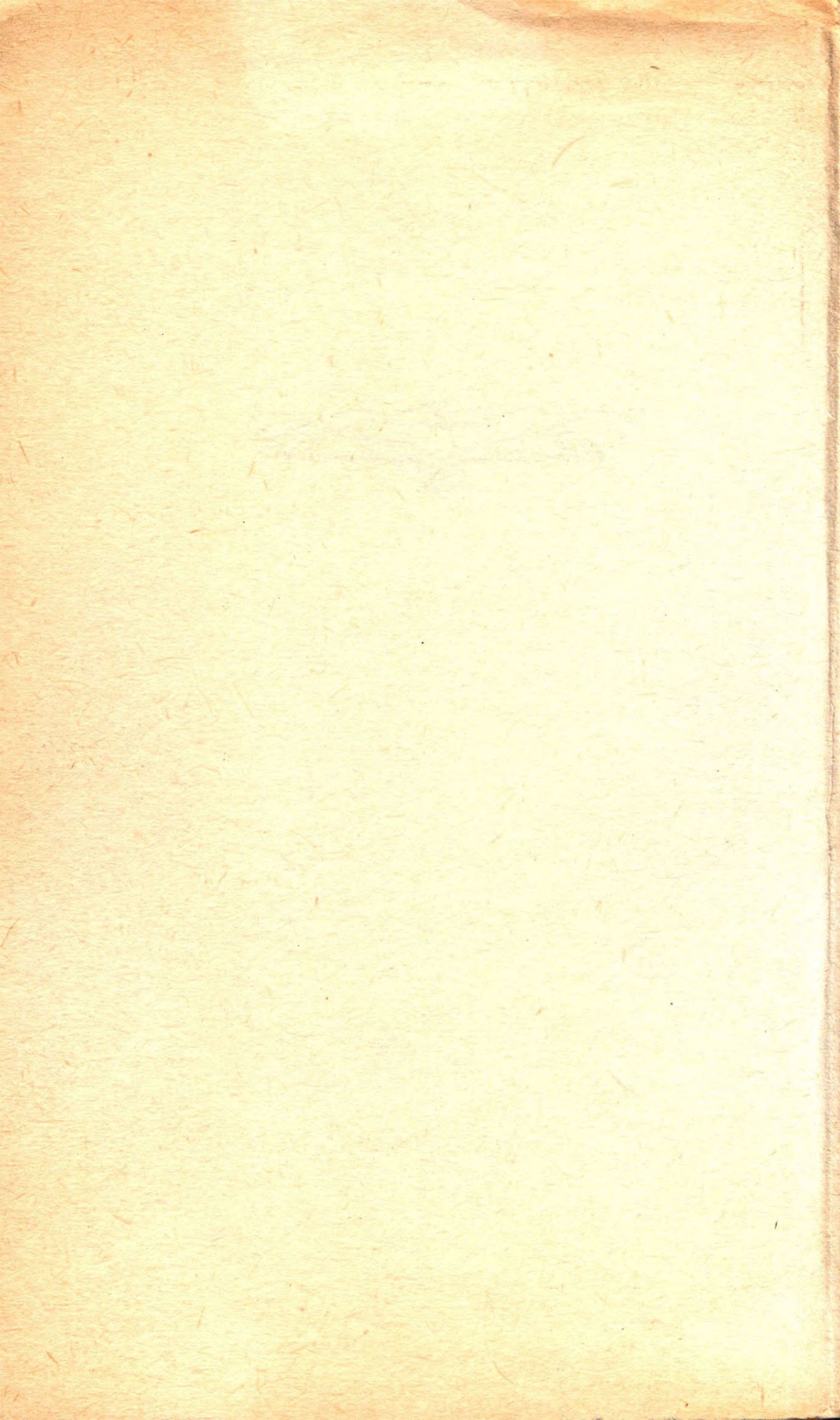

ГАРОЛЬД РОББИНС

НЕ ЛЮБИ ЧУЖОГО

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ББК 84.7 США
Р 58

Перевод с английского

*Татьяны Лапшиной, Ирины Кулинич,
Евгения Синельщикова*

ISBN 5-8352-0176-1

НЕ ЛЮБИ ЧУЖОГО

Роман

Моей жене Лил,
которая должна разделить авторство.

Никто не враг, но не люби чужого.
Надежда — дым, и подведет звезда.
Иди с людьми — вот истины основа.
И сам Господь всесильною рукой
Не сможет никогда
Нарушить твой покой.

Из поэмы Стеллы Бенсон
«Нерожденному».

Автор выражает благодарность
Роберту Л. Скоттино
за его добрые слова и поддержку,
которую он оказывал все те долгие годы,
что ушли на написание этой книги.

ПРОЛОГ

Миссис Козолина попробовала суп. Жирный, густой, приправленный чесноком и томатным соусом, он был так вкусен, что женщина от удовольствия причмокнула губами. Со вздохом она вернулась к столу, на котором начиняла равиоли*. Вечерело, и после жаркого душного дня стало немного прохладнее. Миссис Козолина зажгла в кухне свет.

«Ох уж эти американские девушки, — думала она, в то время как ее пухлые пальцы проворно лепили из теста и куриного фарша равиоли. Капельки пота выступили у нее на лбу и на верхней губе, покрытой темным пушком. — Планируют появление детей заранее, не хотят, видите ли, носить их летом! Вам когда-нибудь такое приходило в голову! Да на моей родине, — она улыбнулась, вспомнив свою молодость, — их просто имели, и все тут. Там это дело не планировали заранее.»

У нее имелись все основания считать американских девушек глупышками, так как она была повивальной бабкой, и дела все это лето шли из рук вон плохо, а у нее было семеро детей, и всех их надо было кормить и одевать ей одной, с тех пор как умер муж.

Где-то в глубине дома задребезжал звонок. Женщина подняла голову, прислушалась и подумала, кто же это мог быть. Ни одна из ее клиенток не должна прийти в этом месяце, и она решила, что это разносчик.

— Мария, — крикнула она, и голос эхом прокатился по темному коридору, — иди посмотри, кто пришел!

---

* Равиоли — род пельменей *(итал.)*.

Голос у нее охрип от многолетних окриков на детей и уличных разносчиков, у которых она в основном покупала продукты. Никакого ответа. А звонок зазвенел снова, на этот раз более настойчиво. Неохотно она вытерла руки о передник и пошла длинным узким коридором к входной двери.

Открыв ее, миссис Козолина увидела девушку, у ног которой на ступеньках стоял небольшой чемоданчик. У девушки было худое вытянутое лицо, но глаза светились теплым, испуганным, фосфоресцирующим светом, как глаза животного в темноте. Она была несомненно беременна, и опытным глазом миссис Козолина определила, что она была на последнем месяце.

— Вы акушерка? — Голос был мягким и слегка испуганным.

— Да, мадам, — ответила миссис Козолина.

Она с первого взгляда определяла леди. Что-то в них было такое, чем они выделялись даже в трудное для них время.

— Извините за беспокойство, но я недавно в Нью-Йорке, и я...

Тут девушка замолчала на минутку, так как всю ее охватила внезапная дрожь. Когда она заговорила снова, в голосе появились настойчивые нотки. — Мое время пришло, — сказала она просто, — и мне некуда больше пойти.

Миссис Козолина несколько минут молчала. Если она примет девушку, то Марии придется освободить комнату, а ей это не понравится. Она не любит спать в одной комнате с сестрами. И потом, может быть, у девушки нет денег, может быть, она даже не замужем. Непроизвольно ее взгляд упал на руку девушки. На пальце у нее блестело маленькое золотое колечко.

— У меня есть деньги, — поняла ее колебания девушка.

— Но у меня нет комнаты.

— Должна быть, — настаивала девушка. — У меня нет времени идти куда-то еще. Я видела вашу вывеску «Акушерка».

И миссис Козолина сдалась. Мария будет ночевать с сестрами, нравится ей это или нет.

— Входите, — улыбнулась она девушке и взяла ее чемоданчик.

Девушка проследовала за миссис Козолина через темный коридор, затем по лестнице наверх в комнату Марии.

— Снимите жакет, — сказала миссис Козолина, — и устраивайтесь поудобнее. — Она помогла девушке раздеться и лечь на кровать. — Как давно начались боли?

— Около часу назад, — ответила девушка. — И я поняла, что далеко мне не уйти. Мне надо было остановиться.

Миссис Козолина осмотрела ее. Девушка немного нервничала. Совсем не так собиралась она рожать своего первенца. Предполагалось, что это произойдет в больнице, Джордж будет где-нибудь поблизости, возможно, и рядом с ней, чтобы подбадривать ее и успокаивать, что все кончится хорошо, или же дома, где бы ее окружали любящие люди, у которых она бы черпала мужество. Но все вышло совсем не так, поэтому она немного побаивалась.

Миссис Козолина выпрямилась. Девушка была слишком изящной, ей придется помучиться. Родовые пути слишком узкие, ребенок пройдет с трудом. Но в любом случае у нее в запасе шесть или семь часов, может быть, они расширятся больше, чем можно ожидать. До чего же удивительно наблюдать, как девушка превращается в женщину, способную на ваших глазах произвести на свет младенца. Но похоже, что это трудный случай. И хотя у миссис Козолина появились тревожные предчувствия, она постаралась, чтобы на лице у нее не отразилось никаких эмоций.

— Нужно немного подождать, — улыбнулась она девушке. — Не волнуйтесь, все будет хорошо, уж поверьте мне, у меня их семеро.

Девушка в ответ робко улыбнулась.

— Спасибо, огромное вам спасибо.

— А теперь попытайтесь уснуть, — посоветовала миссис Козолина, направляясь к двери. — Через несколько часов я приду посмотреть, как вы себя чувствуете. Небольшой отдых пойдет вам на пользу.

И с этими словами она вышла. Вернувшись к своей стряпне, она вдруг вспомнила, что не спросила, как зовут девушку.

— Ну ничего, — решила женщина, — спрошу, когда поднимусь к ней в следующий раз.

Девушка закрыла глаза и добросовестно попыталась уснуть, но так и не смогла. Воспоминания сменяли друг друга, как неуловимые пейзажи за окном скорого поезда, воспоминания о доме и о Джордже, только об этом она и думала.

— Интересно, вспоминают ли они меня? А Джордж, куда он запропастился?

Он давно уже должен был вернуться. Она вспомнила, как ходила его встречать дождливым холодным днем на угол к ресторану, как, не дождавшись его, она вернулась домой и позвонила к нему в контору, а там ей сообщили, что он выехал обычным рейсом накануне, но еще не вернулся. И с тех пор она его больше не видела и не слышала о нем, он исчез, но это было на него не похоже. Вероятно, с ним что-то случилось.

Стало совсем темно, за окном слышались раскаты грома и виднелись вспышки молнии, но дождь еще не начался. Снизу из кухни доносился звон посуды и приглушенные голоса, а также поднимался густой аромат готовящейся пищи.

Накормив свою ораву ужином, миссис Козолина взглянула на часы, стоящие на холодильнике, и чуть не подпрыгнула. Бедняжка лежала наверху одна уже почти четыре часа и еще не издала ни звука.

— Мужественная девушка, — подумала миссис Козолина, вспомнив других женщин, которые помогали себе при родах на три четверти криком и лишь на одну четверть реальными усилиями.

Поднявшись наверх, она спросила девушку:

— Как самочувствие?

— Да не так уж плохо, — спокойно ответила та.

— Как часто мучают схватки? — поинтересовалась миссис Козолина, наклоняясь, чтобы еще раз осмотреть девушку.

— Похоже, каждые полчаса.

— Хорошо, — проговорила миссис Козолина, выпрямляясь, хотя ничего хорошего не было — расширения, на которое она надеялась, не произошло.

Она спустилась вниз, распорядилась, чтобы девочки приготовили горячую воду и чистые полотенца

Была почти полночь, когда над городом разразилась гроза. И в это же время ребенок отправился в путь. Девушка лежала молча, крепко сжав зубы, ухватившись за полотенце, привязанное к спинке кровати, корчась от боли, с белым как мел лицом и расширенными от страха глазами.

В два часа ночи миссис Козолина послала своего старшего сына за доктором Буонавенто, который жил на углу. А на обратном пути попросила заскочить в местную приходскую церковь за священником.

Она наблюдала, как доктор разрезал девушке живот и вынул оттуда синего извивающегося младенца. Она шлепнула его, чтобы вдохнуть в него жизнь, и услышала, как он громко закричал, недовольный, что его заставили покинуть теплое и уютное укрытие. Она видела, что доктор отчаянно борется за жизнь девушки, но поняла, что он проиграл, когда он поменялся со священником местами. Миссис Козолина опустилась на колени у кровати и принялась горячо молиться.

Она молилась потому, что девушка была так молода и так мужественна. Потому, что она сама потеряла мужа и знала, что эта девушка тоже погибала.

А девушка повернула к ней голову и слабо улыбнулась. В ее глазах был невысказанный вопрос. Миссис Козолина протянула ей орущего младенца и положила его рядом с ней. Девушка посмотрела на ребенка, склонила свою голову к его маленькой головке и закрыла глаза.

Тут миссис Козолина вспомнила, что она так и не спросила, как зовут девушку. Она склонилась над постелью.

— Как вас зовут? — спросила она со страхом в голосе оттого, что дитя вступает в жизнь без имени.

Медленно девушка приоткрыла глаза.

— Фрэнсис Каин, — с трудом уловила миссис Козолина.

Глаза девушки вновь закрылись, и она затихла.

Миссис Козолина взяла ребенка и встала с колен. Доктор накрыл девушку простыней, затем сел и вытащил из портфеля листок бумаги.

— Ну что, сначала заполним свидетельство о рождении? — спросил он по-итальянски.

Миссис Козолина кивнула. Сначала надо думать о живых.

— Как его имя?

— Фрэнсис Кейн, — ответила женщина.

Это было справедливое решение. Этим именем можно гордиться. Его ждет жизнь, полная трудностей и лишений, так пусть же он носит имя матери, этой мужественной маленькой женщины.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Через улицу на колокольне Святой Терезы звонили колокола к восьмичасовой мессе. Детвора выстроилась, готовая идти в классы, и во дворе появились монахини. Еще минуту назад здесь было настоящее столпотворение, мы носились, как угорелые, играли, кричали, а сейчас все было тихо. Парами мы прошли в школу, по винтовой лестнице поднялись в классы и с шумом расселись по своим местам.

— Начнем день с молитвы, дети, — сказала сестра Анна.

Мы сложили руки на партах и склонили головы.

Я воспользовался удобным случаем и пальнул шариком из жеваной бумаги в Джерри Коуэна. Он попал ему в шею и прилип к ней. Это выглядело так смешно, что я чуть не рассмеялся среди молитвы, но вовремя остановился. Когда молитва закончилась, Джерри оглянулся, чтобы выяснить, чьих это рук дело, но я сделал вид, что раскладываю учебники на парте.

Сестра Анна обратилась ко мне.

— Фрэнсис.

Я поднялся с виноватым видом, так как решил, что она заметила мою выходку. Но она просто вызвала меня к доске, чтобы я написал дату. Взяв большой кусок мела из ящичка, я большими и четкими буквами вывел на доске: «Пятница, 5 июня 1925 года».

Утро тянулось медленно. Дни стояли уже по-летнему жаркие, и я только и мечтал о том, как бы поскорее закончились школьные занятия. Откровенно говоря, эти

занятия мне уже до смерти надоели. Мне было тринадцать лет, но выглядел я гораздо взрослее, и Джимми Кьоу обещал, когда учебный год закончится, взять меня к себе посыльным, собирать ставки от его букмекеров, работавших в близлежащих гаражах, ставки в семьдесят пять центов, которые самому ему было собирать недосуг. И я заработаю кучу бабок, может быть, даже по десять долларов в неделю. Во время большой перемены на завтрак, когда другие ребята разбегались по домам, я обычно шел в общежитие за школой, где мы, сироты, завтракали в большой столовой. Обычный наш завтрак: стакан молока, бутерброд и булочка, по-видимому, был не хуже, если не лучше, чем завтрак ребят, живших с родителями. После полудня мы возвращались в школу, и уроки продолжались. Но в этот день, 5 июня, стояла такая жара, что я совсем было решился удрать с уроков и отправиться на пристань, где мы обычно с ребятами купались. Но вовремя вспомнил, что случилось не так давно.

Думаю, что я установил мировой рекорд по прогулам, смываясь с уроков шесть недель подряд. И если вы считаете, что это так, ерунда, то вспомните, что я жил в приюте и должен был каждый вечер возвращаться туда. Мне как-то удавалось перехватывать письма, посылаемые сестрами брату Бернару, попечителю нашего общежития, в которых они жаловались на мое отсутствие. Я мастерски подделывал ответные письма, где сообщал, что Фрэнсис Кейн болен, и подписывал их «Бернар». Все шло гладко до тех пор, пока одной из сестер не вздумалось навестить меня, и мой обман раскрылся. После напряженного дня — я умудрился посмотреть четыре фильма подряд — в холле я наткнулся на брата Бернара и сестру Анну.

— Вот он, шельмец! — воскликнул брат Бернар. — Ну уж я его проучу, этого тяжелобольного. — Он подошел ко мне. — Что ты с собой делаешь? Где слоняешься целыми днями?

При волнении его уэльский акцент, обычно придававший мягкость и красоту его речи, усиливался так, что едва можно было понять, что он говорит.

— Я работал, — только и нашел я что ответить.

— Ах, ты работал! — взорвался он. — Все это наглая ложь.

И он закатил мне пощечину. Я приложил руку к враз загоревшейся щеке.

Сестра Анна смотрела на меня с сожалением, испуганными глазами.

— Фрэнсис, Фрэнсис, как ты мог так поступить, — проговорила она мягко, почти печально. — Ты же знаешь, какие надежды я на тебя возлагала.

Я ей ничего не ответил. Брат Бернар ударил меня еще раз.

— Отвечай учительнице.

Я сердито глянул на него, и меня прорвало:

— Мне все надоело — надоела школа, надоел этот проклятый приют. Я здесь как узник. У заключенных в тюрьме и то больше свободы, чем у меня. Разве я это заслужил? Что я сделал такого, за что меня нужно держать взаперти? В Библии сказано, что правда освободит тебя. Вы учите нас любить Бога, потому что он дал нам так много. А день начинается с благодарственной молитвы за то, что я родился в тюрьме без свободы. — Я почти плакал и задыхался.

В уголках глаз сестры Анны выступили слезы, и даже брат Бернар хранил молчание. Сестра Анна подошла ко мне, обняла обеими руками и прижала к себе.

— Бедняжка Фрэнсис, разве ты не понимаешь, что мы пытаемся помочь тебе? То, что ты совершил, непорядочно с твоей стороны, очень непорядочно.

Я заворочался в ее объятиях, пытаясь высвободить руки, чтобы вытереть глаза, но они запутались в ее монашеском одеянии и каким-то образом оказались у ее грудей. Я задержал дыхание и, как бы нечаянно, растопырил пальцы. Она стояла спиной к брату Бернару, и тому не было видно, чем я занимаюсь. Сестра Анна смутилась, а я невинно смотрел ей прямо в лицо.

— Ты должен обещать никогда больше не поступать так.

Мне было интересно, что она имела в виду — мои прогулы или...

— Обещаю, — быстро сказал я.

Она повернулась к брату Бернару. Лицо у нее было бледным, как полотно, а на лбу выступили мельчайшие бисеринки пота.

— Он уже достаточно наказан, брат Бернар. Теперь он будет молодцом, раз обещал. Я пойду и помолюсь за доброту его души.

Брат Бернар с минуту молча смотрел на меня, а затем сказал:

— Иди поужинай.

Мне было всего тринадцать лет, но выглядел я гораздо старше и получил неплохое уличное образование.

И вспомнив, как сестра Анна смотрела на меня в тот день, когда я понял, что сестры тоже женщины, ощутив под своими пальцами ее нежные груди, я решил, что ни за что не сбегу сегодня с уроков, как бы ни был прекрасен день и как бы мне ни хотелось искупаться.

Во дворе школы играли в мяч, и все вопили как чокнутые. Заинтересовавшись игрой, я не заметил, как оказался лежащим на спине поперек тротуара. Джерри Коуэн и еще один пацан стояли надо мной и смеялись, это они так аккуратно уложили меня.

— Ну и что тут смешного? — огрызнулся я.

— Ты еще и недогадливый! Это тебе за жвачку. Думаешь, я не знаю, чьи это шуточки?

И Джерри расхохотался. Я вскочил на ноги.

— О'кей. Один — один.

Вместе мы уселись на край тротуара и наблюдали за игрой, пока не начались уроки. Джерри Коуэн и я — сын мэра Нью-Йорка и подкидыш из сиротского приюта Святой Терезы, которые божьей милостью учились в одной приходской школе и были близкими друзьями.

Глава 2

Я жил в приюте с самого рождения. И это была не такая уж плохая жизнь, как казалось многим. Меня хорошо кормили, должным образом одевали и старательно воспитывали. И если я не получал свою долю семейной любви и заботы, то меня это не особенно и беспокоило. Кроме того, я был наделен определенной самостоятельностью и независимостью, которые при других обстоятельствах я приобрел бы гораздо позже.

У меня всегда была какая-нибудь работа, и я часто одалживал пятицентовики или десятицентовики другим школьникам, которые мнили себя более состоятельны-

ми, чем я. Я знал, в какие дни мои должники получают карманные деньги, и если бы они вдруг отказались вернуть мне долг, то тут бы им и сам дьявол не помог.

Две недели назад я одолжил Питеру Санперо двадцать центов, так он неделю от меня скрывался, прежде чем я поймал его в школьном дворе и потребовал свои бабки.

— Эй, Пит, — окликнул я его, — как там поживают мои двадцать центов? Ты что, думаешь я их тебе подарил? Они мне и самому нужны.

Питер считал себя крутым парнем. Он был немного ниже меня ростом, но шире и тяжелее.

— Катись отсюда со своими двадцатью центами, — прогнусавил он. А затем обратился к своим приятелям. — От этих приютских подкидышей одни неприятности. Мы платим за обучение, да еще жертвуем на их содержание, а они решили, что они здесь хозяева. Ты получишь свои деньги, когда у меня будет настроение получше.

Меня это взбесило. Не потому, что он назвал меня подкидышем, меня так называли довольно часто, а оттого, что он не сдержал обещания и собирался смыться с моими деньгами.

Я набросился на него. Он отступил в сторону и ударил меня в челюсть. Я упал на землю.

— Ты, грязный итальяшка! — заорал я.

Он навалился на меня сверху и кулаком расквасил мне нос. Почувствовав вкус крови на губах, я, изловчившись, саданул его пяткой между ног. Он побелел, начал сползать с меня, и я, высвободив одну руку, стукнул его кулаком в шею прямо под подбородком. Он свалился лицом вниз, поджав к животу ноги, а из его горла вырвался хрип.

Я поднялся на ноги, склонился над ним и вытащил из его кармана горсть мелочи. Отсчитав двадцать центов, я показал их его друзьям.

— Мне нужны лишь мои двадцать центов, поняли? И если кто-нибудь из вас попытается отнять их, он получит то же самое.

Они смотрели, как я удаляюсь, вытирая разбитый нос рукавом, и лишь потом наклонились над своим другом.

Я вошел в зал для игры в биллиард к Джимми Кьоу. Джимми сидел за сигарной стойкой.

— Что случилось с тобой, парень? — спросил он со смехом.

— Ничего особенного, мистер Кьоу, — гордо сказал я в ответ. Просто кое-кто думал, что может надуть меня, но просчитался.

— Молодец, Фрэнки, — похвалил меня мистер Кьоу. — А теперь пойди умойся и подмети пол.

Отойдя на несколько шагов, я услышал, как он сказал одному из посетителей:

— Этот мальчуган далеко пойдет. Ему только тринадцать, а он подсчитывает все мои выплаты по ставкам и пари лучше меня.

В туалете воняло затхлым табачным дымом и мочой. Я взобрался на умывальник и открыл окно под самым потолком. Затем вымыл руки и лицо и, вытерев их подолом рубашки, вошел в зал и занялся своей обычной работой.

Послеобеденная работа у Кьоу была светлым пятном в моей жизни. Первым делом я убирал помещение, где стояло восемь биллиардных столов: подметал пол, а затем осторожно, чтобы не повредить фетровое покрытие, смахивал пыль со столов мягкой щеткой. В мои обязанности также входило охлаждать пиво и содовую. Все это происходило во время сухого закона, и пиво хранилось внизу в подвале. Когда кто-то из посетителей заказывал пиво или порцию виски, он обычно обращался к Джимми Кьоу, а если тот был занят, в подвал мчался я.

После четырех часов начинал звонить телефон — это поступали результаты скачек. Тогда я отмечал их на доске, которая стояла в дальнем углу кладовки, где ее никто не мог увидеть. Еще я складывал на полки шары и бегал по поручениям посетителей за сэндвичами в закусочную напротив. И со мной всегда был ящичек с принадлежностями для чистки обуви.

За эту работу я получал три доллара в неделю, не считая чаевых, так что в среднем к концу недели набегало от шести до восьми долларов. На каникулах Джимми обещал поручить мне обходить гаражи — собирать небольшие ставки, и я рассчитывал, что на этом буду иметь десять-пятнадцать долларов лишних.

В 6.30 мистер Кьоу обычно вручал мне полоски бумаги с записанными на них ставками, которые я подсчитывал. В семь часов вечера я бежал на ужин в приют, а затем возвращался еще на пару часов, но дольше задерживаться в биллиардной мистер Кьоу мне не позволял. Не знаю уж почему.

На следующий день Питер Санперо в школу не явился, вместо него пришла его мамаша с жалобой на меня, и я был вызван к настоятельнице приюта, где мне и пришлось объяснять, почему я избил Питера, ей, брату Бернару, сестре Анне и матери Питера.

Здесь я сделал основной упор на то, что он назвал меня подкидышем, так как был уверен, что это вызовет у них сочувствие. И оказался прав.

Настоятельница лишь пожурила меня и заставила извиниться перед миссис Санперо, что я и сделал.

Но совсем без наказания отпустить меня они не могли, и брат Бернар сообщил мне, что с сегодняшнего дня в течение двух недель я должен буду оставаться в приюте после школы и никуда не выходить.

— Две недели, — обескураженно проговорил я. — Вы не можете так поступить, не можете.

— Почему это не можем? — спросил брат Бернар.

— Потому что тогда я потеряю работу у Джимми Кьоу.

— И чем ты там занимаешься? — поинтересовался брат Бернар.

— О, я убираю помещение, чищу, мою, хожу по поручениям.

— Ну, уж такой работы я найду тебе сколько угодно, — рассмеялся брат Бернар.

— Можешь вернуться в класс, Фрэнсис, — сказала настоятельница.

Молча я двинулся вслед за сестрой Анной. На лестничной площадке она остановилась, повернулась ко мне и проговорила сочувствующим тоном:

— Не расстраивайся, Фрэнсис, вот увидишь, все будет хорошо.

И, прежде чем я сообразил, что делаю, я наклонился и поцеловал ей руку.

— Я люблю вас, — сказал я ей, — только вы одна и понимаете меня. Я люблю вас. Она наклонилась ко мне, и я заметил, что на глаза ее навернулись слезы.

— Бедняжка, — вздохнула она и поцеловала меня в губы. И в эту секунду я понял, что я уже не ребенок, детство осталось далеко позади. Она выпрямилась, наши глаза на мгновение встретились, затем она резко повернулась и молча, опустив голову, вошла в класс.

Глава 3

Обмануть брата Бернара было совсем нетрудно. После школы я представал перед его очами в общежитии, а потом смывался через окно. Вечером я возвращался таким же способом, и никто ничего не замечал.

В один из этих дней я познакомился с Силком Феннелли.

Силк Феннелли был знаменитостью нашей округи. В сферу его деятельности входило все: спиртные напитки, азартные игры и рэкет. В нашем районе все боялись его и в то же время относились с величайшей почтительностью. Иногда я видел его, когда он заходил по делам к Кьоу, всегда в сопровождении телохранителей. Он был сильным, подтянутым и элегантным, никогда и никого не боялся. Короче, он был моим кумиром.

Иногда, когда я рано управлялся с работой у Кьоу, я выходил со своим ящичком с принадлежностями для чистки обуви подзаработать.

Вот и в тот вечер я вошел в бар на углу Бродвея и 65-й улицы. В барах обычно была самая лучшая выручка.

Я переходил от одного посетителя к другому.

— Ботинки не почистить, сэр? — обычно спрашивал я.

Толстый хозяин бара с лысой головой, покрытой капельками пота, обругал меня.

— Убирайся отсюда ко всем чертям! Сколько раз вам можно повторять, чтобы вы не крутились под ногами у посетителей! Убирайся, пока я тебя в урну не засунул!

Я не ответил, а повернулся и направился к выходу. Но один шутник у стойки бара подставил мне подножку, и я упал на четвереньки, а мой ящичек слетел у меня с плеча, и бутылочки с жидким кремом разбились вдребезги о кафельный пол. На какое-то мгновение я растерялся и сидел на корточках, наблюдая, как крем расползается в разные стороны по чистому полу.

И тут ко мне подскочил хозяин бара, сграбастал меня за шиворот своей жирной рукой и поволок к выходу.

Уже почти у самой двери я очнулся и вырвался у него из рук.

— Отдайте мне мой ящик, — заорал я что было мочи, — мне он еще пригодится!

— Проваливай! Я тебя проучу, чтобы ты сюда больше и носа не казал! Пошел вон!

— Я не уйду без своего ящика! — вопил я.

И увернувшись от него, я вбежал в бар и начал складывать щетки, ветошь и баночки обратно в ящичек. Хозяин поймал меня, когда я уже собирался вставать, и залепил мне такую затрещину, что у меня в ушах зазвенело.

— Я отучу вас, маленьких подкидышей, шляться сюда! — рычал он злобно.

Еще раз ударив меня, он ухватился за мой воротник так, что я не мог сдвинуться с места.

— Отпусти его, Тони, я хочу, чтобы он почистил мне туфли, — раздался вдруг отчетливый, спокойный голос из одной кабинки у стены.

Я и хозяин бара разом оглянулись. Уж не знаю, кто из нас удивился больше. Я увидел стройного привлекательного мужчину примерно лет тридцати пяти или сорока. Одна его рука, сжатая в кулак, лежала на столе, а другой он играл перочинным ножичком, прикрепленным к жилетной цепочке. На нем был темно-серый костюм, черная шляпа и блестящие черные туфли. У него были серые глаза и тонкие усики над хорошо очерченным ртом, приоткрытым в улыбке. Белые блестящие зубы и орлиный нос завершали картину. Это был Силк Феннелли собственной персоной, который пристально наблюдал за нами.

Хозяин бара откашлялся.

— Хорошо, мистер Феннелли.

Он отпустил меня и прошел за стойку. Я же, вытерев лицо рукавом, подошел к кабинке. Вместе с Феннелли за одним столом сидел хорошо одетый мужчина и красивая женщина.

— Я не могу почистить вам туфли, мистер, — удрученно сказал я ему.

— Почему? — удивился Феннелли.

— Потому что черный блеск пролился на пол, — ответил я.

Он достал из кармана бумажник, вынул из него пятидолларовый банкнот и протянул его мне.

— Пойди и купи новый.

Я посмотрел на банкнот, потом на Феннелли и, не сказав ни слова, направился к двери. Швейцар принялся подтирать потеки краски на полу. За своей спиной я услышал, как приятель Феннелли сказал:

— Ставлю сто долларов против пятидесяти, что он не вернется, Силк.

Силк Феннелли рассмеялся.

— Идет.

— Не думаю, что он когда-нибудь держал такие деньги в руках, — проговорила женщина.

— Возможно, здесь вы и правы. Я в его годы тоже не видал таких денег, — ответил ей Силк.

Что они сказали на это, я уже не расслышал, так как был за дверью. Когда я вернулся, они ели. Положив сдачу на стол, я сказал:

— Я не собирался вас задерживать, но у продавца не оказалось сдачи с пяти долларов и мне пришлось обежать целый квартал, чтобы разменять их.

И с этими словами я опустился на колени и принялся полировать его и без того блестящие туфли.

Приятель Феннелли вытащил свой бумажник, отсчитал несколько банкнот и вручил их Феннелли. Силк не глядя засунул их в карман.

— Это послужит тебе уроком, не спорь со специалистом.

Затем он спросил у меня:

— Как тебя зовут, сынок?

— Фрэнсис Кейн, — ответил я. — Но вы можете называть меня просто Фрэнки. Все мои друзья зовут меня Фрэнки.

— О, так значит я твой друг, не так ли? С дружбой лучше быть поосторожнее, сынок, и не дарить ее первому встречному. Подумай об этом.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал я смутившись. — Вы так добры ко мне.

Я закончил чистить туфли и встал. Женщина и мужчина собрались уходить.

— Ну, мы должны идти, Силк. Увидимся позже.

Силк поднялся из-за стола.

— Пока, — попрощался он с ними.

Когда они ушли, я спросил у него:

— Так вы выиграли, мистер Феннелли?

— Что ты имеешь в виду?

— Пари. Я сам все слышал. Он вам заплатил?

Силк Феннелли расхохотался.

— Ты все слышал!

— Да. Я же не дурак. Знаю, что к чему.

Феннелли сказал мне со смехом:

— Садись и съешь бутерброд. Откуда ты такой взялся?

— Из приюта Святой Терезы.

— О'кей, так значит ты знаешь, что к чему, — сказал он мне, как будто я был ему ровня. — Твое лицо мне знакомо. Где я тебя мог видеть? На игровой площадке?

Он имел в виду пустующие склады, которые он превратил в небольшие игровые площадки в нашем районе. Все говорили, что он сделал великую вещь для детворы, чтобы удержать их от улицы, но у Кьоу было свое мнение на этот счет. Он считал, что Феннелли таким способом воспитывает своих клиентов. На этих игровых площадках были самые разнообразные игры, в которые ребята играли бесплатно до определенного возраста. А потом они должны были идти играть в другие места, где уже надо было платить. Да, Феннелли был важной шишкой, он даже посылал своих клиентов в школу. Но, как говорится, кто-то должен заниматься и таким бизнесом, а он добился такого успеха потому, что был славным парнем.

— Нет, — ответил я. — Я работаю у Джимми Кьоу.

К нам подошел официант, и я заказал бутерброд с ростбифом и стакан пива. Но Феннелли заметил, что я еще слишком молод для пива, и изменил заказ на лимонад.

Я покончил с едой за несколько минут и встал.

— Спасибо, мистер Феннелли.

Он улыбнулся.

— Ты хороший парень, когда-то я так же, как и ты, чистил ботинки. — Он опустил руку в карман и вытащил несколько банкнот. — Вот, возьми и беги отсюда.

— Да, сэр, — сказал я и увидел, что он дал мне пять долларов. — Еще раз спасибо.

Этим парням нравится, когда их благодарят, они чувствуют себя такими хорошими и правильными, а мне это ничего не стоило, да к тому же этот парень заслужил мою благодарность. Так что я в третий раз, на счастье, поблагодарил его и вышел из бара.

На углу стоял Рэй Каллахан со своим ящичком чистильщика обуви, и я остановился поболтать с ним. Рэй был славным парнем. А вот отец у него был пьяница, и жили они на пособие по безработице, так что Рэю все свои заработанные бабки приходилось отдавать мамаше, которая не отставала от папаши и тоже частенько прикладывалась к бутылке.

— Привет, Фрэнки!

— Привет, — ответил я. — Как дела?

— Да ничего хорошего, — пробурчал он. — За весь день заработал только сорок центов.

Я помахал у него перед носом пятью долларами. У него округлились глаза.

— Ого, — раскрыл он рот от изумления, а затем сказал сдавленным шепотом. — Откуда они у тебя?

Я ответил со смехом:

— Надо знать с кем иметь дело.

А потом рассказал ему все, что со мной приключилось.

— Старик, — воскликнул он, — да ты просто счастливчик!

Дальше мы отправились вместе. Начинало темнеть. То в одном, то в другом окне вспыхивал свет.

— Не зайдешь ко мне? — спросил Рэй. — Если у тебя, конечно, есть время.

Я понял, что Рэй хотел заявиться домой не один, чтобы не получить слишком много тумаков от своих предков, и согласился.

Едва войдя в подъезд, мы уже слышали, как его папаша и мамаша во все горло выясняют отношения.

— О Боже! — повернулся он ко мне. — Когда это только кончится? Видно достанется мне на орехи.

Поднимаясь по лестнице, мы увидели, как из одной двери на втором этаже вышел мужчина, и пулей пролетел мимо нас, прыгая через две ступеньки. Дверь он оставил приоткрытой, и оттуда послышался женский голос.

— Это ты, Рэй?

Рэй остановился и повернулся ко мне.

— Это Мэри Кэссиди, обычно я хожу за покупками для нее.

Мэри подошла к двери.

— Рэй, не сбегаешь ли ты в магазин за парой бутылочек пива?

— Ну конечно, Мэри, — с готовностью ответил Рэй.

Он поставил свой ящичек на пол, взял деньги из ее протянутой руки и, попросив меня подождать его. помчался вниз по ступенькам.

Мисс Кэссиди предложила мне:

— Не торчать же тебе в подъезде, бери ящики и заходи. Подождешь его в комнате.

Я поднял ящички и прошел за ней в квартиру. Она указала мне на стул.

— Садись сюда.

Я сел, а она встала у окна. Я принялся исподтишка рассматривать ее. Она была довольно-таки симпатичной, светлые волосы завивались на концах, большие темно-голубые глаза были слегка подведены, полные губы накрашены яркой помадой. Заметив, что я ее пристально разглядываю, она покраснела, и на лбу у нее выступили капельки пота. А я в это время гадал, знает ли Рэй, что она шлюха, или нет. Она, наверное, хороша в постели. Как бы переспать с ней, думал я. И хотя в подобных делах у меня еще не было абсолютно никакого опыта, пять долларов в моем кармане прибавили мне смелости, и я отважился.

— У меня есть пара долларов, — сказал я.

— Ну и что? — спросила она с легким ирландским акцентом и с любопытством посмотрела на меня.

Я не знал, что на это ответить, но смело встретился с ней взглядом. Так мы и смотрели друг на друга несколько секунд, не произнося ни звука. Затем она с улыбкой проговорила:

— Послушай, а тебе не кажется, что ты еще слишком молод?

— Мне уже пятнадцать, — возразил я.

С каждым разом мне становилось все легче врать насчет своего возраста, так что я почти убедил сам себя, что мне пятнадцать лет.

— А прежде ты когда-нибудь занимался таким делом? — спросила она меня напрямик.

Ее груди бесстыдно торчали под платьем и выглядели весьма аппетитно.

— Конечно, и не раз, — беспечно ответил я, но внутри мне стало как-то не по себе.

— О'кей, — сказала она, — пойдем, — и провела меня в спальню. У кровати оглянулась и взглянула на меня. — Давай деньги.

Я вытащил из кармана два доллара и вручил ей дрожащими руками. Она взяла деньги и засунула их под подушку. Затем через голову стянула с себя платье и легла в постель.

— Иди, — позвала она меня.

Я снял брюки. Колени у меня дрожали и подкашивались, когда я ложился рядом с ней. Тщетно пытался я вдохнуть жизнь в свою мужскую плоть. Слишком уж я был напуган и к тому же ужасно нервничал.

Она теряла терпение.

— Ну, что же ты. Давай побыстрее. Я не собираюсь валяться с тобой весь вечер. Рэй может вернуться в любую минуту.

Но все было бесполезно — я слишком нервничал. Мой инструмент отказывался мне повиноваться. Мэри попыталась помочь мне, но безрезультатно. Наконец она поднялась с постели. Я лежал и наблюдал за ней. Когда она повернулась ко мне спиной, я быстро сунул руку под подушку и вытащил два доллара: не отдавать же их ни за что ни про что. Она ничего не заметила.

Я встал, натянул брюки и вышел в гостиную вслед за ней. Мэри посмеялась надо мной.

— Приходи, когда немного подрастешь, сынок. Негоже пацану заниматься мужской работой.

Я поднял на нее глаза и почувствовал, как кровь отхлынула у меня от лица. Мне так захотелось двинуть ей по морде ящичком с ваксой, что она отшатнулась назад, видимо, почувствовав мое состояние. Тут дверь отворилась, и вошел Рэй с бутылками в сумке. Взглянув на нее еще раз, я схватил ящик и выскочил за дверь.

Я слышал, как Рэй о чем-то спросил ее, и она рассмеялась. Затем они подошли к двери, и она вручила Рэю монету в десять центов. И уже закрывая дверь, Мэри со словами: «А это для твоего друга за то, что ждал тебя» — вложила мне в руку такую же монету.

Я размахнулся и со всей силы метнул десятицентовик в захлопнувшуюся дверь.

— Ты, дешевая, грязная шлюха! — крикнул я и, не взглянув на Рэя, бросился вниз по лестнице, вон из этого дома.

Глава 4

Еще две недели — и прощай школа. Я не мог дождаться, когда закончатся занятия, и я смогу работать на Кьоу весь день и делать настоящие бабки.

После обеда я вышел из школы вместе с Джерри. По-видимому, он очень удивился, когда я вышел за ворота.

— Я думал, ты все еще в заточении, Фрэнки.

— Вчера был последний день.

Несколько минут мы шли молча, затем Джерри спросил:

— Фрэнки, ты бы не хотел поехать со мной в деревню этим летом?

— Брось свои шуточки.

— Я не шучу, а серьезно говорю. — Его голубые глаза были и вправду серьезны. — Я уже обсудил это с отцом, и он сказал, чтобы я пригласил тебя к обеду на этой неделе.

— А монашки? Думаешь, они меня отпустят?

— Отпустят, если их об этом попросит отец. Ты что, не знаешь, кто он?

Конечно же, я знал его отца, как и все в городе, — знаменитого Джерри Коуэна, вечноулыбающегося мэра Нью-Йорка. Его фотографии каждый день появлялись в газетах — гвоздика в петлице, белозубый оскал, рукопожатия с представителями ассоциации по выращиванию кукурузы или других таких же вшивых организаций. Да, его старик получит все, что пожелает.

Мы подошли к двери биллиардной, я остановился и заглянул внутрь, где было сумрачно и душно. И с тоской подумал, что все лето мне предстоит ошиваться в этом помещении, пропитанном запахом прокисшего пива и мочи из туалета. А потом представил, как бы было хорошо провести лето в деревне с Джерри. У него, наверное, неплохие отношения со служанками и все та-

кое прочее. Подумал о рыбной ловле, купании в озере. Вот было бы здорово! Я еще ни разу в жизни не плавал в озере. Но я повернулся к Джерри и сказал:

— Нет, Джерри, ничего не выйдет. Конечно, большое спасибо за приглашение. Но ты знаешь, я не хочу потерять свою работу. Мне надо подзаработать летом хоть немного денег. И к тому же, черт меня подери, я терпеть не могу деревню — там сойдешь с ума от безделья.

Джерри взглянул на меня и рассмеялся, он был совсем не дурак. И знал, что у меня на уме. Джерри был удивительным другом. Подружиться с ним было не так-то просто, но он никогда не задавался, а был просто моим близким другом. Не знаю, за что он любил меня, но если бы я мог заглянуть далеко вперед, если бы я только знал, что Джерри и я... — но мы дойдем и до этого в свое время. Иногда бывает довольно неприятно возвращаться в прошлое, но было бы гораздо хуже, если бы мы знали, что нас ждет в будущем.

— О'кей, если ты так хочешь. Но все же ты как-нибудь должен прийти к нам на обед.

Я заметил, что он сказал «обед», а не «ужин», как привык говорить сам.

— Хорошо. — Я стоял неуклюже на одной ноге и не знал, благодарить мне его или не надо. Но потом подумал: — К черту все это, один раз я уже поблагодарил его. — А вслух сказал: — Я должен идти работать, извини.

Но я пришел слишком рано. На часах было всего лишь три пятнадцать, а я приступал к своим обязанностям в четыре часа. Я вышел из биллиардной, поднялся вверх по улице и уселся на солнышке на ступеньках какого-то старого здания, решив здесь дождаться четырех часов.

Я только зажег сигарету, как вдруг услышал крики, доносящиеся с другой стороны улицы. Два знакомых мне пацана загнали в угол еврейского мальчишку и расправлялись с ним. Я наблюдал за ними из простого любопытства. Мне было лень вставать и переходить улицу, чтобы присоединиться к потехе. Они окружили его и терзали вопросами:

— А ну-ка скажи нам, как это чувствовать себя получеловеком?

— Христопродавец!

— Тупица!

Парень весь напрягся, лицо у него побелело, но он с гордым спокойствием взирал на них, всем видом демонстрируя презрение. Пацаны медленно, угрожающе приближались к нему. Книга, которую он нес, выпала у него из рук, он плотнее прижался спиной к стене здания и поднял руки, сжатые в кулаки. Ростом он был немного ниже меня, волосы светлые, глаза голубые, черты лица тонкие. Наконец он заговорил:

— Я могу поколотить любого из вас в честной борьбе. — Голос его даже не дрогнул от страха.

Они заржали, как лошади, и придвинулись еще ближе.

— А пятки наши полизать не хочешь?

Я поднялся и пересек улицу. Назревало что-то веселенькое.

— Здорово, Фрэнки! — приветствовал меня один из пацанов.

— Привет, Уилли, — ответил я.

— Давай отделаем как следует этого еврейского выродка! — воскликнул другой.

— Нет, вы слышали: он утверждает, что спокойно справится с любым из нас. Давайте проверим. Грех упускать такой случай.

Пацаны нерешительно уставились на меня.

— Ну, — подбодрил я их, — кто начнет?

Ответа не последовало.

— О'кей, — сказал я, — тогда это сделаю я.

Цепь разомкнулась, и я прошел сквозь нее. Парень окинул меня оценивающим взглядом.

Я сжал руки в кулаки. Он сделал шаг вперед и широко размахнулся. Легко увернувшись от удара, я отступил назад. По всему было видно, что драться он не умеет, но он снова и снова бросался на меня, а я только увертывался.

Окружившая нас компания подзадоривала меня:

— Врежь ему, Фрэнки!

— Стукни по кумполу!

Я отступал, пока не очутился у края тротуара, и тут вспомнил, что во рту у меня все еще торчала сигарета. Этим я хотел показать им, что справлюсь с ним одной

левой, когда захочу. А он замахнулся и снова промазал. По его дыханию стало ясно, что он запыхался.

«Бог ты мой, — подумал я, — он же знает, что я поколочу его, почему же не смывается?»

Я сделал вид, что споткнулся о бордюр, и сигарета выпала у меня изо рта, но когда я поднял глаза, он стоял и ждал меня. И тогда я, сделав шаг вперед, пнул этого праведника в пах, а правой рукой врезал ему в челюсть так, что он упал навзничь. Пацаны запрыгали от радости.

— Поддай ему еще! — орали они.

Парень попытался подняться, но не смог.

Уилли вопил:

— Давай вываляем его в грязи!

И они двинулись к нему. Преградив им путь, я сказал:

— Это моя победа, так что оставьте его в покое.

Они переглянулись.

— Вы уже и так достаточно повеселились, — добавил я. — А теперь проваливайте отсюда.

Когда они скрылись за поворотом, я уселся на бордюр рядом с лежащим на земле парнем, вытащил из кармана сигареты и одну предложил ему, но он отказался. Тогда я закурил в одиночестве. Он медленно сел и произнес:

— Спасибо.

— За что? За оплеуху? — рассмеялся я.

— За то, что позволил мне легко отделаться. Эта банда...

— Да брось ты. Ребята просто хотели немного повеселиться и все.

— Ничего себе веселье! — проговорил он холодно, поднимая книгу с земли.

— Тебе надо научиться драться, если ты и дальше собираешься околачиваться в этом районе, — посоветовал я ему.

Он ничего не ответил на это, но по выражению его лица я понял, что он не преминет воспользоваться моим советом.

В это время из-за угла показался отец Куин, и я вскочил на ноги.

— Здравствуй, Фрэнсис, — приветствовал он меня.

— Здравствуйте, святой отец, — ответил я, приложив руку как бы к воображаемой фуражке и салютуя ему.

— Ты случайно не подрался с этим мальчиком, Фрэнсис? — спросил он насмешливо.

Парень опередил меня с ответом.

— О нет, сэр, что вы. Мы не дрались. Просто Фрэнсис показывал мне, как надо боксировать.

Отец Куин внимательно посмотрел на него.

— Ну, хорошо. Только не позволяй ему слишком усердствовать. А то он иногда забывается.

А потом спросил его другим тоном:

— Как тебя зовут, сынок? Я что-то не помню, чтобы видел тебя в церкви.

— Я еврей, — спокойно ответил мальчик. — Меня зовут Мартин Кэбелл.

— О, ты, должно быть, сын Джо Кэбелла?

— Да, сэр.

— Я знаю твоего отца. Он хороший человек. Передавай ему привет.

— Обязательно, сэр.

— Ну, мальчики, я должен идти. Только больше не деритесь.

И он уже совсем было ушел, но вдруг остановился.

— Фрэнсис, — окликнул он меня, — ты бы вытащил сигарету из кармана, пока она не прожгла тебе брюки насквозь. — И пошел своей дорогой.

Я вытащил сигарету, взглянул на Мартина, и мы расхохотались.

— Похоже, он классный мужик, — сказал Мартин.

— С ним все в порядке, — ответил я, и мы пошли вниз по улице.

— Живешь недалеко отсюда? — спросил я.

— Да, у моего отца аптека на углу Бродвея и 59-й улицы. А живем мы на Сентрал-Парк-Уэст.

Мы дошли до угла 9-й авеню, и, взглянув на часы в окне ювелирного магазина, я увидел, что уже пятый час.

— Я должен бежать, а то опоздаю на работу.

— После работы заходи к отцу в аптеку, выпьем с тобой содовой, — пригласил меня Мартин.

— Хорошо, увидимся позже.

И я помчался в биллиардную.

Глава 5

В биллиардной было пусто, когда я влетел туда, запыхавшись. Быстро управившись с уборкой помещения, я схватил книги для записи заключаемых пари и произвел расчеты, как только поступили результаты.

В четыре тридцать появились первые посетители, и Кьоу послал меня в подвал за холодным пивом.

Когда я поднялся оттуда с бутылками в руках, Кьоу разговаривал с Силком Феннелли, который, заметив меня, поздоровался как со старым знакомым:

— Привет, Фрэнки.

— Здравствуйте, мистер Феннелли, — ответил я, весьма польщенный, что меня заметил такой важный человек.

Закончив разговор с Кьоу, он подошел ко мне и спросил, не выгоняли ли меня из баров в последнее время.

Вместо ответа я рассмеялся. Кьоу подошел к нам и спросил, что случилось, и Феннелли рассказал ему о том случае. Оба они весело рассмеялись. А я снова вернулся к своим расчетам. Кьоу и Феннелли подошли и заглянули мне через плечо.

— Он всегда выполняет за тебя эту работу? — спросил Феннелли у Кьоу.

— Да, и ты знаешь, у него это чертовски здорово получается.

Феннелли одобрительно улыбнулся.

— Продолжай в том же духе, мальчуган, и в один прекрасный день ты станешь важной фигурой в бизнесе.

Он попрощался и ушел.

«Важной фигурой в бизнесе!» — его слова приятным эхом звучали у меня в ушах. Да, он угадал, моей заветной мечтой было стать таким же воротилой, как и он, чтобы всю грязную работу выполняли подхалимы, а я бы только загребал деньги лопатой. А может быть, я даже и превзойду Силка.

В таких приятных мечтах прошел остаток дня у Кьоу.

Когда подошло время отправляться домой, начался дождь, и мне расхотелось возвращаться в приют. Вместо этого я направился к Бродвею и, добравшись до аптеки Кэбелла, весьма основательно промок. Мартин, увидев меня, вышел мне навстречу.

— Здорово, что ты пришел.

Мы выпили содовой и немного поболтали. Я узнал, что он на год младше меня, но учились мы в одном и том же классе. Вскоре в комнату вошла молоденькая девушка и сказала ему:

— Нам лучше поторопиться, Мартин, а то мы опоздаем к ужину.

Я подумал, что она, видимо, его сестра, и не ошибся. Мартин познакомил нас:

— Фрэнки, это моя сестра Руфь.

— Привет, — поздоровался я.

Она улыбнулась мне.

— Рада познакомиться.

На вид ей было лет пятнадцать, и она была настоящая красотка — светлые волнистые волосы, уложенные в короткую прическу «под мальчика» и большие голубые глаза, как у Мартина. И так же, как и он, она открыто и честно смотрела собеседнику в глаза. У нее была стройная аккуратная фигурка, но она была на полголовы ниже меня, и когда она спросила, сколько мне лет, я ответил, что почти шестнадцать, надеясь произвести на нее впечатление.

Мартин рассказал ей, как мы познакомились, а она как-то странно посмотрела на меня и вышла. Я размышлял, какая муха ее укусила, когда Мартин предложил мне после ужина отправиться к нему домой и немножко побоксировать.

— Сегодня вечером? — спросил я.

— Ну да, после ужина, у меня дома есть боксерские перчатки. Ты пойдешь домой, поужинаешь, а потом придешь ко мне.

— Боюсь, ничего не выйдет, — ответил я. — Я живу в приюте и, если вернусь к ужину, то мне не удастся выбраться вечером.

— О, — он на мгновение нахмурил брови, но тут же просиял. — Я придумал. Подожди минутку.

И, прежде чем я успел его остановить, он побежал и договорился с отцом, что я поужинаю с ними, а потом мы начнем наш урок.

Сначала я отказывался, но затем сдался.

Его родители вечером ушли в гости, так что ужинали мы втроем: Мартин, Руфь и я. После простого ужина, который нам подала молоденькая служанка лет двадцати

по имени Джулия, мы перешли в небольшую гостиную, где слушали по радио музыку, а потом Мартин предложил перейти в кабинет и побоксировать. Руфь осталась в гостиной с книгой.

В кабинете, сплошь уставленном шкафами с книгами, мы сдвинули стулья в угол и надели перчатки.

— Подними кулаки вверх, — показал я. — Нападай с левой, а правой прикрывай подбородок — вот так.

И я встал в боевую позицию. Мартин точно скопировал меня. Я отступил назад и взглянул на него. Немного выдвинул его левую руку вперед, а правый локоть прижал поплотнее к туловищу.

— О'кей, — одобрил я, — а теперь бей меня.

— Но я не хочу причинять тебе боль, — возразил он.

— Не беспокойся, — успокоил я его, — все будет в порядке.

Он опустил левую руку и замахнулся правой. Блокировав удар, я сказал ему:

— Так не пойдет. Ты слишком открылся. Когда ты опускаешь левую руку, я могу сделать шаг вперед и ударить тебя вот так, понимаешь? — Я сделал финт. — Наноси удар левой. Таким образом ты будешь держать противника на расстоянии.

— Понял, — кивнул Мартин. Несколько секунд он помнил об этом, а потом забыл. Я дал ему возможность замахнуться пару раз и промазать. А затем сказал:

— Не забывай поднимать левую руку.

Мы начали боксировать снова, но тут открылась дверь. Непроизвольно я оглянулся. Вошла Руфь. Я засмотрелся на нее, и Мартин ударил меня в плечо. Безотчетно я размахнулся правой рукой и саданул его прямо в глаз так, что он свалился на пол.

Руфь бросилась к нему. Он уже сел. Она взглянула на меня снизу вверх и прошипела со злостью:

— Ты, мерзкое животное! Почему ты не найдешь себе ровню?

Я был так ошарашен, что у меня отнялся язык.

— Он не виноват, Руфь, — остановил ее Мартин. — Я сам попросил его научить меня драться.

— Но твой глаз, — запричитала она. — Ты только взгляни на него. Он же светится всеми цветами радуги.

Да, можно было не сомневаться, завтра у него будет распрекрасный синяк. Наконец, я подал голос:

— О Боже, Марти! Прости меня, я не хотел тебя так ударить.

И, протянув руку, помог ему встать на ноги.

— Тут уж ничего не поделаешь, — рассмеялся он.

Джулия, услышав шум, вошла в комнату.

— Надо приложить к глазу мокрое полотенце, — посоветовала она, — а то к утру он распухнет.

Мартин снял перчатки.

— О'кей, скоро мы продолжим урок. — У двери он оглянулся и сказал: — Подожди меня здесь. Я вернусь через несколько минут.

Они вышли из комнаты, и несколько секунд спустя я услышал, как в ванной потекла вода из-под крана.

На мне все еще были перчатки. Джулия подняла с пола вторую пару, которую Мартин в спешке бросил.

— Можно мне их примерить?

— Валяй, они же не мои.

Она надела их и засмеялась.

— Какие они неуклюжие!

— К ним надо привыкнуть.

— Мой отец утверждал, что мне надо было родиться мальчишкой. Я всегда была настоящим сорванцом.

Я не ответил.

— Покажи мне, как надо боксировать, Фрэнки, — попросила она. — Но только не по-настоящему, конечно.

— Хорошо.

— Но только не бей меня, — быстро проговорила она. — Я так боюсь ударов — особенно сюда. — Она подставила руки в перчатках под груди и приподняла их.

Я мельком глянул и выдохнул:

— Ладно. Просто замахнись на меня несколько раз и все.

Она забавно вытянула вперед руки, попыталась нанести мне пару боковых ударов, но промазала. Тогда она сделала шаг навстречу и замахнулась. Я парировал удар и вошел в клинч. Она поймала мои руки локтями, зажала их подмышками и прижалась ко мне. Борьба с девушкой оказала на меня странное воздействие, слишком возбуждающее.

— Ты очень сильный, — прошептала Джулия, крепче прижимаясь ко мне.

Я взглянул на нее. Она была немного выше меня, с черными прямыми волосами, полными алыми губами и смешливыми черными глазами. Мы стояли так несколько секунд, как вдруг осознали, что в дверном проеме стоит Руфь и смотрит на нас широко открытыми глазами.

Залившись краской, я пробормотал, запинаясь:

— Она тоже попросила меня показать, как надо боксировать.

Я чувствовал, как у меня горят уши.

— Настоящий Джин Танни, не так ли? — съязвила Руфь. — Иди, Мартин хочет тебя видеть.

Я снял перчатки, отдал их Джулии и прошел за Руфью в комнату Мартина. Он лежал, растянувшись, на кровати с мокрым полотенцем на глазу.

— Мне жаль, что так случилось, Фрэнки. Но заходи завтра к отцу в аптеку, и мы снова начнем.

— О'кей, Марти. Извини, что причинил тебе боль. До завтра.

Я повернулся и вышел из комнаты. Руфь проводила меня до двери.

— Спокойной ночи, Руфь.

— Спокойной ночи, — ответила она, закрывая за мной дверь, но на полпути остановилась и сказала: — Не окажешь ли ты мне услугу?

— С удовольствием.

— Оставь моего брата в покое. Ты подлый, мерзкий и испорченный тип, ты и его испортишь. — В ярости выпалив все это, она захлопнула дверь у меня перед носом.

Я медленно шел по коридору. И вдруг услышал, как кто-то меня потихоньку окликнул. Прямо передо мной в другой двери стояла Джулия.

— Входи сюда, — прошептала она горячо.

Я вошел в дверь, которая, как оказалось, вела в кухню, а затем прошел за Джулией в маленькую комнатку, в стороне от хозяйских комнат. Джулия закрыла за нами дверь.

— Это моя комната, — прошептала она. — Тише.

Уж этого она могла бы мне не говорить. От волнения я лишился дара речи — и только смотрел на нее. Выключив свет, она подошла ко мне и положила руки мне на плечи. В следующее мгновение я почувствовал ее

трепещущие губы на своих губах, а ее руки нежно заскользили по моему телу. Я сжал ее в объятиях, и она со вздохом повалилась на кровать.

— Ты такой сильный, — шептала она. — Не делай мне больно, пожалуйста, не делай мне больно. — А через минуту она уже просила: — Сделай мне больно, сделай...

Я ушел от нее в полночь. Бредя по пустынным мокрым улицам, вдыхая полной грудью сырой теплый воздух, я с гордостью ощущал себя настоящим мужчиной. Но какой я был дурак! Мне еще не было и четырнадцати, хотя я был слишком рослым для своих лет, так же, как и для штанов.

Глава 6

По воскресеньям заведение Кьоу было закрыто. После воскресной мессы я обычно возвращался в приют, обедал, и остаток дня был в полном моем распоряжении. Иногда я ходил в кино или играл с ребятами в футбол.

Но сегодня я обещал быть у Джерри и познакомиться с его родителями.

Хотя с его отцом наше знакомство однажды уже состоялось. Но это было давно, еще до того, как я узнал Джерри. Мистер Коуэн был в то время членом муниципалитета и выступал с речью в нашем приюте на обеде в честь Дня Благодарения. После обеда он попросил меня принести сигары, которые забыл в кармане пальто, а пальто он оставил в кабинете директора. Выполнив просьбу, я получил от него блестящую большую монету в двадцать пять центов в качестве награды, которую, не долго думая, опустил в церковную кружку, вспомнив, чему нас учили в школе.

Увидев это, мистер Коуэн подозвал меня к себе и воскликнул:

— Прекрасный поступок, молодой человек! Как тебя зовут?

— Фрэнсис Кейн, — ответил я.

— Ну, Фрэнсис, вот тебе еще пять долларов для церковной кружки, и скажи мне, что бы ты хотел получить к Рождеству в подарок?

— Электрический поезд, — затаив дыхание, ответил я.

— Ну, так ты получишь его, мой мальчик. У меня есть сын примерно твоего возраста, и он тоже мечтает об электрическом поезде. Вот вы оба и получите по поезду. — И он улыбнулся мне, когда я опускал пятидолларовый банкнот в церковную кружку.

Можете представить, с каким нетерпением считал я дни, оставшиеся до Рождества. И вот рождественским утром я спустился к огромной таинственной елке в столовой, ожидая увидеть под ней свой электрический поезд, но его, конечно же, там не было. Может быть, его еще не принесли, подумал я, так как не мог даже представить, что он забудет о своем обещании. Но день прошел, а электропоезд так и не появился.

Я не терял надежды до тех пор, пока не отправился спать. А в спальне, уткнувшись в подушку, я дал волю слезам.

Брат Бернар, проходя мимо по коридору, услышал мои рыдания и вошел в спальню.

— Что случилось, Фрэнсис? — спросил он приветливым дружелюбным голосом.

Всхлипывая, я сел на кровати и рассказал ему об электропоезде. Спокойно выслушав меня, он сказал:

— Фрэнсис, не стоит лить слезы над такой безделицей. Главное, чтобы тебя любили друзья и окружающие. И кроме того, олдермен Коуэн весь прошлый месяц провел во Флориде и, несомненно, был занят делами поважнее, чем думать о тебе.

Он стоял рядом с моей кроватью.

— А теперь спи, малыш. Тебе надо набраться сил к завтрашнему дню. Я повезу тебя в Центральный парк кататься на санках. Ты только взгляни, какой падает снег!

Я уткнулся носом в оконное стекло и убедился, что снег валит большущими хлопьями. И когда вернулся в постель, слезы уже высохли. Я слышал, как брат Бернар вернулся в холл и сказал кому-то:

— Я не имею ничего против, когда политиканы нарушают обещания, данные своим избирателям, но мне хотелось бы, чтобы всякие подлецы не разбивали сердца наших малышей.

Затем свет в холле погас, и с тех пор я всем своим маленьким детским сердцем начал ненавидеть олдермена Коуэна.

Когда я впервые познакомился с Джерри, как раз перед тем, как его отца избрали мэром Нью-Йорка, то не знал, как себя вести с ним. Он был вообще-то классным парнем, который, по-моему, так и не понял, что его перевели из частной школы в приходскую по политическим мотивам. Он мне нравился, хотя я иногда задумывался, не перенести ли на него ту злость, которую испытывал к его отцу. В конце концов я выбрал самый верный способ выяснения отношений: с помощью кулаков. Но Джерри оказался достойным соперником, и в середине боя я опустил руки вниз и воскликнул:

— Черт возьми! Ты мне нравишься!

Он так никогда и не узнал, почему я так поступил, может быть, он решил, что я немного чокнутый, но он с дружелюбным достоинством, которое было ему присуще, протянул мне руку и сказал:

— Я рад. Ты мне тоже нравишься.

Вскоре мы стали друзьями. Это все было в прошлом году, и за год дружбы мы так сблизились, что теперь Джерри хотел познакомить меня со своими родителями, чтобы я мог поехать с ними в деревню. Я никогда не говорил Джерри, что терпеть не могу его отца. И в глубине души у меня теплилась надежда, что он забудет о своем предложении, но ничего подобного, Джерри появился как раз по окончании мессы.

— Ну как, Фрэнки? Ты готов? — спросил он меня с улыбкой.

— Да, — пробормотал я в ответ.

— О'кей, тогда чего мы ждем? Пошли!

Дворецкий впустил нас в дом.

— Роберт, где отец? — спросил его Джерри.

— В библиотеке. Он ждет вас.

Я последовал за Джерри в библиотеку, где были его мать и отец. У отца были все те же самые улыбчивые глаза в сетке мелких морщинок. Я был поражен, увидев, что Джерри был очень похож на отца, когда улыбался. Но его мягкий чувственный рот достался ему от матери, так же, как и ее деликатность.

— А, вот и ты, сын! — воскликнул мэр. — Мы уже заждались вас к завтраку.

— Извини, отец, — сказал Джерри и представил меня родителям: — Это мой друг Фрэнки, я рассказывал вам о нем.

Родители разом повернулись, чтобы взглянуть на меня. Внезапно я смутился, вспомнив о своей заштопанной рубашке и брюках.

— Рад познакомиться с тобой, мой мальчик, — проговорил мистер Коуэн, подходя ко мне и пожимая мне руку.

Не помню, что я ему ответил, но тут вошел дворецкий и объявил, что завтрак подан, так что мы все поспешили в столовую, где стоял огромный квадратный стол, а в центре его — большая красивая ваза с цветами. На столе у каждого прибора лежало столько ножей, вилок и ложек, что я поначалу растерялся, но, исподтишка наблюдая за Джерри, отлично с ними справился. На десерт подали мороженое, а потом мы снова вернулись в библиотеку.

— Джерри хочет, чтобы ты летом поехал с нами на загородную виллу, — обратился ко мне мистер Коуэн.

— Да, сэр, — ответил я. — Я вам очень признателен, но боюсь, что не смогу поехать.

— Почему не сможешь? — удивился мистер Коуэн. — Это что, не предусматривается правилами, э-э... приюта?

— О нет, сэр, но у меня есть работа на лето и я не могу потерять ее.

— Но тебе же будет лучше в деревне, чем все лето работать в жарком, душном городе, — воскликнула миссис Коуэн.

— Да, мадам, я это знаю. — Мне не хотелось обижать ее, так как она мне очень понравилась. — Но мне очень нужны кое-какие вещи. В сентябре я собираюсь в среднюю школу, и немного бабок, то есть денег, было бы мне очень кстати. Вы понимаете, что я имею в виду. Я хочу... я хочу хоть немного быть похожим на других — не все же время мне жить на милостыню. Простите меня, я не хотел бы показаться невёжливым.

Она подошла ко мне и взяла за руку.

— Я не считаю тебя невежливым, Фрэнки. Думаю, ты славный парень.

Я не знал, что на это ответить. Через несколько минут мистер и миссис Коуэн ушли в гости, а мы с Джерри отправились на чердак, где у него была специальная комната для игр.

Первое, что я увидел, войдя в комнату, была большая игрушечная электрическая железная дорога. Это было потрясающе: мосты, туннели, светофоры и три локомотива. У меня вырвался восторженный возглас:

— Вот здорово! Вот это да!

— Да, — сказал Джерри небрежно, — отец купил мне ее три года тому назад, перед поездкой во Флориду. Хочешь поиграть с ней?

С минуту я смотрел на нее, любуясь, затем почти инстинктивно двинулся к ней. Но внезапно что-то остановило меня. Мысль молнией пронеслась у меня в голове. По крайней мере, он не забыл сделать подарок своему собственному сыну.

— Нет, — громко ответил я, но мой голос предательски дрогнул. — Здесь слишком жарко. Пойдем лучше купаться.

Глава 7

В следующем семестре я должен был начать учиться в средней школе. Джерри собирался в среднюю школу имени Джорджа Вашингтона на холмах, и мы с Мартином решили идти туда же. Меня не особенно заботил выбор школы, так как я считал учение неизбежным злом. И твердо решил уйти из школы на законных основаниях, как только мне исполнится семнадцать лет. Моей единственной мечтой было стать профессиональным игроком, букмекером — и богачом.

Церемония вручения дипломов в приходской школе Святой Терезы прошла тихо и спокойно. Нас всех собрали в большом зале вместе с родителями, друзьями и учителями, где перед вручением дипломов было произнесено несколько пламенных речей.

После церемонии я некоторое время наблюдал за своими гордыми и счастливыми одноклассниками, окруженными родителями, а потом начал пробираться к выходу, почувствовав себя неуютно в одиночестве среди

большого скопления народа. Уже у самой двери кто-то похлопал меня по плечу. Оглянувшись, я увидел улыбающихся брата Бернара и отца Куина.

— Прими наши поздравления! — прогудел добрый брат Бернар.

Я улыбнулся и вдруг почувствовал, что глаза у меня защипало, а горло стиснуло, так что я не мог и слова вымолвить.

Брат Бернар взглянул на меня внимательно, иногда мне казалось, что он может читать мои мысли.

— Ты что, думал, что мы не придем, да? — И не дав мне ответить, продолжал: — Разве мы могли пропустить такое важное событие для одного из наших парней, как ты думаешь?

— Разумеется не могли, — подтвердил отец Куин. — Мы гордимся тобой, Фрэнсис.

Наконец-то у меня прорезался голос, и я смог поблагодарить их. Брат Бернар положил руку мне на плечо, и мы вышли во двор школы. Чувство уверенности снова вернулось ко мне. Отец Куин пожелал мне удачи, попрощался и пошел в церковь, а мы с братом Бернаром отправились в приют.

Уже во дворе брат Бернар вдруг остановился и проговорил хриплым голосом:

— Фрэнсис, у меня же для тебя есть подарок.

И протянул мне руку. Я был так ошеломлен, что с минуту с глупым видом глазел на маленькую коробочку в его руке.

— Это тебе, — повторил он, вручая мне коробочку. — Возьми.

Я взял коробочку и открыл ее. Там оказались наручные часы. Затаив дыхание, я вытащил их. Солнце заблестело на их корпусе, и это было очень красиво. Трясущимися от волнения пальцами я застегнул браслет на запястье.

— Нравятся они тебе? — спросил брат Бернар.

— Еще бы! — ответил я неожиданно беззаботным и веселым голосом. — Нравятся больше всего на свете!

Брат Бернар улыбнулся, взял меня за руку, и мы вместе вошли в большое серое здание.

Глава 8

Тем летом я впервые проводил много времени с другими людьми. Учился ладить с ними, шутить, смеяться, не раздражаться по пустякам. В то лето я научился многим вещам, в основном от Джулии.

На следующий день после вручения дипломов Мартин пригласил меня на ужин к себе домой. Его родителей опять не было дома.

Он встретил меня у двери и после взаимных приветствий спросил:

— Не побоксировать ли нам немного до ужина? А после ужина лучше отдохнем.

— О'кей, — ответил я.

Мы боксировали почти целый час до того, как Джулия позвала нас обедать.

Мартин пошел принимать душ, а я прошел на кухню, чтобы подождать его там.

Джулия стояла у плиты в туго облегающем халате и была похожа на девчонку, если не обращать внимания на ее походку.

— Как прошел урок бокса? — спросила она, подойдя ко мне и взяв меня за руки.

— Хорошо. Марти делает успехи.

— А как насчет других уроков? — улыбнулась Джулия.

— Каких других уроков? — задал я глупый вопрос.

— А вот таких, — ответила она, обвивая себя моими руками.

Я притянул ее поближе. Она была теплая, мягкая и, по-видимому, ей было приятно стоять, прижавшись ко мне всем телом. Ее теплота воспламенила меня, и я поцеловал ее в губы долгим поцелуем. Она закрыла глаза, а когда открыла их вновь, в них светилась нежность, а сами они как бы покрылись поволокой.

Она склонила голову набок.

— Поцелуй меня сюда, — и указала на шею.

— Зачем?

— Затем, что мне это нравится, глупый. И тебе тоже понравится. Ты любишь меня?

— Это все детские глупости, — неловко выпалил я.

— Детские глупости? — Она взглянула на меня с притворным удивлением. — А сколько вам лет, позвольте вас спросить, мистер Рип Ван Уинкль?

— Почти шестнадцать.

— Ну так я почти на четыре года старше тебя и не считаю это детскими глупостями. Поцелуй меня.

Я поцеловал ее в шею. Сначала мне показалось это смешно, но потом понравилось. Джулия взяла мою руку и притянула ее к своей груди. Я ощутил, какая она нежная и упругая, и как под моей ладонью напрягся сосок. Она прошептала мне в ухо, как будто говорила сама с собой:

— Что-то в тебе есть, Фрэнки, такое, чего я не могу понять. Обычно молодые парнишки меня не волнуют. Но ты совсем другой. Ты похож на мужчину — сильного, себялюбивого и расчетливого, и в то же время на ребенка — с ямочками в уголках губ. Ты сильный, а когда обнимаешь меня, нежный, как ребенок. Скажи, что ты любишь меня.

Я замотал головой, все еще целуя ее шею и крепко держа в объятиях.

— Скажи, — требовала она. — Скажи: «Джулия, я люблю тебя».

Я закрыл ее губы своими и ничего не говорил. Вдруг мы услышали, как Марти насвистывает, выходя из ванной, и отпрянули друг от друга. Я взглянул на Джулию. Она была прекрасна. Ее глаза сияли, а алые губы слегка припухли от моих поцелуев.

— Я все равно заставлю тебя сказать это — попозже, — горячо прошептала она, прежде чем Марти вошел в кухню.

Я счастливо рассмеялся. И тут вошел Марти.

— Над чем смеешься? — спросил он.

— Да просто так, — ответил я, чувствуя себя идиотом.

Мы сели ужинать. Минут через десять в столовую вошла Руфь.

— Прошу прощения за опоздание, Джулия, я задержалась в клубе. Знаешь, мы выбирали нового президента. — Она села за стол и только тогда обратила на меня внимание. — О, ты опять здесь?

— Да, — ответил я, чувствуя, что в данный момент меня ничто не сможет взволновать. — А у тебя что, имеются возражения?

Джулия принесла Руфи тарелку и села за стол с нами. Она взглянула на Руфь, потом на меня, как будто воочию увидела противоборство, возникшее между нами.

В свою очередь я взглянул на Джулию, и мне показалось, что глубоко в ее глазах промелькнули смешинки, заметные лишь мне одному.

После ужина мы немного посидели и поболтали в гостиной, и в восемь тридцать я попрощался. Руфь проводила меня до двери.

— Я вижу, ты не внял моему совету.

— А не заняться ли тебе своими делами? — язвительно спросил я ее. По всей видимости, мой стиль ее слегка шокировал, потому что я услышал, как она судорожно вздохнула. У двери я оглянулся и увидел у нее в глазах слезы. Инстинктивно я протянул руку к ней и сказал:

— Извини.

Она с яростью отбросила мою руку.

— Не прикасайся ко мне, — произнесла она ледяным тоном. — Я ненавижу тебя. Ты не похож на мальчиков своего возраста. Ты более опытен, подл, жесток, в тебе есть что-то страшно порочное, и ты портишь все, к чему бы ни прикоснулся, и моего брата тоже.

Я попытался ответить ей, но не смог. Я вышел, и дверь за мной захлопнулась с грохотом.

А у другой двери меня ждала Джулия.

— Что тебя так задержало? Я уж думала, ты никогда не выйдешь.

— Ничего, — ответил я, следуя за ней.

В комнате я привлек ее к себе, поцеловал сначала в губы, затем в шею, как она хотела. Развязал пояс ее халата и просунул руки под него, кожа у нее была гладкой и прохладной. Я подтолкнул ее к кровати. Но она остановила меня.

— Сначала скажи: «Я люблю тебя».

Я крепче обнял ее, провел руками по бедрам сверху вниз и обратно, ее колени подогнулись, и вся она как бы повисла на мне. Я двинулся к кровати. Она приникла ко мне еще ближе.

— Нет, сначала скажи: «Я люблю тебя».

Я держал ее в объятиях. Тело ее было напряженным, как струна, а рот не мягким, а твердым и решительным.

— Я люблю тебя, Джулия, — хрипло проговорил я наконец, притянув ее к себе.

Глава 9

Этим же летом я начал собирать ставки для Джимми Кьоу. Я обходил гаражи, аптеки, кафе, небольшие ресторанчики и меблированные комнаты с карандашом и специальным журналом, куда записывал сделанные ставки, и собирал деньги.

Подсчитав выручку в конце первого дня, я почувствовал себя настоящим богачом: одиннадцать долларов и двадцать пять центов за один день работы. Это было больше, чем я когда-либо зарабатывал за неделю. У меня еще никогда не бывало столько денег в руках сразу. Эти деньги стоили того, чтобы пожертвовать ради них отдыхом в деревне.

Глава 10

В конце первой недели, после моих, ставших уже привычными, маршрутов, у меня в кармане оказался пятьдесят один доллар. Да еще плюс к этому шесть долларов, которые я получал у Кьоу за уборку помещения. Это было больше недельного бюджета многих семей в нашем районе. Но я еще не знал цену деньгам. Я объедался пирожными, гамбургерами и опивался кока-колой. Впервые в жизни у меня постоянно были в кармане деньги. Все соседские мальчишки хоть как-то поживились за мой счет, так как я не мог удержаться, чтобы не похвастаться своими бабками или не потратить их, поддразнивая друзей. В общем, я стал важной шишкой в округе.

Однажды в воскресенье мы с Джулией отправились купаться на остров. Вагон поезда был переполнен, казалось, весь город решил сбежать от невыносимой жары. Мы разделись в небольшой раздевалке с отдельными шкафчиками, недалеко от Стипл-Чейза. Я совсем было забыл о деньгах, но вовремя вспомнил и взял их с собой. По пути на пляж я купил белый пояс со специальным водонепроницаемым кармашком для денег и надел его поверх плавок. Я оказался на пляже раньше Джулии и мне пришлось ее ждать несколько минут. Наконец она появилась в красном облегающем купальнике, который ей очень шел. Без туфель на высоченных

каблуках она была немного ниже меня и выглядела как девчонка моего возраста, что мне страшно нравилось.

Вода была теплая, как парное молоко. Мы немного поплавали, а потом улеглись на горячий песок загорать. Тело Джулии было белоснежным, а мое сплошь покрыто бронзовым загаром, так как я часто бегал купаться и загорать на пристань с мальчишками.

— Ну и как продвигается твоя работа? — спросила Джулия.

Я перевернулся на живот.

— Довольно успешно. На прошлой неделе я заработал пятьдесят один доллар.

— Пятьдесят один доллар? — воскликнула она недоверчиво.

— Да. Не веришь?

Я вытащил деньги из кармашка.

— Спрячь их, я верю тебе

Я положил деньги назад в кармашек.

— И что ты собираешься с ними делать? — поинтересовалась девушка.

— Еще не знаю. Думаю купить кое-какую одежду и вещи, которые всегда мечтал иметь. Знала бы ты, как мне надоело носить одежду с чужого плеча или дешевые рубашки. Как мне хочется выбрать что-нибудь по своему вкусу, то, что мне будет действительно нравиться и что будет только моим.

Я вытащил пачку сигарет и предложил Джулии. Она взяла одну сигаретку и, затянувшись, проговорила:

— Тебе надо открыть счет в банке. Когда-нибудь тебе эти деньги будут очень кстати, когда ты, например, будешь учиться в колледже.

— Кто здесь говорит о колледже? К черту его! Я собираюсь стать букмекером и делать настоящие деньги! А ты будешь моей девушкой.

— Ты действительно хочешь, чтобы я была твоей девушкой?

— Еще бы! — ответил я восторженно.

Она выглядела в высшей степени привлекательно в красном купальнике, и мне ужасно захотелось поцеловать ее, но вокруг было слишком много народа.

Перед тем как уехать в деревню, Джерри зашел попрощаться со мной в биллиардную к Кьоу.

— Жаль, что ты не можешь поехать со мной, — сказал он, — но если вдруг ты передумаешь, напиши, и я попрошу отца все уладить.

— Хорошо, — ответил я. — Желаю тебе хорошо провести время.

— И тебе тоже, — сказал он, с сомнением оглядываясь вокруг.

— До сентября!

Мы с достоинством пожали друг другу руки, и он ушел, а я смотрел ему вслед и страшно завидовал в этот момент. Должно быть, здорово получать все, что захочешь, не прилагая к этому особенных усилий, думал я. Затем я вновь принялся за уборку туалета. А потом отправился к клиентам.

Последовав совету Джулии, я открыл счет в банке хлебной биржи на углу Бродвея и 33-й улицы. Заканчивалась вторая неделя моей работы в качестве курьера по сбору ставок, и у меня в банке было почти семьдесят долларов.

В этот день я возвращался к Кьоу в каком-то подавленном настроении, хотя, благодаря выигрышам по ставкам, получил самую высокую дневную выручку, но это меня почему-то не особенно радовало. Проходя мимо пристани на 54-й улице, я облокотился о столб и в течение нескольких минут наблюдал за пацанами, которые плавали, ныряли, брызгались и вопили, как сумасшедшие. И мне вдруг страшно захотелось присоединиться к ним, но мне пора было возвращаться к Кьоу.

Рядом со мной раздался голос:

— Держу пари, тебе хочется к ним, Фрэнки.

Я оглянулся и увидел Силка Феннелли.

— Да ну, сэр... то есть... я хочу сказать...

Он улыбнулся.

— Все правильно, малыш. Я все отлично понимаю. Знаю, как ты себя чувствуешь. Тебе хочется быть с друзьями: плавать, играть в мяч, может быть, даже подраться где-нибудь на углу. Но ты не можешь. Ты взвалил на себя тяжелую ношу. Этим мальчишкам не надо думать о будущем, не то что тебе. Ты же мечтаешь преуспеть в жизни, хочешь кое-чего достичь. Собираешься стать важной птицей, и ты уже знаешь, что для того, чтобы чего-то добиться в будущем, необходимо сейчас отказаться от многого — от того, что тебе нра-

вится в данный момент. И ты должен на это решиться. Когда-то я был таким же.

— Да, вы правы, мистер Феннелли, — ответил я ему серьезно. — Я не чувствую уже себя таким беззаботным, как эти пацаны.

— Ты хороший парень, — сказал мистер Феннелли, дружески похлопав меня по плечу. — Куда ты направляешься?

— К Кьоу.

— Прыгай в мою машину. Я еду туда же. И кроме того, ты почистишь мне ботинки. У тебя это здорово получается.

Я сел в машину, и, когда она остановилась у дверей биллиардной, ко мне вернулось отличное расположение духа.

Глава 11

Лето медленно подходило к концу. Это было обычное нью-йоркское лето: жаркое, душное, изнуряющее; люди возвращались с работы, и на лицах у них была написана неимоверная усталость, прилипшая к ним, как маска; на улицах день-деньской были слышны крики детей, в парках и на пляжах было полно народа, а через настежь открытые окна врывался уличный шум.

Просто еще одно лето в Нью-Йорке. Но только не для меня. Мне оно очень нравилось. Впервые в жизни я чувствовал себя свободным и никому ничем не обязанным. Был конец августа. В банке на моем счету лежало семьсот долларов. У меня была девушка, я купил себе пару новых костюмов и обедал в ресторанах. Теперь у меня всегда водились деньги. Я мог пойти, куда захочу, и мог делать все, что мне заблагорассудится. Окружающие меня и взрослые и дети смотрели на меня с уважением, я же представлял из себя кое-что, жил на широкую ногу. И уже начал подумывать о том, чтобы вернуться в школу, хотя мне страшно не хотелось этого делать. Я и так зарабатывал кучу денег. Однако я понимал, что мне пока от этого бремени не избавиться, так как был еще недостаточно взрослым, чтобы бросить школу. Но в то же время я строил планы, как бы мне продолжить записывать пари и тогда, когда начнутся

занятия в школе. Так что дела у меня шли на лад. Я снисходительно относился к ребятам из приюта и к пацанам нашего района. Чувствовал, что действительно достиг некоторого успеха.

Двадцать второго августа в субботу после обеда мы с Кьоу привели в порядок счета за прошедшую неделю, и у меня в кармане оказалось еще восемьдесят четыре доллара. Биллиардная была полна народу, мужчины, уставшие после трудовой недели, ругались, спорили до хрипоты, кричали. Через несколько минут большинство из них начнет расходиться по домам, чтобы навести блеск и отправиться на вечерние субботние свидания, вечеринки, танцы. А у нас как раз кончилось пиво и прохладительные напитки. Кьоу взглянул через стойку в зал и сказал:

— Что-то я устал сегодня. Лучше отправлюсь-ка я домой пораньше, а потом сяду в поезд, да поеду к жене за город.

Я прошел между столами и несколько раз прокричал:

— Закрываемся! Закрываемся!

Через несколько минут биллиардная опустела. Кьоу пересчитал наличные деньги и засунул их в карман.

— Пойдем! — позвал он меня.

В то время, когда Кьоу закрывал дверь, к тротуару подъехала машина Феннелли и остановилась рядом с нами. Силк вышел из машины и подошел к нам.

— Что-то рано закрываешь, Джимми, — улыбнулся он.

— Да, — ответил Кьоу, — хочу навестить жену.

— Отлично. Есть что-нибудь для меня?

— Ну, что за вопрос! Конечно, Силк, — ответил ему Кьоу. — Ты же знаешь меня — всегда все готово.

Он засунул руку в карман и вытащил оттуда пачку денег, которая была стянута толстой резиновой лентой. Они оказались в дверях биллиардной, а я вышел на улицу, чтобы уступить им место, и стоял спиной к дороге.

Вдруг позади меня послышался шум мотора. Силк и Кьоу одновременно подняли головы. Казалось, они рассматривают что-то за мной. Я не почувствовал ничего необычного. Кьоу вдруг побледнел, и деньги выпали у него из рук на ступеньки крыльца. Я наклонился, чтобы поднять их, и в этот момент раздались громкие выстрелы. Я быстро взглянул вверх. Кьоу сползал по двери,

прижав руки к животу. Феннелли схватился руками за грудь и резко упал вперед, забрызгав меня кровью. И тут я бросился прочь. Ничего не соображая, я побежал сначала на четвереньках, а потом выпрямился и понесся, как угорелый, не оглядываясь. Пронесся один квартал, другой, и уже не знал, куда я бегу, а только чувствовал, что надо унести ноги подальше от этого страшного места.

Подсознательно я остановился у дома Марти, нырнул в подъезд и помчался вверх по ступенькам к его квартире. Я подошел к двери черного хода, так как знал, что на звонок выйдет Джулия, и позвонил. И только тут до меня начало доходить, как я испугался. Сердце у меня билось, как у пойманной птицы, и я едва дышал.

Как я и предполагал, дверь открыла Джулия. Я проскользнул мимо нее и захлопнул дверь.

— Фрэнки, ты? — воскликнула она. Затем, увидев кровь на моей рубашке, она запричитала: — В чем дело? Что случилось?

Я ничего не ответил. Войдя в ее крошечную комнатку, бросился на кровать и лежал там пластом, а из моего горла с хрипом вырывалось дыхание.

Джулия прошла в комнату вслед за мной и закрыла дверь.

— Что случилось, Фрэнки? Ты ранен?

Ее глаза округлились от страха. Я сел.

— Нет. Они застрелили моего хозяина и Феннелли.

— Они? — переспросила Джулия. — Кто они?

— Не знаю. Я убежал. — Я встал с кровати и только тут осознал, что держу в руках какой-то сверток. Это были деньги Кьоу. Должно быть, я бессознательно схватил их и всю дорогу бежал, зажав в руке. Засунув сверток в карман, я подошел к окну и выглянул на улицу.

— А что, если они следили за мной? — спросил я сам себя.

Джулия встала рядом со мной.

— Бедняжка, — пожалела она меня. — Ты до смерти испугался. — И привлекла меня к себе.

— Я не испугался, — солгал я, прижавшись головой к ее груди. И сразу почувствовал себя защищенным и умиротворенным. Мне было так хорошо и уютно, что не хотелось двигаться. Но внезапно, видимо от пережитого

волнения, меня начала бить дрожь. Я попытался сдержать ее, но безрезультатно. Через несколько секунд я дрожал, как осиновый лист на ветру, рубашка взмокла от пота, а зубы клацали, как у испуганного ребенка.

Некоторое время спустя я, успокоившись, мирно сидел в маленьком кресле в углу комнаты и размышлял про себя.

— Никто не видел, как я вошел сюда. Им нужен был Феннелли, а не я. Кьоу им пришлось убрать, так как он видел их. Возможно, полицейские и зададут мне несколько вопросов. Но я ничего не видел. Я буду в безопасности до тех пор, пока буду держать язык за зубами. Так что мне не следует особенно волноваться.

Джулия вышла в кухню приготовить кофе, поэтому я спокойно вытащил из кармана пачку денег и пересчитал. В ней оказалось шестьсот пятьдесят четыре доллара. Я только успел засунуть деньги обратно в карман, как вошла Джулия с дымящейся чашкой кофе на подносе. Выпив кофе, я сразу почувствовал себя лучше. Потом Джулия заставила меня снять рубашку, забрызганную кровью Феннелли, выбросила ее в мусоросжигатель, а мне принесла чистую рубашку Мартина.

Вся семья Кэбеллов была на даче за городом, так что я спокойно поужинал с Джулией и ушел от нее уже в девять часов вечера.

На следующее утро я проснулся раньше всех и сбегал за газетами. На первой странице «Дэйли Ньюс» огромными буквами был набран заголовок: «ВЫСТРЕЛ В ФЕННЕЛЛИ», а сообщение об этом происшествии было напечатано на второй странице, где в правом нижнем углу я увидел фотографию Феннелли, а под ней заметку.

> «В Нью-Йорке вновь разразилась война между гангстерами. Силк Феннелли, известный профессиональный игрок и рэкетир, был тяжело ранен, а Джеймс (Джимми) Кьоу убит наповал вчера после полудня неизвестным гангстером прямо у дверей биллиардной, принадлежащей Кьоу. Полиция разыскивает мальчика, работавшего у Кьоу, который, возможно, был свидетелем этого кровавого преступления. Состояние Феннелли, по сообщению врачей больницы имени Рузвельта, серьезное, но не критическое. Он получил две пули:

одну в грудь, другую в живот. Феннелли верен принципам поведения преступного мира и не собирается делать никаких заявлений. „Я не знаю, кто хотел убить меня, я занимаюсь своими делами и не лезу в чужие", — сказал он. Полиция расследует это преступление и надеется вскоре раскрыть его».

Я сложил газету и подумал, что своими словами Феннелли предупреждает в первую очередь меня — заниматься своими делами. Так что мне следует молчать и больше ни о чем не беспокоиться.

Глава 12

Прошла неделя; меня никто не тревожил, и я уверовал в свою полную безопасность. Я начал ходить по улицам без противного липкого страха. Из газет стало известно, что Феннелли чувствует себя лучше и скоро выйдет из больницы. Биллиардная Кьоу закрылась, я остался без работы, но не особенно расстроился. Деньги Кьоу я положил на отдельный счет, и как только избавился от них, все тревоги ушли прочь.

Однажды утром после завтрака брат Бернар пригласил меня в кабинет, где я увидел сестру-настоятельницу младших классов, отца Куина и незнакомого мужчину, похожего на полицейского.

Меня охватило чувство тревоги, но я не показал виду. Брат Бернар обратился ко мне:

— Фрэнсис, это инспектор Бьючалтер из комиссии детского социального обеспечения.

А мистеру Бьючалтеру он сказал:

— Это тот самый мальчик, о котором мы вели речь.

Я ждал, когда они начнут говорить. На несколько мгновений в комнате повисла странная тишина.

Наконец, сестра настоятельница произнесла:

— Фрэнсис, ты на хорошем счету в школе. Я знаю тебя с раннего детства и считаю славным парнем. А сейчас я должна тебе кое-что сообщить. И хоть это мне не очень нравится, все же это мой долг. Фрэнсис, ты когда-нибудь представлял себя кем-то другим, а не католиком?

— Нет, мадам, никогда, — ответил я осторожно.

Отец Куин улыбнулся.

— Слышите! Что я вам говорил! — и он снова умолк.

Сестра настоятельница медленно продолжала:

— Если бы кто-то пришел и сказал, что ты другой веры, как бы ты себя чувствовал, Фрэнсис?

У меня вырвался вздох облегчения. Это было не похоже на допрос о выстрелах.

— Я бы не поверил этому, мадам, — ответил я.

Все присутствующие в комнате заулыбались — гордые улыбки говорили лучше слов: «Ну что за праведный католик».

Настоятельница продолжала, но уже не так напряженно, как до этого:

— Фрэнсис, ты ничего не помнишь о своих родителях?

По мне это был идиотский вопрос. Ей так же отлично, как и мне, было известно, что я в приюте с самого рождения. Но я вежливо ответил:

— Нет, мадам.

— Ну так вот, — сказала она. — Мистер Бьючалтер занимается розыском родителей всех детей, находящихся под опекой. И он что-то хочет сообщить тебе.

Она взглянула на инспектора, который, по всей видимости, чувствовал себя неловко.

— Понимаешь, Фрэнсис, время от времени мы пересматриваем дела наших подопечных. И вот не так давно, после того, как ты закончил школу Святой Терезы, мы еще раз изучили твою историю и нашли одного твоего родственника, ныне здравствующего, твоего дядю, брата твоей матери. Некоторое время тому назад он написал нам письмо, в котором рассказал о своей сестре, приехавшей в Нью-Йорк как раз в то время, когда родился ты. Она умерла в тот день, когда мы нашли тебя. Он опознал сестру по кольцу, ей принадлежавшему, которое мы храним, чтобы передать тебе, когда ты достигнешь совершеннолетия. Это недорогое, но необычное колечко, поэтому твой дядя сразу узнал его по описанию. И теперь он на законном основании хочет, чтобы ты жил с ними. Мы выяснили, что он добропорядочный и достойный доверия человек. У него двое детей. И он предоставит тебе хороший дом и заботу.

Мистер Бьючалтер закончил свою речь. И тут в разговор вступил отец Куин.

— Но, Фрэнсис, он не такой, как мы, он другой веры. — Его голос был убийственно спокойным и серьезным.

Я вопросительно посмотрел на отца Куина.

— Другой веры? — повторил я, гадая, что это может означать.

— Да, Фрэнсис, — печально проговорил отец Куин. — Он не католик.

Господи, я даже не понимал, о чем он говорит.

— По всей вероятности, Фрэнсис, — сказал брат Бернар, — ты переедешь к своему дяде после того, как будут улажены все формальности. Но не забывай, чему тебя учили здесь. Всегда помни о церкви, которая приютила тебя. Будь хорошим католиком, что бы тебе ни говорили.

— Да, брат Бернар, — ответил я, ошарашенный больше прежнего.

— Твой дядя за дверью, Фрэнсис. Хотел бы ты встретиться с ним? — мягко спросила сестра-настоятельница.

— Да, мадам, — автоматически ответил я.

Я не мог собраться с мыслями. У меня есть семья. Я не подкидыш. У меня есть семья.

Мистер Бьючалтер подошел к двери.

— Входите, мистер Кейн.

Дверь открылась, и вошел высокий мужчина с небольшими залысинами, широкоплечий, румяный. У него были добрые карие глаза, которые казались слегка подернутыми дымкой. И как только я его увидел, я смутно вспомнил, что где-то слышал, что все некатолики попадут в конце концов в ад. Но мне было на это наплевать. Я был согласен отправиться в ад, чтобы только на меня смотрели с такой любовью и добротой, чтобы в уголках глаз собирались такие тревожные морщинки из-за опасения, что он может не понравиться мне. Он улыбнулся, и мне показалось, что комната засияла каким-то особенным светом. Он протянул мне руку, она была теплая, дружелюбная и наполненная тайным взаимопониманием, которое, казалось, потекло между нами как электрический ток.

— Так значит ты и есть Фрэнки? — сказал он.

Голос удивительно соответствовал его внешности — очень теплый и слегка дрожащий от волнения.

— Да, сэр, — ответил я, удивившись, что мой голос дрожал точно так же. И точно так же мои глаза застилали слезы. И в моем сердце была такая же любовь. Ибо я знал, что бы впредь ни случилось в этом мире, я был родственником этого человека. Я был родным ему по крови и частью его семьи. Я твердо был в этом уверен и ощущал всей душой.

Немного позже я узнал, что моя фамилия правильно произносится «Каин» и что я еврей.

Глава 13

Я слышал, что новости распространяются каким-то таинственным образом почти что со скоростью света. Не прошло еще и двух часов, как все уже знали, что меня усыновили. Меня буквально засыпали вопросами, а я толком не мог на них ответить. После обеда я поспешил к Джулии, чтобы сообщить ей эту приятную для меня новость.

Она выглядела довольно усталой, но я не обратил на это внимания, а с жаром принялся пересказывать, что случилось утром. Когда я закончил свою историю, она сказала:

— Я рада, что дело обернулось таким образом. Ты достоин этого. — Но говорила она без всякого энтузиазма. Голос звучал устало и безразлично.

Я взглянул на нее.

— По голосу что-то не верится, чтобы ты была рада.

Она встала с кресла, на котором сидела, и подошла к окну. С минуту стояла молча, а потом проговорила резким неприятным голосом, которым она никогда раньше не говорила:

— Я уезжаю домой, Фрэнки.

— Зачем? — спросил я. И, прежде чем она успела ответить, продолжил. — Ты не должна этого делать. Я же буду недалеко и смогу навещать тебя, как бы ни сложились обстоятельства.

Она оглянулась и посмотрела на меня.

— Как бесплатную подстилку?

Я протестующе замотал головой.

— Нет, потому что я люблю тебя. Ты должна это знать. Ты так часто заставляла меня повторять эти слова.

— Ты не любишь меня, — проговорила Джулия довольно холодно, — не более, чем любую другую девушку, которая позволила бы тебе то же самое. — Она снова повернулась лицом к окну. — Мы больше никогда не будем встречаться.

— Но я все же хотел бы знать, почему ты так решила, Джулия?

Снова она повернулась ко мне.

— Ну, уж если ты так этого хочешь, то изволь. Какая мне польза оттого, что я ложусь в постель с таким пацаном, как ты? Что ты можешь мне дать? Ты даже не сможешь на мне жениться, если я вдруг подзалечу. Словом, я просто нужна тебе как инструктор в любовных делах. Но все, Фрэнки, летняя школа закрывается, так что выйди из нее как подобает пай-мальчику. Ты весело провел время, а теперь — убирайся!

Я подошел к ней и положил руку ей на плечо. Но она довольно грубо стряхнула ее.

— Но, Джулия...

— Уходи, Фрэнки!

У меня в горле как бы комок застрял, я повернулся и пошел к двери.

— Прощай, Джулия.

Она не ответила. Я открыл дверь и вышел. За дверью я закурил сигарету. До меня донесся слабый скрип кровати и приглушенные рыдания.

Выйдя на улицу, я поежился, мне почему-то стало холодно, хотя был яркий солнечный день. Медленно добрел я до парка и бросился на траву, где лежал и смотрел в небо ничего не видящими глазами. А в голосе пульсировала лишь одна мысль: — «Джулия, Джулия, Джулия».

Я написал Джерри письмо, в котором рассказал, что меня усыновили. Он ответил, что очень рад за меня.

Неделя пролетела быстро, и, наконец, настал день, когда я должен был уехать из приюта. После обеда приедет мой дядя и заберет меня. Я еще утром упаковал свои вещи в две картонные коробки и снес их вниз.

Затем я вышел во двор, где столько раз гонял мяч с пацанами. Сейчас он был пуст и тих. У меня появилось странное чувство, что я никогда здесь раньше не был.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече. Оглянувшись, я увидел брата Бернара.

— Странно чувствуешь себя, не правда ли, Фрэнсис? — Он скорее это утверждал, чем спрашивал.

Я кивнул.

— Я знаю, как ты чувствуешь себя, Фрэнсис. Ты рос на моих глазах. Я помню, как ты сделал первые шаги, как смешно ты выглядел в то время, когда падал и снова пытался подняться. Но ты никогда не плакал. Я ухаживал за тобой, когда ты болел. Старался привить тебе общепринятые нормы поведения. И вот ты превратился в красивого, крепкого парня, и я горжусь тобой. Я пытался заменить тебе и мать, и отца — смягчать твои разочарования, поддерживать тебя, когда ты впадал в отчаяние. Я знаю тебя лучше всех, лучше, чем ты сам знаешь себя. Знаю, когда ты радуешься, а когда грустишь. Но кое-чему я не мог научить тебя, кое-что тебе пришлось постигать самому. Я видел, как ты постигал жизнь, как она оставляла жесткие складки в уголках твоих губ, а в глубине твоих глаз появились мрачные тени. И я ничего не мог поделать — я только лелеял надежду, что все окончится благополучно, что тебе не придется много страдать. У меня всегда такое чувство, что я слишком мало сделал для тебя, Фрэнсис.

Я растроганно взглянул на него и сказал:

— О, нет, брат Бернар! Вы были так добры ко мне. Я никогда не смогу отблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

Он улыбнулся.

— Ты не меня должен благодарить, Фрэнсис, а церковь. Но одна мысль тревожит меня. Пока ты жил за этими стенами, которые приютили тебя, ты был в безопасности. А кто теперь поможет тебе, кто наставит на истинный путь? Боюсь, что мы не учли одного. Нам надо было учить своих воспитанников жить во внешнем мире. — Он вытащил из кармана огромный платок и шумно высморкался. — Ну, ладно, хватит эмоций. Ты уже со всеми попрощался? Мы все будем скучать по тебе.

— И я тоже, сэр. Со всеми я попрощался еще утром.

— Молодец. Ну, мы еще увидимся до твоего отъезда, — проговорил брат Бернар и собрался уходить.

Но я успел задать мучивший меня вопрос:

— Брат Бернар, скажите, это смертный грех быть евреем?

Его лицо смягчилось, когда он медленно и спокойно произнес:

— Нет, мой мальчик, конечно нет. Понимаешь, многие из нас забывают, что Иисус Христос был евреем.

— Но, если я еврей и буду жить с моими родственниками, я же не смогу приходить сюда в церковь. А если я не буду исповедоваться в своих грехах, то попаду в ад, когда умру.

Брат Бернар подошел ко мне и взял меня за руку.

— Фрэнсис, небеса не личное пристанище католиков. Туда попадают все хорошие люди. Мне хочется верить, что они открыты для всего человечества, независимо от того, как люди молятся нашему Господу, а лишь пока они верят в Него и живут согласно Его учению. Оставайся таким же славным парнем, Фрэнсис, с любовью относись к людям. Поступай всегда по совести — и тебе нечего бояться. — Он улыбнулся. — Понимаешь меня, сын мой?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— Ну и отлично. А сейчас я должен идти.

Я вошел за ним в здание и направился в спортзал. Там несколько мальчишек играли в баскетбол, и среди них был Питер Санперо. Я решил подойти и попрощаться с ним и попросить его забыть все наши распри.

При моем приближении они замолчали и настороженно уставились на меня. Я почувствовал что-то неладное, но не обратил на это внимания. Подошел к Питеру и протянул ему руку.

— Пит, давай забудем все, что было.

Он как будто не заметил моей протянутой руки, а сделал шаг вперед со словами: «Как же, обязательно забуду!» — ударил меня в челюсть. Я упал навзничь и почувствовал, как несколько рук прижали меня к полу так, что я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Я был так ошеломлен, что даже не пытался подняться. Питер стоял надо мной.

— Ты, еврейский сукин сын, — злобно прорычал он, — прокрался втихаря в нашу школу и молчок.

Он пнул меня ногой в бок, а затем наклонился и кулаком стукнул по носу. Мне как-то удалось освободить одну руку, и я ухватил его за ворот рубашки. Он рванулся и еще раз ударил меня. Освободив другую руку, я обеими руками вцепился ему в горло. Он поднялся вместе со мной и прислонился к стене. Я чувствовал, как другие пацаны колотят меня по спине, но не обращал на них внимания. Первый раз в жизни я дрался, забыв обо всем. Я был вне себя от ненависти. Сдавив его шею, я методично колотил Питера головой о стену, а он молотил меня кулаками в живот. Из разбитого носа кровь текла у меня по лицу. Остальные пацаны навалились на меня сзади. Я почувствовал, как мой пиджак трещит по швам. Но мне было на это наплевать. Единственное, чего мне хотелось, так это убить Питера. Убить и все. Повалив его, я приподнял его за волосы и стукнул головой о цементный пол. Вдруг чьи-то сильные руки схватили меня за плечи и оторвали от Питера. Внезапно наступила тишина. Брат Бернар крепко держал меня. Питер все еще лежал на полу. Брат Бернар строго спросил нас:

— Кто начал драку?

Самый младший из пацанов выпалил, прежде чем осознал, что говорит:

— Питер. Он сказал, что пора проучить этого грязного еврея. И, спохватившись, он умолк.

Не выпуская моего плеча из рук, брат Бернар сказал им:

— Идите в свои комнаты. — А затем обратился к Питеру: — Ты же отправляйся домой, и чтоб я тебя больше не видел в этом зале. Он только для тех, кто живет здесь.

Брат Бернар держал меня, пока они не ушли, а потом посоветовал:

— Не злись на них. Им еще многому надо учиться.

Я смотрел на него, ничего не говоря. Кровь текла у меня из носа, а в бок как будто кол воткнули.

— Пойди лучше умойся. Твой дядя уже ждет тебя.

В туалете я тщательно умылся и вытерся бумажным полотенцем, а потом прошел за братом Бернаром в кабинет настоятельницы, где меня ждал дядя с какой-то женщиной, оказавшейся моей тетей. Только вообразите, какое ужасающее зрелище я представлял собой: пиджак

и рубашка, заляпанные кровью, висели на мне лохмотьями. Женщина страшно побледнела. Я прошел через комнату. Боль разлилась по всему телу, перед глазами все поплыло, и, издав стон, я свалился на пол, а вокруг меня, не переставая, кружились лица брата Бернара, дяди, тети, Питера, Мартина, Джерри, отца Джерри, Руфи, сестры Анны, Джимми Кьоу, Феннелли, Джулии.

Я попытался открыть глаза, но веки были такими тяжелыми, что мне это никак не удавалось. Казалось, прошли часы, прежде чем я, наконец, приподнял веки и увидел белую комнату и брата Бернара, дядю и тетю рядом с собой. Я хотел что-то сказать, но брат Бернар приложил палец к моим губам.

— Тише, парень, тебе нельзя говорить. Ты в больнице Рузвельта, и у тебя сломано три ребра. Так что лежи спокойно.

Я повернул голову и увидел календарь на стене, на котором большими буквами было напечатано: 1 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА.

Это был мой последний день в приюте Святой Терезы.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Марти

Мартин стоял у двери, прислушиваясь к бою часов, доносившемуся из квартиры. Он снял фуражку, и свет, падавший откуда-то сверху, превратил его светлые волосы в тускло-золотые, так что они хорошо сочетались с золотыми дубовыми листьями на рукавах его формы. Тщетно пытался представить он себе, как выглядят друзья после стольких лет разлуки. Четыре года — не малый срок.

Люди сильно могут измениться за четыре года. Он-то уж это хорошо знает. В течение четырех лет ему пришлось наблюдать, как мальчишки превращаются в мужчин — в зрелых мужчин, уставших от жизни. Он наблюдал, как они обращались за помощью в первый раз с выражением разочарования и отвращения, застывшим на их непорочных лицах. Неверие в реальное существование страданий и ужаса, которые окружали их, оставило глубокие следы в их неокрепших душах.

И он должен был удалять из их душ эти скрытые, невидимые шрамы. Раны на теле лечить гораздо проще. Вы берете нож, режете и призываете на помощь Бога. После молитвы вы продолжаете резать с чувством внутреннего отчаяния. И пациенты либо выживают, либо нет.

Его работа была не такой простой, и не с такими ясными, поддающимися оценке результатами. От его действий не зависело, будут они жить или умрут, однако для них самих их состояние иногда было подобно смерти. И когда по мельчайшим признакам, которые были

заметны только ему одному, он понимал, что парни начинают выкарабкиваться, он в душе праздновал победу.

Наконец Джанет открыла дверь. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Она почти совсем не изменилась — промелькнуло у него в голове — те же утонченные черты лица, голубые глаза, светлые пушистые волосы, окружающие короной ее лицо, отчего она была похожа на озорного мальчишку.

— Марти! — воскликнула она таким знакомым приятным мелодичным голосом.

Он ощутил мягкое прикосновение ее губ на своей щеке. Легкий нежный дружеский поцелуй, приветствующий его.

— Прошло... — начала она, но он не дал ей закончить и проговорил с улыбкой:

— Четыре года. Я только что думал...

— И мы тоже, — перебила она его. — Сколько времени прошло. Мы все гадали, изменился ты или нет.

— Странно, то же самое я думал о тебе и Джерри.

Она взяла его за руку и повела в гостиную. Он продолжал говорить, идя следом за ней:

— Я чувствовал себя таким чужим, там за дверью, пока ждал, когда ты мне откроешь.

В комнату вбежал Джерри. Мужчины жали друг другу руки, глядя друг другу в глаза, и почти одновременно говорили всякие глупости, которыми обычно обмениваются взрослые мужчины, когда они глубоко взволнованы.

— Марти, ты, старый костоправ!

— А ты — старый адвокатишка, ходатай по делам о разбитых коленках!

Джанет вошла в комнату с подносом в руках, на котором стояли бокалы с золотистым напитком.

— За встречу! — произнес Джерри с улыбкой, подняв свой бокал.

— За вас двоих! — в свою очередь сказал Мартин.

— Нет-нет, подождите минутку, — прервала их Джанет.

Оба мужчины взглянули на нее. Она, гордо улыбнувшись, высоко подняла бокал и воскликнула:

— Давайте выпьем за дружбу! За нашу вечную дружбу!

И они разом осушили свои бокалы.

Обед был таким, о каком Марти давно мечтал — белоснежная скатерть без единого пятнышка, сверкающее серебро, безукоризненно чистый тонкий фарфор, свечи и цветы на столе. И конечно же, его друзья — друзья детства, с которыми он возвращался в то далекое неповторимое время и вновь переживал те юные, увлекательные дни, когда они только открывали для себя мир, когда один день был не похож на другой и когда будущее вселяло в них надежду.

И этот неизбежный разговор о Фрэнсисе. Раньше или позже, но они всегда вспоминали о нем. В этот раз начало положила Джанет, а Мартин подхватил нить разговора. Воспоминания всплывали в его памяти и тут же складывались в слова — как они встретились с Фрэнсисом в первый раз, а потом вместе проводили время. Как будто это случилось вчера.

— Помню, как я увидел его впервые. Мы были тогда еще совсем мальчишками. На меня набросилась какая-то компания незнакомых пацанов, когда я возвращался из школы. И Фрэнки сам поколотил меня, а остальных разогнал.

Странно, я никогда не мог понять, чем я ему понравился, но, насколько мне помнится, он был удивительный. — Мартин рассмеялся. — Он никогда не вел себя так, как другие мальчишки. И что бы он ни делал, у него все получалось лучше всех. В то время я интересовался боксом, но драться не умел. А он дрался просто здорово. Я на себе испытал.

Но было в нем что-то такое, что неодолимо влекло меня к нему: инстинктивное, подчас вынужденное чувство честной игры, сочувствие к другим, постоянная спокойная уверенность в своих силах и действиях. Он никогда не тушевался в присутствии старших по возрасту, разговаривал с ними, как с равными.

Это у него я научился воспринимать всех людей равными. До этого я всегда подсознательно чувствовал, что я еврей. Об этом мне напоминали ругательства, нацарапанные на стенах, двусмысленные ухмылки, ту-

маки, полученные на улице. У меня были все шансы самому превратиться в шовиниста, приписывая любое малейшее происшествие тому факту, что я еврей. Но Фрэнсис быстро излечил меня тем, что принял в свою небольшую компанию, не задавая лишних вопросов, и представил своим друзьям без всяких объяснений.

Он принял меня, и его друзья поступили так же.

Много лет спустя, когда я собирался поступать в медицинский колледж, я вспомнил, что это решение я принял в основном благодаря ему. Однажды он мне сказал об одном парне, который мне не очень нравился: «С ним все в порядке. Просто надо понять его, и все».

И в этих словах я нашел ответ на все, что терзало меня в глубине души. Если вы понимаете человека, если знаете, почему он поступает так, а не иначе, вы не будете бояться его, ненавидеть его, а поэтому не сможете причинить ему зло.

В Германии в 1935 году я снова вспомнил о Фрэнсисе. В то время я занимался в университете на курсах специализации. И однажды, возвращаясь с лекций, я шел по улице, уткнувшись носом в книгу, которая меня так заинтересовала, что я не мог от нее оторваться. И, конечно же, наткнулся на идущего мне навстречу человека. Не глядя, я извинился и продолжил путь.

И тогда случилось то, чего я всегда боялся. На какое-то мгновение я пришел в замешательство и вновь очутился в детстве на 59-й улице в окружении мучивших меня невежественных мальчишек, услышав слово «жид», произнесенное угрожающим, зловещим тоном. Я поднял глаза и увидел мужчину в форме штурмовика. Он ударил меня, ну, а я, в свою очередь, избил его до полусмерти.

Затем вернулся в университет и напрямик спросил профессора, который, между прочим, не был евреем, почему они допускают подобные случаи.

— Ты не понимаешь, мой мальчик, — ответил он мне, качая седой головой, — люди раздражены, нездоровы, всего боятся, и этот страх порождает ненависть.

И вот в этот момент я вспомнил Фрэнки и его слова, и задал профессору следующий вопрос:

— А почему те, кто все это так хорошо понимает, не объяснит заблудшим, что они ошибаются?

— Нас слишком мало, и они не внемлют нам.

На следующий день я покинул Германию, не дождавшись окончания семестра. Только несколько человек поняли, почему я так поступил, — вы, Руфь, ну и еще кое-кто.

Сколько раз, когда я уставал от своих пациентов, когда у меня что-то не ладилось, я хотел послать все ко всем чертям, но вспоминал слова Фрэнсиса и успокаивал себя: «Больные здесь ни при чем. Это моя вина. Я их не понимаю, поэтому я не могу им помочь».

Мартин рассмеялся и пригубил вино из бокала.

— Так говорил Мартин Кэбелл, самый знаменитый психиатр в мире, объясняя свои неудачи с точки зрения здравого смысла. Или, может быть, я сам испытываю чувство собственной неполноценности.

Пока он произносил свой монолог, его лицо расслабилось и стало мягче, моложе. На губах появилась улыбка, его прежняя улыбка — теплая, ослепительная, юная.

«Старые друзья, — подумал он умиротворенно. — Такие же, как и прежде. Ни капельки не изменившиеся, которые всегда тебя выслушают и помогут, если надо.»

Мир вокруг него снова засиял всеми красками радуги, и в первый раз с тех пор, как он вернулся, Мартин почувствовал себя дома.

ЧАСТЬ II

Глава 1

За то время, которое я провел в больнице, я многое узнал о моем дяде и его семье. Дядя Моррис работал коммивояжером в магазине готовой одежды в центре города. В Нью-Йорке они жили уже десять лет, и у них была очень уютная пятикомнатная квартира на Вашингтонских холмах.

Жена его была спокойной доброй женщиной, которую я стал боготворить с первого взгляда. Никогда ни жестом, ни словом, ни взглядом она не выказала никакого недоброжелательства по отношению ко мне. Тетя Берта каждый день приходила ко мне в больницу и приносила гостинцы: фрукты, сладости, книги, чтобы хоть как-то скрасить мое пребывание в больничных стенах. Иногда она приводила с собой моих кузин, двух очаровательных девчушек восьми и десяти лет.

Сначала они относились ко мне с благоговейным трепетом и с какой-то смесью дружелюбия и робости. Позднее, когда немного попривыкли, они целовали меня в щеку перед уходом.

Моррис и Берта Каин и их дети Эстер и Ирэн были первой настоящей семьей, в которую я попал, и поэтому, если мы и испытывали какие-то странные чувства друг к другу, это было вполне объяснимо.

В конце сентября я вышел из больницы и вступил в совершенно новый для меня мир. У дяди Морриса был маленький «бьюик», и, когда он привез меня домой, оказалось, что они устроили в мою честь небольшой праздник. Тетя Берта испекла огромный торт и пригласила гостей, в основном других наших родственников.

Когда все гости разошлись, мне показали мою комнату, небольшую, но очень уютную. В шкафу уже была аккуратно развешена моя одежда.

На комоде в красивой рамке стояла небольшая фотография молодой женщины. Тетя Берта, заметив, что я смотрю на нее, сказала:

— Это твоя мать, Фрэнки. Это единственная фотография, которая у нас осталась, и я подумала, что тебе будет приятно иметь ее в своей комнате.

Я подошел ближе, чтобы хорошенько рассмотреть фотографию моей матери, на которой ей было лет девятнадцать. По моде того времени волосы у нее были зачесаны назад и собраны в пучок. Губы слегка тронула улыбка, а в глазах, казалось, пляшут смешинки. Подбородок у нее был твердый и округлый, но, по-моему, слишком решительный для таких губ и глаз, как у нее. Я смотрел на фотографию несколько минут.

Дядя Моррис мягко проговорили:

— Ты очень похож на нее, Фрэнки. Те же губы, рот, подбородок. Хочешь, я расскажу тебе о ней?

Я кивнул.

— А ты пока раздевайся и надевай пижаму.

Тетя Берта открыла один из ящиков комода, вытащила оттуда новую пижаму и вручила ее мне.

— Мы решили, что несколько новых вещей тебе не помешают.

Я поблагодарил ее, чувствуя себя как-то неловко. Мне надо было еще учиться принимать подарки.

— Тебе нечего стыдиться своей матери, Фрэнки, — начал дядя. — Она была необыкновенной девушкой. Знаешь, долгое время наша семья жила в Чикаго. Так что родом мы оттуда. Твоя мать была гордостью семьи. Когда ей исполнилось двадцать лет, она закончила колледж и собиралась идти работать. В то время и был сделан этот снимок, несколько месяцев спустя после получения диплома. Фрэн была отзывчивой и очень энергичной девушкой, всегда боролась за равноправие женщин. В то время женщины не имели права голосовать, не то что сегодня, так вот, она ходила по всяким митингам и выступала там с речами в защиту прав женщин. Работала она бухгалтером в огромном чикагском универмаге, там и влюбилась в одного парня. Они

хотели пожениться, но наши родители не давали на это согласия. Понимаешь, он не был евреем, а наша семья придерживалась строгих правил. Короче говоря, она убежала с ним. Я получил от нее письмо, в котором она сообщала, что найдет меня в Нью-Йорке, как только попадет туда. Это последнее, что мы слышали о ней. Пытались разыскать ее, но тщетно. Не было никаких следов. Вскоре после этого моя мать умерла, а отец переехал к нам в Нью-Йорк. Он всегда говорил мне: «Если бы мы не были такими дураками и не заставляли бы Фрэн подчиниться нам, сейчас бы мы были все вместе». Отец умер вскоре вслед за матерью. С тех пор, как Фрэн сбежала, он уже никогда не был счастлив.

Дядя взял фотографию с комода и поднес ее к глазам.

— Но все это уже в прошлом, — сказала тетя Берта, — а сегодня, я в этом уверена, они знают, что ты теперь с нами, и они счастливы — так же счастливы, как и мы. И нам хотелось бы, Фрэнки, чтобы ты полюбил нас так же, как мы тебя любим.

— Да, мадам, — ответил я и, надев пижаму, нырнул в постель.

— Спокойной ночи, — пожелали мне они, а тетя Берта наклонилась и поцеловала меня в щеку.

— Спокойной ночи.

Уже в дверях тетя Берта оглянулась и позвала:

— Фрэнки!

— Да, мадам, — поднял я голову с подушки.

— Не называй меня «мадам». Зови просто тетя Берта.

Она выключила свет и вышла.

— Да, тетя Берта, — прошептал я сам себе, приложив руку к щеке. Она была еще теплая в том месте, куда она поцеловала меня. Я заснул, а на фотографию моей матери падал лунный свет, и казалось, что она улыбается мне из темноты.

Глава 2

На следующее утро я проснулся очень рано. В квартире было тихо, все еще спали. Я встал с постели, подошел к комоду и взглянул на часы. Была только

половина седьмого. Я оделся, потихоньку прошел в ванную и умылся, потом вернулся в свою комнату и сел на стул. Мне ко всему надо было привыкать. Было ужасно странно проснуться в одиночестве, не хватало утренней возни ватаги мальчишек и обычных шуточек. Услышав, что кто-то подошел к двери моей комнаты, я поспешил открыть ее. На пороге стояла тетя Берта.

— Доброе утро, Фрэнки. Ты, я вижу, ранняя пташка. — Она приветливо улыбнулась.

— Да, я привык рано вставать.

— Ты уже умылся?

— Угу. И оделся тоже.

— Тогда, может быть, сбегаешь за булочками к завтраку? Ты бы избавил меня от хлопот.

— С удовольствием, тетя Берта.

И, взяв деньги, я помчался выполнять поручение.

После завтрака, состоявшего из апельсинового сока, яиц, кофе и сдобных плюшек, которые я принес от булочника, дядя Моррис, поцеловав жену и дочек и попрощавшись со мной, отправился на работу, а я, надев пиджак и галстук, в школу. Тетя Берта посоветовала мне поспешить, чтобы не опоздать в первый же день. Она проводила меня до двери и вручила три доллара.

— Это тебе на неделю на карманные расходы. Если потребуются еще деньги, скажи мне, не стесняйся.

— Спасибо. Думаю, этого будет достаточно.

— Желаю удачи, — сказала она, когда я закрывал за собой дверь.

Школа Джорджа Вашингтона располагалась в новом здании из красного кирпича с куполообразной крышей на 191-й улице на самой вершине холма.

Уладив все формальности в кабинете директора, я вошел в класс, в котором мне предстояло теперь учиться. За партами сидело около сорока учеников — половина цветных, половина белых. Моим соседом оказался парень негр, который, широко улыбнувшись, спросил:

— Новенький? Меня зовут Сэм Корнелл.

— А меня Фрэнсис Кейн, — представился я.

Так начался для меня новый учебный год в новой школе.

Глава 3

Невозможно повернуть время вспять. Это я твердо усвоил в те дни. Хотя Джерри, Марти и я все еще оставались друзьями, мы не могли вернуть ту близость, которая существовала между нами до того, как я переехал в центр города. И это произошло не оттого, что дух товарищества испарился из нашей тесной компании, а скорее всего потому, что я приспособился к нормальной жизни. Я больше не был отщепенцем, у меня появилась своя семья, которую я любил. Я учился заботиться о других, быть предупредительным, прислушиваться к чужому мнению. Но эти чувства проявлялись только к членам моей семьи, а к другим за ее пределами мое отношение осталось прежним. Во мне как бы сидело два разных человека. И было довольно трудно уловить момент, когда мои чувства принимали другое направление. Но я не думал об этом, более того, в то время мне это даже в голову не приходило.

Дни шли за днями. Учился я нормально, не лучше и не хуже других. Но для меня не было слишком большой неожиданностью, что постепенно я выдвинулся в лидеры среди ребят. Я принял это как должное, так как всегда был лидером по натуре. Я был более напористым, не по годам развитым. Меня не волновали все эти туманные юношеские догадки об отношениях между полами, и мне было смешно наблюдать за их поведением и слушать разговоры на эту тему. Сам я уже прошел эту стадию. К тому же я был отличным спортсменом, и в первый же год записался в баскетбольную команду и попал в команду пловцов. Я играл в баскетбол с единственной целью — победить. К черту принципы так называемой спортивной чести и честной игры! Это все придумано лишь для болванов, которые не так быстры и не так ловки, чтобы нарушать их безнаказанно. И вообще я не привык проигрывать.

И все же, несмотря на мое отношение к другим, моя привязанность к семье постепенно росла, как будто ее члены понемногу сглаживали грубые, раздражающие углы моего характера. Мало-помалу мой вызывающий вид, который я напускал на себя как защитную маску, начал исчезать, и вскоре от него ничего не осталось, кроме предусмотрительной настойчивости, которую, в

свою очередь, я научился лучше скрывать, пользуясь дружеским вежливым обращением для того, чтобы подчинить своей воле других.

В пятницу вечером перед рождественскими праздниками должны были состояться соревнования по баскетболу между командой нашей школы и командой школы Джеймса Монро, а после игры устраивались танцы. До меня доходили разговоры о том, что мою кандидатуру собираются выдвинуть на должность президента класса, и хотя я делал вид, что ничего не знаю об этом, я чувствовал, что в значительной степени все будет зависеть от того, как я проявлю себя в сегодняшней игре.

И я вышел на площадку полный решимости показать, на что я способен. Так что в основном я играл «на публику», носился, как угорелый, постоянно перехватывал инициативу в свои руки. И когда прозвучал финальный гонг, наша команда выиграла с крупным счетом, а я, без всякого сомнения, был «звездой» игры.

В душевой я краем уха услышал о себе несколько нелестных замечаний от некоторых обиженных участников игры. Но пусть себе кудахчут! Если они поднимут шум, я заставлю их замолчать. Я оделся и вышел в зал, где уже начинались танцы. Обведя взглядом мельтешащую толпу, я заметил Джерри и Марти, беседующих с одним из преподавателей, входящим в организационный совет по выборам президента класса. Я знал, что прежде чем выдвигать меня в президенты, надо получить разрешение у него. Все еще строя из себя ничего не ведающего идиота, я направился к выходу, сделав вид, что ухожу с вечера, но в то же время двинулся таким путем, что они никак не могли не заметить меня.

— Эй, Фрэнки! — окликнул меня Марти. — Куда это ты направляешься?

— Домой, — улыбнулся я. — Я обещал тете, что...

— Ты не можешь уйти сейчас, — прервал он меня. — Ты же кумир сегодняшнего вечера. Все ребята хотят тебя видеть. К тому же тебя ждут на танцах.

— Кто? — спросил я.

— Народ, — уклончиво ответил Марти. — Будет чертовски непорядочно, если ты улизнешь от них. Кроме того, идут разговоры о том, чтобы выставить твою кандидатуру на пост президента класса, и как это будет выглядеть, если ты не появишься на людях?

Я рассмеялся про себя. Тут и Джерри подошел.

— Послушай, Джерри, — сказал Марти, схватив его за руку. — Фрэнки собирается домой.

— Почему? — удивленно спросил меня Джерри, поворачиваясь ко мне. — Ты что, заболел?

— Нет. Просто устал. Господи, я же весь вечер носился, как заведенный.

— Ишь чего захотел! Ничего подобного! Ты сейчас же пойдешь на танцы. И будешь новым президентом класса.

— Послушайте, ребята, — взмолился я. — Вы мне можете толком объяснить, что к чему? Что это за разговоры насчет президента и кто все это начал?

Мартин и Джерри переглянулись. Затем Мартин сказал:

— Видишь ли, мы подумали, что это неплохая идея. Ты пользуешься в классе авторитетом. Все тебя любят, и ты просто создан для этой работы.

— А что я должен буду делать?

— Да ничего особенного, — улыбнулся Джерри. — Будешь присутствовать на заседаниях консультационного комитета преподавателей и учеников и будешь помогать классу. И, кроме того, получишь кое-какие привилегии. Ну, а сейчас отправляйся на танцы, позже мы обсудим все это поподробнее.

— О'кей. Но прежде я позвоню домой.

Я позвонил и вернулся в зал. Там играл оркестр из шести музыкантов, и танцевало несколько пар. В углу был накрыт большой стол, где можно было перекусить и выпить чего-нибудь прохладительного. Я заметил, что ко мне приближается Мартин с какой-то девушкой. Я узнал ее, хотя и не мог вспомнить, как ее зовут. Мы вместе занимались в классе биологии.

— Вы знакомы друг с другом. Она собирается бороться за место вице-президента вместе с тобой, — сообщил мне Марти и отошел, оставив нас вдвоем.

Мы взглянули друг на друга. Девушка улыбнулась милой улыбкой, и ее лицо стало очень оживленным и веселым.

— Не хочешь потанцевать, Фрэнки?

— О, я бы с удовольствием. Но боюсь, у меня ничего не получится. Я такой неуклюжий.

— Все будет нормально, — рассмеялась она. — Я тебе помогу.

Я обнял ее за тонкую талию, и мы вступили в круг танцующих. Сначала я двигался, как деревянный болванчик, и один раз даже наступил ей на ногу. Но она только улыбнулась и сказала:

— Ничего страшного. Расслабься!

Я повиновался, и дело сразу пошло на лад. Наконец музыканты кончили играть.

— Не так уж это и трудно, не правда ли? — с нежной улыбкой спросила девушка.

— Нет, — усмехнулся я. — Твоими стараниями.

Она рассмеялась очень довольная.

— Ты способный ученик. Все, что тебе требуется, так это тренировка.

— Не хочешь перекусить? — спросил я ее.

Мы пошли к столу с закусками. По пути многие ребята здоровались с нами, но ни один не назвал ее по имени, а я так и не мог его вспомнить. Почти весь вечер мы протанцевали вдвоем. Несколько раз меня останавливали и поздравляли с блестящей игрой. Танцы закончились в одиннадцать часов, и домой мы, разумеется, отправились вместе. Она жила в многоквартирном доме недалеко от меня, и я проводил ее до самой двери. Мы немного постояли, поговорили о танцах, и вдруг мне пришло в голову, что я просто замечательно провел время.

Было уже четверть двенадцатого.

— Я должна идти, — тихо сказала она. — Уже поздно.

— Да, — повторил я, — уже поздно.

— Спокойно ночи, Фрэнки. — Она улыбнулась мне.

— Спокойной ночи, — ответил я.

И поддавшись внезапному порыву, я наклонился и поцеловал ее в губы. Она обвила меня руками за шею, и я вдохнул чистый, свежий аромат ее волос. Я начал целовать ее так, как целовал Джулию, но вдруг что-то остановило меня. Она не прижималась ко мне. Губы у нее были влажные, сочные и нежно-невинные, как у ребенка, а не такие яростно-неистовые и ненасытные, как у Джулии. И, расслабившись, я осторожно обнял ее. Инстинктивно я хотел было потрогать ее груди, но на полдороге моя рука замерла. Нежность ее губ и щек что-то перевернула во мне. Оторвавшись от моих губ,

она положила голову мне на плечо. Я бережно привлек ее к себе. Но в нашей тесной близости не было ничего сексуального, это было чистое, юное чувство двух радующихся жизни подростков.

— Я не знаю, что ты думаешь обо мне, Фрэнки, — прошептала она, — но такое у меня впервые.

— Я знаю. — Аромат ее волос щекотал мои ноздри.

Она высвободилась из моих объятий.

— Спокойной ночи, Фрэнки. Я должна идти.

Она вошла в квартиру и закрыла за собой дверь, на которой я увидел табличку с надписью «Линделл».

И тут, наконец-то, я вспомнил ее имя. Джанет Линделл. Спускаясь по лестнице, я весело насвистывал.

Глава 4

Во время рождественских каникул Джерри и Мартин пришли ко мне в гости. Тетя Берта увела моих шаловливых кузин в кино, чтобы они нам не мешали. Мы сидели в гостиной и, как всегда, в основном говорил Джерри. Он пытался убедить меня согласиться баллотироваться на пост президента класса, хотя особенного убеждения и не требовалось.

— Послушай, это тебе пойдет на пользу. Ты войдешь в комитет учащихся и преподавателей и таким образом обеспечишь себе дополнительные привилегии в классе по гражданскому праву.

— Да-да-да, — поддакнул Марти, — и кроме того, ты пользуешься авторитетом у учеников, к твоему мнению прислушиваются, короче, ты прирожденный лидер.

В душе я был польщен.

— О'кей. Что я должен делать?

— Ничего особенного, — быстро проговорил Джерри. — Мы уже начали проводить кампанию в твою поддержку. Все детали мы берем на себя. От тебя требуется только одно: ты должен произнести небольшую речь на собрании в пятницу, когда мы вернемся в школу после каникул.

— О, нет! — воскликнул я. — Только не это! Чтобы я перед огромной толпой произносил речь? Да вы что? Нет, я в такие игры не играю!

— Послушай, — сказал Марти, — чего ты боишься? Да ведь мы уже написали для тебя твою речь. Она у меня с собой.

Он вытащил из кармана листок бумаги и вручил его мне. Прочтя половину написанного, я удивленно спросил их:

— Что это за чепуху вы мне всучили, а? Это же речь какого-то чокнутого. Если вы хотите, чтобы выбрали именно меня, отдайте эту белиберду моему сопернику. Здесь же нет ни капельки смысла.

— Как и в настоящей политике, — усмехнулся Джерри, — уж поверь мне. Слышал, как мой старик повторял это раз сто, не меньше. Не важно, что ты делаешь или говоришь. Главное, как это воспринимают окружающие. Самого лучшего человека в мире не выберут даже ловцом собак, если он лишен так называемой индивидуальности. Мы с Марти натаскаем тебя. По программе ты будешь выступать последним. Об этом мы позаботимся. Другие претенденты до смерти надоедят своими осмысленными избитыми выступлениями. И тут встаешь ты, произносишь свою речь, и все — ты президент.

— Ну хорошо, — согласился я, — но если из этой затеи ничего не получится, вам придется ответить на кучу вопросов.

— Не беспокойся, — ответили они почти одновременно, — все получится как нельзя лучше.

Десять дней подряд я практиковался в произнесении речи перед зеркалом. Джерри и Марти натаскивали меня до тех пор, пока меня не начало тошнить от всего этого. Они учили меня, куда я должен выйти, как держать руки, как одеться. За два дня до выборов они велели мне забыть о них.

Но забыть у меня не получилось. Я думал о выборах весь день во время уроков. Ночью долго не мог уснуть, а когда, наконец, мне это удалось, мне снилось, как я произношу речь.

И вот этот день настал. Следуя указаниям моих друзей, я надел галстук-бабочку и пуловер под пиджак.

Сидя на сцене рядом с другими кандидатами, я чувствовал себя страшно смущенным и скованным. Мне казалось, что все смотрят только на меня. Джанет сидела рядом со мной и каждые пять минут улыбалась мне.

Я попытался улыбнуться ей в ответ, но по-моему я выглядел ужасно.

Сначала выступил директор. Он что-то говорил о том, что ученики должны стать хорошими гражданами и на практике применять принципы демократии, но я едва слышал, что он говорил, так я нервничал.

Затем с речью вышел первый кандидат. В течение десяти минут он давал обещания ученикам первого года обучения самым лучшим образом представлять их интересы в совете. Его проводили аплодисментами.

Затем встал второй кандидат на пост президента класса. Он обещал то же самое, что и первый оратор, почти в тех же самых выражениях. Ребята заскучали, начали вертеться и переговариваться.

Следующей была моя очередь. Сердце колотилось так, как будто хотело выскочить, а в горле как будто что-то застряло, так что я даже решил, что не смогу заговорить. Я взглянул на Джанет. Она подняла обе руки со скрещенными пальцами, показывая, что желает мне удачи. Я повернулся, медленно вышел на середину сцены, обвел взглядом зал, но не смог рассмотреть ни одного лица, все казалось странно расплывчатым. Через силу я начал говорить.

— Господин директор, уважаемые преподаватели и мои коллеги ученики. — Мне показалось, что голос мой отражается от стен аудитории. «Слишком громко», — подумал я.

Ученики вздрогнули, как будто я пробудил их от спячки.

— Я сам испугался, — сказал я потише и более естественно.

Все засмеялись, даже преподаватели. Я почувствовал, как напряжение покидает меня, и продолжал:

— Верьте или не верьте, я не знаю, для чего вышел на эту сцену.

Все снова засмеялись, а я уже чувствовал себя совершенно уверенно.

— На днях два моих друга-одноклассника зашли ко мне в гости и спросили: «Не согласишься ли ты стать президентом класса?». И я, как идиот, ответил: «Согласен». А в данный момент меня интересует такой вопрос: настоящие ли они мне друзья?

Зрители засмеялись и начали аплодировать.

«Бог ты мой, — подумал я. — Джерри был прав. Они все проглотят.»

И я продолжал свою речь.

— Я внимательно слушал выступления моих соперников и начинаю потихоньку сомневаться, буду ли я голосовать сам за себя.

Еще один взрыв смеха, и ученики подались вперед на своих сиденьях, ожидая моей следующей фразы. Я медленно прошел в конец сцены.

— В конце концов, если членство в баскетбольной команде и команде пловцов является рекомендацией на должность президента класса (я как бы невзначай расстегнул пиджак, чтобы был виден маленький черно-оранжевый значок с буквой «W» посередине, приколотый к пуловеру), то тогда вы получите чертовски классного игрока в пинг-понг в теннисную команду!

Они продолжали смеяться, а я вернулся в центр сцены.

— Не знаю, что вам пообещать, если вы изберете меня президентом класса. Мои соперники уже пообещали вам все, о чем и я думал.

Снова смех и аплодисменты.

— Нет, я не думаю, что они ошибаются — они абсолютно правы. Я согласен с ними во всех отношениях. Я мог бы, конечно, пообещать вам поменьше домашних заданий, перемен подлиннее, уроков покороче, но не могу. Думаю, Министерство просвещения выразит протест.

Мои слова утонули в грохоте аплодисментов. Украдкой я бросил взгляд на Марти и Джерри, которые сидели в первом ряду, и увидел, что они сдержанно улыбаются. Джерри поднял руку вверх и жестом показал, что все о'кей. Я продолжал:

— А теперь я не хотел бы отнимать у вас много времени, потому что знаю, как вам не терпится разойтись по классам. (Смех.) Но я хотел бы заверить вас от своего имени и от имени своих соперников, что кого бы вы ни выбрали президентом класса, каждый из нас не будет щадить своих сил и возможностей для вашего блага.

Я прошел на свое место и сел. Ученики повскакивали с мест, орали и аплодировали, как сумасшедшие.

Джанет прошептала мне на ухо:

— Встань и поклонись.

— Только в том случае, если ты пойдешь со мной.

Она согласно кивнула. Я встал, взял ее за руку, и мы вместе вышли в центр сцены. Джанет выглядела просто прелестно в своем розовом платье. Я поднял руку, чтобы успокоить зал.

— Если вы не проголосуете за меня, то не забудьте отдать свои голоса за Джанет, как за вице-президента. Она будет самым очаровательным и способным вице-президентом, когда-либо существовавшим в этих стенах.

Они смеялись и аплодировали до тех пор, пока не прозвучал гонг, означавший конец собрания. Мы спустились со сцены в зал, где нас тотчас же окружили друзья.

А после обеда состоялись выборы, и пока подсчитывали голоса, я, Джанет и несколько наших друзей ожидали результатов голосования в канцелярии. Я беседовал с Джанет, когда к нам подошла Руфь Кэбелл.

— Тебе бы следовало записаться в драмкружок, Фрэнки, — произнесла она ехидно. — Мисс Гиббс была бы от тебя без ума.

И она отошла, прежде чем я успел ей ответить.

— Кто это? — спросила Джанет.

— Сестра Марти.

Как раз в этот момент вбежал взволнованный Мартин.

— Мы победили! — воскликнул он. — Вы оба избраны! Вот это победа! Что я тебе говорил!

Он схватил мою руку и начал ее трясти. С минуту я не улыбался, — думал о том, что сказала Руфь, — а потом рассмеялся.

Стремительно вбежал Джерри, за ним еще с десяток ребят, в том числе и мои соперники. Все желали мне удачи на новом поприще, вскоре комната заполнилась народом, и я забыл обо всем, что сказала Руфь.

Глава 5

Если бы меня не выбрали президентом класса, я никогда бы не познакомился с миссис Скотт, а Марти не стал бы тем, кто он есть сейчас. Иногда я забегаю вперед, мысли бегут гораздо быстрее, чем мне удается записывать их.

Я познакомился с миссис Скотт на первом же заседании ученическо-преподавательского совета, который почтил своим присутствием. Это была добродушная на вид леди примерно лет пятидесяти от роду, с серо-стальными глазами и тонким решительным ртом. Он проводила кое-какие психологические исследования по поручению комитета детского социального обеспечения.

На заседаниях обсуждались одни и те же незначительные проблемы: постоянно опаздывающие или отсутствующие ученики, ученики, сбегающие с уроков и огрызающиеся учителям. Мы не наказывали их, а выясняли, кто был прав, а кто виноват в этих разногласиях: ученик, учитель или родители ученика. Каждый случай затем попадал в руки миссис Скотт. Обычно она беседовала с учеником и пыталась определить причину, лежащую в основе его поведения.

В школе такого размера, как наша, количество незначительных происшествий было просто чудовищно. Девочка, которая помогала миссис Скотт вести записи, в этом году закончила школу. Вместо нее я порекомендовал Марти, зная, что он ищет себе какое-нибудь дополнительное занятие, которое повысило бы его авторитет.

Миссис Скотт и Марти сразу же поладили, а Марти работа пришлась по вкусу. Вполне возможно, что именно тогда он и решил стать психиатром. Он всегда хотел быть врачом, и это напрямую совпадало с его желанием.

Мы с Джанет очень подружились, и все в школе считали, что у нас с ней роман. Она мне очень нравилась, но у нас с ней было совсем не то, что у меня было с Джулией. Мы вместе гуляли, целовались при расставании и претерпевали скучный процесс взросления.

Приближалась Пасха, а за ней и летние каникулы. Я успешно сдал экзамены по всем предметам и летом отправился с родственниками отдыхать в Рокуэй.

Это было лучшее лето в моей жизни. Побережье просто кишело молодежью, и мы здорово проводили время. Я много плавал, а потом целыми днями валялся на солнышке и стал черным, как головешка. Не думаю, что я чем-то отличался от других парней. Мы глазели на девчонок в купальниках, обсуждали их физические достоинства и недостатки и гадали, какая из них дает, а какая нет. Я нашел одну, которая давала, и думал, что я один такой умный, пока не обнаружил, что почти все

остальные парни считали себя такими же умниками. И тогда я бросил ее без всякого сожаления.

К концу лета я набрал семь фунтов веса, и вскоре пришло время возвращаться в город и в школу.

В третьем семестре я продолжал регулярно заниматься в секции баскетбола и плавания, и еще до конца семестра на моем свитере красовался черно-оранжевый значок чемпиона школы. Я стал героем школы, вокруг меня всегда собиралась толпа, каждый старался мне как-то угодить или польстить.

Все мы выросли за это лето: и я, и Джерри, и Марти, и Джанет. Но я это понял в полной мере в день Благодарения, когда зашел к ней домой после футбольного матча. Она собиралась на праздничный обед к бабушке, куда уже ушли ее родители. Джанет зачем-то понадобилось зайти домой и переодеться. Я ждал ее в гостиной, чтобы проводить к бабушке.

Она вышла из своей комнаты в халате с комбинацией в руке.

— Мне надо кое-что погладить, — улыбнулась она мне и прошла в кухню.

Я лениво поднялся, подошел к двери и наблюдал за тем, как она вытащила из ниши гладильную доску, включила в розетку утюг, а затем вышла ко мне в гостиную.

— Через несколько минут он нагреется. Это не займет много времени.

— Все о'кей, — успокоил я ее. — Мне некуда спешить.

Она подошла к окну и воскликнула:

— Смотри, снег пошел!

Я встал рядом, повернул ее к себе лицом и поцеловал.

— Да, первый снег в этом году.

Джанет закинула руки мне за шею, но вдруг опустила их.

— Утюг, наверное, уже нагрелся, — сказала она, проходя в кухню.

— И я тоже, — пробормотал я, следуя за ней.

Она рассмеялась и попробовала утюг.

— Нет, еще не совсем.

— Кто так говорит? — спросил я, нарочно искажая смысл ее слов. — Я уже вскипел и переливаюсь через край.

— Не ты, дурачок, а утюг.

Она увидела, что я улыбаюсь, и подошла ко мне. Я еще раз поцеловал ее, притянув к себе поближе. Под халатом у нее почти ничего не было. Вместе мы подошли к дивану и сели. Я положил ее голову к себе на колени, наклонился и прильнул к ее нежным и свежим губам, она ответила на мой поцелуй, и я почувствовал, как теплеют ее губы. Мои руки скользнули под халат и ощутили гладкую нежную кожу. Джанет затаила дыхание. Я целовал ее снова и снова, гладя руками по голой спине. Она притянула меня за шею ближе к себе, а я расстегнул ей лифчик и сжал обеими руками небольшие нежные груди, опустил голову и целовал ее в шею и плечо, с которого слез халат.

— Фрэнки, прекрати, — почти простонала она.

— Нет, дорогая, — шептал я, целуя ее груди.

Она обхватила меня обеими руками и только повторяла:

— О, Фрэнки, Фрэнки, Фрэнки.

Я попытался развязать пояс ее халата, но она схватила меня за руки.

— Нет, Фрэнки, нет, не надо этого делать.

Я хотел поцеловать ее, но она отвернулась.

— Фрэнки, давай это прекратим. Так нечестно, — твердила она прерывистым шепотом.

Я все еще прижимал ее к себе. Она оттолкнула меня, встала и поправила халат.

— Мы уже не дети, Фрэнки. Нам не следует так возбуждаться.

Я взял ее руку, поцеловал, затем потерся об нее щекой.

— Ты права. Мы повзрослели за это лето.

Она наклонилась и поцеловала меня.

— Фрэнки, ты прелесть!

И убежала на кухню. Я пошел за ней.

— Джанет, — выговаривал я ей с улыбкой, — ты коварная женщина. Зачем ты меня мучаешь?

Она подняла глаза от гладильной доски и обиженно сказала:

— Фрэнки, я не хочу тебя мучить, я люблю тебя.

— И я тоже, дорогая, — проговорил я таким же серьезным тоном.

Она переоделась, и перед тем как выйти на улицу, мы еще раз поцеловались. Потом я проводил ее до дома бабушки, мы пожелали друг другу хорошо провести праздник и расстались. Я побрел домой с задумчивым видом. Джанет за это время очень повзрослела.

Глава 6

За три дня до Рождества я услышал о том, что Сэм Корнелл попал в беду. Конечно, я мог бы и раньше узнать об этом, если бы присутствовал на всех заседаниях консультативного совета преподавателей и учеников. Но в этом учебном году я довольно часто пропускал заседания то из-за тренировок, а то просто из-за лени или отсутствия интереса.

А тут Марти остановил меня в коридоре и попросил зайти к миссис Скотт после обеда.

— Понимаешь, она хочет с тобой поговорить насчет Сэма Корнелла. Поговаривают о том, чтобы отправить его в исправительное заведение.

— Это еще почему?

— Он попал в какую-то переделку. Ты бы знал об этом, если бы хоть изредка присутствовал на заседаниях.

— У меня не хватает времени на эту ерунду. К тому же я решил не выставлять свою кандидатуру в президенты класса в этом году. У меня и так дел по горло. Ты же знаешь, мне надо серьезно тренироваться.

— Ладно, важная персона, — ответил он, улыбаясь. — Так ты увидишься с ней?

— Да. Пойду прямо сейчас, пока у меня есть свободное время.

Мы пошли вместе и расстались у дверей кабинета миссис Скотт.

— Добрый день, миссис Скотт. Вы просили меня зайти?

— Здравствуй, Фрэнсис. Да, я посылала за тобой. Где ты скрываешься в последнее время? Тебя не было видно ни на одном заседании.

— Я был страшно занят. Мне приходится много тренироваться в баскетбольной секции.

— Я знаю. Но все же ты должен присутствовать на заседаниях совета. Тебя для этого и выбрали президентом.

— Да, но я решил не баллотироваться в этом году.

— Это не достаточно важная причина, чтобы отлынивать от работы, пока тебя еще не переизбрали. Это непорядочно по отношению к ученикам, которые голосовали за тебя в прошлом году. Я давно хотела поговорить с тобой об этом.

— А я думал, вы хотели поговорить о Сэме Корнелле.

— И о Сэме тоже, но видишь ли, одной из причин того, что мы не смогли уладить его дело, является как раз то, что ты отсутствовал на заседаниях. Понимаешь, Сэм тоже голосовал за тебя. А когда попал в беду, и его направили к нам в совет, тебя там не было. Если бы ты присутствовал, возможно, он бы и доверился нам, увидев дружеское лицо, того, кого он хорошо знал, и кто вел бы честную игру по отношению к нему.

— О'кей! — воскликнул я. — Так что же мне теперь делать — извиниться, сказать, что я виноват?

— Нет, Фрэнки. Не становись в позу. Ты не виноват. Просто ты немного эгоистичен и много о себе воображаешь и в этот момент совершенно не сочувствуешь Сэму. Но меня беспокоишь не ты. С тобой все в порядке. Я хотела бы помочь Сэму и думаю, что здесь мне пригодилась бы твоя помощь.

— Каким образом? — спросил я.

Она прошла к своему столу и села.

— Садись, Фрэнсис.

Я сел на стул рядом с ее столом.

— Как тебе известно, я терпеть не могу отправлять мальчишек в исправительные учреждения. Никогда не поверю, что ребенок замышляет недоброе. Все теоретические основы моей деятельности направлены на то, чтобы доказать некоторым людям, что трудные подростки являются неисправимыми только потому, что мы, взрослые, делаем их такими, что их падение — это не только их вина, но и наша тоже. — Она улыбнулась мне. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется, да, — ответил я не совсем уверенно.

— Ну и отлично! — сказала миссис Скотт, и за стеклами ее очков промелькнула усмешка. — Мы сможем лучше работать, если поймем друг друга.

Она вытащила из ящика стола папку и раскрыла ее.

— В первом и во втором семестре Сэм был весьма прилежным учеником и отличался хорошим поведением. За это время он пропустил лишь один день занятий и только два раза опоздал. В этом же семестре он отсутствовал уже тридцать дней, сбегал с уроков бесчисленное множество раз и вообще ведет себя крайне вызывающе. Без сомнения, в этом семестре он не сдаст экзамена ни по одному предмету. Но все это не такая уж серьезная причина, чтобы избавиться от парня. Дело в том, что он совершил несколько мелких краж в близлежащих универмагах, где его поймали вместе с несколькими соучастниками. Естественно, это дело было тщательно расследовано, и мы выяснили, что в основном он пропускал занятия без уважительных причин. Просто прогуливал.

Мы поговорили с его родителями, но они были так растеряны, что не могли ничего толком объяснить. Мать все время твердила, что Сэм хороший мальчик и что его испортили друзья. И я склонна поверить ей. Я и сейчас считаю Сэма порядочным парнем. Но что-то этим летом произошло такое, что заставило его изменить свои взгляды на то, что хорошо, а что плохо. Во время летних каникул Сэм где-то оступился и не смог найти верной дороги. Я беседовала с ним, но не смогла разгадать загадку. Понимаешь, если я узнаю, что заставило Сэма так измениться, я смогу объяснить ему это таким образом, что он обязательно поймет, как ему правильно поступить. Но Сэм не доверяет мне, а без его доверия я не могу ему помочь. А если я сумею доказать, что он еще может исправиться, то его не пошлют в исправительную школу. Мартин высказал предположение, что ты бы мог помочь в этом деле, так как в первом семестре вы были очень дружны с Сэмом.

— Да, верно, — ответил я. — Я немного опоздал в том семестре, а Сэм мне помог догнать класс.

— Вот видишь, если ты сейчас поможешь ему, то вернешь долг.

— Но как я смогу помочь ему? Я в этих делах ничего не понимаю.

— А тебе и не надо ничего понимать. — Она наклонилась ко мне через стол. — Просто поговори с ним по-дружески. Выясни, что с ним происходит. Если у вас

с ним хорошие отношения, то он обязательно доверится тебе. Должен же он с кем-то поделиться своими бедами. А потом придешь ко мне, и мы посмотрим, как нам действовать дальше.

— Я попытаюсь, миссис Скотт, — пообещал я.

— Надеюсь, тебе удастся все уладить, Фрэнсис. Хочешь почитать его дело?

— Нет, спасибо. Предпочитаю услышать его историю от него самого.

Она улыбнулась мне лучезарной улыбкой.

— Я рада, что ты сказал это, Фрэнсис. Ты именно это и должен был сказать, если считаешь его своим другом. Оказывается, у тебя есть врожденное чутье на справедливость. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Странно, — задумчиво проговорила она, — иногда у меня появляется такое чувство, что ты гораздо старше. У тебя есть уверенность в себе, а большинство твоих сверстников и понятия не имеют, что это такое. Ты бы, наверное, удивился, если бы узнал, как большинство одноклассников относятся к тебе. Вот Мартин, например, всегда говорит о тебе так, как будто ты святой.

— Думаю, это потому, что мы давно знаем друг друга, — смущенно сказал я.

— Здесь что-то другое. Мартин рассказывал мне, как вы познакомились.

Картина нашего знакомства промелькнула перед моим мысленным взором — слегка побледневший, но не запуганный паренек, ожидающий моего удара.

— Он рассказал вам? — с ужасом спросил я.

— Да, он рассказывал мне, как ты учил его боксу, как вы ходили купаться на пристань, как ты работал после занятий в школе и во время летних каникул. Так что я кое-что знаю о тебе.

Раздался звонок. Я встал: нужно было идти на урок математики. Миссис Скотт проводила меня до двери.

— У меня такое чувство, что ты уладишь дело Сэма.

— Надеюсь. Он хороший парень, — сказал я, открывая дверь.

— И вот что, Фрэнсис, — остановила она меня, — подумай еще раз о своем решении не баллотироваться на должность президента класса. Это важнее всех твоих других дел.

— Это спорный вопрос, — ответил я, выходя в коридор, уже заполненный учениками, несущимися со всех ног в свои аудитории. — До свидания.

Глава 7

После урока математики я направился в класс биологии и в дверях столкнулся с Руфью.

— О, — воскликнула она, — это ты! Я так и знала!

Я рассвирепел. Мне так надоели ее вечные язвительные замечания, что я в свою очередь прошипел ей прямо в ухо:

— А если бы я знал, что встречусь здесь с тобой, я бы десятой дорогой обошел этот класс. Меньше всего на свете хотел бы тебя видеть!

— Что случилось, малыш? Выдержка изменила тебе?

— Со мной все в порядке. Просто я немного устал от твоих шуточек. Что ты имеешь против меня?

— Абсолютно ничего, мой мальчик, — проговорила она с улыбкой Я узнал эту улыбку. Она была так похожа на улыбку Марти. — Просто считаю тебя фальшивкой. Ты ужасно испорченный и жестокий, а мне не нравятся люди такого сорта.

Тут я вообще взбесился.

— Ты тоже не ахти какая праведница, — заметил я ядовито. — Ничего особенного собой не представляешь, просто жалкая эгоистичная сучка, которая треплет языком что попало о людях, которых совсем не знает.

Она подняла руку, чтобы ударить меня по щеке, но у меня была хорошая реакция, я успел схватить ее за запястье, и несколько секунд мы так и стояли, уставившись друг на друга горящими от злости глазами. Наконец я отпустил ее руку, на ней остались белые отметины, так я ее крепко сжал.

— На твоем месте я бы не вел себя так, — проговорил я, улыбаясь сам не знаю почему. — Леди себе такого не позволяют.

Огонь померк в ее глазах, черты лица расслабились, и она попыталась улыбнуться. Да, у этой девушки мужества не отнять.

— Ты прав, Фрэнки, — спокойно сказала она. — Извини, мне казалось, я никогда не смогу простить тебя. С тех пор...

— С тех пор, как я ударил Марти в гостиной вашего дома? — перебил я ее.

— Нет. Дело не в Марти. А в Джулии.

— В Джулии? — удивился я. — Так ты все знала?

— Я знала, что между вами что-то есть, и меня это страшно возмущало. До твоего появления мы с ней были как сестры. Но появился ты, и все изменилось. Она стала очень скрытной и... Мне кажется, я немного завидовала тебе. После того как она уехала, она продолжала спрашивать о тебе в своих письмах и в каждом письме просила передать тебе привет, но я не передавала.

Прозвенел звонок на урок, но я не вошел в класс. Я хотел выяснить, что ей известно обо мне и о Джулии. Взяв Руфь за руку, я повел ее вдоль коридора подальше от двери. Она охотно пошла со мной.

— Почему же не передавала? — спросил я ее.

— Я скажу тебе почему. Я вела себя как ребенок. Но теперь все кончено. Я точно знаю. Джулия вышла замуж.

Я почувствовал необъяснимое облегчение при этом известии.

— Когда ты узнала обо мне и о Джулии?

— О, однажды в воскресенье, когда вы вернулись с пляжа и стояли у ее двери. Я услышала голоса в холле, открыла входную дверь и увидела, как вы целовались. А все выглядело так, как будто я терпеть тебя не могла из-за Марти.

— И это все? — спросил я.

— А что, этого мало?

И в этот момент я понял, что можно больше не беспокоиться насчет Руфи. Я почувствовал себя старше ее, и мне стало весело и беззаботно. Мы стояли в углу холла, вокруг нас никого не было, потому что урок уже начался.

— Ты ничего не понимаешь в поцелуях, — ответил я ей. — Учись, детка.

Я быстро обнял ее за плечи и поцеловал в губы, а потом отпустил.

— Ну и как?

Она снова начала поднимать руку вверх. Дурачась, я принял защитную стойку.

— Не начинай все снова, — сказал я с улыбкой.

Она тряхнула головой.

— Не буду, не буду.

— Так будем друзьями? — спросил я, протягивая ей руку.

— Да будет так! — ответила она, вкладывая свою маленькую ладошку в мою.

Мы торжественно обменялись рукопожатием.

— Ну все, я должен идти на урок. Уже и так опоздал.

Я уже прошел почти половину расстояния до своего класса, как вдруг странный звук заставил меня оглянуться и вернуться. Руфь стояла и плакала.

— Что случилось, Руфь? Прости меня. Я не хотел быть слишком дерзким.

— Ничего. Почему бы тебе не уйти и не оставить девушку в покое, когда она хочет побыть одна, ты самый большой болван!

Она повернулась и побежала по ступенькам вниз.

«Пойми этих женщин. Все они какие-то ненормальные.» — Так думал я, входя в класс и извиняясь перед учителем за опоздание.

Мистер Уайсбард был славным малым. Он улыбнулся, когда я сказал ему, что задержался по делам класса.

— Ну хорошо, — произнес он театральным шепотом, но так, чтобы его было слышно и на задних партах. — Но по секрету, Фрэнсис, я бы на твоем месте, прежде чем войти, стер бы с губ эти самые важные дела.

Глава 8

Кто-то схватил меня за руку, когда я выходил из класса. Быстро оглянувшись, я увидел Марти. Он мне сообщил, что если я хочу поговорить с Сэмом, то он сидит в приемной у двери кабинета миссис Скотт, так что я могу встретиться с ним вроде бы случайно.

Я пошел в приемную и приветствовал Сэма:

— Привет, Сэм! Что ты здесь делаешь?

Я смотрел на него так, как будто очень удивился, встретив его здесь.

— Привет, Фрэнки! — улыбнулся он в ответ. — Жду миссис Скотт.

— А зачем тебе понадобилась эта старая ведьма? — спросил я, присаживаясь на стул рядом с ним.

— Да мне бы сто лет ее не видать. Но, видишь ли, я попал в переделку.

— Так серьезно?

— Еще бы! Похоже, от меня собираются избавиться, — произнес он довольно натянуто, но пытаясь придать голосу беззаботность.

Я взглянул на него.

— Послушай, а я ничем не могу помочь?

— Мне кажется, уже ничего невозможно сделать, — проговорил он, отвернувшись. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Почему, черт тебя подери, ты не подошел ко мне раньше. Все-таки я президент класса, и у меня есть кое-какие возможности. Мы с тобой друзья, а я и не знал ничего. Может быть, ты хоть сейчас введешь меня в курс дела? А я попытаюсь как-нибудь помочь тебе. Попытка — не пытка. Ну так как?

Он поднял на меня глаза, в которых, казалось, забрезжила надежда. Мы встали, прошли в другой конец комнаты и сели у окна.

— Все началось этим летом, — приступил к рассказу Сэм. — Я искал работу, чтобы хоть немножко помочь родителям. У нас были трудности с деньгами. Посыльным меня не брали, потому что я цветной, а для работы носильщиком я был недостаточно взрослым. Конечно, я мог поработать чистильщиком обуви, но летом на этом особенно не заработаешь.

— Это ты мне рассказываешь! Да я все это испытал на собственной шкуре, когда жил в приюте.

— Ты? — удивленно спросил Сэм и улыбнулся. — Значит, ты знаешь, как трудно найти работу. Ну, в общем, однажды подходит ко мне один парень и говорит: «Послушай, Сэм, я знаю, что ты ищешь работу и не можешь найти. А знаешь почему? Да потому что ты негр. А к нам, выросшим в Гарлеме, относятся как к людям второго сорта. Нас достаточно пичкали разной чепухой вроде равных возможностей и тому подобного. А что на деле? В колледже я изучал бухгалтерское дело, был первым учеником в классе и получил диплом с

отличием. Но когда я пустился на поиски работы — тут другая история. В первую очередь ее получают белые, будь они хоть беспросветные тупицы. А нам остается только улицы подметать. Ну и черт с ними! Я предлагаю тебе работать с нами. Ты славный малый!» — «А чем вы занимаетесь?» — спросил я его. «Да так, кое-каким утилем, — ответил он. — У нас есть знакомый, который скупает подержанные вещи и не интересуется их происхождением. И платит за них неплохие деньги. Так что подумай! Или тебе еще не надоело трястись над каждым центом? Или ты чего-то боишься?» — «Послушай, — сказал я ему, — но ведь то, чем вы занимаетесь, действительно опасно, в любой момент тебя могут сцапать фараоны и посадить в тюрьму». Но он уверил меня, что у него все схвачено, что с фараонами, когда надо, он расплачивается из своего кармана, а я могу не волноваться, эта работа — просто детская забава. Я обещал ему подумать над его предложением и, в конце концов, согласился попробовать себя в деле. Но все это оказалось не так безопасно, как он меня уверял. Нас всех поймали. Он и скупщик краденого сейчас в тюрьме, и похоже, что вскоре я составлю им компанию.

— Ну, старина, и влип же ты! А в честь чего ты прогуливал занятия? — спросил я его.

— Спустя какое-то время я начал размышлять над его словами и понял, что он, наверное, прав. Зачем ходить в школу и получать образование, если оно тебе не пригодится? Так что, как только я найду какую-нибудь работу, сразу брошу школу, если только не загремлю куда подальше.

Я упорно думал, чем могу ему помочь. Сэм встал и выглянул в окно.

— Послушай, — сказал я ему. — Я сейчас пойду и поговорю с миссис Скотт. У меня появилась идея, — я на ходу сочинял, — может быть, она сработает. А потом все тебе расскажу.

И, прежде чем он успел задать мне вопрос, я вошел в кабинет миссис Скотт.

Она встретила меня улыбкой.

— Ну и как дела, Фрэнсис?

Я рассказал ей все, что узнал от Сэма. Когда я закончил, она спросила, есть ли у меня какие-нибудь предложения.

— Никаких! — ответил я с сожалением.

— А у меня кое-какие имеются. Ему надо дать какую-то общественную нагрузку, чтобы он почувствовал себя нужным классу, а тебе поддерживать с ним тесный контакт, и, вполне возможно, он постепенно избавится от начинающегося комплекса неполноценности.

— О'кей, я попытаюсь, — ответил я, собираясь уходить.

— Подожди минутку, Фрэнсис, — остановила меня миссис Скотт. — Не говори ему, что это моя идея. Скажи, что это ты придумал. Понимаешь, с этого момента ты будешь в сущности его наставником и будешь нести за него ответственность. Надеюсь, он тебя не подведет.

— И я тоже, — заметил я, выходя из кабинета.

Глава 9

Сэм начал работать помощником кассира в буфете на больших переменах и, кроме того, вел бухгалтерские книги. Он хорошо справлялся с работой и получал за это деньги. Перестал пропускать уроки и выправил отметки. Я часто виделся с ним, беседовал и считал, что с ним все будет в порядке.

Приближалось время новых выборов. Я и думать не хотел о том, чтобы баллотироваться еще раз. Спорт и другие дела требовали слишком много времени. А те свободные часы, которые у меня оставались, я старался посвятить своим близким и друзьям. Я ощущал себя в центре всех важных событий. Весь мир вращался вокруг меня.

Однажды во второй половине дня мы все — я, Джерри, Марти и Джанет — собрались в гостиной у Джанет, чтобы кое-что обсудить. Я сразу же занял свое любимое кресло, кресло, в котором обычно отдыхал отец Джанет, и положил ноги на пуфик перед ним. Это кресло мне нравилось не только потому, что оно было очень удобным, но в основном потому, что сидя в нем, я как бы возвышался над всей комнатой. Джерри и Джанет сидели на кушетке напротив меня, а Марти пристроился в маленьком кресле справа.

Мы опять заговорили о выборах президента класса. Я предложил, чтобы вместо меня баллотировался Марти. Но он отказался, сославшись на то, что он и так много помогает миссис Скотт и для него эта работа важнее всего, так как он собирается поступать в медицинский колледж.

— А что скажете вы? — обратился я к Джанет и Джерри. — Что если выставить кандидатуру кого-нибудь из вас?

— Только не меня! — запротестовала Джанет. — У меня нет никаких шансов на победу. К тому же девушку еще ни разу не избирали президентом класса. Вот если бы Джерри согласился...

И она взглянула на него.

С минуту он сидел молча, потом улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

— Если вы этого хотите, то я согласен, но при одном условии.

— При каком еще условии? — спросил Марти.

— Джанет будет баллотироваться вместе со мной. — Джерри взглянул на нее, улыбаясь.

— Конечно будет, — быстро проговорил я, стремясь уладить этот вопрос до того, как в разговор вступит Джанет.

На какое-то мгновение мне показалось, что Джанет немного обижена моим быстрым согласием. Но, возможно, я ошибался.

После избрания Джерри и Джанет я стал реже встречаться с одноклассниками. Мои спортивные успехи позволили мне присоединиться к компании старшеклассников, с которыми я чувствовал себя более непринужденно, чем со своими сверстниками, так как всегда был развит не по годам.

Я стал реже встречаться с Джанет, раз в неделю, не чаще. Мне было гораздо интереснее проводить время с девушками постарше, более опытными и покладистыми.

Однажды мы вышли из школы вместе с Джерри.

— Чем занимаешься? — поинтересовался он. — Что-то последнее время тебя почти не видно.

— Да так, верчусь как белка в колесе, — ответил я спокойно.

— Знаю, слышал. И Джанет тоже. Не думаю, что она от этого в восторге.

— Послушай, я же не ребенок. Могу позаботиться о себе и о Джанет сам.

— Но Джанет?.. — Казалось, он чувствовал себя ужасно неловко.

— Мы же с ней не привязаны друг к другу веревкой, — проговорил я довольно язвительно.

Он схватил меня за руку, и я оглянулся. У него было очень серьезное выражение лица.

— Знаешь, Фрэнки, я ожидал, что ты это скажешь.

— Ну так что из этого? Что ты собираешься из этого раздуть, приятель?

— Ничего. Забудь про мой вопрос.

Он отпустил мою руку и пошел в другую сторону, насвистывая. Я смотрел ему вслед, гадая, что у него было на уме.

— Ну и ну, — подумал я.

Но тем не менее этим же вечером отправился к Джанет.

Она открыла дверь и улыбнулась, увидев меня.

— Входи, Фрэнки.

Мы вошли в гостиную, где сидели Марти и Джерри. Я удивился, увидев их, но постарался не выказать своего изумления. Вел себя так, как будто привык к их присутствию в гостиной Джанет.

— Привет, друзья!

— Вот те на! Удивительное дело, — сказал Марти, обращаясь к Джерри, — и боги спускаются с Олимпа! — А затем повернулся ко мне с глубоким поклоном. — Прими наши приветствия по случаю твоего возвращения, о наш блудный брат!

— Весьма остроумно! Не обращай на него внимания, Фрэнки. У него язык без костей.

— Что привело тебя сюда? — продолжал Марти.

— Я пришел навестить Джанет, — ответил я с легкой улыбкой. — А вы? — поддел я их.

Ни один из них ни за что бы не признался, что он тоже пришел навестить Джанет, даже если бы это было и так.

Марти пробормотал какую-то старую уловку насчет классных дел.

— А, ну так не буду вам мешать, почитаю, пока вы не закончите. — С этими словами я уселся в свое

любимое кресло и взял журнал со стола. — А где родители? — спросил я Джанет.

— Ушли к бабушке, она слегка приболела.

Вскоре парни собрались уходить. Мы с Джанет пытались их задержать, но они твердили в унисон, что обещали вернуться домой пораньше, и быстренько смылись, несмотря на наши бурные протесты.

Когда дверь за ними закрылась, мы взглянули друг на друга и весело расхохотались.

— Иди сюда, крошка, и поцелуй меня, — сказал я, протягивая к ней руки.

Она подошла, и мы обменялись долгим поцелуем. Когда, наконец, мы оторвались друг от друга, она прошептала:

— Как долго мы не виделись.

— Я был занят. Но если бы я знал, что обо мне скучают, я бы заходил почаще.

— Не обманывай меня, Фрэнки! Прошу тебя, никогда не лги мне. Тебе это не нужно.

— Я знаю, дорогая.

— Я люблю тебя, Фрэнки.

Я поцеловал ее еще раз, но где-то в глубине души чувствовал, что нам не долго осталось целоваться. Какой-то внутренний голос твердил мне, что она и Джерри... Но ее поцелуи были такими нежными, а мы были такими молодыми и такими серьезными...

Глава 10

Несколько недель спустя я сидел на скамейке в школьном дворе и курил сигарету. Была середина апреля, день был теплый, небо слегка подернуто дымкой, и было так хорошо, что, когда прозвенел звонок на следующий урок, я подумал:

— К черту его!

Тем более, что я не особенно любил математику. Откинувшись на спинку скамейки, я наблюдал, как ученики входят и выходят из школы.

Несколько девчонок шли по тропинке в мою сторону. Среди них я заметил Джанет и отвернулся, надеясь, что она не увидит меня, я не видел ее с того вечера три

недели тому назад. Но просчитался. Она что-то сказала подружкам и пошла по направлению ко мне. Солнце золотило ее волосы, она выглядела очень хорошенькой, но мне не хотелось говорить с ней.

Она подошла.

— Привет, Фрэнки, — улыбнулась она.

Было в ее улыбке что-то такое, что тронуло меня. Как будто она сказала: «Не сердись на меня. Если я в чем-то и заблуждаюсь, это не моя вина». Я улыбнулся ей в ответ.

— Привет, Джанет.

— У тебя нет урока?

— Есть, но мне лень идти. По-моему, я подхватил весеннюю лихорадку.

— Да, сегодня прекрасный день, правда? Не возражаешь, если я присяду рядом?

— Ну что ты. Зачем же здесь поставили скамейки?

Она села на скамейку, но не рядом, а чуть в стороне. Какое-то время мы сидели молча, глядя на реку. Но со стороны выглядело так, будто мы вели беседу. Я представил, что она спрашивает меня, почему я не захожу к ней, а я, как всегда, отвечаю, что был занят, она спрашивает, как мои дела в школе, я отвечаю, что все в порядке, мой средний коэффициент равен восьмидесяти баллам, затем она спрашивает, как поживают мои тетя с дядей, а я отвечаю, что неплохо, только вот дядя простудился зимой и до сих пор не может избавиться от кашля, а я в свою очередь интересуюсь здоровьем ее родителей, бабушки, и в то время, как мы мысленно разговариваем, я думаю о том, как мы первый раз поцеловались, и как она сказала, что любит меня, в тот вечер, когда гладила комбинацию, и как запах ее волос щекотал мои ноздри, — но мы молча сидели на скамейке и смотрели через реку на Бронкс.

Наконец она заговорила.

— Ты изменился, Фрэнки. Очень изменился за последний год.

— Как и все мы, — ответил я. — Мы не становимся моложе.

— Я не об этом, Фрэнки, — медленно проговорила она. Иногда мне кажется, что ты совсем чужой, что я никогда не знала тебя раньше. Я знаю, что мы все изменились, — я, Джерри и Марти, — но, по-моему, ты

стал равнодушным, жестоким и эгоистичным. Ты никогда не был таким прежде.

Я вспомнил, что однажды я уже слышал эти слова от Руфи. Я повернулся и взглянул на Джанет.

— Я всегда был таким, — произнес я резко.

И мы снова замолчали и смотрели на реку, наблюдая, как маленький катерок, пыхтя, продвигался вверх по течению. Легкий ветерок дул нам в спины, я чувствовал, как он шевелит мне волосы. Я посмотрел на Джанет. Ее волосы разметались на ветру, и на лоб и щеки спадали маленькие завитки. И мне захотелось коснуться их рукой, я еще помнил, какие они мягкие и шелковистые на ощупь.

— Ты похож на маленького мальчика после незаслуженной трепки, — проговорила Джанет, тщетно пытаясь улыбнуться.

Я не ответил.

— Фрэнки, почему ты больше не заходишь ко мне?

Ну вот, все-таки она это спросила. Я и представить себе не мог, сколько мужества ей потребовалось, чтобы задать этот вопрос. Я не знал, что на это ответить, и пробормотал что-то насчет постоянной нехватки времени.

— Раньше ты был занят не меньше, однако находил время.

В свою очередь я высказал ей, что она начала встречаться с Джерри.

— Я начала встречаться с ним только тогда, когда ты отошел к другой компании. А что мне оставалось делать — сидеть дома, хныкать и ждать, когда ты соизволишь вернуться ко мне?

Она побледнела и вся напряглась.

— Но Джанет, — сказал я, — мы же были детьми и, возможно, сами отчетливо не сознавали, что говорили.

— Может быть, ты и не осознавал. — Она уже плакала. Слезы стояли у нее в глазах, сверкая, как маленькие алмазы там, где на них попадали лучи солнца. — Но я все прекрасно сознавала. Я думала, ты любишь меня. — Закрыв лицо руками, она наклонилась вперед, и беззвучные рыдания сотрясали ее хрупкую фигурку.

Я не мог вымолвить ни слова, горло свела судорога. Я обеспокоенно оглянулся. Но, слава Богу, вокруг нас никого не было!

- Ну, Джанет... — проговорил я наконец, наклонившись и коснувшись рукой ее плеча.

Как я мог сказать ей, что сожалею, что причиняю ей боль, или что чувствую себя идиотом? Когда я только и мечтал о Еве, девушке из старшего класса, с которой ходил последние три недели, и все время думал о ее влажных горячих поцелуях и шалостях, которые сулили и хитрый взгляд ее больших глаз, и все движения ее тела — обещали так много, а давали так мало — и вечно дразнили и мучили меня. Как я мог сказать Джанет, что любил ее свежесть, бесхитростный и честный взгляд приветливых глаз? Как я мог сказать ей, что хотел иметь и ее, и еще кого-то?

Она сердито стряхнула мою руку с плеча.

— Уходи! — закричала она. — Я чувствую себя ужасно — ненавижу тебя, ненавижу!

Она соскочила со скамейки и побежала по направлению к школе, вытирая лицо носовым платочком. Сначала я хотел броситься за ней, но вспомнил, что за нами могли наблюдать из окон. Так что предусмотрительно остался на скамейке.

Прозвенел звонок на перемену. Я почти обрадовался и пошел в школу. Следующим был урок испанского языка. На втором этаже я встретил Джанет, выходящую из женского туалета.

— Джанет, — сказал я.

Она отвернулась и холодно проговорила тихим голосом:

— Никогда больше не заговаривай со мной.

— Хорошо, — ответил я так же холодно, — если ты этого хочешь.

Я смотрел ей вслед.

— К черту! — сказал сам себе. — Все к черту! Это просто детские глупости!

Глава 11

Когда я вошел в кухню, обеденный стол был уже накрыт. Девчушки были тщательно умыты, Ирэн сидела на своем месте, а Эсси помогала матери у плиты.

— Приветствую вас, — сказал я.

— Я только что думала, где ты пропадаешь, Фрэнки, — сказала тетя Берта. — Давай быстрей умывайся. Мы уже было начали без тебя.

Я удивленно взглянул на нее, обычно она никогда не говорила так резко. Мне показалось, что выглядит она какой-то встревоженной.

— Ну вы же знаете меня, тетя Берта, — попытался я рассмешить ее, — единственно, куда я не опаздываю, так это к обеду.

Девчушки, услышав мои слова, весело расхохотались.

— Да, верно, мамочка, — сквозь смех сказала Эсси, — он никогда не опаздывает к обеду или ужину.

Я вошел в гостиную. В кресле у окна сидел дядя, уставившись в пространство, нервно сжимая руками подлокотники кресла.

— О, дядя Моррис, как ты меня напугал! Я думал, тебя еще дома нет.

— Привет, Фрэнки, сегодня я вернулся пораньше. — Он попытался улыбнуться, но вместо улыбки появилась какая-то болезненная гримаса. — Я слишком устал.

Войдя в ванную, я открутил кран, сунул руки под воду и прокричал ему:

— Ты бы лучше шел в кухню, они уже начинают обедать.

Его ответ я едва расслышал:

— Я не хочу есть.

Что-то случилось, подумал я. В воздухе висело какое-то напряжение. Я чувствовал себя не в своей тарелке и гадал, может быть, я сделал что-то не так. Вытерев руки, я пошел в кухню. Обедали мы молча без дяди Морриса. Затем я помог Эсси помыть посуду. Потом мы сидели в гостиной и слушали радио. В восемь часов дети пошли спать, а еще через час я решил последовать их примеру. Я смутно чувствовал, что дядя и тетя хотят поговорить, а я им мешаю. Это был унылый тихий вечер. Обычно дядя Моррис смеялся и шутил, играя с девчонками. Но сегодня он больше молчал. Когда они желали ему спокойной ночи, он позволил им поцеловать себя в щеку, но сам не поцеловал их. Я вошел в свою комнату, закрыл дверь и начал раздеваться. Через закрытую дверь до меня доносились приглушенные голоса. Я растянулся на кровати, закинув руки за голову, и почувствовал, что очень устал за этот длинный, оказав-

шийся таким тревожным для меня день. И хотя я был в подавленном состоянии, я быстро уснул, как будто в яму провалился. Но среди ночи меня разбудили тревожные голоса, раздававшиеся прямо за моей дверью. Я прислушался.

Тетя тихо плакала, а дядя ее успокаивал:

— Не переживай ты так. Ты же слышала, что сказал доктор. Пару лет в Аризоне, и все будет в порядке. Мне еще повезло, что врачи определили его в начальной стадии, когда он полностью излечим.

Она сказала что-то о детях. Я уловил свое имя, но толком не расслышал, что она говорила. Что-то о том, что мне еще не было шестнадцати.

— Об этом тоже не беспокойся. Там есть такие же хорошие школы, как и здесь. И Фрэнки поедет с нами. Мы должны все объяснить им. Я уверен, они согласятся. В конце концов, до шестнадцати ему осталось всего четыре месяца, и я думаю, они не очень строго соблюдают правила.

Тетя проговорила что-то еще, и я услышал, как дверь их спальни закрылась. Я лежал и размышлял, зачем мы собираемся в Аризону, и какое отношение к этому имеет мой возраст. И я уже почти засыпал, когда неожиданная мысль как молнией поразила меня. Я сел в кровати. Аризона — туберкулез, вот что это такое! Этим объясняется его продолжительный кашель в течение всей зимы. Это была никакая не простуда, а туберкулез.

Я соскочил с кровати, накинул на себя махровый халат и вышел в коридор. Прежде чем постучать в дверь их спальни, я минутку помедлил.

— Это я, — громко прошептал я. — Можно войти?

— Да, — ответил дядя, и я вошел. — Почему ты не спишь в такой поздний час?

— Я слышал, как вы говорили, — выпалил я, — и проснулся. Что случилось? Я чувствую, что тут что-то не так.

Дядя с тетей обменялись взглядами. Потом дядя сказал:

— Ничего страшного. Просто мы говорили о переезде и все.

— Да, я слышал. В Аризону. Но зачем?

Они не ответили.

— Потому что ты болен? — спросил я.

Он заглянул мне в глаза.

— Ты слышал?

— Да. Я мог догадаться, не ребенок же я.

— Ну тогда, — медленно проговорил он, — ты все знаешь.

— Послушай, — сказал я, подходя к кровати и присаживаясь с краю, — у меня есть деньги в банке на Бродвее, так что если они тебе нужны...

Он улыбнулся.

— Нет, спасибо. Мы прилично обеспечены. Так что пусть они хранятся для тебя.

— Если они могут помочь, они к твоим услугам. Там больше полутора тысяч долларов.

Дядя страшно удивился.

— Полторы тысячи долларов! Это большие деньги. Откуда они у тебя?

— Я работал, — сказал я, вставая. — Как-нибудь я тебе расскажу об этом. Но если они тебе когда-нибудь понадобятся, дай мне знать.

— Нет, сынок, думаю, до этого дело не дойдет. Но все равно спасибо.

Я собрался уходить, но тут тетя окликнула меня:

— Подойди и поцелуй меня.

Я наклонился над ней и поцеловал в щеку.

— Ты добрый мальчик, — сказала она с улыбкой. — А теперь иди спать и ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо.

Когда я уже ложился, я вспомнил, что забыл спросить, что они имели в виду, говоря о моих шестнадцати годах. Но решил оставить этот вопрос до утра, перевернулся на бок и уснул.

Глава 12

Следующим утром я проспал и выскочил из дома, не успев ни с кем поговорить.

Во время большой перемены в буфете я встретил Руфь, и мы с ней уселись за один столик.

— Как дела? — спросил я ее.

— Отлично. Правда, приходится усердно зубрить. Ты же знаешь, я в этом семестре заканчиваю школу.

— Да, знаю.

— Что-то тебя не видно последнее время. Вы случайно не поссорились с Марти?

— Нет. Просто у нас уйма разных дел.

— Ну, ты хоть иногда заходи к нам. Родители будут рады.

Она встала и ушла. Я медленным взглядом окинул столовую. Каким-то непостижимым образом все в школе для меня выглядело в этот день по-другому. Я решил, что это, возможно, потому, что я здесь долго не задержусь, если наша семья переедет в Аризону.

Сразу после тренировки я отправился домой. Дети играли, а тетя читала газету в гостиной. Когда я опустился на стул рядом с ней, она оторвала глаза от газеты.

— Первый раз за день присела.

— Да, — машинально ответил я, а потом, даже не задумавшись над тем, что она сказала, спросил: — Когда мы переезжаем?

— Не знаю, — ответила тетя. — Сначала нам надо здесь кое-что уладить. Дядя должен передать кому-нибудь свой район. Потом надо найти место в Аризоне, где мы будем жить, выбрать школу для тебя и девочек, тщательно распланировать бюджет. Какое-то время дядя не должен будет слишком усердствовать.

– Я могу пойти работать, — сказал я.

– Надеюсь, этого не потребуется. Я хочу, чтобы ты кончил школу и поступил в колледж. Ты когда-нибудь задумывался над тем, чем бы ты хотел заняться в будущем?

— Нет, не думал.

— А я мечтаю, если ты, конечно, не против, чтобы ты стал врачом или юристом. Мы бы были так счастливы, да и тебе это бы хорошо подошло.

— Не знаю. Еще будет время об этом подумать. Тетя, скажите мне откровенно, насколько плохи дела? Что сказал врач?

— В каком-то смысле нам повезло. У твоего дяди обнаружили туберкулез. Но мы захватили его в самой начальной стадии, и доктор сказал, что через некоторое время все будет в порядке.

— Хорошо, если он совсем поправится. Я так беспокоился.

Она улыбнулась.

— Только между нами. Должна признаться, что я тоже беспокоилась. Но сегодня, во всяком случае, я чувствую себя лучше. А вчера вечером у меня было ужасное состояние.

— Знаю, слышал.

Она снова улыбнулась мне.

— Мало что проходит мимо тебя, Фрэнки, не так ли?

Я тоже улыбнулся.

— Ты странный мальчик. С одной стороны, ты выглядишь старше своих лет, но ты добрый и мягкий, и я люблю тебя.

Я склонился над креслом и обнял ее за плечи.

— Похоже, я тоже вас ужасно люблю.

Она потрепала меня по щеке.

— Как насчет стакана молока для растущего организма?

— Если к нему есть какое-нибудь печенье, то согласен.

В этот момент в комнату вошел дядя. Тетя Берта бросилась к нему, поцеловала и спросила:

— Ну, как дела, Моррис?

— Довольно неплохо, — ответил он, поздоровавшись со мной. — За мой район мне предлагают пятнадцать тысяч долларов, и это хорошая цена. Так что какое-то время мы можем не беспокоиться о деньгах. Но есть одно затруднение. Я зашел в отдел детского социального обеспечения, чтобы поставить их в известность о том, что выезжаю из этого штата, и они, естественно, спросили меня о причине. Пришлось им все рассказать. И мне сказали, что мы не можем взять Фрэнки с собой.

Услышав эти слова, я вскочил с кресла.

— Почему? — закричал я.

Он повернулся ко мне.

— Кажется, у них в приюте есть правило, согласно которому право на опеку ребенка автоматически возвращается к ним, если в семье, усыновившей ребенка, неожиданно возникает заразная болезнь. Возможно, тебе придется ненадолго вернуться в приют. Не знаю. Завтра утром я собираюсь встретиться с юристом, и, вполне возможно, все наши проблемы уладятся.

— Я не хочу. Я не вернусь в приют.

— Мы тоже этого не желаем, Фрэнки, — сказал дядя. — Это я беру на себя.

Прошла неделя, весьма напряженная и хлопотливая. Мы готовились к переезду в местечко недалеко от Тусона. Тетя начала упаковывать вещи, я помогал ей. Через две недели мы должны уехать. Все были очень возбуждены предстоящим путешествием, дети только о нем и говорили.

Был теплый майский день. В два часа вернулся домой дядя. Он выглядел очень усталым и уселся в кресло в гостиной. Тетя Берта принесла ему чашку чая, и он пил его маленькими глотками. Я был в кухне, заворачивал тарелки в бумагу и укладывал их в ящики, когда он позвал меня.

Я вошел в гостиную и сел на диван рядом с тетей Бертой. Она взяла меня за руку.

— Право не знаю, как сообщить тебе эту новость, Фрэнки, — медленно проговорил дядя, — но рано или поздно мне придется это сделать. Фрэнки, ты не сможешь поехать с нами.

Я начал что-то говорить, но тетя Берта сжала мою руку и сказала:

— Дай дяде закончить.

И я замолчал.

— Как тебе известно, — продолжал он, — я встретился с юристом в надежде, что он сможет уладить это дело. Но все было бесполезно. Мы ничего не могли поделать. Существует закон, и хороший он или плохой, но мы вынуждены подчиняться ему. Я убеждал и умолял самых разных чиновников, но ничего не помогло. Мне сказали, что ты должен вернуться в приют до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать лет. Затем ты сможешь вернуться к нам.

Я чувствовал, что вот-вот разрыдаюсь. В горле запершило, глаза защипало. Все-таки я до последнего надеялся, что мы уедем все вместе.

Тетя смотрела на меня и говорила мягким сочувственным голосом:

— В некотором отношении, Фрэнки, в этом есть свои преимущества. Ты сможешь здесь закончить школу, тебе не надо расставаться с друзьями. Дядя Моррис разговаривал с братом Бернаром — он очень любит тебя — и он обещал присматривать и заботиться о тебе. Через некоторое время ты закончишь школу и сможешь приехать к нам. Там ты поступишь в колледж, а потом и в

университет. А пока ты оканчиваешь здесь школу, мы будем делать вид, что ты не с нами оттого, что тебе надо получить образование, как будто ты уехал и поступил в колледж.

— Мне все равно, — тупо сказал я. — Не хочу притворяться и делать вид. Меня не интересуют друзья. Я не буду о них скучать, мне нужны только вы. Я хочу всегда быть с вами.

— Мы тоже хотим, чтобы ты всегда жил с нами, — печально проговорила тетя Берта. — Ты же знаешь, как мы этого хотим. Мы так привязались к тебе, так тебя любим, но мы ничего не можем поделать, мы вынуждены выполнять закон. У нас нет выбора.

Я смотрел на них, а на глаза у меня наворачивались слезы. Хотел что-то сказать, но не смог. Я только смотрел на них широко открытыми глазами, из которых вдруг потекли горячие слезы. Так, молча, я и стоял, и только слезы текли по щекам. Их глаза так же были полны слез. Я не выдержал, повернулся, убежал в свою комнату и бросился на кровать.

Я слышал, как тетя и дядя подошли к моей двери. Слышал их голоса за дверью.

— Моррис, я войду и поговорю с ним. Ты видел его взгляд? Как у маленького мальчика, которого выгнали из дома.

— Нет, — ответил дядя. — Оставь его в покое. Скоро он придет в себя. Он настоящий мужчина.

И они ушли.

Рассеянно я думал о том, что он сказал. Я был настоящим мужчиной. Да, конечно. Но вел я себя, как маленький мальчик, которого выгнали из дома. Я мужчина. Я попытался успокоиться. Перестал плакать, встал с постели, пошел в ванную и умылся. Потом прошел в кухню.

Дядя с тетей сидели за столом.

— Ну что, чувствуешь себя лучше? — спросил дядя.

Я кивнул. Говорить боялся, думал, что голос меня подведет.

— Садись и выпей чаю, — пригласила меня за стол тетя.

Только годы спустя я понял, что дядя нарочно громко говорил в коридоре перед моей дверью, чтобы успокоить меня. Но тогда я этого не знал и чувствовал себя

препаршиво. Мне ужасно не хотелось возвращаться в приют.

Я был доволен, что никому не рассказывал о переезде, и решил не сообщать о моем возвращении в приют, так как не хотел, чтобы меня жалели.

Глава 13

И вот наступила пятница тринадцатого мая 1927 года. В этот день я возвращался в приют.

Утром мы с дядей погрузили мои вещи в машину и поехали. Почти всю дорогу мы молчали. Только один раз дядя произнес, как бы извиняясь за то, что случилось:

— Не думал, что все так произойдет.

Я не ответил, так как трудно было подобрать ответ. Приехав в приют, мы прошли в кабинет брата Бернара и поздоровались с ним за руку.

Он был очень любезным.

— Фрэнки, ты будешь жить в своей прежней комнате, — сказал он. — Может быть, отнесем твои вещи туда?

Мы поднялись в мою прежнюю комнату. По пути нам встретилось несколько ребят, но ни одного из них я не знал. Все они были новичками.

В комнате я положил чемодан на старую кровать, открыл его и переложил вещи в шкаф, а костюм повесил на плечики. Через несколько минут все было готово. Мы спустились вниз в кабинет брата Бернара, где дядя подписал какие-то документы, и попрощались с братом Бернаром.

— Фрэнки будет здесь завтра после обеда, — сказал дядя. — Он сначала проводит нас на поезд, а потом приедет сюда.

— В какое время? — поинтересовался брат Бернар.

— Примерно часа в три. Наш поезд отходит в час.

— Я буду ждать его. Не волнуйтесь за Фрэнки, мистер Каин. Мы будем хорошо заботиться о нем. Надеюсь, что скоро вы будете чувствовать себя лучше.

Они еще раз пожали друг другу руки.

— До завтра, Фрэнки, — сказал брат Бернар, обращаясь ко мне.

— До завтра.

На следующий день рано утром прибыли грузчики, и к десяти тридцати квартира была пуста. С собой отъезжающие взяли лишь два чемодана с необходимыми вещами. Я поехал провожать их на Центральный вокзал. Поезд прибыл ровно в двенадцать часов. Мы внесли в купе вещи. Казалось, прошло всего лишь несколько минут, а мне пора было покидать вагон.

Я расцеловал сестренок, пожелал им счастливого пути и вручил каждой по коробочке леденцов, которые купил специально для них.

— Я буду скучать о тебе, Фрэнки, — сказала старшая, Ирэн, обняв меня за шею.

— И я тоже, — проговорил я, взъерошив ей волосы.

Потом я повернулся к дяде и протянул ему руку.

— До свидания. Счастливого пути. Надеюсь, ты скоро поправишься.

Он улыбнулся.

— Пока, Фрэнки. Будь умницей. Мы расстаемся ненадолго.

Следующей была тетя. Она обнимала, целовала меня и плакала.

— Как бы я хотела, чтобы ты ехал с нами, Фрэнки.

— Я тоже. — Я чувствовал, что вот-вот сам расплачусь, но старался держаться, чтобы не расстраивать их еще больше. — Спасибо вам за все.

— О, Фрэнки! Фрэнки! — воскликнула она, снова и снова целуя меня. — Не благодари нас. Мы любим тебя и хотим, чтобы ты был с нами. Мне будет одиноко без тебя.

Подошел проводник и похлопал меня по плечу.

— Вам лучше выйти, мистер. Мы можем тронуться в любую минуту.

Тетя отпустила меня.

— Ну все, — сказал я. — Пока. — И, почувствовав, что слезы застилают мне глаза, я повернулся и вышел из вагона.

Прощальные слова привета звучали у меня в ушах. Девчушки прилипли носами к стеклу. Дядя пытался мне что-то сказать, но я не слышал его через закрытое окно. Поезд тронулся. Я бежал вдоль платформы и махал им рукой. Дядя открыл окно.

— Не волнуйся, Фрэнки, — прокричал он. — Мы скоро встретимся.

Я добежал до края платформы. Поезд входил в туннель. В последний раз я увидел, как они машут мне и кричат: «До свидания!». Я постоял немного на краю платформы, чтобы отдышаться, а потом повернулся и поплелся назад. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким.

Под яркими лучами солнца я медленно брел по городу. Добравшись до приюта, я несколько минут рассматривал его со стороны. Закрыв глаза, я вспоминал, как тетя целовала меня, желая спокойной ночи. Вспомнил милые моему сердцу домашние запахи и звуки, теплые приятные вечера, которые мы проводили вместе — я делаю уроки, дядя Моррис читает газету, а тетя Берта сражается с девчушками, которые ужасно не хотят отправляться в постель. И, открыв глаза, я еще раз взглянул на приютское здание: мрачное, серое, грязное, и на старую кирпичную школу рядом с ним, на церковь на углу, на больницу через дорогу. Вспомнил гонг, собирающий нас к трапезе, тщательно спланированный распорядок дня, молитвы, исповеди. И такая меня взяла тоска, что я просто возненавидел все это. Не вернусь туда. Ни за что.

Я взглянул на часы. Было два часа пополудни. Я отправился в банк, снял со счета двести долларов и на метро поехал на Центральный вокзал. Я собирался взять билет на следующий поезд в Тусон. Уже подошел к кассе, но тут меня осенило, что именно там меня будут искать в первую очередь. Я решил сбежать, но не знал, куда податься. По расписанию ближайший поезд отходил в Балтимор в три часа десять минут. Я подошел к окошечку кассы и купил на него билет.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Джанет

Джанет слушала Мартина, прикрыв глаза. Мягкий желтый свет свечей отбрасывал ровные тени на его лицо, и ее память сыграла с ней странную шутку. Комната, в которой она сидела, исчезла, а вместо нее появилось то, что было ей дорого до сих пор.

Был обычный понедельник. Она только что пришла в школу, когда ее срочно вызвали в кабинет миссис Скотт.

Миссис Скотт сидела за столом, а напротив нее сидел незнакомый мужчина, которого она видела в первый раз. Рядом стояли Марти и Джерри. У Марти было бледное напряженное лицо, а Джерри выглядел очень взволнованным.

— Брат Бернар, — сказала миссис Скотт, вставая из-за стола, — это Джанет Линделл, та юная леди, о которой я вам говорила. — Потом она повернулась к Джанет. — А это брат Бернар из приюта Святой Терезы.

Джанет вежливо улыбнулась.

— Здравствуйте.

Брат Бернар встал. Он оказался высоким широкоплечим мужчиной с густой черной шевелюрой с проседью и такими же бровями. У него был низкий грубоватый голос, когда он прямо и резко спросил:

— Не видели ли вы Фрэнсиса во время уик-энда?

— Нет, а почему вы спрашиваете? — удивилась она. — Что-нибудь случилось?

Брат Бернар с унылым видом опустился на стул. На ее вопрос ответила миссис Скотт.

— По всей видимости, Фрэнсис сбежал. Как вы знаете, в субботу он должен был вернуться в приют, но не вернулся. Утром он проводил дядю с тетей на вокзал и пропал.

Джанет была озадачена.

— Может быть, он уехал с ними? — предположила она.

Брат Бернар покачал головой.

— Мы послали телеграмму его дяде и выяснили, что его с ними нет.

— Он ничего вам не говорил? — обратилась миссис Скотт к ним. — Не говорил, что хочет куда-нибудь уехать?

Они не ответили: отвечать было нечего. Неожиданно для себя Джанет села на стул и разрыдалась. Джерри подошел к ней.

— Не плачь, Джанет. Может быть, он вскоре объявится. Ты же знаешь, какой он самостоятельный. Возможно, он чего-то хочет добиться собственными силами.

— Но с ним может что-нибудь случиться, он может заболеть и никто об этом не узнает, — рыдала она.

Рука Джерри нашла ее руку и крепко сжала.

— Не беспокойся, Джанет. С ним будет все в порядке. Я знаю его.

Она взглянула на Джерри сквозь слезы.

— Ты действительно так думаешь?

Он серьезно кивнул головой. Она заметила что-то такое в его лице и глазах, что заставило ее еще раз взглянуть на него. Она увидела нахмуренный лоб, который перерезали тревожные морщинки. Но тревога эта была не за Фрэнсиса, а за нее. И она резко оборвала рыдания.

В первый раз тогда она поняла, какие чувства питает к ней Джерри.

Комната опять оказалась в фокусе. Мартин продолжал говорить, и было довольно странно, что пока ее мысли отсутствовали, она слышала и запоминала каж-

дое его слово. Мартин выпил еще немного вина и продолжил беседу, а ее мыслями вновь овладели воспоминания.

Естественно, после этого она и Джерри сблизились. И никогда не говорили о Фрэнсисе до того вечера, незадолго до их свадьбы.

В тот вечер они обедали дома у Джерри с его родителями. Джерри только что получил право адвокатской практики и через несколько недель собирался приступить к работе в ведомстве прокурора города. Они сидели перед большим камином в гостиной, наблюдая, как ярко горят и трещат поленья, отбрасывая крошечные искорки. Время шло, а они не произнесли ни слова, просто сидели рядом, соприкасаясь плечами и переплетя пальцы рук.

— О чем ты думаешь, дорогая? — шепотом спросил ее Джерри.

Она повернулась и серьезно посмотрела на него. Отблески огня плясали у него на лице.

— Ни о чем особенном.

— Ты сидела так тихо, что я подумал, ты забыла, что я сижу рядом.

— Джерри, — она засмеялась, — ну как ты мог так подумать? Просто... послезавтра мы станем мужем и женой, и я полагаю, девушка имеет право оглянуться на свою юность и сказать ей прощай, прежде чем обретет успокоение в замужней жизни.

— А ты не передумаешь, а? — с тревогой взглянул он на нее. — У тебя нет никаких сомнений?

— Джерри, дорогой, — она прижалась к нему и поцеловала. — Глупый, ну, конечно же, я ни в чем не сомневаюсь. Я люблю тебя. Просто мне немного грустно.

Он обнял ее и положил голову на ее плечо.

— Прости меня, дорогая. Действительно я глупец. Но я так люблю тебя, и я не хочу, чтобы ты была несчастна. Даже, если...

— Джерри, прекрати сейчас же. Я люблю тебя, послезавтра в полдень в церкви Святого Патрика нас обвен-

чают, и мы будем жить долго и счастливо, как говорится в сказках и фильмах со счастливым концом.

И она приложила палец к его губам. Он нежно прикусил его.

— А я только что думал о Фрэнки. Странно, не правда ли? Я имею в виду, как устроена человеческая память. — Он посмотрел на нее. — Ты можешь годами не видеть человека, и вдруг он всплывает в твоей памяти, настоящий, как в жизни. Однажды, когда я учился в колледже, в дверь позвонил какой-то моряк и спросил Роберта, дома ли я. Роберт, естественно, ответил отрицательно. Я не знаю, кто это был, среди моих знакомых нет моряков. И тогда я решил, что это был Фрэнки. Но я никому ничего не сказал, сохранил в тайне даже от тебя и от Марти, потому что я боялся, боялся, если он вернется, то я потеряю тебя.

Ее сердце вдруг начало шалить, с ним происходило что-то странное: оно то сжималось от сладкой боли, то начинало быстро-быстро колотиться. Но говорила она спокойно, и ее голос звучал укоризненно.

— Джерри, ну как ты мог так поступить! Ты же знаешь, как его родственники беспокоились за него. Я люблю тебя, а не Фрэнки. То чувство, которое я питала к нему, было всего лишь детским увлечением, детскими глупостями, совсем не то, что я чувствую к тебе. Ты должен был с кем-то поделиться.

— Я знаю, что был неправ, дорогая, — сказал Джерри. — Чувствовал себя подлецом, поверь мне, но я любил тебя — влюбился с первого взгляда, и не хотел тебя терять.

— Ты бы не потерял меня, если бы даже и захотел. — Она улыбнулась и затем добавила с притворной серьезностью, теребя воображаемые усы: — Ведь ты всецело в моей власти, мой прекрасный хвастунишка.

Он весело и счастливо рассмеялся.

— Я люблю тебя, Джанет.

— А я люблю тебя.

И через день они обвенчались в церкви Святого Патрика.

С трудом она вернула свои мысли в настоящее. Мартин говорил:

— Он всегда был для меня идеалом, с самого детства я хотел быть похожим на него.

Джанет спокойно сказала:

— Да, во Фрэнки было что-то такое, что отличало его от всех и притягивало к нему людей. Казалось, он весь проникнут жаждой приключений, а его небрежная манера вести себя привлекала к нему всех девчонок, в том числе и меня.

Она бросила на Джерри нежный взгляд и улыбнулась. Это было так давно, что об этом уже можно было говорить.

— Но было в нем что-то такое неуловимое, то ли взгляд, то ли выражение лица, что иногда казалось, что он смеется над тобой или над собой, или ему доставляет удовольствие играть с тобой и с жизнью, и я никогда не была уверена, что знаю, о чем он думает. Было в нем что-то такое, отчего я чувствовала себя нерешительно, неуверенно в своих чувствах и постоянно пыталась в них разобраться.

Да, — продолжала она, улыбнувшись им обоим, — думаю, так оно и было. Он вечно выводил тебя из душевного равновесия, не давая возможности ответить тем же. А сам всегда держал себя в руках. Казалось, он всегда подстрекает тебя на что-то, а потом смеется над тобой, удастся тебе это выполнить или нет. Думаю, вы так и не смогли раскусить его по-настоящему. В нем было так много самых разных черт характера, что ни за что невозможно было понять, какая из них настоящая.

Но, по-видимому, это не имело никакого значения. Вы любили его таким как есть и, возможно, именно его неповторимость притягивала вас к нему.

Она взглянула на друзей, и неожиданно глаза ее наполнились слезами, и она приложила к ним полупрозрачный кружевной платочек.

— Я, наверное, дура — глупая сентиментальная дурочка, но мне так хорошо, что вы оба рядом со мной. Вы не представляете, как мне было одиноко, когда

Джерри был на Сайпане, ты во Франции, а Руфь... — Она снова приложила платочек к глазам. — Мы будем пить кофе в гостиной?

Мартин улыбнулся. Джерри протянул через стол руку и сжал в ней ладошку Джанет.

— Если ты и дурочка, то ужасно прелестная, и я люблю тебя за это, дорогая.

ЧАСТЬ III

Глава 1

На следующее утро я проснулся в незнакомой комнате. В полудреме я лениво рассматривал потолок. Медленно мой взгляд блуждал по комнате, пока я наконец не вспомнил, где я нахожусь: в Балтиморе. Я не думал сбегать и задавал себе вопрос, не вернуться ли мне назад. Умываясь в тазике в углу комнаты, я гадал, чем они сейчас занимаются в Нью-Йорке. Брат Бернар, скорее всего, телеграфировал моим родственникам. И как только он получит от них ответ, он тут же сообщит о моем исчезновении в полицию. Они начнут прочесывать железнодорожные станции и рано или поздно обнаружат, что я купил билет до Балтимора. Я не мог придумать ничего лучше, чем сменить отель и затеряться в городе.

Одевшись, я спустился вниз, рассчитался за номер и вышел на улицу. Недалеко от отеля нашел небольшой ресторанчик, где позавтракал за двадцать пять центов: сок, яйца и кофе.

После завтрака я решил поискать какую-нибудь работу. Купив газету, просмотрел объявления, в которых требовались посыльные, курьеры, помощники в универмагах и тому подобное. Но обойдя все эти места, я нигде не получил работы.

Тогда я подумал, что сначала мне нужно найти место для ночлега, и снова раскрыл газету, на этот раз изучая раздел о сдаче комнат в наем. Оказалось, что все они находятся в одном районе. И, пообедав в ресторане, я отправился на улицу Стаффорд. Это был старый захуда-

лый район, почти на окраине города. Вдоль улицы стояли серо-коричневые каменные дома, в окнах которых были выставлены таблички «Свободно» или «Сдается комната». Я выбрал дом почище, поднялся по ступенькам и позвонил. Не дождавшись ответа, позвонил еще раз. Дверь открылась, и я увидел пожилую женщину, волосы которой были перевязаны смешными разноцветными ленточками.

— Что за дурацкие фантазии будить человека после обеда? — потребовала она ответа хриплым дребезжащим голосом.

— У вас в окне табличка, мадам, — сказал я, указывая на нее рукой — «Сдается комната».

— А, эта! — проговорила она резко. — Я просто забыла ее снять. Эту комнату вчера заняли.

— О! — воскликнул я. — В таком случае извините за беспокойство.

Я начал спускаться по ступенькам, но она меня окликнула:

— Молодой человек, вернитесь!

Я вернулся.

— Да, мадам.

— Не называй меня мадам. Терпеть этого не могу. — Она внимательно оглядела меня. — Ты новичок в городе, не так ли?

Я был неприятно поражен. Уж если эта старая карга сразу меня раскусила, какие у меня шансы на то, чтобы скрыться?

— Да, — ответил я. — Но какое вам до этого дело?

— Никакого. Откуда ты приехал, из Нью-Йорка?

— Не ваше дело! — грубо отрубил я, раздражаясь все больше и больше. — Я думал, вы тут комнату сдаете, а оказалось, что пришел в полицейский участок.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Подожди минутку. Я не хотела тебя обидеть. Я хочу помочь тебе. Может быть, у меня и найдется комната. Входи.

По коридору она провела меня в большую комнату, где там и сям стояли кушетки и кресла, а один угол занимал огромный рояль, на крышке которого в беспорядке стояли пустые бутылки из-под виски. Повсюду валялись окурки: и в пепельницах, и на полу возле

большого старинного камина. Пахло застоявшимся сигаретным дымом и виски и еще чем-то таким, что напоминало то ли больницу, то ли приют.

— О Боже! Что за смрад! — воскликнула старуха, принюхиваясь, а затем подошла к окну и настежь открыла его. — Садись, садись, — указала она рукой на одно из кресел.

Открыв небольшой бар, она вытащила оттуда бутылку джина, налила в рюмку и залпом осушила ее, даже глазом не моргнув. Она выглядела весьма эксцентрично в чем-то вроде кимоно, с седыми волосами, перевязанными ленточками, и с румянцем, выступившим у нее на щеках после джина. Я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

— Сколько тебе лет? — спросила она уже спокойным голосом.

Я заколебался на какое-то мгновение, и она это заметила. Но тем не менее я солгал.

— Девятнадцать.

— Хм. Почему ты уехал из Нью-Йорка?

Я вспылил.

— Я уже раз сказал, что это не ваше дело. Есть у вас для меня комната или нет? — и я встал с кресла.

— Подожди, подожди, — замахала она руками. — Ишь какой обидчивый!

— Хорошо, — сказал я, снова садясь в кресло.

Я гадал, что эта старуха, в конце концов, от меня хочет. Этот притон был похож на публичный дом, по крайней мере, мне так казалось. Он весь провонял. Ни за какие коврижки не останусь здесь.

— Неприятности с девчонкой? — пытала она меня.

Я покачал головой.

— Тогда, может быть, с полицией?

Вполне возможно, подумал я. Как только брат Бернар сообщит туда обо мне. Я небрежно пожал плечами.

— О, — произнесла она, улыбаясь. По всему было видно, что она удовлетворена своей догадкой. — Я так и думала. Ну и чем же ты собираешься заняться здесь, в Балтиморе?

— Найти работу и комнату, если, черт меня побери, мне когда-нибудь удастся выбраться отсюда.

Она громко расхохоталась, услышав это.

— Собираешься вести добродетельный образ жизни? — захихикала старуха. Затем, прекратив смех, она свирепо уставилась на меня. — Ты думаешь, тебе это удастся? Да такого сопляка, как ты, они враз сцапают и вернут обратно в Нью-Йорк, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Я молча наблюдал за ней. Разволновавшись, она ходила взад и вперед передо мной. Потом подошла и пощупала мускулы у меня на руке. Непроизвольно я напряг мышцы.

— Сильный парень, — удовлетворенно произнесла она. Затем подошла к шкафчику, налила еще одну рюмку, опрокинула ее себе в рот и сказала: — Ты мне нравишься. Мне нравится твой жесткий неприветливый взгляд. У меня есть для тебя работа.

— Какая? — спросил я. Сводничество было не по моей части.

— Ты знаешь, что у меня здесь за место? — спросила она, жестом обводя комнату.

— Да уж догадываюсь.

— Ну так вот. Мне здесь нужен мужчина, такой, который смог бы внушить моим клиентам желание вести себя прилично, не слишком буйно. Работы у тебя будет не много. Естественно, никакого вышибания, так, время от времени вывести кого-нибудь, кто уж слишком напьется и на ногах держаться не будет. Тебе надо будет только стоять и пристально наблюдать за ними, и чтобы они видели тебя. Этого будет достаточно. И иногда будешь ходить со мной по магазинам. Тридцать долларов в неделю. Комната и стол. Ну и что ты на это скажешь?

— Звучит довольно заманчиво, — сказал я, — но вообще-то я привык другим делом заниматься.

— Ну и к чему ты привык? Бегать туда-сюда за гроши? Тогда пуля в задницу тебе обеспечена. А здесь и лучше, и заработаешь больше.

— О'кей, — согласился я. — Когда приступать к работе?

— Прямо сейчас, — сказала она, улыбаясь. — Но одно запомни крепко-накрепко. Не трогай девочек. Конечно, я не запрещаю тебе подурачиться время от времени, если захочешь. Но не заводи постоянных подружек. Мне не нужны ссоры между девушками.

— Понял.

— Ну вот. Ты получил работу, занимайся своими делами, и тебя здесь никогда не найдут. — Она опять подошла к шкафчику. — Как тебя зовут?

— Фрэнки, — ответил я. — Фрэнк Кейн. А вас как?

— Называй меня просто бабуся. — И она залпом выпила джин.

Глава 2

Она подошла к двери и крикнула:

— Мэри, Мэри! — а потом повернулась ко мне. — Где твой багаж?

— Какой багаж?

— О, ты, должно быть, страшно торопился, — засмеялась она. — Ну хорошо, когда пойдем за покупками после обеда, купим тебе кое-что из одежды: костюм с подплечиками, чтобы ты выглядел посолиднее, и несколько цветных рубашек. Но не думай, что все это задаром. С первой же зарплаты вычту стоимость купленного.

В комнату вошла крупная девушка-негритянка.

— Мэри, мой внук только что приехал из Нью-Йорка, — сказала ей старая женщина. — Проводи его в свободную комнату на третьем этаже.

Девушка скептически оглядела меня. Старуха, очевидно, поняв, о чем та думает, закричала:

— Что случилось? Ты слышала, что я сказала — мой внук! У меня что, не может быть внука? Я такая же женщина, как и все другие, живущие по соседству.

Негритянка фыркнула.

— Я живу с вами шесть лет, миссис Мэндер. И вы ни разу не упоминали ни о каких родственниках.

— Говорю тебе, он мой внук. Взгляни на него. Он же похож на меня. Посмотри на его глаза. Они же, как мои.

Девушка взглянула на меня. Я видел, что она засомневалась.

— Ну, если вы так утверждаете, миссис Мэндер...

Старуха победно рассмеялась.

— Ну так вот. Он не мой внук. До сего дня я его в глаза не видела. Но он будет здесь работать и для всех остальных — он мой внук. — Она повернулась ко

мне. — Мэри невозможно одурачить. Слишком долго она со мной.

Мэри отвела меня в маленькую комнатку на третьем этаже с окнами на улицу. В комнате стояла одна-единственная кровать и умывальник в углу.

Закрыв дверь, я снял пиджак, бросил его на стул и растянулся на кровати. Я страшно устал, никогда не думал, что так тяжело бегать в поисках работы. Я уставился в потолок.

Пусть старуха думает, что угодно. В одном она права. Полицейские меня здесь не найдут. А как только все утихнет, я уеду отсюда к родным. Как они там? Я представлял себе встревоженную тетю с телеграммой брата Бернара в руках и дядю, успокаивающего ее. Брат Бернар, наверное, злой как черт. Миссис Мэндер думает, что я опасный бандит. В плохих отношениях с полицейскими... смешно... Балтимор... бабуся... публичный дом...

Я задремал. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошла миссис Мэндер. Она была прилично одета, как любая другая пожилая леди. Я сел на кровати.

— Вставай, Фрэнки, — сказала она. — Мы идем за покупками.

Я встал и надел пиджак.

— О'кей. Я готов.

Сначала мы зашли в мясную, а потом в овощную лавку. Она расплатилась наличными за продукты и доставку. А затем мы отправились в небольшую мастерскую к портному.

Навстречу нам вышел невысокий еврей.

— Чем могу быть вам полезен, мадам?

— Нет ли у вас хороших подержанных костюмов?

— Ха, она еще спрашивает меня, есть ли у меня хорошие подержанные костюмы! — воскликнул он, театрально всплескивая руками. — Да у меня самые лучшие костюмы. Как новые — всего несколько раз надеванные. — И он рукой указал на вешалки с одеждой.

— Мне нужен костюм для моего внука, прямо сейчас, — сказала миссис Мэндер.

Некоторое время мы рылись в одежде, пока она не нашла то, что ей понравилось.

— Примерь вот этот.

— Ну, женщина, — воскликнул портной, — из всех костюмов она выбирает лучший, тот, который я думал оставить себе.

Тем временем я снимал костюм с вешалки, поглаживая его. Костюм был из серого шевиота в мелкую полоску. Я надел пиджак. Он был мне немного широковат в плечах и в бедрах.

— Сидит как перчатка, — сказал портной, похлопывая меня по плечам. — Может быть, я слегка заберу в плечах. Но все остальное — просто отлично.

— Сколько? — спросила миссис Мэндер.

— Двадцать пять, — ответил портной. — Только для вас.

В конце концов он согласился на девять долларов. И не забрал пиджак в плечах, а подложил под плечи вату.

Когда через пятнадцать минут я снова надел пиджак и подошел к зеркалу, я понял, что моя бабуся была права. Плечи стали шире, и я выглядел старше. Я старался не показать виду, как я доволен.

Мы вернулись домой уже почти в шесть часов. Мне было интересно, что собой представляют другие обитатели дома.

Миссис Мэндер сказала мне:

— Мы ужинаем в шесть часов. Не опаздывай.

— Хорошо, — ответил я, поднимаясь по лестнице в свою комнату.

Глава 3

Спустя несколько минут я услышал звонок к обеду и спустился в кухню. Я слышал множество голосов за закрытой дверью, которые перекрывал резкий скрипучий голос миссис Мэндер. Я поправил галстук, открыл дверь и вошел.

Болтовня прекратилась, и все лица, как по команде, повернулись в мою сторону. На них было написано откровенное любопытство. И я подумал, что до моего прихода они говорили обо мне. Оглядевшись, я увидел свободное место в конце стола напротив миссис Мэндер, прошел к нему и сел.

— Правильно, Фрэнк, — одобрила мои действия миссис Мэндер. — А теперь кушай, не стесняйся.

Я не ответил, протянул руку и положил себе в тарелку несколько кусочков мяса из блюда в центре стола.

Миссис Мэндер повернулась к девушкам.

— Это Фрэнсис Кейн. Он будет работать здесь — поддерживать порядок. — Она наклонилась, вытащила из-под стола бутылку джина, налила себе в стакан для вина и одним махом отпила половину, как будто это была вода. Затем повернулась ко мне и по очереди представила девушек. Они были разного возраста — от двадцати пяти до сорока лет, разного роста и комплекции, от Большой Мэри, которая сидела рядом со мной и которой было что-то около тридцати, до Дженни, сидящей рядом с миссис Мэндер, маленькой, хрупкой, держащейся с притворной скромностью. Все они были одеты в домашние халаты различных фасонов и расцветок. Некоторые были ярко накрашены, с фальшивыми ресницами. У других лица были усталые, измученные, без всякой косметики, как будто они только что проснулись. Но одна черта у них была общая для всех: их глаза, яркие, блестящие и колючие.

По-видимому, Мэри была вожаком у девушек. Это была здоровенная женщина с мощным бюстом, толстыми руками, двойным подбородком и крашеными светлыми волосами, одетая в серо-грязный халат. Она пристально изучала меня. Я продолжал есть, не обращая внимания на ее испытующий взгляд. Наконец она обратилась к миссис Мэндер.

— Что за дурацкая идея взять в такое место, как наше, ребенка в качестве вышибалы? Здесь нужен настоящий мужчина.

Она ждала, что я на это отвечу. Но я молча продолжал есть. Миссис Мэндер только фыркнула и налила себе еще джина.

Мэри встала. Я понял, что она почувствовала себя увереннее, не получив ответа ни от меня; ни от миссис Мэндер.

— Он же еще молокосос. Пошлите его к черту, пока он не расплакался! Взгляните на него! Он вот-вот разрыдается!

Положив нож и вилку на тарелку, я взглянул на нее, но промолчал. Она весила килограммов восемьдесят пять при росте метр восемьдесят. Я видел, что девушки наблюдают за нами, и мне стало ясно, что они будут

следовать ее примеру и вести себя так же, если позволить ей болтать, что вздумается. А она снова уселась на свое место, перегнулась через угол стола и ущипнула меня за щеку.

— Посмотрите, он же совсем еще салага! Почему ты не убегаешь домой, крошка? — говорила она противным оскорбительным тоном, а на лице появилась какая-то коровья тупость. — Что, язык проглотил?

Не вставая с места, я наотмашь ударил ее по лицу тыльной стороной запястья. В этот удар я вложил всю силу своих семидесяти килограммов. Она рухнула на пол вместе со стулом и лежала распростершись, подняв одну руку к лицу и тупо уставившись на меня. Из носа и уголков губ потекли струйки крови. Остальные девушки переводили взгляд с меня на Мэри и обратно.

— Ты слишком много говоришь, — наконец сказал я ей и вновь принялся за еду.

Краем глаза я видел, как она тяжело поднялась, опираясь рукою о стул, халат у нее распахнулся, и из него вывалилась одна грудь, большая и тяжелая, как переспевшая дыня. Она утерла халатом кровь с лица, и видно было, что она в нерешительности — садиться ей за стол или нет. Я почувствовал, что она боится меня.

— Садись и доешь свой обед, — сказал я ей. — А потом, черт тебя побери, иди наверх и умойся. Тебя ждет работа.

Я говорил монотонным, ничего не выражающим голосом, таким, каким часто говорил Феннелли. Я и не подозревал, что могу говорить так сурово и безжалостно.

Она запахнула халат и уселась.

— Я же говорила вам, говорила, — хихикала миссис Мэндер. — Просила вас не связываться с ним.

Девушки заканчивали есть, одна за другой вставали из-за стола и выходили из кухни. И наконец, за столом остались только я и миссис Мэндер, которая была страшно пьяна.

«Господи, сколько в нее вмещается жидкости, ну прямо настоящий верблюд», — думал я про себя.

— Фрэнки, мой мальчик, — хихикала она. — Я всегда мечтала о такой сильной мужской руке, чтобы создать непринужденную обстановку в доме.

В семь тридцать девушки начали спускаться из своих комнат в гостиную. Все они были одеты в блестящие

черные атласные платья и тщательно подкрашены. По тому, как тряслись их груди при ходьбе и как платья прилипали к бедрам, я понял, что под платьями у них ничего не было. В тускло освещенной гостиной они рассаживались небольшими группками, болтали и ждали, когда прозвенит звонок у двери и начнется ночная работа. Большая Мэри, так ее все называли в отличие от Мэри-негритянки, тоже спустилась и, проходя мимо меня, кивнула, как будто ничего не произошло. А через несколько минут спустилась и Мэри-негритянка. Она была одета в яркое платье из набивной ткани, которое резко контрастировало с ее темной кожей и платьями других девушек. Она уселась за рояль и начала потихоньку наигрывать мелодию и петь низким печальным голосом. Такова была ее работа по вечерам.

Откуда-то из недр дома появилась миссис Мэндер. Трезвая как стеклышко. Ума не приложу, как ей это удалось! После ужина она еле держалась на ногах. А сейчас — ни в одном глазу! Одета она была очень скромно, почти чопорно, волосы гладко зачесаны назад, лицо слегка припудрено, на нос водружены очки. Она наставляла меня:

— Запомни, деньги будешь собирать авансом: по пять долларов с клиента и по двадцать пять, если он захочет остаться на ночь. Деньги бери до того, как он поднимется наверх. Оставайся здесь в прихожей, а в гостиной я и сама справлюсь.

Я увидел через полуоткрытую дверь, как она открыла шкафчик с напитками, вытащила несколько бутылок и расставила их в ряд на рояле рядом с пустыми стаканами. Потом она снова вышла в прихожую и предупредила:

— Пьяных не пускай, от них только неприятности.

Тут прозвенел звонок, я пошел открывать, а она вернулась в гостиную. Я заметил, что девушки немного оживились, выпрямились, а на лицах появился какой-то дух соперничества. Гонки начались.

Я заглянул в глазок и увидел невысокого мужчину, похожего на банковского служащего или мелкого лавочника.

— Могу я видеть миссис Мэндер? — спросил он.

Я открыл дверь и впустил его. Он оказался старым клиентом и прошел сразу в гостиную. Через несколько

минут он вышел в прихожую с Большой Мэри, которая метнула на меня победный взгляд: как же, она заполучила первого клиента. Он вытащил и вручил мне деньги.

Звонок зазвонил снова — еще один клиент, а за ним еще и еще. До меня из гостиной доносился звон бокалов, смех и негромкая музыка. Некоторые девушки поднимались наверх со своими клиентами.

Ночь тянулась медленно, по крайней мере для меня, ничего из ряда вон выходящего не происходило.

Около трех часов ночи в прихожую вышла миссис Мэндер.

— Наверху кто-нибудь есть? — спросила она.

— Нет.

— Тогда закрывай.

Я запер дверь на замок, и мы прошли в кухню. Рядом с холодильником в стене был встроен небольшой сейф.

— У тебя должно быть триста пятнадцать долларов, — сказала она, доставая клочок бумаги, на котором были записаны имена девушек, отметки о каждом клиенте и сколько каждый из них заплатил. Я пересчитал деньги. Она была права с точностью до цента. Так что я выбросил из головы мысль об утаивании денег.

Она пересчитала деньги за мной и спрятала их в сейф. Затем вытащила из шкафа бутылку джина.

— Выпьешь? — предложила она, протягивая мне бутылку.

— Нет, спасибо, бабуся, — отказался я.

Она налила себе и проглотила джин залпом.

— Правильно, даже не пробуй эту дрянь. Это же отрава.

Я наблюдал за ней.

— Это сегодня первая, — хихикнула она. — Никогда не пью во время работы. — И с этими словами она налила снова. — А теперь иди и ложись спать, Фрэнк, — сказала она, глядя на меня сквозь стакан. — Ты отлично поработал.

Я поднялся в свою спальню, разделся в темноте, бросил одежду на кресло и упал на кровать.

Я лежал на спине, уставившись в потолок, а сон все не шел ко мне, хотя я страшно устал. Тогда я закурил сигарету, глубоко затянулся.

Что-то стряслось со мной — чувствовал я себя просто ужасно. Впервые в жизни я не мог заснуть. И вдруг мне стало страшно: одному без родных, без брата Бернара, я боялся того, чего не понимал, боялся заглянуть вперед, потому что будущее казалось мне зияющей бездной. Я уткнулся головой в подушку и беззвучно заплакал.

Я чувствовал себя подлым, каким-то неимоверно грязным, как будто грязь въелась мне в кожу и пропитала меня до костей, таким грязным, что мне казалось, я никогда не сумею отмыться.

И зачем только я убежал?

Глава 4

Я так и не смог заснуть той ночью. Наблюдал, как рассвет медленно вползает в комнату. Когда стало совсем светло, я подошел к окну и закурил. Улица была еще пуста, если не считать молочного фургона и редких ранних прохожих, спешащих на работу. Один за другим гасли уличные фонари. Я быстро сполоснул лицо холодной водой и оделся. Надел свежее белье и чистую рубашку и бесшумно спустился в тихую прихожую, из комнат не доносилось ни звука. Я вышел из дома, дошел до угла, где был небольшой скверик, и уселся на скамейку неподалеку от фонтана, упругие струи которого взлетали высоко в воздух, а капли сверкали в утреннем солнце, как алмазы, отражая его лучи.

С другой стороны фонтана на скамейке спал какой-то моряк, закрыв рукой глаза от солнца. Его белая фуражка лежала рядом со скамейкой на земле. В сквер вошел полицейский, направился прямиком к моряку и разбудил его, осторожно похлопав по плечу. Он что-то ему сказал, но я не расслышал. Моряк встал, поднял фуражку и пошел к выходу. Полицейский продолжал свой обход. Первым моим порывом было убежать, но потом я подумал, какого черта я буду бегать, пусть лучше поймают — и точка! Наверное, у меня теплилась надежда, что меня разыщут и вернут назад. Я не представлял, как я смогу вернуться сам после того, как убежал. В то время я еще не признавался себе, что совершил ошибку. Вот если бы меня вернули...

Но полицейский прошел мимо, едва взглянув на меня. Я откинул голову на спинку скамейки и закрыл глаза, подставив лицо солнцу. Мне было очень приятно так сидеть и чувствовать, как его горячие лучи проникают сквозь кожу и как бы очищают меня. И я задремал.

Разбудила меня пробегавшая по скверу собака. Она так рявкнула, что я от испуга вскочил. Взглянув на часы, увидел, что уже начало девятого, и почувствовал, что страшно проголодался. Так что пришлось мне отправляться на поиски ресторанчика или кафе.

После завтрака я вернулся в дом. Мэри уже закончила уборку гостиной. Окна были открыты, и легкий ветерок врывался в комнату. Я уселся на диван и развернул газету, которую купил по дороге. Через час из кухни донесся запах жареной ветчины, и девушки, одна за другой, начали спускаться вниз.

В гостиную вошла миссис Мэндер, прямиком направилась к бару и налила себе рюмку джина. Затем повернулась ко мне.

— Доброе утро, ранняя пташка. Не мог заснуть?

— Я всегда встаю рано.

— Завтракал?

— Да.

И она отправилась на кухню.

Последней спускалась Дженни. Она одна из всех была прилично одета: на ней было хорошее серое платье, а на шее блестел маленький золотой крестик. Все остальные спускались в домашних платьях и халатах.

Она вошла в гостиную и поздоровалась.

— Сегодня прекрасное утро. Собираюсь идти к мессе. Не хочешь составить мне компанию?

— Нет, — ответил я довольно резко. Как можно ходить в церковь из такого места, как это?

— Почему нет? — спросила она. — Это доставит тебе удовольствие.

Я разозлился.

— Оставь меня в покое. Меня не интересует, идешь ты к мессе или к черту, но убирайся отсюда поскорее.

Она весело рассмеялась, повернулась и пошла к двери.

— Я отправлюсь к черту. И ты тоже. Все мы. Вот увидишь.

Все еще смеясь, она вышла.

— О чем вы тут говорили? — спросила миссис Мэндер, возвращаясь в гостиную.

— О чертях, бабуся, — ответил я.

— О! — воскликнула она, наливая себе очередную рюмку. — Дженни постоянно о них говорит. Она одна из тех католичек, которые верят в то, что за грехи придется расплачиваться и здесь, и на том свете. Ты случайно не католик?

— Нет.

Она поднесла рюмку к губам, но не выпила, а спросила меня, как будто пораженная внезапной мыслью:

— Послушай, сегодня ночью мне показалось, что я слышала стоны. Она не заставляла тебя бить ее?

— Да нет, черт меня побери! — ответил я.

Миссис Мэндер внимательно посмотрела на меня. Очевидно, выглядел я довольно озадаченным, потому что она сказала:

— Наверное, клиент остался у нее на всю ночь. — Она, наконец-то, выпила то, что у нее было в рюмке. — А если она когда-нибудь попросит тебя, — медленно проговорила миссис Мэндер голосом, полным ненависти, — ну да ладно, надеюсь, ты сам поймешь, что к чему. — И она добавила сквозь зубы. — Развращенная сука!

Я постарался как можно безразличнее взглянуть на миссис Мэндер. Но все было бесполезно. С каждой минутой я все сильнее ненавидел это заведение.

Глава 5

Только во вторник я пришел к определенному решению, что мне делать дальше. Несколько дней прошли относительно спокойно. Обитатели этого заведения смирились с моим существованием. Они занимались своим делом, а я своим, и более или менее уважали частную жизнь друг друга. Однако я не находил себе места и не получал никакого удовлетворения от своей деятельности, мне казалось, что я слишком легко приспособился к работе такого сорта. В глубине души я сомневался, не

была ли она просто еще одной формой сводничества. Я совсем запутался и не знал, что мне делать.

Во вторник после обеда я сидел в гостиной и читал газету. Погода была прескверная, шел мелкий затяжной дождь. Миссис Мэндер ушла в кино с одной из девушек. А я ходил вчера, посмотрел картину «Седьмое небо». Вспомнил мелодию, которую наигрывал пианист во время любовных сцен. Я ушел из кинотеатра в довольно подавленном настроении и, проходя мимо пункта по вербовке в военно-морской флот, заглянул в окно и увидел, как высокий загорелый офицер показывает какие-то плакаты любознательному рекруту. И хотя я не мог слышать, что он говорил, я следил за его рукой, как он переводил ее с одного плаката на другой, и представлял себя в тех дальних странах, которые там были изображены. Я чуть было не решился войти, но вместо этого медленно отошел от окна.

Я опустил газету. Несомненно все в этот день нагоняло на меня тоску. Вошла Мэри, села за рояль и начала играть. Но ее меланхолическая игра не избавила меня от хандры и действовала мне на нервы. Я думал о доме и моих родных, о том, что произошло после моего побега.

— Ради Бога, — попросил я, — закрой этот проклятый ящик.

Она не ответила, а просто закрыла крышку рояля и вышла из комнаты.

— Что случилось, Фрэнк? — спросила Дженни, которая как раз в этот момент проходила через прихожую.

Она была одета в рабочую одежду: черное атласное платье и больше ничего, если не считать маленького золотого крестика на груди. Этот крестик вводил вас в заблуждение, обманчиво обещая чистоту и невинность.

— Ничего, — оборвал я ее.

Она вошла в комнату и уселась на ручку моего кресла, пытаясь через мое плечо заглянуть в газету, которая лежала у меня на коленях.

Я закрыл газету и отложил ее в сторону.

— Почему бы тебе не уйти отсюда и не оставить меня в покое? — спросил я ее.

Она смотрела на меня совершенно спокойно. Мне же было тошно до чертиков. Под ложечкой противно засосало. Как будто во мне оказалось два разных человека:

одного, выше пояса, мутило, второй же, ниже пояса, был объят жёланием.

— А почему ты торчишь здесь? — На ее лице появилась улыбка, словно она читала мои мысли.

Я не ответил. Что на это ответить?

Она взяла мою руку, приложила ее к своему животу и погладила его, затем спустила ниже. Я ощутил теплоту ее тела под платьем.

— Почему ты не уходишь? — повторила она. — Хочешь опуститься так же, как и все мы? Тоже хочешь стать проклятым? — И все время, пока она говорила, она водила моей рукой по своему телу.

Я убрал руку и ударил ее ладонью по щеке. Она упала с ручки кресла на пол и одарила меня каким-то торжествующим взглядом, как будто добилась того, чего хотела.

— Ты сильный, — кротко произнесла она.

Я встал с кресла и поднял ногу, чтобы переступить через нее. Но она быстро приподнялась и схватила меня за лодыжку, так что я не успел закончить движение. Я ударил ее по руке. Она попыталась удержать меня за руку, но я все же ударил ее по лицу. Я стоял и смотрел на нее. Глаза у нее были полуприкрыты, а тело сотрясала легкая дрожь. Я снова попытался сделать шаг, но она опять поймала меня за ногу, а другой рукой задрала юбку повыше. Она стонала и терлась бедрами о ковер.

Я смотрел на нее, распростертую на розовом ковре, и не верил своим глазам.

— Давай, — стонала она, — давай, Фрэнк, ну давай же!

Я пнул ее носком ботинка в бедро, и она отпустила мою ногу. Выскочив в дверь, я спустился вниз на крыльцо, зажег сигарету и смотрел на струи дождя. Через минуту Дженни стояла рядом со мной в узком дверном проеме.

— Ты не можешь отсюда уйти, потому что боишься.

И вдруг мне сразу стало легче. То, что я скрывал в душе, вырвалось наружу. Я улыбнулся. Ее глаза широко открылись, и она подняла руки, словно защищаясь от удара. Секунду она стояла, глядя на меня.

— Ты совсем спятил, — прошептала она, — сумасшедший!

Она повернулась и убежала в дом.

Я громко расхохотался и, сделав последнюю затяжку, отбросил сигарету далеко в лужу.

Остаток дня пролетел незаметно. Я думал про себя и все время повторял: «Я боялся». Да, так оно и было. И повторяя одно и то же сотни раз, я чувствовал себя все лучше и лучше. Я начал понимать, почему я согласился на эту работу. Я был вовсе не таким умным и сообразительным, каким казался сам себе, старуха просто одурачила меня. Сначала она чертовски напугала меня всякой ерундой насчет полиции, затем предложила мне работу, зная, что если я попадусь на удочку, она получит меня со всеми потрохами, и я попался. Я рассмеялся про себя. Ну что ж, наконец-то мой страх испарился.

Этой ночью я стоял у двери совершенно в другом состоянии духа. Мне стали заметны убогость и низкопробность заведения; вороватое, скрытно непристойное поведение клиентов, жалкое жеманство, которое выжимали из себя девушки, стремясь усилить половое чувство; непристойный скрип ступенек, по которым поднимались и спускались клиенты; ленивые торжествующие взгляды девушек, опустошавших кошельки клиентов.

Около полуночи зашел какой-то моряк. По-видимому, он уже бывал здесь раньше. Поднялся наверх с Дженни и через полчаса спустился вниз, громко смеясь.

— Ну, что за девка!

— Та еще штучка, старина! — посмеялся я вместе с ним.

— И не говори, парень! — Он улыбнулся, но внимательно присмотревшись ко мне, добавил: — По-моему, ты еще слишком молод для этого притона.

— Я здесь долго не задержусь, — ответил я. — Собираюсь уходить.

— Вот это уже лучше, — проговорил он, выходя на крыльцо.

Поддавшись внезапному порыву, я побежал за ним.

— Эй! — окликнул я его.

Уже на улице он оглянулся.

— Чего тебе надо? — спросил он довольно агрессивно.

— Скажи, то, что говорят о военно-морском флоте, правда?

— Что правда?

— Ну, то, что можно повидать мир, получить образование и...

— Да, конечно, — прервал он меня. — А ты что, хочешь поступить на военную службу?

— Если меня возьмут.

— Возьмут с превеликим удовольствием. А там узнаешь, — сказал он со смехом.

— Что ты имеешь в виду?

Он снова хохотнул.

— Вперед, парень, записывайся. Видишь ли, пока все на собственной шкуре не испытаешь, ничего не поймешь.

Я не уловил насмешки в его голосе.

— Запишусь. Завтра же.

— Давай! — сказал он. — Увидишь мир, как же, из иллюминатора.

Он собрался уходить, но я схватил его за руку.

— Ты шутишь?

Он взглянул на меня, затем на дом, из которого только что вышел, и неожиданно улыбнулся.

— Ты прав, парень. Я просто дурака валял. Посмотри на меня, где я только не был: в Европе, в Китае, в Южных морях. Это настоящая интересная жизнь. — Он еще раз взглянул на дом. — Черт побери, гораздо лучше, чем у тебя в этом бардаке.

Он повернулся и пошел прочь. Я проводил его взглядом до угла, затем медленно поднялся по ступенькам в дом. Я принял решение.

Глава 6

В десять часов утра на следующий день я уже стоял перед дверью пункта по вербовке добровольцев в военно-морской флот в центре Балтимора. Он еще не открылся, так что я успел выпить кофе в кафе напротив. Увидев через окно, что старшина морской службы открывает дверь, я быстро допил кофе, вышел на улицу и как бы случайно зашел в контору. Старшина только что уселся за стол.

— Я хотел бы поступить на службу.

— Во флот или в морскую пехоту? — спросил он лаконично.

— Во флот.

Он указал мне на стул у стены.

— Садись туда. Лейтенант Форд скоро подойдет.

Через несколько минут вошел высокий молодой человек. Старшина отсалютовал ему:

— Доброволец хочет поговорить с вами, сэр.

Лейтенант попросил меня подойти к столу. Вытащив из ящика стола несколько бланков, он обмакнул ручку в чернильницу, взглянул на меня и начал задавать вопросы:

— Имя?

— Фрэнсис Кейн.

— Адрес?

Я назвал тот адрес, где жил в настоящее время.

— Когда родился?

— Десятого мая 1909 года.

— Значит, тебе восемнадцать лет сейчас, — сказал он. — Для того чтобы поступить на службу, тебе понадобится согласие родителей.

— Моих родителей нет в живых.

— А кто твой опекун?

— Бабушка. Я живу с ней.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда мы ей по почте отправим документы, чтобы она подписью подтвердила свое согласие.

Меня это не беспокоило, я не сомневался, что смогу перехватить бумаги и подписать их до того, как их увидит миссис Мэндер. Я вставал раньше всех в доме.

— Когда твоя бабушка подпишет эти бумаги, — сказал лейтенант, — принесешь их сюда. И если ты успешно пройдешь медицинскую комиссию, ты принесешь присягу и немедленно отправишься проходить службу на корабль.

— Спасибо.

Он улыбнулся, пожал мне руку и пожелал удачи.

Письмо пришло утром в понедельник. Я увидел его на столике в прихожей среди других писем. Унес его в свою комнату, вскрыл и поставил подпись, изменив

почерк. Затем я положил конверт в карман своего старого голубого костюма.

Последняя ночь прошла как обычно. Когда мы с миссис Мэндер закончили подсчеты, я откинулся на спинку стула и взглянул на нее.

Как обычно, она налила себе рюмочку джина. Увидев, что я сижу вместо того, чтобы идти и завалиться спать, она подозрительно посмотрела на меня.

— Тебе что-нибудь нужно, Фрэнк?

— Я ухожу, — сообщил я о своем решении, — завтра.

— Что ты собираешься делать?

Я не ответил.

— Ну хорошо, значит это не мое дело, — резко проговорила она, наливая следующую порцию. — Ну, а как насчет одежды, которую я тебе купила?

— Оставьте ее себе, — ответил я кратко. — Мне своей достаточно.

— Я заплатила за нее приличные деньги.

— Ну так что?

Минуту она хранила молчание. Затем снова заговорила.

— Я прибавлю тебе десять долларов в неделю.

— Не пойдет. Мне не нравится такая работа.

— Послушай, оставайся, заработаешь настоящие деньги. Может быть, попозже я возьму тебя в долю. Ты мне нравишься. Ты преуспеешь в делах. Мы с тобой хорошо поладим.

— Я ухожу, — сказал я, вставая.

Она остановила меня.

— У меня нет родственников, а в чулке у меня припрятаны хорошие деньги. Я уже стара для такой работы, и мне нужен кто-то, кому я смогу все доверить. Ты вел со мной честную игру. Оставайся, и будешь богачом.

Я почувствовал жалость к старой женщине, подумал, что у нее в сущности тяжелая жизнь.

— Мне очень жаль, — сказал я, — но я не могу остаться.

Она вспылила.

— Ну и катись к черту! — но голос у нее дрогнул.

Я повернулся и вышел из комнаты. Она окликнула меня.

— Фрэнк!

— Да? — вернулся я.

— Тебе нужны деньги? — спросила она более мягким голосом.

Я покачал головой.

Она отделила несколько банкнот от пачки и протянула их мне.

— Вот, возьми. У меня их и так больше, чем мне нужно.

Я взял деньги и положил их в карман.

— Спасибо.

— Подойди ко мне на минутку.

Я подошел к ней. Она взяла меня за руку.

— Ты отличный парень, Фрэнк. Внутри у тебя есть что-то буйное и жестокое, и тебе нужно быть помягче, но вместе с тем сквозь твою жестокость прорываются прекрасные и светлые черты. Что бы ты ни делал, не меняйся. Не теряй того, что удерживает тебя от грубостей и нравственной испорченности. — Она засмеялась. — Наверное, я совсем старой стала, раз заговорила о таких вещах.

И с этими словами она снова потянулась к бутылке.

Я молчал. Похоже было на то, что старуха действительно меня полюбила.

— Ну? — спросила она.

— Прощайте.

И склонившись, я поцеловал ее в щеку, оказавшуюся дряблой и сухой, как кусок старой бумаги.

Она удивленно приложила руку к щеке и подумала вслух:

— Сколько лет тому назад... — слова замерли у нее на устах.

Я закрыл за собой дверь и отправился спать.

А на следующее утро я принес присягу военно-морскому флоту США.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Джерри

Джерри уселся поудобнее в любимом кресле напротив Джанет и Мартина, вытащил сигарету из маленького ящичка на журнальном столике и оглядел комнату. Ему нравилась простая, но изысканная элегантность ее убранства, картины старых мастеров на стенах и увеличенная фотография Джанет, на которой она выглядела как живая.

Фотография была сделана во время их медового месяца, когда они ездили в Большой Каньон. Джанет, смеясь, показывала рукой на открывшийся им чудесный вид, и в этот момент он щелкнул фотоаппаратом. На снимке она стояла вполоборота, а огромный прекрасный каньон служил фоном. Безусловно, это была самая лучшая его фотография, и он ею гордился.

Джерри глубоко затянулся и прислушался к разговору Джанет и Марти. Они все еще беседовали о Фрэнсисе. Его слегка раздражало, что разговор принял такой оборот. Но потом он улыбнулся про себя, почувствовав, что ведет себя глупо. Нельзя же сердиться на призраки. Призраки принадлежат прошлому, частью которого был и Фрэнки.

Марти выпрямился в кресле и серьезно спросил:

— Странно, Джерри, ты никогда не рассказывал мне, как ты познакомился с Фрэнки. Что-то ты уж больно молчалив сегодня.

Джерри видел, что они ждут ответа, и мысленно тщательно обдумывал его. Затем он начал говорить с

той подкупающей искренностью, которой научился так хорошо пользоваться.

— Я довольно просто познакомился с ним, почти так же, как и ты: в драке. Мы так и не могли выяснить, кто из нас сильнее, поэтому пожали друг другу руки и пошли на мировую. Это все было так давно. Я учился в частной школе-интернате в Коннектикуте, когда однажды ко мне на уикэнд приехал отец, чтобы поговорить со мной. Мой отец был славным малым. Когда я был еще совсем ребенком, он даже тогда разговаривал со мной как с равным, спрашивал мое мнение о разных вещах. Это был как раз такой случай.

— Понимаешь, сынок, — сказал он. — Года через два мою кандидатуру собираются выдвинуть на пост мэра, и мои парни считают, что было бы хорошо...

— Если бы я ходил в нью-йоркскую школу, — закончил я за него.

Я мог это понять, так как с самого детства меня окружали политические интриги, и сколько я себя помню, всегда наблюдал за отцом и многому у него научился.

— Вот именно, сын, — подтвердил он. — Если бы ты решился на это, ты бы сделал мне большое одолжение. Если мои избиратели увидят, что ты общаешься с их детьми, ну, ты понимаешь, как они будут себя чувствовать. — Он сел рядом со мной и обнял меня за плечи. — Я знаю, сынок, что тебе здесь нравится, что у тебя здесь друзья, и чего тебе это будет стоить. Но ты уже взрослый, почти настоящий мужчина и имеешь право сам решать, как тебе поступить.

Я всегда хотел быть похожим на отца. Для меня он был самым великим человеком в мире. Он был прирожденным лидером, все окружающие уважали его и восхищались им. И я стремился к тому же.

Я знал, чего хотел, и знал, что мне делать. Я страшно не хотел уходить из своей школы, но в жизни бывают вещи и поважнее. Вот я и оказался в Святой Терезе, но так никогда и не привык к новому месту. Школа была отвратительной, грязной, большинство ребят было из бедных семей, и они не блистали ни умом, ни манерами. Я никогда ничего не имел против них, но никогда и не ощущал себя частицей этого места, как в частной школе.

Он рассмеялся и продолжал:

— Думаю, в то время я был немного снобом. Но я пытался преодолеть этот снобизм. Честно пытался, и думаю, все из-за того, что большинство ребят признало меня, я им нравился, но никогда так и не стал их лидером, потому что им был другой. Не кто иной, как Фрэнсис Кейн.

Они понимали его. Он был груб и жесток, он устанавливал свои правила, а они выполняли все, что он от них требовал. Сначала мы избегали друг друга, приценивались друг к другу. А потом подрались. И хотя физически мы не уступили друг другу, все же нутром я чувствовал, что победителем оказался он.

Видите ли, в той школе я был чужаком. Он же был одним из них, с ними, был их неотъемлемой частью. Таким я никогда не смог бы стать из-за своего происхождения. Так что Фрэнсис стал первым, кому я позавидовал.

Но, как говорится в старой пословице: «После драки кулаками не машут», и мы с ним подружились. И чем больше я его узнавал, тем больше он мне нравился. Несмотря на его манеру говорить, поношенную одежду или вечно грязные руки и лицо. Он и я были во многом похожи. Одно нас отличало — вожаком всегда и во всем был он. Все время я пытался отыскать ту крошечную искорку, в которой и было все дело. И хотя мне так и не удалось увидеть ее, я знал, что она все же существовала.

Даже мой отец заметил это. Однажды я привел Фрэнки домой к обеду, а вечером отец расспросил меня о нем и высказал свое мнение.

— Опасный парень, — сказал он. — Умен, упрям, да к тому же забияка. Смотри, чтобы своими речами он не опутал тебя. — Я засмеялся и сказал отцу, что все это мне давно известно. Но для меня Фрэнки не представлял опасности никогда. Он был моим другом и любил меня.

В комнату вошла горничная и поставила на стол электрическую кофеварку, поднос с тремя кофейными чашечками и маленькими серебряными ложечками. Джерри замолчал и наблюдал за ее действиями.

— Я сама разолью кофе, Мэри, — сказала Джанет.

Поставив чашечку с блюдечком себе на колени, Джерри продолжал:

— Помните то время, когда в средней школе он баллотировался на пост президента класса? Он еще собирался произнести ту речь, которую мы с тобой, Марти, написали для него. Вспомни, как жалко он выглядел, когда репетировал ее, как ты боялся, что он все завалит. Я вообще-то тоже где-то в глубине души думал, что он провалится, может быть, даже слегка надеялся на это, чтобы потом я мог сказать себе, что хоть что-то я могу делать лучше, чем он.

Вспомните, что он сделал, когда вышел на середину сцены — как он постоял какой-то момент молча, а потом начал говорить голосом, на тон выше обычного? Я, помню, сидел и думал: «Вот и все. Сейчас он провалится». Но этого не случилось. Он заговорил так же естественно, как говорил всегда — просто, спокойно, по-дружески. И только тогда я вполне осознал, что имел в виду отец, когда сказал, что Фрэнсис забияка. Мы все знали, что он до смерти боялся выступать со сцены, и вот он стоял там, держа все собрание в своих руках. К тому же оказалось, что он умеет привлечь к себе внимание, вы только вспомните, как он вывел на середину сцены Джанет! И интуиция не подвела его. Он всегда совершал поступки интуитивно, полагаясь на свое чутье, мне же все надо было тщательно распланировать заранее. Он был политическим деятелем, таким, каким я стремился стать с детства.

И в тот момент я ощутил себя совсем взрослым, глядя, как они на сцене раскланиваются, держась за руки. И сказал себе: «Такие парни не часто встречаются. Смотри на него и учись». И я смотрел и учился, и в конце концов научился любить его.

Для меня Фрэнки не представлял загадки. Для меня в нем сочетались прямодушие и такт с импульсивным интеллектом. Он твердо знал, чего хочет, и стремился к этому. Он говорил то, что думал, делал, что хотел, неважно, чем это могло закончиться.

Он поднес чашечку с остывшим кофе ко рту, и, едва заметно сморщив губы, поставил ее обратно на столик.

— Так что вы теперь видите, что Фрэнки не был для меня тайной, как для вас. Я слишком хорошо разгадал

его. Я знал, что он совершит в тот или иной момент, еще до того, как он что-то совершал.

— Но, — вставил замечание Марти, — ты все же не знал, что он собирался сбежать.

Джерри кивком согласился с этим.

— Верно. Но вы, должно быть, помните, что меня с ним не было в тот день, когда он провожал своих родственников на вокзал. Если бы я хоть краем глаза увидел его в тот день, я бы знал.

В его голове промелькнула другая мысль.

«Разве мог я все предвидеть? Действительно ли я его так знал, как утверждаю? — думал он. — И так ли уж он угрожал мне, был ли таким соперником, как я представлял себе? То, что произошло позже, ни один человек на свете не смог бы предсказать. Никому не дано заглянуть в будущее. Но он всегда владел тем, к чему стремился я. Всегда и везде был первым, даже с Джанет.»

То, что Джанет хотела сделать сейчас — было ли это правильным, или же Фрэнк вернется, чтобы снова не давать ему покоя? У него не было существенных возражений против затеи Джанет, просто ему было интересно, что ее вызывало? Но в конце концов, это же был Фрэнк, и хотя в данный момент он принадлежал прошлому, он всегда мог вернуться.

ЧАСТЬ IV

Глава 1

Тридцатого декабря 1931 года я стоял на ступеньках административного здания военно-морской базы в городе Сан-Диего. С моря дул легкий прохладный ветерок, я поднял воротник зеленого кителя, в кармане которого лежали документы об увольнении из военно-морского флота, и закурил сигарету.

Я был очень рад этому. Нет, там было не так уж плохо, а что касается меня, то лучше уж там ожидать момента, когда я смог бы присоединиться к родным, чем в приюте. Может быть, я променял одну тюрьму на другую, но теперь все было кончено, и я был счастлив.

Служба в военно-морском флоте оказалась довольно скучной. Всевозможные ограничения, установленные служебные обязанности, день, подробно расписанный по минутам, все это не позволяло сделать что-то для себя. Но это, вероятно, пошло мне на пользу. Я много читал, многому научился. Изучал математику на уроках артиллерийского дела, бухгалтерский учет для того, чтобы выполнять обязанности баталёра*, а кроме того, английский язык, историю и географию.

Но теперь для меня все это было в прошлом. Затянувшись последний раз, я отбросил сигарету, вскинул рюкзак на плечо и пошел к воротам.

У ворот я предъявил свои увольнительные бумаги дежурному офицеру. Возвращая их мне, он сказал с ухмылкой:

---

* Баталёр — в морском флоте: лицо младшего командного состава, ведающее на корабле продовольственным и вещевым снабжением.

— О'кей, морячок. До скорого свидания!

— К черту свидания! Прощайте! Я уволился вчистую.

— Все так говорят, — снова ухмыльнулся он, — но все возвращаются назад. И ты тоже вернешься.

— Ну уж нет! — резко ответил я. — Я еду домой, к родным.

Выйдя из ворот, я бросил последний взгляд на базу и пошел к автобусной остановке. В автобусе я сел на последнее сиденье и задумался.

Мои близкие будут рады получить от меня известие. Я вспомнил, когда последний раз написал им. Это было в Нью-Йорке. Я получил увольнительную с корабля на двадцать четыре часа, бродил все утро по городу и не знал, куда себя деть. И неожиданно для самого себя очутился у дома Джерри. Долго не раздумывая, я поднялся на крыльцо и позвонил. Вышедший на звонок дворецкий сообщил мне, что Джерри в колледже.

И тогда я почувствовал, как страшно истосковался по дому, по родным. Я был в городе, в котором прожил всю жизнь, а мне не с кем было даже словом перекинуться. Я пошел на почту и написал письмо в Аризону.

«Дорогие мои дядя Моррис, тетя Берта, Ирэн и Эсси. Решил черкнуть несколько строк, чтобы дать вам знать, что у меня все в порядке, надеюсь и у вас также. Особенно надеюсь, что дядя Моррис чувствует себя лучше. Простите меня, если причинил вам страдания своим побегом, но я просто не выдержал бы в приюте после жизни с вами. Я здоров и работаю. Надеюсь, что скоро придет день, когда я достигну того возраста, когда мне не придется возвращаться в приют, и я снова смогу жить с вами. До этого времени я не хочу вас беспокоить, у меня все есть, в том числе и деньги.

С любовью к вам, Фрэнки.»

Когда я раскрыл конверт, чтобы вложить письмо, мне в голову пришла блестящая мысль. Я пошел в банк, выписал чек на всю сумму, хранящуюся там, вложил его в конверт вместе с письмом, и отправил им.

Все это случилось два года тому назад. А сейчас я был свободен и собирался в Аризону, чтобы снова жить с ними. Я сошел с автобуса в центре Сан-Диего, сразу

же отправился в отель и зарегистрировался. Затем, даже не поднявшись в номер, направился прямо в телеграфный пункт при отеле.

Девушка протянула мне чистый бланк и карандаш. Я склонился над стойкой и начал писать, улыбаясь про себя. Дела складывались отлично. Я собирался домой, а в кармане у меня было двести долларов.

«Мистеру Моррису Каину, Линкольн-драйв 221, Тусон, штат Аризона.

Дорогой дядя Моррис. Сегодня уволился из военно-морского флота. Хочу немедленно приехать к вам. Собираюсь уехать отсюда в конце недели. Не дадите ли вы мне знать, в какой день будете ждать меня. С нетерпением жду встречи со всеми вами.

С любовью, Фрэнк.»

Я поднялся наверх в свой номер, быстро переложил вещи из рюкзака в шкаф, спустился вниз и отправился в магазин покупать себе приличную одежду. Подобрал три добротных костюма по девятнадцать долларов каждый, которые мне пообещали прислать сразу же после Нового года. В магазине мужского белья я приобрел шесть рубашек, а нижнее белье и галстуки завершили мой гардероб. За шесть долларов я купил небольшой чемоданчик и вернулся в отель. Теперь я готов был ехать, как только мне доставят костюмы.

Эти три дня тянулись очень медленно. Новый год я встретил в своем номере. Мне никуда не хотелось идти, я все время думал о своих близких. Представлял, как они все обрадовались, получив мою телеграмму, с каким нетерпением ждут моего приезда. Я был уверен, что не узнаю девчушек. Они, наверное, превратились в прелестных молодых девушек.

На следующий день я получил свои костюмы. Сразу же снял форму и облачился в костюм из коричневого твида. Подошел к зеркалу и не узнал себя. Так давно я не носил гражданской одежды! Потом я поехал на вокзал и купил билет до Тусона на поезд, отходящий следующим утром.

А в отеле меня ждала телеграмма из Тусона. В конверте лежала копия моего послания и записка, в которой

было следующее: «ВАША ТЕЛЕГРАММА ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1931 ГОДА НЕ БЫЛА ВРУЧЕНА ПО СЛЕДУЮЩЕЙ ПРИЧИНЕ». Далее следовал перечень причин. Рядом с одной стояла карандашная отметка. «АДРЕСАТ ПО ЭТОМУ АДРЕСУ НЕ ПРОЖИВАЕТ, НОВЫЙ АДРЕС НЕ ИЗВЕСТЕН».

Какое-то время до меня не доходил смысл написанного. Я опустился в кресло. Все мои надежды растаяли как дым. Несколько минут я сидел, ничего не соображая, страшно обескураженный. Для меня это был неожиданный удар. Я не знал, что мне теперь делать, никогда мне даже в голову не приходило, что они могут уехать, не предупредив меня. Но как они могли предупредить меня, если не знали, где я находился? Снова мной овладело чувство одиночества, навалилась тоска, я чувствовал себя покинутым, без всяких надежд на лучшее, и курил сигарету за сигаретой. Комната наполнилась дымом. Не знаю, сколько я так просидел, но когда поднял голову, за окном уже было темно. Бесцельно побродив по комнате, я спустился вниз в столовую, что-то заказал, но не смог ни куска проглотить. Встал, расплатился, пошел в холл, сел в кресло. Все действия я совершал, как автомат, в каком-то тупом оцепенении, ничего не видя и никого не замечая вокруг. Не помню, как я очутился на телеграфном пункте. Я подошел к девушке-дежурной, вытащил из кармана и протянул ей телеграмму.

— Вам что-нибудь известно об этом?

Она взглянула на нее.

— Нет, мистер Кейн. Как только я ее получила, сразу же отправила в пункт доставки.

— Как вы думаете, они не могли ошибиться?

— Нет, не думаю, — ответила она. — Обычно такие вещи тщательно проверяются.

— Спасибо, — поблагодарил я ее и вышел.

Рядом с телеграфом находился переговорный пункт. Там было гораздо меньше народа, чем в холле, и я вошел туда. Я не мог объяснить свои чувства, но мне не хотелось оставаться одному, и в то же время я не мог находиться среди толпы. Я сел на стул рядом с телефонной будкой и просидел так около получаса, как вдруг заметил, что в телефонную будку вошла девушка

из телеграфного пункта и закрыла за собой дверь. Я не слышал, чтобы она опустила монету в аппарат или с кем-то говорила. Через несколько минут дверь открылась, и она застыла в дверном проеме, как будто была очень удивлена, увидев меня. Она улыбнулась мне, а я ответил просто вежливым кивком, как вы понимаете, у меня не было настроения улыбаться.

Девушка вытащила сигарету из сумочки и попросила у меня огня. Я достал спички, зажег и дал ей прикурить, и она уселась рядом со мной.

— Новый костюм? — спросила она с улыбкой.

— Что? — удивился я. Сначала я даже не понял, о чем она говорит. Затем кивнул. — Да, только сегодня получил.

— Ну и как вы себя чувствуете после увольнения?

— Прекрасно, — ответил я.

— Не повезло вам с телеграммой, — посочувствовала она мне.

— Этого следовало ожидать, — Мне стало полегче. Она была первой и единственной в этом проклятом месте, кого я, по-видимому, заинтересовал. Я взглянул на нее. Девушка была симпатичная: черные волосы, голубые глаза, стройная фигурка. И я улыбнулся ей. — Не хотелось бы обременять вас своими заботами. Весьма любезно с вашей стороны, что вы проявили интерес к моим делам.

— А что теперь вы собираетесь делать? — спросила она.

— Откровенно говоря, я сам еще не знаю, — сказал я.— Попытаюсь найти какую-нибудь работу.

— Сейчас это довольно сложно.

— Не знаю, — самоуверенно заявил я, — у меня с этим делом никогда не было особых проблем.

Мы замолчали. Она встала.

— Ну, мне пора идти. Уже поздно.

Я взглянул на нее.

— А вы не могли бы позвонить домой и предупредить, что задержитесь сегодня? Я имею в виду, почему бы нам не провести вечер вместе? Мы могли бы сходить куда-нибудь, вы бы показали мне город.

Она улыбнулась.

— Спасибо за приглашение, мистер Кейн. Но я действительно должна идти домой.

Черта с два! Должна, как же! Я продолжал заигрывать с ней.

— Ну пожалуйста, соглашайтесь. Для меня это много значит. Если бы вы знали, как тоскливо оказаться одному в чужом городе.

Она сделала вид, что колеблется.

— Ну хорошо, — согласилась она наконец. — Я пойду с вами, мистер Кейн. Но сначала я должна позвонить домой, мистер Кейн.

Я понял намек.

— Для вас я Фрэнк.

— Хорошо, Фрэнк. — Она улыбнулась. — А меня зовут Элен.

Элен вошла в телефонную будку. Но опять даже трубку не сняла. Я усмехнулся про себя.

Мы отправились в ночной клуб, где давали довольно неплохое представление. Там же поужинали и выпили. Обычно я никогда много не пил, но в этот раз мне было на все наплевать, и я довольно прилично нагрузился. Мы танцевали и пили, пили и танцевали до двух часов ночи. А потом вышли из кабаре, и я поймал такси.

— Я отвезу тебя домой, — сказал я.

— Я не могу явиться домой в таком виде, — возразила она, глупо хихикая. — Мой отец убьет меня.

— Так где же ты собираешься ночевать?

— В отеле. Я часто там ночую, когда работаю допоздна.

Голова у меня слегка кружилась, но свежий ветер, врывавшийся в окно такси, прочистил мои мозги. Я откинулся на спинку сиденья и взглянул на Элен, которая забилась в угол и не переставая хихикала.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего не соображаю, голова кругом идет.

— Да неужели? — сказал я, обнимая и привлекая ее к себе.

Она прижалась ко мне, не сопротивляясь моим настойчивым рукам. Я прильнул к ее губам, она ответила на мой поцелуй.

— Все еще кружится? — спросил я, тяжело дыша, наконец-то оторвавшись от нее. Губы у нее были жаркие, как огонь.

— Нет, — сказала она. — А ты здорово целуешься!

— Это не единственное мое достоинство, — ска ал я ей легкомысленно. — У меня много талантов

Я целовал ее губы, шею, волосы. Она прижалась ко мне всем телом. Но вдруг резко отпрянула.

— Отель! — хрипло прошептала она.

Мы вышли из такси, и пока она поправляла пальто и прическу, я расплатился с шофером.

— Пойдем, — я взял ее под руку.

Но она вырвала руку.

— Я не могу войти вместе с тобой. Меня сразу уволят, нам не полагается общаться с постояльцами. Лучше попрощаемся здесь.

Я взглянул на нее. Попрощаемся здесь! Она что, с ума сошла? Я из кожи лез, потратил на нее бешеные деньги, чтобы сказать друг другу спокойной ночи на тротуаре? Я снова посмотрел на нее. Выглядела она вроде бы нормальной. Может быть, что-то не совсем в порядке было со мной? Я пожал плечами.

— Ты уверена, что сможешь получить номер?

Она кивнула.

— Тогда о'кей, — сказал я, — спокойной ночи.

Я повернулся и вошел в вестибюль. Разумеется, я немного рассердился. Здорово же она меня раззадорила! А я, дурак, принял все за чистую монету. Но когда я дошел до своего номера, я уже смеялся над собой. Ну что ж, по крайней мере, она хоть ненадолго отвлекла меня от моих неприятностей.

Я вошел в комнату, снял пиджак и развязал галстук. Потом вытащил бумажник и пересчитал деньги. Осталось около ста десяти долларов. Я решил завтра расплатиться за номер и поискать жилье подешевле. А с понедельника начать поиски работы.

Я снял рубашку, умылся и только собрался лечь в постель, как раздался тихий стук в дверь — такой тихий, что я едва его услышал. Быстро схватил со стола бумажник и сунул его в ящик комода. И только потом открыл дверь, увидел Элен и удивленно уставился на нее.

— Ну, — спросила она, — разве ты не пригласишь меня войти?

— О, конечно, — промямлил я, отступая назад. — Входи.

Она вошла в комнату, и я закрыл за ней дверь.

— Я не поблагодарила тебя за прекрасный вечер.

— Это я должен тебя благодарить, — ответил я вежливо. Но, черт возьми, не за этим же она сюда пришла!

Я протянул руку и щелкнул выключателем. Теперь комнату освещала только лампа на прикроватной тумбочке.

Мы стояли лицом друг к другу в полумраке. Потом я шагнул к ней, а она инстинктивно отступила назад. Я схватил ее за руку.

— Что случилось, крошка? — спросил я, привлекая ее к себе и целуя.

— Я боюсь, — прошептала Элен. — У меня этого никогда еще не было.

Моя рука скользнула ей под платье и сжала небольшую грудь. У девушки перехватило дыхание. Я осторожно опустил ее на постель и приник губами к груди. Она обняла меня и крепко прижала к себе. Я прошептал:

— Все на свете когда-нибудь бывает в первый раз, крошка, я не сделаю тебе больно.

Мои руки гладили ее бедра под платьем — нежную, теплую женскую плоть, наэлектризованную и горящую от страсти.

— Я боюсь, Фрэнк, — шептала она, удерживая мою руку на своем бедре. — Но...

Я не дал ей договорить, закрыв поцелуем рот. Когда же я оторвался от нее передохнуть, она шепотом продолжала: — Но я нужна тебе. Тебе кто-то нужен. Ты показался мне таким одиноким, там внизу.

Я дотянулся и выключил лампу.

— Да, ты нужна мне, крошка, нужна.

Глава 2

Среди ночи я неожиданно проснулся, как будто от толчка, протянул руку, но Элен рядом не было. Я соскочил с кровати и бросился к комоду. Ящичек, куда я положил деньги, был пуст. Ругаясь про себя, я оделся. У меня осталось лишь десять долларов в кармане брюк. Спускаясь в лифте, я глянул на часы: было всего лишь пять часов утра.

Подойдя к дежурному администратору, я спросил, здесь ли телеграфистка. Узнав ее имя, он сказал:

— А, эта. Она временная. Ее наняли только на день. Постоянная-то заболела. Что-нибудь случилось?

Что-нибудь случилось? Да много кой-чего! Меня обчистили. Я должен двадцать долларов заплатить за отель, а он еще спрашивает, что случилось! Но я спокойно ответил:

— Нет, ничего. Просто я хотел отправить телеграмму.

Я вернулся в номер. Немного же потребовалось времени, чтобы обобрать меня дочиста! Я слышал о моряках, которые возвращались и снова поступали на службу через несколько дней после увольнения, без гроша в кармане — потеряв все деньги, которые заработали за время службы, и не мог этого понять. И вот сам очутился в таком же положении.

Примерно в десять часов утра я спустился в телеграфный пункт и спросил у телеграфистки, не знает ли она, где Элен. Она пожала плечами:

— Откуда я знаю? Администрация прислала ее на замену, пока меня не было. Вы хотите, чтобы я разыскала ее для вас?

— Да, пожалуйста, если можно, — попросил я ее. — Это очень важно.

Она связалась по телефону с центральным агентством. И оттуда сообщили, что Элен наняли только на один день, и она не оставила своего адреса.

Вот и все. Прямо оттуда я отправился к управляющему отелем. Это был седовласый мужчина средних лет со спокойным голосом.

Я рассказал ему все, что со мной приключилось. Он слушал, сложив руки на животе. Когда я закончил, он спросил, чего я от него хочу.

— Я не знаю, чем вы можете мне помочь, — честно ответил я.

— Я тоже не знаю, — сказал он вставая. — У нас есть специальный сейф, где постояльцы могут хранить деньги и драгоценности. На видном месте висит объявление: «Администрация не несет ответственности за деньги и ценности, оставляемые в номерах». Я уже сотни раз выслушивал подобные истории. Но бизнес есть бизнес. Если мы не будем вести дело надлежащим образом, то прогорим обязательно. — И он довольно грубо спросил: — Вы в состоянии заплатить по счету?

— Нет, — ответил я, — я же сказал вам, что эта сука обворовала меня. Вы бы не могли подождать несколько дней? Я найду работу и расплачусь до последнего цента.

Он рассмеялся, услышав это.

— Вы хоть представляете себе, мистер Кейн, как трудно сейчас с работой? А ваш номер довольно дорогой — три доллара пятьдесят центов в день. Нет, боюсь, владелец на это не пойдет.

— А может быть, я бы отработал долг здесь, в отеле?

— К сожалению, — сказал он, — это невозможно. Рабочих рук у нас и так более, чем достаточно.

— Ну что ж, — сказал я, — мы вернулись туда, откуда начали. Что же мне теперь делать?

— Не знаю, но ввиду сложившихся обстоятельств вы должны немедленно освободить номер. В качестве залога предлагаю оставить вашу одежду, ну, конечно, не ту, что на вас.

И тут я страшно разозлился. Я встал.

— Ты, паршивый мерзавец! — заорал я. — Какого черта ты так обращаешься с теми, кто пытается говорить правду! Да если бы я хотел обмануть тебя, я бы давно уже смылся без всяких объяснений, и разбирайся тогда во всем сам! Но нет! Я как последний болван прихожу сюда, выкладываю все как есть, и меня же принимают за жулика!

Он пытался прервать мою яростную речь, но я все же перекричал его.

— Я забираю свои вещи и убираюсь отсюда немедленно ко всем чертям, и только попробуйте задержать меня! А иначе я раззвоню по всему городу, как ваши телеграфистки чистят клиентов. Посмотрю, как вам это понравится!

С этими словами я направился к выходу. Управляющий остановил меня у двери.

— Хорошо, мистер Кейн, не волнуйтесь. Забирайте свои вещи и уходите. Забудем это происшествие.

— Уж будьте уверены, я-то уйду! — воскликнул я, все еще в возбуждении. — Вы, может быть, и забудете, но не я!

Я хлопнул дверью, поднялся к себе в номер, сложил вещи в чемодан, спустился на лифте вниз и вышел из этого проклятого отеля.

В этот же день я нашел недорогую комнату за три с половиной доллара в неделю и заплатил за две недели вперед. После этого у меня осталось три доллара и около восьмидесяти центов мелочью.

На следующий день прямо с утра я отправился на поиски работы. Мне повезло. Я устроился грузчиком: доставлять мясо и бакалейные товары на большой рынок, расположенный на Центральной улице, за четырнадцать долларов в неделю. Домой вернулся страшно усталый и растянулся на кровати. Работа оказалась довольно тяжелой. Немного отдохнув, я уселся за расчеты и выяснил, что, если в день на еду буду тратить не больше доллара и три доллара в неделю за квартиру, то у меня еще будут оставаться четыре доллара, и через некоторое время я скоплю достаточно денег, чтобы вернуться на Восток, где, как я надеялся, смогу разыскать родных. Но одного я не учел.

Глава 3

Обычно я приходил на работу к семи утра, съев булочку и выпив чашку кофе. В обед съедал тарелку супа или бутерброд с кофе. На ужин опять суп.

И через два дня все мои планы полетели к черту. Я взял коробку с яйцами и молоком и понес ее к тележке, как вдруг голова моя закружилась и меня чуть не вырвало. Наверное, виной тому была плохая пища. Казалось, тротуар надвигается на меня, дома качаются; с трудом удерживая равновесие, я оперся об угол дома и выпустил из рук коробку. Я тупо смотрел, как разбитые яйца и молоко превращаются в месиво. Меня бросило в пот, и только ценой огромных усилий мне удалось не потерять сознание и не упасть. Я отчаянно сопротивлялся. Только бы не упасть. Но все перед глазами плыло, как в тумане.

Вышел хозяин и взглянул сначала на тротуар, а затем на меня, прижавшегося к зданию. Я побледнел. Капли пота застилали мне глаза, и я плохо видел. Он и не двинулся, чтобы помочь мне. Я попытался что-то сказать, но невозможно было разобрать то, что я говорил еле ворочающимся языком.

— Когда протрезвеешь, приходи за расчетом, — отчеканил он, повернулся и вошел в здание.

Я беспомощно глядел ему вслед, держась за стену, чтобы не упасть. Ярость, стыд, чувство унижения — все вместе как молнией опалило меня. Сукин сын решил, что я пьян! Я готов был разрыдаться от обиды, но у меня не было времени. Мне надо было победить этот чертов тротуар, который все время надвигался на меня. Я был как канатоходец: в любую минуту мог упасть. Медленно я опустился на корточки, положил голову на руки и закрыл глаза.

Наконец я почувствовал себя немного лучше. Голова перестала кружиться, и я открыл глаза, мокрые от плохо сдерживаемых слез. Тротуар вел себя нормально. С трудом я поднялся, все еще нетвердо держась на ногах, и вошел в контору. Хозяина я нашел в его кабинете. Он протянул мне пять долларов.

— Вот, получи расчет, Кейн. Остальные два доллара я вычел за причиненный ущерб.

Тупо положив деньги в карман, я направился к выходу, но на полдороге остановился.

— Мистер Роджерс, я не пьян, я болен.

Он ничего не ответил, но было видно, что он не верит мне. — Поверьте, мистер Роджерс! — взмолился я дрожащим голосом. — Это правда. У меня закружилась голова и...

— Если ты болен, то все равно не сможешь работать. Так что убирайся! Некогда мне с тобой попусту тратить время.

Я отправился прямиком домой. У меня уже не было сил в этот день снова отправляться на поиски работы. Кроме того, мне было ужасно стыдно, казалось, все прохожие странно смотрят на меня.

Поиски работы ни к чему не привели. Деньги кончались, я ел раз в день в самом дешевом кафе.

Я понуро брел по улице, когда внезапно мне пришло в голову, что надо возвращаться в Нью-Йорк. У меня там друзья, и там я не пропаду. Они помогут мне отыскать родственников. Вернувшись домой, я собрал всю свою одежду, сложил ее в чемодан и отнес в ломбард.

Там с большим трудом сторговался продать костюмы, рубашки и чемодан за тридцать долларов плюс рабочий костюм из голубой хлопчатобумажной ткани. Я

переоделся прямо в ломбарде, в задней комнате, а потом отправился в ближайший ресторан и заказал приличный обед. После обеда купил пачку сигарет, закурил и сразу почувствовал себя лучше. В эту ночь я спал, как убитый.

А рано утром на следующий день я уже был на товарной станции. Я держал курс домой — назад в Нью-Йорк.

Глава 4

Путешествие на товарных поездах оказалось не таким уж тяжелым. Тем более, что таким образом путешествовал не я один. Люди по той или иной причине выбирали этот способ передвижения — некоторые ехали безо всякой цели, их просто несло по течению, где больше повезет, там и бросят якорь. Другие стремились в определенное место — домой или туда, где можно было найти работу.

Среди них, как и везде, были и хорошие, и плохие люди, добрые и злые, но в целом я со всеми ладил. В чужие дела не вмешивался, никогда не ехал слишком долго на одном поезде, изредка останавливался в каком-нибудь городе, чтобы провести ночь в дешевой комнате и отоспаться да перехватить чего-нибудь горяченького.

Так что у меня осталось совсем немного денег, когда я вывалился из вагона в Хобокене. Нью-Йорк был на другой стороне реки, но меня это не волновало. Я был уверен, что здесь-то я сумею продержаться. Когда я, наконец, переправился на пароме через реку, моросящий дождь превратился в густой снег. Сквозь белую пелену передо мной маячили небоскребы и сияли огни Нью-Йорка. И я почувствовал, что вернулся домой, в город, где мне все было известно и понятно. Синий хлопчатобумажный костюм был, конечно, плохой защитой от холода, но в то время я не обращал на это внимания.

Я пошел пешком через весь город в центр на площадь Таймс. Там я стоял на углу и, как деревенщина, впервые попавший в Нью-Йорк, открыв рот, таращил глаза на большую бегущую неоновую надпись на здании «Таймс»:

«СЕМЬ ЧАСОВ. 10 ФЕВРАЛЯ 1932 ГОДА».

Вспомнив, что я страшно голоден, я нырнул в кафетерий и плотно поужинал. Расплачиваясь за еду, я понял, что у меня осталось всего сорок центов. Но я не беспокоился. Это был мой город, и я мог прожить в нем и без денег. Ночь я провел в дешевом отеле за двадцать пять центов, и на следующий день с пятнадцатью центами в кармане отправился на поиски работы. Но мне не везло, и следующую ночь я провел в подъезде какого-то дома. Наутро, выйдя из подъезда, я увидел, что снег наконец-то прекратился. На улицах намело высокие сугробы, и рабочие сгребали снег лопатами с тротуаров в канавы.

Я остановился перед стендом новостей на углу и прочитал заголовок в одной из газет: «ТРЕБУЮТСЯ 30 000 РАБОЧИХ НА РАСЧИСТКУ СНЕГА». И меня осенило. Я зашел в кафе и на последние гроши позавтракал, а потом отправился в отдел по уборке улиц на 125-й улице, получил задание и с группой мужчин в пятнадцать человек сразу же отправился разгребать снег. Нами руководил итальянец, специалист по уборке с раскормленной мордой. Мы все смотрели на него с завистью, думая про себя, как здорово иметь хорошую постоянную работу.

Итальянец привел нашу группу на угол 135-й улицы и Амстердам-авеню. Всем нам выдали большие лопаты. Вокруг, кроме нас, работало еще множество людей. Они расчищали дорогу и сбрасывали снег в люки.

Рядом со мной с одной стороны работал ирландец с тонкими губами и одутловатым, нездоровым лицом, а с другой — невысокий плотно сбитый негр. Большинство мужчин были одеты в суконные куртки, свитера или пальто, а на руках у них были теплые перчатки. Я особенно не мерз, но вскоре мои пальцы отказались сгибаться, а ноги промокли насквозь. Когда руки так замерзли, что начали нестерпимо болеть, я бросил лопату и подошел к костру на тротуаре, возле которого грелся наш мастер-итальянец вместе с такими же, как и он, мастерами.

— Что случилось, парень? — спросил он меня. — Ты что, уже устал?

— Господи Иисусе, — сказал я, показывая ему свои руки, — да у меня чуть пальцы не отмерзли. И я

протянул руки над огнем. Мастер опустил руку в карман, вытащил оттуда пару старых перчаток и вручил их мне.

— Спасибо, — поблагодарил я его, натягивая перчатки.

И хотя они были дырявые, я почувствовал, что руки сразу согрелись. Я подобрал лопату и вновь принялся за работу.

Примерно через час раздался свисток, и наш мастер обратился к нам:

— Ну все, парни. Сложите лопаты в кучу и отправляйтесь обедать.

Одни мужчины начали вытаскивать свертки с сэндвичами из карманов пальто и разбредаться по подъездам, чтобы там съесть свой завтрак, другие направились к ресторанам и закусочным.

Я нашел пустой подъезд и спрятался в нем от холода. Усевшись на ступеньки, я вытащил из кармана сигарету, закурил, и в тот момент, когда расслабился, вдруг стал дрожать. Я вроде не особенно замерз и не очень проголодался, но, когда сидишь без движения, тело более чувствительно к холоду.

Спустя несколько минут дверь отворилась, и в подъезд вошел мужчина, работавший вместе со мной, а за ним подросток-негр примерно одного со мной роста. Они сначала не заметили меня, так как подъезд был едва освещен.

Мужчина сказал:

— Что мама прислала на обед, Сэм?

— Горячий суп, сэндвичи и кофе, — ответил паренек.

— Слушай, старик, я страшно голоден. Давай присядем на ступеньки.

Они прошли еще немного и остановились как вкопанные, увидев меня.

— Что ты здесь делаешь? — спросил старший.

— Курю, — ответил я.

— А почему не пошел обедать?

— Я не голоден.

Они сели на ступеньки рядом со мной. Мужчина разорвал бумажный пакет и вытащил две молочные бутылки — одну наполовину налитую супом, а другую

с кофе — и несколько сэндвичей. От запаха горячего супа у меня слюнки потекли.

— Работа тяжелая? — спросил подросток.

— Да нет, Сэм, — ответил мужчина. Затем, повернувшись ко мне, сказал: — Это мой младший братишка. Принес мне обед.

— Молодец, — только и ответил я.

Он начал пить суп прямо из бутылки. Поднеся бутылку к губам, он запрокинул голову, и суп большими глотками потек внутрь по его горлу. Я поднялся на несколько ступенек выше, чтобы освободить им место, и теперь смотрел на него сверху вниз. Заметив, что его брат наблюдает за мной, я попытался отвести взгляд в другую сторону, чтобы не видеть, как тот ест.

Сигарета, догорев, обожгла мне пальцы, и я щелчком отбросил ее в сторону.

Мужчина и мальчик переглянулись и поняли друг друга без слов. Старший повернулся и посмотрел на меня.

— Слушай, оказывается я не так голоден, как думал, — произнес он. — Мама налила слишком много супа, я не могу его доесть. Не хочешь выпить немного бульона? Жалко выливать его.

Какое-то мгновение я смотрел на него, не говоря ничего. Затем взял из его рук бутылку.

— Спасибо, — пробормотал я и начал пить суп.

Не знаю, что это был за суп, но было ужасно вкусно. Потом он протянул мне сэндвич. И когда я принял его, казалось, мы заключили молчаливое соглашение. Должно быть, инстинктивно он понимал, в каких обстоятельствах я очутился, и чрезвычайно мягко и искренне, не пытаясь поставить меня в неловкое положение, предложил мне помощь. И я не бросился расточать слова благодарности. Они были не нужны.

Когда мы допили кофе, я вытащил из кармана три сигареты, одну сунул себе в рот, а две другие предложил братьям.

Парень замотал головой, а его брат объяснил мне:

— Он учится в средней школе и занимается легкой атлетикой.

А мы с ним закурили и некоторое время молчали. Затем он поинтересовался:

— Давно в Нью-Йорке?

— Нет, только вчера приехал.

— Меня зовут Том Харрис, — представился он.

— А меня Фрэнк Кейн.

Через несколько минут мы услышали свисток.

— Это нас, — сказал Том. — Пойдем! — Я начал подниматься, а он обратился к Сэму: — Снимай пальто. Ты уже больше никуда не пойдешь, а дома оно тебе не понадобится. Вечером принесу.

Беспрекословно Сэм снял пальто и отдал его мне. Я надел его. Не думаю, что смог бы отблагодарить его, если бы даже и попытался.

Время после обеда пролетело незаметно. У меня появилось чувство, что день закончится для меня благополучно. Когда мы прекратили работу, Том спросил меня, где я остановился.

И я ему признался, что мне пока некуда идти.

— Пару ночей ты можешь переночевать у нас, по крайней мере до тех пор, пока тебе не заплатят за работу, — предложил он мне.

— Но, может быть, у вас нет места, — слабо сопротивлялся я.

— Да ты что! У нас большая квартира.

И мы отправились на 126-ю улицу, где между Конвент-авеню и авеню Святого Николаса находился многоквартирный дом, в котором и обитал Том. Мы вошли в тускло освещенный подъезд и начали подниматься по лестнице. По каким-то неясным признакам, может быть, по тусклой лампочке, висевшей высоко под самым потолком, или по запаху свинины, войдя в подъезд, вы уже чувствовали, что это негритянский дом. Наконец, на третьем этаже Том ввел меня в свою «большую квартиру».

Дверь с лестничной площадки вела прямо в кухню, где стоял стол, несколько стульев, обшарпанный деревянный буфет и печь, топящаяся углем, на которой стоял огромный булькающий котел. В одном углу комнаты стояла седая негритянка, на вид лет пятидесяти. Том подошел к ней и сказал:

— Мам, это Фрэнсис Кейн. Ему негде остановиться, и сегодня он переночует у нас.

В то время я еще не знал, что этот ночлег растянется почти на месяц. Женщина подошла ко мне поближе, заглянула мне в лицо, и я понял, что не смогу остаться,

если она не одобрит меня. Несколько минут она смотрела на меня молча, потом сказала:

— Садись сюда, Фрэнки. Сейчас будем ужинать.

После ужина мы сразу же завалились спать на большую двухспальную кровать в спальне, так как оказалось, что ночью мы сможем разгребать снег на другой улице. Грех было упускать такую возможность.

Мне показалось, что я только успел вытянуться, как почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо и говорит:

— Вставай, парень, вставай, пора на работу.

Глава 5

В целом мы отработали два с половиной дня на уборке снега, но деньги получили за пять рабочих дней, так как работали в две смены: и днем, и ночью. С семнадцатью с половиной долларами в кармане я чувствовал себя так, как будто весь Нью-Йорк лежал у моих ног, и мое будущее было в моих руках.

Я зашел в ломбард и купил себе костюм, две рубашки, куртку и пару туфель, все, конечно, не новое, за одиннадцать долларов.

Вернувшись «домой», я предложил миссис Харрис половину того, что у меня осталось, но она решительно отказалась взять деньги, сказав, что они мне самому понадобятся.

В этот день мы с Томом как пришли в два часа дня, так сразу же завалились спать и проспали до самого ужина. А за ужином я впервые встретился с его сестрой. Ей было лет четырнадцать, но была она уже вполне развитой девушкой, широкоплечей с длинными худыми ногами и тонкими гибкими руками. Ее жесткие прямые волосы были зачесаны за уши, на удлиненном лице темно-коричневого цвета ярко алели подкрашенные губы. Она села за стол и заговорила с Томом:

— Вы теперь совсем без работы?

— Угу.

— И что же вы собираетесь делать? — спросила она его.

Но я понял, что она имела в виду в основном меня. И ответил ей не Том, а я.

— Наверное, попытаюсь найти работу.

Она фыркнула, сердито вскинув голову.

— Черта с два найдешь! Сейчас нигде нет работы.

— Ну, не знаю, — сказал я, — эту-то я нашел сравнительно легко.

— Тебе просто повезло, но счастье не вечно.

— Где мама? — спросил ее Том, тактично переводя разговор в другое русло.

— Они с Сэмом ушли на собрание, — сообщила ему Элли. — Она в общем-то послала меня за тобой.

— Хорошо, — сказал Том, — тогда пойдем.

Он надел куртку, и они вышли.

Прошло около часа. Я читал газету, курил, и меня уже начало клонить ко сну, как вдруг дверь открылась, и вошла Элли. Она подошла к столу и села напротив меня.

— Еще не спишь?

— Нет.

— Они вернутся часа через два, не раньше. А я так устала, что ушла.

Я не ответил.

— Ну что ж, спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи.

Она прошла в спальню, и до меня донесся шелест снимаемой одежды.

— А ты разве не устал? Почему не ложишься спать? — услышал я ее голос.

— Я уже отдохнул. Подожду Тома.

— Они поздно вернутся. Знаешь, как обычно затягиваются эти собрания.

Минут через пятнадцать она вышла в наброшенном поверх ночной рубашки пальто и прошла через кухню в туалет. Возвращаясь, она взглянула на меня, но я отвернулся. Еще через несколько минут она позвала меня:

— Фрэнки, пожалуйста, принеси мне стакан воды.

— Ладно, — ответил я.

Я наполнил стакан водой из-под крана и отнес ей в спальню. Она взяла его и пила маленькими глотками, одной рукой придерживая одеяло на груди. Когда она возвращала мне стакан, одеяло упало, а рубашка сползла с одного плеча, так что моему взору открылись голое плечо и грудь. Я повернулся, чтобы уйти, но она схватила меня за руку.

— Что с тобой, парень? Ты боишься?

— Нет, — быстро проговорил я, а потом добавил: — А может быть, и боюсь.

— Никто не узнает.

— Не в этом дело.

Я пошел из комнаты, думая о Томе и его матери и о том, как я могу подложить им свинью после того, что они для меня сделали.

Она спрыгнула с кровати и, схватив меня за плечо, повисла на мне. Увидев, что она совершенно голая, я попытался сбросить ее с себя, но не смог. Я боролся с ней не потому, что хотел убежать от нее, а скорее всего оттого, что меня страшно тянуло к ней. В конце концов я шлепнул ее по щеке.

Элли отпрянула, сердито взглянула на меня, тело ее напряглось, и она прямо-таки зарычала:

— Если ты не сделаешь то, чего я хочу, я закричу. Сбежится весь дом, и я скажу, что ты приставал ко мне.

Я обескураженно смотрел на нее с минуту, а потом повернулся к двери. Она открыла рот и завопила. Я быстро оглянулся и, зажав ей рот рукой, сказал, что если она не заткнется, то убью ее. Она укусила меня за руку, а я, отбросив ее на кровать, еще раз попытался уйти. Но она снова завопила так, как будто ее режут. Я вернулся к ней.

— Ну хорошо, хорошо, успокойся, — сдался я.

Харрисы вернулись из молитвенного дома уже в первом часу ночи. Элли спала в комнате рядом, а я сидел и пытался читать «Амстердам ньюс» при тусклом свете лампочки.

На следующий день я отправился искать хоть какую-нибудь работу. Но на этот раз удача от меня отвернулась. Невозможно было ничего найти даже на девять-десять долларов в неделю. Вернувшись к Харрисам около семи часов вечера, я поведал им о своей неудаче.

— Не огорчайся, мой мальчик. Бог не оставит тебя, — утешала меня миссис Харрис. — Ты обязательно найдешь работу.

Я улыбнулся ей.

— Спасибо, ма, но Бог один, а нас много, и еще один лишний рот вам, наверное, в тягость.

— Не говори так, сынок, — сказала она. — Как-нибудь проживем.

Глава 6

Три дня мы жили на овсянке. Овсянка, конечно, полезна для здоровья, но уж больно надоедает. К концу недели я все еще был без работы, а осталось у мен всего три доллара.

В субботу Том уговорил меня пойти с ним на вечеринку в клуб на авеню Святого Николаса.

Вы когда-нибудь пили пиво с джином? Стакан пива и две порции джина — вот такой адский коктейль пили на вечеринке. После первого же стакана я стал соображать с трудом. Там было человек тридцать, среди них несколько белых парней и девушек, которые, казалось, избегали друг друга, и общались только с цветными. Стоило мне заговорить с одной белой девушкой, как она тут же отвернулась и подошла к симпатичному негру.

Вечеринка закончилась в три часа ночи. Том так нагрузился, что еле на ногах держался. Закинув его руку себе за шею, я повел его домой. Холодный ночной воздух освежил меня, и к тому времени, как мы добрались до дома, я уже почти совсем протрезвел.

Том всю дорогу что-то весело напевал, а в подъезде, на лестничной площадке свалился. Я попытался поднять его, но не смог. В подъезде было темно, я чиркнул спичкой и увидел какие-то тени на ступеньках лестницы.

Это были Элли и белый мужчина лет сорока. Мужчина выглядел одновременно смущенным и испуганным. Его пиджак и пальто были расстегнуты. Он метнулся к выходу, но Элли схватила его за рукав.

— Эй, а остальные четверть доллара?

Он достал из кармана монету, сунул ей в руку и выскочил из подъезда.

Тогда Элли спокойно спустилась по ступенькам ко мне и взглянула на Тома.

— Он что, пьяный?

— Да, помоги мне поднять его.

Вместе мы подняли его, привели в квартиру и уложили в постель, а потом вышли в кухню, где Элли спросила меня:

— Ты никому не расскажешь?

— Нет, не расскажу, — пообещал я ей.

— Надо же как-то добывать деньги, — проговорила она с отчаянием в голосе. — Сэм в магазине получает

лишь полтора доллара в неделю, а только на еду уходит семь долларов, и то этого мало.

Я взглянул на нее.

— А как ты все это объясняешь?

— Говорю, что три ночи в неделю работаю на ленточной фабрике на 132-й улице. Но меня оттуда уволили уже несколько недель назад.

— И как долго ты этим занимаешься?

— Не твое дело, — огрызнулась она.

— Хорошо, — сказал я, глядя в окно, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.

Она подошла ко мне поближе.

— У тебя есть деньги?

— Нет, — ответил я, солгав, сам не знаю почему.

Она протянула мне монету в двадцать пять центов.

— Возьми, может быть, они тебе понадобятся.

Я отшатнулся.

— Нет, спасибо, нет!

Я взглянул на нее. В ее глазах стояли слезы. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, а потом слезы потекли у нее по щекам, глаза покраснели и распухли, как у всех негров, когда они плачут. Я погладил ее по плечу.

— Не расстраивайся, все будет хорошо.

На следующее утро, в воскресенье, я проснулся очень рано и не смог больше заснуть. Некоторое время я лежал, прислушиваясь к сопению Тома и Сэма, а потом встал и отправился в кухню умываться. Я брился, когда в комнату вошел Сэм и уселся на стул, наблюдая за мной.

— Чего это ты встал так рано? — спросил я его.

— Мне надо идти в магазин отправлять заказы к завтраку.

Мы помолчали, а потом он спросил меня:

— Сколько тебе лет, Фрэнки?

— Двадцать.

— Оказывается, ты не намного старше меня. Мне уже почти восемнадцать. Я думал, ты старше.

Я оглянулся и посмотрел на него. Он был очень симпатичным парнем — прекрасная черная кожа, жесткие курчавые волосы, тонкие черты лица, большие выразительные глаза и ослепительно белые зубы.

— Фрэнки, что ты о нас думаешь? Ну, это... обо мне, Томе, маме и Элли. Наверное, ты чувствуешь себя совсем не таким, как мы.

Его большие карие глаза совершенно серьезно смотрели на меня.

— Твои родные мировые люди. Вы не могли бы быть лучше, если бы были...

Он прервал меня.

— Если бы мы были белыми, ты это хотел сказать?

— Нет, — ответил я. — Даже если бы вы были моими родственниками, я не мог бы ожидать больше доброты и сочувствия.

Он встал.

— Мне пора идти. Увидимся позже.

Я закончил бриться, оделся и тоже вышел из дома. Было страшно холодно. Я закурил и дошел до 125-й улицы, прошел мимо магазина, в котором работал Сэм. Он был полон народу. Что-то подтолкнуло меня, я вошел и увидел Сэма: он упаковывал заказы в картонные коробки. Мы с ним переглянулись. Я встал в очередь и купил дюжину дешевых яиц, фунт копченой свиной грудинки, дюжину булочек и пачку дешевых сигарет — все за семьдесят два цента. Взяв коробку под мышку, я вернулся домой.

Миссис Харрис и Элли хлопотали на кухне, а Том все еще спал. Я поставил коробку на стол.

— Вот, купил на завтрак.

— Не надо было тратить деньги, — запричитала миссис Харрис.

Дни шли за днями, становилось теплее, март был уже на пороге, а мы все еще не могли найти никакой работы. Я чувствовал, что атмосфера в доме сгущается, и начал подумывать о том, что надо отсюда уходить.

Однажды во второй половине дня мы с Элли остались дома вдвоем, и я сказал ей.

— Наверное, скоро уйду от вас.

Она удивленно взглянула на меня.

— Не могу же я остаться здесь навсегда, ты же понимаешь.

Она подошла ко мне и взяла за руку. Я обнял ее за плечи. Воспоминания о той ночи и ее близость сделали свое дело. Она моментально почувствовала это и повела меня в другую комнату. Каким-то образом по ее уступ-

чивости и яростным подергиваниям худенького тела мне стало ясно, что она не хочет, чтобы я уходил. Это была не любовь и даже не страсть, а какая-то сердечность, доброта и взаимопонимание.

Мы поднялись с кровати, перевели дыхание, ее руки цеплялись за мои бедра. Я держал ее грудь в руке и чувствовал ладонью твердый сосок. Неожиданно я снова повалил ее на кровать, а сам бросился сверху.

— Я должен уйти, понимаешь, должен уйти. Я не могу оставаться здесь, получая так много и ничего не отдавая взамен, — твердил я, действуя довольно грубо.

Она застонала, когда я сделал ей больно. Она едва могла говорить, судорожно глотала воздух и шептала, задыхаясь:

— Ты... должен... уйти...

Вечером за ужином я рассказал им о своем решении. Они принялись уговаривать меня остаться.

— Я должен найти работу во что бы то ни стало, — решительно сказал я. — А здесь это невозможно. Завтра я ухожу.

На следующее утро я пожал руки Тому и Сэму и расцеловался с миссис Харрис и Элли, поблагодарил их за все, что они для меня сделали.

— Будь умницей, Фрэнки, — со слезами на глазах сказала миссис Харрис. Не забывай нас, если тебе понадобится помощь.

— Уж вас я никогда не забуду, — ответил я и пошел к двери. Оглянулся и улыбнулся им. — Пока.

Я быстро закрыл за собой дверь и вышел на улицу. Был яркий солнечный день, солнце пригревало почти по-летнему, и я почему-то уверился, что дела у них поправятся и все будет хорошо.

Со свертком под мышкой, в котором лежали две рубашки, я направился в сторону 8-й авеню, а в ушах у меня все еще звучал ласковый голос миссис Харрис: «Не забывай нас, если тебе понадобится помощь». Я улыбнулся про себя. Им самим нужно было много чего. Однако они сумели поделиться со мной и тем немногим, что у них было. В горле у меня запершило, а на глаза набежали слезы.

— Что-то ты совсем размяк, парень, — сказал я сам себе. Затем рассмеялся и продолжил путь.

Глава 7

Я прочесал 8-ю авеню вдоль и поперек. По пути заходил во все магазины и кафе и интересовался, не нужны ли им рабочие. Некоторые отказывали тактично, другие — нет. На углу 72-й улицы и Колумбус-авеню мне удалось заполучить работу в кафетерии: вымыл посуду после обеда и за четыре часа заработал один доллар и ужин. Поужинав, я прошел к управляющему и спросил его, нет ли подобной работы и на завтра.

Управляющий, коротенький толстенький человечек с добрыми глазами, задумался на минутку, затем сочувственно улыбнулся и сказал:

— Я очень сожалею, но работа была только на сегодня. Вообще-то и сегодня мы могли бы обойтись без тебя, но я хотел...

Улыбнувшись, я прервал его:

— Я понимаю. Спасибо и за это.

Темнело. Мне срочно надо было куда-то пристраиваться на ночлег или же ночевать на улице. Я отправился в отель «Милз», где за пятьдесят центов получил отдельный номер. Некоторое время я сидел в вестибюле и читал газеты, а потом пошел спать. Меня все время мучил вопрос, как разыскать родных, но мне ужасно не хотелось предстать перед ними в таком жалком виде, настоящим оборванцем. И я страшно боялся, что могу наткнуться на знакомых и вынужден буду объяснять свое финансовое положение.

Проснулся я ни свет ни заря и уже в семь тридцать был на 6-й авеню. У агентства по найму на работу толпился народ, но и там ничего подходящего не подвернулось.

Я решил попытать счастья в районе оптового рынка, и мне повезло. Я зашел на склад небольшого магазинчика бакалейных товаров и почти сразу же получил работу. Паренек-рассыльный только что перешел в магазин на углу Колумбус-авеню и 69-й улицы.

Заведующий, сидевший за столом, поднял голову и взглянул на меня.

— Что ты хочешь? — Казалось, он не спрашивал, а нападал.

— Работу, — ответил я откровенно.

— У меня нет, — последовал краткий ответ.

И в эту минуту зазвонил телефон. Сняв трубку с рычага, он рявкнул:

— Рейзес слушает.

В трубке послышался чей-то взволнованный запинающийся голос. Я стоял и ждал.

Время отсчитывало секунды. Заведующий не отвечал, а лишь прислушивался к треску, несущемуся из телефонной трубки. Не знаю почему, но нутром я почуял, что у меня появился шанс. То ли он взглянул на меня как-то по-особенному, то ли выражение его лица изменилось во время разговора, не знаю, но совершенно неожиданно руки у меня вспотели, а сердце заколотилось от волнения.

Заведующий повесил трубку и увидел меня.

— Ты все еще торчишь здесь?

— Мне нужна работа.

— Я же сказал тебе, что у меня ее нет.

— Вам же только что позвонили насчет освободившегося места, — рискнул я.

Он с минуту удивленно рассматривал меня.

— У тебя есть какой-нибудь опыт подобной работы?

— Кое-какой, — ответил я, — работал на большом продовольственном рынке в Сан-Диего.

Я не стал вдаваться в подробности, что опыт продолжался всего два дня.

Теперь он смотрел на меня оценивающе.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Тебе это не подойдет, — сказал он, поворачиваясь к столу. — Это работа мальчика-рассыльного — за восемь долларов в неделю.

— Я согласен.

Он еще раз взглянул на меня и повторил:

— Восемь долларов в неделю.

Я сунул руки в карманы, чтобы он не заметил, как они дрожали.

— Согласен, — упорно твердил я.

Господи, как я боялся, что он пошлет меня подальше. Мне казалось, что я ничего в жизни не желал так, как эту работу.

— Тебе же не хватит восьми долларов в неделю. Ты не ребенок.

Я все еще держал руки в карманах.

— Послушайте, мистер, — начал я, и голос мой слегка дрогнул, — мне очень нужна работа. Я буквально без гроша. Последняя работа у меня была полтора месяца назад: я сгребал снег. Так что восемь долларов для меня огромная сумма.

Он откинулся на спинку стула и спросил:

— Ты живешь с родителями?

— Нет, я сирота.

— Почему ты так уцепился за эту дешевую работу? Ты сильный, здоровый парень, мог бы найти что-нибудь и получше.

— А вы думаете я не пытался? — проговорил я с отчаянием в голосе. — Еще как пытался, но нигде ничего нет. А жить-то надо.

Он немного помолчал. А я просто с ума сходил. Эта игра в кошки-мышки начинала действовать мне на нервы. Но он неожиданно повернулся ко мне.

— О'кей, — щелкнул он пальцами. — Я беру тебя.

Я почувствовал слабость в ногах, опустился на стул у стола и вытащил из кармана сигарету. Сунув ее в рот, я тщетно пытался зажечь спичку, так дрожали у меня руки. Заведующий чиркнул спичкой о коробок и поднес к моей сигарете. Я глубоко затянулся.

— Спасибо, мистер, огромное спасибо.

И тут у меня закружилась голова. Я даже решил, что меня сейчас стошнит. Мой желудок начал конвульсивно сокращаться, во рту появился горький привкус желчи. Отчаянно делал я глотательные движения. Господи, только не это, только не сейчас! Я обхватил голову руками. Заведующий встал со стула, подошел ко мне и потрепал по плечу.

— Должно быть, это страшно неприятно, сынок, — проговорил он гораздо мягче.

Я кивнул, но чувствовал себя уже лучше, приступ тошноты прошел.

— Ну как, все в порядке? — спросил он.

— Да, сэр, со мной все о'кей. Просто... ну, вы понимаете, что я хотел сказать. — Он кивнул, а я продолжил. — Когда я должен приступить к работе и где?

Он вернулся к столу, написал записку на листке бумаги и вручил ее мне. Я прочитал адрес.

— Ты можешь начинать прямо сейчас, если хочешь, — сказал он.

— Да, сэр, если вас это устроит.

Он взял еще один лист бумаги со стола.

— Как тебя зовут?

— Фрэнсис Кейн, сэр.

Он написал несколько слов и отдал мне листок.

— Вот, возьми. — Он улыбнулся. — Отдашь это управляющему магазином и, если у него возникнут какие-нибудь вопросы, скажи, пусть позвонит в контору к Рейзесу.

— Спасибо, мистер Рейзес. Большое спасибо.

– Удачи тебе, Фрэнк, — сказал он, вставая со стула и протягивая мне руку.

Я вышел на улицу. Все вокруг казалось в ином свете. День был просто восхитительный! Я дал себе слово, что буду из кожи лезть, чтобы не подвести такого славного парня, как мистер Рейзес. Я взглянул на записку, которую зажал в руке. Это была самая прекрасная записка, которую я когда-либо читал:

«Гарри!

Это Фрэнсис Кейн. Прими его на работу за десять долларов в неделю.

Дж. Рейзес.»

Просто невозможно подвести такого человека. Два лишних доллара в неделю! Да я за него руку по локоть не пожалею! Я шел к метро, насвистывая по дороге.

Глава 8

Я вышел из метро на 66-й улице и прошел по указанному адресу к небольшому магазинчику с одной витриной и черно-серой вывеской над входом: «Изумительный чай и кофе». На витрине был выставлен скудный набор бакалейных товаров, так что люди проходили мимо, даже не взглянув на нее. Магазинчик располагался в недавно отремонтированном доме, недалеко от угла, с одной его стороны, прямо на углу, была аптека, а с другой — пивной бар и кафе-мороженое; лавка мясника и овощной базарчик завершали этот торговый ряд.

Я вошел в магазин. Мужчина в белом переднике, завязанном на талии, обслуживал единственную покупательницу. Я подождал, пока она не закончит складывать

в сумку консервные банки и не расплатится, а потом подошел к нему.

— Меня прислал мистер Рейзес.

— Отлично! — воскликнул он.

По всему было видно, что он ожидал помощника. Я отдал ему записку, которую он прочел и сунул в карман.

— О'кей, — улыбнулся он, — меня зовут Гарри Кронстайн.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — сказал я, пожимая ему руку.

Он нагнулся и откуда-то из-под прилавка вытащил такой же передник, как на нем.

— Вот, надень. Сначала тебе придется подмести помещение. Мой рассыльный что-то с утра не появлялся.

Я надел передник, в углу магазина нашел метлу и принялся за уборку. Для меня это была привычная работа, так что через полчаса все было готово.

— Чем теперь заняться?

Гарри одобрительно посмотрел на меня.

— Где ты научился так хорошо подметать? Парни, которые побывали здесь до тебя, и не знали, с чего начать.

— Просто эта работа мне знакома, — ответил я.

На полу рядом с прилавком стояло много коробок с консервами, их только что привезли. Какую-то часть из них я распаковал и расставил на полках, а остальные коробки отнес в заднюю комнату и сложил одну на другую.

После этого мы отправились перекусить в кафе-мороженое. Сели в кабинку и разговорились. Мне представился удобный случай рассмотреть его. На вид ему было лет пятьдесят шесть, за очками в массивной оправе с толстыми стеклами скрывались голубые водянистые глаза. Лысину с трех сторон обрамляли рыжеватые волосы, а над верхней губой топорщились рыжевато-коричневые усики. Разговаривал он медленно, двигался свободно, улыбался осторожно. Но улыбка у него была приветливой.

Я рассказал ему кое-что о своих недавних приключениях, а от него узнал, что в магазине не было продавца, так что мне предстояло совмещать работу и продавца, и рассыльного.

После обеда я разнес несколько заказов и получил сорок центов чаевых, что позволило мне снять в отеле отдельный номер.

На следующее утро я примчался в магазин еще до его открытия. Первым делом подмел помещение, а потом Гарри послал меня в кафе-мороженое за кофе и булочками. Мы не спеша позавтракали, а в восемь часов открыли магазин. Я протирал прилавки, складывал товары, разносил заказы. Клиентами нашего магазина были в основном бедняки, те, кто существовал на пособие по безработице, да представители среднего класса — те, кто получал двадцать-тридцать долларов в неделю, так что на прилавках лежали в основном дешевые бакалейные товары.

В субботу магазин был открыт допоздна, до двенадцати часов ночи. И в этот день, как обещал мне Гарри, я должен был приступить к обслуживанию покупателей. Первой моей покупательницей оказалась высокая темноволосая итальянка, которая говорила резким пронзительным голосом. Она попросила отпустить ей полфунта дешевого сыра, а я отрезал чуть больше. Пока я подсчитывал, сколько это будет стоить, Гарри подошел ко мне и чуть слышно прошептал:

— Тридцать шесть центов.

Это было на шесть центов больше, чем получилось у меня, но я не выказал удивления и назвал покупательнице ту цену, которую мне подсказал Гарри.

Потом он мне объяснил, что иногда следует немножко обсчитывать клиентов, когда есть уверенность, что это пройдет незамеченным, чтобы иметь возможность расплачиваться за битые яйца, рассыпанную муку или крупу, а также за наши завтраки.

Я был понятливым парнем и сразу все хорошо усвоил.

Глава 9

Было воскресенье, и я проспал почти до одиннадцати часов, а проснувшись, не захотел вылезать из уютной постели, повернулся, взял сигареты с тумбочки и закурил. Мне было так приятно лежать, ничего не делая, уставившись в потолок. Я вспомнил, как вчера вечером,

перед закрытием магазина, Гарри подозвал меня к кассе и вручил семь долларов.

На минуту я растерялся, потом сказал:

— Что-то вы мне слишком много дали. Я же работал всего три дня, и мне положено пять долларов.

Гарри улыбнулся:

— Два лишних доллара от меня. Рассыльные, которые работали тут до тебя, в субботу вечером уносили домой пакет с продуктами, но тебе-то они ни к чему, раз ты живешь в отеле. Ну я и подумал, что два лишних доллара тебе не помешают.

Я посмотрел на деньги в своей руке, потом на Гарри.

— Спасибо, — сказал я, — буду стараться работать еще лучше.

— Да уж, пожалуйста, — рассмеялся Гарри.

— Послушайте, — обратился я к нему с просьбой, — если вы не против, то я бы хотел взять немного продуктов для своих знакомых. Они были добры ко мне, и я хочу отплатить им той же монетой.

— Давай, выбирай, — разрешил Гарри, возвращаясь к кассе подсчитывать дневную выручку.

Я взял большой пакет и сложил в него дюжину самых лучших яиц, фунт сливочного масла, пакет нежирной ветчины, сыр, сахар, муку, несколько банок с консервированными овощами и несколько пакетов разных круп. Подсчитав, сколько это будет стоить, добавил к этим продуктам две булки белого хлеба и большой торт за двадцать пять центов. Потом подошел к кассе и протянул Гарри три доллара и десять центов. Он взял деньги и спросил:

— Для кого эти продукты?

— Для моих друзей. Когда я приехал в Нью-Йорк в феврале, у меня не было ни гроша за душой, и они приютили меня. Но сейчас они сами в ужасно стесненных обстоятельствах, так что я не смог там дольше оставаться, но без них я просто бы погиб, наверное.

Несколько минут он молчал, наблюдая, как я перевязываю пакет шпагатом и пристраиваю к нему деревянную ручку, чтобы легче было нести, потом вернул мне деньги.

— Вот, возьми, они тебе еще пригодятся.

Я запротестовал.

— Я хочу расплатиться, у меня достаточно денег. Сегодня я еще два доллара на чаевых заработал.

Но он все же заставил меня забрать эти деньги. А потом мы еще с часик посидели в кафе-мороженом за чашечкой кофе, так что в отель я вернулся почти в два часа ночи.

Сигарета догорала. Я сунул ее в пепельницу, соскочил с кровати, побрился и спустился в душ. Там я долго стоял под упругими струями, ощущая кожей приятное тепло. Потом докрасна растерся грубым полотенцем и почувствовал себя так, словно только что на свет народился.

Вернувшись в номер, я быстро оделся и, схватив пакет с продуктами, поспешил к Харрисам.

Дверь мне открыл Том. Увидев меня, он широко и радостно улыбнулся.

— Старик! Мы только что говорили о тебе! Входи!

Я вошел, а он уже кричал в другую комнату:

— Мам, ты только угадай, кто пришел?

И, схватив мою руку, он принялся так энергично ее трясти, что чуть не оторвал.

— Как твои дела, парень?

— Прекрасно! — ответил я. — Просто прекрасно! Тут в комнату вбежали Сэм и Элли, а за ними спешила и миссис Харрис. Мы так обнимались, целовались и трясли друг другу руки, как будто лет сто не виделись, а не пять дней. Когда радостное волнение немного улеглось, я положил на стол пакет с продуктами.

— Я нашел работу, — гордо объявил я, — настоящую работу, в бакалейном магазине, как Сэм. И решил принести вам чего-нибудь вкусненького. — Я открыл пакет и начал вытаскивать продукты. — Вот яйца, масло, сыр, ветчина, торт и... — я замолчал.

Миссис Харрис опустилась на стул и расплакалась. Я подошел к ней и обнял за плечи, такие худенькие и костлявые.

— Что случилось, ма? — мягко спросил я.

Она подняла на меня глаза и улыбнулась сквозь слезы.

— Ничего, Фрэнки, ничего. Просто я страшно рада за тебя. Я каждый день молилась и просила нашего Господа, чтобы он вернул улыбку на твое лицо.

Растерянно я взглянул на Тома, Сэма и Элли. Том закивал головой.

— Да, это правда, Фрэнки. Она и нас заставляла каждый день молиться за тебя. Что мы с радостью делали.

— Я даже не знаю, что сказать, — пробормотал я растроганно.

— А ничего и не надо говорить, — улыбнулась миссис Харрис, — просто возблагодарим Господа за его доброту и ласку.

Позже, уже за столом, я рассказал им все, что со мной случилось — как я нашел работу, сколько зарабатываю, чем занимаюсь. Миссис Харрис радостно проговорила:

— Похоже, эта неделя была удачной для всех нас. — Она с гордостью взглянула на Элли. — Элли тоже нашла хорошую работу, вот как. Она работает снова на ленточной фабрике и зарабатывает пятнадцать долларов в неделю!

— Это же здорово! — сказал я и машинально посмотрел на Элли, радуясь за нее.

Она сидела с каменным лицом, а на мой взгляд вызывающе вздернула подбородок кверху. И я сразу же понял, чем она занимается, но должен был хранить молчание и подыгрывать старой женщине.

— Правда, ей приходится поздно возвращаться домой, — продолжала женщина, — но Элли умница и никаких глупостей себе не позволяет. — Она взглянула на часы и воскликнула: — Ой-ой, как время летит! Нам же пора на воскресное собрание. Том, Сэм, поднимайтесь, пойдете со мной, а Элли составит компанию Фрэнки, пока мы не вернемся.

Они вышли — пожилая женщина и два молодых человека, бережно поддерживающие ее с двух сторон. Я закрыл за ними дверь и вернулся к Элли.

Она сидела на подоконнике, глядя сквозь пыльное стекло во двор. Я сел на стул рядом, закурил сигарету и задал ей вопрос:

— Так значит, ты нашла работу, Элли?

Она даже не взглянула на меня.

— Ты же знаешь, что нет, — проговорила она глухим голосом с оттенком горечи.

— Ничего я не знаю. Может быть, все же расскажешь мне.

С минуту она молчала, а потом проговорила натянуто, но спокойно:

— Просто теперь я снимаю квартиру вместе с другими женщинами, а выручку мы делим с хозяином.

— Ты бы могла заняться чем-нибудь другим, — сказал я.

— Да? — подняла она брови вверх. — И чем же именно?

Я не знал ответа на этот вопрос.

— Заняться чем-нибудь другим, — передразнила она меня. — Да, конечно. Приду в фешенебельный магазин на углу 100-й и 25-й улиц и скажу: вот она я, белая девушка, принимайте меня на работу. Ты что, не знаешь, что ли, как нам, неграм, трудно получить работу?

Том бы, наверное, не сидел целыми днями дома и не глазел до отупения на свои руки — большие, крепкие, умелые мужские руки, сжимая и разжимая их в бессильной ярости. И не напивался бы до одурения дешевым джином, когда совсем становится невмоготу, если бы мог найти работу.

А Сэм? Сэм, который в школе изучает бухгалтерское дело, только и может разносить заказы, а обслуживать покупателей — не моги. А вдруг чернота с его рук перейдет на белый хлеб или желтый сыр, да, не дай Бог, попадет в прекрасное белое горлышко!

Так чем же мне заниматься?

Она повернула ко мне мрачное и суровое лицо с глазами, мудрыми не по годам.

— Все, что мне остается, так это ложиться голой на белоснежную постель и извиваться, чтобы клиент решил, что я сгораю от страсти к нему и не могу дождаться, когда он навалится на меня. Уж его-то не волнует, перейдет моя чернота на него или нет. А когда он встает и начинает натягивать брюки, коленки у него слегка дрожат, и он обеспокоенно спрашивает лишь одно: «С тобой все в порядке, крошка? Скажи мне, не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Просто хочу знать, не надо ли мне бежать к доктору?» И мне так хочется ему ответить: «Со мной все в порядке, мистер, не волнуйтесь. Я, может быть, и черная снаружи, но внутри я такая же чистая и белая, как любая белая женщина». Но, сдержи-

вая слезы, я отвечаю хриплым голосом: «Со мной все в порядке, мистер».

Она встала прямо передо мной и глядя мне в глаза повторила еще раз:

— Со мной все в порядке, мистер.

И так она это сказала, что внутри у меня все перевернулось. Я протянул к ней руки, и она бросилась ко мне, положила голову мне на грудь и разрыдалась. Ей надо было выплакаться. Через некоторое время она успокоилась, умылась и причесалась. Села за стол и закурила сигарету.

— Не знаю, почему я тебе все это высказала. Ты же в этом не виноват. Но мне надо было с кем-то поделиться.

— Я понимаю тебя, трудно, когда невозможно излить все, что тебя тревожит, близкому человеку. Я столько раз чувствовал то же самое.

Через некоторое время мы услышали шаги на лестнице и бубнящий голос Тома. Элли быстро выбросила сигарету и прополоскала рот водой.

— Мама не любит, когда я курю, — объяснила она.

Я ушел, распрощавшись, не дожидаясь ужина, так как боялся съесть лишнее и обделить их. Поужинал в кафетерии и посмотрел в кинотеатре веселую комедию.

Глава 10

К концу следующей недели жизнь вошла в обычное для меня русло. За три доллара в неделю я снял постоянный номер с ванной.

Работа мне нравилась. У меня проявились прямо-таки недюжинные способности к торговле. Покупателям я, по-видимому, нравился. Был с ними всегда вежливым и предупредительным, мог к месту и пошутить и поддержать непринужденный разговор.

Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, незаметно и май наступил. Понемногу я откладывал деньги, не тратя их на глупости, единственно на что я их не жалел, так это на продукты, которые я относил Харрисам по воскресеньям. Купил себе новый костюм, но надевать его особенно было некуда, разве только к Харрисам.

Однажды утром, когда я помогал разгружать грузовик с продуктами, шофер сообщил мне, что руководство приобретает еще один грузовик.

— А кто будет его водить? — спросил я.

— Тони, — ответил он.

Тони был его помощником.

— Но тогда тебе понадобится другой помощник, — сказал я.

— Да, даже два — один мне, а другой — Тони.

Я задумался. Это же была работа для Тома. Он все еще был без работы и прямо с ума сходил из-за этого. И я решил поговорить с мистером Рейзесом.

Когда я рассказал ему о Томе, он спросил, можно ли на него положиться.

— Ну конечно! — воскликнул я с уверенностью. — Ему так нужна работа.

Мистер Рейзес покачал головой.

— Мне всегда не везло с этими неграми. Первые две недели они ведут себя нормально, но как только у них заводится несколько долларов в кармане, они напиваются и не возвращаются до тех пор, пока деньги не кончатся.

— Ничего не могу сказать про других, но этого парня я хорошо знаю. Он добросовестный работник, не бездельник.

Мистер Рейзес как-то странно на меня посмотрел.

— Говоришь, хорошо его знаешь?

Я кивнул.

— Раньше работал с ним. Уверен, он вас не подведет.

Мистер Рейзес пожал плечами.

— Ну ладно, пусть зайдет ко мне на следующей неделе. Я поговорю с ним.

— Спасибо, мистер Рейзес.

Я едва дождался воскресенья, чтобы отправиться к Харрисам и сообщить им эту приятную новость. Надев новый костюм, я поспешил к метро, представляя, как они обрадуются, особенно миссис Харрис. Я открыл дверь и вошел в квартиру. Элли сидела за столом, на котором лежала развернутая «Санди ньюс». Через открытое окно в комнату врывалось много звуков со двора: где-то плакал ребенок, ругались муж с женой, у кого-то играло радио — джазовую мелодию — и все эти звуки, причудливо соединяясь, слагали песню бедности.

— Привет, Фрэнки.

— Привет! А где все остальные?

Она медленно и устало проговорила:

— Мама с Сэмом в церкви, а Том ушел рано утром и вернется только к вечеру.

Я положил пакет на стол и развернул его.

— Убери продукты, а то кое-что может испортиться.

Она молча встала и убрала масло и сыр в холодильник. Было очень жарко. Я снял пиджак и осторожно повесил его на спинку стула. Элли перекладывала продукты в шкаф, а я наблюдал за ней. На ней было новое платье из черного блестящего атласа, хорошо облегающее ее тоненькую фигурку с торчащими грудями. Я заметил, что под ним почти ничего не было. Покончив с продуктами, она молча села на свое место, положив голову на стол и подложив под нее руку.

— Что случилось, Элли? — спросил я. — Плохо себя чувствуешь?

— Угу, я больна.

Я подошел к ней.

— Что у тебя болит?

Она не ответила, а встала со стула и спросила:

— У тебя есть сигареты?

Я вытащил из кармана пачку и протянул ей. Она сунула одну сигарету в рот и наклонилась ко мне за огнем. Нечаянно я заглянул в вырез ее платья, где черным блеском сверкнули нежные груди, и привлек ее к себе. Она не сопротивлялась, но застыла в моих объятиях, как деревянная. Я гладил под платьем ее груди, пытаясь возбудить ее, но ничего не вышло. Она была какая-то безразличная. Тогда я отпустил ее и вернулся на свое место, чувствуя себя страшно обманутым. Сидел и курил, не глядя на девушку.

Через несколько минут она подошла ко мне.

— Фрэнки, не сердись. Мне гораздо лучше с тобой, чем с кем-то другим. Но я больна.

— Если ты больна, — грубо выпалил я, — почему не идешь к врачу?

— Я уже была у него, — мрачно ответила Элли, с плохо скрываемым страхом в голосе.

Я взглянул на нее. На лице у нее было написано безразличие.

— Что сказал врач?

Она отошла в сторону, и прошло несколько минут, прежде чем она ответила.

— Я подхватила венерическую болезнь.

Это известие меня шокировало.

— Триппер?

— Нет. Сифилис.

Она резко села на стул и уставилась на меня.

Я начал было говорить, но в голове у меня роем проносилось множество мыслей, и я только открывал рот, как рыба, не произнося ни звука. Элли смотрела на меня вызывающе. Я не особенно много знал о сифилисе, но мне было известно, что это ужасно.

— Что ты собираешься делать? — наконец выдавил я из себя.

— Не знаю. Врач говорит, что мне надо ложиться в больницу.

— Ты не собираешься возвращаться...

Она соскочила со стула.

— А почему бы нет? — огрызнулась она. — Почему мне не вернуться туда? Ведь именно там я и подхватила его.

— Но ты же можешь кого-нибудь заразить.

— А мне плевать. — Она мерила шагами комнату. — Они думали обо мне, когда заражали? Это их проблемы. Я не собираюсь голодать из-за этого.

— Не думай об этом, — сказал я ей, — мой шеф хочет предложить Тому работу на грузовике.

Она взглянула на меня с недоверием.

— Да ну, не может быть.

— Точно, я тебе говорю. Том получит работу, а ты пойдешь к врачу и вылечишься. Вот увидишь, все будет хорошо.

Казалось, она вот-вот заплачет, но сдержала слезы, подошла ко мне и взяла меня за руку.

— Фрэнки, это так здорово, что я не могу поверить.

В этот момент в комнату вошла миссис Харрис. Элли бросилась к ней.

— Мамочка, Фрэнки сказал, что его шеф хочет предложить Тому работу!

На лице у женщины появилась улыбка.

— Она правду говорит, Фрэнки?

Я кивнул.

Миссис Харрис обратилась ко мне с искренним восторгом:

— Бог обратил свои взоры на нас, когда Том привел тебя к нам домой.

Когда пришел Сэм, они принялись наперебой сообщать ему приятную новость, и у всех сразу повысилось настроение. Через несколько минут я попросил Сэма сходить за сигаретами и содовой. Было так жарко, что не мешало немного освежиться. Элли увязалась с ним.

А миссис Харрис опустилась в свое старое кресло-качалку. Кресло слегка поскрипывало на голом деревянном полу, когда она потихоньку раскачивалась туда-сюда. Она дождалась, пока не замерли шаги на лестнице, и заговорила.

— Фрэнки, ты настоящий друг. Мы все глубоко ценим то, что ты для нас делаешь.

Я немного смутился.

— Я не делаю ничего особенного. Вы больше для меня сделали.

— Я никогда не спрашивала об этом у тебя раньше, Фрэнки — может быть, конечно, это и не мое дело, но разве у тебя нет друзей кроме нас? Я имею в виду белых друзей или знакомых?

Я подумал о Джерри, о Марти, о своих родственниках, прежде чем ответил на ее вопрос.

— Нет. Если бы я даже и встретился с ними, из этого бы не вышло ничего хорошего. Все было так давно.

— Так ты даже не пытался их разыскать?

Я покачал головой.

— Прошло столько времени. Они, наверное, забыли обо мне.

— Настоящие друзья никогда не забывают, — сказала старая женщина, — не важно, сколько ты с ними не виделся. А кроме того, у тебя должны быть друзья-белые. — Она на секунду заколебалась. — Должен же ты с кем-то ходить развлекаться — на танцы, в кино. С нами же ты не можешь ходить. Мы — цветные, и этим уже все сказано. Против людского мнения не попрешь.

— А мне плевать на чье-то мнение, и вообще я танцевать не люблю.

Миссис Харрис улыбнулась.

— А еще я хочу поговорить с тобой об Элли. Понимаешь, мне кажется, что она влюбилась в тебя. Она всю неделю ждет не дождется воскресенья, а перед твоим приходом наряжается в свои лучшие наряды. И если это чувство западет ей слишком глубоко в сердце, то ничего, кроме печали, оно нам всем не принесет.

Мне казалось, что я знал Элли даже лучше, чем ее знает родная мать, но никогда она и словом не обмолвилась о своих чувствах. Сам я не любил ее, поэтому даже на минуту не мог представить, что она вдруг влюбится в меня. Конечно, между нами было какое-то чувство, но я полагал, что это — некая смесь дружбы и секса, а такое сочетание трудно поддается объяснению или анализу.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, ма. И поступлю так, как вы мне посоветуете. Не хочу быть причиной вашего несчастья.

— Я знала, что ты так скажешь, Фрэнки. Ты славный парень. Позже мы еще подумаем над этим и решим, что делать.

Вернулся Сэм с сигаретами и содовой и сообщил, что Элли ушла к подружке. Он собирался в парк на футбольный матч и спросил, не хочу ли я пойти с ним.

Я колебался. Хотелось дождаться Тома и самому сообщить радостную весть, но миссис Харрис заставила меня пойти, дав твердое обещание, что до моего прихода она ничего Тому не скажет.

Глава 11

В парке было страшно жарко. Солнце немилосердно палило. Но игра нам понравилась, и мы не пожалели, что пришли.

Вернувшись домой уже почти в шесть часов, мы обнаружили, что Том все еще не вернулся. Элли убеждала меня остаться и поужинать с ними, но я все же вырвался на свободу и отправился в кафетерий на 125-й улице. Потом зашел в кинотеатр, откуда вышел уже в начале одиннадцатого, и пошел к Харрисам, уверенный, что теперь-то Том наверняка дома. Когда я заворачивал за угол, мимо меня с воем промчалась пожарная машина. Я глянул ей вслед и увидел огонь и дым в конце

квартала. Горел дом. На каких-то несколько минут я застыл на углу, тупо уставившись на огонь, прежде чем до меня, наконец, дошло, что горел дом Харрисов. Тогда я бросился бежать.

Вокруг дома уже собралась огромная толпа, которую отталкивали назад полицейские. Пожарные быстро наращивали складные лестницы до шестого этажа, и мощные струи воды врывались в горящее здание. Я проталкивался сквозь толпу вперед, озираясь по сторонам в надежде увидеть Харрисов. Но было темно, и в такой взволнованной, бурлящей и орущей толпе трудно было кого-то найти. Вдруг кто-то схватил меня за плечо. Я оглянулся и увидел Тома.

— Фрэнки! — закричал он, — где они?

— Не знаю, — прокричал я в ответ, — я только что вернулся из кино. А тебя разве не было дома?

— Я тоже только что пришел.

В этот момент подбежали Сэм и Элли. Они так запыхались, что едва могли говорить.

— Где мама? — закричали они одновременно.

— Я только что пришел, — сказал им Том. — Разве она не с вами?

— Нет, — ответил Сэм, — она немного устала и легла пораньше спать.

Мы подошли к полицейскому, здоровенному негру, и спросили, не вытаскивали ли из дома пожилую женщину, описав миссис Харрис как можно подробнее. Он отрицательно покачал головой.

— Нет, никого похожего на нее не выносили. Но вы не беспокойтесь, если она еще там, пожарные ее вынесут обязательно.

Том повернулся к дому.

— Мама все еще там, — завопил он, — я сам ее вытащу!

И он рванулся к дому, но два полицейских схватили его.

— Тебе туда нельзя. Пожарные вытащат ее.

— Там моя мать, — кричал он, пытаясь освободиться, — на третьем этаже. Пустите меня! Я вытащу ее!

Наконец он высвободил одну руку и занес ее над полицейским, но второй полицейский опередил его, ударив Тома кулаком в челюсть. Том упал. Полицейские

осторожно подняли его и отнесли в сторонку, положив на землю.

— Мы не могли позволить ему войти в дом, — объясняли они извиняющимся тоном толпе. — Он бы погиб там. Дом горит как пороховая бочка.

Кто-то в толпе пронзительно закричал. Я взглянул на дом. Элли, прорвавшись сквозь цепь заграждения, неслась к подъезду. Я оглянулся и увидел Сэма, стоящего на коленях перед распростертым Томом с лицом, залитым слезами. И я бросился вслед за Элли.

— Вернись! Вернись! — кричал я ей.

Она скрылась в двери подъезда. Я побежал за ней. Уже у самой двери мне в спину ударила струя воды. Это один из пожарных окатил меня из шланга. В подъезде было темно и полно дыма. Я ощупью пробирался по лестнице вверх.

— Элли! — кричал я. — Элли, вернись!

Ответа не было. Добежав до третьего этажа, я заметил, что она скрылась в кухне, и одним прыжком догнал ее. Сграбастал за плечи и попытался вытащить на лестничную площадку. Вся квартира была объята пламенем, а дым был такой густой, что мы едва различали друг друга. Элли кашляла.

— Пойдем назад, — тянул я ее к двери.

— Там мама! — кричала она. — Мама, мама, ты меня слышишь? Я иду к тебе!

Она подняла руки и вцепилась мне в лицо ногтями. Я попытался ударить ее, но промахнулся. Она вырвалась и метнулась в спальню.

Пламя охватило ее. Его горячие, живые языки доставали и до меня. Я слышал, как она там в темноте отчаянно кричит:

— Мама! Где ты, мама?

Я было бросился за ней, но услышал страшный грохот, пронзительный крик, оборвавшийся на половине. На минуту огонь передо мной погас, и я увидел, что часть стены и потолок рухнули, завалив проход. Затем огонь разгорелся с прежней силой, я выбежал в коридор, а в ушах у меня еще стоял страшный крик. Не помню, как я скатился вниз по объятой пламенем лестнице. Вокруг меня падали горящие обломки, дым забил мне дыхательные пути, не давая дышать. Через входную

дверь в подъезд врывалась струя воды из шланга. Я опустился на четвереньки и выполз под ней на улицу.

Один из пожарных схватил меня.

— С тобой все в порядке, парень?

— Да, — ответил я, натужно кашляя. Пожарные и полицейские отталкивали толпу от горящего дома.

— Назад! Он сейчас рухнет! Назад!

Я уже был рядом с Томом и Сэмом. Том все еще лежал на земле, но уже пришел в себя и пытался сесть. В этот момент дом рухнул со страшным грохотом. Над ним взвилась туча пыли, и только отдельные язычки пламени вздымались к ночному небу. Том вскочил на ноги. Он еще не знал, что Элли тоже погибла. Он подбежал к зданию и, потрясая кулаками, кричал, задрав голову, в ночное небо:

— Они заплатят за это, мама! Ты слышишь меня? За все заплатят! Эти мерзавцы в банках! Эти проклятые воротилы, которые не позволяют нам жить в лучших домах! Я заставлю их заплатить за все, мама! Клянусь тебе! Ты слышишь меня?

К нему подбежал полицейский и пытался оттащить его назад. Том повернулся к полицейскому, схватил его за горло и начал душить.

— Ты будешь первым! — вопил Том, дико вращая глазами. — Первым, но не последним! За все мне заплатите!

Полицейский-негр, с которым мы разговаривали до этого, подбежал к нам и попытался оторвать Тома от своего коллеги, но ему это не удалось. Тогда он отступил назад, поднял дубинку и опустил ее на голову Тома. Том с громким стуком свалился на землю.

Тут же к нему подбежали два санитара, уложили его на носилки и внесли в машину скорой помощи. Мы с Сэмом поехали в больницу вместе с ним на этой же машине.

Два часа спустя мы с Сэмом слушали заключение врача в больнице. Врач сказал, что у Тома довольно сильно разбита голова, и пока еще не ясно, выживет он или нет. Хотя для него было бы лучше умереть.

Когда нас впустили в палату, Том сидел на кровати и плакал, слезы ручьями текли у него по щекам. Сэм, который до этого момента почти ничего не говорил, бросился к нему с криком:

— Том, Том, — обнимая и целуя брата.

Том взглянул на него, не узнавая. Он продолжал плакать, бормоча что-то непонятное, бессвязное себе под нос. Он оттолкнул Сэма.

— Уходи, — пробормотал он, — мне нужна мама. Где она?

Я повернулся к врачу, собираясь задать ему вопрос, но он опередил меня и, покачав головой, произнес:

— Боюсь, он никогда не придет в норму. Слишком много ударов обрушилось на него, и психика не выдержала. Теперь ему необходим только покой и отдых.

Сэм стоял за моей спиной и все слышал. Он повернулся ко мне — глаза полны слез, а губы трясутся от сдерживаемых рыданий. Его вид, выражение его лица моментально отбросили меня в прошлое — к другому Сэму, который когда-то так же стоял и смотрел на меня в надежде, что я могу ему помочь.

— Поплачь, малыш, — сказал я ему. — Бывают времена, когда и мужчины плачут.

Он упал на стул, обхватил голову руками, и его тело сотряслось от рыданий. Я ничем не мог ему помочь в этот момент, только положил ему руку на плечо и в такой неловкой позе стоял несколько минут. Через несколько минут он успокоился, и мы вышли в вестибюль, где сели на стулья и сидели некоторое время в растерянности, не зная, куда податься и что делать.

Примерно через полчаса Сэм подал голос.

— Фрэнки, — спросил он неожиданно зрелым, более взрослым тоном, — я не могу получить ту работу, которую ты обещал Тому?

— А как же школа?

— Я уже достаточно взрослый и должен чем-то заниматься, чтобы жить. Так ты поговоришь обо мне?

— Да, конечно, — согласился я.

— Странно, — произнес Сэм так, как будто разговаривал сам с собой, — несколько часов тому назад у меня был дом и семья. А сейчас я не знаю, куда идти и где приютиться.

— Может быть, пойдешь со мной, пока все не уладится?

Он с благодарностью взглянул на меня. Но в этот момент в коридоре появился высокий темнокожий мужчина, торопливой походкой направляющийся к нам. Я

узнал в нем священника той маленькой церквушки, в которую как-то ходил вместе с Харрисами. Сэм встал и спокойно приветствовал его.

— Сэм, мой мальчик, — сказал священник, обнимая его одной рукой, — я как только услышал о несчастье, сразу поспешил сюда. Ты пойдешь со мной и будешь жить у меня. Ты не одинок. И Господь всегда с нами.

Вместе мы вышли из больницы. Сэм со священником сели в такси и уехали, а я медленно побрел в свой отель.

Спустя два дня во вторник дождливым утром мы хоронили Элли и миссис Харрис.

Когда на крышки гробов упали первые комья сырой земли, священник закрыл молитвенник и начал говорить. Мы с Сэмом стояли по одну сторону могилы, а он по другую, выделяясь на фоне темно-серого неба, как большая статуя из черного эбонита. Дождь лил на его непокрытую голову, лицо и смешивался со слезами.

— О Господи! — воскликнул он. — Взгляни на нас, на свою паству, которая обращается к тебе за силой, за поддержкой, за надеждой...

И это последнее слово еще несколько дней звучало у меня в ушах. Потому что без надежды невозможно было жить дальше.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Руфь

— Удивительно, — думал Мартин, — что бы ни говорил Джерри, все же он совсем не знал Фрэнка. Еще удивительнее то, что ни один из нас не думает о нем одинаково. Для каждого из нас он был совершенно другим человеком. Каждый видел его по-своему, в свете своего собственного опыта и знаний. Интересно, кто из нас прав? Скорее всего никто. Не знаю. Может быть, права Руфь. Она первой увидела...

Течение его мысли прервал Джерри, спросив, не желает ли он выпить. Откинувшись на спинку стула, Мартин наблюдал, как Джерри смешивает виски с содовой и со льдом. Слегка повернув голову в сторону, он заметил, что Джанет смотрит на них и улыбается. Старые друзья — кажется, вы так хорошо их знаете, однако, сколько вам предстоит еще узнать.

Он взял стакан из рук Джерри и медленно отпил глоток, смакуя настоящее выдержанное шотландское виски.

Джанет повернулась к нему.

— Интересно, а что думает о нем Руфь?

— Странно, — улыбнулся Мартин, — я только что сам об этом думал.

Думаю, Руфь первой из всех нас разглядела настоящего Фрэнка Кейна под его личиной. В первую минуту как она познакомилась с ним, когда я привел его домой, он не понравился ей. Она как бы испугалась его. Отозвав меня в сторону, сказала, озадачив меня:

— Он вовсе не похож на мальчика, а скорее на взрослого мужчину. Смотрит на тебя так, что под его взглядом чувствуешь себя старше.

Бедняжка Руфь! Пожалуй, в то время он оказал на нее влияние больше, чем на любого из нас. Хотя она была лишь на пару лет старше нас, в душе она была гораздо взрослее. Уже много позже она рассказала мне о нем.

Вы, может быть, помните девушку-служанку, работавшую у нас тем летом, по-моему, ее звали Джулия. Ей было лет девятнадцать-двадцать, и выглядела она очень привлекательно и сексуально. Фрэнки, естественно, заметил это и, как говорят поэты, был «наповал сражен ее чарами».

Тем вечером Фрэнки давал мне урок бокса и поставил огромный синяк под глазом, и Руфь здорово рассердилась. Она послала его к черту, когда он уходил домой, и пожалела об этом в тот же момент, едва закрыв за ним дверь. «В конце концов, — думала она, — бедный парень — сирота и, возможно, у него никогда не было друзей».

Немного позже она пришла в кухню набрать стакан воды и там услышала какие-то звуки, доносившиеся из комнаты Джулии. Она направилась к двери, решив, что Джулия еще не спит и они могут немного поболтать. Но уже взявшись за ручку, услышала еще один голос в комнате. Голоса приближались к двери,

Испуганная и взволнованная, она отскочила от двери и выбежала в маленькую прихожую за кухней, где встала, прижавшись спиной к кухонной стене. Она не собиралась подслушивать или подглядывать, но на стене напротив висело огромное зеркало, в котором отражалось все, что происходило в кухне. Она увидела, как дверь комнаты Джулии приоткрылась, и Джулия сначала выглянула, а потом вышла в кухню, за ней Фрэнк.

Джулия проводила Фрэнка к черному ходу, и у двери он наклонился и поцеловал ее. Руфь все это видела и сразу поняла, что это не детские забавы. Все было по-настоящему. Она пыталась отвести взгляд, но не смогла. Была просто зачарована отражением в зеркале. По ее мнению, это было олицетворением отвратительнейшего секса, но это оказалось и западней, в которую она попала, сама того не ведая.

Она на расстоянии ощутила силу чувств Фрэнка и потеряла голову, не сознавая этого. В то время у нее не было еще достаточно опыта, чтобы правильно оценить свои чувства или попытаться разобраться в них. Она просто поняла, что то, что она испытывает к нему, испытывают и другие, и что она никогда не будет такой, какой была, пока не узнает его так, как хотела.

Она пыталась смеяться над собой, повторяя про себя, что он еще ребенок. Но разум твердил ей, что Джулия тоже это знала, однако чувства к нему у нее были такими же, как и у Руфи.

Руфь вернулась в свою комнату и расплакалась, сама не зная отчего. Теперь я бы назвал то ее состояние «эмоциональным шоком». Она всю ночь не спала, и на следующее утро, встав с постели страшно разбитой и расстроенной, бессознательно приняла решение принижать его достоинства в своих мыслях.

После этого она постоянно нападала на него — отпускала всевозможные шпильки в его адрес, смеялась над его промахами, издевалась над успехами. Интересно, было ли Фрэнки известно, почему она так себя вела? Все продолжалось до тех пор, пока однажды в школьном коридоре он не поцеловал ее. И весь тот мысленный его образ, который она создала для себя, рассыпался в прах.

Тогда она поняла, что он единственный мужчина, которому она отдаст свое сердце, поняла, что это не детская игра, а серьезное, искреннее, взрослое чувство, жаждущее взрослого выражения.

Но все это она рассказала мне несколько лет спустя, когда начала работать в больнице в отделении для неимущих. Помнишь, Джерри? Еще твой отец помог ей туда устроиться. Я тогда был интерном в одной из больниц Манхэттена, и однажды, вернувшись домой после ночного дежурства часа в три ночи, нашел Руфь спящей в кресле в гостиной. Я осторожно потрепал ее по плечу, но не хотел резко будить, чтобы не испугать.

Она открыла глаза, и первыми ее словами были:

— Я только что видела Фрэнка.

Я же, как дурак, разинул рот и спросил:

— Фрэнка? Какого Фрэнка?

Думаю, она даже не слышала меня, слова вырывались у нее одно за другим с такой скоростью, что я с трудом понимал ее:

— Ты бы не узнал его, Марти, ты бы его совсем не узнал. Он так изменился. Его волосы почти белые, он выглядит таким изнуренным, одиноким и разбитым. Он был голоден, поэтому и попал в больницу, потерял сознание прямо на улице. Врач сказал, что он не ел несколько дней.

— Подожди минутку, девочка, — перебил ее я, — не торопись. О ком ты говоришь?

Она взглянула на меня в страшном удивлении, а затем медленно и отчетливо произнесла:

— О Фрэнсисе Кейне.

И тут я разволновался так же, как она.

— Фрэнки! — завопил я, забыв, сколько было времени. — Где ты его видела?

— Вот это-то я и пытаюсь объяснить тебе, — ответила Руфь. — Я видела его в больнице сегодня вечером.

— Что он сказал? Он узнал тебя?

Она разрыдалась.

— Нет, — всхлипнула она. — Он начисто отрицает, что когда-то знал нас. Он отрицал, что он Фрэнк Кейн, даже после того, как я сказала ему, что люблю его.

Для меня это было уж слишком, и я с обескураженным видом опустился на диван.

— Ты, что? — переспросил я ее, решив, что ослышался.

Она прекратила плакать и взглянула мне прямо в глаза.

— Я сказала ему, что люблю его, и напомнила ему, как однажды в школе он поцеловал меня в коридоре, так, ради шутки. А потом я ему сказала, что утром приведу тебя, и ты узнаешь его, что, возможно, у него просто амнезия и он не может ничего вспомнить, но в душе я поняла, что он все помнит, и специально лжет, и опять воздвигает вокруг себя высокую стену и вешает табличку «Не входить», и никому не позволит влезть к себе в душу, и никому не позволит разрушить эту стену. И тогда мне стало ясно, что это точно Фрэнки, потому что вспомнила, что когда мы были подростками и я

говорила ему что-то язвительное, задевающее, его глаза и лицо, как штора, закрывала какая-то пелена, и невидимая стена вырастала между нами, стена, которую невозможно было преодолеть, а если вдруг и решишься на такой шаг, то только причинишь себе боль.

Я молча наблюдал за ней. Мельчайшие подробности ее жизни встали теперь на свои места — почему она никогда ни с кем не заводила романы, так и не вышла замуж. Ей уже было почти двадцать пять, я знал всю ее жизнь, видел каждый день, и только теперь начал узнавать ее. Смешно! Однако мы так мало знаем даже о себе самих, что не удивительно, если начинаем узнавать друг друга, прожив бок о бок более двадцати лет.

Наконец я сказал:

— Мы завтра же пойдем туда и посмотрим, сможет ли он рассуждать здраво.

Руфь слегка качнула головой.

— Бесполезно. Завтра утром его уже там не будет. Мне это стало ясно по выражению его лица.

— Тогда идем сейчас, — предложил я и встал.

— Нет, Марти, сейчас мы не пойдем, — сказала она мягко. — Если мы это сделаем, он никогда не простит нас. Единственное, что у него осталось, так это гордость, и мы не можем ее отнять у него. Если мы пойдем туда сейчас, то все равно не вернем его. Он должен сам справиться со своей бедой, как всегда это делал.

— А как же ты? — спросил я.

— Я подожду, — просто ответила она. — У него должен остаться шанс выкарабкаться. — Она встала с кресла, села рядом на диван и положила голову мне на плечо. — Понимаешь, — сказала она задумчиво, — у него никогда не было возможности быть по-настоящему молодым, он должен был вечно бороться с окружающим его миром. Он никогда не был подростком в буквальном смысле этого слова. Он прямо из детства вступил в зрелость. Поэтому они казался слишком взрослым для всех нас. Вот почему одним он нравился, а другим нет. А в душе он всегда оставался маленьким мальчиком, истосковавшимся по любви и ласке.

Я повернулся к ней и спросил:

— Но если он сейчас уйдет, он может больше не вернуться.

Она глядела поверх моей головы куда-то в глубь комнаты.

— Да, может случиться и так, — улыбнулась она едва заметно, — но я верю, что он вернется. А когда он вернется, я выйду за него замуж и сотру с его лица все горестные морщинки. Разрушу стену вокруг него и построю свою собственную — из любви, а не из подозрений.

— Но пройдут годы... — сказал я.

Она взглянула на меня страстным и ясным от внутренней убежденности взором.

— Мы можем подождать. Мы еще такие молодые. К тому же есть и другие, кому я могу помочь. В этом мире много детей, таких, как Фрэнк, слишком много, их юность проходит мимо, ибо для того, чтобы выжить и не умереть с голоду, им надо бороться и слишком много трудиться. А каждому ребенку так нужна передышка.

— Так значит, мы не пойдем сейчас в больницу? — спросил я.

— Нет, Марти, сегодня не пойдем. Дадим ему отдохнуть. Ему тоже нужна передышка.

Мы отправились в больницу утром, но Руфь оказалась права, его уже там не было.

Время шло. Я кончил колледж и занялся частной практикой. Вы поженились, и Джерри начал работать адвокатом в ведомстве прокурора округа. Руфь возглавила отделение детского социального обеспечения. Мы все стали взрослыми. Но мы часто виделись и взрослели на глазах друг у друга и хорошо друг друга знали.

Но никто из нас ничего не знал о Фрэнсисе, даже после того, как он вернулся в нашу жизнь. Даже после того, как он женился на Руфи. Может быть, он ей что-то рассказал, а может быть и нет, нам она об этом никогда не говорила. Фрэнсис переживал, как это я обычно называю, «потерянные годы». «Потерянные годы» — интересно, какими они были у него, годы, за которые мы повзрослели. Кто-нибудь знал? Я в этом сомневаюсь.

Мартин допил виски, встал, подошел к окну. Его мысли затуманились, он чувствовал себя страшно подавленным, и вечер потерял для него свое очарование.

— Марти, — донесся до него голос Джерри.

Он оглянулся. На лице у Джерри появилось новое выражение, исчезло напряжение, оно стало более ясным, и, казалось, он чувствует себя увереннее.

— Может быть, я смогу заполнить их для тебя, — сказал Джерри.

ЧАСТЬ
V

Глава 1

Сэм ушел из школы и работал на грузовике. Он получал около двенадцати долларов в неделю и жил у родственников в верхнем Гарлеме. К середине лета я уже хорошо освоил работу в магазине. Гарри ничего не говорил, однако по его отношению и отзывам покупателей я мог с уверенностью сказать, что дела мои шли нормально. Работа занимала большую часть времени, а по воскресеньям я слонялся по округе или отправлялся смотреть какое-нибудь представление.

Теперь я уже не заводил друзей с той легкостью, как раньше, и поэтому мои посторонние увлечения были довольно скромными. Однако меня вполне удовлетворял такой образ жизни. Все мои попытки найти дядю не увенчались успехом. Вся семья, казалось, исчезла.

Летом дела шли не так хорошо, однако Гарри обещал повысить мне жалованье осенью. Моя зарплата составляла десять долларов в неделю, помимо этого Гарри давал мне еще два доллара и плюс около трех долларов чаевых. Итого получалось пятнадцать долларов в неделю, чего вполне хватало для сравнительно сносного существования. Найти работу было почти невозможно, и я считал, что мне повезло. Конечно, это было гораздо меньше, чем я получал несколько лет назад у Кьоу, однако меня не прельщала идея вернуться к подобной работе и не покидала надежда на счастливый случай.

В июле Отто, владелец кафе-мороженого в нашем квартале, предложил мне работать на него по воскресеньям, после полудня, когда было особенно много по-

купателей. Он пообещал мне два доллара за работу с часу до восьми вечера. Так как мне все равно делать было нечего, я согласился и через несколько недель уже вовсю торговал содовой. Мне нравилось болтать с молодыми людьми, которые заходили туда. Многие были из клуба, находившегося над бакалейной лавкой. Мне всегда было интересно, что это за клуб. Назывался он «Союз рабочих». Однако название это было не совсем подходящим, так как все они были безработными. По субботам до самой ночи сверху раздавался шум.

Однажды в субботу около полуночи, когда мы закрыли свое заведение, я решил подняться и посмотреть, что там такое. Меня уже несколько раз приглашали туда, но я все никак не мог собраться. Мне давно уже было как-то не по себе: я, наверное, просто истосковался по человеческому смеху.

Это была большая, не оклеенная обоями комната. В одном углу ее находился оркестр из четырех человек, а в другом стоял стол, уставленный холодными закусками; бочонок пива, чаша пунша и несколько больших бутылей красного итальянского вина стояли возле стола. Оркестр играл какую-то незнакомую, нестройную мелодию, некоторые молодые люди танцевали, другие, постарше, стояли небольшими группками с сэндвичами в руках и разговаривали.

Я переступил через порог. Обвел глазами комнату, надеясь увидеть какое-нибудь знакомое лицо. Наконец я нашел того, кого искал. Ко мне подошел паренек по имени Джо, который был нашим покупателем.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — сказал он удивленно.

Я пожал протянутую руку и засмеялся.

— Решил подняться и посмотреть, что у вас тут за веселье.

Он взял меня за руку.

— Пошли, познакомлю тебя с ребятами.

Я кивнул нескольким знакомым. Мы подошли к столу, и он сунул мне бутерброд:

— Ладно, ты тут веселись, а я пошел.

Я и слова сказать не успел, как Джо был уже возле двери и встречал нового гостя. Я догадался, что он, вероятно, был членом правления клуба, так как знал

здесь всех. Немного погодя я увидел знакомую девушку, разговаривавшую с парнем. Она часто приходила в магазин. У нас с ней даже была дежурная шутка. Она обычно заходила и скороговоркой спрашивала бутылку кетчупа, причем говорила быстро и очень смешно. Я подошел к ней, откусил кусок бутерброда и с полным ртом промямлил:

— Вы уже купили сегодня кетчуп?

Девушка повернулась и посмотрела на меня. Казалось, она тоже была удивлена.

— А ты что здесь делаешь? — спросила она.

Я проглотил и ответил:

— Я член партии!

— Так я и поверила! — в ее голосе чувствовалась уверенность.

— Ну тогда я пришел поесть на дармовщинку.

— Как и все мы, — пренебрежительно бросила девушка.

Парень отошел и заговорил с другой девчонкой.

— Пойдем потанцуем, — предложил я.

— Рискнем, — согласилась она.

Я положил бутерброд на стул, и мы пошли танцевать. Пока мы танцевали, приходили все новые и новые люди, несмотря на позднее время. Я оттоптал ей все ноги, так как не танцевал целую вечность.

— Может быть, ты и умеешь резать сыр, — сказала она раздраженно после того, как я наступил ей на ногу в шестой раз, — но черт меня побери, если ты умеешь танцевать!

Я крепко прижал ее к себе:

— Примите мои извинения.

Она оттолкнула меня. Музыка смолкла.

— Сейчас начнутся речи, — сказала она.

— Давай убежим, — предложил я. Мне в голову пришла хорошая мысль.

Однако она не захотела. Мы подошли к стулу, где я пристроил свой бутерброд, я взял его, и мы сели.

— Не уходи, — сказала она, — здесь ты можешь кое-что узнать.

Я посмотрел вокруг. Джо вскарабкался на большой стол, который вытащил на середину, и поднял руку.

— Приветствую всех, — прокричал он, — прошу внимания. Как вам известно, сегодня у нас в гостях

оратор, которого вы все прекрасно знаете и уже слышали раньше. Мне не надо представлять его. Он хорошо известен своими делами как в партии, так и вообще в городе. Итак, я предоставляю слово Герро Браунингу.

Он спрыгнул, и, к моему удивлению, на стол взгромоздился высокий молодой негр. Я посмотрел вокруг. Компания была довольно разношерстной. Ирландцы, итальянцы, поляки и другие. Он был здесь единственным негром, но какой прием ему был оказан! Все кричали и топали ногами, а он молча стоял и улыбался.

Затем он поднял руки, и все затихли.

— Друзья, — начал он без малейшего акцента, — я вижу много новых лиц здесь сегодня, лиц, которые я не видел раньше, но это теплые человеческие лица, это такие же люди, как и мы, которые хотят от жизни того же, что и мы, и я благодарю их за то, что они сегодня пришли сюда.

Все захлопали. Он подождал, пока стихнут аплодисменты, и продолжал:

— Я не собираюсь в этот раз говорить о партии или ее принципах. Вместо этого я хочу рассказать вам о человеке, который живет в вашем квартале.

Он никогда не поднимался сюда и никогда не был на наших собраниях. Хотя я, да и другие приглашали его. Как и многие из вас, он некоторое время получал пособие по безработице, а совсем недавно ему посчастливилось получить работу в электро-энергетической компании. Вероятно, он боялся, что его боссы, узнав о его принадлежности к нашему клубу, вышвырнут его, и он будет вынужден снова сесть на пособие. Во всяком случае, его предупреждали, чтобы он держался подальше от нас, радикального сборища ублюдков, иначе он потеряет даже то малое, что имеет.

На прошлой неделе, когда он копал траншею для нового кабеля, его кирка задела оголенный провод, его ударило током и отбросило примерно на десять футов. Он получил сильные увечья и ожоги. Сегодня он все еще в больнице, и мы не знаем, жив он или умер.

Когда я услышал об этом несчастье, я пошел к его жене и спросил, чем мы могли бы помочь. Она рассказала, где и когда пострадал ее муж. Я сообщил в управление. Они послали врача, специалиста в этой области, в больницу, а также следователя на место происшествия.

Сейчас врач пытается спасти жизнь этого человека.

Вот у меня в руке заключение следователя, доказывающее, что это не обычный несчастный случай на производстве. Он произошел вследствие пренебрежения и беспечности компании, которая наняла его. Я цитирую из заключения:

«Закон гласит, что силовые линии под напряжением должны закладываться на определенную глубину. Однако они находились на три фута выше установленного уровня.» Вы только представьте себе, на три фута выше! Ведь эти три фута отделяли жизнь этого человека от смерти. От этих трех футов зависела судьба его семьи.

Я уже говорил с нашими юристами. Они собираются возбудить дело против нанимателей и проследить, чтобы справедливость восторжествовала.

Люди начали аплодировать, и оратор поднял руки; чтобы они успокоились. С руками, поднятыми над головой, он казался пророком.

— Друзья, жена этого человека сегодня здесь. Денег, которые она получит в качестве компенсации, едва ли хватит на то, чтобы прокормить детей. Компенсационный совет не будет оплачивать квартиру, счета за газ и электричество. Я знаю, чего вам стоит выделить даже несколько центов из своих тощих карманов, чтобы помочь ей, однако я призываю вас сделать это.

Партия дает положенную сумму на это. Но я знаю, что вы достаточно благородны, чтобы помочь семье этого несчастного. То, что случилось с ним, может случиться с каждым из вас. А то, что случается с каждым, ранит всех нас. Мы все должны работать вместе. Мы все должны вместе бороться.

Голос его стал спокойнее и решительнее.

— Мы имеем право на жизнь, работу и пищу. Но мы не добьемся этих прав, пока не захотим пойти и взять их. Запомните, чем сильнее партия и чем она многочисленнее, тем большего признания и уважения наших законных прав мы добьемся. Я призываю вас приложить все усилия для вовлечения новых членов. Продавайте и раздавайте наши газеты и литературу. Но более всего я призываю вас поддерживать этот клуб.

Он спустился со стола, и толпа людей окружила его.

Я взглянул на девушку рядом со мной. Я никогда о ней особо не думал. Собственно, я и не задумывался о

членах этого клуба. Гарри часто говорил, что большинство из них не работали бы, даже если бы и имели такую возможность. Теперь я в этом сомневался.

Я снова взглянул на нее. Глаза ее светились. Лицо было бледным, а румяна и помада выделялись яркими пятнами. Она повернулась ко мне.

— Пошли, — сказала она, — ты работаешь. Учти это.

Она протянула руку. Я достал четверть доллара.

— Ты можешь дать больше, — сказала она. — Мне нужен доллар.

Я засмеялся и дал ей доллар.

— Я-то думал, что тут все бесплатно. А приходится платить, как и везде.

— Грязный ублюдок! — сказала она мне холодно. — Ты бы хотел, чтобы это случилось с тобой?

Она взяла доллар и пошла отдавать его человеку, который только что кончил говорить. Вероятно, он спросил, где она взяла деньги, так как она показала на меня.

Он отделился от толпы и подошел ко мне.

— Спасибо вам, — сказал он, протягивая руку. — Это гораздо больше, чем дали остальные.

— Я работаю, — сказал я, обмениваясь с ним рукопожатием.

— Другие бы тоже работали, если бы имели такую возможность, — ответил он тихо.

— Я не это имел в виду, — смутился я. — Просто я могу позволить себе это.

— Вы новичок здесь. Я не видел вас раньше.

— Я Фрэнк Кейн, — представился я. — Я работаю внизу.

— Рад познакомиться, — ответил он, улыбаясь. — Надеюсь, мы еще увидимся.

— Конечно, — сказал я вежливо.

Он снова улыбнулся и вышел.

Девушка подошла ко мне.

— Я смотрю, ты разговаривал с Герро, — сказала она таким тоном, будто я разговаривал с самим богом.

— Да, если речь окончена, давай уйдем. Возможно, мы успеем на поздний сеанс на 42-й улице. И кроме того, я не знаю, как тебя зовут.

— Терри, — представилась она. — А твое имя я слышала в магазине, Фрэнк.

— Пошли, или ты собираешься торчать здесь всю ночь?

— Хорошо, хорошо! — согласилась она. — Подожди минутку, я только напудрюсь. — Она отошла.

Я наблюдал, как она шла в дамскую комнату. Мне вдруг очень захотелось провести этот вечер с ней. Я так давно никуда не ходил с дамой.

«А она ничего, — подумал я, провожая ее взглядом, — кто знает, может быть мне повезет сегодня?»

Глава 2

Я назначил Терри свидание на следующий день. Мы собрались поехать купаться на остров. Терри была лакомый кусочек, но с такими, как она, каши не сваришь. Этакая вертихвостка-недотрога. Вела она себя смело и позволяла мне заходить довольно далеко, но в тот момент, когда мне уже казалось, что до желанной цели осталось совсем немного, она мигом охлаждала мой пыл.

— Я не знаю, — говорила она с легкой улыбкой, как будто смеясь над моими муками, — почему парни все одинаковы. Вы думаете, что если собрались хорошо провести время с девчонкой, то вам все дозволено. Почему вы не можете развлекаться без этого?

Я глупо пытался объяснить:

— Но, детка, нельзя делать такие вещи. Так можно свести мужчину с ума! Будь человеком! Ничего ведь не случится!

Я оказался прав. Ничего не случилось. Но благодаря ей я стал своим человеком в клубе над бакалейной лавкой. Я начал осознавать, что я не единственный человек в мире, который должен лезть из кожи вон, чтобы заработать несколько центов. У других были те же заботы. У всех, независимо от того, чем они занимались. Каждый крутился ради этих ничтожных центов, чтобы не умереть от голода. Время и жизненные трудности сломили волю многих людей, и это ясно читалось на их лицах. Благотворительность лишила их гордости. Это проявлялось по-разному. Некоторые приходили в лавку с продуктовыми поручительствами, смеясь и паясничая, но каких усилий им это стоило!

— Мы опять едим! — со сдавленным смехом говорили они и, позабыв обо всем, бродили по лавке до тех пор, пока не набирали продуктов на всю указанную в поручительстве сумму. Другие швыряли поручительство на прилавок и говорили угрожающим тоном:

— Вы принимаете это?

Третьи входили тихо, дожидаясь, пока продавец закончит дела с другими покупателями и лавка опустеет. Затем наклонялись над стойкой с поручительством в руках и спрашивали неуверенно и стыдливо:

— Вы принимаете это?

Были еще и такие, которые входили и делали заказ, и только когда все было упаковано, вытаскивали поручительство. Но одно было у всех общим. Они никогда не называли продуктовое поручительство его полным названием, а употребляли слово «это» или «эти». Если они приобретали все необходимое, и у них оставалось немного денег, некоторые покупали кусок торта или немного конфет для детей. Иногда спрашивали сигареты или остаток наличными. Нам не разрешали давать ни сигарет, ни денег, но мы давали. Случалось, кто-нибудь предлагал поручительство стоимостью в 14 долларов за 5—6 долларов. Мы покупали их, как и все владельцы магазинов в округе. Люди теряли всякую гордость.

Тем не менее наверху в клубе все было иначе. Клуб добивался того, чтобы люди получали пособия наличными. Это мотивировалось тем, что многие магазины отоваривали поручительства по более высоким ценам. В клубе прошел слух, что правительство собиралось ввести обширную программу занятости, чтобы помочь безработным. Каждый день рождались все новые и новые слухи. Но пока людям оставалось лишь ждать и потуже затягивать пояса.

Я назначал свидания Терри по средам вечером. Я не хотел гулять с ней по воскресеньям, так как на это уходило слишком много денег, я же не получал взамен ничего. Не то чтобы она мне не нравилась. Она была то, что надо. Но я всегда уходил от нее разгоряченным и всю ночь метался в постели без сна, в то время как в голову лезли всякие мысли. Я не мог заставить себя пойти к проституткам, чтобы избавиться от этих ощущений, так как с ними у меня были связаны не очень

приятные воспоминания. И так я метался, обещая себе больше никогда не встречаться с ней или одержать над ней победу любой ценой. И пусть только попробует остановить меня! Но я никогда этого не делал. Я лишь перестал встречаться с ней по выходным и перенес свидания на среды. Мы ходили с ней в кино, а потом я провожал ее, срывал несколько поцелуев, возбуждался и шел домой. К счастью или к несчастью, но я так уставал после рабочего дня, что мне все же удавалось заснуть.

Однажды в четверг я доставлял заказ на дом. Я был на взводе весь день. Накануне я расстегнул Терри платье и ласкал ее теплую мягкую грудь. Но в тот момент, когда другая моя рука скользнула вверх между ее коленей, она оттолкнула меня. Я все думал, что она чувствовала. И как я ни старался отогнать эту мысль, она возвращалась вновь и вновь.

Я позвонил. Дверь открыла молодая женщина. У нее были белые обесцвеченные волосы, узкое лицо; одета она была в довольно поношенное платье. Раньше она у нас не заказывала. Она уже использовала свое благотворительное поручительство и просила доставить ей на дом кое-какие продукты попозже, днем. Она надеялась достать денег.

— Бакалейные товары, — сказал я, — один доллар двадцать пять цент

Я помнил, что Гарри не разрешил мне оставлять их без денег.

— Отнесите их, пожалуйста, в кухню, — сказала она низким, тихим голосом.

Я вошел в квартиру, положил пакет и повернулся к ней. Она голодными глазами смотрела на него.

— Мой муж вернется через несколько минут, — сказала она, — он должен принести деньги. Не можете ли вы оставить пакет, а я занесу деньги позже.

— Извините, мадам, — ответил я, — с удовольствием бы, но я не могу, это против наших правил, и я получу выговор от шефа.

Я собрался забрать заказ.

— Подождите минутку, — взмолилась она. — Не можете ли вы немного подождать? Он должен сейчас вернуться.

В комнату вошла девочка лет шести. Это была ее дочь. Женщина взяла ребенка на руки.

— Садитесь, пожалуйста.

Я сел на стул возле пакета и закурил. Я предложил ей сигарету, но она отказалась. Выкурив сигарету, я встал.

— Уже довольно поздно. Я должен идти, иначе шеф будет беспокоиться.

— Подождите еще немного, пожалуйста. Он должен быть с минуты на минуту.

Она подошла к окну и выглянула на улицу.

Черта с два он придет! Да если он и покажется, что из этого? У него все равно не окажется денег. Надо взять пакет и уйти.

Но я подождал еще пять минут. Потом встал.

— Извините, хозяйка, но мне нужно возвращаться. Если ваш муж вернется, пошлите его в магазин, и мы отдадим ему продукты.

Я взял пакет и поставил на плечо.

— Пожалуйста, не уносите его, оставьте. Когда муж вернется, я немедленно пошлю его к вам, честное слово!

— Я верю вам и очень хотел бы оставить пакет здесь, но не могу. Я получу нагоняй от шефа.

Меня начинало раздражать это нытье. Кроме того, мне было досадно, что я не могу оставить заказ. Но нет, меня не проведешь. Наслушался я историй о том, как ребят надували.

— Но мы ничего не ели целый день, — сказала она, — только ребенок. Мой муж пошел в город искать работу. Мы заплатим вам.

— Мадам, зачем говорить это мне? Объясните моему боссу. Если он поверит вам, я оставлю пакет здесь.

— Я уже говорила, — сказала она, опуская ребенка на пол и садясь.

По ее тону я понял, каков был его ответ.

— Что же я могу поделать? — Я повернулся к двери.

Вдруг мне в голову пришла идея и, повернувшись к ней, я многозначительно произнес:

— Разве только?..

Последовавшее молчание было красноречивее слов. Сначала она взглянула на меня с искрой надежды, которая тут же погасла, как только она посмотрела мне в лицо. Женщина покраснела и опустила глаза на свои

руки, нервно перебирая пальцами. Они были красные и грубые. Это были руки молодой женщины, преждевременно состарившиеся от домашней работы.

— Нет, — прошептала она так тихо, словно сама себе. — Нет! Нет! Нет!

— Нет так нет, — сказал я. — Но не обманывайте себя, ведь вы прекрасно знаете, как мало у него шансов получить работу сегодня.

Я пошел к двери и собрался выйти.

— Подождите, — воскликнула она. — Дайте мне подумать.

Она обхватила голову руками, а малышка серьезно смотрела на нас обоих. Я расслабился, наблюдая про себя за ходом ее мыслей и заранее зная ответ.

Наконец она взглянула на меня. Что-то изменилось в ее лице. Я не понял, что именно. Но это было уже совсем другое лицо. Она повернулась к ребенку.

— Лаура, беги вниз и подожди папу. Покричи мне в окошко, если он придет.

С важным видом девочка направилась к двери, которую я открыл перед ней. Она обернулась, помахала нам рукой и пошла вниз. Я подождал, пока она спустится, закрыл дверь, поставил пакет и взглянул на женщину. Какое-то мгновение она смотрела на меня, а затем пошла в спальню. Это была небольшая комната с маленьким окном. Здесь стояла аккуратно заправленная кровать и детская кроватка в углу. Небольшое изображение девы с младенцем висело напротив кровати, а на туалетном столике — фотография семейной четы.

Она постояла в раздумье. — Только не здесь, — и вышла в гостиную. Я последовал за ней. Она села на кушетку, сняла туфли и легла.

Присев на край кушетки, я почувствовал биение пульса где-то в горле и напряжение в паху. Я положил руку чуть ниже ее живота. Кожа была холодной, как лед. Дрожь пробежала по ее телу при моем прикосновении.

И тут я невольно посмотрел ей в лицо. Передо мной была не женщина, а пустая оболочка. Я смотрел на нее целую минуту, но она даже не шелохнулась; лежала в той же позе, глядя на меня.

Я вскочил и подтянул брюки. Сначала она смотрела на меня так, как будто не верила происходящему, потом встала.

— Спасибо! — сказал я. — Можете оставить продукты, — и направился в кухню.

Сделав шаг, она промолвила:

— Мистер, — и вдруг стала падать прямо на меня.

Поймав ее, я почувствовал, что ее бросило в жар. Тело прямо пылало. Ее голова лежала на моем плече. Женщина плакала, но слез у нее уже не осталось. Казалось, силы покинули ее. Мне приходилось крепко держать женщину, но возбуждения я на этот раз не чувствовал.

— Мистер, — всхлипывала она, — мистер, вы не представляете себе, через что мы прошли. Сколько раз Майк оставался голодным, отдавая пищу ребенку, а иногда у него не было даже сигарет.

Горькие слезы отчаяния катились по ее щекам. Женщина плакала о том, чем пришлось пожертвовать ее мужу, не представляя, какую жертву принесла сама ради ребенка. Мне вдруг стало стыдно.

— Не расстраивайтесь! — сказал я, прерывая ее рыдания. — Не расстраивайтесь! Все устроится.

Она взглянула на меня. Глаза ее светились благодарностью.

— Вы очень хороший, — прошептала она. Мы молча прошли в кухню и остановились у двери.

— Еще раз спасибо вам, — поблагодарила она.

— Забудьте об этом! Любезность — наш девиз!

Спустившись по лестнице на улицу, я увидел девочку. К ней бежал мужчина. Он подхватил ее на руки и подбросил вверх.

— Папочка, папочка! — радостно лепетала она.

— Лори, — пропел он, пританцовывая вокруг нее, — папа получил работу!

Проходя мимо них, я сказал:

— Поздравляю, Майк! Ты получил гораздо больше.

Он посмотрел мне вслед, почесывая затылок от удивления. Потом повернулся и побежал домой, держа девочку на руках.

Я же выходил из себя все больше и больше по мере приближения к магазину. Эта дерзкая сучка Терри заплатит за все! В следующий раз она так просто не уйдет от меня.

И она действительно не ушла.

Глава 3

На следующее утро женщина, которой я оставил продукты, пришла в магазин и подошла прямо ко мне. Теперь она выглядела по-другому, возможно оттого, что держала голову выше и шла увереннее. С ее лица исчезло выражение подавленности.

— Мой муж получил работу, — объяснила она сразу. — Я хотела бы узнать, можно ли взять кое-какие продукты до завтрашней получки.

— Я знаю, — сказал я, — вчера я встретился с ним на улице. Подождите минутку, я сейчас спрошу шефа.

Я прошел к Гарри и объяснил ему, что ее муж только начал работать, и они хотели бы получить кое-что до получки.

Было ужасно стыдно за вчерашнее. До этого я даже не подозревал, каким негодяем я был. И теперь горел желанием загладить вину и что-нибудь сделать для них. Шеф согласился, и я дал ей все, что она хотела. Заворачивая продукты, я попытался извиниться за свой вчерашний поступок.

— Я рад, что ваш муж что-то нашел, — сказал я так тихо, что кроме нее, меня не мог слышать никто.

Она ничего не ответила.

— Извините за вчерашнее, — продолжал я, — не знаю, почему я вел себя так, но мне нарассказывали столько разных историй, что теперь не знаю, кому верить, а кому — нет.

— А разве нельзя верить всем, пока они не подвели вас? — сказала она, краснея. Я почувствовал себя еще хуже, чем прежде, но возразить было нечего. Завернув покупки, я передал ей пакет, и мы распрощались.

Немного попозже пришла Терри. Она улыбнулась мне.

— Дайте мне бутылочку кетчупа.

— Боже, — воскликнул я, — ты, наверное, больше ничего не ешь!

Судя по ее поведению, она вовсе не сердилась на меня. Мне следовало добиться своего намного раньше, подумал я, тогда бы я не впутался в эту историю. Я взял с полки кетчуп и поставил на прилавок.

— Что-нибудь еще?

Она помотала головой.

Я поставил кетчуп в пакет.
— Десять центов, пожалуйста.
Она дала мне мелочь.
— Идешь на собрание завтра?
— Да, я буду там, — ответил я. — Жди меня.
Она повернулась и вышла.
Подошел Гарри.
— И как только ты можешь ходить на эти собрания. Это же сборище бездельников. Большинство из них просто не хотят работать.
— Не знаю, — сказал я. — Они кажутся вполне приличными людьми. Просто им не везет, вот и все. Кроме того, мне там хорошо.
Он взглянул на меня.
— Только не говори мне, что ты собираешься стать коммунистом!
Я засмеялся в ответ.
— Я даже не знаю, что это такое. И если бы встретил такового, просто не узнал бы его. Ребята из клуба для меня такие же, как все остальные. И хотят они того же, что и все: работы, пищи и веселья. Я хочу того же, а я не коммунист.
— Они верят в свободную любовь, — сказал он. — А в брак они не верят.
— Не слышал об этом. Большинство из них женаты.
— Если бы они были порядочными, они не позволили бы своим детям мотаться везде, как, например, эта Терри. Держу пари, что они трахают ее там наверху вовсю.
Это задело меня. Я хотел осадить его как следует, но сдержался и лишь усмехнулся.
— От такой девчонки никто бы не отказался, если б она позволила.
Вошел покупатель, и Гарри отвернулся, а я занялся упаковкой. Вскоре мы забыли о нашем разговоре.
Прошло несколько месяцев. Сэм бросил свою работу и уехал жить к родственникам в Гартфорд. Я стал заправским бакалейщиком, и моя зарплата выросла до пятнадцати долларов в неделю. Я также был неплохим продавцом содовой, работая по воскресеньям у Отто. Подкопив деньжат, я купил новую одежду, набрал вес, чувствовал себя немного лучше, стал дружелюбнее к людям; знал всех в округе и был очень занят и в

магазине, и в клубе. Не то чтобы я был слишком активен в клубе, просто, посещая его, стал гораздо общительнее.

Однажды вечером, спустя неделю после Дня Благодарения, Герро Браунинг окликнул меня, когда я выходил из магазина. Я подождал его, и мы пошли в город вместе.

— Ты где живешь, Фрэнк? — спросил он.

— В «Миллз», — ответил я. Было любопытно, почему он заинтересовался этим.

— А куда ты сейчас направляешься?

— Перекусить, а потом домой.

— Не возражаешь, если я пообедаю с тобой?

— Нет, конечно. — Я взглянул на него с удивлением. — Я не прочь поговорить с кем-нибудь для разнообразия.

Он с любопытством посмотрел на меня.

— У тебя есть родственники?

Я отрицательно покачал головой.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать два, — ответил я и посмотрел на него вопросительно. — Послушай, я ничего не имею против твоих вопросов, но не можешь ли ты объяснить такой внезапный интерес ко мне?

— Я и сам не знаю, — усмехнувшись сказал он, — но чем-то ты мне интересен.

— Почему именно я? Я такой же, как все.

Мы завернули в кафе. Подойдя к стойке, взяли подносы с закусками, потом сели за столик и начали есть. Несколько минут ели молча. Затем он сказал:

— Например, твои волосы.

Инстинктивно я поднял руку к виску.

— А что мои волосы? Я не причесан?

Он засмеялся.

— Нет, совсем не то. Они другие. Ты ведь спрашивал меня, не правда ли?

— Они ничем не отличаются от других волос.

— Отличаются, — сказал он улыбаясь. — В них седина — не много, но вполне заметна. И ты относишься к тому типу молодых людей, которые рано седеют.

— Возможно, я слишком беспокойный.

Он покачал головой.

— Нет, непохоже на тебя. Но ты через многое прошел.

— Из чего ты это заключил?

Он, прожевав закуску, ответил:

— В основном из мелочей. Из того, как ты ведешь себя. Ты будто сидишь в сторонке и с любопытством, а может, и с чувством превосходства, наблюдаешь за людьми. Из того, как ты разговариваешь — решительно, напористо, всегда уверенно, никогда не сомневаясь. Ты даже ходишь по-особенному, пружиня на носках, как бы в готовности прыгнуть в ту или иную сторону — как зверь, всегда настороже.

Он снова набил рот.

— Даже здесь в кафе ты сел спиной к стене так, чтобы видеть всех входящих и проходящих мимо, пока мы едим. Кого ты высматриваешь, и почему ты всегда начеку?

Я улыбнулся.

— Никогда не замечал этого, — сказал я, — это просто привычка, я думаю.

— Все привычки имеют причины.

Мы покончили с мясом. Я встал и принес кофе.

Он сидел, откинувшись на стуле, курил и беззаботно крутил на пальце маленький брелок, прикрепленный к цепочке часов. Поставив кофе на стол, я спросил, указывая на цепочку:

— Что это?

Он извлек часы из кармана и передал мне.

— Это ключ.

Покрутив его в руках, я увидел несколько странных букв.

— Довольно причудливый ключ, я таких раньше не видел, — сказал я. — Что он открывает?

Он засмеялся.

— Он предназначен открывать мир блестящих возможностей. Но он не открывает. Иногда я думаю, что это подделка.

Он видел, что я не понял его.

— Его получают в колледже. Это один такой очень респектабельный клуб, в который допускаются лишь те, кто достиг высочайшего положения.

— Ты учился в колледже?

Он кивнул. Я вернул ему часы и цепочку и подумал о Марти и Джерри: они должны были уже заканчивать колледж.

— У меня есть друзья в колледже.

Он, казалось, заинтересовался.

— Где?

Сухо улыбнувшись, я признался:

— Не знаю. Давно не видел их.

— Тогда откуда ты знаешь, что они учатся в колледже?

— Уверен, — ответил я.

— Странно, что люди теряют следы друг друга, — откликнулся он.

И тут мне показалось, что лед между нами растаял, и все пошло легко и просто. Мы сидели и разговаривали больше часа. Я рассказывал ему о себе, чего прежде никогда не делал, и, казалось, ему действительно было интересно.

Глава 4

Зима 1932-1933 года была тяжелой. Многие сидели без работы на пособии. Даже мне, в моем сравнительно благополучном положении, была очевидна необходимость конкретных шагов по улучшению жизни людей. Ежедневно газеты сообщали: «Новый кризис». Люди мерзли и голодали, требовали пособий для ветеранов, работы. Довольно дурачить себя, «процветание» вовсе не за углом.

Но, как ни странно, меня это абсолютно не коснулось. Я был сравнительно хорошо обеспечен, не испытывал голода и холода и имел работу. Когда я поднимался наверх в клуб, жалобы людей казались мне нереальными. Речи, произносимые здесь, не оказывали никакого действия. К требованиям никто не прислушивался. И постепенно люди отчаивались, теряя всякую надежду получить работу. Несколько магазинов на улице закрылись. Никому до этого не было дела.

Люди были сбиты с толку, ошарашены. Они не знали, кого винить. На окнах и дверях магазинов, в подземке, всюду висели призывы: «Покупайте только американское». «Утренний американец» и «Вечерний журнал» развернули национальную кампанию под девизом: «Вернем процветание, покупая только американское». На

кольце Колумба мужчины выступали против правительства, против Президента, против евреев, негров, католиков и вообще против всего на свете. Они яростно обрушивались на все и всех — на союзы, забастовки, штрейкбрехеров, боссов, еврейских лидеров, еврейских банкиров. Бесцельно, яростно и глупо бичевали всех подряд. Люди выходили на улицы, чтобы услышать о забастовках в Гарлеме — хлебных бунтах в Хеллс-Китчен. Зло и лютая ненависть поднимались в народе. Вся эта кутерьма как будто была замешана чьей-то искусной рукой, добавлявшей каждые несколько минут всякую гнусность, подозрения, клевету и грязные намеки.

Поставьте черномазых на место. Работа нужна белым людям. Разве вы хотите, чтобы черномазые насиловали ваших сестер? Оглянитесь вокруг.

Негры подобны раку. Стоит их пустить в один дом в квартале, они ринутся роем, как мухи, разрушат всю государственную собственность, разорят все по соседству и вас в том числе. Вы будете бояться выйти вечером на улицу, переживать за свою дочь, возвращающуюся из школы. Негры подобны раку. Если он поразил вас — все кончено. Они доконают вас.

Это была трудная зима во всех отношениях. Я помню ночь в феврале — на день рождения Линкольна, — ночь, когда я видел слезы Герро. Я стоял в стороне, в глубине комнаты. Клуб был полупустым, и люди вокруг тихо переговаривались. Больше не было ни оркестров, ни танцев. Все деньги уходили на более важные дела. Люди перестали ходить на собрания, потеряли всякую надежду и слушали грязные сплетни грубых, горластых уличных ораторов.

Я разговаривал с Терри. Как обычно, она жаловалась:

— У меня опять задержка, черт возьми! Ты уверен, что был осторожен?

Я засмеялся.

— Уверен, я очень осторожен. Хватит сокрушаться. В случае, если ты подзалетишь, я все устрою и помогу тебе.

Она рассердилась.

— Не знаю, какого черта я вожусь с тобой! Ты совершенно не заботишься обо мне! Все, что тебе нужно — это дырка между ног.

— А я должен хотеть еще чего-то? — весело спросил я.

— Ну ты наглец! — прошипела она с горящими глазами. — Смотри, дождешься, что тебя туда больше не пустят. Тогда попробуй поищи!

— Есть другие женщины, — сказал я невозмутимо.

— Проклятие! Ты еще шутишь! — взорвалась она. — Я выйду замуж.

— Есть кто-нибудь на примете?

— Да, один парень, — сказала она, почувствовав себя увереннее. — У него хорошая работа! Шофер автобуса на 5-й авеню. Он — настоящий джентльмен и не станет прихватывать девушку, если она не хочет.

— Это только доказывает правильность одной старинной пословицы, — сказал я, — «Каждую минуту рождается дурак». Почему ты не выходишь за него?

— Не знаю, почему, — огрызнулась она. Вдруг голос ее резко изменился, стал мягким и дружеским.

— Ты никогда не думал о женитьбе, Фрэнки?

Я в ужасе поднял руки.

— Ты считаешь меня чокнутым? Зачем делать несчастной одну женщину, когда можно сделать несчастными их всех? — засмеялся я. — Это что, предложение? Так неожиданно.

Она снова разозлилась.

— Если у меня все будет в порядке в этом месяце, я выйду за него, так что можешь на меня не рассчитывать.

И она ушла. Я задумчиво смотрел ей вслед. Никогда нельзя было определить, серьезна она или нет. Но, черт возьми, я не хотел ни на ком жениться!

Герро взобрался на стол, чтобы произнести речь. Он поднял руки, призывая к тишине.

— Друзья, — сказал он. Но это было все, что он смог сказать, так как в это время камень, разбив стекло, влетел в комнату. Потом они посыпались градом. С минуту мы стояли, не понимая, что происходит. Герро застыл на столе с открытым ртом.

Я был ближе всех к окну, поэтому подошел и выглянул на улицу. Человек двадцать-тридцать мужчин стояли внизу, подняв головы. Я никого из них не знал. Кто-то сжал мою руку. Это была Терри.

— Чего они хотят? — спросила она. Голос ее звучал испуганно. Я не успел ответить. Кто-то из толпы выкрикнул: «Нам нужен этот жалкий негр. Никто не давал

ему права шататься по округе, пялясь на белых женщин. Мы научим его обращению с белыми людьми».

Я оглянулся на Герро. Он стоял в центре комнаты. Казалось, он здесь один. Остальные с бледными, испуганными лицами шарахнулись к стенам. Одна из женщин, переведя дыхание, истерично вскрикнула:

— Почему никто не вызовет полицию?

— Мне лучше спуститься и поговорить с ними, — тихо произнес Герро и направился к двери.

— Не пускай его, Фрэнк, — прошептала Терри, — они убьют его.

Я моментально отреагировал на ее замечание.

— Герро, подожди минутку. Если ты выйдешь, это может плохо кончиться. Давай сначала выведем женщин.

Он остановился у двери, потом вернулся к окну.

— Не подходи! — воскликнул я. Он замер и смотрел на меня.

Я повернулся к окну.

— Если мы выдадим вам его, вы отпустите остальных?

Мне было видно, что они посовещались.

— Хорошо! — прокричал кто-то из толпы.

— Ладно, — откликнулся я. — Сначала пойдут женщины, а потом мужчины. Когда выйдут, вы можете подняться. Он будет ваш.

— Нет, — прокричал кто-то. — Ты выйдешь последним вместе с ним.

— Договорились!

— Фрэнки, ты не можешь сделать этого. Ты не можешь выдать его им, — зашептала Терри.

— Замолчи! — тихо сказал я. — Они не получат его. Когда ты выйдешь, позови полицию. Затем иди домой и жди, пока я не свяжусь с тобой.

Потом я громко обратился к публике:

— Друзья, вы все выйдете отсюда, не волнуйтесь. Идите цепочкой, по одному. Снимите шляпы, чтобы они видели, что все вы белые. Отправляйтесь домой и не выходите до утра. Ни с кем не разговаривайте. Просто выходите и скрывайтесь!

— Мы не можем оставить здесь Герро, — запротестовал один мужчина.

— Я буду с ним, — сказал я. — А теперь — быстро, если вы не хотите рисковать женщинами.

Они двинулись к двери.

С улицы донесся голос: «Пусть черномазый встанет у окна, чтобы мы видели его». Это расстроило мои планы. Я хотел, чтобы Герро быстро поднялся на крышу, перебрался на другое здание и убежал. Теперь они хотели видеть его.

Я заметил Джо, подозвал его и попросил подняться на крышу и открыть люк, чтобы мы с Герро сразу могли выбраться. Он кивнул и ушел.

— А теперь, — сказал я остальным, — выходите как можно медленнее цепочкой по одному. Нужно протянуть время.

Они начали медленно выходить из комнаты. Не было никакой паники. Спокойно, размеренно они спускались и выходили. Я выглянул из окна и увидел первую группу, покидавшую здание. Они поспешно проходили мимо толпы, доходили до угла и исчезали из виду.

— Где черномазый? — заорал кто-то из толпы.

Я поманил Герро рукой. Он подошел к окну. Лицо его было непроницаемо и сурово, губы крепко сжаты. Если ему и было страшно, он не показывал этого. Я увидел Терри, подходившую к углу. Она остановилась, оглянулась, чуть махнула рукой и скрылась.

Камень со свистом влетел в окно. Я инстинктивно отшатнулся. Камень задел Герро сбоку по лицу, чуть ниже скулы. Он не шелохнулся. Я молча взглянул на него. Щека была разбита и кровоточила. Он даже не обернулся. Не было никаких признаков того, что ему больно. Кровь стекала по щеке и шее и впитывалась в белоснежный воротничок, образуя красное, безобразное пятно. Я дал ему носовой платок, который он приложил к щеке безо всяких эмоций, как парикмахер накладывает горячее полотенце. Он стоял у окна, глядя на толпу.

— Ты знаешь кого-нибудь из них? — прошептал я.

— Да, — ответил он с легкой дрожью в голосе, — многих из них.

Некоторые из этих ублюдков, вероятно, когда-то были членами нашего клуба, подумал я, но промолчал. Я надеялся, что Джо скоро вернется, до того момента, когда последний из цепочки покинет здание.

— Фрэнк! — раздался голос Джо у двери.

— Все в порядке? — спросил я не оглядываясь.

— Да, — прошептал он.

— Смывайся! — сказал я. — Не забудь, что выходишь последним.

Я услышал, как он ринулся к лестнице.

— Приготовься, — прошептал я Герро. — Следуй за мной, когда увидишь, что Джо выходит.

Он не ответил.

В окно влетело еще несколько камней. Я увернулся, а Герро стоял неподвижно. Я увидел Джо, выходящего из здания.

— Уходим! — крикнул я и отступил в комнату. Краем глаза я видел, что часть стоявших внизу ринулась к выходу. Герро все еще стоял у окна. Я схватил его за руку и потащил за собой.

— Пошли, черт тебя подери!

И побежал к двери, чуть ли не волоча его за собой. Мы выбежали в зал. Уже слышались шаги внизу на лестнице. Я повернул в другую сторону, вверх по ступеням. Вот и лестница, ведущая на крышу. Она шла наверх, прямо к квадратному люку, крышка которого была сдвинута.

«Молодчина, Джо!» — подумал я.

Я подтолкнул Герро вверх по лестнице перед собой и увидел, как он исчез в просвете люка, затем стал подниматься сам. В клубе под нами слышался шум. Там крушили мебель. Еще больший шум стоял на лестнице, ведущей к нам. Я был почти у люка, когда почувствовал руку на своей ноге и глянул вниз. Мужчина, схвативший меня, уже наполовину вскарабкался по лестнице. Я со злостью врезал ему ногой по роже. Он упал с лестницы, а я тем временем поднялся и вылез из люка.

Я огляделся. Крыши были покрыты остатками последнего снега. Рядом с люком лежала крышка, а около нее — старый гнилой матрац. Вероятно, владелец его спал на крыше летними ночами.

— Помоги мне, — рявкнул я на Герро.

Кровь все еще текла у него по лицу, но он наклонился и помог мне закрыть люк. Потом я бросил сверху матрац в надежде, что это хоть немного задержит их, выпрямился и огляделся вокруг. На некоторых крышах виднелись люки. Я бросился к ним. Первый был на расстоянии двух домов. Добежав, я попробовал открыть его, но он был заперт изнутри. Я оглянулся через плечо на дом, откуда мы вышли. Крышка была все еще на

люке, но она шевелилась: ее пытались открыть. Матрац двигался вверх и вниз, помаленьку сползая. Мы бросились на крышу следующего дома.

Здесь нам повезло: вход был открыт. Мы проникли в здание. Я закрыл вход на маленький крючок. Потом мы спустились вниз, выскочили из дома на 68-ю авеню и помчались в парк.

Я огляделся. Погони не было. Мы взяли такси, и я попросил водителя ехать, а куда именно — я уточню через минуту.

Герро откинулся на сиденье и закрыл лицо руками. Носовой платок, что он держал в руках, весь пропитался кровью. Я убрал его руки от лица и рассмотрел рану.

— Да, серьезная рана, надо ехать к доктору, — и я попросил шофера ехать в больницу Рузвельта.

В палате скорой помощи один из интернов осмотрел рану. Нужно было наложить несколько швов. Пока доктор возился с Герро, я отвечал на вопросы сестры, заполнявшей амбулаторную карточку. Наконец доктор закончил осмотр и наложил на рану повязку. Он посоветовал Герро пойти домой и немного полежать, дал несколько таблеток, и мы вышли.

Часы в витрине магазина на противоположной стороне улицы показывали одиннадцать.

— Тебе действительно сейчас лучше пойти домой, тебя немного качает, — сказал я, взглянув на Герро.

Он попытался улыбнуться.

— Да, я тоже так думаю. Надеюсь, дома все пройдет. Спасибо тебе за все, Фрэнк. Ты был молодцом.

— Пустяки! Ты уверен, что доберешься сам?

— Уверен! — ответил он и покачнулся. Я едва успел поддержать его.

— Лучше мне пойти с тобой. Давай закончим этот вечер вместе, раз уж вместе начали его.

Он не возражал.

— Где ты живешь? — поинтересовался я.

Он на минуту задумался.

— Может быть, мне не стоит идти домой. Мои сильно расстроятся, если увидят меня в таком виде. Лучше пойти к другу.

— Куда хочешь, только пошли. Тебе надо отдохнуть.

Мы взяли такси. Он назвал адрес в Гринвиче, и мы поехали. Герро откинулся на подушки сиденья. Некото-

рое время мы не разговаривали; он сидел, глядя в окно. Я все время наблюдал за ним. Вдруг он опустил голову, обхватил ее руками и заплакал. Это было вызвано не физической болью, а болью душевной. То унижение, которое он испытал, вырвалось наружу тяжелыми, душераздирающими рыданиями.

— Дураки, бедные, обманутые дураки! Когда же они поймут!

Глава 5

Такси остановилось перед небольшим многоквартирным домом. Над входом висела табличка «Мастерские». Я вышел, заплатил шоферу, и мы вошли в здание. Остановившись у двери на площадке второго этажа, он позвонил. Рана саднила. По виду было легко догадаться, как плохо он себя чувствовал.

Я снова позвонил. Мы подождали еще около минуты, но никто не открывал.

— Может быть, их нет дома? — предположил я.

— У меня есть ключ, — сказал он, вытащил его из кармана и открыл дверь. Я вошел в квартиру вслед за ним. Он включил свет. В одном углу комнаты стояла пишущая машинка, а возле нее валялось несколько разорванных листов бумаги. С другой стороны — мольберт с полузаконченным портретом мужчины. Здесь также был стол и несколько стульев. В углу у окна была оборудована импровизированная кухонька с маленькой газовой плитой, холодильником и кладовой. Герро подошел к двери на противоположной стороне комнаты и заглянул внутрь. Мне был виден гарнитур из двух кроватей и маленького туалетного столика. Герро прикрыл дверь и обернулся.

— Похоже, что их действительно нет дома, — сказал он.

С минуту он стоял в нерешительности, не зная, что предпринять.

— Ну ладно, — продолжил он, — надеюсь, теперь все будет в порядке, и ты можешь пойти домой. Уже довольно поздно. Ты, должно быть, страшно вымотался.

— Конечно же я пойду, но только после того, как ты уляжешься и примешь с горячим чаем те таблетки, что дал тебе врач.

— Я все так и сделаю, — заверил он.

Я почувствовал, что он хочет избавиться от меня.

— Нет уж, — настойчиво возразил я. — Иди и ложись, а я вскипячу чай. В доме есть чай?

— Да, в кладовой есть пакетики с чаем, — кивнул он.

Я подошел к маленькой плите, наполнил чайник водой и поставил на огонь. Он стоял и наблюдал за мной.

— Иди в спальню, раздевайся и ложись, — скомандовал я.

Герро повернулся, зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

Через несколько минут вода закипела, я нашел в кладовой несколько чашек и разовые пакетики с чаем. Опустив один пакетик в чашку и залив его кипятком, я подошел к спальне.

— Чай готов, — крикнул я через дверь.

— Заходи, — ответил он.

Когда я вошел, он лежал в постели в дальнем конце комнаты, возле окна. На нем была надета голубая пижама. Темное лицо резко выделялось на фоне подушки, а белый бинт еще более усиливал контраст.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Немного лучше. Но у меня страшно болит голова.

— Выпей чаю и тебе станет гораздо лучше. Таблетки у тебя?

Он протянул руку: они были на ладони.

— Прими и запей.

Он проглотил таблетки и протянул руку за чаем. Но когда он взял чашку, рука так сильно дрожала, что он едва ли мог пить самостоятельно. Поэтому я забрал чашку и стал поить его из ложки. Наконец он выпил чай и положил голову на подушку. Я посидел немного рядом, наблюдая за ним.

— Что я еще могу сделать для тебя? — спросил я.

— Спасибо, ты и так сделал больше, чем достаточно.

Мы замолчали, и он задремал. Вдруг он открыл глаза и спросил:

— Фрэнк, ты испугался там, в клубе?

— До смерти, — улыбнулся я.

— Нет, я наблюдал за тобой. Ни один мускул не дрогнул на твоем лице. Ты почти наслаждался происходившим.

— Да ты и сам был не плох. «Я спущусь и поговорю с ними», — передразнил я.

— Нет, я действительно испугался, — сказал он серьезно. — Где-то очень глубоко во мне сидел страх, и мне стыдно, потому что он вселился в меня задолго до этого. Это типичный негритянский страх перед толпой белых людей. Он уходит в далекое прошлое, я думаю.

— Но ты не показал его, забудь и постарайся уснуть. Утром все будет выглядеть совсем в другом свете.

— Будет ли завтра другим? — задумчиво сказал он. — И вообще, будет ли что-нибудь по-другому. Люди не меняются за одну ночь. Когда что-то случается, всегда ищут козла отпущения. При этом забывают обо всем, что для них делали, испытывая лишь глупую, дурацкую жажду мести.

Я поднялся и решительно сказал:

— Выбрось все из головы и спи. Сейчас тебе нужно немного отдохнуть.

Я подошел к двери и открыл ее.

— Позови, если что. Я буду рядом.

Он кивнул.

— Ты странный парень, Фрэнк. Я ведь уже говорил тебе об этом раньше.

— Можешь сказать мне еще раз завтра после хорошего отдыха. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Я тихонько прикрыл за собой дверь и прошел на кухню. Ополоснул чашку и поставил ее в кладовку. Потом я сел и закурил, но не успел выкурить сигарету и до половины, как вдруг мне показалось, что он зовет меня. Я заглянул в комнату. Герро спал. Я вернулся на свое место.

На столике возле мольберта стоял маленький портрет Герро. Я взял его в руки. Хороший портрет. Раньше я не замечал, что Герро был симпатичный парень. У него было волевое и вместе с тем нежное лицо, крутые скулы, большие умные глаза и широкая нижняя челюсть. Поставив портрет на место, я вернулся и сел. Помню, что взглянул на часы: было около двух. Затем, вероятно, я заснул на стуле.

Проснулся я от звука ключа, поворачиваемого в замочной скважине, и быстро взглянул на часы. Была половина четвертого. Замок щелкнул, и в комнату вошла девушка. Она резко остановилась в дверях, увидев меня.

Это была красавица — невысокая, с темно-рыжими волосами, карими глазами и маленьким симпатичным ртом. Пальто было расстегнуто, и я отметил ее прекрасную фигуру. Все было при ней — красивые ноги, нежная бархатистая белая кожа. Я опешил. Так вот почему Герро пытался выпроводить меня. Я встал.

— Вы кто? — спросила она. Голос вполне соответствовал фигуре, нежный и глубокий.

— Фрэнк Кейн, — представился я. — Я друг Герро.

— А где он сам?

Я жестом указал на спальню.

— Он спит там. Он попал в небольшую неприятность, поэтому я приехал с ним.

Она захлопнула дверь и прошла в комнату, снимая на ходу пальто. С минуту она смотрела на меня, потом подошла к спальне и заглянула. Мне было видно, что он все еще спал. Девушка вошла в комнату и встала у постели, глядя на спящего. Потом она вышла ко мне и тихо прикрыла за собой дверь. Лицо ее было бледным.

— Не расстраивайтесь, — попытался я ее успокоить, — все будет хорошо.

— Что случилось? — спросила она.

Я достал сигарету и предложил ей. Мы закурили. Я рассказал ей все. Когда я закончил, она опустилась на стул.

— Наверное, это было ужасно, — сказала она.

— Могло быть гораздо хуже.

— Я имею в виду — для него. Вы не представляете, сколько сил он вложил в этот клуб. Как он гордился им! Тем, как его там принимали! Он обычно говорил, что это только начало — предвестник завтрашнего дня, когда все, независимо от цвета кожи и вероисповедания, будут идти рука об руку. Он получил страшный удар.

Я взглянул на нее:

— Рана не слишком опасна.

— Да нет, я не это имела в виду, — сказала она. — Физическую боль он скоро забудет. Но пострадали его гордость и дух, а это не залечится так скоро.

Я взялся за пальто.

— Пожалуй, пойду. Я только ждал кого-нибудь, чтобы попросить не беспокоить его.

— Нет, — встрепенулась она, — не уходите. Уже так поздно. Я не знаю, где вы живете, но может быть лучше вам переночевать здесь? Вы можете спать с Герро в спальне, а я лягу здесь на кушетке. Вы выглядите ужасно усталым.

— Спасибо. Но все же я должен идти.

Она подошла к двери вместе со мной.

— Почему вы не хотите остаться? Это не причинит мне никакого неудобства — честное слово.

Я взглянул на нее вопросительно. Она смутилась, ее шея и лицо густо покраснели. Она опустила глаза.

— Погодите. Вы не поняли. Я его жена.

Я почти улыбнулся.

— Послушайте, девушка, я не хочу выглядеть грубияном или дураком. Это меня не касается, и мне абсолютно все равно, кто вы и что вы. Герро — прекрасный парень. Из него может получиться большой человек. А я один из тех, кому посчастливилось знать его, вот и все.

Она села на стул. Казалось, что она сердилась сама на себя.

— Извините, я солгала. Я не его жена. — Она вздернула голову и гордо посмотрела на меня. — Но я бы очень хотела ею быть. И я хочу, чтобы у меня хватило сил уговорить его жениться на мне.

Я смотрел ей прямо в глаза до тех пор, пока она снова не начала краснеть. Я бросил пальто.

— Так вот как вы принимаете гостей! В этом доме есть что-нибудь поесть? Я умираю от голода, мисс...

— Марианна Ренуар, — сказала она радостно.

— Так как насчет того, чтобы положить чего-нибудь на зуб, Марианна? — напирал я, улыбаясь.

— Яичницу? — улыбаясь сказала она в ответ. — Вам придется согласиться, так как больше здесь ничего нет.

Она направилась в кухоньку.

— Глазунью или омлет?

Через десять минут мы сидели за столом, закусывая, то есть ел я, а она говорила.

— Герро не понравится то, что я сказала вам. Он не любит, когда я говорю неправду о наших отношениях. Правда — гораздо проще, говорит он.

Я понимающе кивнул.

Она закурила.

— Я познакомилась с Герро, когда мы, студенты предпоследнего курса в колледже, обсуждали какие-то общие вопросы. И знаете, как это часто бывает, вдруг обнаруживается, что есть более важные вещи, о которых можно поговорить.

Я была очень смелой. Мы бросили вызов миру, говорила я. К черту все законы. Какое нам дело до того, что говорят или думают люди? Мы им покажем. А Герро молча слушал. И только улыбался приятной, спокойной, искренней улыбкой, как мог улыбаться только он, и не произносил ни слова. Я думаю, что он уже тогда знал, что все это только слова, которые говорятся, чтобы не смотреть правде в глаза. Мои родственники не допустили бы этого. Я с Гаити и, хотя в наших жилах тоже есть негритянская кровь, когда-то, очень давно, во времена моих прабабушек, они гордились цветом своей кожи даже больше, чем чисто белые. Также и семья Герро, только с противоположной точки зрения.

Герро всегда хотел быть писателем, журналистом. Он изучал журналистику в колледже. Но очень скоро убедился, что его знания не соответствуют его возможностям. Вот тогда-то он и обратился к этому. Он считал, что если он, и другие люди вместе с ним, хорошо постараются, все можно изменить, и его будут воспринимать так же, как и всех таких же одаренных. Вот почему я думаю, что он очень огорчен происшедшим сегодня ночью.

Он так занят всегда, что мы не можем даже встречаться чаще,чем раз в неделю. А когда он приходит, то садится за машинку и начинает писать. Вещи эти настолько прекрасны и трогательны, что читая их, нельзя сдержать слез. Он вкладывает сердце и душу в эту машинку, а когда заканчивает, то, радостно улыбаясь, дает мне прочитать. А пока я читаю, он расхаживает взад и вперед, выкуривая одну сигарету за другой, пытаясь разгадать, что я чувствую. Я начинаю его хвалить, а он несколько раз переспрашивает, правда ли это.

Ну конечно правда, обнаженная, без прикрас, честная и бескомпромиссная. Правда человеческой души и сострадания к чувствам других. Она как факел, яркий,

светящийся в туманную ночь в мире предрассудков и глупости.

Она встала и взяла портрет Герро, который я рассматривал до того.

— Однажды я нарисовала его во время работы. Он не заметил, что я рисовала, пока не закончил работу. Потом поднял голову и увидел. Улыбнувшись, я показала ему рисунок. И знаете, что он сказал? — «Господи, дорогая, ты сделала меня слишком красивым». Как будто это возможно, ведь он такой прекрасный, добрый и честный от природы.

Она поставила портрет и несколько мгновений смотрела на него.

Я уже покончил с яичницей и наблюдал за ней. Не замечая моего взгляда, она прошептала:

— Господи, как я хочу стать его женой.

Я начал было говорить, но чей-то голос прервал меня на полуслове. В дверях спальни стоял, улыбаясь, Герро.

— Я вижу, вы уже познакомились. И как всегда, Марианна в своем репертуаре. Ведь она не сказала тебе, что получила премию Росса по изобразительному искусству, не так ли? И того, что ее семья одна из самых обеспеченных на Гаити? И что, если я женюсь на ней, нам не на что будет жить.

Она встала и подбежала к нему.

— Герро, я так боялась за тебя.

Он нежно взглянул на нее.

— Боялась? Нет, это я испугался, а не ты.

Я поднялся из-за стола.

— Однако я устал. Слушание откладывается до завтра. Утром я выслушаю твою сторону, Герро. А сейчас давайте спать.

Я устроился на кушетке в мастерской. Уже засыпая, я вдруг услышал, что кто-то вышел из спальни. Приглядевшись, я увидел Марианну.

— Уснул? — спросил я.

Она подошла к кушетке, глядя на меня.

— Ты еще не спишь?

— Нет.

— Он рассказал мне, что ты сделал для него. Я хотела поблагодарить тебя, я не знала. — Она вдруг рассмеялась.

— Почему ты смеешься? — прошептал я.

— Знаешь, что я подумала, когда только вошла в комнату и увидела тебя на стуле? Я приняла тебя за уснувшего грабителя, которого разбудило мое появление. В твоем лице было что-то насмешливое. Казалось, оно говорило: «Ну и что, я пойман? Что ты собираешься теперь делать?» Мне было страшно входить, но и уйти я тоже не могла. Я стояла, не зная, что мне делать. Когда-нибудь я нарисую тебя, тем более, что ты этого вполне заслуживаешь.

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку. От нее исходил какой-то особый аромат!

— Это тебе за Герро.

Я взял ее за руки и притянул к себе.

— То было за Герро, — прошептал я, — а это за меня.

Я поцеловал ее в губы. Сначала она так удивилась, что даже не противилась. Потом тоже поцеловала меня, обхватив руками мою голову.

— Для кого была вся эта история, когда я ел, для тебя или для меня? — прошептал я.

Секунду мы смотрели друг другу в глаза, затем она выпрямилась, сердито оттолкнув меня.

— Пес! Грязный пес! Теперь я не стану тебя рисовать. Ты — грабитель. С самого начала я была права.

Она направилась к двери и остановилась там.

— Я не хочу больше тебя видеть, — решительно выпалила она.

Я перевернулся на живот и посмотрел на нее.

— Марианна, а если б я не был другом Герро, ты сказала бы то же самое?

Она ничего не ответила и вошла в спальню. Я лег на спину и, улыбаясь, уставился в потолок.

Мне не следует больше встречаться с ней, пока Герро остается моим другом. Это было бы слишком опасно для нас обоих. Она понравилась мне так, как никто раньше. Между нами что-то возникло. Я чувствовал это с первого взгляда. Да и она, вероятно, тоже. Мне нравился ее голос, ее подвижное, выразительное лицо, ее руки с длинными, умелыми, чувственными пальцами. Я все еще ощущал прикосновение ее губ на своих губах. Но я больше никогда не увижу ее во имя нашей дружбы с Герро.

Я ушел, когда они еще спали. Был понедельник, и мне нужно было на работу. Я выскользнул из квартиры как вор-грабитель.

Глава 6

Через несколько минут после открытия в магазин влетела Терри, злая, как черт.

— Я думала, ты зайдешь ко мне этой ночью.

— Я не мог, — попытался я охладить ее пыл. Гарри с любопытством смотрел на нас.

— Герро здорово досталось, и я был с ним всю ночь. Что было после того, как я ушел?

Она немного поостыла.

— Не знаю. Я вызвала полицию, как ты просил, и ушла домой. Думаю, там все разгромлено. Как Герро?

— Все нормально. Мы ушли по крышам.

— А что они собираются делать с клубом?

— Не знаю.

Мы вышли на улицу. С улицы было видно, что все окна побиты. А когда мы поднялись наверх, то увидели, что вся мебель переломана, а стены исписаны угрозами.

У Терри было озабоченное выражение лица.

— Я думаю, это конец, — сказала она тихо.

— Кто знает. Трудно сказать. Возможно, клуб снова откроется. Он много значил для тебя?

— Это было место, где я встречалась с друзьями и знакомилась с новыми людьми. Большинство из них просто не отдавали себе отчета в том, чем он был для них. Все хорошие начинания шли от членов правления, таких, как Герро.

Попрощавшись с Терри, я вернулся в лавку.

В среду после полудня Гарри позвал меня к телефону. Я узнал голос Герро.

— Привет, Фрэнк.

— Как твои дела? — спросил я.

— Нормально. Я просто хотел пригласить тебя сегодня вечером поужинать со мной.

— С удовольствием. Где мы ужинаем?

— Здесь, у Марианны.

Этого я никак не ожидал и не знал, что ответить. Я не хотел идти туда и встречаться с ней. То есть, конеч-

но, хотел, но мне не следовало делать это. Я слишком много думал о ней в последнее время. Как ни смешно, но она полностью завладела моими мыслями.

— В какое время?

— Где-то в половине девятого.

— Послушай, совсем забыл. Сегодня вечером придет грузовик, и я должен дождаться его. Я не смогу, извини.

— Очень жаль! Марианна так хотела, чтобы ты пришел.

Мое сердце так и забилось при упоминании ее имени.

— Извинись за меня, но я никак не могу.

— Да, я понимаю. Может быть, в другой раз.

Мы попрощались, и я, повесив трубку, испытал чувство душевного облегчения. Конечно же она думала обо мне, иначе я не получил бы это приглашение.

На следующей неделе Герро позвонил мне снова, и мы пообедали с ним в ресторане на 14-й авеню. Он нравился мне все больше. Это был первый парень, к которому я привязался за последнее время так сильно.

— Чем ты теперь собираешься заняться? — спросил я во время десерта.

— Меня перевели в клуб на окраине города, в Гарлеме.

— Не понимаю, зачем ты возишься с ними! Большинство из них даже не знают, чего ты добиваешься, а просто ищут развлечений.

— Я знаю, — с готовностью ответил он, — но это не причина, чтобы отказаться помогать им. Рано или поздно они поймут, что мы боролись за правое дело.

— Итак, ты отправляешься в Гарлем, — задумчиво протянул я. Конечно, он многое мог там сделать.

— Да, правление считает, что мне лучше работать среди негров.

— Ты так много делал здесь.

— Я тоже так думал. А теперь я уже и не знаю. Я надеялся, что работая с людьми, мы преодолеем давнюю злобу и вражду. Общее дело сблизит нас.

— Возможно, что ты и прав, — сказал я, хотя, со свой стороны, был уверен, что невозможно переменить людей так быстро.

После этого мы встречались каждую неделю, и каждый раз я с нетерпением ждал новой встречи с ним. Мы стали близкими друзьями.

С Терри я виделся теперь реже. Клуб перебрался в новый квартал, и я больше не ходил на собрания.

Я сильно изменился с тех пор, как познакомился с Марианной. Я понял, что мне нужно было от женщины больше, чем простое физическое обладание ее телом. Терри была хорошей девчонкой, но в ней не доставало того, что было необходимо мне. Я не испытывал того подъема, возбуждения, любопытства, как при мысли о Марианне. Я даже допускал, что я влюбился, но сам же смеялся над собой. Любовь казалась мне такой глупостью, о которой можно только читать в книжках да смотреть в кино. В жизни же ей не было места. И я уверял себя, что это не любовь.

Однажды вечером в марте, когда мы стояли с Терри у нее в прихожей, я поцеловал ее, а она оттолкнула меня. Я не настаивал на этот раз. Она стояла и смотрела на меня, а потом произнесла:

— Ты изменился, Фрэнк.

Я засмеялся.

— Нет.

— Что-то другое у тебя на уме, — голос ее звучал озабоченно.

— Да нет же, — ответил я.

— Возможно, ты даже не осознаешь этого, — она пытливо заглянула мне в лицо. — Я много думала. Пора, наконец, выяснить наши отношения.

Я промолчал в ответ.

— Да, я права, — с еще большей уверенностью заметила она. — Несколько месяцев назад ты бы спорил со мной. А теперь ты молчишь. И я рада этому. Все равно я собиралась порвать с тобой. Я выхожу замуж.

Мой вздох облегчения она восприняла как знак огорчения, что потешило ее самолюбие.

— За того парня, о котором я тебе говорила. Он водитель автобуса, у него хорошая работа и сорок долларов в неделю. Кроме того, он любит меня и, если я выйду за него, я смогу выбраться отсюда и иметь все, что пожелаю. Мы будем жить на Лонг-Айленде в хорошей квартире с паровым отоплением. Мне не нужно будет беспокоиться о счетах и еде и трястись над каждым долларом.

Я старался выглядеть расстроенным, но у меня это плохо получалось.

Она положила руку на мое плечо.

— Не переживай, Фрэнк. С этим ничего не поделаешь. — Она подражала героине кинофильма, что мы смотрели на прошлой неделе.

— Нам было хорошо вместе. Давай расстанемся друзьями.

Я бесстрастно смотрел на нее. На самом деле ей не верилось, что все кончено. Она серьезно взвешивала каждое слово. Я подавил в себе дикое желание рассмеяться.

— Ну что ж, если ты хочешь этого, Терри, — голос мой звучал приглушенно, так как я боялся рассмеяться. Она думала, что мне действительно очень плохо.

— Прощай, Фрэнк, — прошептала она.

Я решил играть до конца.

— Нет, только не это.

— Да, прощай. — Она настолько расстроилась, что в глазах ее заблестели настоящие слезы.

Я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Думаю, что ты права, дорогая. Я недостаточно хорош для тебя. Надеюсь, ты будешь счастлива с ним. Всего тебе доброго.

Она разразилась рыданиями и бросилась наверх. Я постоял еще немного и вышел, усмехаясь про себя.

Через месяц, подходя к ресторану, где я должен был встретиться с Герро, я увидел Марианну, сидевшую за столиком. На мгновение я застыл в дверях, но потом подошел, так как Герро уже заметил меня, и подсел к ним.

— Марианна сегодня обедает с нами, — улыбнулся Герро.

— Да, я вижу. Как дела, Марианна?

— Прекрасно, — ответила она, улыбаясь так, что у меня бешено забилось сердце. — А как ты?

— Замечательно.

Я наклонил голову над меню, чтобы она не заметила, что со мной творится.

— Извините, — сказал Герро, вставая, — я на минуту оставлю вас. Пойду закажу себе томатного сока.

Я почувствовал себя неловко.

— Что случилось, Фрэнк? — спросила Марианна. Лицо ее светилось улыбкой. — Удивился, что я пришла?

— Да, я не ожидал.

— А что такого? Я просто хотела посмотреть на тебя при дневном свете.

Я глянул в окно. На улице было темно. Она перехватила мой взгляд и рассмеялась.

— Ты не веришь мне?

— Нет, конечно.

Она снова рассмеялась.

— Фрэнк, мне кажется, ты боишься меня и считаешь безнравственной.

— Я уже говорил тебе, что меня не интересует, кто ты и что ты. Я друг Герро.

— Ненормальный! — сказала она и наклонилась вперед. — Фрэнк, женщина может любить двух мужчин сразу. Герро прекрасен — он ласковый, добрый и обладает всеми достоинствами, которые ценят женщины. Я бы очень хотела, чтобы мы были женаты. Но ты совсем другой. Ты злой, эгоистичный и несчастный. Я вижу это по твоему лицу. Тебе хочется всего, что есть у других. Но меня тянет к тебе. Я хотела бы отделить тебя от всего этого и посмотреть, чем ты дышишь. Но ты неуловим. Ты бы не захотел встречаться со мной, поэтому я уговорила Герро взять меня с собой. Я должны была увидеть тебя снова и понять, как ты ко мне относишься. Теперь я знаю. Я читаю это по твоему лицу, несмотря на эту неприступную маску.

— Тогда ты, может быть, поймешь и то, что ты — девушка Герро, а у него и так много дел, не хватало бы еще и моего вмешательства в его личную жизнь. Уже несколько лет он живет мыслями о тебе. И я не собираюсь лишать его этого.

Она опустила глаза и закусила губу. Лицо покраснело, что вообще ей было свойственно. Затем она собралась было что-то сказать, но к столику подошел Герро, и на этом наш разговор закончился.

После ужина я медленно побрел по городу.

«Если бы не Герро, — стучала в моей голове одна и та же мысль, — то...»

Но в конце концов я эту мысль решительно отбросил и вернулся в гостиницу.

Глава 7

Наступил апрель, а вместе с ним появились и первые, робкие признаки весны. Весна в Нью-Йорке! В этом было что-то многозначительное. Ничто не могло пойти в сравнение с приближающейся весной. Но вместе с тем она была предвестницей жаркого, изнуряющего лета.

Я жил по инерции — день за днем одно и то же. Не знаю, был ли я счастлив, но, по крайней мере, чувствовал какое-то странное, необъяснимое удовлетворение. Хотя порой мною овладевали какие-то смутные предчувствия, в которых я не мог разобраться.

Как-то вечером Герро пригласил меня 1 мая на площадь Согласия. Он должен был выступать там и хотел, чтобы я послушал. Но 1 мая было рабочим днем, поэтому мне нужно было договориться с Гарри, чтобы он отпустил меня на несколько часов.

С той нашей последней встречи в марте я не виделся с Марианной. Интересно, будет ли она там? Не знаю, это или что другое заставило меня пойти на митинг. Но, вероятно, это сыграло свою роль, потому что вообще я не был любителем всяких речей.

Итак, в понедельник 1 мая я отпросился с работы. На площади собралась огромная толпа. Была сооружена импровизированная трибуна для ораторов. Несколько мужчин раздавали листки с напечатанной на них программой дня. Я прочитал, что Герро был четвертым по списку оратором. Тема его выступления: «Равноправие — право от рождения». Пытаясь отыскать Герро, я протиснулся сквозь толпу поближе к трибуне, с которой произносил речь кто-то мне не знакомый. Герро находился на трибуне вместе с другими участниками, ожидавшими выступления. Я помахал ему из толпы.

Остановив на мне свой беспокойно блуждающий взгляд, он улыбнулся и кивнул мне. Я все еще надеялся увидеть где-нибудь в толпе Марианну. Но ее не было.

Кто-то тронул меня за локоть. Обернувшись, я увидел Терри.

— Привет, — улыбнулся я. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

Она тоже улыбнулась.

— Пришла послушать Герро. Мои тоже здесь.

— Это хорошо, — сказал я, чтобы что-то сказать. — Как поживаешь?

— Прекрасно. Сколько народу собралось!

— Да, — сказал я, — много.

Мы помолчали чуть-чуть, не зная, о чем говорить дальше. Наконец она сказала:

— Ну, ладно. Мне пора к своим.

— Да, конечно, — оживился я. — Пока.

Я снова оглядел толпу. Марианны нигде не было. Я протиснулся к Герро.

— Я так рад, что ты здесь. Я впервые выступаю перед такой массой людей и чертовски нервничал, пока не увидел тебя. Теперь мне гораздо спокойнее. Все будет в порядке. Я люблю говорить, когда в толпе кто-то знакомый. Это отвлекает от других людей.

— Значит, я не зря пришел, — улыбнулся я и как бы невзначай спросил: — А Марианна здесь?

— Нет, она не выносит таких сборищ.

Мне едва удалось скрыть свое разочарование. Мы немного поговорили, и Герро вернулся на трибуну. Перед ним должны были выступить еще два оратора.

Здесь собрались самые разные люди, в основном беднота всех цветов кожи, одетая в праздничные наряды. По краям толпы возвышались полицейские для поддержания порядка. Они сидели на прекрасных бурых лошадях верхом, крепко сжимая дубинки, и были готовы к любым неожиданностям. Я взглянул на трибуну. Первого оратора сменил второй. Было очень жарко, и я купил бутылку кока-колы. Затем снова протиснулся вперед. Герро находился в первом ряду у ступенек. Я опустошил бутылку и поискал, куда бы ее пристроить, но так и не нашел. Вдруг где-то началась драка. Толпа подалась вперед к ступенькам трибуны, и я услышал крики: «Дерутся! Дерутся!»

Герро вскочил со стула и, опершись на перила, посмотрел вниз. Я продвинулся вперед и увидел дерущихся. Герро в это время спускался с помоста. С другой стороны я заметил конного полицейского, врезающегося в толпу. Люди шарахались в стороны, давая ему дорогу.

События разворачивались очень быстро. Герро встал между дерущимися и пытался разнять их. В это время подъехал полицейский и замахнулся дубинкой. Он что-то кричал, но из-за шума людей ничего не было слыш-

но. Герро подпрыгнул и попытался схватить полицейского за руку, в которой была дубинка. Он только хотел остановить его и предотвратить удар. Но тот круто развернул лошадь, освободил руку, а потом дважды ударил Герро по голове. Герро стал медленно оседать, пытаясь ухватиться за лошадь. В этот момент полицейский повернул лошадь к толпе, и она лягнула Герро в грудь. Он упал. Толпа напирала. Лошадь попятилась и наступила передними копытами на Герро, корчившегося на земле.

Я пытался прорваться к нему сквозь толпу, но впереди было очень много людей.

— Почему они не поднимут его? Его же убьют! — прорезался сквозь шум толпы мой крик.

Полицейский как будто не замечал, что Герро был под копытами его лошади. Он размахивал дубинкой, нанося удары каждому, кто пытался приблизиться. Я в бессильной ярости поднял руки и вдруг обнаружил бутылку, которую все еще держал в руке. И я швырнул ее в полицейского. Она несколько раз перевернулась в воздухе и попала ему прямо в лицо. Он покачнулся в седле, кровь хлынула у него из носа и изо рта, и он рухнул на землю. Раздались свистки других полицейских, спешивших к месту происшествия. Минуту я дико озирался по сторонам, пока не понял, что лучше убраться отсюда поскорее. Мой взгляд выхватил из толпы Терри. Она смотрела на меня широко раскрытыми от ужаса глазами, прикрыв рот рукой. Я повернулся и нырнул в толпу. Если бы они схватили меня и узнали, что я бросил бутылку, все было бы для меня кончено.

Добравшись до входа в подземку, я оглянулся; толпа рассеивалась. Я больше уже ничего не мог сделать для Герро и решил вернуться в магазин и ждать вестей от него.

Было около трех часов дня. По пути я заскочил в бар, чтобы выпить чего-нибудь и привести в порядок нервы. В магазин я вошел спокойно, надел фартук и приступил к работе. Хорошо, что Гарри был очень занят и ни о чем меня не спросил.

Прошло еще два часа. Я ждал звонка. Герро должен был мне позвонить, если был в состоянии. Около шести часов Гарри позвал меня к телефону. Я услышал возбужденный, прерывающийся голос Терри.

— Тебе надо бежать. Полиция уже ищет тебя.

— Подожди минутку. Откуда они знают? Ведь только ты видела!

— Нет, Фрэнки, и другие тоже. Там были люди из клуба, и они видели тебя. Полицейские всех допрашивали. В любую минуту они могут тебя вычислить. Тот парень в больнице, в плохом состоянии. И если он умрет... — голос ее дрожал.

Я не хотел думать об этом.

— А что с Герро?

— Ты разве не знаешь? — она заплакала. — Он мертв. Его затоптала лошадь.

Все поплыло у меня перед глазами.

— Алло! Ты слушаешь меня?

— Да, — с трудом ответил я.

— Уходи скорее! У тебя мало времени!

— Да, — сказал я. — Спасибо, — и оцепенело повесил трубку.

Не знаю, сколько я так простоял, прежде чем собрался с духом и пошел к Гарри.

— Я ухожу, — сказал я. Он резал на машинке сыр и был так удивлен, что чуть не отхватил себе палец.

— Почему? Что случилось?

— Я попал в историю, — просто ответил я. — На митинге была драка. Мне нужно бежать.

— Скверно, — сказал он. — И ведь я предупреждал тебя: держись подальше от этого сброда. Это не доведет до добра.

— Да что уж теперь. К тому же они здесь и ни при чем.

Он кончил резать сыр, завернул его и подал покупателю, стоящему у стойки. Потом подошел ко мне.

— Мне очень жаль, Гарри, я не собирался уходить вот так и подводить тебя, но ничего не поделаешь. Ты славный парень, и я ценю это. Передай это от меня и мистеру Рейзесу.

Он кивнул, а я пошел в каморку и снял фартук, потом вернулся и пожал ему руку.

— Спасибо за все, Гарри.

— Жаль, что ты уходишь. Мы с тобой неплохо сработались.

— Мне тоже жаль, — сказал я, направляясь к двери.

— Подожди, ты кое-что забыл, — остановил меня Гарри. — Вот, твое жалование.

— Но ведь сегодня только понедельник, — возразил я.

— Ничего, возьми, ты давно заслужил прибавку.

Поблагодарив его, я сунул деньги в карман. Они были очень кстати, так как я сумел накопить лишь немногим более сотни долларов, которые хранил в коробке в гостинице.

— Надеюсь, все обойдется, — Гарри протянул мне руку. Я вышел на улицу, огляделся по сторонам; все было спокойно, как всегда. Нырнув в подземку, я добрался до гостиницы, упаковал все вещи в потертый саквояж и расплатился.

Я было уже отправился на вокзал, как вдруг меня пронзила мысль: Марианна! Кто скажет ей? Только бы не чужой человек, которому плевать на ее чувства. Нельзя, чтобы она узнала об этом из газет. С каждым шагом я все больше приходил к убеждению, что именно я должен сделать это. Так я оказался возле ее двери и позвонил. Она была дома. Я услышал ее торопливые шаги. Открыв дверь, она очень удивилась, увидев меня с чемоданом в руке. Не дожидаясь приглашения, я вошел.

Она прикрыла дверь и вопросительно посмотрела на меня.

— Уезжаешь, Фрэнк?

— Да, но сначала я должен что-то сказать тебе.

Она еще ничего не могла знать и поэтому, не так поняв меня, радостно прильнула ко мне. К моему удивлению, глаза ее были серыми, а не карими, как мне казалось.

— Что ты хочешь сказать мне? — спросила она ласково. — Что ты не мог уехать, не попрощавшись со мной?

Я поставил чемодан и резко взял ее за плечи в надежде, что она все сразу поймет.

— Мне больно, Фрэнк.

— Сядь, — попросил я.

— Нет, не хочу, — глаза ее начали расширяться, — что случилось?

— Герро мертв.

С минуту она смотрела на меня, не понимая происходящего, потом лицо ее побледнело, глаза закатились, и она стала падать прямо на меня. Я подхватил ее и отнес на кровать в спальню. Через минуту она очнулась,

и я поднес к ее губам стакан с водой. Несколько капель через край скатились к ее шее. Я расстегнул ей блузку и стал ждать, когда она совсем придет в себя. Наконец, она открыла глаза.

— Я не хотел, чтобы ты узнала об этом от кого-нибудь другого, но боюсь, все испортил.

Она удрученно покачала головой.

— Как, как это случилось?

— На площади завязалась драка. Его ударил полицейский, и он упал под копыта лошади. Я бросил в полицейского бутылку из-под кока-колы. Теперь он в больнице, а мне нужно срочно скрываться.

— А Герро, — прошептала она тихо, — ему было очень больно?

— Нет, все произошло так быстро. Он ничего не почувствовал.

Разве теперь это имело какое-нибудь значение для него? А Марианне так было легче. Она села в кровати.

— Хорошо, что все это случилось так быстро, раз уж должно было случиться. Он не выносил боли.

Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Я встал. Мне нельзя было больше здесь оставаться; это было бы опасным не только для меня.

Марианна успокоилась, наконец, и взглянула на меня.

— Ты был его другом. Он так гордился тем, что ты дрался за него. И ты защищал его до конца.

Я ничего не ответил на это. Он был славный парень.

Мы помолчали с минуту, затем я вышел в другую комнату.

— Тебе уже лучше? — спросил я. — Мне пора.

— Да, все в порядке, я справлюсь.

Я повернулся и направился к двери. Марианна догнала меня и бросилась в мои объятия. Я крепко прижал ее к себе, чувствуя щекой ее мокрую от слез щеку. Она прошептала мне в самое ухо:

— Будь осторожен, пожалуйста. И возвращайся. Ты нужен мне теперь, когда...

Я не дал ей закончить фразу.

— Я вернусь. Пройдет лето, все забудется, и я обязательно вернусь.

— Обещаешь? — спросила она по-детски.

— Обещаю! — ответил я, глядя ей в глаза. Они были мокрыми от слез и карими, а вовсе не серыми, как я думал.

— Оставайся и жди. Я вернусь.

Я даже не поцеловал ее на прощание.

— Будь осторожен, дорогой, — еще раз попросила она, когда я закрывал дверь.

На улице стемнело. Было небезопасно идти на железнодорожную станцию. Если полиция установила, кто бросил бутылку, они будут искать меня именно там. Лучший вариант — перебраться на пароме в Нью-Джерси.

Она назвала меня «дорогим»! Я почувствовал угрызения совести, подумав о Герро. Но его больше не было. И теперь, это не имело для него никакого значения. Кроме того, я сделал все возможное, чтобы не становиться на его пути, пока он был жив. «Дорогой!» — звучало у меня в ушах.

Я удачно переправился. Какой-то грузовик подбросил меня в Ньюарк. Там на станции я купил билет до Атлантик-Сити. В этом курортном городе вероятнее всего можно было найти работу.

Ожидая поезд, я думал о своей жизни. Все вернулось на круги своя. Закружилась карусель. Интересно, ухвачусь ли я снова за медное кольцо.

«Дорогой», — сказала она. Впервые в жизни я был действительно влюблен.

Глава 8

Уже через два часа после прибытия в Атлантик-Сити я нашел работу. Это оказалось нетрудно, так как было начало сезона. Я устроился продавцом содовой. Работать я должен был с трех часов дня и до часу ночи. Жалование составляло двадцать долларов в неделю и, кроме того, бесплатное питание. Работать предстояло до сентября без выходных. Это меня вполне устраивало. Получив работу, я снял комнату в дешевом отеле за восемь долларов в неделю.

Через несколько дней я вполне освоился; сказался опыт, полученный у Отто. Движения мои были четкими и рациональными, поэтому я меньше уставал.

Первую половину дня я обычно проводил на пляже, затем возвращался в отель, переодевался и шел на работу. Завтракал обычно в павильоне. Закончив работу, возвращался в отель спать. Так и проходило время. Работа была тяжелой, но я чувствовал себя прекрасно. Время, проводимое на пляже, шло на пользу. Я покрылся ровным, бронзовым загаром и немного поправился. Друзей у меня не было, ни мужчин, ни женщин. Собственно, мне они были и не нужны. Меня вполне устраивало одиночество. Девушек, с которыми можно было поразвлечься, было пруд пруди и на пляже, и в павильоне. Но меня к ним не тянуло.

Я покупал утренние и вечерние нью-йоркские газеты, но кроме первого упоминания о скандале и полицейском, попавшем в больницу, ничего в них не нашел. Марианне я не писал и не звонил, опасаясь, что полиция будет следить за ней из-за Герро. Я просто выжидал время до конца лета.

О многом я передумал этим летом, о себе, о моих тете и дяде, о Марианне. Я хотел найти объяснение, что же произошло между мной и ею. И почему наши отношения так изменились, как только не стало Герро? Я был реалистом: то, что произошло, уже нельзя изменить; кроме того, я никогда не упускал случай. Если я чего-то хотел, и подворачивалась такая возможность, то я не мог ею не воспользоваться, несмотря на то, что накануне убеждал себя в обратном. Я желал Марианну, она привлекала меня так, как ни одна другая женщина до нее, что-то в ней смутно ускользало, что мне хотелось поймать и удержать при себе. Короче, я был влюблен. Это казалось наваждением, которое глупо и бесполезно было объяснять себе. С одной стороны, я принимал его, но отвергал из простого здравого смысла, так как не был уверен в чувствах Марианны. Мы так давно не виделись.

Прошел июль, заканчивался август. Работать оставалось еще три недели. Потом я собирался вернуться в Нью-Йорк. Все было спокойно, никакого скандала вокруг драки на площади не было.

В последнюю среду августа я лежал на пляже, прикрыв глаза рукой и почти уснул, разомлев на солнце, как вдруг меня пронзила мысль: а что, если Марианна не ждет меня? Я быстро собрался и пошел позвонить

ей. Уже набрав номер, я подумал: одиннадцать часов утра, дома ли она? — но только собрался повесить трубку, как услышал ее чистый, теплый, мелодичный голос.

— Алло.

От неожиданности и возбуждения я начал заикаться.

— М-Марианна?

— Фрэнк! — воскликнула она радостно. — Мой дорогой! Где ты? Я уже думала, что ты никогда не объявишься.

Я был так рад слышать ее голос.

— Я в Атлантик-Сити. Работаю здесь. А как твои дела?

— Все в порядке. Как ты?

— Прекрасно.

— Когда ты вернешься?

— Через три недели, как только закончу работу.

— А не можешь ли раньше? Я так хочу тебя увидеть. Мне столько надо... — она не закончила фразу.

— Мне бы очень хотелось, но это невозможно. Я обещал доработать до конца сезона. Как там, все в порядке? — переменил я тему.

Она поняла, что я имел в виду.

— Нормально, — сказала она. — Послушай, а нельзя ли мне приехать к тебе? Мы могли бы провести вместе несколько дней. Я больше не хочу ждать.

— Не знаю даже, я работаю с трех дня и до часу ночи. У нас будет мало времени.

— Может быть, мы выкроим несколько часов? Я хочу отдохнуть. Последние месяцы я так много работала. К тому же я должна кое-что выяснить.

— Ты тоже? — улыбнулся я. — Я все время думал о нас с тобой.

— Вот видишь! Я должна с тобой встретиться и убедиться в том, что ты чувствуешь то же, что и я. Я приеду. Где ты остановился?

Я назвал адрес.

— Я выезжаю сегодня же, как только соберу вещи.

— Но я буду допоздна на работе. Может быть, ты придешь к павильону? Это у отеля «Виктория».

— Я буду там сегодня же ночью, — радостно ответила она.

— Хорошо! До встречи! Пока!

— Милый, я люблю тебя, — сказала она.

Я замер на мгновение. Ее слова звенели у меня в ушах.

— Марианна! Марианна! — повторял я.

— Да, милый. Ты любишь меня, Фрэнк?

— Ты ведь знаешь, что да.

— Я знала, — прошептала она, — с того момента, когда впервые увидела тебя, с первого поцелуя я знала это. Это было несправедливо, порочно. Я знала это так же, как и ты, но это было сильнее нас.

Казалось, что она пропела в трубку:

— До встречи сегодня, дорогой. До свидания.

Я повесил трубку и вернулся на пляж.

К двенадцати часам, когда я начал уборку, ее еще не было. Я решил, что она приедет утром.

Чарли, мой шеф, работал в дальнем углу павильона, мое место было ближе к двери. Я мыл баллоны для сиропа, и мы болтали, так как посетителей уже не было.

Чарли часто подшучивал надо мной оттого, что я не гулял с местными девицами, но я никогда не давал себе труд объясняться с ним по этому поводу. К концу этой недели поток отдыхающих уже должен был пойти на убыль. Праздник Дня Труда в конце недели был пиком сезона. Он проходил в Майами-Бич, куда Чарли собирался сейчас отправиться. Там работал его напарник.

Я закончил протирать штуцеры, аккуратно выстроил стаканы на полке и взглянул на часы. Было двенадцать тридцать.

— Хочешь уйти пораньше, Фрэнк? — ухмыльнулся Чарли. — Что, свидание?

Я кивнул.

Еще через полчаса мы закрыли павильон. Я немного подождал около него в надежде, что она вот-вот появится, но ее не было. Я медленно побрел в конец аллеи, присел на скамейку и закурил. Несколько человек прогуливались по аллее. Бросив взгляд в сторону океана, я увидел корабль, огни которого отражались в воде. Он напоминал «Мэллори», плывущую во Флориду.

Может, она только пообещала, а сама вовсе и не приедет.

И вдруг кто-то сзади закрыл мне руками глаза. Нежный голос прошептал в самое ухо:

— Угадай-ка, кто это.

Конечно же, я сразу почувствовал, что это была она, но решил поддержать ее игру.

— Джейн?

— Нет.

— Хелен? Мэри? Эдна? — дурачился я.

— Я даю тебе последний шанс, — сказала Марианна. — Если ты не угадаешь, я сейчас же уезжаю домой. А может быть, я вообще некстати? Похоже, у тебя и так полно поклонниц?

Я взял ее руки в свои и поцеловал ладони, потом приложил их к своим щекам. Потом, повернувшись, усадил ее рядом на скамейку.

— Марианна, — прошептал я. — Я думал, что ты уже не приедешь.

Она улыбнулась, показав свои чудесные белые зубы. Мягкие, рыжеватые волосы блестели при свете луны.

— Я не могла не приехать, как только узнала, где ты.

Я поцеловал ее нежно, ласково, горячо и страстно одновременно. Было такое ощущение, что луна и все звезды спустились и кружились вместе с нами. Я будто парил в воздухе или шел по облакам, я снова ощущал себя маленьким мальчиком и одновременно взрослым мужчиной. Я был счастлив, в горле стоял комок, и я не мог говорить. Я взглянул на Марианну. Ее прекрасные глаза были влажными от слез. Я чувствовал биение ее сердца и снова целовал ее. Что за прекрасное, непередаваемое чувство!

— Теперь ты понимаешь, что я имела в виду, когда мы говорили по телефону? — прошептала она. — Мы оба чувствуем одно и то же. От этого не убежишь. Герро рассказывал мне, что ты убежал из дома, и я боялась, что ты так же сможешь убежать и от меня. Но теперь я знаю. Ты не убежишь.

— Марианна, я люблю тебя. Ничего нет дороже тебя на свете.

Она положила голову мне на плечо.

— Я хотела услышать это от тебя. Я люблю тебя. Люблю.

Мы встали со скамейки и пошли куда-то... Мы брели по песку и говорили, говорили...

Позже, когда луна уплыла далеко на восток, а мы стояли у окна моей комнаты, смотрели на море и курили, я вдруг понял, что время догнало меня.

Я любил в эту ночь, но теперь я не только получал, но и отдавал всего себя.

Рано на рассвете я проснулся от ощущения ее присутствия рядом. Чувства переполнили меня. Неужели я обладал этой красотой! Она, должно быть, почувствовала мой взгляд, потому что обняла меня в полусне и прошептала:

— Ты не оставишь меня, Фрэнк? Мы всегда будем вместе, правда?

— Я не оставлю тебя, Марианна, — ответил я, уверенный в себе, как никогда.

Глава 9

На следующее утро мы отправились купаться. На Марианне был прекрасный новый купальник, и она выглядела чрезвычайно привлекательно. Она была прекрасна как в одежде, так и без нее: стройная, с округлыми линиями фигура и длинные красивые ноги, а движения настолько грациозны, что все мужчины рисковали свернуть себе шеи. Она выглядела свежей и оживленной, я гордился ею, мне было приятно от того, что все завидовали мне, и она тоже прекрасно знала о магии своей внешности. Она искусно и беззастенчиво ловила комплименты и счастливо улыбалась мне, когда я говорил ей, как она прекрасна.

После купания мы бродили по пляжу, лежали на песке, смеялись и были настолько счастливы, насколько это возможно на этой грешной земле. У меня появилось чувство завершенности и ясности.

В полдень я купил сосисок в тесте, и мы ели их прямо на пляже. Я расспрашивал ее о Нью-Йорке. По ее словам, это был все тот же старый город. Что касается ее, она только что выполнила два заказа и была совершенно истощена. Я позвонил очень кстати, так как она не знала, чем заниматься дальше, и была очень рада возможности побыть со мной и вообще счастлива просто жить на свете.

Я взял ее за руку, и мы легли на песок. Я спросил, была ли она на похоронах Герро.

— Нет, — тихо ответила она.

— Почему? — прошептал я.

Она ответила спокойно и искренне:

— Потому что я трусиха. Я боялась увидеть, что с ним сделали, а еще — не хотела верить, что его нет, а я живу и наслаждаюсь жизнью. Еще из-за тебя. Из-за того, что я чувствовала к вам обоим. Я любила вас двоих и не знала, кого из вас больше. Вы были такими разными и такими близкими. Это было выше моих сил.

— Да, славный парень, — сказал я, — очень жаль, что он умер. Таких людей мало на свете.

Она странно посмотрела на меня.

— Ты на самом деле так думаешь? Честно, разве в глубине души ты не рад, что все так обернулось? Ведь если бы не это, то никогда бы не было...

Я как-то не думал об этом. Вероятно, она права. Так вот почему я пошел навестить ее перед отъездом. Я смутился. Потом взглянул на нее. Марианна вытянулась на песке, волосы рыжим пламенем горели вокруг ее головы. Купальник плотно облегал налитые, по-девичьи упругие груди, а маленький плоский живот плавно переходил в округлые бедра. Я смотрел на нее, и во мне снова пробуждалось желание.

Я заговорил очень медленно, так как хотел хорошо обдумать каждое слово и внести ясность и определенность.

— Нет, я этого не чувствую. Я — это я. Я хочу то, чего хочу. Но только не за счет других людей, как бы сильно ни было мое желание. Я знаю, что мы были предназначены друг другу судьбой, и то, что это стало возможным, никак не влияет на мое чувство сожаления о Герро. А мы так или иначе нашли бы друг друга и при Герро.

Она сердито посмотрела на меня.

— Да уж наверно иначе, чем это делал ты, избегая меня. Так это никогда бы не случилось. Подумай только, что бы ты потерял!

Она обвела вокруг рукой.

— Все это. И ты, и я. И совершенство, и гармония, и счастье. Есть люди, которые просто созданы друг для друга: и физически, и интеллектуально, и — она улыбнулась — морально. — Ты и я — мы вырезаны из одной кости. Мы оба хищники, эгоистичные и испорченные. Я не имею в виду то, что ты получаешь от жизни все, что пожелаешь, едва протягивая руку, как это

делаю я. Ты добиваешься этого. Но ты все равно хищник, так как всегда идешь к своей цели, ни с чем не считаясь. Ведь правда, мы безнравственны? И многие осудили бы нас. Однако тебе все равно, и ты продолжаешь в том же духе. Ты — животное; ты ходишь, действуешь и думаешь как животное: или-или. Для тебя не существует промежуточных оттенков. Это-то я и люблю в тебе. Ты странная, противоречивая натура, каждую грань которой я люблю. И еще этот великолепный загар. Держу пари, тебе не было прохода от девушек.

Я засмеялся.

— О да, я с трудом отбивался от них.

— Злюка, — сказала она, переворачиваясь лицом ко мне.

Я обнял ее и поцеловал.

— Хорошо работаешь, — услышал я голос Чарли. Он только что вышел из воды и ухмыляясь смотрел на нас. Я улыбнулся ему.

— Ха, Чарли!

Он сел рядом, и мне пришлось представить их друг другу. Было неприятно, что он набрел на нас. Но что поделаешь — общественный пляж.

Марианна проявила расторопность. Узнав, что Чарли мой шеф, она тут же принялась его обрабатывать.

— Не понимаю, почему Фрэнк должен дожидаться конца сезона, если после праздника дела пойдут на убыль. Ему необходимо отдохнуть пару недель перед возвращением в Нью-Йорк.

Чарли испытующе посмотрел на меня.

— Пусть Фрэнк сам решает. После понедельника он свободен.

Такого поворота событий я никак не ожидал. Да, она и в самом деле знает, чего хочет, и она не хочет, чтобы я работал, пока она здесь.

— Поговорим об этом позже, — сказал я. — Пойдем, дорогая. Я должен переодеться. Мне пора на работу, шеф не любит, когда я опаздываю.

Я подал руку Марианне и помог ей встать. Чарли тоже поднялся, ухмыляясь.

— До встречи.

Когда я вышел из душа, она уже оделась и расчесывала волосы перед зеркалом. Обмотавшись полотенцем, я подошел к ней.

— Что это за идейки ты подкидываешь Чарли, — потребовал я объяснения, улыбаясь. Она дерзко вскинула голову.

— Ты же знаешь, что я эгоистка. Я не хочу, чтобы ты работал целый день, когда стоит такая прекрасная погода, вместо того, чтобы отдохнуть со мной.

— Ведьма! — засмеялся я. — Но не забывай: кто не работает — тот не ест. У меня нет богатых родственников.

— Не беспокойся, денег у меня предостаточно. Брось ты эту работу. Давай выберемся из этой дыры и поедем отдохнуть куда-нибудь.

Я насмешливо взглянул на нее.

— Вот так, прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — прильнула она ко мне. — Дорогой, я так много хочу для тебя сделать. Я мечтаю видеть тебя прилично одетым, ведь сейчас ты одет кошмарно. У тебя великолепная фигура, и если тебя приодеть, ты будешь выглядеть просто сногсшибательно. А еще я хочу научить тебя правильно есть. Ты как волк набрасываешься на пищу, как будто ее вот-вот у тебя отнимут. Я хочу переделать тебя снаружи, но ничего не менять внутри. Я стремлюсь к совершенству во всем, и твои манеры просто сводят меня с ума.

— О, вы хотите изменить меня и сохранить одновременно! — сказал я. — Это круто. И каковы же ваши ближайшие намерения, мадам?

Она улыбнулась и сдернула с меня полотенце.

— Угадай! — И она бросилась в мои объятия.

Позже в павильоне, когда схлынула вечерняя толпа, Чарли поинтересовался, кто такая Марианна.

— Это моя девушка, — ответил я. — Она приехала из города, чтобы провести со мной несколько дней.

Он присвистнул.

— Она, должно быть, по уши влюблена в тебя. Теперь понятно, почему ты не обращал внимания на здешних дешевок. С такой-то куколкой... А я уж было подумал, что ты не в порядке или что-то еще.

Я промолчал.

— Ты собираешься уйти, как она хочет?

— Не знаю, — сказал я неопределенно, — я еще не решил.

Но я уже полностью был в ее власти и ради нее был готов на все. И если она хочет, чтобы я ушел, то я конечно же уйду.

Что я и сделал, — в понедельник вечером.

Глава 10

Три недели мы провели в Атлантик-Сити. Мы сняли трехкомнатный номер в отеле Тауэр на тринадцатом этаже с видом на океан. Обеды нам доставлялись в номер; Марианна терпеть не могла гостиничные рестораны, — во всяком случае, так она говорила. Это обходилось дорого; не знаю, сколько, потому что она оплачивала все счета сразу наличными. Финансы ее казались неиссякаемыми.

Однажды я купил ей маленький серебряный браслет за одиннадцать долларов в одном из сувенирных магазинов и сделал надпись: «Марианне с любовью. Фрэнк». Как-то ночью, около трех часов, мы сидели на террасе, наслаждаясь прохладным бризом с океана. Она была прелестна в своем прозрачном пеньюаре. Я вдруг вспомнил про свой подарок и решил вручить его ей. Вероятно, я выглядел довольно смешно. Я не часто дарил подарки и не знал, что говорят в таких случаях.

— Это тебе, Марианна, — произнес я, неловко протягивая ей браслет. Она очень удивилась и радостно взяла его.

— Какая прелесть, — сказала она, читая надпись вслух. Потом она взглянула на меня и улыбнулась.

— Очень хорошенький, и довольно оригинальная надпись.

Я уловил нотку сарказма в ее голосе и сказал спокойно:

— Конечно, оригинальная. Я никогда прежде не говорил и не думал ничего подобного.

Она моментально поняла свою оплошность и попыталась оправдаться:

— О, дорогой, я совсем не это имела в виду и вовсе не хотела тебя обидеть. Прости. Он мне вправду нравится. Я всегда буду носить его. Надень, пожалуйста, — она протянула мне руку.

Я взял браслет и застегнул на ее запястье. На мизинце у нее сияло кольцо с бриллиантовой вставкой и двумя маленькими рубинами. Оно переливалось в свете луны, и я почувствовал себя таким ничтожным. Что был мой браслет по сравнению с изысканной роскошью кольца! Я проклинал себя за такой подарок. Он только лишний раз подчеркивал различие между нами. Когда я вернусь в город, решил я, то скоплю достаточно денег и куплю ей что-нибудь настоящее, за что не будет стыдно.

Двадцатого сентября мы вернулись в Нью-Йорк. Я переехал к ней и через несколько дней решил пойти поискать работу. Найти ее было не так-то просто, и первые несколько дней мне не везло.

Марианна тем временем была очень занята. Ей нужно было закончить несколько работ, и она находилась в состоянии творческого экстаза. Надо было видеть ее во время работы! Это была совсем другая женщина. Снабдив деньгами, она выпроваживала меня из дому в кино или еще куда-нибудь и просила погулять подольше. Сначала все это было мне в новинку. Но королева всегда права! Часто я с восхищением наблюдал, как она рисовала; у нее был такой вдохновенный вид. Лицо, глаза и все тело напряжены, как бы нацелены на работу. Если я заговаривал с ней, она отвечала односложно или не слышала вовсе и часто ходила по мастерской, не замечая меня, потом с какой-то злостью наносила мазки на холст и бормотала себе под нос, если что-то не получалось. Иногда она размазывала краску по щекам и по лбу, когда поправляла волосы, убирая их с глаз. Это было так трогательно и забавно. И если день проходил плодотворно, и она была удовлетворена своей работой, то вечером становилась милой и ласковой, ее обуревал детский восторг. Мы шутили, пили шампанское, и я соображал что-нибудь вкусненькое на ужин. В основном готовил я, так как она считала себя бездарной кухаркой и не могла есть ничего из того, что готовила сама. Иногда к нам в гости приходили ее друзья: художники, писатели, мужчины и женщины, обладающие различными интеллектуальными способностями, живущие, казалось, в своем собственном мире. Когда меня представляли им, они смотрели вежливо и интересовались, чем я занимаюсь. Но как только узнавали, что я не принад-

лежу к их кругу, они так же вежливо отворачивались от меня, исключая из своих бесед и игнорируя до тех пор, пока им не требовалось еще выпить. Тогда они звали меня, как мальчика на побегушках.

Но я был безнадежно, сумасшедше влюблен. А королева всегда права! Она повела меня в магазин и истратила около трехсот долларов на новую одежду. У меня появились костюмы, пальто и рубашки, сшитые на заказ, роскошное нижнее белье и шелковые пижамы.

Я упорно искал работу. Но когда мне что-то подворачивалось, и я приходил домой возбужденным и радостно сообщал об этом Марианне, она хмурила брови и спрашивала:

— И сколько тебе будут платить?

— Девятнадцать долларов в неделю.

— Только девятнадцать? — восклицала она, вскидывая руки вверх. — Что можно делать с такими деньгами? Этого не хватит даже на сигареты.

— Это работа, — твердил я упрямо, — и это лучше, чем ничего.

— Нет, это хуже, чем ничего, — возражала она с чувством. — Это просто оскорбительно для твоего интеллекта, ума, способностей. Неужели ты так дешево ценишь себя? И кроме того, дорогой, зачем работать за такие деньги? Если хочешь, я буду платить тебе вдвое больше.

Я начинал терять терпение.

— Но так дальше не может продолжаться. Я чувствую себя последним дураком, каждый раз выпрашивая у тебя деньги.

— И совершенно напрасно, дорогой. — Она подошла и поцеловала меня. — Если бы у тебя были деньги, а у меня нет, я бы не стеснялась брать их у тебя.

— Но это совсем другое дело, — протестовал я.

— Нет, это то же самое. Мы любим друг друга и должны делить пополам все, что у нас есть.

Возражать ей было бесполезно. Поэтому все так и продолжалось. Жизнь была легкой и беспечной, и мне она нравилась. На мою долю выпало слишком много лишений, и кроме того, рано или поздно, должен же я был найти приличную работу.

Примерно через месяц, когда я подошел к маленькому столику, где были мои сигареты, я заметил, что

портрета Герро там больше не было — вместо него стоял мой портрет. Наверное, это было в порядке вещей. Однако мне показалось, что на портрете я не очень похож сам на себя. Я выглядел таким вялым, легкомысленным и беспечным.

— Нравится, дорогой? — услышал я за спиной голос Марианны.

— Очень, — обернувшись, сказал я вежливо.

— Это подарок тебе; за то, что ты такой чудесный, и я счастлива с тобой. — Она подошла и поцеловала меня.

— Спасибо, дорогая.

— Не благодари меня. Я очень хотела нарисовать тебя. Самое трудное было держать это в тайне, и рисовать приходилось урывками.

— Представляю, — сказал я.

— Не слышу радости в твоем голосе. Что-нибудь не так?

— А где портрет Герро?

— Ах, это?.. — сказала она, отворачиваясь. — Агент сказал, что он может выручить за него хорошую сумму, поэтому я отдала его.

— Забери обратно, — потребовал я решительно. — Я хочу оставить его на память.

Она смотрела на меня расширенными от удивления глазами.

— Зачем он тебе нужен?

— Просто хочу. Забери. — Я и сам не знал, зачем он мне понадобился.

Она начинала сердиться.

— Назови мне хотя бы одну вескую причину, и я завтра же верну его.

Я взял в руки свой портрет.

— Очень хороший портрет, красивый. Но только и всего. В нем нет жизни. Это только моя внешняя оболочка, без сути. Вероятно, во мне нет ничего, достойного изображения, но у Герро это было. И ты подметила это в нем и ошибаешься, пытаясь заменить его моим полусонным изображением. Такими вещами не бросаются. И если тебе все равно, то мне — нет.

Она вдруг резко встала. Грудь ее гневно вздымалась. По ее поведению я понял, что попал в самую точку, хотя и мало смыслил в живописи.

— Кто ты такой, чтобы приказывать, что мне делать? Не в твоем положении командовать! — закричала она.

Я вынул портрет из рамки и стал медленно рвать его на мелкие кусочки.

— Перестань кричать, как уличная торговка, — сказал я спокойно, хотя в душе у меня все кипело. Увидев разорванный портрет, она налетела на меня, сжав кулачки. Она била и царапала мне лицо, крича и плача одновременно.

— Неотесанный дурак! Из-за того, что я тебя кормлю и забавляюсь с тобой, ты вообразил, что я твоя. Хорошо, я выброшу тебя в ту же сточную канаву, откуда подобрала!

Во мне вдруг что-то взорвалось. Я ударил ее по щеке. Она упала навзничь на кушетку, схватившись рукой за лицо, и обалдело смотрела на меня, как бы не веря тому, что произошло.

Я произнес с глухой яростью:

— Ты заберешь этот портрет Герро обратно, или я никогда в жизни и близко не подойду к тебе!

Выражение ее лица вдруг резко изменилось; оно стало мягким, и глаза потеплели.

— Ты сделаешь это? — спросила она таким знакомым осипшим голосом. — Впрочем, не сомневаюсь, что ты можешь это сделать.

— Да, мне нужен этот портрет.

Она обхватила меня руками и притянула к себе.

— Мой любимый, мой сильный, легкомысленный, наивный, дорогой, бешеный зверь, конечно, я заберу его назад. Я сделаю для тебя все, что ты захочешь.

Она страстно прильнула ко мне горячими губами, которые вмиг заставили забыть обо всем на свете. Но на следующее утро портрет Герро стоял на своем месте.

Глава 11

Однажды, когда я сидел в большом плетеном кресле в углу комнаты, потягивая трубку, подаренную Марианной, я вдруг принял решение. Я вынул изо рта трубку и с ненавистью посмотрел на нее. Не знаю, почему я ее курил; никогда не любил трубок. Но однажды Марианна спросила:

— Дорогой, почему ты не куришь трубку?

— Не знаю, — ответил я, — никогда не пробовал.

— Это так идет мужчинам. Не хочешь попробовать?

— Нет, — сказал я, — я привык к «Кэмелу».

Но на следующий день она пошла в магазин и купила мне не одну, а целый набор из четырех трубок, а также увлажнитель, подставку и специальный ароматизированный табак для начала. Придя домой, Марианна устроила целую церемонию вручения. Едва дождавшись, пока я набью трубку, она вставила ее мне в рот.

— Позволь, я тебе ее зажгу, — сказала она, стоя надо мной со спичками в руках, наклоня свою головку. Затем поднесла спичку, отошла и посмотрела на меня. Трубка была отвратительно горькой. Я знал, что трубки сначала раскуривают, и содрогнулся при мысли, что у меня их было целых четыре. Глубоко затянувшись, я выпустил дым.

Марианна сидела на полу и завороженно смотрела на меня.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказала она, глядя на меня с обожанием и восторгом, как маленький ребенок. — Ты просто создан для трубки.

После всего этого мне ничего не оставалось, как начать курить трубку, но чем дальше, тем меньше мне это нравилось, и я часто брал сигарету, чтобы перебить вкус трубки. Глядя на трубку в своей руке, я видел в ней олицетворение самого себя, — каким я теперь стал. Это был я — молодой, сильный, здоровый, полный желания работать, но ничего не делающий. Не то чтобы я особо жаждал работы — не больше, чем все остальные, просто я вдруг осознал свою бесполезность. Меня все удовлетворяло: моя жизнь, близость Марианны, любовь к ней и ее любовь ко мне, моя постоянная готовность уступать, потому что мне было лень противиться.

Непроизвольно я обратился взглядом к портрету Герро на столе. Свет от лампы падал на него, вся же остальная часть стола оставалась в тени. Его уверенный живой взгляд как-то странно подействовал на меня. Я прикрыл глаза и как бы снова услышал его голос: «У меня есть дело. И все остальные мои желания ничто по сравнению с ним. Мир хочет дать тебе не то, что ты берешь силой, а то, что ты вкладываешь в него.» Я вспомнил, как он говорил: «Что ты ищешь, Фрэнк? Чего

ты опасаешься? Чего ты хочешь? И что ты делаешь, чтобы добиться этого?» Я вспомнил, как он говорил: «Ты достаточно силен, чтобы сделать такую малость, помочь... — Спасибо, ты дал больше, чем остальные... — Странно, что у тебя седина в волосах... — Только работая вместе, можно добиться того, чего мы все желаем... — Жить как люди, среди людей и с людьми...»

Голос Марианны вывел меня из оцепенения.

— О чем ты думаешь, Фрэнк?

Я слегка улыбнулся, глядя на портрет Герро.

— О нем.

— Я так и знала. У тебя было такое выражение лица, как будто он говорил с тобой.

— Может быть и так. Он дал мне хороший совет.

Я положил трубку и закурил сигарету. К черту эту гадость! Тут же в голову пришла еще одна мысль.

— Марианна, — позвал я.

Она встала, подошла ко мне, села на пол, обняв мои ноги и прижалась ко мне.

— Да, дорогой.

— Я собираюсь устроиться на работу.

— Это то, о чем ты думал?

— Да.

— Но, дорогой, — запротестовала она, — зачем растрачиваться на пустяки, когда в этом нет необходимости? Разве ты несчастлив? Не имеешь всего, что хочешь?

— Да, конечно, — ответил я, — но я чувствую себя бесполезным, отрезанным от всего, что происходит вокруг. Я никогда раньше этого не замечал.

— Какое тебе дело до того, что происходит вокруг? К тому же там мало приятного. Здесь гораздо лучше: мы вдвоем в нашем маленьком мире. Никто нас не беспокоит и не навязывает своих забот. Разве ты не любишь меня?

Я посмотрел на нее. Ее подбородок упирался в мои колени.

— Конечно, я люблю тебя, — сказал я, — но это совсем другое дело. Я люблю тебя, я обожаю тебя. Я очень счастлив с тобой, но ведь это не все.

Я подбирал слова, чтобы она правильно меня поняла и не обиделась.

— Послушай, представь себе, что ты не занималась бы живописью, как бы ты себя чувствовала?

— Это совсем другое. Это искусство, это творчество... Оно не зависит от тебя. Это же не такая работа...

— Но тем не менее, это работа, и ты бы не смогла жить без нее. То, что я собираюсь делать — не творчество, как ты это называешь, но оно принесет мне то же удовлетворение.

Она встала и посмотрела на меня сверху вниз. В ее голосе прозвучал знакомый оттенок. Она не выносила, когда с ней не соглашались.

— Я начинаю верить в то, что он действительно разговаривал с тобой.

Я заинтересовался этим замечанием.

— Что ты имеешь в виду, — спросил я, — он говорил это тебе?

Она ответила не сразу, задумавшись.

— Да, много раз, я просила его не отказываться от шанса на счастье. Но он не послушался меня. И это было так глупо и бесполезно. Ведь у нас было все. Но это его не удовлетворяло. И что он получил в качестве платы за свои идеалы? А теперь вот и ты пытаешься сделать то же самое — разрушить наше счастье.

Она села на стул, начала всхлипывать. Я подошел и обнял ее.

— Не плачь, милая. Я не хочу ничего разрушать. Просто я хочу снова стать самим собой. Сейчас я лишь пустая оболочка. Я чувствую себя таким ненужным, бродя по улицам и видя мужчин, идущих с работы и на работу, или сидя в кино, наблюдая жизнь со стороны. Я просто хочу что-то делать, чем-то заниматься.

Она перестала плакать.

— Ну тогда почему бы тебе не заняться чем-нибудь здесь, дома, — предложила она. — Попробуй писать как Герро. Ты такой экспрессивный и можешь выражать свои мысли, почему бы не попробовать?

Я едва сдержал смех, настолько это было абсурдно.

— Мне — писать! Нет, — сказал я, — не думаю, что я смогу. Приятно, что ты так обо мне думаешь, но я знаю свои способности лучше. Шутки в сторону! Я иду искать работу.

Но найти работу теперь было не легче, чем раньше. Становилось холоднее, и я возвращался продрогшим и злым на самого себя за очередную неудачу.

Она сразу же бросала рисовать или делать другую работу, которой занималась, и подходила ко мне.

— Удачно?

Я качал головой вместо ответа.

— Почему ты не перестанешь мучить себя и не прекратишь эти бесполезные поиски? Успокойся и не думай ни о чем. У нас все есть.

Я смотрел на нее и продолжал отмалчиваться. Но мало-помалу надежды улетучивались, и через месяц я прекратил поиски и снова засел дома.

Марианна была счастлива, а мне было горько. Постоянно сверлила мысль, что я не мог найти даже самой захудалой работы. Так я сидел и смотрел на портрет Герро. А он — на меня. Иногда это длилось часами.

Однажды, когда я вот так сидел перед портретом, а Марианна работала над своей новой картиной, внутренний голос начал шептать мне:

«Конец тебе! Ты больше никогда ничем не станешь, а будешь перебиваться милостыней всю свою оставшуюся жизнь.»

Голос был настолько явственным и сильным, что я поневоле громко выкрикнул, взорвав тишину комнаты:

— Нет, не буду!

Марианна сердито швырнула кисть и шпатель на стол. Я вывел ее из состояния, в котором она обычно пребывала, работая над картиной.

— Разве я не говорила тебе тысячу раз сидеть спокойно, когда я работаю! — закричала она на меня со злостью.

Я удивленно взглянул на нее. Я совсем забыл, что она была в комнате.

— Виноват, — сказал я.

— Виноват, — противным голосом передразнила она. — Дурак, да знаешь ли ты, что ты наделал! Ты испортил мою картину — вот что ты сделал.

Я вдруг тоже почувствовал прилив слепой ярости. Это было подобно искре, упавшей на сухие дрова. Я взорвался. Голос был ровным и твердым.

— Нет, не виноват! Я вовсе не виноват в том, что ты пытаешься сделать то, что выше твоих возможностей. И нечего винить меня за свою бездарность.

— Это я-то бездарна? — воскликнула она возмущенно. — Да кто ты такой, чтобы судить о моих способностях!

Она схватила шпатель и двинулась на меня с угрожающим видом. Я хладнокровно засмеялся.

— Не собираешься ли ты испробовать его на мне? — спросил я презрительно.

Она резко остановилась, посмотрела на шпатель, потом на меня и швырнула его на пол. Стыд и ненависть, казалось, боролись в ее душе.

— Ах ты непутевый, сукин сын! — взревела она. — Проклятый, отвратительный, мерзкий ублюдок!

Кровь отхлынула от моего лица. Я похолодел, побледнел и напрягся от злости. Я вполне мог убить ее в тот момент. Пульс бешено колотился у меня где-то в голове, кулаки поневоле сжались.

Разжав их, я почувствовал, что руки вспотели и дрожат. Я резко повернулся, сорвал пальто и шляпу с вешалки в прихожей и распахнул дверь. Я слышал позади ее голос, зовущий меня, — Фрэнк, Фрэнк, вернись! — Он преследовал меня и потом, на улице, звеня в ушах:

— Куда ты? Вернись, прошу тебя!

Казалось, это крик ее души, замешанный на боязни потерять меня. Я знал, что в конце концов вернусь, но в тот момент хотелось заставить ее страдать и прочувствовать всю боль и унижение, которые испытывал я.

Вернулся я поздно. В первый раз в своей жизни я напился, но не до такой степени, чтобы не отдавать отчета в своих поступках. Сначала я постоял у двери и послушал. Было тихо, я вставил ключ и вошел. Шатаясь, я подошел к столу и взял портрет Герро.

— Герро, друг мой, — прошептал я, — мне так не хватает тебя. — И разрыдался пьяными слезами. Я добрался до стула и упал на него, все еще держа в руках портрет.

— Мой друг, скажи мне, что мне делать? Я чувствую себя таким потерянным и ничтожным.

Дверь спальни отворилась, и Марианна предстала передо мной в своем пеньюаре и черной ночной сорочке.

— Марианна, — плакал я, протягивая ей портрет, — он не хочет со мной говорить.

Она задумчиво смотрела на меня какое-то время, потом взяла портрет, поставила его на место, помогла мне подняться, повела в спальню и раздела. Я беспомощно лежал на постели, пока она снимала с меня туфли.

— О дорогой! — шептала она, расстегивая мою рубашку и втискивая меня в пижаму, — зачем ты это сделал? Во всем виновата я, мой проклятый характер.

Она никогда не была так прекрасная, как тогда, с тенью печали и раскаяния на лице.

— Марианна, — сказал я, растягивая слова, — ты сука, но я люблю тебя. — Я перевернулся на живот и заснул.

Глава 12

Началом нашего разрыва стал вечер в честь Дня Благодарения, который мы отмечали у ее друзей. Время шло и, хотя жизнь меня не удовлетворяла, я ничего не предпринимал, чтобы изменить ее. Я полностью подпал под власть Марианны. Я не противился. Мне даже нравилось это. Я любил ее; ее походку, манеру говорить и все остальное. Она прижималась ко мне во время танца, и это казалось таким интимным, личным и дерзким.

Вечер был особенный, но гости и порядки оставались прежними. Когда мы с Марианной одни, между нами все легко и просто, но в компании все становится по-другому. Ее, естественно, потянет к художникам, к разговорам об искусстве. Меня же из всех этих разговоров исключат, — не преднамеренно, конечно. Просто потому, что я в искусстве профан. И вот я буду стоять рядом, со стаканом в руке, изнывая от скуки и с нетерпением ожидая окончания вечера. Домой мы пойдем молча, через площадь Вашингтона выйдем к остановке автобуса, сдерживая дыхание в ночном морозном воздухе, и не скажем друг другу ни слова, пока не доберемся домой.

— Хороший вечер, правда? — спросит Марианна.

— Угу, — пробурчу я.

И Марианна ничего не ответит. Она знает, что мне не нравятся такие вечера, но не хочет признавать это.

Вот и этот вечер ничем не отличался от других. Марианна вела беседу, а я подпирал стену. К десяти часам подошли еще несколько человек, образовав новые группы. Мне начинала надоедать моя немая роль, и я подумывал, как бы улизнуть и пойти домой.

Поставив стакан, я пошел к Марианне предупредить ее. Вдруг кто-то схватил меня за рукав. Я обернулся. Это была натурщица, которая иногда позировала Марианне.

— Помнишь меня? — улыбаясь, спросила она.

— Конечно, — обрадовался я возможности поговорить хоть с кем-нибудь. — Как твои дела?

— Паршиво. Отвратительный вечер.

Я засмеялся. Стало легче от того, что кто-то чувствовал то же, что и я.

— Зачем тогда ты приходишь сюда?

— По необходимости; это моя работа. Я должна продать кое-что.

Она сделала красноречивый жест.

— О, понимаю, — улыбнулся я. У нее действительно было что продать.

— Потанцуем? — предложила она.

Я кивнул, и мы двинулись в угол, где играло радио. Танцевала она великолепно, и рядом с ней я тоже неплохо смотрелся. Некоторые из присутствующих даже перестали разговаривать, наблюдая за нами. Краем глаза я заметил, что Марианна и вся ее компания тоже притихли и смотрели на нас.

— Какая необычная пара, — услышал я вслед. — Почему ты не нарисуешь их? — обратился кто-то к Марианне. Ее ответа я уже не расслышал.

— А почему ты? — спросила блондинка.

— Что почему? — не понял я.

— Ну, ходишь на эти вечера? Я ведь вижу, что ты здесь как рыба без воды.

Я пожал плечами.

— От нечего делать, наверное.

— Понимаю, — сказала она многозначительно, глядя через мое плечо на Марианну. — Приказ босса.

Мне вдруг сразу расхотелось танцевать. Я злился сам на себя.

— Может, выпьем чего-нибудь? — предложил я.

Со стаканами в руках мы пристроились у стены, наблюдая за приглашенными. Марианна бросила на нас мимолетный взгляд и тут же отвернулась.

Не было никакого желания оставаться здесь дольше, и я предложил пойти подышать свежим воздухом. Она согласно кивнула, и мы вышли, надев пальто. Мы прошлись по парку, потом вокруг него, постояли у остановки, наблюдая, как люди садятся в автобус. Мы не разговаривали, мы просто бродили, и я держал ее за руку. Затем отправились назад. У дверей я остановился.

— Я не пойду туда, — сказал я. Это были первые слова с начала нашей прогулки. Она взглянула на меня.

— Мне тоже ужасно не хочется, но я должна. Мне нужно встретиться кое с кем и договориться насчет работы на завтра.

Я подумал, что если бы я ее попросил, она бы тоже не вернулась. Но я промолчал. Она постояла немного, наблюдая за мной, потом бросила:

— А ты парень с характером! — и вошла в дом.

Придя домой, я сел в кресло и просмотрел утренние газеты. Был уже час ночи, когда вернулась Марианна.

— Привет, — сказал я, — понравился вечер?

— Почему ты сбежал? — раздраженно спросила она.

Видя, что тут пахнет скандалом, я промолчал. Не хотелось опять ссориться.

Она вошла в спальню и через несколько минут вышла.

— Где Бесс? — спросила она.

Я догадался, что так звали натурщицу.

— На вечере, вероятно. Я простился с ней у двери и отправился домой.

— Не видела, чтобы она вернулась.

— Ну, не знаю. Выкинь из головы. Я начинаю думать, что ты ревнуешь.

Вот это я сказал напрасно. Она вдруг взвизгнула:

— Ревную к этой дешевке? Черта с два! Мне просто не понравилось все это, вот и все. Если ты приходишь со мной, ты должен оставаться со мной до конца. Ты не подумал, что будут болтать про тебя?

Я сам начинал закипать.

— Пусть болтают себе на здоровье. Чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь! Но как я должна себя чувствовать? Все знают о наших отношениях, и вдруг ты сбегаешь с этой белобрысой сучкой.

— А как себя чувствую я? На каждом таком вечере меня, словно какое-то пальто, бросают в сторону и подбирают, уходя домой. Ради бога, не будь дурой! — я зажег сигарету. — Забудь об этом.

— Эта дешевая шлюха положила на тебя глаз, как только увидела тебя.

— Она показалась мне примерной девочкой, — возразил я. — И кроме того, что тут плохого? Разве ты не сделала то же самое?

— Нет, — огрызнулась она, подходя к двери спальни. — Но если бы я нашла ее здесь, то выцарапала бы ей глаза.

Я засмеялся.

— Так вот почему ты первым делом заглянула в спальню, когда вошла? Неужели я такой кретин, что привел бы ее сюда, даже если бы и захотел?

Она подошла и встала прямо передо мной, злобно сверкая глазами.

— Послушай, — сказала она, — и заруби себе на носу. Ты принадлежишь мне. Все, что ты имеешь или будешь иметь — это только благодаря мне. Я дала это тебе. И так же быстро я могу лишить тебя всего и выбросить туда, где подобрала. — Она нервно щелкнула пальцами. — Когда ты идешь куда-то со мной, запомни, ты должен оставаться рядом, нравится тебе это или нет. И уходить не раньше, чем я разрешу тебе.

Я был взбешен, но не показывал виду, пытаясь сдержать свой гнев. Она была права. У меня ничего своего не было. Ей принадлежала даже моя одежда и деньги в кармане.

— Хорошо, детка, — сказал я примирительно, — если ты этого действительно хочешь.

Она посмотрела на меня разочарованно, как будто ожидала, что я вспыхну, а я не оправдал ее надежд.

— Да, именно этого я и хочу, — повторила она, но уже не так уверенно.

Я пошел в спальню, разделся, лег в постель и скоро заснул. Не знаю, который был час, когда я проснулся от звука ее голоса.

— Фрэнк, ты не спишь? — спросила она.

— Теперь уже нет.

Вдруг пелена спала с моих глаз. Я увидел не только сумрак комнаты, но и себя: таким, за кого меня держа-

ли — милым, послушным любовником — и меня всего передернуло.

— Иди ко мне, дорогой, — прошептала она.

— Да, госпожа, — ответил я, садясь на край ее постели.

— Не сюда, дорогой, — глаза ее блестели в темноте, — ложись рядом со мной и поцелуй меня.

Я вытянулся рядом и обнял ее. Тело ее было теплым и мягким. И я почувствовал, будто искры посыпались от нашего соприкосновения. В эту ночь я отдал ей с лихвой все то, что она оплатила.

Я любил ее и знал, что буду любить всегда, что бы она ни делала и ни говорила. Но всю ночь кто-то будто стоял у меня за спиной, наблюдая и шепча с издевкой мне в ухо:

— Прыгай, когда она прикажет, танцуй, когда она будет дергать за веревочки. Но помни, что-то ушло безвозвратно. Ты никогда этого не вернешь. Никогда! Никогда! Никогда!

Она еще спала, когда рассвет рассеял темноту комнаты. Как хороша она была во сне! Волосы, словно настоящее пламя, разметались по подушке. На губах играла полуулыбка, а лицо было таким безмятежным и счастливым. Я смотрел на нее и не мог оторвать глаз. Я любил ее, но исчезло, ушло что-то очень важное. И где-то в глубине души я знал, что скоро и я последую за ним. С той же непреложностью, с какой день следует за ночью.

Глава 13

Рождественские праздники — неторопливая, радостно-возбужденная неделя между Рождеством и Новым годом. Дети не ходили в школу; даже работающие мужчины и женщины пребывали в состоянии возбуждения и сдерживаемого веселья, с надеждой встречая год грядущий.

Большую часть недели я провел, сидя у окна, наблюдая, как люди спешат на работу и с работы, как играют дети во дворе. Дворники сгребали снег, почтальоны доставляли письма, молочники — молоко. А я все наблюдал и наблюдал жизнь через оконное стекло. Это занятие

разъедало душу. У меня перехватывало горло и начинало тошнить. Безделье действовало мне на нервы. Приближался конец. Я чувствовал это. И он наступил даже скорее, чем я предполагал.

Был канун Нового года, трубили рожки. У всех было приподнятое настроение, кроме меня. Не знаю, почему. Мне тоже хотелось светиться, как новогодняя елка, но чем больше я пил, тем меньше мне это удавалось. Мы встречали Новый год в ночном клубе недалеко от дома: Марианна со всеми своими друзьями и я. Я смотрел как бы со стороны, со снисхождением на глупое ребячество этих так называемых взрослых, упорно пытавшихся притвориться счастливыми, хотя страх переполнял их. Страх перед завтрашним днем. Я громко рассмеялся. Так вот что сидело во мне — страх перед будущим!

Марианна, улыбаясь, посмотрела на меня.

— Тебе весело, дорогой? — спросила она, думая, что я немного пьян. Я притянул ее к себе и поцеловал. Она была нежной и теплой, и я вдруг снова почувствовал себя сильным и могучим. Чего мне бояться?.. Я целовал ее шею и плечи.

— Фрэнк, — прошептала она со знакомой хрипотцой в голосе. — Не здесь, Фрэнк, только не здесь! — она обняла меня. Я отпустил ее и засмеялся. Она тоже смеялась. Мы хохотали до изнеможения, а потом перевели дыхание и посмотрели друг на друга, как будто слегка протрезвев. Ее глаза светились гордостью, как бы говоря:

«Он мой! Он принадлежит мне, а я ему. Я горжусь им так же, как он мною.»

Она нашла мою руку под столом и крепко ее сжала. Как будто электрический ток пробежал между нами. Мы понимали друг друга без слов.

Вечер продолжался. Свет потушили. Оркестр играл тихую приятную мелодию. Мы сидели, обнявшись, и целовались.

— Я люблю тебя, дорогой, — шептали ее губы.

— С Новым годом! — Я поцеловал ее в щеку, соленую от слез, и понял, что она догадалась, о чем я думал.

Марианна снова поцеловала меня, крепко прижав к себе.

— Не уходи, пожалуйста, дорогой, не уходи.

— Я должен, — прошептал я, — с этим ничего не поделаешь.

Снова зажегся свет, а мы все сидели, глядя друг на друга. Она была бледна, широко открытые глаза полны слез. В горле у меня застрял комок, и я не мог говорить. Только руки наши крепко переплелись.

Через несколько минут мы ушли и молча направились домой. Ночь была ясной, чистой, новой. Ярко горели миллионы звезд. Все было новым, даже воздух. Начался 1934 год.

Войдя в комнату, я снял пальто, бросив его на стул, подошел к стенному шкафу, взял саквояж и раскрыл его на кровати.

Она молча стала подавать мне вещи: рубашки и туфли, носки и галстуки, пижамы и костюмы. Я придавил крышку коленом и щелкнул замком. Потом выпрямился и посмотрел на нее. Голос мой слегка дрожал.

— До свидания... я надеюсь...

Она бросилась в мои объятия.

— Нет! Фрэнк, нет! Ты должен остаться! Ты нужен мне! — кричала она. Я впервые видел, чтобы она так плакала.

Я прижал ее к себе и прошептал:

— Милая, так будет лучше, поверь мне, намного лучше. Со временем мы начнем ненавидеть друг друга. Лучше сейчас, пока мы не озлобились.

— Но, дорогой, ты для меня — весь мир, вся моя жизнь, — поцеловала она меня. — И что ты будешь делать? У тебя нет ни работы, ничего. Как ты будешь жить? Я не могу себе представить, что ты вернешься к ничтожной работе. Здесь со мной ты в безопасности. Я могу ухаживать за тобой, защищать тебя. Я подарю тебе целый мир — все, что хочешь.

Я вспомнил вычитанную где-то фразу:

— Какая польза человеку, если, завоевав мир, он потеряет свою душу?

Она посмотрела на меня, как чужая, потом страстно поцеловала в губы.

— Попрощайся со мной нежно и ласково, — прошептала она, гася свет.

Я попрощался нежно, ласково и страстно, и время пронесло нас через все прожитые вместе годы и возвратило в маленькую квартирку в Гринвич Виллидж. Я

неуклюже стоял в дверях с саквояжем в руке, как нежданный гость после затянувшегося визита.

— Подожди минутку, — сказала она и принесла портрет Герро. — Возьми его с собой. В тебе есть что-то от него и от меня. А все вместе мы уже больше, чем просто люди. В тебе появилось что-то яркое, сияющее, чего не было раньше, до сегодняшней ночи. Я заметила это еще там, в клубе, и в тот же миг поняла, что потеряла тебя и не смогу удержать.

Она крепко поцеловала меня, и я вышел. За дверью слышались тихие всхлипывания. Я прошел через холл и вышел на улицу.

На небе все еще ярко светили звезды, но на востоке были видны первые признаки приближающегося рассвета. Наступал новый день. И я шел навстречу ему, думая о Марианне. У меня не было никаких планов на будущее. Ну что ж, время покажет.

Глава 14

Пройдя несколько кварталов, я вдруг увидел, что все еще держу портрет Герро в руке, и положил его в карман. Я проголодался и очень устал, так как не спал всю ночь. Заметив огни ночного кафетерия на углу, я вошел, выпил кофе с гренками и обдумал план дальнейших действий. Сначала я решил пойти в гостиницу и выспаться, а завтра отправиться на поиски работы. На этот раз я был уверен, что мне повезет. Утро было свежим и ясным, и я направился к ближайшей станции метро. Улицы были почти пусты, так как в первый день Нового года многие не работали. Впереди меня шел какой-то мужчина. Я не обратил на него особого внимания.

Вдруг он нырнул в дверной проем одного из подъездов. Я пошел было дальше и только тут заметил автомобиль, медленно движущийся мне навстречу. Он ехал очень медленно, поэтому-то я и приметил его. Когда машина поравнялась с подъездом, в котором исчез мужчина, послышалось короткое стаккато ружейного выстрела. После чего машина резко набрала скорость и скрылась из вида.

Я со всех ног бросился в подъезд. Тяжело ступая, мужчина вышел мне навстречу, и я едва успел подхватить его, бросив свой саквояж. Секунду мы смотрели друг на друга. Он узнал меня.

— Фрэнки! — прохрипел он. — Помоги!

Кровь струйками стекала из уголков его рта. С минуту я ничего не соображал, глупо уставившись на его белеющее лицо. Произошедшее вернуло меня к событиям десятилетней давности. Снова Силк Феннелли забрызгал кровью мою рубашку. И опять, как тогда, я стоял, парализованный страхом. Через десять лет все повторилось.

Только на этот раз я не убежал, а доставил его в Беллевью. Бросив свой саквояж на тротуаре, я поймал кэб и повез его в больницу. Пристроив его, я тут же скрылся. Мне ни к чему были вопросы полицейских. На улице я закурил и только тут вспомнил про свой саквояж. Вернувшись, я, конечно же, не обнаружил его там, где оставил, и ухмыльнулся сам себе. Глупо было надеяться найти его.

Внезапно я почувствовал, что страшно устал. Я пошел в гостиницу, снял номер и завалился спать. Когда я проснулся, был уже вечер. Сев на кровати, я пересчитал деньги. У меня оставалось еще около десяти долларов. Я заключил, что этого должно хватить мне, пока я что-нибудь найду подходящее.

Спустившись вниз, я перекусил, просмотрел вечерние газеты, а потом снова отправился наверх спать.

Но как я ни старался, я так и не смог заснуть, а только ворочался в постели. Всякие мысли лезли мне в голову.

В конце концов я встал, натянул брюки и сел у окна курить.

Десять лет! Удивительно. Феннелли не очень изменился, не в пример мне. И как только он сразу узнал меня? Может, просто была та же ситуация. Не знаю. Впервые за многие годы я вспомнил о своих друзьях: Джерри, Марти и Джанет. Интересно, чем они занимаются и где они сейчас.

Я вспомнил завтрак с родственниками: запах теплых плюшек, которые я только что принес из булочной, и улыбку тети. Затем еще школу и хохочущих детей. Я

вспомнил множество всякой всячины и сразу почувствовал себя старым и очень уставшим.

Я снова лег и вытянулся на постели, но заснуть не смог, ворочался и думал о Марианне, о том, что она всегда чувствовала, когда мне не спалось, и перебиралась ко мне на кровать, ложилась рядом, и мы долго разговаривали. Я ощущал тепло ее тела, успокаивался и начинал расслабляться, а она засыпала и нечаянно перебрасывала через меня свою длинную, белую ногу, и тогда я тоже начинал погружаться в сон.

Но Марианны здесь не было, и я не мог заснуть. Я видел ее, стоящую в дверях и прощающуюся со мной, слышал ее голос, низкий, с хрипотцой. Что она такое сказала? Я пытался вспомнить. И я услышал ее голос, и увидел ее, на пороге:

«В тебе есть что-то от Герро, а что-то от меня, и от всех людей, которых ты знал. Но больше всего — тебя самого...»

Но что такое я сам? Я никогда не пытался заглянуть в себя. Себя я знал меньше, чем кого-либо из окружавших меня людей. К чему я стремился? Почему послушно плыл по течению, даже не пытаясь разобраться в себе? Чего я хотел? Денег? Любви? Друзей? Уважения? Тщетно пытался я найти ответ. Я много читал, пока жил с Марианной. У нее была куча книг, и я проглотил их все — плохие и хорошие, но ответа в них не нашел. Что обо мне думали люди? Что им нравилось во мне, и почему они принимали меня в свои дома и сердца, если я так мало давал взамен?

Я страшно скучал по Марианне. День я проспал, потому что очень устал. Но теперь, ночью, меня вдруг охватило новое, особое чувство одиночества. Меня так и подмывало подойти к телефону, набрать ее номер и услышать низкий, нежный голос:

— Алло, это ты, дорогой?

«Привет, дорогая!..» Но я не мог этого сделать. Назад дороги нет. Это я усвоил давно. Никогда нельзя поворачивать обратно. Никогда. Наконец я уснул. Марианна, Марианна, даже во сне я думал только о тебе! Ночь моя была согрета твоим теплом. Отпустишь ли ты меня когда-нибудь?

Я проснулся. Солнце светило мне прямо в лицо. И я прикрыл глаза рукой, как бы не желая вставать и оку-

наться в окружающую меня действительность. Но мало-помалу я пришел в себя. Жизнь снова вселилась в мое тело и мозг. Мысли становились все яснее и отчетливее. Наступило завтра. Это твой день. Вставай! Ты должен встретить его достойно.

Я принял душ, оделся и вышел. Ключ от номера я оставил, эта гостиница мне не по карману. Два доллара в день! Мне снова придется поселиться в отеле «Миллз». Это как раз для меня.

Я купил утреннюю «Таймс» и просмотрел колонку с объявлениями. Я еще не знал, что именно я хочу, но все равно ничего подходящего не было. Потом я отправился на 6-ю авеню в агентства, но и там потерпел неудачу. Однако я не отчаивался. Я был уверен, что найду работу. Ведь это было *мое* завтра.

Но и два месяца спустя это завтра оставалось тем же самым, и я уже начал сомневаться, мое ли это завтра. И придет ли вообще то завтра, которое я сам себе обещал.

Было начало марта, но все еще было очень холодно. Мое новое солидное теплое пальто давно ушло туда же, куда и часы, и все остальное, что я смог сбыть. Неделями я не ел ничего существенного, а только стоял во всевозможных очередях — за хлебом, за супом, за работой, — но так ни дня и не работал.

Прошлую ночь я спал в подъезде. Утром меня, продрогшего, промокшего, дрожащего и несчастного, выгнал уборщик. До сих пор в ушах звенели его сердитые, громкие угрозы, которые он обрушил на меня, и его гортанный голос с иностранным акцентом. Он стоял передо мной, размахивая щеткой, и орал:

— Ты, бродяга, пошел прочь!

Я, как вор, выскользнул на улицу. А украл-то я всего одну ночь отдыха и покоя.

Мне было холодно. Страшно хотелось есть. По привычке я полез в карман за сигаретами, хотя их у меня давно уже не было. Я побрел вдоль кромки тротуара, надеясь стрельнуть у кого-нибудь сигарету. Наконец, я увидел мужчину. Выглядел он довольно прилично. Поравнявшись со мной, он прошел мимо. А я неподвижно стоял на месте, как пригвожденный, досадуя на самого себя. Почему я не попросил сигарету? Что здесь такого? Нужно было только жалобным голосом произнести:

«Мистер?..» Остальное было ясно и так. Но я не мог заставить себя сделать это. Внутри у меня был какой-то тормоз. Мужчина повернул за угол, а я пошел дальше.

— Дурак! Дурак! Дурак! — повторял я. — И когда ты только научишься. Ты такой же, как все. Проси, умоляй, унижайся. Вот что надо делать, чтобы выжить. Вернись к Марианне. Она примет тебя. Тебе снова будет хорошо и удобно, тепло и сытно рядом с такой женщиной. Боже, но кем ты будешь для нее, после всего, что произошло! — Я рассмеялся. — Что бы ты предпочел, женщину или бифштекс? — Я снова засмеялся. У меня слюнки побежали, когда я представил себе бифштекс и ощутил его запах и даже вкус.

И вот я снова оказался у ее дверей и позвонил. Интересно, что я ей скажу.

«Марианна, я голоден, устал и продрог. Разреши мне войти. Пожалуйста, прими меня обратно. Я больше не уйду — никогда. Пожалуйста».

А что, если она скажет: «Нет! Уходи!» Нет, она так не скажет. Она была моя. Разве она этого не говорила?

Прошла целая вечность, пока дверь, наконец, открылась.

— Нет, мисс Ренуар здесь больше не живет. Она уехала домой на Гаити в прошлом месяце. Извините.

Дверь закрылась. Я постоял и пошел прочь, пересек улицу и двинулся в сторону центра. И вдруг ощутил себя высоким-высоким. Было смешно от того, что я мог заглядывать в окна второго этажа и удивлять людей. Голова поплыла по воздуху, прорезая облака. А они были такими сырыми и темными, что ничего не было видно. Это продолжалось всего несколько минут, а потом я споткнулся и начал падать. И снова была ночь — канун Нового года — и я был уверенным и сильным, и миллионы звезд светили мне. Вот оно, завтра — мое завтра.

Глава 15

Меня положили на кровать в длинной серой комнате, где было еще около сорока кроватей. Вечером, когда доктор делал обход, он подошел ко мне. С ним была сестра. Он стоял около кровати и смотрел на меня сверху вниз.

— Как вы себя сейчас чувствуете? — спросил он.

— Лучше.

— Голодание — неважное занятие, — попытался пошутить он, потом повернулся к сестре. — Зарегистрируйте, мы подержим его день-два. — Он снова повернулся ко мне. — Отдохните немного. Есть ли какие-нибудь просьбы?

— Мне бы покурить? — спросил я нерешительно, испугавшись, что попросил о невозможном.

Он выудил из кармана начатую пачку «Кэмела» и бросил на кровать вместе со спичками.

— Возьмите. Но не попадайтесь сестре и не устройте пожара. Хотя, — он выразительно передернул плечами, оглядевшись вокруг, — давно пора спалить это убожество.

Он отправился дальше в сопровождении сестры. Славный парень. Жаль, что я не догадался поблагодарить его за курево. Еле дождавшись, когда они выйдут из палаты, я сразу же зажег сигарету и откинулся на подушку, смакуя.

«Да, сигареты из пачки куда ароматнее тех, что стреляешь на улице», — промелькнуло у меня в голове.

Сигарета догорела, я положил окурок в тарелку, что стояла на прикроватной тумбочке, и снова лег на спину. Удивительно, как хорошо себя чувствует человек с полным желудком, на мягкой кровати, ощущающий чуть едковатый дымок, щекочущий ноздри. Я прикрыл глаза от удовольствия.

Вдруг над ухом раздался нежный голос.

— Вы не спите?

Я открыл глаза. Возле кровати сидела девушка с блокнотом и карандашом в руках.

— Нет, — ответил я.

— Меня зовут мисс Кэбелл, я не хотела вас беспокоить, но нам нужно заполнить кое-какие бланки.

— Ничего страшного. Давайте.

На ней был коричневый в крапинку костюм строгого покроя, белая блузка и большие очки в роговой оправе.

— Ваше имя, пожалуйста? — спросила она и добавила, как бы извиняясь, — в вашей одежде не было никаких документов.

— Кейн, — ответил я, все еще пытаясь вспомнить ее, — Фрэнсис Кейн.

Она записала мое имя. — Адрес, пожалуйста?

— А вот адреса у меня нет.

— У вас нет домашнего адреса?

— Нет. Пусть будет просто Нью-Йорк. — Я начал раздражаться. Я знал эту девушку, но никак не мог вспомнить, откуда.

— Возраст? — спросила она, не поднимая глаз от блокнота.

— Двадцать три.

— Извините, я имела в виду дату рождения.

— 21 июня 1912 года.

Она продолжала дальше уже почти про себя.

— Пол — мужской, европеец, глаза — карие, волосы черные с проседью. — Она немного помедлила. — Вы слишком молоды для седых волос.

— Я слишком много пережил, — ответил я резко.

— О, извините, я не хотела вас обидеть.

— Ничего, забудьте об этом.

Она продолжала.

— Ваш рост?

— Пять футов, девять дюймов.

— Вес?

— Сто сорок, когда я взвешивался в последний раз.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Я узнал эту улыбку. Марти? Теперь я вспомнил — это была она. Марти и Руфь Кэбелл. Я надеялся, что она не узнала меня. Я не хотел, чтобы кто-нибудь видел меня таким.

— Это, наверное, было очень давно. Давайте напишем сто пятнадцать.

— Как вам угодно, — ответил я, стараясь скрыть волнение, охватившее меня.

— Где вы работаете?

— Нигде. Я безработный.

— А какую работу вы можете делать?

— Любую, я могу выполнять любую работу, на какую только устроюсь.

— Где вы родились?

— В Нью-Йорке.

— Средняя школа или какое-то специальное образование?

Я чуть было не попался. Если бы я сказал, что окончил среднюю школу имени Вашингтона, она бы тут же меня вычислила.

— Нет, — ответил я.

— Точно? — переспросила она. Я заметил, что она не записала это. Глаза ее недоверчиво блеснули. Она встала, отступила на шаг и взглянула мне прямо в глаза. Я смотрел в сторону.

— Фрэнсис Кейн, Фрэнсис Кейн. Фрэнки, неужели ты не помнишь? Я Руфь, сестра Марти.

«Не помню? Да разве я мог забыть?» — пронеслось в голове.

— Извините, мисс, вы с кем-то спутали меня, — ответил я с каменным, непроницаемым лицом.

— Ничего подобного, — сказала она сердито. Теперь она еще больше напоминала ту Руфь, которую я знал. — Вы Фрэнсис Кейн, не так ли?

— Да, — согласился я.

— Значит, я права. — Она сняла очки. — Послушайте, вы ходили в школу Вашингтона вместе с моим братом. Вы воспитывались в приюте Святой Терезы. Вы должны помнить.

— Извините. Вы ошибаетесь. Я не был ни в одном из этих мест. И я не знаю вашего брата.

— Но вас же зовут Фрэнсис Кейн. Вы должны помнить, — настаивала она.

— Мисс, — сказал я смиренно, — имя еще ни о чем не говорит.

Я попробовал другую тактику.

— А как выглядел тот парень? Надеюсь, он не очень был похож на меня?

Она посмотрела на меня, не находя, что ответить на это. В голос ее закралось сомнение.

— Нет, не очень, но это было восемь лет назад.

— Вот видите! — воспрянул я.

— Нет. Ничего не вижу. Вы, должно быть, забыли. Вы были больны. И могли забыть. Такое случается.

— Человек не забывает своих друзей, как бы давно он их ни видел.

Она снова села.

— Но, возможно, у вас частичная... — она не решалась произнести это слово.

— Амнезия, — помог я ей и засмеялся. — Нет, не думаю.

— Я не могла ошибиться. Помните Джулию? Она работала у нас. Вы давали моему брату уроки бокса. А Джерри Коуэн? Джанет Линделл. Ваши тетя и дядя,

Берта и Моррис Каин? Неужели и эти имена ничего не говорят вам?

Я отрицательно покачал головой и закрыл глаза. В этих именах для меня был целый мир — мир совершенства и любви. Я снова открыл глаза.

— Нет, я никогда не слышал их прежде, — и опустил голову на подушку.

Она заботливо наклонилась ко мне.

— Устали? Я, наверное, огорчила вас. Вы побледнели, извините, я не хотела вас огорчать. Я хочу помочь. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить. Вспомните Джулию и Джанет. Я немного ревновала вас к ним, да и ко всем, кто вас любил. Не знаю, почему все вас любили. И я тоже очень любила вас, даже больше, чем могла себе тогда представить. Я постоянно дразнила и обзывала вас. А однажды вы поцеловали меня в школьном вестибюле и сказали, что мы будем друзьями. Помните?

Она слегка повернула голову и продолжала.

— Когда вы поцеловали меня, я вдруг поняла, что я чувствовала к вам всегда, и мне стало так стыдно за все гадости, что я вам делала. Вы должны помнить. Вы не могли забыть.

Я усмехнулся и с иронией заметил:

— Если бы я когда-нибудь поцеловал вас, я бы не забыл этого никогда.

Щеки ее покраснели от смущения. Моя ироничность привела ее в замешательство. Но она скоро взяла себя в руки, повернулась ко мне и сказала холодно:

— Извините. Я, должно быть, ошиблась. Я не хотела обидеть вас. Просто пыталась помочь.

— Я знаю, — ответил я тихо, — и ценю это. Мне даже немного жаль, что я не тот парень, которого вы ищете.

Она встала и сказала спокойно:

— Вы тоже можете ошибаться. Завтра я приведу сюда своего брата и еще Джерри Коуэна. Уж они-то не обознаются.

— Это бесполезно, — упорствовал я, прекрасно понимая, что они тотчас меня узнают, как бы я ни изменился за эти годы.

— Мой брат сейчас работает интерном в больнице в центре города. Он не сможет приехать раньше полудня,

но посмотрим. Я надеюсь, что вы именно тот человек. Нам многое надо сказать вам.

Я чуть было не выдал себя; так хотелось узнать о своих родственниках. Вопросы роились у меня в голове.

— Как вам угодно, леди, — ответил я устало, — но уверяю вас, это ничего не даст.

На миг в ее глазах промелькнуло разочарование, но тут же исчезло.

— Возможно. Спокойной ночи. — Она повернулась и пошла. А я молча наблюдал, как она шла через всю палату к двери. Потом дрожащими пальцами схватил сигарету и закурил. Мысли роились в голове. Завтра днем! Значит, мне надо убраться отсюда утром. Я не смогу притворяться перед ними. Я решил хорошо позавтракать и уйти. Никто не имел права держать меня здесь. Я не преступник.

Откинувшись на подушку, я размышлял о том, почему я не мог найти работу; все у меня шло кувырком. Возможно, я не имел ясной цели и хватался за все подряд. На сей раз я должен четко определить цель и действовать наверняка. Должно же быть что-то надежное и прочное. Я перебирал в мыслях варианты, один необычнее другого, но так ничего и не придумал. Я осмотрелся вокруг. В дальнем конце палаты у двери висела табличка «Палата 22. Больница Беллевью.» И тут меня осенило. Как же раньше я об этом не подумал! Теперь я знал, что мне делать. Загасив сигарету, я уснул.

Итак, я стоял на улице у перекрестка и смотрел на часы в витрине напротив. Было одиннадцать часов. «Еле унес ноги», — подумал я. Конечно, врача было уговорить нелегко, но что он мог поделать, если я утверждал, что здоров? Взглянув на меня с сомнением, он промолвил:

— Вам следовало бы полежать здесь несколько дней. Вам нужен отдых.

— Но, доктор, — убеждал я, — мне намного лучше. Кроме того, у меня есть друзья, которые позаботятся обо мне. Все будет в порядке.

— Хорошо, если так. Мы не можем удерживать вас силой, но имейте в виду, вы гораздо слабее, чем вы

думаете. Когда вы будете у друзей, постарайтесь вылежать пару дней.

— Не беспокойтесь, доктор, — заверил я его. — Большое спасибо, — и протянул ему руку.

Он с удивлением посмотрел на нее прежде, чем пожать. Сестра принесла одежду. Я быстро оделся и ушел.

Я еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали одиннадцать. Теперь я знал, что мне делать. И я пошел прочь из центра. Сегодня же я должен найти Силка Феннелли. Он должен помнить, что я для него сделал. Возможно, я даже спас ему жизнь, вовремя доставив в больницу. Сегодняшний день все определит. Раз уж мне суждено вернуться, я пройду весь путь, к самому началу.

Силк не отвернется от меня.

ИНТЕРЛЮДИЯ
Фрэнсис

Джерри подошел к серванту и сделал себе коктейль. Подняв стакан, он посмотрел его на просвет. То, что надо: чистейшее шотландское виски и немного содовой. Он повернулся к Марти.

— Потерянные годы, — сказал он тихо. — То, как ты сказал это, заставило меня подвести итоги происшедшего от его побега до нашей следующей встречи. Фрэнки тоже рос. Может быть, не в том смысле, что мы, а как-то по-своему. Вероятно, что-то произошло с ним в то время, что заставило его вернуться на путь, который он считал единственно верным для себя. Не знаю, что это было. Наверное, никто теперь не узнает. Он делал слабые попытки вернуться в нашу жизнь. Как ни странно, все началось тогда, когда меня назначили заместителем прокурора округа. Это было в апреле 1936 года. Полиция охотилась за бандой, орудовавшей в одном из отелей в центре города. Ходили слухи, что в нее входили несколько известных мошенников. Мы обшарили все углы, но так ничего и не узнали, пока один из наших парней не раскопал странную историю о человеке, работавшем на Феннелли. Прежде никто о нем не слышал. По словам агента, за два-три года он прошел путь от букмекера до одного из главарей организации. Парень по имени Фрэнк Кейн. Тогда я был занят другим делом в суде и выпустил его из виду, но спустя несколько лет наткнулся на него, перебирая архив.

Ребята сидели кружком и играли в покер. Вдруг дверь открылась, и вошел какой-то мужчина. Они на минуту

оторвались от игры и удивленно взглянули на незнакомца. Трудно было угадать его возраст. Худой, лицо изможденное, без пальто, хотя на улице еще стояли холода. Выглядел он моложаво, несмотря на усталые глаза и седые волосы. Глаза карие, почти черные, но какие-то невыразительные и потухшие, рот небольшой, и говорил он сквозь тонкие, сжатые губы. Это был странный голос — старческий и усталый; лицо было невыразительное и казалось безжизненным.

Он стоял в дверях, не мигая уставившись на них.

— Где Феннелли? — спросил он.

Пигги Лоренс, слывший остряком и шутником, встал со своего места и подошел к незнакомцу.

— Испарись, сопляк. Феннелли не подает милостыню.

Незнакомец спокойно закрыл за собой дверь, прошел в комнату и встал перед Пигги. Руки его свободно висели по бокам, лицо было невозмутимым, голос — спокойным, ровным, уверенным и тихим. Не отрывая взгляда от Пигги, он небрежно бросил:

— Я не нуждаюсь в советах мелкой прислуги.

Пигги побагровел, сделал шаг ему навстречу и посмотрел в глаза. Он не был трусом, но взгляд незнакомца ему явно не понравился. Однако идти на попятную было уже поздно. Он сделал еще шаг.

Парни с интересом наблюдали за этим спектаклем, надеясь, что их незваный гость струсит и смоется.

Пигги полез было угрожающе в карман, но вдруг замер, услышав голос незнакомца.

— Еще одно движение и я убью тебя, — произнес мужчина ледяным тоном. Руки его все так же свободно висели вдоль туловища, но губы скривились в зловещей улыбке, а глаза метнули молнии.

— Сядь, Пигги. — Силк Феннелли стоял в дверях задней комнаты.

Пигги вернулся на свое место и неуклюже сел.

Незнакомец и Феннелли уставились друг на друга. На какое-то мгновение в комнате воцарилась мертвая тишина, но ее тут же прервали решительные шаги незнакомца, пересекающего комнату.

— Я пришел за работой, которую ты мне обещал, — заявил он, останавливаясь перед Феннелли.

Взглянув на него оценивающе, тот посторонился, жестом приглашая войти.

Незнакомец переступил порог комнаты, и Феннелли последовал за ним.

— Ты чертовски долго шел ко мне, — услышали парни голос Феннелли. Потом они продолжили игру.

Джерри сделал еще глоток виски из своего бокала.

— Агент говорил, что этот человек организовал в городе единую систему игорного бизнеса, решив положить конец постоянным стычкам и войнам между группировками, привлекавшими к себе общественное внимание. Одно время между ними разгорелась настоящая битва, подогреваемая газетчиками, обрушившимися на департамент с требованием положить ей конец.

У Кейна все было отлично продумано. Он намеревался создать картель — организацию, которая объединила бы все группировки и четко разграничила бы их сферы влияния. Для этого он созвал «отцов города» на собрание.

Если бы Феннелли только мог предположить, что из этого выйдет, он никогда не взял бы Фрэнка на работу. Фрэнк не долго был сборщиком ставок. У него обнаружились отличные организаторские способности. Очень скоро он заставил работать на себя других и делил с ними комиссионные. Тогда Силк принял его в свою команду и назначил главным над всеми букмекерами. Для остальных Фрэнк оставался незнакомцем, и только Феннелли знал, кто он и откуда, но держал язык за зубами.

Фрэнк сидел за столом справа от Феннелли. На собрании были представители почти всех районов города: Мэдиген и Московиц из Бронкса, Лигерро из Южного Бруклина, Краун по кличке Толстяк из Браунсвилла, Черный Великан Карвелл из Гарлема, Шутц из Йорквилла, Тэйлор из Ричмонда, Дженсен из Куинса, Риордан из Стэйтен Исланд, Энтони из Гринвич Виллидж и Келли с Вашингтонских холмов.

Встреча проходила в номере гостиницы и напоминала совещание директоров одной из крупных компаний. На столе перед каждым из участников лежали блокнот и карандаш, а также сигареты, сигары и пепельница.

Когда Феннелли поднялся, чтобы произнести речь, было около двух часов дня; солнце ярко светило в окна.

— Все вы знаете, для чего вас сюда пригласили. Ходят слухи, что губернатор собирается назначить особого прокурора, чтобы очистить город. Если это случится, чего никак нельзя допустить, мы пропали.

У него был низкий, приятный, хорошо поставленный голос. Речь проста и понятна. Он был одним из группы бизнесменов, ведущим переговоры с остальными в надежде, что его поймут и выразят желание спасти, защитить общее дело. Он не намекал на то, что собирается стать главной фигурой. Когда Фрэнк впервые предложил эту идею Феннелли, тот рассмеялся. Однако скоро убедился в ее правильности и теперь, в момент наивысшего негодования общественности, когда убили двух его людей, решил действовать.

— Согласно нашему плану мы сможем обойтись без вмешательства полиции. Все наши трения будут рассматриваться специальным уполномоченным представителем.

Ему нравилось даже звучание этого слова. Он сразу представлял себе судью Лэндиса, и как хорошо проходили игры по бейсболу без постороннего вмешательства. Не будет больше стрельбы, огласки и давления со стороны общественности.

— Это выгодно нам всем. И чем скорее мы объединимся, тем лучше. Мы — представители большого бизнеса, одного из крупнейших в стране. И если что-то угрожает интересам нашего бизнеса, мы должны быть готовы защитить его. И все, что я предлагаю — способ сохранить наши капиталовложения.

Он сел. Первым задал вопрос Мэдиген.

— Все это кажется заманчивым, но кто заставит каждого придерживаться своей территории?

— Специальный уполномоченный, — ответил Феннелли.

— Каким образом? — продолжал Мэдиген.

— Путем переговоров с заинтересованными сторонами.

— А если это не сработает?

— Уберем! — заявил Силк.

— Вот мы и вернулись туда, откуда начали, — с победоносным видом подвел итог Мэдиген.

Феннелли был в замешательстве. Он не подумал об этом. Зато Кейн продумал все до мелочей. Он быстро встал.

— Это как раз то, чего мы хотим избежать, — сказал он, — и мы можем достичь этого путем соглашения. Моя идея, — заявил он, явно беря инициативу в свои руки, — такова: вы назначаете специального уполномоченного. Он разворачивает деятельность учреждения, которое становится мозгом бизнеса и основывает биржу для контроля за ценами и распределением прибылей, а также предотвращения увольнений. Это будет ваш человек и работать он будет исключительно на вас.

— И кто же им станет?

Феннелли расслабился. Конечно же Фрэнк предложит его. Кого же еще.

— Я, — сказал Кейн решительно.

— Ты? — заорал Феннелли, подскочив, как ужаленный. — Да кто ты такой в конце концов!

Кейн спокойно выдержал его взгляд.

«Вот вам и первое надувательство! — подумал Московиц. — Ни к чему хорошему все это не приведет.»

Он порядком устал и хотел бы отойти от дел и уехать далеко-далеко, но если бы вместо опасной игры и контригры воцарились мир и покой, можно было бы и потерпеть.

— Я именно тот, кто вам нужен, — уверенно продолжал Кейн. — Я — единственный здесь, кому некого защищать. Я никому из вас ничего не должен. И мне не будет никакой выгоды от того, что у кого-то дела идут лучше или хуже. Кроме того, никто из вас не поддержит ни одну другую кандидатуру. Поэтому выбор должен пасть именно на меня.

Феннелли поостыл.

«Боже, а ведь парень прав! — подумал он. — Я не смогу доверять никому из них, также как и они мне. Кроме того, я смогу контролировать его, а больше мне ничего и не надо».

— Хорошо, — сказал он, глядя на Кейна, — я понял, что ты имеешь в виду.

Кейн опустил глаза. Он сгорал от возбуждения, но ничем не выдал себя.

«Вот оно!» — стучало у него в голове.

— Есть возражения? — спросил он, обводя взглядом собрание.

— Во сколько это нам обойдется? — поинтересовался Энтони.

— Это будет зависеть от размаха вашего дела, — ответил Кейн. — Начальная сумма составит от пяти до двадцати пяти сотен в неделю. Здесь у меня для каждого из вас заготовлен конверт, в котором указана сумма. Все конверты подписаны. Можете обсудить, если хотите. Вам решать свою дальнейшую судьбу. Будете ли вы работать в одиночку или сообща. Все зависит от масштабов вашего бизнеса. — Он вытащил пачку конвертов из внутреннего кармана пиджака и раздал всем сидящим за столом.

Мужчины с нетерпением вскрыли конверты и ознакомились с их содержимым.

«Два куска в неделю, — подумал Московиц. — Не так уж и много.»

— Слишком жирно, — огрызнулся Краун. — Отвалить такую сумму. Нет, мне это не нравится. Нашли дурака! Никто не посмеет мне указывать, что можно, а что нет! — Он бросил злобный взгляд на Лигерро. Все знали об их давней вражде.

— И во сколько же ты оцениваешь свой капитал? — обратился к нему Кейн. — Перед каждым из вас лежат блокнот и карандаш. Напишите только да или нет и поставьте подпись, потом посмотрим, что делать дальше.

Расписавшись, все передали листки Кейну. Он очень внимательно их просмотрел, затем поднял голову и обратился прямо к Крауну.

— Против только ты. Советую хорошо подумать.

Тот вызывающе потряс головой.

— Не пройдет. Никто не собирается...

Кейн прервал его.

— Ну что же, раз так — твое дело. Но и мы не собираемся отказываться от стоящего дела из-за одного дурака. — Он сказал это почти ласково. — Можешь быть свободен.

Краун обвел угрожающим взглядом всех сидящих за столом.

— Я ухожу, но предупреждаю всех: держитесь подальше от моей территории. Все! — Он, скрипя зубами, рванулся к двери и вышел. Все взоры обратились к Кейну в ожидании развязки. Многое зависело от того, как поведет он себя в этой ситуации.

Однако ни один мускул не дрогнул на его лице. Кейн спокойно подошел к телефону и набрал номер. Ему ответили.

— Толстяк ушел с собрания, — тихо сказал он и повесил трубку. Затем вернулся к столу и сел.

— Итак, все мы теперь связаны общим делом. В первую очередь необходимо определить штаб-квартиру. Есть на примете одно местечко в Джерси-Сити.

«Черт побери, — подумал Феннелли с досадой, когда Кейн объяснял в деталях свой план. — Да у этого сукина сына все уже на мази!» — Однако он не мог сдержать чувства невольного восхищения.

— Никто не мог поверить рассказу агента, — сказал Джерри, пристально глядя в лицо Марти в надежде прочитать на нем удивление. Но это было бесстрастное лицо врача, внимательно выслушивающего историю болезни пациента. Только собрав все факты, он мог поставить диагноз.

«Смешно, — заявили в полиции, — чтобы Толстяк Краун был уничтожен организацией крупнейших воротил города.» — Они всеми силами пытались обвинить Тони Лигерро, но не могли ничего доказать.

После убийства Толстяка Крауна в городе стало спокойно. Прекратились побоища между бандами, и общественное внимание было обращено на решение других проблем. Необходимость в специальном прокуроре отпала.

В то время Фрэнк продолжал строить и укреплять свою империю. Поначалу он обосновался в двухкомнатной конторке в одном из зданий в Джерси-Сити. На двери висела табличка: «Фрэнк Кейн, предприниматель». Но постепенно предприятие росло. Его ответвления протянулись по всей стране, в Чикаго, Сент-Луис, Сан-Франциско, Новый Орлеан; с севера на юг и с запада

на восток, покрывая сетью всю страну. Игорный бизнес стал самым крупным и прибыльным в стране.

К концу 1940 года двухкомнатная контора превратилась в пятьдесят комнат на четырех этажах и обслуживалась двумя сотнями человек, включая бухгалтеров, секретарей и клерков. Коммутатор с девятью операторами был напрямую связан со всеми центрами страны. Это было большое дело даже по американским меркам.

Здесь были главные руководители, младшие и старшие исполнители. Был также солидный, высокопрофессиональный юридический отдел, возглавлявшийся одним из лучших юристов страны. Далее — отдел общественных отношений, контролирующий соблюдение общественных интересов при заключении сделок. Это кажется нелепым, невероятным, однако столь нелегальный бизнес считался с общественным мнением и следил, чтобы газеты печатали сообщения обо всех убийствах в городе во время драк или азартных игр. Имелись свои спортивные обозреватели, освещавшие все спортивные новости. Не забывали и о юморе.

И во главе всего этого стоял Фрэнк Кейн. Под его руководством организация «Фрэнк Кейн Энтерпрайс» все более расширялась и процветала. Она включала также отдел, оснащенный мини-тотализаторами, дублирующими все главные тотализаторы страны, которые ежеминутно показывали размеры ставок.

Но самым удивительным было то, что лишь немногие люди за пределами организации знали о ее существовании, и еще меньше о самом Фрэнке Кейне до тех пор, пока однажды газеты не выплеснули поток информации. После интервью, данного губернатором и мэром, в печати появилось следующее сообщение:

> «Город и штат Нью-Йорк, а возможно, и вся страна находятся в опасности попасть под власть одного человека, возглавляющего игорный бизнес. Теперь он оказывает жизненно важное влияние на все наше экономическое благосостояние, независимо от того, играем мы или нет. Многие наши сограждане обречены на экономическое рабство, став должниками крупных и мелких ростовщиков

и букмекеров. Причем суммы, которыми оперирует его империя, трудно себе представить.

Его бизнес повлек за собой коррупцию, какой еще не было в истории. Он ворочает миллионами, он подкупил или пытался подкупить крупных и мелких государственных должностных лиц. Он сумел так организовать свою гнусную деятельность, что ему не приходится грозить убийством своим противникам. Он изобрел другое оружие — угрозу экономического банкротства тех, кто осмеливается противостоять ему.

Мы должны обуздать его. В ближайшие дни губернатор объявит о назначении специального прокурора, единственной функцией которого будет арестовать этого человека и отправить за решетку, как он того заслуживает.

ЕГО ИМЯ — ФРЭНК КЕЙН».

Газеты подняли страшную шумиху. Они давно предчувствовали большой скандал, однако он застал их врасплох. Все неистово бросились на поиски фотографий Фрэнка Кейна, но так и не могли ничего найти. Его описывали по-разному: высокий, низкий, полный, худой и так далее. Для всех он был привидением, призраком, именем без плоти. Его никогда не арестовывали, не брали отпечатков пальцев и не могли описать его примет. У всех на устах был вопрос: кто этот Фрэнк Кейн, где он находится?

А Фрэнк был в Чикаго, когда вся эта история потрясла Нью-Йорк. Он поехал туда один на пару дней, неизвестно по каким причинам. Не было ни женщины, ни какого-либо другого дела, которое заставило бы человека на два дня отправиться в другой город, проехав при этом почти полстраны. Не знаю, был ли он в курсе того, что произошло в Нью-Йорке после его отъезда, но думаю, что да. Как бы там ни было, он беспечно сел в поезд, занял место в пульмановском вагоне и открыл первую страницу «Чикаго Трибьюн». И тут-то я снова вошел в его жизнь — или, скорее, он — в мою.

В самом низу страницы, рядом с сообщением о случайной смерти железнодорожного агента, была напечатана маленькая заметка.

«Нью-Йорк.
9 сентября 1940 года.

Джером Х. Коуэн, сын бывшего мэра Нью-Йорка А. Х. Коуэна, назначен губернатором на пост специального прокурора Нью-Йорка. Задачей мистера Коуэна станет разоблачение Фрэнка Кейна, названного губернатором Нью-Йорка главной фигурой игорного рэкета».

Да, охота за Фрэнком стала моей профессией. Смешно, конечно, но это был мой счастливый случай: поставить друга к стенке и позволить невеждам расправиться с ним.

Я не хотел браться за это дело. Но мой отец, добившийся для меня этой должности благодаря своим связям, настаивал:

— Это твой шанс. К черту дружбу. Вряд ли еще когда-нибудь представится такая возможность.

Поэтому я согласился. Конечно, я свалял дурака, но разве я мог предположить, что из этого выйдет. Первым делом надо было доставить Фрэнка на допрос. Ты знаешь, чем это кончилось. Он прочно обосновался на противоположном берегу реки в Джерси и показывал нам нос. После трех недель интенсивных поисков мы ничего не добились, и я бесился от злости. Газеты обрушились на меня. Они считали, что я получил готовенькое дельце, и от меня требовалось лишь передать его в суд. Но они здорово ошибались. У меня не было никаких зацепок даже через три недели.

Я решил встретиться и поговорить с ним. И вот однажды я поставил перед собой телефон, который не был соединен с коммутатором, и набрал номер Фрэнка Кейна. Раз уж я не мог заполучить его, то по крайней мере я намеревался убедить его в безвыходности положения и необходимости скрыться, пока не поздно. Как-никак я считал его своим другом.

— Фрэнк Кейн Энтерпрайс, — услышал я голос в трубке.

— Мистера Кейна, пожалуйста, — попросил я.

Послышался щелчок переключателя и другой голос.

— Контора мистера Кейна.

— Мистера Кейна, пожалуйста, — повторил я.

— Кто спрашивает?

— Джером Коуэн.

Я уловил легкий оттенок удивления в голосе, ответившем: — Одну минутку. — Затем снова щелчок и голос, — Мистер Кейн, мистер Коуэн на проводе.

— Кейн у телефона, — послышался его невыразительный голос. Я будто бы разговаривал с призраком...

Джерри поставил бокал на столик. Он давно забыл, что держал его в руке.

Джанет смотрела на мужа слегка расширенными от удивления глазами. Он никогда раньше не говорил об этом. Он был возбужден и нервничал, как будто снова переживал тот момент. Потом продолжил свой рассказ резким, взволнованным голосом.

— Это Джерри Коуэн, — представился я.

— Я знаю, — послышался ответ. Он говорил безо всяких эмоций, так, будто мы разговаривали каждый день; казалось, он вовсе не удивился моему звонку и тому, что именно я должен был отправить его в тюрьму. Я не уловил в голосе ни малейшего оттенка любопытства по поводу моего звонка; он был вежлив, безразличен и равнодушен.

Говорил я быстро, так как боялся, что он повесит трубку, и я не успею сказать все, что хотел. Казалось, что это я был обвиняемым, а не он.

— Джерри Коуэн, — повторил я, — помнишь?

— Да, помню.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Ты уже говоришь, — заметил он все тем же холодным, бесстрастным тоном.

— Тебе надо спасаться, — сказал я. — Они охотятся за тобой. Тебе не одолеть их. Мы были друзьями когда-то. Послушай меня — брось все это, пока не поздно.

— Это все, что ты хотел сказать? — спросил он.

— Да, Фрэнк, ради Христа, послушай меня!

— Я уже послушал, — ответил он. Теперь в голосе было что-то тяжелое. — Мистер Коуэн, я знаю вашу

задачу. Это ваша работа. Вот и занимайтесь ею. И не ждите, что я сделаю ее за вас.

— Но, Фрэнк, — запротестовал я, — это совсем не то. Я хочу помочь тебе.

— Вы уже теперь можете помочь мне, занимаясь своими делами, — усмехнулся он.

— Ладно, — сказал я, — как хочешь.

— Чем еще могу быть полезен, мистер Коуэн? — в голосе его было что-то такое, чего я не мог понять.

— Больше ничем. Просто я много думал. Когда мы были детьми, все было просто, и мы дружили. Ты, я и Марти всегда...

— Знаю. — Голос его вдруг стал мягче. — Я тоже думал. — И он повесил трубку, а я все сидел, уставившись на трубку, которую держал в руке.

Просидев так, наверное, с час в оцепенении, я вдруг почувствовал, как меня охватило отчаяние. Это было поражение. Он и прежде всегда одерживал верх надо мной. Я никогда не смогу одолеть его — никогда.

Мне вдруг стало противно все, что окружало меня, и сама эта должность, к которой я с детства стремился. Каким же надо быть дураком, чтобы мечтать о несбыточном. Бросить все, пока не поздно, и стать самим собой.

Я схватил пальто и шляпу и вышел.

— Ухожу на весь день, — процедил я, проходя мимо секретарши, — и не вернусь больше сегодня. — Потом вскочил в машину и поехал, и — и...

Как будто что-то застряло у него в горле и мешало говорить. Он стоял и смотрел на них, конвульсивно глотая и работая кадыком.

Джанет взяла его за руку и усадила на диван. Джерри прикрыл руками лицо.

— Конец истории вам известен, — прошептал он сквозь сцепленные пальцы.

Джанет посмотрела на Мартина. Сколько понимания, любви и сочувствия было в этом взгляде.

— Мы знаем, дорогой, — сказала она ласково. — Поэтому-то и собираемся предпринять кое-что.

Выражение ее лица было каким-то странным и загадочным. Она будто смотрела далеко вперед, в будущее. Потом спросила Мартина:

— А как бы ты поступил, если бы мог начать все сначала? Что бы ты сделал для Фрэнсиса?

Мартину вдруг показалось, что он сходит с ума.

— Но это же абсурд! Фрэнсис мертв! — воскликнул он.

Глаза Джанет заблестели еще ярче.

— А если я скажу тебе, что — нет? — спросила она тихо.

ЧАСТЬ
VI

Глава 1

Когда я вернулся с завтрака, Феннелли уже ждал в кабинете. При моем появлении он вскочил со стула. Я спокойно прошел мимо и сел за стол, нажал кнопку внутреннего телефона, известив секретаршу о своем приходе, так как поднялся на личном лифте, просмотрел часовой отчет, лежавший на столе, и только после этого обратился к Феннелли.

Он стоял у стола, немного нервничая. Возможно, посторонний глаз и не подметил бы этого. Но я хорошо знал эти неподвижные руки и плотно сжатые губы — явные признаки того, что он не в себе.

— Садись, Силк, — улыбнулся я и зажег сигарету. — Ну, что еще взбрело тебе в голову?

Он снова вскочил на ноги.

— Началась настоящая травля.

И это он говорил мне! Последние шесть месяцев я даже не осмеливался появляться за рекой в Нью-Йорке. Тоже мне, сделал открытие, нечего сказать!

Силк положил на стол черную шляпу.

— Полиция у нас на хвосте. На днях Коуэн был у губернатора и получил разрешение взять нас, раз уж они не могут добраться до тебя.

И это было мне известно. Не зря же я платил два куска в неделю своему человеку, работавшему у губернатора и державшему меня в курсе всех событий. Кроме того, в моем столе лежала стенограмма их беседы. Так что в сообщении Феннелли не было ничего нового, и я спокойно курил.

— Надо же что-то делать. Ребята беспокоятся, — продолжал он, явно раздраженный моим молчанием.

— И кто же именно?

— Мэдиген, Московиц, Келли, Карвелл — да все.

— И ты тоже?

— Да, конечно. — Он нервно сел.

Я усмехнулся. А ведь когда-то считал их крутыми парнями, плевавшими на все. Да они и были такими, пока им ничто не угрожало. Но как только начинали чувствовать запах жареного, тут же бежали к «папочке».

— И чего же ты хочешь от меня? Взять тебя за ручку и дать соску?

Силк слегка покраснел.

— Может, что-то подкинуть Коуэну? Пусть подавится!

— Я уже говорил тебе, что пытался, но это не сработало, — соврал я. — Он не клюнул на эту приманку.

— А как насчет него самого? Может быть, есть какая-нибудь зацепочка, что-то такое, чего он не хотел бы предавать огласке?

— Трудно даже представить себе, насколько он порядочен. Чист, как стеклышко.

— А его семья?

— Отца ты прекрасно знаешь. Ничего на него не повесишь. Один из величайших политических деятелей Нью-Йорка! Не советую связываться с ним. Собственно, ты и сам это прекрасно понимаешь.

— А как насчет жены?

— Тоже дохлый номер. Знали друг друга с детства, а после окончания средней школы были помолвлены. Так что все в полном порядке.

— Но ведь должен же быть хоть какой-то способ укоротить ему руки, — пробормотал Силк.

Я встал и подошел к нему.

— Конечно. Это очень просто. Все, что от меня требуется — это явиться в его контору и сказать: «О'кей, ребята, вот он я. Чем могу быть полезен?» — Я на секунду остановился, загасил сигарету в пепельнице и снова повернулся к нему. — Только так!

Силк жестом остановил меня.

— Ты же знаешь, что мы совсем не это имеем в виду, Фрэнк.

— Откуда мне знать, что у вас, ублюдков, на уме? — прорычал я. — Вы только и можете, что ползти сюда, чуть что не так. Неужели вы, идиоты, не понимаете, что они заигрывают с вами, пока кто-нибудь не расколется. А тогда все мы будем у них в руках. Сидите смирно! Заткните ваши поганые пасти! Думать буду я. И прекратите валить в штаны всякий раз при смене ветра! Вы выбрали меня, и я работаю на вас.

Я повернулся, посмотрел на него в упор и продолжил уже другим тоном:

— Вот так. Или вас это не устраивает?

— О нет, Фрэнки. Вполне устраивает, — слишком поспешно согласился он.

Мне были известны эти их разговорчики в Нью-Йорке. Стоило только дать слабину, как они, не задумываясь, бросят меня на растерзание волкам.

— Возвращайся назад и передай им, чтобы перестали дрожать. Я в курсе всего, что они там предпринимают, и хочу, чтобы делалось то, что я приказываю. Я уничтожу каждого, кто посмеет пойти на сделку с ними. Передай, пусть продолжают работать, пока я не дам отбой.

Силк взял шляпу и направился к двери.

— Я передам им все, Фрэнк, — сказал он почтительно, однако глаза его горели злым зеленым огнем.

Я сменил тему.

— Твоя ставка на прошлой неделе на девять кусков меньше общей доли. Пока ты здесь, спустись к Джо Прайсу и уладь это с ним.

— Хорошо, Фрэнк, — послушно сказал он, взявшись за ручку двери и стрельнув глазами вокруг. Я решил нанести еще один удар.

— И, Силк, не забудь, я помню, что когда-то ты метил на мое место, а у меня прекрасная память.

Он вытянул ко мне руку и произнес очень странным голосом:

— Имей в виду, если бы не я, кем бы ты был сейчас.

— Я помню и поэтому так вежливо разговариваю с тобой.

Он помедлил в дверях и, казалось, хотел еще что-то сказать, но у него не хватило духу. Он вышел и прикрыл за собой дверь.

Вся беда этих ребят была в том, что они давно привыкли переть напролом и не желали поступиться ни на йоту.

Я поднял трубку.

— Дайте мне Алекса Карсона. — Он был главным стряпчим фирмы. Нужно было подбросить ему идею, пришедшую мне в голову во время беседы с Феннелли, о долговом обязательстве и снятии с бегов лошадей, которые не оправдывали себя.

Иногда в ходе какого-то незначительного разговора все становилось на свои места. Я готов был обсуждать все до мельчайших подробностей. Но дело в том, что я не доверял никому из них и поэтому тянул всю работу сам, и выдавал информацию лишь небольшими порциями, чтобы они не могли знать больше меня.

Закончив разговор с Карсоном и повесив трубку, я удобно расположился за столом. Работы было невпроворот, и я усмехнулся. Легкая жизнь требовала тяжелой работы.

Вошла девушка с пятичасовым отчетом. Я просмотрел, что она принесла.

— А что, из Танфорана ничего не слышно?

— Нет, мистер Кейн.

Я поднял трубку и попросил Джо Прайса. Это был контролер — довольно способный парнишка. Когда я подобрал его, он зарабатывал сотню в неделю, работая главным бухгалтером какой-то маленькой, вшивенькой компании. Я решил, что он может быть мне полезен, и не ошибся. Теперь я платил ему тысячу в неделю вовсе не за красивые глаза.

— Что у нас там с Танфораном на первое число? — спросил я. Танфоран находился в Калифорнии, разница между нами была три часа.

— Мы отставали на восемь тысяч, — ответил он сухим бухгалтерским тоном, — а совокупность ставок упала приблизительно на тридцать.

— А как сегодня?

— Вероятно, удастся выравнять ставки.

— Прекрасно, — сказал я и положил трубку. — Не каждый же день выигрывать.

Секретарша все еще стояла у стола. Я взглянул на нее.

— Вас хочет видеть какая-то женщина — мисс Ковилл.

Это меня озадачило.

— А как она попала сюда? Что-то не припомню этого имени.

— Не знаю, мистер Кейн, — ответила девушка. Она взяла отчет со стола.

— Сказала, что вы знакомы, она — сестра Марти.

О, да. Я прекрасно ее знал! Но какого черта она явилась сюда? Я заколебался и, не желая выдавать своих чувств, спросил:

— Аллисон уже на месте, мисс Уолш?

— Нет. — Она направилась к двери. — Я скажу ей, что вы заняты?

— Да, — сказал я.

Мне хотелось увидеться с ней, но к чему бы это привело? Она, вероятно, узнала бы во мне того парня из больницы, несмотря на мой цветущий вид и двухсотдолларовый костюм. Пусть все остается как есть. Через несколько минут вошел Аллисон, мой ночной секретарь. Мне необходимы были два секретаря — дневной и ночной, а женщины не соглашались работать ночью. Обычно я задерживался допоздна, потому что вычисления и составление таблиц продолжались круглосуточно.

— Что вам нужно? — спросил я его.

— Вас хочет видеть одна особа, мисс Ковилл, — сказал он с улыбкой на холеном лице. Этот тип никогда не нравился мне. Я просто не доверяю мужчине, который умеет стенографировать.

— Я просил мисс Уолш отправить ее.

— Но она все еще здесь.

Он редко смотрел прямо в глаза, как сейчас, и я поразился, впервые заметив его волевой подбородок.

— Она говорит, что вы обещали принять ее.

И я сдался. Ну что ж, приму ее и покончу с этим.

— Хорошо, — уступил я, — пусть войдет.

Я встал, когда Аллисон открыл перед ней дверь. Какое-то мгновение мы смотрели друг на друга. На ней был дымчатый, серо-голубой костюм, удивительно в тон ее голубых глаз, смотревших прямо и открыто. Губы были плотно сжаты, а подбородок был волевой, как у мужчины.

Она подождала, пока закроется дверь, и произнесла:

— Это ты. — Потом быстро подошла и протянула руку. Я сделал вид, что не заметил этого.

— А кого ты ожидала здесь увидеть?

Она с достоинством отдернула руку. Сомнение то появлялось на ее лице, то снова исчезало, будто тени играли на стене.

— Не знаю, — голос ее дрогнул, но она справилась с собой. — Значит, это был ты тогда в больнице. Я не ошиблась.

— Ну и что из того?

— Ничего. Просто я думала...

Мы стояли друг против друга через стол, как два бойца на ринге.

— Что тебе здесь надо?

От ее волнения не осталось и следа.

— Я просто хотела встретиться с тобой и убедиться, что это тебя я видела тогда в больнице, что ты именно тот человек, который вошел в наш дом.

— Теперь, когда ты видишь это, твое любопытство удовлетворено?

Она вздернула подбородок. Она ничуть не изменилась.

— А ты тот же, что и раньше, только повзрослел и возмужал.

Я не отвечал.

— Мне не следовало приходить. Марти и Джерри предупреждали.

Я резко перегнулся через стол и закрыл ей рот рукой.

— Заткнись, дура! — прошипел я, — неужели ты не понимаешь, что они постоянно следят за мной и за всеми, кто сюда приходит? Почему ты не можешь оставить меня в покое! Разве ты не догадываешься, что может случиться, если я свяжусь с ними?

Я не называл имен, но она прекрасно поняла, кого я имел в виду. Я освободил ее рот и вытер платком помаду, размазанную по руке.

Руфь чуть не плакала. Глаза наполнились слезами, а нижняя губа дрожала. Она почти упала на стул перед моим столом.

— Я не догадалась. Я просто не думала.

— В том-то все и дело, что ты не думала!

— Я только хотела помочь.

— Кому, мне? — с насмешкой спросил я. — Да, ты многое можешь для меня сделать! Особенно если ты в

их компании. Самое лучшее, что ты можешь сделать — это уйти отсюда и никогда больше не возвращаться.

Она уже пришла в себя и встала. Голос ее стал холодным и официальным.

— Извини. Я сделала глупость. Не следовало даже пытаться помочь тебе. И никто тебе не сможет помочь. Ты ничуть не изменился. Ты просто никому не позволишь этого сделать и будешь идти напролом, пока не потерпишь поражения. Сожалею, что пришла. — Она направилась к двери.

Так хотелось сказать, что я рад был ее видеть и очень скучал по старым друзьям. Но я не осмелился. А вдруг это Джерри послал ее, чтобы загнать меня в угол. Кто знает.

— Извини, что я был груб с тобой, — мягко сказал я.

— Ничего. Я заслужила это. Впредь буду умнее. До свидания.

Я подошел к ней и взял за руку.

— И все-таки, спасибо, что пришла, — улыбнувшись, сказал я.

Так мы стояли, глядя в глаза друг другу и держась за руки. Потом она прильнула ко мне и поцеловала в губы.

— Помни, что ты сказал мне много лет назад: «Теперь мы друзья».

— До свидания, — промолвил я, наблюдая, как она закрывала дверь.

Потом я позвал Аллисона и попросил данные по Танфорану. А пока ждал, подумал о том, что сейчас мне было вовсе не до женщин. А впрочем, кто знает.

Глава 2

Я долго сидел за столом, погрузившись в раздумья. Вошел Аллисон, включил свет и вышел. Время пролетело незаметно. Я перебирал в памяти последние годы своей жизни. У меня было все, к чему я так стремился: деньги, прекрасная одежда, хорошая пища и обеспеченная жизнь. Что еще нужно? Женщина? Да стоит мне только щелкнуть пальцами — самая прекрасная женщина в стране будет моей. Но это не то. Друзья? Возможно. Но я давно понял, что не мог позволить себе иметь

друзей в моем положении. В жизни всегда приходится чем-то поступаться. И кроме того, друзья никогда не дали бы мне того, что я имею.

Я повернулся на стуле к окну. Через реку дразняще и заманчиво сверкали огни Нью-Йорка. Смешно. Там, за рекой, не было ничего, что я имел здесь. И все-таки Нью-Йорк манил меня. Возможно, это были какие-то невидимые цепи, сковавшие меня.

Я встал, закурил сигарету и долго стоял у окна, глядя на Нью-Йорк. Руфь выбрала подходящий момент. Почему именно теперь? Или ее, действительно, послал Джерри? Нельзя испытывать судьбу. Любая ошибка будет последней.

Но если бы Джерри не занял этот пост, все могло быть совсем по-другому.

Зазвонил телефон. Я подошел к столу и снял трубку. Это был Аллисон.

— У меня готов для вас отчет по Танфорану.

Я бросил взгляд на часы. Было около десяти. Не думал, что уже так поздно. Смертельная усталость накатила на меня. Очень хотелось есть.

— Хорошо. Как там дела? — спросил я. Выслушав его, я положил трубку. А Нью-Йорк все так же заманчиво сверкал огнями за рекой.

Я расслабился на несколько минут. Нужно было решить еще один вопрос перед уходом. Я достал из верхнего ящика стола личное дело Аллисона, лежавшее там со вчерашнего дня, просмотрел его и нажал кнопку.

— Да, сэр, — появился он в дверях.

— Входите, присаживайтесь. Мне нужно поговорить с вами, — сказал я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Да, сэр, — ответил он, направляясь к моему столу. Его дело я оставил у себя под рукой.

— Я только что просматривал вашу анкету, — продолжил я, — она очень необычна.

Он насторожился.

— Чем, сэр? — Несмотря на все его усилия сохранить спокойствие, голос выдавал некоторое замешательство.

— Когда мы одни, можете обращаться ко мне без «сэр» и «мистер». Люди пользуются титулами, чтобы

скрыть свои подлинные чувства. Для всех я просто Фрэнк.

Он согласно кивнул. — А меня зовут Эдвард, Эд.

Я взглянул на него. А он не дурак. И всегда держит нос по ветру. Только сегодня днем я отметил его волевой подбородок. Но теперь проступили и другие черты сильной натуры: холодные голубые решительные глаза, плотно сжатые губы и эти глубокие морщины между бровей.

— А вы не в восторге от вашей работы, не правда ли? — спросил я. — Странно, что такой квалифицированный специалист работает в этой конторе на меня.

Я прочитал в его личном деле: «Колумбийская школа бизнесменов, 1931 год, Колумбийский юридический колледж, 1934 год».

— Каждый должен зарабатывать свой хлеб, — улыбнулся он, почувствовав себя увереннее, — голод не признает ни званий, ни степеней.

Мне понравился его ответ, и вообще, я начинал симпатизировать ему, несмотря ни на что. Он не отрицал, что опустился ниже своего уровня, и не говорил глупостей вроде: «Что вы, мистер Кейн! Это как раз то, что мне нужно!»

Я тоже улыбнулся ему.

— Не надо вешать мне лапшу на уши, Эд! Ведь ты из довольно обеспеченной семьи.

Видя, что номер не прошел, он изменил тактику. В голосе почувствовалась скрытая насмешка. Он попробовал создать впечатление, что я на этот раз раскусил его.

— Мне захотелось чего-то необычного, не хоронить же себя в какой-нибудь обычной юридической или торговой конторе.

— И поэтому ты пришел сюда, — усмехнулся я.

— Да, — кивнул он.

— Ну и что же? Нашел то, что искал?

— В некотором роде. Но, конечно, это не совсем то, что я ожидал.

Я громко расхохотался.

— А ты хотел увидеть здесь кровь на коврах? Ведь ты же взрослый человек и должен понимать, что здесь занимаются бизнесом. Просто бизнесом, как в любой другой конторе. — Теперь наступила моя очередь посме-

яться. Он начинал выходить из себя. Да, однако он не любит насмешек, отметил я и сменил тему.

— Сколько ты уже у нас работаешь, Эд?

— Около восьми месяцев, — ответил он.

Я заметил, что он не обращался ко мне просто по имени, однако и «сэр» и «мистер» тоже больше не резали слух.

— А сколько получаешь?

— Тысячу в неделю.

— А что бы ты сказал, если бы я дал тебе две тысячи?

Он немного удивился.

— Как что? Спасибо, конечно.

Я снова засмеялся.

— Хороший ответ. И какую работу ты бы хотел выполнять?

Он снова смутился.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Предположим, что я сказал бы тебе, что министерство юстиции ищет кого-то из моих людей, чтобы держать их в курсе нашей деятельности. Допустим, выбор пал бы на тебя. Снабжал бы ты их информацией, на которую я бы давал добро?

Он вскочил.

— Значит, вы знаете! — он оперся о стол так, что побелели костяшки пальцев.

— Знаю, что? — спросил я мягко.

— Что я из министерства юстиции, — протянул он. В его голосе звучали нотки поражения. Мне стало немного жаль его. И почему я всегда жалел не тех людей? Ведь если бы я не разоблачил его, он мог вздернуть меня за одно место.

— Ах это, — я безразлично продолжил разговор. — Я знал об этом еще когда нанимал тебя.

— И тем не менее взяли?

— Конечно! — улыбнулся я. — Мне нужен был секретарь.

Он хотел что-то сказать, но я прервал его.

— Сядь, — сказал я со скучающим видом. — Кончим представление. Я не собираюсь тебя убирать — это не в моих правилах. Бизнес есть бизнес.

Он снова молча опустился на стул.

— Ты проработал здесь восемь месяцев и не смог разнюхать ничего полезного для твоего министерства. У вас нет фактов против меня, чтобы возбудить дело. У меня крупное торговое предприятие, охватывающее такие разнообразные отрасли, как станки для чеканки монет, игральные автоматы, клубы и рестораны, а также небольшие фирмы. Я немного играю на бирже. Риск — благородное дело. Все доходы от моих предприятий облагаются налогами. Так что все — по закону. Вот схема моей компании в упрощенном виде. То есть то, что скрыто под названием «Фрэнк Кейн Энтерпрайс».

Он помолчал некоторое время, потом взглянул мне в глаза. Странно, но в лице его уже не было того, что настораживало меня и что я угадывал под этой маской. В нем появилось что-то вроде искреннего доверия. Он улыбнулся.

— Рад, что все это кончилось, — сказал он.

Я рассмеялся и закурил сигарету. Я-то был рад гораздо больше, чем он. Если бы он только знал, что был почти у цели! И только вчера мне удалось раскусить его. Иначе мне пришлось бы очень плохо.

— Надеюсь, теперь я свободен? — Он встал.

— Можешь быть спокоен, — я проводил его взглядом до двери, — и все-таки я мог бы воспользоваться услугами толкового секретаря.

— Что вы имеете в виду?

— Ты можешь сменить вывеску и работать на меня, либо продолжать в том же духе; мне наплевать на то, что ты говоришь им обо мне.

Он выглядел совсем мальчишкой в тот момент.

— Я не смогу.

— Почему бы и нет? Этот разговор останется между нами.

— Нет, — проговорил он, — это будет нечестно.

«Честный, черт подери! А шпионить за мной — честно?» — подумал я про себя и улыбнулся:

— Решай сам.

Он понуро вышел, а я повернулся и глянул на другой берег реки. Нью-Йорк все так же маняще подмигивал мне своими огнями.

Глава 3

Лишь проехав половину моста, я вдруг осознал, насколько глупо это было с моей стороны.

Выйдя из конторы в десять сорок пять, я направился в гараж за машиной. Тут-то меня и стукнуло, и я попросил старика сторожа одолжить мне какую-нибудь машину на вечер.

Десятидолларовый чек сделал свое дело, и он с готовностью ответил, широко улыбаясь беззубым ртом:

— Какой разговор, мистер Кейн!

Он поспешно засеменил в гараж и через несколько минут вывел маленький «плимут седан». Я сел за руль и взглянул на щиток. Судя по датчику, бак был полный.

— Кстати, Майк, чья это машина? — поинтересовался я, включив зажигание.

— Босса, — с готовностью ответил он. — Я предупрежу его, все будет о'кей.

— Спасибо, Майк, — поблагодарил я и, нажав на газ, направился к мосту, хотя переправа была гораздо ближе. Не хотелось останавливаться там, где меня могли узнать.

Подъезжая к дороге в город, я сбавил скорость, свернул на 135-ю авеню и поехал к Бродвею. На углу остановился и заскочил в аптеку, чтобы уточнить адрес Руфи.

Через несколько минут я стоял перед ее домом. Это была большая многоэтажка на углу Парк-авеню.

Войдя в вестибюль, я глянул на часы. Было начало первого. Потом вызвал лифт. Сонный лифтер открыл двери и впустил меня.

— Квартира Кэбелла, пожалуйста.

— Да, сэр. Квартира доктора Кэбелла на пятом этаже, номер 512. — Он профессиональным жестом открыл двери и смотрел, как я шел по холлу.

Остановившись у двери, я нажал кнопку звонка. Только тогда он закрыл двери лифта и поехал вниз.

Итак, я стоял и ждал, подняв воротник и надвинув шляпу на самые глаза. А что, если ее нет дома. Я собрался было уже уйти, как дверь открыл незнакомый мужчина.

— Мне мисс Кэбелл, — сказал я вежливо. Из квартиры доносились приглушенные голоса. — Я с ее работы, — объяснил я, — мистер Ковилл.

— Входите, — посторонился незнакомец, — я сейчас позову ее. — Он с любопытством оглядел меня с головы до ног, прежде чем уйти.

Я остался один в маленькой прихожей, все так же подняв воротник и надвинув шляпу на глаза. В конце прихожей, справа, была дверь, откуда доносились голоса.

— Руфь, здесь тебя спрашивает мужчина с твоей работы, мистер Ковилл, — услышал я.

На минуту воцарилась тишина, потом она сказала:

— Я сейчас вернусь, только узнаю, в чем дело.

Увидев меня, она побледнела и быстро подошла.

— Зачем ты пришел сюда? — прошептала она с тревогой.

— Визит вежливости, — улыбнулся я.

— Ты должен уйти. Тебе нельзя здесь оставаться. Здесь Джерри, — все так же шепотом сказала она.

— Но ведь ты не ушла, пока не повидалась со мной. Я намерен сделать то же самое.

Она положила руку мне на плечо.

— Но как ты не понимаешь. Там в комнате Джерри, и если он увидит тебя, он вынужден будет взять тебя. Уходи.

— Не думаю, что он сделает это, — улыбнулся я.

Мне начинала нравиться эта игра на лезвии бритвы.

— Сделает, — сказала она, приближаясь ко мне, и я уловил знакомый аромат. Сначала я не понял, что это было, но потом вдруг меня осенило — у Марианны были те же духи.

— Обязательно сделает, — повторила она. — Ты не знаешь его.

— Это я-то не знаю? — воскликнул я, вспомнив наш последний разговор несколько недель назад. — Ну что ж, испытаю судьбу.

Она стояла так волнующе близко. Голова моя пошла кругом от этого пьянящего аромата.

— Уходи, умоляю тебя.

Я поцеловал ее. На какое-то мгновенье она замерла. Я ощутил губами ее застывшие в изумлении губы. Вдруг они потеплели и прильнули к моим. Она крепко обняла меня за шею. После Марианны я целовал мно-

гих женщин. Но это были не те поцелуи, что возбуждали тебя и волновали каждую клеточку твоего тела. Этот поцелуй чем-то напоминал те прежние поцелуи Марианны, но в то же время был совсем другим, нежным, теплым, сладким и страстным одновременно.

Она отняла губы; я все еще обнимал ее, утонув в глубине ее голубых глаз.

— А теперь уходи, пожалуйста, — прошептала она, касаясь пальцами моего подбородка.

Я улыбнулся, уверенный в себе больше, чем когда-либо.

— Нет, так ты от меня не откупишься! — прошептал я. — Разве что, ты уйдешь вместе со мной?

Вопрос повис в воздухе.

Она молчала.

Тогда я сделал движение, будто собрался снять пальто.

— Хорошо, — поспешно прошептала она. — Я пойду с тобой. Только подожди меня там.

— Нет, я подожду здесь, — упрямо сказал я.

Она помедлила нерешительно, потом согласилась.

— Хорошо, только будь осторожен. — Она повернулась и исчезла в той самой комнате, из которой только что вышла.

До меня донеслись обрывки ее фраз. Я увидел две тени, направлявшиеся к двери, и быстро отвернулся к стене, делая вид, что рассматриваю маленькую картину там. Я стоял к ним спиной, но уголком глаза видел, что это был Марти. Он не смотрел в мою сторону, и я не слышал, что он говорит, уловив лишь последнюю фразу. Он просил ее быть осторожной. Руфь набросила на руку пальто, засмеялась, отослала его в комнату и быстро подошла ко мне.

— Тебе помочь? — предупредительно спросил я.

Она глянула на меня. Лицо ее было озабоченным и серьезным.

— Нет, я надену его там, на улице. Чем быстрее мы уйдем, тем лучше.

Я засмеялся и распахнул входную дверь. Когда мы спускались, лифтер с любопытством пялился на нас. Мы молча вышли и направились к машине. Я галантно открыл переднюю дверцу, затем обошел вокруг и сел за руль. Она вдруг улыбнулась.

— Какая допотопная машина.

Я засмеялся.

— Понимаю, ты ожидала увидеть большую и шикарную машину. Прости, что разочаровал тебя, но я не мог приехать на своей: она слишком бросается в глаза.

Улыбка быстро исчезла с ее лица.

— Надо быть сумасшедшим, чтобы вот так явиться ко мне.

— Но ведь ты сделала то же самое, — парировал я, заводя мотор. Я повернул на Парк-авеню и спросил: «Куда мы поедем?»

— Туда, куда тебе можно ехать, — предусмотрительно ответила она.

Да, она была права. Нью-Йорк был сейчас не самым безопасным для меня местом.

— У меня есть одна идея.

Она не знала, куда мы едем, пока мы не пересекли мост в Джерси.

Мы заехали в гараж и пересели в мою машину.

— Это тебе больше подходит? — спросил я, улыбаясь.

— Да, она больше соответствует моим представлениям, — кивнула она. У меня был большой, черный, двенадцатицилиндровый «кадиллак».

Я повез ее к себе.

Тогда я жил в отеле «Плаза», в шикарном трехкомнатном номере. Обслуживание было на высшем уровне, кухня — прекрасная. Так что можно было ни о чем не думать. Обо всем заботилась служба отеля. Я жил замкнуто, ни с кем не общаясь, что меня вполне устраивало.

— Входи, пожалуйста, — пригласил я ее.

Она вопросительно посмотрела на меня и вошла. Я прикрыл дверь. Потом притянул ее к себе, обнял и нежно поцеловал. Я не ошибся. Все было совсем по-другому.

Вдруг она оттолкнула меня.

— Ты только из-за этого приехал ко мне?

Я усмехнулся в темноте. Я и сам не знал еще, для чего я это сделал. Нащупав выключатель, я включил свет, снял пальто и бросил его на стул. Потом набрал номер гостиничной службы, а пока ждал, смотрел на нее. Ее пальто было застегнуто на все пуговицы, она будто боялась его снять.

— Нет, дорогая, — шутя начал я, — просто страшно проголодался, и мне хотелось поговорить с кем-нибудь о прошлом, пока я буду ужинать.

Она не на шутку рассердилась. Нижняя губа задрожала, слезы заблестели в глазах.

— Ты ничуть не изменился, — обиженно бросила она, направляясь к двери, — на все у тебя готов ответ.

— Я перезвоню позже, — сказал я поспешно, повесил трубку и кинулся за ней. Я нагнал ее уже у двери и обнял за плечи.

— Если бы мне не хотелось тебя увидеть, я ни за что бы не поехал за тобой в город.

Глаза ее были полны слез.

— Тогда почему ты не говоришь того, что думаешь? — спросила она тихо. — Или ты уже настолько привык скрывать свои чувства, что разучился выражать их?

Я поцеловал уголки ее глаз. Наверное, в ее словах была доля истины. Вдруг она порывисто обняла меня и поцеловала в губы.

— Я люблю тебя — тебя, эгоистичное и глупое существо! — шептала она. — Я любила тебя всю свою жизнь. Для меня не существовало других мужчин.

Я крепче прижал ее к себе и внезапно почувствовал приятное, щемящее чувство в груди. Она говорила правду. И я знал это с той самой минуты, как увидел ее тогда в больнице. Я снова нежно и благодарно поцеловал ее.

Зазвонил телефон. Она испуганно вскинула ресницы. Успокаивающе улыбнувшись, я поднял трубку.

— Это служба отеля, мистер Кейн, вы звонили нам? — послышалось в трубке.

— Да, пожалуйста, две порции холодных цыплят и бутылку «Пайнер Хедсик» 29-го года, — я положил трубку и вернулся к ней.

— Может быть, снимешь пальто?

Она сбросила его и передала мне. Глаза ее светились, на нежных щеках играл яркий румянец от морозного ноябрьского воздуха.

— Что ты так разглядываешь меня? — улыбаясь спросила она.

— Ты настоящая красавица, дорогая, — восхищенно воскликнул я. Она и вправду была прекрасна в своем черном платье строгого покроя.

— Ты просто льстишь от голода, — смеясь, сказала она.

— И от него тоже! — Мы расхохотались и вдруг почувствовали себя такими родными и близкими. Она доверчиво протянула мне руку. Я бросил ее пальто на стул рядом с моим, и мы сели на кушетку посреди комнаты.

Пальцы наших рук переплелись, ее милая головка лежала у меня на плече. Мы сидели молча с закрытыми глазами. Уже много лет мне не было так спокойно и хорошо. Будто я снова был маленьким мальчиком и вернулся к моим дяде и тете. Мы часто молча сидели в гостиной и были так счастливы. То же чувство охватило сейчас нас с Руфью.

Я спрятал лицо в ее волосах. Она повернулась, и мы долго и пристально смотрели друг другу в глаза.

«Любишь ли ты меня?» — читал я немой вопрос в ее глазах. Очевидно, она нашла ответ в моем взгляде и нежно поцеловала меня, потом снова положила голову на мое плечо и заговорила тихо, почти шепотом.

— Я, наверное, сойду с ума от счастья. Я так давно мечтала об этом.

Она вдруг подняла голову, посмотрела на меня и прикоснулась пальцами к моей щеке. Глаза стали такими испуганными.

— А вдруг это сон, и ты снова исчезнешь, как только я проснусь?

Я взял ее руку и поцеловал мягкую теплую ладонь.

— Нет, это не сон.

Вздох облегчения вырвался из ее груди, и она доверчиво прижалась ко мне. Чувство покоя, счастья и уверенности снова нахлынуло на меня. Весь мир отодвинулся куда-то далеко-далеко. Я снова был дома.

Глава 4

Послышался легкий стук в дверь.

— Войдите, — отозвался я, вставая. Появился официант, катя перед собой небольшой сервировочный столик.

— Вас обслужить, сэр? — спросил он вежливо, снимая салфетки с блюд.

Я взглянул на Руфь. Она отрицательно качнула головой.

— Спасибо, не надо, — ответил я, дав чаевые и подписав счет. — Мы сами справимся.

Наклонив голову, он вышел из комнаты. А Руфь принялась хозяйничать. Она положила цыпленка мне на тарелку, пока я откупоривал бутылку и наливал в бокалы вино. Мы принялись за еду. Я был страшно голоден и быстро, молча поглощал цыпленка.

Руфь наблюдала за мной.

— А ты действительно ничуть не изменился и все так же жадно глотаешь пищу. Помню, когда мы были детьми, ты ел точно так же.

— Я ужасно проголодался, — попробовал оправдаться я, впиваясь зубами в цыплячью ножку, — я ведь еще не ужинал сегодня.

Через несколько минут я справился с едой и, отодвинувшись от стола, закурил, предложив сигарету Руфи. Мы удобно устроились на кушетке. Я окинул взглядом комнату. Она была шикарно обставлена, я позаботился об этом. Но только теперь, когда в ней была Руфь, она стала мне настоящим домом.

Я привлек к себе Руфь и нежно обнял ее за талию. Свободной рукой положил сигарету и включил маленький радиоприемник около кушетки. Комната наполнилась приятной музыкой. Вообще-то я любил музыку поживее, но сейчас эта мелодия была как нельзя кстати.

Она положила сигарету и устроилась поудобнее, прислонившись ко мне. Послышался стук в дверь. Это официант вернулся за столиком. Когда он вышел, я погасил верхний свет и включил бра возле кушетки. До чего же она была хороша при таком свете! Мы поцеловались.

— Почему ты тогда сбежал от меня из больницы, Фрэнки? — спросила она.

— Не знаю, а если бы знал, то не сбежал бы.

— Должно быть, тебе было очень плохо, — сказала она.

Я промолчал. Не хотелось об этом говорить. Есть вещи, о которых неприятно вспоминать.

— Ты что-нибудь знаешь о своих?

— Нет, — ответил я, — я не нашел их.

— Очень плохо. Представляю себе, что они должны чувствовать. Я тоже почти уже потеряла всякую надежду встретить тебя когда-нибудь.

— И это было бы так ужасно? — подтрунил я.

Она посмотрела на меня и серьезно сказала:

— Ты даже не можешь себе представить, насколько ужасно. Ведь я могла прождать всю жизнь и остаться старой девой.

Мне стало смешно.

— Ну уж только не ты! Ведь были другие парни.

Они кивнула.

— Были, конечно. Но они не были тобой, а мне нужен был именно ты.

— Голову даю на отсечение, что ты всем это говорила, — засмеялся я. Она тоже рассмеялась, но глаза оставались по-прежнему серьезными.

— Конечно. У каждого своя тактика.

— Ну продолжай, дорогая, мне это ужасно нравится.

— Опять дурачишься?

— Вовсе нет, милая. Я серьезно. Обожаю, когда мне льстят. Это просто бальзам для моей души.

Она прислонилась к моему плечу, и мы помолчали немного. Затем она снова подняла голову.

— Фрэнки, мне как-то неспокойно. Я так боюсь потерять тебя снова.

— Не переживай, детка, — сказал я тихо, — не так просто потерять меня теперь.

— Нет, я вовсе не этого боюсь. — Беспокойное выражение снова появилось на ее лице. — Я о другом. Я имею в виду Джерри и всех, кто охотится за тобой.

Я самоуверенно засмеялся.

— Им не поймать меня. Руки коротки. Они даже не могут возбудить против меня дела, так как все законно.

Она отстранилась от меня.

— А правда то, что они говорят о тебе?

Я пожал плечами.

— Знаешь, люди все одинаковы и любят поболтать.

— Но ведь это не пустые разговоры. Ты действительно возглавляешь организацию игорного бизнеса? — упрямо допытывалась она.

— Ну и что из того? Ведь кто-то должен возглавлять ее.

Она взяла меня за руку и серьезно посмотрела мне в глаза.

— Ты должен бросить это.

Она была так наивна, что я от души рассмеялся. Многие прямо заболели этой идеей в последнее время.

— Я серьезно, Фрэнки, — сказала она, все еще держа мою руку. — Если ты не послушаешь — угодишь в тюрьму, либо твое бездыханное тело, изрешеченное пулями, найдут где-нибудь.

— Не думаю, детка. Закон не в силах пришить мне что-нибудь. А что касается большинства мартышек в городе, они просто не осмелятся пойти против меня. Это может плохо для них кончиться.

— Они сделают это со временем, — упрямо твердила она.

Я улыбнулся.

— Выбрось все из головы. Я совершенно не переживаю за это и тебе не советую.

— Я просто не хочу потерять тебя, — сказала она тихо. Это будет ужасно — проснуться однажды утром и узнать, что ты — в тюрьме.

— Завтра утром я буду здесь, — убежденно сказал я.

— Но будет ли так во все последующие дни? — глаза ее наполнились слезами. — Разве ты не понимаешь, что мы не можем пожениться, пока ты не будешь в безопасности. А иначе мы не будем счастливы.

Я изумленно посмотрел на нее. Разве кто-нибудь заводил речь о женитьбе? Но чем дольше я смотрел на нее, тем милее становилась мне эта идея. Неплохо было бы возвращаться домой, где она ждала бы меня. «Вот я и клюнул. Даже оглянуться не успел», — подумал я.

— А почему бы и нет. Какое отношение имеет моя работа к нашей женитьбе. Я прилично зарабатываю. А если бы у меня не было денег, мы все равно не смогли бы пожениться. Это же глупо.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, не глупо. Ты думаешь, что деньги — это все, но за них не купишь честь и уважение. Их надо заслужить.

— А я не стыжусь того, что я делаю. — Меня начинал раздражать этот разговор. — Я достаточно долго перебивался мелкой, жалкой работой и чуть не умер от голода. И знаешь, мне это почему-то не понравилось. И

тебе не должно быть стыдно за меня. Я потратил чертовски много сил на эту организацию и не собираюсь ничего бросать только из-за того, что якобы отравляю воздух каким-то ханжам.

— Неужели ты не понимаешь того, что я хочу тебе сказать?

— Нет, не понимаю!

Взгляд ее потяжелел, и она вздернула упрямый подбородок.

— А я и не надеялась, что ты поймешь, — холодно сказала она. — Тебе бесполезно объяснять и пытаться заставить понять. — Она подошла к стулу и взяла пальто.

Я наблюдал за ней.

— Что ты собираешься делать?

— Идти домой, — ответила она. Плечи ее ссутулились, усталые складки легли у рта. — Я всю жизнь гналась за мечтой. Больше мне делать здесь нечего.

Я вспылил.

— Тебе нечего делать, — спросил я вызывающе, — а что оставалось бы мне делать, если бы я принял твои условия?

Она резко подняла голову и сверкнула глазами.

— Я скажу, что бы ты делал, если ты сам того не понимаешь. Ты бы вернулся домой, снова стал человеком и жил в обществе среди людей. Ты мог бы высоко держать голову. Вышел бы из джунглей и перестал рычать и царапаться, и избавился от лютой ненависти ко всему, что тебя окружает. Ты смог бы любить и быть любимым, жить, ничего не страшась, и спать спокойно. Ты не был бы одинок, смог бы жить по-человечески и иметь детей. — Слезы градом полились из глаз, ее душили рыдания. Она не могла больше говорить, просто стояла и смотрела на меня с мукой в глазах.

Я не осмеливался подойти и успокоить ее. Стоило мне сейчас сделать хотя бы один шаг, и я бы пропал. Грудь мою сдавило какое-то предательски щемящее чувство. Было просто невыносимо смотреть ей в глаза. Я отвернулся. Слишком долго я боролся, чтобы поступиться всем, что имею, ради кого бы то ни было на свете.

Уставясь в ковер, я тихо сказал:

— Пусть все остается так, как есть. По крайней мере, я знаю, что это такое.

Она не ответила, но перестала плакать. Потом сделала шаг мне навстречу, как бы желая что-то сказать, но тут же закусила губу, повернулась и тихо вышла.

Я стоял спиной к двери и слышал, как щелкнул замок. Потом тяжело опустился на кушетку. В комнате все еще стоял запах ее духов. Я закрыл глаза и тут же представил, будто она все так же стоит передо мной. Руфь! — вдруг осенило меня, ну конечно же. Так назывались ее духи. Дурак, и как я мог забыть! Удивительно удачное название! Какой же я все-таки дурак!

Глава 5

Меня разбудил телефонный звонок. Я провел кошмарную ночь. Впервые за многие годы я плохо спал, метался и ворочался в постели и только под утро провалился в беспокойное забытье. Проклиная телефон, я дотянулся до трубки и прорычал:

— Какого дьявола вам надо?

— Фрэнк, — узнал я голос Алекса Карсона.

— Да, Алекс, что надо?

— Я целое утро пытаюсь дозвониться тебе в контору, а ты все еще дрыхнешь!

Я взглянул на часы — одиннадцать тридцать. Потом свесил ноги с кровати и устроился поудобнее.

— Они сцапали Лигерро сегодня утром.

— Ну так освободи его, — сказал я недовольно, — не знаешь, что делать? За что я тебе плачу, в конце концов!

— Но Фрэнк, его взяли по делу Манна, растление малолетних. Он притащил домой в Коннектикут пару школьниц. Сейчас он в ФБР, и газеты раздули грандиозный скандал. Родители подняли шум и сегодня утром его забрали в ФБР. Я не могу пробиться к нему, пока не закончится расследование.

Это был контрудар в зубы! Вчера я расколол Аллисона, а сегодня они уже начали действовать. Да, эти парни не теряли времени даром.

— Свяжись с родителями девчонок и откупись.

Я вовсе не хотел, чтобы Лигерро разинул глотку.

— Не сработает, — сказал Карсон, — это Федеральная служба. На нее давит правительство, а не родственники девчонок.

— Послушай, пошевели мозгами, черт тебя подери! Дай им на лапу. Пусть скажут, что отпустили девчонок с Луи. Что он взял их навестить родственника. Вырви его у них любым способом. — Я со злостью бросил трубку, встал и начал одеваться.

— Проклятые похотливые кобели. Мало им проституток, так нет же, им подавай малюток из колыбели, — злился я, одеваясь. Потом я позвонил и вызвал машину.

В двенадцать я уже был в конторе и вызвал к себе Карсона. Он примчался довольно быстро, весь в испарине.

— Ну что? — спросил я.

— Дай немного времени, Фрэнк, — он поднял руки вверх. — Такие вещи не делаются в одну минуту.

— Хорошо. Но только притащи его сразу сюда.

Он поспешно вышел.

Я поднял трубку и попросил мисс Уолш соединить меня с квартирой Аллисона.

— Алло, — ответил он.

— Аллисон, — начал я, не дожидаясь конца его фразы, — тебя беспокоит Кейн. Не можешь ли ты приехать сюда прямо сейчас? — Я хотел попытаться расколоть его насчет Лигерро. Он наверняка что-то знал.

— Нет, мистер Кейн. Со вчерашнего вечера я больше у вас не работаю.

Я молча повесил трубку и резко повернулся на стуле к окну, размышляя. Потом приказал Джо Прайсу срочно подняться ко мне. Это был худощавый мужчина с волосами песочного цвета и белыми усами, пробивавшимися под внушительным носом. Я указал на стул.

— Как ты думаешь, не создать ли нам новую группу, чтобы в конце концов узаконить наше дело?

Он метнул на меня пристальный взгляд. Крутой парень! Сразу уловил, куда я метил и чем это могло обернуться. Но это был мой человек.

— А что, неплохая мысль, — сказал он, изобразив подобие улыбки на лице.

— Ты так считаешь?

— Конечно, но что вы собираетесь делать со всеми остальными?

— Время покажет, — пожал я неопределенно плечами, — в таком деле никогда не знаешь, чего ожидать.

У меня должен был быть запасной вариант, на случай, если меня прижмут, которым я смог бы воспользоваться только при крайней необходимости.

— Но как насчет доли остальных?

— Послушай, — сказал я, кладя ногу на ногу, — они ведь ничего не знают об этом. Зачем открывать им карты?

Он ничего не ответил и задумался. Я был уверен, что он сделает все, что я прикажу. Он всегда держал нос по ветру.

— Сможешь ли ты провернуть это?

— Возможно, но это обойдется нам в полмиллиона.

— Мелочи, — усмехнулся я, — надо уметь кое-чем и пожертвовать. И кроме того, они ведь втайне занимаются рэкетом в Нью-Йорке. Это ли не лучшее оправдание нам?

Немного подумав, он встал и протянул мне руку.

— Я все сделаю, шеф.

— Ничуть не сомневался в тебе. И ты не пожалеешь.

Он вышел.

Мои неприятности на сегодня еще не закончились. Уже к вечеру я узнал, что ищейки ФБР взяли Черного Великана и Мэдигена по политическим мотивам. Политикой я не занимался. Не то чтобы меня это не интересовало, просто это было чертовски хлопотно. Поэтому политику я предоставил им на откуп.

Итак, все вырисовывалось довольно четко. Они решили сначала отрубить пальцы руки, причем по одному, чтобы было больнее. Мэр приказал очистить город от букмекеров.

Телефон разрывался от звонков. Ребята просили помощи. Хуже всех пришлось Карсону, который не успевал отвечать на звонки и к концу дня совсем выдохся. Я вызвал его около шести. Он вошел весь в испарине, несмотря на холодную погоду. Указав на стул, я протянул ему бутылку кока-колы.

— Слышал, что тебе досталось сегодня?

Он сделал жадный глоток и так и остался с открытым ртом. Наконец, переведя дыхание, выпалил:

— Что это с тобой? Сбесился, что ли? Все вокруг вот-вот рухнет к чертовой матери, а он ухмыляется!

— Держи хвост пистолетом, Алекс, — снова улыбнулся я ему, — не так уж все и плохо.

— Хуже не бывает! Еще один такой день, — прорычал он, — и я чокнусь!

Я дал ему еще бутылку. А когда он выпил и слегка поостыл, спросил, удалось ли ему провернуть дело с Лигерро. Он сказал, что послал ребят к родителям девчонок и ждал вестей с минуты на минуту.

— А что с Карвеллом и Мэдигеном? — поинтересовался я.

— Завтра утром их отпустят под залог.

— Отлично! Еще бы уладить с Лигерро, и все будет о'кей, — сказал я, стараясь придать голосу беспечный тон.

Он поднялся и направился к выходу. Я окликнул его:

— Не думай об этом и не переживай. Скоро все станет на свои места, и ты мне очень пригодишься.

Кивнув, он вышел, а я смотрел ему вслед и думал, что трудно будет подыскать ему замену в случае чего.

Потом я вызвал Джо Прайса. Он вошел в кабинет с пачкой бумаг под мышкой.

— Ну как, обмозговал наше дельце? — спросил я.

— Да. Как раз собирался к тебе, когда ты позвонил. Я тут кое-что набросал, — он протянул мне листы.

Я бегло просмотрел их. Он подсчитал мои доходы в различных областях деятельности. В общей сложности вклады составляли пятьсот тысяч.

— И какую прибыль можно ожидать? — поинтересовался я.

— Здесь сумма за прошлый год.

После вычета зарплаты и всех расходов оставалось еще около девяноста пяти тысяч. Неплохо! Вполне можно прожить! Я взглянул на Прайса.

— Довольно прилично.

— Мне тоже так кажется, — согласился он.

Я зажег сигарету и спросил:

— Как там сегодня насчет ставок?

— Паршиво. Со всей этой суматохой сегодня едва удалось покрыть ставки. Кое-кто пользуется нашим положением, и мы много потеряли.

— Сколько? — поинтересовался я.

— Около двадцати одной тысячи, — ответил он.

— Прекрасно, пусть погреют руки. Эти ублюдки постараются выжать из меня все, что можно. А я им помогу. Доведи до семидесяти одной тысячи. Ежедневно

в течение десяти дней изымай по пятьдесят тысяч из общего фонда. Это должно покрыть ставки.

Он удивленно уставился на меня.

— Да, но ведь тогда общий фонд сократится на миллион.

— Вот-вот, — хохотнул я, — а что ты думаешь, они пытаются сделать? Вопрос лишь в том, кто окажется первым.

Он молчал.

— Завтра надо уладить все дела с законом, — продолжил я, — зарегистрируй все это в Делавэре под названием, — я задумался, подбирая что-нибудь поприличнее, — «Стэндард Энтерпрайсиз, Инк».

— Хорошо, — ответил он, — я позабочусь об этом. Утром переговорю с Карсоном.

— Подожди, — остановил я его, — я вовсе не хотел посвящать Карсона в это дело; он был связан с Нью-Йоркской компанией. — Лучше обратиться в какую-нибудь солидную государственную фирму и обойтись без рэкета. Дай подумать минутку.

Он снова прошел и сел. Я развернулся на стуле и взглянул вдаль на Нью-Йорк. Огни его все так же сверкали, а по реке сновали паромы. Я пытался вспомнить. Когда старик Джерри ушел в отставку, он подвизался в какой-то юридической фирме, которая держала его благодаря его связям. Сначала он что-то там делал, но теперь, хотя табличка с его именем все еще красовалась на двери, полностью отошел от дел. Я усиленно напряг память. Черт подери! Как же она называлась? Вот это был бы финт, если бы мне удалось это провернуть. Не думаю, что они откажут. Представить только — Джерри пытается упрятать меня за решетку, а фирма его отца — мой законный деловой представитель. Неплохой козырь в случае чего. Я вдруг вспомнил название и повернулся к Прайсу.

— Они находятся на Пайн Стрит. «Дрисколл, Коуэн, Шаунеси и Коэн». — Я взглянул на него, уловил ли он имя Коуэна, — нет. Записав что-то в блокноте, он сунул его в карман.

— Завтра же отправлюсь к ним.

— Прекрасно! Ты знаешь, как это делается. Оформи меня президентом кампании с восемьюдесятью процентами фонда. И не забудь, что мое полное имя Фрэнсис,

а не Фрэнк. Себя сделай вице-президентом с двадцатью процентами.

От удивления глаза его чуть не выкатились из орбит. Еще бы. Вот так просто получить сто тысяч в подарок! Но он стоил того и отработает эти деньги. Когда у человека есть что-то за душой, он чувствует гораздо большую ответственность.

— Фрэнк, — чуть не подавился он комом, застрявшим у него в горле, — ты не шутишь?

— Никогда еще не был так серьезен, — улыбнулся я и протянул ему руку, — итак, мы компаньоны.

Глава 6

На следующее утро Карсону удалось вырвать Мэдигена и Карвелла. Позже, днем, федеральный суд отпустил под залог Лигерро. Я вызвал их всех на девять вечера. Карсону так и не удалось подкупить родственников девчонок. Правда, родители одной из них были не прочь получить взятку и забрать заявление, другие же — категорически отказались, и я решил послать их к черту.

День прошел неплохо. Общий фонд увеличился на тридцать тысяч, несмотря на все усилия заморозить его. Потери составили всего двадцать тысяч. На улицах все так же охотились за букмекерами, а мэр тщетно пытался заставить телефонную компанию отрезать им связь друг с другом. Компания обещала ему поддержку, но приказ мэра так и повис в воздухе, а потом и вовсе затерялся.

Ближе к вечеру появился Карсон с докладом. Лигерро должен был предстать перед судом — у него не было никакой надежды выкрутиться. Что касается Карвелла и Мэдигена, то их шансы были пятьдесят на пятьдесят. В крайнем случае, им грозил небольшой срок.

Газеты решили ознаменовать этот день, освещая каждый шаг Коуэна. Первые страницы пестрели его портретами. Его политическая карьера засияла ярче нового пятицентовика в базарный день. Вот он входит в суд, приподняв шляпу, обратив к камере свою улыбающуюся физиономию с усиками в стиле Рональда Колмэна. Да,

выглядит довольно респектабельно. Почти как его отец. И почему я раньше этого не замечал?

Прайс уже побывал в юридической конторе, куда я его посылал, и сообщил, что через пару дней будет известно, возьмутся ли они за наше дело. Сегодня фортуна была явно благосклоннее ко мне.

Около семи я пошел пообедать, а когда вернулся в начале девятого, почти все были уже в сборе. Я пожал кое-кому руки, пригласил их к столу и пустил по кругу сигары. И после того, как они удобно устроились и задымили сигарами, начал говорить.

— Все вы следите за газетами, — сказал я, — поэтому нет необходимости напоминать о том, что происходит. Я собрал вас совсем по другому вопросу. Нам объявили войну, и нужно защищаться. Чтобы победить, нам нужно сейчас держаться как можно сплоченнее. Нас ожидают кое-какие потери. То, что случилось в эти последние дни, доказывает, что мы в несколько затруднительном положении. По словам Джо Прайса, вы поздно делаете ставки, иногда уже после начала забега. Я знаю, что вам сейчас приходится туго, но чтобы контролировать цены, мы заранее должны знать о ставках. В нормальных условиях мы не допускаем никаких ограничений. Сейчас же ситуация крайне напряженная. Я решил уменьшить ставки, но прежде хотел посоветоваться с вами. Деньги ваши, и я сделаю так, как вы считаете нужным. — Я замолчал и обвел их взглядом.

Первым поднялся Московиц.

— Думаю, что Фрэнк прав. Если мы будем продолжать в том же духе, то скоро вылетим в трубу.

Феннелли как обычно, спокойно, взвешивая каждое слово, проговорил с места:

— Я знаю, насколько это опасно, но что делать. Стоит нам сейчас разочаровать своих клиентов, все пойдет прахом. Я считаю вполне разумным согласиться с некоторыми потерями, потом мы быстро все наверстаем.

Все остальные, казалось, согласились с Феннелли. Я был прав. Эти ублюдки настолько были заняты, гребя под себя, что совершенно забыли об общем деле. Я улыбнулся.

— О'кей, джентльмены, пусть будет по-вашему. Раз вы настаиваете, я сделаю это.

Я рассчитал правильно, зная, что если пустить все на самотек, они будут продолжать в том же духе. С другой стороны, это облегчило бы мою задачу.

— Теперь, когда мы все выяснили, я хотел бы поговорить вот о чем. Как всем известно, Луи, Великана и Мэдигена накрыли. Не знаю, как они собираются выпутываться, но советую остальным не попадаться. — Я взглянул на эту троицу. Они смутились как проказники, которых кухарка застала на кухне у банки с вареньем. Сначала я обратился к Лигерро.

— Карсон сообщил мне, что ты прочно сел на крючок, и у тебя мало шансов сорваться. Хорошо, если ты отделаешься пятью годами тюрьмы и двумя — условно, если будешь паинькой.

Нужно было видеть Луи. Лицо его потемнело, он встал со стула и направился ко мне.

— Ты, чертов законник, только и думаешь, как бы засадить меня, — заорал он. — Но я так просто не дамся. У меня есть каналы.

Я подождал, пока он перебесится, потом обошел вокруг стола и встал перед ним.

— Послушай, Луи, — сказал я спокойно. — У тебя ни фига нет, и ты знаешь это не хуже меня. Не советую тебе что-либо предпринимать. Выбрось это из головы. А если ты собираешься пойти на сделку с ФБР и выдать нас — ты не дотянешь даже до тюрьмы. Прими это к сведению.

Я повернулся к нему спиной и обратился к остальным.

— То же самое касается всех, кто засветился. Если вы будете вести честную игру, мы хотя бы попытаемся спасти ваше дело. В противном случае — будете грести уголь. Мы все повязаны и должны держаться вместе.

Все молчали, поэтому я вернулся за стол и сел на место, наблюдая за ними. Потом продолжил спокойнее и увереннее.

— Что сделано, то сделано. Но остальным советую держать ухо востро. Если вы женаты, возвращайтесь домой к женам каждую ночь. Советую вам воздержаться от азартных игр и спекуляций, чтобы не к чему было придраться. Если у вас есть кто-то на стороне — советую избавиться и поскорее. Отошлите своих подружек во Флориду поправить здоровье. Не должно быть ничего, компрометирующего вас. — При этом я посмотрел на

Шутца. Он содержал сразу двух девок на Парк-авеню в одном доме, но в разных квартирах. Ни одна не догадывалась о существовании другой. Но было бы гораздо интереснее, если бы о них узнала жена. Ох и задала бы она жару. Я повернулся к Дженсену.

— Не шутите с огнем. — Дженсен понял, на что я намекаю. Все знали о его страсти ко всяким ворованным штучкам, вроде бриллиантов или машин. Его так и тянуло на спекуляции. Я посмотрел на остальных.

— Ликвидируйте также инвестиции в увеселительных заведениях. Конечно, вы кое-что потеряете, но лучше кое-что теперь, чем все — потом. Стоит им сцапать сейчас несколько человек — полетит все дело. Учтите. — Я замолчал и закурил. — Ну а если до кого-то не дойдет то, что я сказал — пеняйте на себя. Дела ваши никогда не шли так гладко, как до настоящего момента. Советую не рисковать. Есть вопросы?

На сей раз встал Феннелли. Худощавый, непроницаемый и холодный, в своей элегантной черной шляпе, он остановился у стола и подчеркнуто вежливо сказал:

— А что делать нам, если сцапают тебя?

Я ждал этого вопроса и посмотрел ему прямо в глаза.

— Если попадусь я, что маловероятно, мой вам совет — быстро собирайте манатки и сматывайтесь. Без меня вас всех переловят, как мух.

Он ехидно улыбнулся.

— Но мы ведь раньше обходились как-то и без тебя.

— Правда? — теперь настал мой черед ухмыляться. — И ты был счастлив? А сколько пуль в тебя всадили? Или ты живешь воспоминаниями о светлом прошлом? — Я взглянул мимо него на остальных.

— Все вы, ребята, так же зависите от меня, как и я от вас. Я пойду ко дну — вы отправитесь вслед за мной, и наоборот.

Потом, выдержав паузу, я добавил:

— И еще об одном. Не стреляйте без разбора. Если вы откроете огонь по полиции, вам — крышка. Есть еще вопросы?

На этом наша встреча закончилась. Наблюдая за ними, я лишний раз убедился, что был прав: они и пальцем не пошевельнут ради меня. Вовсе не лишне было напомнить этим ублюдкам, что предав меня, они поменяют смокинги на арестантскую робу.

Однако я особо не обольщался и прекрасно знал, что у них на уме. Если бы они были уверены в своих силах, то давно бы уже разделались со мной.

Глава 7

Домой я добрался около одиннадцати вечера. Прошло уже два дня с тех пор, как здесь была Руфь, но казалось, что-то напоминало о ее присутствии. Меня раздражала моя сентиментальность.

После Марианны я не увлекался серьезно ни одной женщиной. Я включил радио и расслабился. Зазвонил телефон. Диспетчер сообщил, что меня спрашивает какой-то мистер Аллисон.

— Хорошо, — сказал я, — пошлите его сюда, ко мне.

У меня мелькнула догадка, что он передумал. Через несколько минут послышался стук в дверь.

— Привет, Аллисон, чем могу быть полезен?

— Это официальный визит, мистер Кейн, — сообщил он, проходя в комнату.

Я подошел к кушетке, указал ему на стул и предложил чего-нибудь выпить. Он отказался, тогда я налил себе.

— Что ты хочешь узнать? — спросил я спокойно.

С минуту он пристально наблюдал за мной, затем, тщательно подбирая слова, начал:

— Я работал на вас восемь месяцев.

Я кивнул.

— И я знаю о вашем предприятии столько же, сколько и все. Но кое-что я хотел бы выяснить для собственного удовлетворения. И не только для себя, это может пойти и вам на пользу.

— Выкладывай, я отвечу, если смогу, — я отхлебнул виски из высокого тонкого стакана.

Он наклонился вперед, уперся локтями в колени и скрестил пальцы рук.

— Связаны ли вы с ростовщиками в Нью-Йорке?

— Нет, — ответил я. Ростовщики являлись второстепенной ветвью нашего бизнеса, и мне было не до них.

— Это противоречит общепринятому мнению, — заметил он.

— Да, я знаю. Мое предприятие особое в этом отношении. Беда в том, что я никого не могу привлечь за клевету.

— А как насчет организованной проституции? — спросил он.

— Если ты имеешь в виду женщин, наркотики и что-то еще в том же роде, — сказал я, — можешь быть спокоен. Человек я разносторонний, но — не подлец.

— Итак, единственный ваш интерес — скачки?

— Основной, — уточнил я, хотя он прекрасно знал об этом. — Преимущественно — сбор ставок, но и еще кое-что.

Он задумчиво откинулся назад.

— Пожалуй, я выпью, если ваше предложение все еще в силе, — едва заметно улыбнулся он.

Я молча налил ему виски. Он до сих пор не сказал мне о цели своего визита. Мы молча сидели друг против друга. Он окинул взглядом комнату, я дал ему время подумать.

Наконец он решился заговорить о главном.

— Как давно вы знакомы с Руфью Кэбелл?

Вопрос привел меня в некоторое замешательство.

— Недавно, — попробовал соврать я.

— Она, кажется, заинтересована в вашей судьбе.

— Вы говорили с ней? — спросил я. — Интересно, что она могла сказать обо мне.

— Да, вчера, — ответил он, — а почему она пришла к вам под вымышленным именем?

— Но ведь она служит в государственном учреждении и, вероятно, подумала, что если она назовет свое настоящее имя, я не захочу принять ее. Знаете, как это бывает. Она решила переделать меня.

Я задумчиво улыбнулся.

— Понимаю, — сказал он медленно.

Я чувствовал, что это еще не все.

— А как вы познакомились?

Я решил рискнуть.

— В больнице Беллевью, лет шесть тому назад, — ответил я и закурил. — Я был болен, потерял сознание на улице, и меня отвезли в больницу — истощение. Я долго ничего не ел, был без работы несколько месяцев, спал в подъездах, метро, общественных туалетах, и, вероятно, ей стало жаль меня.

— Я понял по ее рассказу, что вы хватили лиха. Трудные тогда были времена.

Я не просчитался: она не проболталась. Улыбнувшись, я повторил:

— Трудные были времена.

Он допил виски, поставил стакан и встал.

— Ну вот, кажется, и все, что я хотел узнать.

Я поднялся вместе с ним.

— К чему такая спешка? Посидим еще, — предложил я.

— Я должен ехать назад в Нью-Йорк, — сказал он, подходя к двери. Перекинув через руку пальто, он снова огляделся вокруг, потом повернулся ко мне.

— А знаете, мистер Кейн, вы могли бы точно так же преуспеть и в любом другом деле.

— Может быть. Но только это дело дало мне шанс, а другие — нет.

— Но ведь можно попробовать, — сказал он.

Я прекрасно понял, на что он намекал. Если я все брошу именно сейчас, пока меня не накрыли, возможно, я выйду сухим из воды.

— Нет. Я буду продолжать игру. Глупо бросать ее с такими картами, как у меня.

— Но карты могут оказаться не такими хорошими, как вам кажется. Что тогда?

Я пожал плечами.

— Не всегда же выигрывать. Я знаю.

— О'кей, — сказал он, поворачиваясь к двери, — это ваша заупокойная.

Я промолчал.

— Спасибо, что уделили мне время.

Я улыбнулся: какой вежливый, не то что местные полицейские; в ФБР брали людей только после колледжа.

— Ерунда, заходи в любое время, — улыбаясь, я закрыл за ним дверь.

Постояв некоторое время в раздумье, я набрал номер Руфи.

— Доктор Кэбелл, — ответил мужской голос.

— Мисс Кэбелл дома? — спросил я.

— Сейчас — нет, — ответил Марти, — а что передать? Подумав немного, я ответил:

— Ничего, спасибо. Я перезвоню.

— Подождите минутку, — быстро сказал Марти, — это Фрэнк?

Я очень удивился. Вот дьявольщина! Весь город, кажется, уже знает о нашей с ней встрече! Но ведь глупо было надеяться, что она не расскажет брату.

— Да, — ответил я.

— Фрэнк, — взволнованно произнес он, — это Марти.

— Я знаю, — холодно ответил я. Однако он не обратил никакого внимания на мой тон и продолжал.

— Господи, Фрэнк, как мне хочется увидеться с тобой!

— Очень мило с твоей стороны, но сейчас не время. Это может иметь неприятные последствия.

— Ты имеешь в виду Джерри? Мне плевать, что он подумает! Как-никак мы были друзьями.

— Я имею в виду не Джерри, а себя.

— А-а... — протянул он разочарованно. — А нельзя ли встретиться где-нибудь в безлюдном месте и поговорить? Никто даже не узнает об этом. Руфь говорила мне, что встречалась с тобой. Ведь это осталось без последствий.

— Да, поэтому я и позвонил Руфи и хотел поговорить об этом. У меня только что был агент ФБР. Он уже беседовал с ней, и я хотел спросить, что она ему сказала.

— Не знаю, она не говорила мне.

— Может быть, не успела, — предположил я, — может быть, он только сегодня был у нее.

— Понимаю, — сказал он потухшим голосом. — Попросить ее позвонить тебе, когда вернется?

— Да, пожалуйста, — ответил я и дал ему свой телефон.

— Я сразу же передам ей, как только она придет.

— Спасибо, — сказал я. — Пока.

— Счастливо, вспомни обо мне, если тебе понадобится друг.

— Еще раз спасибо. — Мне стало смешно. Не привык, чтобы люди относились ко мне хорошо просто так.

— Пока, — сказал он и повесил трубку.

Я взял газету. Примерно через полчаса зазвонил телефон.

— Говорит Кейн, — поднял я трубку.

Руфь спросила холодным и чужим голосом:

— Ты звонил мне?

— Да. У тебя был Аллисон из ФБР. Что он хотел?

— Ты имеешь в виду, что я ему сказала?

— Пусть будет так.

— Ты никому не доверяешь, не так ли? — спросила она.

— Это не в моих правилах.

— Ну что ж, если тебе от этого станет легче, — сказала она ледяным тоном, — я ничего не сказала о нас. Только то, что встретила тебя в больнице и заинтересовалась твоей историей.

— Отлично, — удовлетворенно сказал я. — Он и у меня был сегодня, и я сказал то же самое.

— Ты только из-за этого позвонил мне? — Странная нотка прозвучала в ее голосе.

— Конечно, детка. Молодец! Умеешь держать язык за зубами, — беспечно ответил я.

Ее-то мне удалось одурачить. Но вот себя... Ведь не было никакой необходимости звонить ей. Я и так все узнал от Аллисона.

— Прибереги свои похвалы для кого-нибудь другого. Я в них не нуждаюсь, — и она повесила трубку.

Я улыбнулся, подумав про себя, что как только разделаюсь со всеми проблемами, займусь ею; она еще вернется сюда.

Глава 8

Во вторник, двадцать четвертого декабря 1940 года я сидел в кабинете, слушая музыку, доносившуюся снизу. Как и во всех других учреждениях, у нас был в полном разгаре рождественский вечер. Мне пора было уже спускаться туда. Каждый год я напоминал таким образом своим служащим, что я действительно существую, а не являюсь фикцией или привидением. Большинство из них не видели меня в течение года, так как я пользовался личным лифтом. Руководили же начальники отделов. Они подчинялись нескольким исполнительным директорам, непосредственно передававшим мне всю информацию.

Вошла мисс Уолш в новом платье. Женщины обычно лезли из кожи вон, чтобы быть особенно привлекательными в такие дни, и шли на всякие уловки: цветы в

волосах, новые платья, красивые прически и ослепительные улыбки.

— Если я не нужна вам больше сегодня, — сказала она, улыбаясь, — я спущусь вниз.

— Конечно, мисс Уолш, — улыбнулся я в ответ и достал подарок, купленный несколько дней назад. Обычно я дарил ей флакон духов или коробку конфет, но в этом году купил маленькие часы с браслетом. Она заслужила такой подарок, так как после ухода Аллисона усердно работала и часто оставалась допоздна.

— С Рождеством!

Она взяла коробочку. Как и всякой женщине, ей очень хотелось открыть ее тотчас, но она не решалась сделать это в моем присутствии.

— Спасибо, мистер Кейн, — сказала она с благодарностью. — Счастливого вам Рождества!

Она вышла. Посидев еще немного, я спустился вниз. Вечер был в полном разгаре. Люди немного выпили и веселились на всю катушку. Обычно при моем появлении все затихали, несколько секунд царила тишина, прерываемая тихим шепотом. Это новым служащим объясняли, кто я такой. Потом веселье возобновлялось. Я принимал поздравления и, поговорив кое с кем, незаметно уходил.

На этот раз мне было скучно. Обычно после таких вечеров я чувствовал себя сильным и уверенным. Но сегодня не было ничего, кроме какой-то опустошенности. Наблюдая за танцующими парами, которые смеялись и шутили, я чувствовал себя не в своей тарелке. Что с того, что я платил за все? Это был их праздник.

Сейчас мне не о чем было волноваться. Все было относительно спокойно с тех пор, как прижали Лигерро и других. Они учли мои замечания, и постепенно все затихло. С каждым днем сообщения обо мне отодвигались все дальше и дальше, на последние страницы газет, вытесняемые более сенсационными известиями. Но я почему-то не мог отделаться от какого-то дурного предчувствия, которое то и дело черной тучей накатывало на меня.

Я собрался было уже уйти, как вдруг услышал рядом нежный, молодой голосок, обращавшийся ко мне.

— Мистер Кейн.

Я обернулся. Возле меня стояла девушка, внешность которой вполне соответствовала голосу. Лицо было такое юное, а широко раскрытые глаза дерзко смотрели на меня.

— Да, — мягко отозвался я.

По лицу ее пробежала тень облегчения. Мне показалось, что если бы я ответил другим тоном, она сразу же испугалась бы и убежала.

— Не хотите потанцевать?

— С удовольствием, — улыбнулся я неуверенно.

Она сияющими глазами посмотрела на меня. Я подал ей руку, и мы начали танцевать. Все вокруг уставились на нас. «Ну и пусть глазеют. В конце концов, это мой вечер, и я имею право делать все, что захочу», — подумал я. Впервые в жизни я танцевал на вечере.

Девчонка танцевала великолепно, такая юная и легкая на своих длинных ногах. Музыка была веселая и немного быстрая. Она прижималась ко мне своим молодым телом, и я словно тоже помолодел. Она смотрела на меня, подняв голову, как будто изучая мое лицо. Но как только я пытался взглянуть на нее, потупляла взор, словно скрывая что-то в глубине своих красивых глаз.

— Вы хорошо ведете, — робко прошептала она.

Я улыбнулся ей.

— Нет, просто вы прекрасно танцуете, мисс...

Она покраснела, смутившись.

— Мюриел, Мюриел Бонем, — сказала она и быстро пролепетала так, будто слова сами вылетали из ее уст, — надеюсь, вы не сочтете меня дерзкой оттого, что я пригласила вас танцевать?

— Нет, конечно. Я даже очень рад.

После моего ответа она немного осмелела.

— Просто вы показались мне таким одиноким.

Я снова взглянул на нее. Плохи же мои дела, если даже девчонка заметила это.

— С чего вы это взяли, Мюриел? — спросил я беспечно.

— Вы так смотрели на всех, словно вам тоже хотелось танцевать, — засмеялась она.

— Понимаю, — тихо сказал я.

Музыка закончилась. Мы стояли и аплодировали. У нее было такое чистое, сияющее лицо, озаренное непосредственной детской улыбкой. Она показалась мне

слишком юной для нашего бизнеса. «Надо будет узнать у мисс Уолш, в каком отделе она работает, и убрать ее. Такой девчонке лучше держаться подальше от всего этого», — подумал я.

Снова заиграла музыка, мы станцевали еще один танец, и, поблагодарив ее, я вернулся в свой кабинет. Я налил себе виски с содовой и сидел неподвижно, пока не смолкла музыка. А ведь девчонка была права. Я был очень одинок. Но каждый сам волен выбирать судьбу. Я давно все решил для себя.

Взглянув на телефон, я подумал, что неплохо было бы позвонить Руфи и поздравить ее с Рождеством. Более подходящего предлога и не придумать. После нашего последнего разговора торговец цветами каждый день доставлял ей лилии от меня. Она не знала об этом, но и не отказывалась. Хорошо было бы поговорить с ней. Я протянул руку к телефону. Но тут я заметил, что дверь тихонько приоткрылась. Я выдвинул левый ящик стола и опустил руку на автоматический пистолет, не сводя с двери глаз.

В полуоткрытую дверь просунулась девичья головка с золотыми волосами, слегка переливавшимися в тусклом неоновом свете. Она увидела меня за столом и смело вошла.

— Вы все время были здесь, мистер Кейн? — спросила Мюриел.

— Да, — сказал я, задвинув ящик. — Зачем вы пришли?

— Не знаю, — ответила она просто. — Я почувствовала, что должна была это сделать.

Глаза ее выражали удивление и, казалось, она сама не понимала того, что делала.

Я поднялся и молча подошел к ней с угрожающим видом. Что-то нашло на меня, и я не мог совладать с собой. Она, казалось, немного испугалась.

— Мистер Кейн, что вы собираетесь делать? — отшатнулась она от меня.

Я молча взял ее за плечи и грубо притянул к себе, потом, схватив за подбородок, повернул ее лицо к себе и со злостью поцеловал в губы. Это был долгий, тяжелый, отвратительный поцелуй. Она закрыла глаза и, казалось, обессилела.

— Ты за этим пришла? — резко спросил я.

Однако она не обратила никакого внимания на мой тон, голова ее все так же покорно лежала у меня на плече, она лишь простонала:

— О, мистер Кейн!

Я взглянул на нее. Эта маленькая сучка просто сама стелилась под меня. Я вдруг почувствовал себя таким старым и уставшим. От возбуждения не осталось и следа. Я убрал руки и отпрянул от нее. — Что случилось, мистер Кейн? — обиженно спросила она.

— Ничего, детка, шла бы ты домой, чтобы не пришлось потом сожалеть, — я закурил.

— Мистер Кейн, — сказала она игриво, — я не пожалею. Не выгоняйте меня, пожалуйста.

— Убирайся! — грубо сказал я. — Ты слишком мала для таких игр. Иди домой, к маме.

— Мне уже двадцать, мистер Кейн, — сказала она, гордо вскинув голову, — и я достаточно взрослая, чтобы делать все, что мне захочется.

Я молча наблюдал за ней.

— Мистер Кейн, — спросила она снова, потупив взор, — а с кем вы собираетесь разделить рождественский ужин?

Ее вопрос ошарашил меня. Что угодно ожидал от нее, но только не это.

— А что? — спросил я.

— Не хотели бы вы поужинать со мной? — неуверенно предложила она, все так же потупив взор. — Я не хочу опять встречать Рождество одна.

Слово «опять» заинтересовало меня.

— Почему одна?

— Я живу в пансионе, — печально ответила она. — Мои родители умерли, и мне не с кем встречать Рождество.

Ее голубые глаза наполнились слезами.

— Всем, кроме нас с вами, есть куда пойти.

— А почему ты вдруг решила, что мне некуда пойти?

— Это же написано на вашем лице. Я всегда чувствую, когда человек одинок.

С минуту я наблюдал за ней, а потом сказал, улыбаясь:

— О'кей, Мюриел, я поужинаю с тобой; но ничего больше...

— Мистер Кейн, — сказала она улыбнувшись, — я не девственница.

Я захохотал и упал на стул.

— Я тоже, мисс Бонем, — потом поцеловал ее, и мы отправились ужинать в «Ойстер Бей».

Отличная все-таки девчонка. Просто у меня не было настроения. И кроме того, вряд ли ей было двадцать лет. После ужина я повез ее домой; она жила в Тинеке.

Я остановил машину перед домом, который она указала, и проводил ее до дверей.

В прихожей горел тусклый свет. Я попрощался и хотел уйти.

— Вы даже не поцелуете меня на прощание, мистер Кейн? — спросила она грустно.

Я усмехнулся про себя. Надо было быть чокнутым, чтобы начинать все сначала.

— Ладно, детка! Только один поцелуй.

Она снова подошла ко мне. При таком свете она выглядела значительно старше и серьезнее.

— Я не ребенок, мистер Кейн.

Я обнял ее и поцеловал, а когда отпустил из своих объятий, понял, что она не шутила. Детка, действительно, знала толк в поцелуях.

Она стояла так близко ко мне, прижавшись всем телом, обжигая горячими, сладкими губами.

Вдруг прямо надо мной раздался грубый мужской голос:

— О'кей, Бонни, хватит.

Она отдернула руки и сделала шаг назад, ничуть не удивившись и даже не вздрогнув. Я быстро взглянул на нее и начал медленно поворачиваться. Все поплыло у меня перед глазами. Однако я успел заметить двух мужчин. Один из них держал револьвер, нацелив его мне в живот.

Нелепая мысль промелькнула в голове: «Вот так прощальный поцелуй!»

Глава 9

Я стоял молча. Внутри у меня все сжалось и похолодело.

— Обыщи его, — приказал тот, что был с оружием.

— Нет нужды, он чист, — сказала Бонни, отходя.

— Все равно обыщи, — сказал первый, — зачем испытывать судьбу.

Я приподнял локти и дал обыскать себя. Девчонка стояла рядом с парнем, державшим в руке револьвер. Только сейчас я заметил, что у нее великолепная фигура. Я попытался сообразить, что со мной происходит, но голова была словно в тумане; иначе я бы не свалял такого дурака.

— Поворачивайся и иди в машину, — бросил мне один из мужчин.

С револьвером шутки плохи — и я повиновался, ни черта не понимая. Если меня хотели шлепнуть — более подходящего места и не придумать. Поблизости не было ни одного дома. И вдруг, словно молния пронзила мой мозг. Девчонка сказала, что ее родители умерли. Только два человека могли предположить, что я клюну на это. Только они знали о моем прошлом и были крайне заинтересованы в моей судьбе — Джерри и Силк. Джерри вряд ли пошел бы на это. А если это проделки Силка, меня бы сразу уложили на месте, еще в доме. Я сел за руль.

— Через мост в Нью-Йорк, — приказал парень, садясь сзади. Девчонка устроилась впереди, рядом со мной.

— Ты едешь на встречу с федеральным прокурором.

У меня невольно вырвался вздох облегчения. По крайней мере, это еще не финал. Но как-то не укладывалось в голове, что Джерри мог отмочить такой номер. Никогда не думал, что он мог действовать подобными методами.

Я заговорил с девчонкой.

— Ловко ты меня.

— Ничего не было проще, — равнодушно ответила она.

Да, она была права: я все сделал сам. Все, что от нее требовалось — это хорошо сыграть свою роль.

— И давно ты у нас работаешь? — спросил я.

— А я и не работаю; просто пришла на вечер и дождалась вас.

Я хотел было сказать еще что-то, но дуло револьвера уткнулось мне между лопаток.

— Заткнись! — рявкнул один из недоносков.

Мы пересекли мост и отправились вниз. Он тряхнул меня за плечо.

— Поезжай в отель «Дофин».

Я знал это место на Бродвее. Опять запахло жареным, и мне это не очень нравилось. Я все еще не мог врубиться, что они задумали.

Припарковавшись на Бродвее, мы прошли в вестибюль отеля.

— Рановато, — сказал один из них, — пойдем в бар, выпьем. И не глазей по сторонам!

Мы молча зашли в бар и разместились в отдельном кабинете. Официант принял заказ, и я расплатился по счету. Через несколько минут девчонка встала и направилась к телефону. Вернувшись, она сделала знак тому, у которого был револьвер. Он кивнул, встал и коротко скомандовал:

— Заканчивай и пошли.

Подойдя к стойке, он обратился к администратору:

— Пожалуйста, две комнаты с ванной для моего друга, — указал он на меня.

Я записал свою фамилию в регистрационной книге. Итак, кое-что начало вырисовываться. Но кто был за всем этим?

Нас проводили в номер на четвертом этаже. Получив чаевые, коридорный вышел.

— Устраивайтесь, — нахально сказал мне один из молодчиков.

Я сел на стул у окна, а он подошел к телефону и набрал номер, наставив на меня револьвер. Потом спросил:

— Мистер Коуэн?

Последовал ответ, он выждал несколько секунд и продолжил:

— Кейн здесь, в Нью-Йорке. Он хочет поговорить с вами.

Ему что-то ответили, на что он возразил:

— Нет, он хочет поговорить с глазу на глаз. Хорошо. Встреча в отеле «Дофин» на Бродвее, номер 412. — Он положил трубку.

Итак, ловушка была готова. Я, наконец, разгадал эту головоломку.

Негодяй подошел к девчонке.

— Все в порядке, Бонни. Передай боссу, что прокурор будет здесь через полчаса.

Она встала и направилась к двери.

— Удачи тебе, детка, — пожелал я.

Она повернулась, улыбаясь.

— Прибереги ее для себя, дорогой. Тебе она больше понадобится.

— Заткнись, Бонни, — прорычал ее дружок. Она вышла, парень приказал второму спуститься в вестибюль и позвонить, когда появится прокурор, а сам устроился у телефона. Мы уставились друг на друга.

— Из Детройта? — поинтересовался я.

Он промолчал.

— И сколько тебе за это платят?

Он не отвечал.

— Я заплачу тебе вдвое больше.

— Заткнись, — огрызнулся он.

Я замолчал. Все было проще простого: убить Коуэна, как только он войдет, усыпить меня и вложить в руку револьвер. Все будет выглядеть очень правдоподобно. Никто не станет разбираться со мной. А тот, кто это затеял, убьет сразу двух зайцев: уберет с дороги прокурора и подставит меня под удар.

Это почерк Феннелли. Никаких сомнений больше не оставалось. Только он был на это способен. Так просто и гениально! Установить мое присутствие не составило бы никакого труда. Меня видели в баре, меня видел администратор. Все знали, что прокурор давно охотился за мной. Да, влип по уши. Капли пота проступили у меня на лбу.

Мы сидели, глядя друг на друга, а время шло и, казалось, не было никакого выхода. Часы безжалостно отсчитывали секунды. Я вытащил платок и промокнул лоб. Чему суждено — того не миновать. Только бы скорее!

Зазвонил телефон. Он взял трубку и послушал. Положив ее, подошел ко мне и указал на стул, на котором только что сидел сам.

Я пересел. В висках бешено стучало, в горле застрял комок.

Он встал справа от двери так, чтобы Джерри не мог его видеть, и наставил на меня пушку.

— Молчи, если хочешь жить!

Я отчаянно заговорил, обращаясь к нему:

— Ты не выйдешь сухим из воды. Эта затея не сработает. Я заплачу столько, сколько скажешь.

Он презрительно посмотрел на меня.

— Все вы—одинаковы: такие важные, пока вас не прижмут, как следует. А тогда распускаете сопли! Заткнись! — он угрожающе ткнул меня револьвером.

Через секунду раздался стук в дверь, и тут же зазвонил телефон. Я машинально схватил трубку и одновременно крикнул:

— Войдите!

Кто-то заорал в трубку:

— Фликс, тут полно легавых!

Дверь уже открывалась. Бросив трубку, я вскочил на ноги. Впервые в жизни я был рад тому, что мне никто не верил.

Я успел крикнуть тому, что был у двери:

— Здесь полиция. Линяй! Я прикрою тебя!

Он смотрел на меня нерешительно, вцепившись в револьвер побелевшими пальцами.

Я сделал шаг, и он наставил на меня револьвер. В этот момент в комнату вошел Джерри. Он не видел того, позади себя. В коридоре толпились мужчины, с любопытством глазевшие на нас.

— Я рад, что ты позвонил, — сказал Джерри, — пора уже поумнеть.

Глава 10

Комната озарилась яркой вспышкой, ослепившей меня. Парень за дверью убрал револьвер и направился ко мне. Я с досадой подумал, что уже завтра мои фотографии появятся во всех газетах. Потом засмеялся и сказал:

— Проходи, рад тебя видеть.

Толпа ринулась в комнату вместе с Джерри.

— Это что, арест? — поинтересовался я.

— Пока нет,— ответил он. — Ты хотел поговорить со мной?

— Нет, это была его идея, — указал я на парня. — Он устроил эту встречу с помощью револьвера, подстроив двойную западню.

Негодяй грубо выругался и полез было в карман, но тут же получил хороший удар в зубы и рухнул на пол. А я продолжал, как будто ничего не случилось:

— Что касается меня, то я предпочел бы никогда не встречаться с тобой.

В одной руке у агента был револьвер гангстера, другой он за шиворот поднял его и поставил на ноги. Бедняга был слегка оглушен. Он встряхнул головой и пробормотал со злостью:

— Это все Кейн, сукин сын! Почувствовал, что ему хана, и решил подбросить вам меня.

Я иронически улыбнулся.

Джерри повернулся к своим ребятам.

— Отвезите его в центр и допросите.

Один из них медлил:

— Может быть, у Кейна есть оружие? — он явно не хотел уходить.

Джерри вопросительно посмотрел на меня. Я молча покачал головой, и он, обернувшись к своим ребятам, сказал:

— Нет, он не вооружен. Подождите меня внизу.

Они вышли, и мы остались один на один.

Я сел на стул. Джерри снял пальто, сел и посмотрел на меня.

— Это правда?

— Да, — кивнул я, — это западня. Они собирались кончить тебя и повесить это на меня. Действовали наверняка.

Я достал сигареты и предложил ему. Он отказался и вытащил сигару из внутреннего кармана. Мы закурили и некоторое время молча изучали друг друга.

— Есть какая-нибудь идея? Кто стоит за этим?

Я улыбнулся. До чего наивный вопрос!

— Если бы я знал, я бы сейчас не был здесь.

Мы снова замолчали, и я посмотрел на него.

Он возмужал. Лицо округлилось, волнистые коричневатые волосы слегка отдавали золотом. У него были маленькие усики, полные румяные щеки и пухлые губы. Начинал расти животик. В общем он производил впечатление самодовольного и преуспевающего человека.

Джерри тоже внимательно меня изучал.

— Боже, а ведь ты постарел! — вырвалось у него непроизвольно.

Я лишь улыбнулся в ответ.

— Никогда не думал встретиться вот так, — сказал он, наблюдая за моим лицом. Потом тон его стал спокойным и официальным.

— Так сложились обстоятельства. Мне очень хотелось бы помочь тебе, но я должен выполнить свой долг.

«Старая песня!» — подумал я, но вслух сказал:

— Понимаю.

— Я должен задать тебе несколько вопросов. — Он достал из кармана листок и, взглянув на него, снова спрятал.

— Ты встречался с человеком по имени Толстяк Краун?

Я кивнул.

— Где?

— В городе, — ответил я, — но я не очень хорошо знал его и поэтому особо не интересовался им.

— И тем не менее ты убил его, так как он был против создания вашей организации.

Я улыбнулся.

— Я не имею никакого отношения к его убийству, так же, как и к созданию организации. Я законный бизнесмен, — сказал я и, глубоко затянувшись, продолжил, — если ты это имел в виду, то напрасно тратишь время. Если бы я и знал что-то, то все равно не смог бы тебе ничего сказать.

Лицо его сразу стало непроницаемым.

— Так вот как ты?

Каким надо быть идиотом, чтобы предположить, что я расколюсь только из-за того, что когда-то в детстве мы дружили. Неужели он на это рассчитывал? Я вовсе не собирался давать ему в руки козыри против себя.

— О'кей, — со злостью вскочил он, теряя самообладание, — я начинаю верить тому, что сказал этот парень — это была твоя затея.

— Думай, что хочешь, — спокойно ответил я.

— Послушай, — резко сказал он, — я пытался тебя вытащить только потому, что мы были знакомы. Еще несколько месяцев назад я предупреждал тебя завязать с этим, но ты не послушался. Теперь я прижму тебя. Довольно выжидать, я жажду крови.

Он был вне себя от злости. С каким удовольствием он сгреб бы меня сейчас, если бы мог. Но был бессилен сделать что-либо как для меня, так и против. Я встал.

— Ну что ж, это будет твой триумф.

— Как бы он не обернулся твоими похоронами, — заорал он.

— Тише! — хладнокровно сказал я, — соседи!

Лицо его стало пурпурно-красным, на шее напряглись все жилы.

— Ничтожный ублюдок! — злобно прорычал он.

Вот оно, прорвалось через двадцать лет! Я измерил его ледяным взглядом.

— Ты, конечно, другого поля ягода.

Он снова упал на стул и впервые за это время обратился ко мне по имени.

— Фрэнк, — сказал он, оправдываясь, — я совсем не то имел в виду. Извини. Я был вне себя. Я ненавижу это дело так же, как и ты, но это моя работа.

— Успокойся, старик! — сказал я. — Я все прекрасно понимаю!

Мы замолчали, думая каждый о своем.

— Ну почему ты не можешь завязать с этим, Фрэнки? — спросил он.

Я не ответил. Это было бы лишним подтверждением его слов.

— Ничего нет проще, чем засадить тебя за попытку покушения на мою жизнь.

Да, действительно. Но был бы он удовлетворен этим?

— В конце концов, — продолжал он задумчиво, — тебе представился бы удобный случай. Небольшой срок позволил бы отгородить тебя от всего, и кто знает, может быть, отвратить с этого пути.

Я улыбнулся и подколол его.

— Так ты пытаешься защитить меня или своих горожан?

Он сверкнул глазами.

— Ты говоришь так спокойно.

— А почему бы и нет? — спросил я. — Тебе поручили работу. Так выполняй ее. Ты мне ничем не обязан.

Мы поднялись, и он протянул мне руку.

— А ведь мы могли бы быть друзьями.

— Мы и так друзья, — ответил я, пожав его руку, — но это между нами. А работа — есть работа.

Он все не отпускал моей руки.

— И все-таки, я собираюсь выбить у тебя ракетку и вывести из игры.

Я улыбнулся в ответ.

— Ну что ж, твое дело. Попробуй.

— Ты сомневаешься, что мне это удастся?

— Да, очень сомневаюсь.

— Если я отпущу тебя сейчас, явишься ли ты ко мне в контору в понедельник? — спросил он.

Это была неплохая идея. По крайней мере я мог переговорить с Карсоном и явиться вместе с ним.

Джерри повернулся к двери.

— Жду тебя в девять часов.

— Хорошо, я приду.

Он обернулся и снова посмотрел на меня. На мгновение лицо его озарилось такой знакомой улыбкой.

— С Рождеством тебя!

— И тебя тоже, — сказал я, и он вышел.

Было уже начало первого. Я спустился в вестибюль. Номер обошелся мне в пятнадцать долларов. Я с радостью расплатился и вышел. Машина все еще стояла там, где я ее оставил. К рулю был приколот чек за парковку. Усмехнувшись, я сел за руль.

Немного проехав, я услышал за спиной знакомый голос и вздрогнул от неожиданности.

— Привет, Фрэнки.

Трудно было поверить собственным ушам, но это был голос Руфи. Съехав на обочину, я остановил машину.

— Как ты здесь очутилась? — удивленно спросил я ее.

Она вышла из машины, села впереди, рядом со мной, и только тогда ответила:

— Джерри был у нас, когда ты звонил.

— Я вовсе не звонил ему. Это была западня.

И я вкратце рассказал ей, что произошло, опустив подробности о девчонке.

— А я-то думала, что до тебя, наконец, дошло, — сказала она разочарованно.

Я слегка сжал ее руку.

— Дорогая, дай мне время. Возможно, когда-нибудь...

— Почему не сейчас? — спросила она растерянно.

— Сейчас мне нужно еще кое-что сделать.

Я попытался переменить тему.

— А как ты нашла машину?

— Я поехала за Джерри, — сказала она рассеянно, думая о чем-то другом. — А когда увидела твою машину, то села в нее и ждала. Должен же был ты рано или поздно выйти.

Да, она, казалось, знала больше меня. Каких-нибудь несколько часов назад моя жизнь висела на волоске.

Я остановился возле дома Феннелли.

— Подожди, пожалуйста. Мне нужно переговорить с одним типом. Я быстро.

Она не ответила. Я взбежал вверх по лестнице и позвонил в дверь Феннелли. Если это его рук дело, он должен быть дома с дружками. Я не ошибся. Дверь открыл Лоренс, и я молча прошел мимо него.

Феннелли со стаканом в руке наблюдал за игрой в карты. Он ошарашенно взглянул на меня.

— Что ты тут делаешь, Фрэнк?

Я холодно, презрительно усмехнулся.

— В Нью-Йорке, я имею в виду, — поспешно добавил он.

Вот и вся разгадка. Он не задал бы этот вопрос, если бы был чист. Я прошел мимо него прямо в спальню, не обращая внимания на остальных, и открыл дверь.

— Иди сюда, Силк. Есть разговор.

Мне показалось, он побледнел немного. Я закрыл за ним дверь и повернулся к нему.

— Что случилось? — спросил он.

— Кто-то пытался прикончить прокурора сегодня ночью и повесить это дело на меня.

— Но кто? — спросил он невинно.

— Не знаю, возможно, ты?

— Впервые об этом слышу, — попытался оправдаться он. На верхней губе его выступили капельки пота. — Как это было?

Я кратко рассказал ему. Он поднял руку к лицу и воскликнул:

— Да, они почти достали тебя.

— Почти! — сказал я резко.

— Их было только трое? — спросил он.

Я кивнул.

— Не знаю, что случилось с двумя другими, но одного прихватила полиция.

— Ну что ж, буду держать ухо востро и если что, дам тебе знать, — быстро отреагировал он.

— Особенно постарайся насчет этих троих, — сказал я, — у меня уже есть кое-какая идея.

— Хорошо, Фрэнк, хорошо.

Я повернулся и вышел. Конечно, Феннелли не допустит, чтобы они попали мне в руки. Я подписал им смертный приговор. Ну вот и отлично. Мне нужна передышка. И Феннелли не станет больше ничего предпринимать, пока не представится более подходящий случай, чем сегодня.

Я открыл дверцу машины.

— О'кей, детка, — радостно сказал я, — надеюсь, я не слишком долго? — Ответа не последовало.

Заглянув в машину, я обнаружил, что Руфь исчезла.

Глава 11

Моя встреча с Джерри у него в кабинете обернулась полным фарсом. Каждый раз, когда Джерри задавал вопрос, Карсон, которого я прихватил с собой, советовал мне не отвечать.

Итак, я был нем как рыба часа полтора и ушел в полной уверенности, что у Джерри не имеется ничего, чтобы зацепить меня. Он только забрасывал удочку. Все, чем они располагали — это моя фотография, которая в тот же вечер появилась на первых страницах всех газет с подписью:

> «Вот человек, которого правительство вашего города и штата считает врагом общества номер один».

Здесь же была и еще одна заметка.

> «В поле у Бостонской почтовой дороги найдены два трупа, мужчины и женщины, которые были застрелены из револьвера».

Приметы женщины полностью совпадали с описанием той девчонки, которую они использовали в качестве приманки. Да, Силк не терял времени даром. Третий парень все еще находился в тюрьме, но я не сомневался, что Силк позаботится и о нем при первой же возможности.

Итак, я был совершенно свободен и мог делать все, что мне вздумается. Правда, я пообещал Джерри явиться по первому же его требованию. А вечером я позвонил Руфи.

— Что ты делаешь на Новый год? — поинтересовался я.

Голос ее был холодным и безразличным.

— У меня свидание.

— Плюнь на него, давай поедем в город.

Вместо ответа она повесила трубку. Я усмехнулся про себя. Пока у нас что-то не клеилось никак, но дальше, кто знает...

Прошел январь. Наступил февраль. За это время ничего особенного не произошло, но я чувствовал, что-то назревало, враги мои не дремали. Моя новая организация была уже на мази и оставалось только послать Джо Прайса на поиски помещения. Но я собирался сделать это лишь в случае крайней необходимости. Пока же ребята вели себя примерно, и наше дело опять окрепло и вошло в норму.

Однако это было лишь временное затишье перед бурей. Первый удар последовал в конце февраля, когда мне позвонил Карсон.

— Фрэнк, — он слегка нервничал, — я отстранен от работы.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Судебная корпорация возбудила против меня дело, — сказал он дрожащим голосом.

— Это значит, что ты не можешь практиковать до окончания следствия?

— Да, — уныло ответил он.

— У них есть основания? — спросил я.

— Не достаточно, — ответил он, горько усмехнувшись, — но они будут тянуть до тех пор, пока что-то не всплывет.

Этим чем-то как раз-то и был я.

— Хорошо, приезжай сюда, потолкуем. — Я повесил трубку и, закурив, посмотрел на Нью-Йорк через реку.

Это было началом конца. Они прекрасно знали, что я не мог сейчас довериться другому адвокату.

Дальше они попытаются вывести из игры ребят. Я повернулся к столу и вызвал Джо Прайса.

А через два дня они не на шутку начали нас трясти.

Первым взяли Дженсена, как скупщика краденого; на него вышли по следам пропавшего ожерелья. Его отпустили лишь под залог в двадцать пять тысяч.

Затем последовал следующий раскат грома среди ясного неба: кто-то натравил жену Шутца на его любовниц с Парк-авеню. Она явилась туда и застала его играющим в карты с одной из девиц. Не долго думая, она выстрелила в них поочередно. Правда, никого не убила, но угодила в тюрьму и сейчас с удовольствием рассказывала все, что знала о делах мужа. Я мог представить себе, как там ловили и записывали каждое ее слово и делали соответствующие выводы.

В конце недели я убрал из города Джо Прайса, поручив все дела его заместителю. Судя по тому, как разворачивались события, игра должна была скоро закончиться.

Последнее воскресенье февраля решило все. Это был конец. Я отдал территорию Шутца Карвеллу, Келли и Феннелли.

Но, как я и предполагал, они что-то не поделили, и Феннелли убрал Келли. Однажды утром, когда он вышел из дому, его прикончили двое молодчиков Феннелли.

И именно Феннелли, позвонив мне, сообщил очень спокойно, что Пигги Лоренс только что убил Железного Майка.

У меня сперва даже язык отнялся. Выполняй они точно мои указания, у нас еще был бы шанс. Но теперь все пошло прахом. Общественное мнение было полностью на стороне правительства. Я тихо спросил:

— Кто приказал ему сделать это?

— Понятия не имею, Фрэнк, — сказал он, а в голосе чувствовалось совсем противоположное: «Ну а что ты сделаешь, если это даже и я?»

— Тогда кто, если не ты? — заорал я. — Этот помешанный на пушках сукин сын никогда ничего не делал сам без команды.

— Он говорит, что ты звонил ему, — ответил он тихо.

Я поперхнулся, потом сказал, уже спокойнее:

— С каких это пор он начал делать что-то для меня, если работает на тебя?

— Он сказал, что ты позвонил и попросил его позаботиться о Келли, а уж ты потом не оставишь его своим вниманием.

— Можешь передать ему, пусть катится ко всем чертям и на меня не рассчитывает, — рявкнул я злобно.

— А что, если его поймает полиция? — спросил Феннелли. — Пташка запоет и свалит все на тебя.

Да, он, действительно, был шелковым, этот Силк*. Лучшего имени для него нельзя было и придумать.

— Советую тебе очень постараться, чтобы его не поймали, иначе может выясниться, что и у тебя рыльце в пушку.

Я положил на минутку трубку, но тут же поднял ее снова и позвонил Джейку Рансу. Это был наш парень среди газетчиков и иногда выполнял для нас кое-какие поручения.

— Алло, — ответил он.

— Джейк, это Фрэнк Кейн. Хочу попросить тебя напечатать для меня кое-что в колонке «Уэтзел».

— Что именно? — спросил он.

— Один скользкий городской маклер кое-что знает об убийстве Железного Майка Келли, но не желает говорить об этом.

Джейк присвистнул.

— О, Фрэнк, слишком кусается. Не знаю, смогу ли я.

— Даю тысячу, если можешь, — сказал я.

— Считай, что уже напечатано. А что случилось, Фрэнк?

— Крысы бегут с тонущего корабля, — ответил я и положил трубку. Надо было припугнуть Феннелли.

Заметка появилась в газете в понедельник. А поросенок Пигги превратился в дохлую свиную тушу уже через два часа после выхода газеты. Он, якобы, попал под автомобиль.

Глава 12

Я стоял, бреясь, перед зеркалом. Настроение было прекрасное. В апрельском воздухе уже чувствовался знакомый аромат весны. Солнце струилось в окно, лаская

---

* Силк (англ. Silk) — шелк.

меня и наполняя новой силой, и я радовался как последний дурак. Отложив бритву, я побрызгал лицо лосьоном после бритья, чувствуя приятное покалывание. Причесавшись и надев рубашку, я вышел из ванной.

Набрав номер по телефону, я попросил принести мне чего-нибудь на завтрак. Они всегда знали, что я хотел.

— Хорошо, мистер Кейн, — ответила девушка. — Кстати, мистер Кейн, здесь доктор Кэбелл и его сестра. Они хотят вас видеть.

— Пусть поднимутся ко мне и пришлите тогда завтрак на троих.

Я положил трубку. Через несколько минут раздался стук в дверь. Передо мной стояли Марти и Руфь. Улыбнувшись, я протянул руку Марти.

— Входи, старик, рад тебя видеть.

— Фрэнки, — он крепко сжал мою руку. Они прошли в комнату.

— Вы как раз подоспели к завтраку, и я не стану слушать никаких возражений.

Мы сели, и я закурил. В комнате царил беспорядок, так как в воскресенье ее не убирали.

— Не обращайте внимания, — обвел я рукой вокруг, — холостяцкая берлога.

— Фрэнки, ты прекрасно выглядишь, — улыбнулся Марти.

— Да и ты тоже, я слышал к тому же, что все растешь?

Он слегка покраснел.

— Ерунда, — смутившись, сказал он, — просто я очень люблю свою работу и отдаю ей все силы.

Принесли завтрак, и мы начали есть. Руфь молчала. Было как-то неловко, и я спросил, улыбнувшись:

— Вы знаете что-нибудь о миссис Скотт?

— Она умерла, — печально ответил Марти.

— Очень жаль, — прошептал я.

— Да, — ответил Марти, — она первая подала мне идею стать врачом. Если бы не она, наверное, я бы никогда не додумался сам.

— Прекрасная женщина, — вставил я.

— Она очень заботилась о тебе. Ты ведь был ее любимцем, и она многого от тебя ожидала.

Он вдруг осекся и замолчал, смутившись. Я засмеялся и повернулся к Руфи.

— А что ты об этом думаешь?

— Она первая по-настоящему поняла тебя, Фрэнки, — задумчиво ответила она.

Я помолчал. Возможно. Однако не все в жизни идет так, как задумывалось. Я пожал плечами:

— Это было так давно.

Я уже почти закончил с яичницей и взялся за чашку. Руфь наклонилась и сама налила мне кофе. Когда она подавала мне чашку, я невзначай дотронулся до ее руки, и мы обменялись взглядами, как бы испугавшись этого случайного прикосновения. Я утонул у глубине ее голубых глаз. Марти хотел что-то сказать, но передумал, и мы некоторое время сидели молча. Потом я воскликнул:

— Как хорошо, что вы пришли!

— Это была моя мечта, — сказал Марти, — я так хотел увидеть тебя, и кроме того, Руфь...

— Что Руфь? — спросил я.

— Я хотела, чтобы он поговорил с тобой. Ведь он твой друг.

Я встал и подошел к окну.

— Мне нужны друзья, — сказал я, — но не их советы.

Руфь подошла и взяла меня за руку.

— Друзья не те, кто просто слушают тебя и во всем с тобой соглашаются. Иногда они говорят то, что тебе неприятно, ради твоего же блага. Пожалуйста, послушай нас.

Я повернулся к ней и, не обращая внимания на Марти, обнял ее.

— Детка, если ты действительно любишь меня, почему ты не хочешь принять меня таким, как есть? Зачем изводить себя, пытаясь заставить меня делать то, что я не хочу?

Она на мгновение прильнула ко мне.

— В том-то все и дело. Если бы я тебя не любила, мне было бы все равно.

Марти смотрел на нас очень серьезно.

— Ты действительно имела в виду то, что сказала мне? — обратился он к Руфи.

— Да, — не колеблясь ответила она.

— Фрэнк, тебе придется сдаться, — улыбнулся мне Марти, — эта девчонка давным-давно все решила, и ты не переубедишь ее.

Я взглянул сначала на одного, потом на другую. Они заговорщически улыбнулись.

— Что за черт! О чем это вы говорите? — раздраженно спросил я.

— Сказать ему? — все так же улыбаясь, обратился Марти к Руфи.

— Нет, — ответила она, вдруг снова став очень серьезной, — он сам должен дойти до этого.

Мы снова сели на кушетку, я обнял ее за плечи. Прильнув ко мне, она наблюдала за моим лицом.

— Марти был в Европе несколько лет назад и кое-что видел. Я хочу, чтобы он рассказал тебе.

Я с любопытством глянул на него.

— О, это длинная история.

— А у меня в запасе целый день, — сказал я, крепче прижимая к себе Руфь.

— В 1935 году я был в Германии, — начал он, — и видел, что там произошло, когда гангстеры одержали верх.

— Ты говоришь о Гитлере? — спросил я. — Что общего у меня с ним? — Я потянулся за сигаретой, вспомнив, что произошло в июне прошлого года, когда пала Франция. Люди на улицах были какими-то потерянными и говорили полушепотом. Ходили слухи о войне с Германией. Начался даже спад производства. Но вскоре все восстановилось и пошло даже еще лучше. Мы не ввязались в войну, каждый делал свое дело и ни во что не вмешивался.

— В 1935, — продолжал Марти, проигнорировав мой вопрос, — Гитлер переустраивал свою страну, беспощадно расправляясь со всеми, кто был против. Тогда весь мир облетела его фраза: «Сегодня — Германия, завтра — весь мир». И вот оно это завтра. Он уже завоевал Европу, как и обещал. Остались лишь Россия и Англия. А потом он положит глаз через океан на нас. — Он остановился на минуту, чтобы достать сигарету. Я все еще не понимал, куда он клонил.

— Мир не знал тогда, насколько он опасен. Но теперь это очевидно. И его остановят во что бы то ни стало.

— Значит, они собираются задавить эту суку на колесах! Но я никак не возьму в толк, какое это имеет отношение ко мне.

— Пойми, Фрэнки, рядовой человек против тебя. И раз он настаивает — уйди пока не поздно!

Мне стало смешно. Где бы я ни появился, люди готовы были лобызать мне ноги. Если уж они так ненавидели меня, почему они этого не показывали? Я поделился своими мыслями с Марти.

— Это-то я и пытаюсь тебе объяснить, Фрэнки. Когда идет Гитлер, люди готовы целовать землю под его ногами, но это — от страха. То же и с тобой. Тебя боятся. Твое имя стало символом террора, убийств и грабежа. Они верят во все небылицы о тебе и совсем не важно, совершал ли ты все, что тебе приписывают. Они хотят уничтожить тебя.

Я усмехнулся.

— Но ведь это все чушь собачья. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Я никого не трону.

Он покачал головой.

— Это так называемый ложный страх.

— Я ничего не могу с этим поделать, — сказал я.

Руфь быстро взглянула на меня.

— Нет, можешь. Ты должен бросить все, пока не поздно.

Я смерил ее тяжелым взглядом.

— Я слушал вас, а теперь вы послушайте меня. — Я положил сигарету, которую незаметно для себя выкурил, в пепельницу и зажег новую. — Несколько лет я кое-как перебивался, пытаясь честно заработать себе на жизнь. Я много работал, получая жалкие гроши. И чем все это кончилось? Я попал в больницу от истощения. Мне нечего было есть, потому что я не мог найти работу, которая обеспечила бы мне сравнительно сносное существование. И куда бы я ни обернулся — везде были все те же нищие, голодные и несчастные люди, перебивающиеся на пособие.

Надо быть последним идиотом, чтобы жить так, постоянно опасаясь, что тебя просто вышвырнут на улицу, если ты вдруг заболеешь или еще что. Черт побери, я же не сумасшедший! Я хотел наслаждаться жизнью, иметь кое-что: деньги в кармане, машину, приличное жилье и все остальное. Поэтому у меня не было выбора. И я пошел своим путем и получил все, что хотел.

— Но, Фрэнки, — настаивал Марти, — разве ты не видишь в этом и своей вины?

— Возможно, но какое это имеет значение?

— Фрэнки, тебе следовало родиться гораздо раньше. Сейчас пиратство ушло в прошлое. Нельзя так дальше жить, беря все, что тебе нужно, не считаясь с другими. Человек должен быть среди людей и делиться с ними, а не забиваться в угол и плевать на всех вокруг, — не сдавалась Руфь.

Я невольно вспомнил Марианну. Она-то как раз хотела обратного: загнать меня в угол и научить не обращать ни на что внимания. Поэтому-то я и ушел от нее. Или я просто сменил один угол на другой?

А вот Герро думал так же, как и Руфь. У него были свои идеалы, а что получил он в результате?

Я же знал лучше кого бы то ни было, чего я хотел, и добивался этого, как мог.

Я встал и отошел подальше так, чтобы видеть их обоих, и тихо сказал:

— Я не понимаю вас, так же, как и вы меня.

Руфь вскочила с кушетки и подошла ко мне.

— Дорогой, — сказала она, глядя мне в глаза, — мы понимаем все, что ты говоришь, но так не получится. — Она повернулась к Марти в отчаянии.

— Марти, — умоляюще обратилась она, — ну, пожалуйста, объясни ему.

Взглянув на нас, Марти вдруг направился к двери.

— Я, пожалуй, спущусь вниз прогуляться. По-моему, вам следует самим все решить, — сказал он, взявшись за ручку. — Теперь уже вопрос не в том, кто прав, а кто виноват, а в том, кто сильнее любит и готов на большие жертвы, — и он вышел.

Руфь повернулась и в упор посмотрела на меня. Я подошел к ней, обнял ее и поцеловал. Но она оставалась холодна, как лед. Я целовал ее глаза, волосы, шею и губы. Потом отнес ее на кушетку, все так же страстно и неистово целуя, оставляя следы на ее коже.

Вдруг она словно ожила, повернулась и поцеловала меня. Я заглянул ей в лицо: глаза были полуприкрыты, губы трепетали. Я крепко прижал ее к себе, и по тому, как она подалась всем телом, почувствовал вспыхнувшее в ней желание.

— Я люблю тебя, — прошептал я.

Она закрыла глаза и снова поцеловала меня.

— Я хочу тебя, — шептал я, — ты мне нужна. Ничто не должно стоять между нами.

Она прерывисто дышала, и я чувствовал, как ее белые зубки впивались в мою нижнюю губу, когда она целовала меня. Потом она прижала мое лицо к своей груди. Когда я взглянул на нее, глаза ее были влажными, а губы слегка приоткрыты. Она вся трепетала в моих объятиях.

— Руфь!

Она посмотрела на меня, две маленькие слезинки, как две сверкающие жемчужинки, скатились по щекам. В глазах были любовь, сострадание, понимание и желание. Но вдруг она едва заметно покачала головой.

— Нет, дорогой, — прошептала она нежно, — только не так.

Я был опьянен сладким ароматом ее тела.

— Я хочу тебя, — повторял я, целуя ее.

Она прижала к себе мою голову.

— Я тоже очень хочу тебя, но только не так. Я хочу тебя навсегда, а не на минуту, — сказала она, прильнув губами к моим губам, потом отвела мою голову, пытаясь заглянуть в глаза.

— Понимаешь, дорогой? — спросила она.

С минуту я смотрел на нее, потом поднялся. Рука по привычке скользнула в карман за сигаретами. Я все понял. Я должен был либо подчиниться ей — либо потерять навсегда.

Глава 13

Руфь не сводила с меня глаз, пока я зажигал сигарету, словно пытаясь прочитать мои мысли. Потом встала и подошла ко мне.

— Ты не понимаешь меня?

Я покачал головой.

— Нет, — сказал я с горечью, — ну какое это имеет для тебя значение. Неужели было бы лучше, будь я простым подметальщиком улиц?

Глаза ее затуманились. Она была такой несчастной.

— Да, наверное. В конце концов, дело не в том, кто ты, а в том, что ты делаешь. А ты занимаешься темными махинациями и поэтому должен быть жестоким и

беспощадным. Ты не можешь быть днем одним, а ночью совсем другим. Все это накладывает свой отпечаток.

Я хотел было убедить ее в том, что она не права, но тут послышался стук в дверь. Вернулся Марти, и я открыл ему.

Взглянув сначала на Руфь, потом на меня, он сразу все понял. Советы тут были ни к чему. Вскоре они ушли, а я остался опять один на один с собой. Из головы не шли слова Руфи. Ведь она должна была меня понять! Не так просто человеку отказаться от чего-то очень дорогого, от чего зависела вся его жизнь. Все это досталось мне кровью и потом. И я не собирался бросать свое дело ради женщины — даже Руфи!

День был испорчен окончательно. Все то радостное и весеннее, что было в нем, вмиг исчезло.

Следующие несколько месяцев все было на удивление гладко. Ребята вели себя примерно, даже Феннелли остепенился. Дела шли прекрасно, и я удерживал ставки, сколько мог. Я не строил никаких иллюзий. Это не могло продолжаться бесконечно и поэтому старался выжать все, что можно.

Гром грянул в конце мая, причем оттуда, откуда я его меньше всего ожидал.

День выдался жарким, и я чувствовал смертельную усталость. Около четырех часов дня зазвонил внутренний телефон. Я нажал на кнопку.

— Да?

— К вам мистер Московиц, — доложила мисс Уолш.

— Пусть войдет. — Интересно, чего это его принесло.

Он вошел, как обычно, слегка прихрамывая. Я, улыбаясь, поднялся ему навстречу. Мы поздоровались и сели.

— Что случилось, Мойша? — спросил я дружелюбно.

Он сразу приступил к делу, что мне всегда нравилось в людях. Это был один из старой гвардии игроков, для которого слово было законом и который играл всегда честно и наверняка.

— Фрэнки, — сказал он резко, но спокойно, — я хочу выйти из игры.

Я не ответил, а просто молча смотрел на него, откинувшись на спинку стула, потом, закурив, спросил:

— Почему?

Он слегка смешался.

— Это вовсе не потому, что я струсил. Нет, просто... — он заколебался. — Просто я стал слишком старым для такого дела. Мне уже тяжело. Хотелось бы уехать куда-нибудь с женой и пожить несколько лет в свое удовольствие.

Я так же спокойно смотрел на него, лихорадочно соображая, как же мне поступить. Это было так не кстати, и если я его отпущу, вряд ли это понравится остальным. Они решат, что я распустил слюни. Но с другой стороны, Мойша имел на это право. И я был уверен, что он будет нем как рыба. Я молча пододвинул к нему коробку с сигаретами.

Закурив, он спокойно смотрел на меня в ожидании.

— Но ведь ты догадываешься, наверное, как отнесутся к этому ребята, — продолжал я. — Они подумают, что ты струсил и обязательно расколешься.

Он вскинул руку.

— Но ты ведь знаешь меня, Фрэнк. Моисей Московиц никогда ни на кого не донес за всю свою жизнь и не собирается начинать в шестьдесят два года.

Я даже и не думал, что он уже такой старый. Мы снова замолчали. Я повернулся к окну.

— А как насчет твоей территории? — спросил я, сидя спиной к нему.

— Пусть ребята поделят ее.

— А твоя доля общего фонда?

— Можете и ее оставить себе, если надо.

Да, он не мелочился, чтобы получить то, что хотел. Я грубо прикинул, сумма выходила немалая. Его доля составляла около ста тысяч.

— И куда же ты собираешься? — спросил я, зная, что у него есть кое-что в Калифорнии. Интересно, признается ли он?

— У меня есть ферма в Калифорнии, где можно жить спокойно и в достатке, как хочет моя жена.

— И когда же ты думаешь ехать?

— Когда ты дашь добро, — ответил он.

Я снова задумался.

— Фрэнк, деньги должны быть человеку в радость. У меня их полно, но я не получаю от этого удовольствия. Все время проблемы, переживания и головная боль. Я хочу покоя в мои годы.

Наконец я решился. Он заслужил покой, и он его получит.

— О'кей, Мойша, я отпускаю тебя.

Клянусь, на глазах его выступили слезы, но он прекрасно держал себя, лишь голос слегка дрожал, когда он сказал:

— Спасибо.

— До конца недели ты должен уехать из города. И никому об этом — ни слова. Я не хочу, чтобы ребята узнали, пока ты не уедешь, а потом я сам все улажу.

Я позвонил Максону, замещавшему Прайса.

— Как у нас с общим фондом?

— Один миллион десять тысяч, мистер Кейн, — ответил он.

Это облегчало дело.

— Выпиши-ка чек на сто десять тысяч долларов на имя Моисея Московица и пришли его сюда прямо сейчас, — сказал я и положил трубку.

Мойша засиял от радости.

— Если тебе нужны деньги, Фрэнк, я могу подождать, — предложил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Ты всегда вносил свою долю. Это твои деньги, и ты их получишь.

Вошел Максон с чеком. Я подписал его и передал Мойше. Поблагодарив еще раз, он сунул его в карман.

— Мойша, только не говори никому об этом. Оставь свою квартиру, как есть. Ничего не продавай и не бери с собой. Просто сядь в машину с парой сумок, как если бы вы направлялись в горы на уик-энд. Я хочу, чтобы ты исчез и предоставил все мне.

Я пожал ему руку и проводил до двери. Окинув взглядом кабинет, он сказал на прощание:

— Фрэнки, мой мальчик, послушай совет старого человека. Брось все это, пока не поздно. Ты хороший, деловой парень. Но я пожил на свете немного больше тебя и знаю, что говорю. Немногие из нас имеют шанс выпутаться, когда захотят выйти из игры. Мы становимся алчными и корыстными и в конце концов получаем пулю в лоб. Если бы на твоем месте был кто-то другой, я не смог бы развязаться со всем. Не слушай никого, кто попытается остановить тебя даже силой.

Но я прервал его смехом.

— Не беспокойся обо мне, Мойша; только сделай то, что я сказал.

— Обязательно, Фрэнк, — пообещал он и вышел, а я снова сел за стол и подумал: «Не просто будет убедить остальных, что я поступил правильно. Ну и черт с ними! Человек заслужил себе немного покоя».

Глава 14

Через несколько дней в контору заявился Силк. Он уселся напротив меня и сразу приступил к делу.

— В городе ходят слухи, что Московиц смывается.

— Да, я знаю, — сказал я уклончиво, безо всякого интереса.

Он продолжал:

— Но дело в том, что некоторые из ребят поговаривают, будто это с твоего ведома, Фрэнк.

— Все вы работаете с моего одобрения.

Он упрямо продолжал:

— Но ребятам это не нравится, Фрэнк. Они поговаривают, что ты начинаешь терять силу.

Я захохотал.

— А что ты на это скажешь, Силк?

Он должен знать. Он дважды уже пытался меня вздернуть, но, видно, руки были коротки. Он сидел молча, наблюдая, как я перебирал бумаги на столе.

— Если это все, Силк, можешь быть свободен, — бросил я ему, даже не удосужившись объяснить, что был занят.

Он встал и наклонился над столом.

— Я думал, тебе будет интересно знать, что они говорят, Фрэнк. И если это правда, они не будут в восторге.

Я поднял на него глаза.

— Силк, я узнаю, что они говорят, намного раньше тебя. И знаю, кто это говорит, и на твоем месте закрыл бы рот на замок, а то как бы тебе однажды не зашили его иголкой и ниткой.

Лишь на какую-то долю секунды глаза его вспыхнули лютой яростью. Но он быстро справился с собой, элегантно вскинул руку и направился к двери.

— О'кей, парень, я предупреждал тебя.

Я подскочил к телефону и потребовал срочно найти мне Московица. Однако в клубе его не оказалось. Я попросил позвонить ему домой.

Ответил женский голос с легким еврейским акцентом.

— Алло.

— Мистер Московиц дома? — спросил я.

— Нет, его нет.

— Это Фрэнк Кейн, — представился я, — не скажете ли, где я могу его найти?

— Я не знаю, мистер Кейн. Я очень беспокоюсь. Он не пришел вчера ночевать домой.

— Это миссис Московиц? — спросил я.

— Да, мистер Кейн. Я очень тревожусь. Мойша всегда меня предупреждает, если у него дела.

— А куда он собирался, когда вы видели его в последний раз?

— Он сказал, что отправляется в город встретиться с друзьями. Это было вчера днем.

Я задумался. Ну, конечно, это работа Силка, иначе он бы не явился сюда.

— Ладно, — сказал я, — не волнуйтесь, наверное, он и вправду очень занят и не смог позвонить. Я разыщу его и попрошу связаться с вами.

— Спасибо, мистер Кейн, — сказала она.

— До свидания. — Я положил трубку и повернулся к окну. День был настолько солнечным и ясным, что видны были машины, двигавшиеся по той стороне Гудзона.

Мать честная! Опять этот Силк обскакал меня. Попробуй теперь выпутайся из этого. Если он уберет Мойшу, и я этому не помешаю, вся моя власть лопнет как мыльный пузырь. Силк здорово достал меня.

Снова зажужжал телефон, и я повернулся к столу.

— Мистер Прайс на проводе, — сообщила мисс Уолш.

— Соедините.

— Привет, Фрэнк.

— Да, как дела, Джо?

— О'кей, — ответил он, — этот завод музыкальных автоматов обещает стать для нас золотой жилой. Государственный инспектор и двое военных только что закончили осмотр и предлагают нам заключить контракт на радиосигнальное оборудование.

— Это обойдется в кругленькую сумму, — заметил я.

— Нет, всю операцию финансирует правительство. Это часть национальной оборонной программы. Они вкладывают капитал, а мы обеспечиваем товарооборот и получаем прибыль.

Но у меня голова была сейчас занята совсем другим.

— Послушай, Джо, — сказал я, — я чертовски занят сейчас. Делай, как считаешь нужным, потом потолкуем об этом.

— Мне кажется, дело стоит свеч, Фрэнк, — возбужденно продолжал он, — по-моему, нам грозит война, а это значит, что мы здорово всех обойдем.

— О'кей, о'кей, действуй, — сказал я и положил трубку. Какое мне к дьяволу дело до той войны, когда у меня тут своя война. Я нажал кнопку. Вошла мисс Уолш.

— Меня ни для кого нет до конца дня, — предупредил я.

Она кивнула и вышла.

А я повис на телефоне. Нужно было выяснить, куда упрятали Московица, если еще не разделались с ним. А если уже успели — постараться во что бы то ни стало вернуть чек. Не думаю, чтобы он депонировал его до отъезда в Калифорнию, нельзя было сейчас рисковать.

К четырем часам я уже знал, что они держали его в гараже на 12-й авеню. Феннелли и остальные собирались прибыть туда к десяти часам. Я должен был опередить их.

Позвонив вниз, я вызвал машину, а около шести, поужинав, отправился в Нью-Йорк. Мне нужно было как-то убить время до половины девятого, и, поддавшись внезапному порыву, я поехал к дому Руфи.

Поднявшись на лифте, я позвонил. Она сама открыла дверь и застыла от неожиданности, глядя на меня.

Я не мог говорить. Хотелось придумать какой-то подходящий предлог, типа: «Где Марти?». Но ничего не шло на ум. Я просто стоял и смотрел на нее, и было чертовски приятно! Все то же старое волнующее чувство!

Она слегка посторонилась, пропуская меня. Как только дверь закрылась, я поцеловал ее.

— Здравствуй, Руфь, — прошептал я.

Она слегка попятилась.

— Зачем ты пришел?

— Посмотреть на тебя. — Я и сам не знал, как много это для меня значило, пока не произнес этого вслух.

Она повернулась и направилась в гостиную. Бросив на стул пальто и шляпу, я последовал за ней.

Она взяла сигарету со столика в углу и не спеша закурила. Подойдя к ней, я забрал у нее из рук сигарету, положил в пепельницу и обнял за плечи.

— Здравствуй, Руфь, — поцеловал я ее.

Она провела рукой по моей щеке и, уронив голову мне на плечо, прошептала:

— Фрэнк.

— Ну, пожалуйста, дорогая, измени свое решение, — взмолился я, — так дальше не может продолжаться.

Она была так близко, что я чувствовал биение ее сердца.

— Нет, милый, — едва слышно прошептала она.

Я увлек ее на кушетку. Мы целовались, и я чувствовал, как в ней росло желание. Комната закружилась. И вдруг она расплакалась у меня на плече и едва выдавила:

— Фрэнк, Фрэнк, остановись. Ведь так уже было.

Все вокруг вдруг прекратило свое бешеное кружение, я встал и дрожащими пальцами взял сигарету. Она сидела и смотрела на меня сквозь слезы широко раскрытыми глазами.

Я снова сел и обнял ее, справившись с собой.

— Руфь, ты выйдешь за меня замуж, сейчас, нет, чуть позже, сегодня вечером? — Я сам не узнал свой голос, столько в нем было мольбы и надежды.

Она не сразу ответила. Никак не могла совладать с собой, потом, наконец, выдавила сквозь душившие ее рыдания:

— Я так хочу быть с тобой, дорогой.

— Ты выйдешь за меня? — повторил я.

— Я не могу.

— Но ведь ты только что сказала...

— Фрэнки, я хочу, чтобы ты был моим навсегда.

Я взглянул на нее. Лицо ее белой камеей выделялось в темноте комнаты. Я прижал ее к себе. Кожа была такой теплой, гладкой и нежной. И я дал ей обещание — впервые в жизни.

— Я люблю тебя, — сказал я срывающимся голосом, — и не заставлю тебя долго ждать. Ты будешь июньской невестой.

Она очень пристально, словно не веря, смотрела мне в лицо.

— Ты не обманываешь меня, Фрэнк?

— Только не тебя, детка! — с чувством прошептал я.

Она на минуту закрыла глаза и, едва шевеля губами, вымолвила:

— Все еще не могу поверить, что это не сон.

Я поцеловал ее.

— Верь мне, дорогая.

Я ушел от нее ровно в половине девятого.

Глава 15

Оставив машину за два квартала от гаража, я пошел дальше пешком. Я вырос в этом районе и отлично знал окрестности. Это была часть моей территории, когда я работал на Кьоу. Вечером здесь было безлюдно.

Гараж протянулся на целый квартал вдоль улицы и спускался к реке. В центре были большие, наглухо закрытые ворота. Еще один въезд был сбоку, со стороны длинной аллеи.

Сунув руки в карманы, я с удовольствием нащупал рукоятку револьвера, который прихватил с собой, выходя с работы. Другой рукой вытащил фонарь.

Обойдя гараж, я не обнаружил никаких признаков жизни. Потом свернул в аллею. Было очень темно, и я пробирался ощупью. Не хотелось включать фонарик, чтобы не выдать себя тем, кто был в здании. Я старался ступать бесшумно, но шаги, как назло, гулко отдавались в тишине.

Сердце билось учащенно, дышать стало труднее, а на лбу выступил пот, хотя было довольно прохладно.

Наконец я нащупал дверной проем в стене. Но дверь оказалась заперта. Я пошел дальше, касаясь рукой стены, потом остановился у деревянного забора. Ночь была облачной и туманной, и все выглядело мрачным и расплывчатым. Я попытался дотянуться до края забора, но безуспешно. Забор шел до самого здания. Тогда я повернулся и направился назад, но теперь уже по другой

стороне, все так же ощупывая стену. На полпути я обнаружил дверь. Теперь глаза мои начинали привыкать понемногу к темноте, и я уже видел получше.

Я толкнул дверь, но она тоже оказалась запертой. Обследовав замочную скважину, я решил попробовать старый ключ, что был в моей связке. Со скрипом замок поддался, и дверь открылась.

Вступив в темноту здания, я притворил дверь и замкнул ее. Потом включил свой фонарик. Вероятно, это был склад, заваленный большими деревянными ящиками. Я направил свет на пол, чтобы он не был виден в окна, если они тут были. В задней стене оказалась дверь; я вышел и очутился на какой-то грузовой платформе у железной дороги, где стояли два грузовых вагона.

Я взглянул на гараж. Вагоны стояли как раз у забора. Я вскарабкался на крышу вагона и перебрался на забор.

В гараже было два окна, замазанных черной краской, но свет все-таки пробивался сквозь царапины на стеклах. Там же находилась дверь. Спрыгнув, я мягко приземлился, встал и направился туда. У двери валялись пустые баки из-под масла. Я тихо толкнул дверь, и она открылась. Внутри было темно, однако откуда-то слева пробивался свет. Я осторожно приблизился и увидел маленькую каморку в углу гаража.

Три человека сидели за столом и играли в карты. Одним из них был Мойша. Другие сидели ко мне спиной, и я не мог разглядеть их. Если бы я направился напрямик, они могли услышать мои шаги и обернуться, да и Мойша мог невзначай выдать меня. Лучше было пробраться вдоль стены, за прицепами.

Мойша заметил меня первым, но даже не повел бровью, а лишь бросил на стол четыре карты и объявил:

— Беру три.

Один из игроков воскликнул:

— Ну и везет же ему. Я уже почти все проиграл.

— Какая разница? — прорычал второй. — Там, куда он отправится, ему деньги не понадобятся. Так что они все равно достанутся нам.

Первый загоготал.

— Точно, Фликс. И как я об этом не подумал.

Мойша взял свои три карты и посмотрел на них. В этот момент я уже был в дверях.

— Я закончу твою партию, Мойша, — тихо сказал я, держа руки в карманах.

Мойша улыбнулся, а те двое резко повернулись ко мне. Одного я узнал, того, которого звали Фликсом. Это он тогда притащил меня в город по приказу Силка. Он было схватился за автомат на столе, но Мойша опередил его.

Я спокойно смотрел на Фликса, вынув руки из карманов, потом так же тихо сказал:

— Отдай ему его удочку, Мойша. Этот сопляк считает себя силачом!

Мойша посмотрел на меня так, будто я свихнулся, потом протянул автомат Фликсу, вытаращившемуся на меня и застывшему на месте от удивления.

— Бери, Фликс, — настаивал я, — бери, не робей.

Он с трудом отвел глаза и убрал руки. Я подошел к нему. Он все так же сидел, согнувшись, опустив голову и плечи. Я склонился над ним.

— Слушай ты, орел, — сказал я насмешливо, — да ты не такой уж и храбрый без пушки, правда? Он молчал.

Я схватил его за лацканы пиджака и рывком поставил на ноги. Он так и стоял, понурив голову. Я ударил его коленом в пах и нанес резкий удар в челюсть, он рухнул бесформенной грудой на пол. Я ткнул его ботинком, но он не шевельнулся.

Повернувшись ко второму, я приказал:

— Подними-ка его и посади на стул.

Бледный как полотно, он, казалось, был не в состоянии даже пошевелиться.

— Ты слышал? — рявкнул вдруг я.

Он аж подпрыгнул от страха, сгреб Фликса и, бросив на стул, повернулся ко мне. Фликс был жив, но еще не пришел в себя.

Только теперь Мойша, следивший за мной, наконец, сказал:

— А я сначала подумал, что это твоя работа, Фрэнк.

— Знаю, что ты подумал, — ответил я спокойно, — но ведь я дал тебе слово.

— Да, теперь я знаю.

— О'кей, Мойша, теперь все позади и не имеет никакого значения. Давай-ка домой. Твоя жена очень волнуется. И сразу уезжайте.

Я направился к стулу и сел.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Закончу твою партию, — я поднял карты.

Действительно, неплохая партия. Сплошные пики.

Глава 16

Я проводил Мойшу взглядом. У двери он остановился и слегка взмахнул рукой на прощание. Я кивнул в ответ, и он вышел.

Фликс начал подавать признаки жизни. Он с трудом поднял голову.

— И сколько уже ты работаешь на Феннелли? — спросил я.

— Я не знаю его, — ответил он.

— Тогда кто приказал тебе взять Московица?

— Какой-то тип на улице указал на него и обещал пять тысяч.

— Не вешай мне лапшу на уши! Такой подонок как ты ни за что не станет работать без прикрытия.

Он не отвечал.

— А кто помог тебе выпутаться в прошлый раз?

— Мой адвокат.

Мы продолжали сидеть, молча уставившись друг на друга. Я чувствовал, что что-то было у него на уме, и он мучился; не решаясь высказаться, а потому просто сидел и ждал. Наконец, его прорвало. С лютой яростью в глазах он спросил:

— Зачем ты убил мою сестру?

Я усмехнулся, что взбесило его еще больше.

— Во-первых, я не убивал ее, а во-вторых, даже не знал, что она твоя сестра. А если она была твоей сестрой, то какого черта ты втянул ее в аферу?

Он молча опустил голову.

— Я не убивал ее, но знаю, кто это сделал. Так может, мы договоримся?

Он прекрасно меня понял и, наконец, ответил:

— Может, и договоримся.

Я подался вперед. Дело начинало принимать интересный оборот.

— Ну, говори.

Он уже открыл было рот, но в это время послышался скрип открываемой двери, и до нас донеслись чьи-то голоса. Я шагнул в тень и, убрав револьвер, поднес палец к губам. Голоса приближались. Наконец я увидел Феннелли, Риордана и Тэйлора. Для кворума не хватало еще нескольких человек. Все так же разговаривая, они во [illegible] и в комнату.

Фликс повернулся к ним лицом, а его напарник все так же сидел на стуле, словно прирос к нему, боясь пошевелиться.

Феннелли, еще не заметив меня, позвал:

— Мойша.

Я вступил на свет прямо перед ним с револьвером в руке.

— Мойше пришлось уехать из города, — сказал я, — я здесь вместо него.

Он даже не повел бровью.

— О, Фрэнк, старик, рад видеть тебя! Весь день разыскиваю. Мойша решил улизнуть.

Я иронически заметил:

— И поэтому ты за меня решил задержать его.

— Да, — ответил он.

— И ты приволок сюда этих ребят присмотреть за ним, пока ты найдешь меня?

— Точно, Фрэнк.

Я был по горло сыт его брехней. Только сегодня утром он заходил ко мне, а Мойшу упрятал еще вчера. У него была уйма времени, чтобы переговорить со мной. Я стоял и молча слушал его.

Вдруг он начал медленно пятиться, глаза забегали по сторонам. И тут я сделал то, что он давно уже заслужил. Я перевернул револьвер и ударил его в лицо рукояткой. Он неуклюже упал на четвереньки. Я подождал, пока он достал свой револьвер, и выбил его у него из рук. Подняв голову, он смотрел на меня. Лицо было мертвенно бледным. Не обращая на него никакого внимания, я переступил через него, взял револьвер и положил в карман.

— Так, ну а что вы скажете? — спросил я Тэйлора и Риордана, подсаживаясь к столу.

— Мы ничего не знали об этом, Фрэнк, — поспешил оправдаться Тэйлор. — Силк только сказал, что хочет показать нам кое-что.

Я посмотрел на них. Вероятно, так оно и было.

— Садитесь, есть разговор.

Они сели. Силк все еще корчился на полу.

— Ты тоже! — скомандовал я.

Он встал и тяжело опустился на стул.

Фликс стоял позади Феннелли. Я измерил их взглядом и начал:

— Фликс хотел мне кое-что рассказать, но вы помешали.

Фликс молчал.

Я наклонился и уставился на него.

— Так вот, я сказал тебе, что знаю, кто убил твою сестру. Только один человек, кроме тебя и меня, знал, что случилось той ночью, когда вы сцапали меня. Это Феннелли. Я тогда первым делом отправился к нему и все рассказал. Он пообещал присмотреть за теми, кто сделал это, — я помедлил, — продолжать дальше?

Глаза Фликса вдруг загорелись бешеной яростью. Он мертвой хваткой сгреб Феннелли за горло и начал душить его. Напрасно Силк старался разжать его пальцы. Я спокойно наблюдал. Лицо его сначала стало красным, потом начало быстро синеть.

Пожалуй, этого было достаточно. Я вовсе не собирался прикончить его, а только слегка проучить.

— Хватит, Фликс, — приказал я, — оставь его.

Но тот даже не обратил внимания. Пришлось пригрозить револьвером. Фликс разжал пальцы и стоял, как каменный. Силк без сознания повалился на пол.

— Принеси Силку воды, — обратился я к Тэйлору.

Тот встал, подошел к водоохладителю, наполнил бумажный стаканчик водой и поднес его Силку.

Ухмыльнувшись, я вытащил весь баллон и окатил Силка. Вода привела его в чувство. Правда, говорить он пока еще не мог, а только издавал какие-то нечленораздельные звуки. Одежда его промокла насквозь, но он этого не замечал.

Поставив баллон на пол рядом с собой, я спокойно сказал:

— Послушайте меня очень внимательно. Мойша решил завязать, и я дал добро. Когда вы доживете до его лет, что, впрочем, маловероятно, если вы будете продолжать в том же духе, можете тоже смыться. Это будет

ваше право. А пока советую хорошо усвоить себе, кто здесь главный.

Они промолчали.

— А теперь убирайтесь отсюда и прихватите с собой Силка. Ему нужен доктор. Я не хочу, чтобы он схватил простуду или еще что-нибудь.

Первым вылетел слизняк, который был вместе с Фликсом, за ним — остальные, кроме Фликса.

Он стоял и смотрел на меня.

— Чего тебе? — спросил я.

Он вдруг улыбнулся холодно, но очень почтительно.

— А ты крутой парень, — сказал он.

— Крутых парней хоть пруд пруди, — ответил я.

— Но не таких, как ты.

Я внимательно посмотрел на него. Он к чему-то явно клонил. Но пусть скажет сам.

— Я хочу попытать судьбу, — заявил он.

Я швырнул ему его револьвер. Он поймал его и сунул в карман, вопросительно глядя на меня. Я быстро соображал. Сейчас надвигалось смутное время, и такой парень мог мне очень пригодиться. Помедлив немного, я ответил:

— Мне нужен надежный человек, который ради дела готов продать собственную мать и не станет трепаться по углам.

— Я исполнитель и делаю то, что мне прикажут, тем и жив.

Ну что ж, пусть Силк призадумается кое о чем.

— Заметано, — согласился я.

Итак, за пару сотен долларов в неделю я приобрел надежного телохранителя.

Глава 17

На следующее утро я позвонил Джо Прайсу.

— Послушай, Джо, вчера я был занят по горло. Так что у тебя там за дело?

Он вкратце изложил мне суть предложения. Я очень внимательно выслушал его. Действительно лакомый кусочек.

— Не можешь ли ты приехать сюда ненадолго?

— А что, что-нибудь случилось?

— Нет, но мне нужно срочно обделать одно дельце с тобой.

— Хорошо, я буду в воскресенье, — ответил он.

«Молодчина! Никогда не задает лишних вопросов», — подумал я про себя.

— О'кей, приезжай прямо в отель. — Я положил трубку и нажал на кнопку. Ответила мисс Уолш.

— Пошлите ко мне, пожалуйста, Пауэлла, — попросил я.

Фликс впервые был у меня в кабинете. Он вошел, озираясь по сторонам. Обстановка произвела на него впечатление. Я улыбнулся.

— Как чувствуешь себя?

Лицо его слегка опухло, но он не подал виду.

— Неплохо.

Он сидел неподвижно и слушал мои указания. Отныне каждый, кто пожелает меня видеть на работе или дома, должен будет сначала встретиться с ним. Я снял ему комнату в отеле рядом с моим номером и попросил посылать всех к нему. В офисе он должен будет сидеть за столом в кабинете мисс Уолш, который находится прямо за моей дверью.

У него не было вопросов, и я, отправив его, задумался, откинувшись на спинку кресла. Насколько я знал Силка, теперь он попытается меня уничтожить. Это было вполне понятно. Он ничего не делал наполовину. Единственным шансом для меня остаться в живых было либо быть все время начеку, либо покончить с ним. Но это было бы слишком просто, а я приготовил кое-что другое для этого сукиного сына.

Потом я набрал номер Руфи.

— Алло, — ответила она.

— Привет, дорогая, мне вдруг захотелось позвонить тебе и услышать твой голос.

— Я тоже хотела поговорить с тобой, — защебетала она, — чтобы ты еще раз повторил то, что сказал вчера. Мне просто не верится.

— Да, детка. Я люблю тебя. Ты получила мои цветы?

Утром я послал ей букет орхидей.

— Да, — ответила она радостно, — они такие чудесные.

Мне вдруг стало очень хорошо после разговора с ней. В приятном расположении духа я занялся бумагами на столе.

Вечером я поехал к Руфи. Представляю, как, должно быть, замерз Фликс, ожидая внизу в машине до двух часов ночи. Однако он ничего не сказал, когда я наконец появился.

В воскресенье в одиннадцать часов утра явился Джо Прайс. Он вопросительно глянул на меня, увидев Фликса, и я быстренько выпроводил его. Потом вкратце обрисовал, что произошло.

Он присвистнул.

— Теперь понимаю, почему ты был так занят. А что должен делать я?

— Я хочу завязать. Нас все равно задавят. У меня есть кое-какие другие планы. Как ты думаешь, сможешь ли ты подчистить все книги и счета так, чтобы мое имя значилось лишь на двери нашей конторы?

Немного подумав, он кивнул.

— И сколько это займет времени?

— Несколько недель круглосуточной работы, — ответил он. — Но мы должны вписать чье-то имя вместо твоего. Иначе это будет просто липа.

— Да, я тоже подумал об этом. Давай подставим Феннелли.

— Что-то я не возьму в толк, почему именно Феннелли, — удивился он. — Ведь он твой злейший враг.

— И тем не менее, он получит то, о чем давно мечтает. Я передам ему свое дело. Только он пока об этом ничего не должен знать.

— О'кей, видно, это не для моего ума, но я все сделаю. Когда приступать?

— Сегодня, после того, как мы с тобой позавтракаем.

Я подбросил Джо в контору, чтобы он просмотрел дела, а потом заехал за Руфью.

— Давай поедем за город, — предложил я. Кивнув, она пошла за пальто и шляпой.

Интересно, что скажет она, увидев Фликса. Как объяснить ей, чтобы она не встревожилась.

Мы провели замечательный день. Сначала отправились к Медвежьей горе, пообедали в деревенском трактире, побродили по окрестностям, а потом, не торопясь, вернулись в город.

Десятого июня в кабинет вошел Джо, с удовлетворением потирая руки.

— Ну как дела? — спросил я.

— Все готово, — улыбнулся он в ответ.

— Отлично! — похвалил я. — А теперь на самолет — и на завод. Там уйма работы. Да, и еще я хочу, чтобы ты присмотрел для меня приличный дом и обставил его к началу следующего месяца.

— Боже праведный, Фрэнки, но ведь это не то, что подправить несколько книг! Понадобится много времени.

— Найми лучшего дизайнера. Пусть дом будет не очень большим, комнат пять-шесть вполне достаточно. Не жалей денег. Оставь там кого-нибудь и возвращайся назад послезавтра. Ты мне понадобишься.

— О'кей, Фрэнки, — сказал он, направляясь к двери. — Но, может быть, взглянешь на книги до моего отъезда?

Я встал и подошел к нему.

— Разве в этом есть необходимость? Чем меньше я сейчас знаю о них, тем лучше. И потом, я ни черта в них не смыслю. Если ты говоришь, что все в порядке, значит так оно и есть.

— Я сделал все, что ты хотел, — сказал он.

— Вот и прекрасно. А сейчас отправляйся. У нас мало времени, а дел — по горло. — Повернувшись, я направился к столу.

— Спасибо, Джо.

Он улыбнулся и вышел, а я снял трубку и позвонил Джерри Коуэну.

Глава 18

Только после того, как мой звонок прошел через двух секретарш, меня соединили с Джерри.

— Джерри, — сказал я, — это Фрэнк Кейн. Ты свободен сегодня днем? Я хочу встретиться с тобой.

— Приезжай сюда, — предложил он.

— Нет, я не могу приехать к тебе на работу. Но это очень важно. Нам нужно встретиться наедине.

— Где мы можем встретиться? — спросил он.

— Я подхвачу тебя на мосту Джорджа Вашингтона со стороны Джерси в четыре часа сегодня. Настраивайся на обед со мной, разговор долгий.

— О'кей, в четыре часа, — помедлив, ответил он.

Я вышел из конторы в три и сказал Фликсу ждать меня в отеле. Без пяти четыре я был на месте. Ровно в четыре появился Джерри за рулем голубого «бьюик седана». Он остановился и смотрел вокруг в поисках меня. Я посигналил. Наконец, он заметил меня и улыбнулся. Я сделал ему знак следовать за мной.

Проехав около мили по шоссе, мы свернули по направлению к Тинеке и остановились у стоянки. Я подошел к Джерри.

— Как дела? — улыбнулся я, пожав ему руку.

— Прекрасно, — сказал он.

— А как Джанет?

— Сейчас уже нормально, — ответил он. — Но для нее было большим ударом потерять ребенка, тем более, что доктор сказал, что у нее больше не будет детей.

Вот так новость! Я ничего не слышал об этом.

— Извини, — сказал я, — не знал.

— Теперь все уже позади. Зачем ты хотел меня видеть?

Я улыбнулся. Торопится, но ему придется подождать. Я сам все скажу, когда сочту нужным.

— Оставь здесь машину и садись ко мне. Поедем куда-нибудь, где можно поесть прилично и поговорить.

Через час мы сидели в отдельном кабинете маленького ресторанчика на 9-м шоссе.

Заказав по стакану старого шотландского виски, мы уставились друг на друга.

— Тебя заинтриговала такая спешка?

Он молча кивнул.

— Я очень нужен тебе? — продолжал я.

— Ты же знаешь, что это моя работа.

Отлично! Именно это я и хотел услышать.

— Если ты выбьешь у меня ракетку, этого будет достаточно? — улыбнулся я. — Поймать меня еще не значит уничтожить всю организацию, но я мог бы тебе

помочь. Ты сделаешь свое дело после того, как я буду в безопасности. Более того, я дам тебе козла отпущения, который пригодится тебе гораздо больше меня.

Он поднял стакан и, сделав маленький глоток, спросил напрямик:

— Почему ты решил завязать? Ведь у меня нет ничего против тебя — пока нет.

— Я собираюсь жениться, — так же прямо ответил я, — а моя будущая жена не одобряет моей деятельности.

Он рассмеялся.

— Только не говори мне, пожалуйста, что женщина сделала то, что не под силу целому городу, штату и даже Федеральному правительству!

Я удрученно улыбнулся.

— Похоже, что так.

— Дай бог ей силы! — сказал он, качая головой. — Я знаю ее?

— Это Руфь, — просто ответил я, глядя ему в глаза.

Он чуть не упал со стула.

— Руфь! — удивился он. — И как давно это продолжается?

— Это началось очень давно.

Вошел официант с закусками, и мы замолчали. Потом Джерри заговорил снова.

— Мне очень хотелось бы сделать что-нибудь для вас и особенно для Руфи, но боюсь, что это невозможно. Как бы там ни было, я должен исполнить свой долг.

— Успокойся, — сказал он. — Но я хочу объяснить тебе еще кое-что. Видишь ли, если ты накроешь меня, ты подведешь своего старика. Его фирма ведет несколько очень важных дел для нас.

Джерри отложил вилку и уставился на меня. Такого оборота он никак не ожидал.

— Я не верю тебе, — коротко бросил он.

— Можешь верить или нет, дело твое, но я-то знаю.

— Отец никогда бы не связался с тобой.

— А я и не сказал этого, просто его фирма вела кое-какие наши дела. Думаю, это будет не очень приятным сюрпризом на первых страницах всех газет, не так ли?

Джерри не ответил. Он лихорадочно соображал. Я решил подлить еще немного масла в огонь.

— Послушай, Джерри. Хватит водить друг друга за нос. Мы ведь уже не дети. А это серьезное дело. Предположим, что когда-нибудь у тебя будет достаточно фактов, чтобы, наконец, возбудить дело против меня. И вполне вероятно, что может всплыть имя твоего отца. Пойдут слухи, что ты тянул с моим арестом именно из-за того, что я давал взятки старику. Кто знает, что им придет в голову.

Он вдруг резко встал и подошел ко мне, обойдя вокруг стола, и схватил меня за лацканы пиджака.

— Посмей только облить грязью моего отца, я убью тебя своими собственными руками.

Я спокойно сидел, глядя ему в глаза. Потом убрал его руки.

— Учти, что убийство здесь в Джерси карается законом так же, как и в Нью-Йорке.

Он молча смотрел на меня.

— Послушай, Джерри, я вовсе не угрожаю твоему отцу. Просто я пытаюсь обрисовать тебе ситуацию. Обязательно пойдут сплетни. И не в твоих силах будет их остановить. Я знаю людей. Чего только не говорят сейчас обо мне, но я ничего не могу с этим поделать. Сядь-ка лучше на место, успокойся и займись обедом. Ты ведь еще не до конца выслушал меня. Кто знает, может быть, мы и договоримся.

Тяжело ступая, он вернулся, сел и не проронил больше ни одного слова в течение всего обеда, но когда мы вернулись на стоянку, где оставили его машину, все было решено, и Джерри согласился сделать то, что я от него требовал.

Выйдя из машины, я пошел за ним, немного поотстав, давая ему возможность прийти в себя.

Джерри забрался в свой бьюик и мрачно сидел там, плотно сжав губы.

— Как бы там ни было, Джерри, — заметил я серьезно, — ты не делаешь ничего противозаконного. В конце концов, ведь не так важно, каким именно способом ты выведешь меня из игры, главное, что ты сделаешь это.

Слегка усмехнувшись, он ответил каким-то безжизненным, подавленным голосом:

— Надеюсь, что так.

— Нет, ты не надеешься, а знаешь, что это именно так и есть. Ведь ты когда-то сам предлагал мне нечто подобное. Важен ведь конечный результат.

Он нажал на стартер. Мотор заработал. Но прежде чем тронуться, он обернулся ко мне.

— Фрэнк.

— Да, Джерри.

— А ведь ты ничуть не изменился с тех пор, как мы были детьми. Только не думай, что тебе все так и будет сходить с рук. Жизнь когда-нибудь загонит тебя в угол и придется за все расплачиваться.

— Кто знает, — пожал я плечами. Машина медленно поехала, и я пошел рядом.

— Вдруг фортуна улыбнется мне?

Он нажал на газ, и скоро его машина скрылась из виду. Я не спеша вернулся к своей машине, усмехаясь про себя: «Может быть и улыбнется. Однако, на бога надейся — а сам не плошай».

Глава 19

На следующее утро, около одиннадцати, позвонил Алекс Карсон. Давно уже голос его не был таким спокойным.

— Фрэнк, судебная ассоциация сегодня сняла с меня все обвинения.

Полный порядок. Это также было одним из моих условий Джерри. Но я не показал вида.

— Замечательно, приезжай сюда, отметим это дело.

Я положил трубку. Мне срочно нужен был Феннелли. Но вряд ли он явился бы сам, поэтому я послал за ним Фликса.

Через полчаса пришел Алекс.

— Поздравляю! — сказал я радостно, пожав ему руку. — Не сомневался, что ты выпутаешься.

Он усмехнулся.

— А ведь они достали меня. Не понимаю, почему вдруг сняли обвинения.

— Сядь, я объясню тебе, почему.

Я вкратце обрисовал ему ситуацию. Он даже присвистнул.

— И ты уверен, что справишься с этим?

— С твоей помощью, конечно, — кивнул я.

— Ну что ж, — я к твоим услугам.

— Отлично! Не уходи пока. Ты мне можешь очень понадобиться, когда появится Силк.

Фликс доставил его около трех часов. Силк сразу же подошел прямо к моему столу, бросил на него свою шляпу и обиженно заявил:

— Вовсе ни к чему было посылать за мной этого придурка. Достаточно было позвонить.

— Ну что ты, Силк. Как я мог удостоить тебя меньшей чести, чем ты меня.

Но он, пропустив это мимо ушей, напрямик спросил:

— Ну, что тебе надо?

Я смотрел на него, выжидая. Только бы он клюнул, иначе все пойдет прахом.

— Ты знаешь, каковы были мои цели, когда мы только начинали. Мы достигли определенного соглашения, чтобы как-то упорядочить дело. Но со временем у тебя появились какие-то новые идеи и замыслы. Мне не составило бы труда укротить тебя, что было бы проще, чем тащить тебя сегодня сюда. Но это не в моих правилах, и потом, я хочу обойтись без неприятностей. А потому решил откупиться от тебя.

Он слегка закусил губу, насторожившись.

— И что это значит?

— Это значит, что ты отказываешься от своей территории в мою пользу и выходишь из игры, — спокойно ответил я.

— И сколько ты кладешь?

— Сто тысяч.

Он даже подался вперед.

— Но ведь это только моя доля общего фонда. А с территории я беру еще четверть миллиона ежегодно!

— Я знаю, — сказал я спокойно.

— Общий фонд дает еще около двухсот тысяч в год, — продолжал он.

— И это мне известно.

С минуту помолчав, он снова заговорил:

— А если я не продам?

Я молча пожал плечами. Он задумался.

«Пусть посидит, пошевелит мозгами», — подумал я. Я был уверен, что он возьмет приманку!

Прошло несколько минут. Лицо его оставалось таким же непроницаемым и бесстрастным, только пальцы рук то сжимались, то разжимались. Наконец, он заговорил.

— А что, если я предложу тебе определенную сумму?

«Клюнул все-таки!» — отметил я про себя.

— Это не в моих интересах, — уклончиво ответил я.

Он встал и, обойдя вокруг стола, подошел ко мне.

— Я имею в виду приличные деньги, — сказал он, — четверть миллиона.

Оставив его предложение без ответа, я напомнил ему спокойно:

— По-моему, ты забыл, что я покупаю, а не продаю.

Вернувшись на место, он вытащил сигару и закурил. Силк явно начинал нервничать.

— Триста тысяч и часть прибыли, — предложил он.

Я взглянул на него.

— Вот это уже интереснее, — сказал я, оживившись. — И сколько прибыли?

— Половину ежемесячно.

— Надо все взвесить, довольно заманчиво, чтобы отказываться.

Он давно уже чертовски мечтал об этом, но не знал, как это осуществить.

— Фрэнк, — уговаривал он, — это как раз то, что нужно: не работать, но иметь все, что пожелаешь. Ты будешь кататься как сыр в масле: путешествия, женщины, да и вообще — все остальное.

Я прикинулся дурачком.

— Сладко поешь! Но где гарантии, что ты не проведешь меня?

— Заверенные чеки завтра же утром тебя устроят? — сказал он.

Помедлив несколько секунд, я уступил.

— О'кей, твоя взяла.

Радостно вскочив, он протянул мне руку.

— Ты не пожалеешь, старик, — сказал он. — Помнишь, что я говорил тебе, когда ты впервые явился ко мне? Я обещал тебе кучу денег и не ошибся.

— Да, ты был прав.

На следующее утро в одиннадцать Силк был уже у меня в кабинете. Я заранее пригласил Карсона.

— Ну что, все готово? — спросил я.

Он кивнул и вытащил чеки из кармана.

— Все как ты просил: на имя Александра Карсона, за оказанные услуги.

Взглянув на них, я передал чеки Алексу. Расписавшись, он вернул их мне. Я вызвал мисс Уолш и попросил ее приготовить конверт. Я вложил чеки в конверт и спрятал его в карман.

— Надо бы отметить это дельце, — сказал я, доставая бутылку старого виски.

После этого я отправил Силка с Карсоном осмотреть контору и, пригласив Максона, подписал все чеки, что он принес, рассчитавшись абсолютно со всеми, даже с Силком. Воспользовавшись личным лифтом, я вышел и отправился в отель.

Джо Прайс уже ожидал меня в номере. Я передал ему конверт с чеками.

— Ты знаешь, что с ними делать.

Он кивнул. Было решено открыть счета на имя моей новой компании во всех банках, где были счета Силка. Потом я снова вернулся в офис.

Через час позвонил Джо.

— Все в порядке, Фрэнк, — сказал он.

Я посидел немного, собираясь с силами, потом глубоко вздохнул и набрал номер Джерри.

— Коуэн, — услышал я его голос.

— Фрэнк, — ответил я. — Твой ход! — И положил трубку.

Через несколько минут вошли Феннелли с Карсоном. Силк был доволен. Физиономия его расплылась в широкой улыбке.

— Какой размах, Фрэнк! — сказал он. — Не думал, что у тебя такие масштабы.

— Это не все! — улыбнулся я. — Давайте еще выпьем. Завтра делами займемся.

Я достал бутылку, наполнил стаканы и передал им.

— За удачу! — воскликнул я и выпил.

Силк с вызовом глянул на меня, потом обошел вокруг стола, сел на мое место и положив ноги на стол, сделал театральный жест рукой.

— Садитесь, пожалуйста.

Он пока еще не чувствовал, как горячо было это место, но ничего, скоро он испытает это на собственной

шкуре. Я сел на стул перед ним, и он радостно осклабился.

Вдруг дверь позади меня широко распахнулась, но я не обернулся. Я знал, кто это был.

Глава 20

Я встал и медленно повернулся. В кабинете стояли четверо. Они прижали Фликса к стене, наставив на него револьвер.

Один из них подошел ко мне.

— Фрэнк Кейн? — спросил он.

Я кивнул.

— Вот ордер на ваш арест по подозрению в преступном заговоре и подкупе высокопоставленных лиц штата Нью-Йорк. Кроме того, мы уполномочены сделать обыск и ознакомиться со всеми документами «Фрэнк Кейн Энтерпрайс».

— У вас есть предписание? Дайте-ка взглянуть, — вмешался Карсон.

Ему передали какие-то бумаги. Тщательно изучив их, он обернулся ко мне:

— Все законно, Фрэнк. Тебе придется идти с ними.

Я молча пошел вперед.

Один из них подошел к Силку.

— Джузеппе Феннелли? — спросил он.

Суд закончился в последний день июня. В то утро Джерри произнес сенсационную речь. Лицо его было бледным и даже каким-то зловещим.

— Уважаемые судьи, — начал он. — Сегодня утром мы получили результаты тщательнейшей проверки всех документов и счетов компании «Фрэнк Кейн Энтерпрайс». Экспертиза проводилась совместно следственными органами штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Он поднял над головой бумаги, потом взглянул на них, перевернул несколько страниц и начал читать:

— Фирма «Фрэнк Кейн Энтерпрайс», первоначально основанная Фрэнком Кейном, является законным и честным предприятием, так же, как и сам подзащитный. Финансировал вышеупомянутое предприятие исключи-

тельно Джузеппе Феннелли, а что касается мистера Кейна, то он не имел никакого намерения вмешиваться в дела своего финансиста.

Конечно, он совершал кое-какие операции по покупке и продаже недвижимости, но исключительно в интересах дела. В то время, когда мистер Кейн честно служил своему бизнесу, мистер Феннелли вел двойную игру, а именно, он делал деньги на скачках и букмекерах, используя в качестве прикрытия «Фрэнк Кейн Энтерпрайс». Мистер Кейн даже не подозревал об этом до недавнего времени, а узнав об этих противозаконных действиях, немедленно принял меры по роспуску организации, вернув деньги всем вкладчикам, в том числе и Феннелли, объяснив причины в письменном виде.

Джерри отошел от скамьи присяжных и положил бумаги на стол. Потом снова вернулся и продолжал:

— Джентльмены, судя по всем представленным здесь доказательствам, мистеру Кейну нанесен большой моральный ущерб. — Он повернулся и посмотрел на меня. Лицо было бледным, взгляд каким-то бесцветным.

— Господа присяжные, в отношении мистера Кейна обвинение просит вынести решение: невиновен.

Не успел он еще закончить фразу, как страшный шум поднялся в зале.

Силк вскочил на ноги, сгреб меня сзади за воротник и рванул со стула. Я попытался освободиться из его лап. Заработали вспышки, и толпа подалась вперед посмотреть, что происходит. Наконец, Силка оттащили от меня. Я встал и привел в порядок свой костюм.

Напрасно судья усиленно стучал своим молотком. Беспорядок не прекращался. Тогда он приказал очистить помещение. Полицейские пошли по рядам, и вскоре зал опустел.

Через час суд удалился для совещания и вынесения приговора. В четыре тридцать они вернулись. Нам с Феннелли приказали встать.

Я взглянул на Джерри. Он с мрачным видом сидел за своим столом, не поворачивая головы в мою сторону. Кроме представителей прессы, в суде никого не было. Вдруг у меня подкатил комок к горлу. А что, если что-нибудь не так? А я зашел так далеко лишь для того, чтобы все потерять? В висках начало бешено стучать, кровь отхлынула от лица. Я злился сам на себя. Так

хотелось выглядеть спокойным и уверенным. Руки слегка дрожали.

Судья обратился к присяжным:

— Господа поисяжные заседатели, готовы ли вы зачитать приговор?

— Да, ваша честь, — ответил старшина присяжных. Он откашлялся и взглянул на лист бумаги перед собой, затем начал читать:

— Суд признал подсудимого Джузеппе Феннелли действительно виновным.

Феннелли вдруг как-то неуклюже упал на стул с посеревшим лицом. Ему поднесли стакан воды, но он отказался. А я все так же стоял, глядя на присяжных заседателей. Голову словно сдавило тисками.

Старшина присяжных продолжал:

— Суд признал подсудимого Фрэнка Кейна, — он театрально выдержал паузу, — невиновным.

Карсон повернулся ко мне, схватил мою руку и начал неистово трясти ее.

— Твоя взяла, Фрэнк. — Только я мог слышать его слова.

Я повернулся и посмотрел мимо него на Феннелли, который не сводил с меня глаз, сжав кулаки. Я медленно обошел вокруг стола. Его рука скользнула по моему пальто, когда я проходил мимо него, но я сделал вид, что не заметил. Я прошел дальше мимо решетки к проходу, затем к двери, вышел в холл, а потом — на улицу. Все это время глаза его с ненавистью сверлили мне затылок.

Подошел Карсон.

— Куда ты идешь? — спросил он.

Я поднял голову и посмотрел на солнце. В глаза ударил его слепящий свет, и мне вдруг стало так хорошо и тепло. Я прикрыл глаза руками.

— Выпить, — ответил я чуть срывающимся голосом, — мне просто необходимо выпить сейчас.

Оставив его на лестнице, я свернул за угол. Там был небольшой бар.

— Двойное виски, пожалуйста, — сказал я бармену. Он поставил передо мной стакан, и я заказал еще, но не успел сделать и глотка, как вдруг кто-то тронул меня за плечо.

Я медленно повернулся. Это был Фликс. С безразличным видом он спросил:

— Тебя отпустили?

— Да, — ответил я.

— А его? — спросил он, указывая пальцем на дверь. Я понял, кого он имел в виду.

— А его — нет, — ответил я, залпом проглотив виски. — Выпьешь, Фликс?

Он заказал то же, что и я. Бар был переполнен, поэтому мы стояли рядом, тесно прижавшись друг к другу. Я даже чувствовал револьвер у него в кармане. Фликс поднял стакан.

— Сколько он получит, как думаешь? — спросил он все тем же спокойным, бесстрастным голосом.

— Лет десять в общей сложности.

Фликс залпом выпил и продолжал на той же ноте:

— Он не оставит тебя в покое.

Я повернулся к Фликсу, начиная постепенно выходить из оцепенения.

— Откуда ты знаешь?

Он пожал плечами.

— Это же само собой разумеется.

А ведь Фликс был прав. Тюрьма — не препятствие для Силка. Он мог достать меня и оттуда.

Сунув руку в карман, за мелочью, чтобы расплатиться за виски, я вдруг наткнулся на клочок бумаги. Разгладив листок прямо на стойке, я прочитал: «Я отомщу тебе за это». Больше не было ничего, даже подписи. Собственно, я и так понял, от кого это послание.

Взглянув на непроницаемое лицо Фликса, я заказал еще два виски, потом поднял бокал и сказал:

— За твою сестру.

Фликс не заставил себя долго уговаривать.

— А это за десять тысяч, — сказал я.

Мы выпили, и бармен поставил перед нами еще два стакана.

— Каковы условия?

— Как обычно, — ответил я, — половину сразу, остальное — потом.

Я бросил на стойку пятидолларовую купюру, и мы вышли.

— Деньги получишь у Карсона. Свяжись с ним завтра.

Он кивнул. Вскочив в проходящий мимо кэб, я крикнул: — Пока, Фликс.

— Пока, крутой парень. — Лицо его было все так же непроницаемо.

Откинувшись на сиденье, я подумал о том, что, в конце концов, придется убрать и Фликса, но это позже.

Мои размышления прервал кэбмен.

— Я, конечно, могу возить вас целый день, но, может быть, вы все-таки скажете, куда вам нужно.

Глава 21

Вернувшись в номер, я переоделся, вызвал машину и отправился обратно в Нью-Йорк.

Остановившись по ту сторону моста у киоска, я купил газету. Прямо на первой странице сверху красным шрифтом был набран сенсационный заголовок: «Кейн — свободен, Феннелли — осужден». А ниже напечатано: «Коуэн выбивает ракетки». Там же был помещен портрет Джерри, выходящего из зала суда. Он улыбался в объектив.

Я усмехнулся про себя. Ну что ж, пусть будет так! Теперь ему дорога прямо в губернаторы.

Вышвырнув в окошко газету, я поехал дальше.

Остановившись у обочины возле дома Руфи, я вошел в холл. Опять дежурил тот же смешной мальчишка-лифтер, что и в первый мой визит к Руфи. Всю дорогу он с любопытством глазел на меня.

Я нажал на кнопку звонка. Его мелодия эхом отозвалась в квартире. Мне казалось, прошла целая вечность. Наконец дверь открылась. На пороге стояла Руфь.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, словно впервые видели друг друга.

— Руфь, — прошептал я, делая шаг навстречу.

Она вдруг со слезами кинулась в мои объятия.

— Фрэнки, Фрэнки!

Дверь за нами закрылась, и мы погрузились в полумрак. Голова ее лежала у меня на груди. Ее душили рыдания. Я нежно и ласково гладил ее по голове.

— Руфь, Руфь, теперь все уже позади! Не плачь, дорогая!

— Фрэнки, я думала, ты уже не вернешься.

— Но я ведь обещал, Руфь.

Она подняла на меня свои сияющие глаза. Я поцеловал ее в трепетные губы.

— Дорогой, дорогой!

— Я боялся, что ты передумаешь, Руфь. Я так боялся этого.

Держась за руки, мы вошли в гостиную и сели на большой диван. Она повернулась ко мне.

— Сегодня последний день июня, Фрэнки.

— Потому-то я и пришел, — прошептал я. — Я ведь обещал, что ты будешь июньской невестой. Пойди, собери вещи. Мы едем в Мериден венчаться.

Она вдруг встала, взяла сигарету с маленького китайского подноса на столике. Лицо ее как-то странно застыло, глаза потухли. После нескольких глубоких зятяжек она сказала очень спокойно:

— Нет, Фрэнки, я не выйду за тебя.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Я закурил и, собрав все свое самообладание, спросил:

— Почему?

— Потому что ты не любишь меня по-настоящему, не любишь. Это лишь часть твоего плана. Что-то вроде сделки с Джерри. Ты переходишь из одной фазы своей жизни в другую и женишься на мне лишь для того, чтобы завершить этот переход. Ты собираешься облачиться в мантию респектабельности и порядочности, и не хватает только меня в качестве последнего штриха к твоему костюму. На самом же деле ты ничего не понял. И сам не веришь в то, что ты делаешь. Ты чувствуешь, что твоя песня спета, и пытаешься схватиться за соломинку. Джерри рассказал нам, что ты заставил его сделать, и теперь я все поняла. Должен же и ты, наконец, понять, что ты не вправе распоряжаться человеческими судьбами.

Я прервал ее.

— Ты любишь меня? — спросил я очень тихо.

Она вдруг посмотрела на меня, побледнев.

— Люблю ли я тебя? Любила тебя всю свою жизнь, с самого детства. Так любила, что даже не могла спать по ночам, потому что хотела тебя. Я грезила о тебе даже тогда, когда не знала, где ты был. А все последние месяцы я мечтала принадлежать тебе, носить под сердцем твоего ребенка. — Голос ее сорвался и задрожал.

— Вот почему я не пойду на сделку с тобой, Фрэнки. Я не выйду за тебя замуж.

Раздавив сигарету в пепельнице, я грубо схватил ее за плечи. Она не произнесла ни звука. Просто сидела и смотрела мне в глаза.

— Глупенькая, маленькая дурочка! — Я начинал выходить из себя. В висках бешено стучало. — Да, может быть, так все и начиналось, но разве ты не видишь, что я сделал это только ради тебя! Я все бросил. Неужели ты думаешь, что я не выпутался бы из всего этого, если бы захотел? Есть дюжина мест в Соединенных Штатах, где я мог бы прекрасно устроиться, и ни один черт не добрался бы до меня! У меня не было никакой необходимости бросать все. Я сделал это исключительно ради тебя. Если бы не мои чувства к тебе, я справился бы с этим и смел все на своем пути, что я и делал до сих пор, и испортил бы карьеру Джерри. Ты единственная причина, по которой я завязал. Я уступил. Возможно, в душе я и сам знал, что ты права, но сделал это только ради тебя. И ты считаешь это сделкой? Я вывернул наизнанку всю свою жизнь, потерял верный кусок хлеба, променял бифштекс с картофелем на идеалы. И если после всего ты еще думаешь, что я не люблю тебя, можешь катиться ко всем чертям!

Я отпустил ее. Она собралась было выйти из комнаты, но вдруг остановилась в изумлении.

— Фрэнки, — позвала она тихим, ласковым голосом.

Я обернулся.

— Фрэнки, — сказала она с недоумением, — ты плачешь!

Мы поженились в Меридене, штат Коннектикут, в понедельник, в последний день июня.

У церемониймейстера был глубокий, грудной голос.

— Берешь ли ты, Фрэнсис, эту женщину, Руфь, в жены и обещаешь ли любить ее, уважать и заботиться о ней всю свою оставшуюся жизнь?

— Беру.

— Берешь ли ты, Руфь, этого мужчину, Фрэнсиса, в мужья и обещаешь ли любить его, уважать и заботиться о нем всю свою жизнь?

Руфь взглянула сначала на него, потом на меня. Никогда в жизни не видел я еще таких ярко-синих глаз.

— Да, — сказала она таким теплым, нежным и в то же время сильным голосом.

— Можете поздравить невесту.

Я повернулся и поцеловал ее. Руфь лишь слегка коснулась губами моих губ.

Мы вернулись в номер около одиннадцати. Я на руках перенес Руфь через порог и поцеловал.

— Здравствуйте, мистер Кейн! — торжественно сказала она.

— Здравствуйте, миссис Кейн! — с чувством ответил я.

Потом я позвонил в службу отеля и заказал четыре бутылки шампанского, которые тут же были доставлены.

Пока Руфь приводила себя в порядок перед сном, я ожидал за дверью. Волнуясь, я то и дело прикладывался к бокалу, потом подошел к окну. Нью-Йорк все так же ярко сверкал своими огнями за рекой. Улыбнувшись собственному отражению в стекле, я вдруг поднял бокал и сказал:

— За тебя, Нью-Йорк.

Мое отражение тоже подняло высокий, тонкий бокал и выпило за меня.

— Фрэнк, — услышал я тихий, нежный голос Руфи и подошел к двери.

— Да, дорогая.

Она не ответила. Поставив бокал и выключив свет, я осторожно открыл дверь спальни.

Возле кровати тускло мерцал ночник. Руфь стояла у окна. Она поманила меня рукой.

— Фрэнк, подойди сюда на минутку и посмотри.

Но разве мог я видеть что-нибудь, кроме своей Руфи.

— Фрэнк, — сказала она таинственно. — Посмотри в окно. Ты когда-нибудь видел перед собой целый мир, такой огромный и прекрасный, зовущий и ждущий тебя?

Я не ответил. Свет луны падал на ее лицо. Она была настоящая красавица, моя Руфь.

— Фрэнк, как ты думаешь, каким будет наш сын? — повернулась она ко мне.

Я нежно поцеловал ее в щеку, и она доверчиво прижалась ко мне. — Не знаю, — тихо сказал я. — Я

никогда не думал о детях. У меня раньше не было такого желания.

— Наверное, он будет похож на тебя — такой же дикий, странный, необузданный и красивый.

Я еще крепче обнял ее.

— Ну уж нет! Если он и вправду будет похож на меня, лучше не иметь его вовсе!

Я целовал ее шею, а она нежно шептала мне на ухо:

— Фрэнк, наш сын будет прекрасен. Фрэнк, а ты знаешь, что ты очень красивый?

Я улыбнулся и начал страстно целовать ее плечи, грудь. Обхватив меня крепко за голову и прижав ее к себе, она поцеловала меня прямо в макушку. Мои горячие губы жадно искали ее.

— Ты даже не представляешь, как ты красива, — прошептал я.

Она нащупала рукой выключатель и погасила свет.

Позже я тихо лежал и любовался ею, боясь шелохнуться и потревожить ее сон. В уголках ее глаз застыли две жемчужные слезинки. Я осторожно смахнул их.

Мне вдруг страшно захотелось курить. Я пошарил рукой возле кровати, но сигарет не было. Очень осторожно, чтобы не разбудить ее, я встал. И все-таки она проснулась.

— Фрэнк, ты счастлив? Я оправдала твои ожидания?

— Милая! Ты еще спрашиваешь! Мне больше ничего не нужно в этой жизни! — Я прошел в другую комнату, тихонько прикрыл дверь и зажег настольную лампу. Сигареты лежали на столике. Тут же была почта за несколько недель. Глубоко затянувшись, я лениво просмотрел несколько счетов и извещений и вдруг наткнулся на повестку участковой призывной комиссии.

Сигарета моя уже почти догорела. Положив ее в пепельницу и потушив свет, я направился в спальню, и только тут заметил, что все еще держу повестку в руке, со злостью запустил ее в противоположный угол. «Черт с ней! — подумал я. — Позвоню утром Карсону, и он все уладит».

ЭПИЛОГ

У Мартина вдруг подкосились ноги, и он опустился в кресло, глядя на Джанет.

— Что ты хочешь этим сказать? — произнес он дрожащим голосом.

Джерри тоже посмотрел на жену. Он уже слышал начало этой истории.

— Все мы знали, что Руфь ждала ребенка, — начала она, сев так, чтобы видеть их обоих. — Когда мы получили от Фрэнка ту ужасную телеграмму, сообщавшую о смерти Руфи во время родов, в ней ничего не говорилось о ребенке. Все были уверены, что он умер вместе с ней. Но мы ошибались.

Ты, Мартин, был уже далеко, за океаном, и нам оставалось только написать тебе о том, что произошло. Через месяц призвали Джерри, и жизнь, казалось, остановилась. За несколько дней до его возвращения меня навестил капеллан — капитан подразделения, в котором служил Фрэнк. Он видел, как умирал Фрэнк. Тогда мы уже знали, что он погиб. Я получила извещение военного департамента шестнадцатого апреля. Но этот капитан Ричардс передал письмо от Фрэнка, которое тот перед смертью просил доставить лично мне.

Капеллан смертельно устал. Трудно было сказать, когда он спал в последний раз. Казалось, за день он проживал тысячу лет, и это было невыносимо.

Грохот залпов теперь превратился в далекий, едва уловимый гул. Еще вчера здесь был полевой госпиталь,

а сегодня уже основной. Фронт отодвинулся за день на тридцать миль. Но раненые все продолжали поступать. Врачи работали неистово, без отдыха и сна, не чувствуя усталости, но все-таки число раненых у дверей операционной не уменьшалось.

Он вышел из маленького здания, служившего госпиталем. Все вокруг было заставлено носилками с ранеными, ожидавшими своей очереди в операционную или отправки в тыл. Уже почти наступила ночь. Первая звездочка несмело проглянула на небе. Он осторожно пробирался между носилками к своей палатке. Ему было просто необходимо поспать, хотя и во сне его будут преследовать их бескровные, обезображенные болью лица и жуткие стоны.

— Капитан Ричардс, — скорее почувствовал, чем услышал он. Да и можно ли было что-то услышать среди этого ада. Он остановился.

— Капитан Ричардс, сюда, — голос был слабым, но настойчивым.

Наконец, он увидел того, кто обращался к нему. Нет, он не знал этого мужчину. Один из многих, до самой шеи завернутый в одеяло. Но бескровное лицо было явно обращено к нему. Он опустился на колено, чтобы лучше разглядеть его.

— Капитан, вы меня не помните?

Капеллан покачал головой. Столько людей прошло перед ним за это время.

— Я — Кейн, помните? — спросил раненый.

И вдруг его словно пронзило молнией. Ну конечно же, он встречал этого человека раньше. Тогда он только пришел в армию, а Кейн был сержантом. Капеллан предложил Кейну походить на службы, но тот лишь рассмеялся в ответ. Что же он тогда сказал? Это было так давно. Ах, да! Он тогда засмеялся и сказал: «Теперь это уже мне не поможет, отец».

«Посещение службы никому еще не вредило», — ответил он, но Кейн лишь ухмыльнулся и отошел. А капеллан подумал, глядя ему вслед, что Кейн уже довольно стар, чтоб воевать. И каково же было его удивление, когда он узнал, что, несмотря на почти седые волосы, ему чуть больше тридцати.

— Да, Кейн. Теперь я, кажется, вспомнил, — сказал капеллан. Он свернул шинель и сел на камень. На лбу у Кейна была повязка.

— Я умираю, — сказал спокойно мужчина. В голосе не было ни капли страха. Он просто констатировал факт.

— Да брось ты, — сказал капеллан, — так не шутят.

— Не надо меня обманывать, отец! С таким ранением, как у меня, не живут, я знаю.

Капеллан хотел что-то сказать, но Кейн перебил его.

— Нет, мне не больно, отец. Дело не в этом. Меня так накачали морфием, что я уже не чувствую своего тела, если, конечно, оно у меня еще есть. — Он посмотрел на капеллана, — И кроме того, меня положили с той стороны двери, где лежат смертники. Последние два часа все проходят мимо меня. Время от времени кто-нибудь дает мне очередную порцию морфия и делает соответствующую пометку. Но я не ропщу. Пусть помогают тем, у кого еще есть шанс выжить.

Наконец, капеллан обрел дар речи.

— Послушай, ты должен жить, все будет о'кей.

— Хорошо, отец, — сказал Кейн твердым, спокойным голосом так, будто они с капелланом поменялись ролями, — если вы так думаете. Но все-таки я хочу попросить вас об одном одолжении на случай, если я умру.

— О чем же, Кейн? — У него мелькнула мысль об отпущении грехов. Рано или поздно все обращались к Богу. Но ответ Кейна немного разочаровал его.

— У меня есть письмо, я хотел бы, чтобы вы доставили его адресату, но только не по почте, а лично. Оно у меня в кармане. Возьмите его.

Капеллан наклонился и нащупал письмо.

— Да, это оно, отец. Оно адресовано женщине. Нет, не матери, не жене, не любимой, — поспешно произнес он, заметив понимающий взгляд капеллана. — Они все уже умерли. Это письмо одной хорошей знакомой, ее мужу и их другу. Я не хотел бы, чтобы они получили его раньше, чем окончится война и они будут снова вместе.

Он замолчал, как бы собираясь с мыслями. Капеллан вглядывался в его лицо, пытаясь угадать, о чем он думал. Тоненькие струйки крови стекали из ушей Фрэн-

ка, образуя на носилках огромное безобразное темное пятно, которое становилось все больше и больше.

— Не беспокойся о письме, сын мой. Я передам его. Может быть, еще что-то сделать для тебя?

Он, казалось, усмехнулся одними глазами, прекрасно понимая, что имел в виду капеллан.

— Да, отец. Дайте мне сигарету.

Капеллан вставил ему в рот сигарету. Губы были сжаты и холодны. Он чуть шевельнул ими в знак благодарности. Капеллан полез за спичками в задний карман, а когда повернулся, Фрэнк был уже мертв. Спокойно и беззвучно отошел он в мир иной. Только глаза были широко раскрыты. Они, казалось, еще жили, и взгляд стал даже мягче и теплее, чем у живого Фрэнка. С них будто спала пелена.

— Этот капеллан обещал Фрэнку, что доставит письмо лично, и сдержал свое обещание. Он также передал просьбу Фрэнка прочитать письмо тогда, когда мы будем все вместе. — Джанет взглянула на мужа.

— Так вот почему ты ничего не сказала мне раньше, — тихо промолвил он.

— Да, — коротко ответила она, — я хотела, чтобы вы узнали об этом вместе.

Джанет подошла к шкафчику в углу комнаты, взяла письмо, затем встала посреди комнаты и начала читать с чувством теплоты и какой-то нежности.

— Письмо датировано пятым декабря 1944 года.

«Дорогая Джанет!

Я пишу письмо, которое, я надеюсь, ты никогда не получишь. Так странно писать письмо, которое, скорее всего, не будет доставлено адресату, но еще более трудно вообразить, что оно доставлено будет. Ты получишь его только в том случае, если я умру. Но вовсе не предчувствие смерти заставило меня взяться за перо, просто я могу умереть очень внезапно.

Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы высадились на морском побережье. Но это было лишь в июле. С тех пор многие вещи приобрели для меня совсем иной смысл и значение. Многое произошло за это время,

о чем я хочу рассказать тебе, а еще — попросить кое о чем.

Однажды, много лет назад, Марти как-то сравнил меня с Гитлером. Я рассмеялся, так как до меня не дошло, что он имел в виду. Теперь я знаю. Я понял это, живя с Руфью, а также за эти пять месяцев в Европе. Теперь я знаю, что человек не может существовать вне общества, не считаясь с ним и с так называемыми рядовыми людьми. Это значит просто не уважать самого себя.

Я начал думать, что же сделало меня таким, и впервые в жизни пришел к выводу, что виной тому одиночество. Человек может быть одиноким, даже если он делит одну комнату с двадцатью другими, но никому не открывает своей души. Так я жил до женитьбы на Руфи. Как ты знаешь, она умерла во время родов, но, вероятно, не подозреваешь, что ребенок остался жив. У нас родился мальчик. Я никогда не желал детей. Но она сказала: «Я хочу сына от тебя по многим причинам. Он будет твоей копией, и будет всегда со мной, даже если ты будешь очень далеко. И я отдам ему, а значит и тебе, всю свою любовь, заботу и мечты, чего ты не получил в детстве. Подари мне сына, мой дорогой, чтобы я могла собрать тебя вновь по крохам и оживить». Так говорила мне Руфь. А когда родился наш мальчик, и она уже знала, что умрет, она прошептала мне: «Сохрани его, Фрэнки. Дай ему детство и осуществи его мечты. Пусть он почувствует всю прелесть юности и вырастет настоящим человеком. Дай ему все, что хотела дать ему я».

И я пообещал ей.

Но сначала мне нужно вернуться домой из армии. А ведь может случиться так, что я не вернусь и не смогу сдержать данное ей слово, а потому прошу тебя помочь мне. Найди для нашего сына место в своем доме и в сердце, дай ему свое имя и все остальное, что ты можешь дать.

Я человек довольно обеспеченный. У него никогда не будет нужды в деньгах. Но только ты можешь дать ему то, что не заменят человеку никакие деньги. Не допусти, чтобы он рос так, как я; иметь одежду, пищу, кров над головой и в то же время быть лишенным всех человече-

ских качеств, то есть быть беднее самого последнего нищего. Ему необходимы любовь, доброта и забота.

Он нуждается в людях, в семье, которая даст ему надежное пристанище, возможность пустить свои корни на земле, в обществе, научит его настоящим ценностям в жизни, тому, чему научила меня Руфь.

Я определил сына в приют Святой Терезы, доверив его попечительству брата Бернара. В письмах он сообщает, что маленький Фрэнсис очень похож на меня. И я горжусь им. Не только потому, что он похож на меня. В нем я вижу его мать. Она смотрит на меня его голубыми глазами и улыбается его улыбкой. И все-таки, мой сын похож на меня!

Как видишь, я многому научился у Руфи. Я научился любить, отдавая себя, а не только беря все, что мне нужно. И я знаю, что ты многое можешь дать моему сыну.

Прочитай это Джерри и Марти, когда они вернутся, если сможешь. И передай им, что наша дружба была самой яркой страницей моей жизни. И никакие передряги жизни не смогли затмить или изменить мои чувства к ним. Скажи им, что мне бы очень хотелось, чтобы они полюбили моего мальчика и отдали ему частицу своей души.

Умоляю вас, заберите к себе моего сына.

Помогите сдержать слово, данное Руфи.

С любовью, Фрэнк.»

Джанет гордо взглянула на Джерри и Марти. В комнате воцарилась тишина. Они молча смотрели друг на друга. Потом вдруг улыбнулись.

Слезы навернулись на глаза Джанет, и она протянула им руки.

Все было ясно без слов.

НАДГРОБИЕ ДЭННИ ФИШЕРУ

Роман

«Каждый человек есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает: под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история».

Генрих Гейне

По-разному можно попасть на кладбище Гора Сион.

Вы можете ехать на автомобиле, минуя красивые парки Лонг Айленда, вы можете добираться на автобусе или троллейбусе, можете воспользоваться метро... Но на этой неделе вам не найти такой дороги, которая не была бы заполнена толпами людей. Потому что эта неделя — последняя перед Великими Святыми Днями.* Эти шесть дней надо обязательно посвятить молитвам и милосердию, и, конечно, посетить кладбище — вспомнить тех, кого уже нет с нами.

А для того, чтобы посещение не осталось незамеченным, надо подобрать камешек и положить его на надгробие, — тогда во время своего еженощного обхода кладбища Ангел, в чьи обязанности это входит, заметит и зарегистрирует его.

В назначенное время вы собираетесь у арки из белого камня. Слова «Кладбище Гора Сион» высечены над вашими головами. Вас шестеро. Вы смущенно смотрите друг на друга, приветствия нехотя срываются с ваших уст. Наконец-то вы вместе. И вот, словно по тайному знаку, все так же храня молчание, вы трогаетесь с места и один за другим проходите под аркой.

По правую руку от вас остается домик смотрителя, по левую — регистратура. Там хранятся нынешние адреса тех, кто ходил по этой земле вместе с вами, а еще тех, кто населял ее до вас.

---

* Великие Святые Дни — День Покаяния и Новый год (Йом Кипур и Рош Хашана) согласно еврейским религиозным традициям.

Вы проходите центральной аллеей, разыскивая нужную вам дорожку. Наконец вы видите то, что ищете, — белый номер на черной табличке. Вы сходите с аллеи и теперь идете, читая названия похоронных обществ на каждом участке. Вот они — черные буквы на сером камне.

Маленький старичок с прокуренными седыми усами и бородой спешит к вам. Он заискивающе улыбается, в то время как пальцы его теребят значок на лацкане. Это псаломщик из похоронного бюро. Согласно давно установленной традиции, он прочтет молитвы вместо вас. Вы называете имя. Он по-птичьи кивает головой — он знает эту могилу. Он поворачивается, и вы следуете за ним, осторожно перешагивая через чужие могилы. Он останавливается и указывает дряхлой трясущейся рукой, отходит назад.

Самолет ревет, заходя на посадку на расположенный неподалеку аэродром. Но вы не оглядываетесь. Вы читаете слова на надгробии. Мир и покой нисходят на вас. Дневная суета покидает вас. Поднимаете голову и коротко киваете псаломщику.

Он снова выходит вперед, спрашивает имена, которые нужно включить в молитву. Один за другим вы отвечаете ему.

Моя мама.

Мой отец.

Моя сестра.

Мой зять.

Моя жена.

Мой сын.

Молитва его — мешанина слов, которая монотонным эхом разносится над могилами. Но вы не слушаете его. Все вы переполнены воспоминаниями обо мне, но каждый из вас видит меня по-своему.

Молитва окончена. Старик получает деньги и отправляется помогать выполнить свой долг другим. Вы смотрите себе под ноги — ищете камешек, чтобы положить его на могилу. Потом, бережно держа его в ладони, подходите.

И хотя холод и снег зимы, солнце и дожди лета прошли мимо меня со времени вашего последнего прихода, мысли ваши обо мне так и не изменились.

Для моей мамы — я все тот же испуганный малыш, прижимающийся к ее груди в поисках защиты.

Для отца — я все тот же трудный сын, который не способен понять его любовь.

Для сестры — я младший брат, о котором можно было тревожиться, которым можно было гордиться.

Для ее мужа — верный и надежный друг, которому можно доверить самые сокровенные мечты о славе.

Для жены — страстный любовник, боготворивший ее и оставивший ее с ребенком.

Для моего сына — не знаю, что я значу для моего сына, потому что он меня не видел. Пять камешков лежат на моей могиле, и ты, мой сын, стоишь, недоумевая. Для всех остальных я действительно был, но только не для тебя. Тогда почему ты должен находиться здесь и плакать о том, кого никогда не знал?

В глубине твоего детского сердца рождается обида. Тебе ни разу не пришлось, как другим детям, сказать: мой папа самый сильный или самый добрый, или самый любящий. Ты молчал и с горечью слушал, как это говорили другие. Не обижайся и не осуждай меня, мой сын. Если можешь, не торопись вынести приговор, а выслушай историю своего отца. Я был простым смертным, сынок, и поэтому нередко заблуждался. И хотя за свою короткую жизнь я наделал много ошибок и подвел многих людей, я, сынок, не хотел бы подвести тебя. Выслушай меня, прошу тебя, сын, выслушай и не повторяй моих ошибок.

Вернемся к самому началу, к самому-самому началу. Потому что мы с тобой, сын, — одна плоть, одна кровь и одно сердце — можем теперь обрести одну память.

ПЕРЕЕЗД

1 июня 1925 г.

А в самом начале был мой день рождения. Я сижу в кабине грузовика и взволнованно читаю номера на перекрестках, которые мы проезжаем. Наконец, машина останавливается.

— Этот квартал? — спрашивает водитель негра, сидящего рядом со мной. Негр оборачивается ко мне:

— Этот квартал, малыш?

— Да, этот, — шепчу я, оглядывая одинаковые коттеджи. Перед каждым, во дворике, посажено молодое деревце. Здесь ничего не изменилось с того дня, когда я приезжал сюда с родителями. Тогда они купили мне дом — подарок на день рождения.

Все улыбались, даже агент по продаже недвижимости. Только папа был серьезен. Он все продумал. Он сказал агенту: «Дом должен быть готов к первому июня, потому что это — подарок сыну на день рождения».

И вот наступило первое июня, мне исполнилось восемь лет, мы переезжаем.

— Вот он! — подпрыгнул я в кабине. — Вот он — мой дом! Тот, который стоит в самом конце, отдельно!

Грузовик остановился возле дома, и я сразу же узнал нашу машину у гаража. Мама и моя сестра Мириам отправились сюда пораньше, чтобы — по обычаю — первыми внести в дом лист мацы и соль. Меня они тоже хотели взять с собой, но на грузовике ехать было куда интереснее, да и добродушный водитель не возражал. Я попытался открыть дверцу, но негр, улыбаясь, придержал ее.

— Не спеши, малыш, — пробасил он, — тебе еще здесь жить и жить.

Наконец он отпустил дверцу, и я мгновенно сполз на землю, побежал и тут же растянулся, обо что-то споткнувшись. Сильные руки грузчика подняли меня и поставили на ноги.

— Не ушибся?

Я помотал головой. Даже если бы я хотел что-нибудь сказать, я бы не смог. Ведь я видел свой дом. Первый его этаж был из темно-красного кирпича, второй — до самой крыши — был выложен бурым галечником. Он был очень красив, мой дом, похожий на франта в красных штанах, темной рубашке и серебристой шляпе-крыше. А еще было небольшое крыльцо и застекленная веранда. Никогда ничего подобного мне не приходилось видеть. Я взбежал на крыльцо и гордо оглядел улицу. Но улица была пуста. Мы были первыми жителями нового квартала.

— Тебе повезло, парень, — сказал подошедший негр. — У тебя отличный дом.

Я благодарно улыбнулся ему и, преодолев последние три ступеньки, постучал в дверь и завопил:

— Мама, мама! Я приехал!

Дверь распахнулась, на пороге стояла сияющая мама. Я проскочил мимо нее и остановился посреди комнаты. В доме приятно пахло свежей краской, смолистым деревом и еще чем-то едва уловимым. И все было новым: обои на стенах, дерево лестниц...

— Мама, где моя комната? — спросил я. Ведь у меня была теперь своя комната! До этого мы жили на квартире, и мне приходилось делить спальню с сестрой, которая старше меня на два года. Однажды мама зашла к нам и увидела, что я сижу на кровати и с интересом наблюдаю за одевающейся Мими. Позже, как-то за завтраком, мама торжественно объявила о том, что мы собираемся купить дом, в котором у каждого будет своя комната. Сейчас же она поймала меня за руку и сказала:

— Твоя комната — первая налево от лестницы, Дэнни. А теперь — не путайся под ногами, у меня еще много дел!

Я мигом взлетел наверх и огляделся. Большая спальня родителей была сразу напротив лестницы, справа —

комната Мириам, слева — моя. Я открыл дверь и осторожно вошел. Она была небольшой, но очень уютной, моя комната. Буквально в нескольких метрах от окна виднелся соседний дом, точно такой же, как наш. Прижав нос к стеклу, я заглянул в комнату соседнего коттеджа. Она была такой же, как моя, но не моя, и поэтому ничего интересного не представляла. Я пошел вдоль своих стен, потом растянулся на полу посередине и прошептал:

— Я люблю тебя, мой дом! Ты самый красивый дом в мире!

— Чего это ты разлегся на полу, Дэнни?

Я сконфуженно поднялся на ноги и оглянулся на дверь. Пришла Мириам. Голова ее, как у мамы, была повязана шарфом. Она подозрительно сощурила глаза, стараясь угадать, чем это я тут в одиночестве занимался.

— Мама сказала тебе спуститься вниз, — важно проговорила она, — сейчас будут заносить мебель.

Я послушно пошел за ней. Новизна дома меркла на глазах: повсюду были следы заносивших мебель грузчиков, в углу скособочился скатанный в рулон ковер, дожидающийся своей очереди.

— Ма, тебе чем-нибудь помочь? — спросил я.

Мама улыбнулась и ласково взъерошила мои волосы:

— Нет, светлячок, пока твоя помощь не требуется. Пойди погуляй. Если понадобишься, я тебя позову.

Я улыбнулся — мне нравилось, когда она называла меня так, хотя Мими это всегда выводило из себя, ведь я единственный в семье был белокур. У всех остальных волосы были темные, и отец часто смеялся над мамой из-за этого. Мама почему-то злилась.

Я скорчил Мими рожу и выбежал на улицу. Весь двор был заставлен мебелью. День был жаркий, и негр-грузчик скинул свою клетчатую, пропитанную потом рубашку. Под его блестящей черной кожей перекатывались бугры мышц. Я вышел со двора и побрел по кварталу, в котором мне предстояло жить. В отличие от нашего прежнего района с тесно прижавшимися друг к другу уродливыми домами здесь было просторно.

Дойдя до угла, я вдруг услышал лай и визг собаки. Оглянулся вокруг, но никого не заметил: виднелись только строящиеся дома.

Какой-то шутник из муниципалитета высокопарно назвал наш район Гайд Парк, хотя никаким парком тут и не пахло. Это была восточная окраина Бруклина, дальше шли пустые поля. Испуганный лай собаки слышался все ближе, но нельзя было понять, откуда он доносится. В конце концов я определил, что лай доносится со дна глубокого котлована, на краю которого стояли два мальчика и глядели вниз. Должно быть, собака свалилась в эту яму. Я подошел к ребятам и опасливо заглянул в карьер — там, на дне, бегала маленькая коричневая собачонка с длинными ушами и коротким хвостом. Она отчаянно пыталась выбраться, но каждый раз с визгом срывалась вниз, не добравшись даже до середины стены. Опрокинувшись в очередной раз на спину, она поднялась на свои коротенькие лапки и тоненько затявкала, глядя на нас умными черными глазами. Стоявшие рядом ребята захохотали, я с удивлением посмотрел на них.

— Это ваша собака?

Оба мальчика разом повернулись ко мне и принялись молча рассматривать. Были они удивительно похожи друг на друга, только один чуть поменьше. Я повторил свой вопрос.

— А твое какое дело? — процедил недружелюбно старший.

— Я просто так спросил, — примирительно ответил я.

— А я спрашиваю, какое твое дело? И вообще, откуда ты такой взялся? — старший шагнул ко мне, резко приблизив свое лицо вплотную к моему. Я мужественно выдержал его взгляд.

— Так откуда же ты? Раньше тебя здесь не было.

— Мы с Ист-Сайда... Мы только что переехали, в новые дома...

— Как тебя звать? — его лицо оставалось хмурым.

— Дэнни Фишер. А тебя?

— Пол. А это мой брат — Эдди.

Мы снова повернулись к яме и некоторое время наблюдали за барахтаньем бедного пса. Когда тот в очередной раз свалился на дно, Пол сказал:

— Вот потеха! Безмозглый дурак, он никогда оттуда не выберется.

— Не вижу в этом ничего смешного, — заметил я. — Надо ему помочь.

— С какой стати? Так ему и надо, не будет лезть, куда не нужно. Сам свалился, сам пусть и выбирается.

Я промолчал, так как спорить с ним было опасно. Кто-то засопел за моей спиной, это был Эдди. Он был меньше меня, и я улыбнулся ему. Он тоже улыбнулся. Пол обошел меня и встал рядом с братом. На его лице была написана явная угроза, улыбка мигом слетела с лица Эдди.

— А в какую школу ты будешь ходить? — спросил Пол.

— Еще не знаю. Наверное, в ту, которая около Утихи по Авеню Д.

— В какой класс?

— Четвертый «А».

— Сколько тебе лет?

— Восемь, — гордо ответил я. — Сегодня мой день рождения. Поэтому мы переехали. Отец купил мне дом в подарок.

Пол презрительно хмыкнул, мое сообщение не произвело на него никакого впечатления. Я добавил:

— Меня из второго класса перевели сразу в четвертый.

Глаза Пола стали еще более холодными.

— Ты будешь ходить в «Святое Сердце»? — спросил он.

— Что это?

— Церковь Святого Сердца, — пояснил он.

— Нет, — покачал я головой.

— Тогда, может быть, в церковь Святого Креста, около кладбища? — настаивал он.

— Нет, — пробормотал я, хотя мне уже совсем не хотелось отвечать на его вопросы. С минуту он молчал, что-то напряженно обдумывая. Потом спросил:

— Что же получается, ты не веришь в Бога?

— Верю, — ответил я. — Но в церковь не хожу.

— Но если ты не ходишь в церковь, значит, не веришь в Бога!

— Нет, верю! — воскликнул я, чувствуя, как глаза наполняются слезами. — Я еврей, я хожу в синагогу!

Братья переглянулись с пониманием. Теперь их лица вовсе превратились в злобно-презрительные маски. Пол

придвинулся ко мне, я попятился. Он вплотную стоял и с ненавистью, какой мне не приходилось видеть, спрашивал:

— А зачем, зачем вы убили Христа?

— Я его не убивал, — пролепетал я. — Я его даже никогда не видел.

— Нет убивал, убивал! — пропищал сбоку Эдди. — Нам отец рассказывал. Он говорил, что евреи убили Его и прибили гвоздями к кресту. Еще он сказал, что жиды захватят все дома в округе.

— Может быть, какие-нибудь евреи и убили его, — попытался я помириться с ними, — но ведь не я?! И вообще, мама говорила, что он был царем евреев...

— Все равно, вы распяли его, — упрямо повторил Пол.

Не зная, что возразить ему, я попытался снова вернуть их к собаке:

— Давайте достанем ее из ямы!

Братья в ответ мрачно промолчали. Ничего сейчас не хотелось мне, только убежать от них. Неожиданно лицо Пола расплылось в презрительной ухмылке. Он отступил на шаг назад и спросил:

— Ты хочешь вытащить ее?

— Да-да, — тихо прошептал я, размазывая слезы.

— Ну, хорошо, еврейский выродок, иди, доставай собаку! — он прыгнул ко мне и обеими руками толкнул в грудь. Я рухнул в яму, несколько раз перевернувшись через голову, и растянулся на дне. Видимо, от испуга я на мгновение потерял сознание, потому что пришел в себя только тогда, когда рыжий щенок принялся вылизывать мое лицо. Я открыл глаза, щенок усердно закрутил хвостом. Надо было вставать. Мне было очень стыдно, что я расплакался, как последняя девчонка. Надо мной виднелись рожи Пола и Эдди.

— Вонючие подонки! — выкрикнул я самое страшное ругательство, которое знал. — Я с вами еще посчитаюсь!

Сверху посыпались камни и песок, я подхватил на руки щенка и отбежал на другой край ямы. Наверху рассмеялись:

— Помогай, помогай ему, еврейский сукин сын!

Они еще долго гоняли нас с одного края ямы на другой, потом им это надоело, и они ушли. Обессиленный, я уселся на землю и прижал к себе щенка:

— Ничего, маленький, сейчас мы выберемся отсюда.

Подождав немного и увидев, что наверху все тихо, я начал карабкаться по отвесной стене. Но оказалось, что с собакой на руках мне высоко не подняться. Когда же я полез один, щенок так жалобно заскулил внизу, что я не выдержал и вернулся. Не мог, не мог я теперь бросить своего друга.

Голубой квадрат над нашей головой сначала посерел, потом потемнел. Мы беспомощно сидели на дне и смотрели вверх. Вдруг что-то прошуршало рядом со мной. Это была большая крыса. Потом пробежала еще одна, задев меня своим противным длинным хвостом. У меня сердце ушло в пятки, я невольно разжал руки, и щенок вырвался. На лету он ухватил крысу за спину и переломил ей хребет. Гордый собой он вернулся ко мне, и мы снова замерли.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я не заметил мелькание света фонарика.

— Мама, мама! Я здесь! — изо всех сил заорал я. Свет фонарика приблизился, и я услышал голос отца:

— Ты здесь, сынок? Сейчас я тебе помогу!

В яму сбросили веревку, и по ней спустился папа. Как только он ступил на дно, я обнял его.

— Будет, сынок, будет... С тобой все в порядке?

— Да, папа, да! — сквозь рыдания проговорил я. — Только мама будет ругаться, я штаны порвал.

— Это не страшно, — облегченно рассмеялся отец, — думаю, она не будет очень сердиться. — Он поднял голову вверх и крикнул: — С ним все в порядке, ребята! Помогите выбраться!

— Не забудь щенка, папа.

— Как можно, малыш? Это ты из-за него сюда попал?

— Нет, это Пол и Эдди столкнули меня сюда, потому что я — еврей.

Папа странно посмотрел на меня и покачал головой.

— Соседи новые, а люди те же.

Я не понял, что он этим хотел сказать; он же обвязался веревкой, взял подмышки собаку и меня и крикнул, чтобы поднимали.

— Ты сердишься на меня, папа? — спросил я, как только мы оказались наверху.

— Нет, сынок, ты тут ни при чем...

— Тогда можно мне оставить собаку? — Песик, словно понимая, что речь идет о нем, радостно завилял хвостиком. — Мы назовем его Кароп.

Папа взглянул на щенка, потом на меня и рассмеялся:

— Ну, тогда уж не Кароп, а Карра, — ты спас собачью дочь.

В комнате было тепло и уютно. Я лежал под одеялом после горячей ванны и стакана горячего молока с медом. Снаружи доносились новые ночные звуки, к ним мне еще предстояло привыкнуть. Я лежал в моей кровати, в моей комнате, в моем доме. Чувство безмятежного покоя овладело мною. Повернувшись к стене, я погладил ее.

— Я люблю тебя, мой дом, — прошептал я, засыпая. Под кроватью возилась Карра, и я опустил руку. Она немедленно ткнулась в ладонь мокрым носом и лизнула. Я погладил ее.

— Я люблю тебя, Карра, — прошептал я, проваливаясь в сон.

ВСЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Книга первая

Глава первая

Солнце тепло тронуло мои веки. Я прикрыл глаза рукою и несколько минут еще пребывал в полудреме, но вскоре понял, что уснуть больше не удастся. Рывком сел и, конечно же, не обнаружил домашних тапочек на месте. Заглянув под кровать, я убедился, что похитительница мирно посапывает. Вытащил осторожно из-под головы Карры теплые шлепанцы. Подошел к открытому окну и услышал приглушенные голоса, доносившиеся из спальни родителей. И тут я вспомнил, что сегодня большой день в моей жизни — мой бар мицва*! Меня охватила радость, и я начал повторять слова сложного ритуала, которые специально выучил. Чтобы успокоиться, я несколько раз вдохнул и выдохнул — все будет нормально, я ничего не забуду. Скинув пижаму, я подхватил гантели и принялся за утреннюю зарядку. Праздник праздником, но к осени обязательно нужно набрать вес, чтобы приняли в школьную футбольную команду. Десять раз отжался от пола, десять раз наклонился, подошел к зеркалу и осмотрел себя. Из зеркала смотрел тощий долговязый подросток с торчащими ключицами и довольно жиденькой мускулатурой. На груди у меня не выросло ни одного настоящего мужского волоска, один лишь золотистый пушок. Жаль, что не брюнет, как все Фишеры, жаль. Делая приседания со штангой, я услышал щелчок выключателя в комнате соседнего дома. Опустив штангу, я подкрался к окну. Это была

* Бар мицва *(иврит)* — еврейский обряд посвящения в мужчины.

спальня Марджори Энн Конлон — лучшей подруги Мими. Иногда ее шторы не были опущены, и я мог хорошенько рассмотреть все, что происходит внутри. К моей тайной радости окна дома Конлонов выходили на запад, и Марджори каждое утро приходилось зажигать свет. Штора была поднята. Третий раз на этой неделе Марджори забывала ее опустить. Когда последний раз я подглядывал, мне показалось, что Мардж заметила меня, поэтому нужно было быть вдвойне осторожным. Вообще она была очень странной девчонкой: вечно поддразнивала меня, пристально глядя в лицо. За последнее время мы успели несколько раз с ней поссориться. Мне не хотелось приглашать ее на свой бар мицва, но Мими настояла.

Сейчас Мардж стояла посередине комнаты в тонкой ночной рубашке и что-то напряженно высматривала. Мне было прекрасно все видно из своего укрытия. Пол говорил, что у нее самая красивая фигура в классе, но я с ним не был согласен, — полная Мими мне нравилась больше, чем угловатая Мардж.

Теперь она смотрела в окно, казалось, прямо мне в глаза. Я невольно втянул голову в плечи. Вдруг она скинула рубашку, и у меня внутри что-то сладко заныло. Наконец, она нашла то, что искала, и, выгнувшись дугой, дотянулась до лифчика и начала надевать. Интересно, догадывается она, что я за ней наблюдаю?

Из холла донесся какой-то шум, и раздался голос Мими. Я мигом нырнул в кровать, не хватало еще, чтобы сестра засекла меня за этим делом. Краем глаза я заметил, что свет в комнате Марджори погас, значит, она знала, что я подглядываю. За дверью раздались шаги: я притворился, что сплю.

— Дэнни, ты спишь? Вставай, засоня!

— Встаю, — ответил я и притворно потер кулаками глаза. — Тебе чего?

Ее глаза подозрительно скользнули по моей груди и плечам.

— А где твоя пижама? Ты уже вставал?

— Да, — нехотя ответил я.

— А что ты делал? — спросила она, переводя взгляд на окно Марджори.

— Зарядку... А потом решил еще немного поваляться.

Видно было, что ответ не удовлетворил ее, но она промолчала. Все так же пристально осматривая комнату в поисках какого-нибудь криминала, она подошла к кровати и подняла с пола пижамную куртку. Когда сестра наклонилась, я невольно уставился на ее вполне сформировавшиеся груди в вырезе рубашки. Она перехватила мой взгляд, покраснела и сердито швырнула куртку на постель.

— Мама попросила меня разбудить тебя и напомнить о душе. Холодный душ тебе не помешает, — язвительно добавила она на прощание.

Как только дверь за ней закрылась, я вскочил и почувствовал прилив сил. В конце концов, не такой уж я слабак. Мой рост приближался к 163 сантиметрам, а весил я уже 52 килограмма. Еще килограмма три — и я вполне подойду для футбольной команды. А вообще, сестра правильно сказала, да и школьный тренер всегда говорил, что лучшее средство от излишних эмоций — холодный душ. Я смело подставил тело под обжигающие холодные струи и спустя пять минут почувствовал облегчение. Возвращаясь, заглянул в комнату Мими — сестра застилала постель.

— Мими, — неловко позвал я.

— Что? — она посмотрела мне в глаза.

— Да так, ничего, — смутился я и пошел было к двери, но вдруг обернулся и поймал ее взгляд. Она отвела глаза в сторону.

— Вы, мальчишки, отвратительны, — пробормотала она. — А ты становишься похожим на Пола, он всегда так же смотрит...

— Нет, я не такой! — воскликнул я.

— А кто подглядывал за Мардж?

— Я... я не подглядывал, — сказал я, краснея.

— Вот увидишь, я все расскажу маме!

Я подскочил к ней и схватил за руки.

— Только попробуй! — с дрожью в голосе произнес я.

— Убери руки, мне больно.

— Ты не расскажешь о... своих выдумках, — с угрозой процедил я.

Она подняла на меня свои расширившиеся от боли глаза, в которых крылось любопытство.

— Убери руки, дурак, — спокойно выговорила Мириам. — Хорошо, я ничего не скажу, но обязательно дам знать Мардж, что она была права, когда говорила, что ты, наверное, подсматриваешь за ней.

— Пусть опускает занавески, дура, — торжествующе произнес я в лицо сестре и отпустил ее. Да, я оказался прав: Марджори Энн давно знает, что я слежу за нею, но... занавесок не опускает. Отчего бы это?

Глава вторая

Застегнув рубашку, я тщательно причесался перед зеркалом. Мои белокурые волосы казались еще светлее. Мама будет довольна. Заглянул под кровать и позвал Карру:

— Просыпайся, детка, пойдем гулять.

Услышав волшебное слово «гулять», собака мигом выбралась из-под кровати и пошла за мной. Из кухни доносился взволнованный мамин голос:

— Ты не знаешь эту Бесси. Ей обязательно что-нибудь да не понравится, ведь она считает, что одна разбирается в том, как надо проводить бар мицва. А уж ее Джоэл...

— Ну, будет, Мэри, — рассудительно бубнил отец. — Все пройдет как нельзя лучше. В конце концов ты сама настояла на том, чтобы вся родня собралась у нас.

Я с облегчением вздохнул, — они разговаривали не обо мне. А эти разговоры велись уже полгода — с того момента, как решили «достойно отметить бар мицва», после которого я буду иметь полное право принимать участие во всех делах синагоги. Папа предлагал снять для праздника небольшой зал в ресторане, но мама была против. Дело в том, что цены росли, а аптека отца приносила все меньше денег. Кроме того, теперь приходилось ежемесячно выплачивать по кредиту за дом, который обошелся нам в три тысячи долларов. «Нам это не по карману», — отрезала мама, и папе нечего было возразить. За последние месяцы ситуация еще больше осложнилась. В стране все чаще звучало слово «кризис».

Я открыл дверь в кухню.

— Доброе утро. Что купить в магазине, мама?

— Как обычно, Дэнни. — Она едва взглянула на меня.

— Можно, я куплю засахаренных каштанов, мама?

Она мигом оттаяла, вспомнив, что у меня сегодня праздник:

— Конечно, сынок. — С этими словами она сняла с полки над раковиной высокий фужер и достала из него доллар. — Сегодня у тебя великий день, сын!

Я взял зеленую бумажку и радостно вышел из кухни. На крыльце о чем-то шептались Мириам и Марджори Энн. Я гордо прошествовал мимо, но Мардж окликнула меня:

— Привет, Дэнни!

Я почувствовал, что краснею, и только кивнул головой. Но она не отстала:

— Дэнни, может быть, все-таки поздороваешься и пригласишь меня на праздник? Я обязательно приду.

— Только, пожалуйста, не делай мне одолжения, — грубо ответил я ей.

Она залилась счастливым смехом:

— Как ты разговариваешь, Дэнни! Ты же знаешь, что тебе меня будет нехватать... И потом, ты же станешь мужчиной. Так интересно посмотреть на тебя после этого.

Сердито отвернувшись, я свистнул Карре и поспешил в магазин.

В синагоге царил торжественно-таинственный полумрак. Я стоял на небольшом подиуме с трибуной, на которой лежала раскрытая Тора. Рядом стояли три почтенных старца в небольших черных шапочках. У меня на голове была такая же, только белого шелка. Ниже, у подножия подиума, расположились все мои родственники и выжидательно глядели на меня. Мириам подбадривающе улыбалась мне, я благодарно улыбнулся ей в ответ, потом медленно положил руку на Тору. Нервный спазм сдавил мне горло, пришлось откашляться. Вдруг меня охватила паника, и все слова, которые я должен был сейчас сказать, которые я зубрил столько месяцев, вылетели из моей головы. Тут же я услышал хриплый шепот святейшего Герцога: «Борошу эсс...» Ухватившись за подсказку, тут же продолжал: «Борух ата Адонай...»

Мама с гордостью поглядывала на родственников. До меня начал доходить торжественный смысл древней молитвы, и я пожалел, что не очень-то задумывался над ним, когда разучивал ее слова. Я чувствовал, как на мои плечи ложится ответственность, а в душу приходит осознание принадлежности к древнему иудейскому племени. Еще вчера я был ребенком, сегодня я становился мужчиной. Я принимал эту ответственность, перед лицом своих близких и друзей я давал торжественную клятву до конца дней своих оставаться истинным евреем и свято блюсти заповеди Торы.

Последние фразы молитвы слетели с губ моих, и я оглядел собрание. Мама тихонько плакала, отец бесшумно сморкался в большой белый платок. Я сошел вниз — прямо в мамины объятия. Мне было очень неудобно, — ведь я уже стал мужчиной! — и я поторопился высвободиться из ее рук. Подошел отец, вручил маленький бумажный стаканчик и налил немного виски.

— Гарри! — укоризненно воскликнула мама.

— Тихо, мать, — весело проговорил он. — Наш мальчик стал мужчиной!

Я кивнул головой. Отец был прав.

— Лехаим*! — сказал папа.

— Лехаим! — ответил я.

Дом был полон людей. Карру пришлось запереть в спальне. Я пробирался через гостиную в отведенную для молодежи просторную комнату, когда меня окликнул дядя Дэвид.

— Ты уже взрослый, Дэнни, — сказал дядя и повернулся к отцу. — Скоро он сможет помогать тебе в магазине, как мой Джоэл.

— Нет, лавка не для моего Дэнни, — твердо сказал отец. — Мой сын получит хорошую профессию. Он будет адвокатом или, может быть, доктором. А потом, если все будет хорошо, я открою для него контору.

Я удивленно посмотрел на отца. Он впервые заговорил при мне о моем будущем.

— Конечно, Гарри, конечно, — поспешил согласиться дядя. — Но ты знаешь, как дорожает сейчас жизнь,

* Лехаим (*иврит*) — на здоровье.

приходится крутиться как белка в колесе, чтобы свести концы с концами. И, по-моему, нет ничего зазорного в том, если твой парень поможет тебе во время школьных каникул. А ты сможешь откладывать на его счет пять долларов в неделю вместо того, чтобы платить их твоему подручному. Все-таки пять долларов — это пять долларов, разве я не прав, Дэнни?

— Конечно, дядя. Я не собираюсь прохлаждаться, когда в магазине столько дел.

Папа быстро взглянул на меня, в его глазах была тревога.

— У нас еще будет время поговорить об этом, Дэнни, — медленно произнес он. — До каникул еще целый месяц. А сейчас беги к ребятам, они, наверное, тебя заждались.

Дядя одобрительно хлопнул меня по плечу и сунул в руку новенький блестящий доллар.

Но если у взрослых веселье было в разгаре, у нас царила полная скука: девочки сидели у одной стены, мальчики — у другой.

Я подсел к Джоэлу — двоюродному брату.

— Привет, Джоэл, как проводите время?

— Нормально, Дэнни, — ответил Джоэл, не отводя глаз от противоположной стены. Проследив за его взглядом, я с неудовольствием заметил, что он уставился на Марджори Энн, сидящую рядом с Мириам. Они обе захихикали. Мы с братом встали и подошли к ним.

— Что это вас так рассмешило, мисс? Может, посмеемся вместе?

— Просто Мими рассказала одну потрясающую историю. А вообще-то скучно.

— Объявляю конкурс на лучшую игру! — хлопнул я в ладоши.

— Я победила — будем играть в телеграф! — тут же откликнулась Мардж. В эту игру мне хотелось играть меньше всего.

Все расселись полукругом на полу, скрестив по-турецки ноги. Джоэл вызвал на «телеграф» (узкий темный чулан) Мардж «вести переговоры». Я был уверен, что потом она пошлет за мной, и не ошибся: взъерошенный Джоэл вышел из чулана и кивнул мне головой. Мы

встретились глазами с Мими, и я снова почувствовал, что краснею. Помедлив какое-то время перед дверью, открыл ее и шагнул в темноту чулана.

— Я здесь, Дэнни, — тихонько позвала Мардж из дальнего угла.

— Зачем ты позвала меня? — задал я дурацкий вопрос.

— Я хотела узнать, действительно ли ты стал мужчиной? Иди сюда, я не съем тебя, трусишка Дэнни.

Я обошел стоявшую посреди чулана плиту и храбро приблизился к Мардж. Здесь было посветлее из-за маленького окна.

— Зачем ты подглядывал за мной утром?

— Я... не подглядывал.

— Нет, подглядывал. Я сама видела тебя, да и Мими мне сказала.

— Что же ты не опустила шторы, если видела?

Она положила руки мне на плечи:

— А может быть, я и не хотела опускать? А может быть, мне было приятно, что ты на меня смотришь? Тебе понравилось то, что ты видел?

Мне нечего было сказать.

— Понравилось, — мягко рассмеялась она. — Я видела, что понравилось. Твой брат Джоэл назвал меня потрясающей, а ведь он не видел и половины того, что видел ты.

Она легко, но настойчиво притянула мою голову к себе. Я деревянно наклонился и почувствовал ее жаркое дыхание на своей щеке. Потом ее теплые мягкие губы прильнули к моим. Я закрыл глаза. Такого поцелуя я не испытывал ни разу в жизни. Он не был похож на мамин поцелуй, на поцелуй сестры...

Вдруг она отстранилась от меня и повелительно прошептала:

— Дай руку!

Я повиновался, она прижала мою руку к своему телу. Испугавшись, я отскочил. Она опять тихонько рассмеялась.

— Ты мне очень нравишься, Дэнни. — Она поправила прическу и направилась к двери. Уже взявшись за дверную ручку, лукаво спросила: — Ну, кого тебе еще прислать, может, твою сестру?

Глава третья

В доме было странно тихо после ушедших гостей. Выпущенная на волю Карра терлась у моих ног. Отец с мамой отдыхали после уборки в гостиной.

— Дэнни, иди-ка сюда на минутку, — окликнул меня отец.

— Да, папа?

— Тебе понравился твой бар мицва?

— Еще бы! Большое спасибо, папа!

— Благодарить надо не меня, а нашу мать. Это она все так здорово устроила.

Я благодарно улыбнулся маме. Она обняла меня и посадила рядом с собой.

— Мой светлячок, — печально произнесла она. — Ты стал уже совсем большим. Как быстро пролетели эти тринадцать лет!

Отец вынул из кармана сигару и, задумчиво раскурив ее, заметил:

— Дэвид считает, что неплохо бы Дэнни последовать примеру своего брата и поработать летом в магазине.

— Гарри! — мама даже привстала. — Ведь он же совсем ребенок!

— Только что ты говорила, что ему жениться пора, а работать, оказывается, — маленький. Сам-то ты что думаешь, сынок?

— Конечно, я помогу тебе в магазине, папа, — поспешно согласился я. — Особенно сейчас, когда дела идут не очень успешно...

— Ты прав, сын. Дела, действительно, неважнецкие. Но не настолько, чтобы я заставлял тебя заниматься чем-то, что тебе не по душе. Мы с матерью возлагаем на тебя большие надежды. Нам бы очень хотелось, чтобы ты поступил в колледж и стал доктором или адвокатом. Если ты застрянешь в магазине, как я, то все пойдет прахом. Мне бы не хотелось, чтобы ты повторил меня в этом.

Я посмотрел на него, потом на маму. Она глядела на меня грустно, на глазах у нее были слезы.

— Отец, не будем создавать проблемы там, где их нет. Лето я буду работать в магазине, а осенью пойду в школу.

Родители с гордостью переглянулись. Папа откашлялся и сказал:

— Хорошо, Дэнни, пусть будет так. А там посмотрим.

В спортзале стоял невообразимый шум. Мы отчаянно рубились в волейбол, а наши одноклассницы визжали от восторга, подбадривая то одну, то другую сторону. Краем глаза я видел, что мистер Готкинс — тренер сборной школы по футболу — присматривается ко мне. Хотелось выглядеть получше, и тут ко мне пришел хороший пас, я высоко прыгнул и точно пробил. Из четырнадцати очков нашей команды восемь были мои. Тренер зафиксировал мой удачный удар. Мы выигрывали со счетом четырнадцать-двенадцать, но потом потеряли два очка в совершенно безобидной ситуации. Я охрип, требуя паса, но Сэм Паркинс отдавал мяч только Полу, тот же постоянно мазал. При счете пятнадцать-четырнадцать в пользу противника я подскочил к Сэму и пообещал пересчитать ему ребра. Тут же вмешался Пол, которого я ненавидел и боялся с того памятного дня, когда он столкнул меня в яму. Спустя мгновение, мы покатились по волейбольной площадке, беспорядочно колотя друг друга. Вдруг мощная рука оторвала меня от врага и поставила на ноги.

— Это что еще за побоище? — раздался бас мистера Готкинса. — Марш по углам!

Но едва он отвернулся, как мы вновь сцепились, как два петуха.

— Брэк! — властно скомандовал Готкинс. — Завязывайте, я кому сказал! — Мы с Полом замерли друг против друга, тяжело дыша. — Так вы, значит, хотите драться? — продолжил тренер, и в его глазах появился странный блеск. — Хорошо, хотите драться — деритесь, но только по правилам. Джек, принеси-ка перчатки, — бросил он через плечо помощнику.

Младший учитель физкультуры недоуменно пожал плечами и принес две пары настоящих боксерских перчаток.

— Надевайте! — приказал Готкинс. — А вы, там, закройте дверь, чтобы кто ненароком не зашел.

У меня как-то сразу пропал весь боевой задор, но, видя, как Пол с кривой ухмылкой натягивает перчатки, я последовал его примеру. Одноклассники окружили нас плотным кольцом. Перчатки на моих руках походили на два кочана капусты, раньше мне никогда не приходилось надевать их.

— Готовы, петухи? — услышал я голос Готкинса. — Бокс!

Я уже остыл и не жаждал крови Пола.

— Но это глупо, мистер Готкинс, — начал было я. Но он не дал мне договорить:

— Что, Фишер, наложил в штаны? — загоготал тренер.

— Нет, но...

— Тогда сходитесь. Если кто окажется на земле, бой прекращается. Лежачего не бить! Понятно?

Мы молча кивнули. Повторная команда «Бокс!» кинула нас друг к другу. Я поднял руки к лицу, закрываясь, как настоящие боксеры в кино. Некоторое время мы осторожно кружили, не подходя ближе, чем на вытянутую руку.

— Кто-то хотел драться или мне показалось? — насмешливо произнес Готкинс. Девчонки противно захихикали.

Вдруг у меня посыпались искры из глаз. Потом я почувствовал резкую боль, когда Пол с размаху саданул меня в ухо. После удара в челюсть я почувствовал, что падаю. Я тут же вскочил на ноги и тряхнул головой, чтобы избавиться от шума в ушах. Ребята бешено орали, большинство из них было за Пола. Он танцевал передо мной, скаля зубы. Меня разобрала злость, когда я увидел, как Готкинс поощрительно хлопнул его по плечу и подтолкнул ко мне. Пол бросился и начал молотить меня, однако большая часть его ударов приходилась в перчатки, которыми я прикрывался. Как ни странно, дыхание мое успокоилось, шум в ушах прошел.

— Брэк, — растащил нас Готкинс. — Бокс!

Пол приближался ко мне с самодовольной улыбкой. Вот он опустил руки и бросился. Я сделал шаг в сторону, и он пронесся мимо. Оказывается, все это не так уж и трудно, улыбнулся я про себя, просто нужно не терять головы. Противник резко развернулся и снова бросился.

Но теперь я готов был встретить его. Вот он слишком высоко поднимает перчатки, вот я переношу тяжесть тела с правой ноги на левую, делая шаг навстречу, вот мой правый кулак летит прямо в его незащищенный живот. Пол недоумевающе глянул на меня, руки его опустились, и он согнулся пополам. Я сделал шаг назад и вопросительно посмотрел на тренера. Тот грубо подтолкнул меня к задыхающемуся однокласснику. Двумя ударами снизу я заставил его принять вертикальное положение, взгляд у него поплыл. Размахнувшись, я врезал ему в челюсть, и он растянулся на полу.

В зале наступила мертвая тишина. Готкинс перевернул Пола на спину и похлопал по щекам. Потом он многозначительно посмотрел на своего помощника: «Нашатырь, Джек! Быстро!» Тот помчался в тренерскую комнату и через несколько секунд вернулся. Готкинс водил открытым пузырьком под носом Пола и приговаривал: «Ну, малыш, очнись же, очнись...» По его лицу текли крупные капли пота.

— Может, вызвать доктора? — неуверенно предложил помощник, но Готкинс шепотом (слышал только я один) сказал:

— Не вздумай, если тебе дорога эта работа!

— Но парень может умереть!

Тут лицо Пола порозовело, он слабо шевельнул ресницами, вздохнул несколько раз и попытался встать, но Готкинс удержал:

— Полежи еще, малыш. Через минуту все будет в порядке. А вы, ребята, — обратился он к одноклассникам, — чтоб держали язык за зубами! Я ясно сказал?

Все утвердительно закивали головами.

— Фишер, пойдем со мной, — бросил мне тренер, поднимая Пола на руки.

В раздевалке для учителей Готкинс уложил Пола на кушетку, опрыскал водой из графина и, когда тот осмысленно огляделся вокруг, спросил:

— Как дела, боец?

— Меня как будто мул лягнул... — криво усмехнулся Пол. Готкинс облегченно рассмеялся. Потом он поднял глаза на меня, и улыбка мигом слетела с его губ.

— Что ж ты, парень, не сказал мне, что умеешь боксировать? Ты ведь меня чуть под монастырь не подвел!

— Я впервые сегодня перчатки надел, мистер Готкинс!

— Да? — с недоверием произнес он. — Ну ладно, ребята, забудем все это. Зато вы теперь знаете, что такое бокс. Ну, живо в зал!

Когда мы с Полом выходили из раздевалки, я заметил, что Готкинс достал что-то из шкафа и, стоя спиной к двери, поднес ко рту, запрокинув голову. Мимо нас пробежал младший физкультурник:

— Не убирай, дай и мне, — услышал я через тонкую дверь. — Нет, и врагу бы не пожелал пережить подобное...

— Этот Фишер, — хрипло произнес Готкинс, — прирожденный боксер. Ты видел, как он его уложил?

Я повернулся и пошел в зал. Рядом со мной брел Пол.

Глава четвертая

С победоносным видом я стоял на углу Бэдфорд-стрит и Черч-авеню. Несмотря на строгий запрет тренера, весть о бое разнеслась по школе с быстротой пожара. Сверстники поглядывали на меня с уважением, а девчонки бросали любопытные взгляды и перешептывались за спиной.

Небольшой спортивный «форд» резко затормозил у обочины.

— Эй, Фишер, поди-ка сюда! — из открытого окна автомобиля высовывалась массивная голова мистера Готкинса. Я медленно подошел и вопросительно взглянул на тренера. Он гостеприимно распахнул дверцу:

— Заскакивай. Подброшу тебя до дому. Все равно по пути.

Некоторое время мы ехали молча. Вдруг он притормозил и взял вправо. Впереди по тротуару шла молодая красивая женщина.

— Хай, Сил! — окликнул ее Готкинс.

Она оглянулась, и я узнал миссис Шиндлер — нашу учительницу рисования. У нее были длинные темно-

каштановые волосы (как я потом убедился — натуральные), темно-карие глаза с золотинкой и гладкая загорелая кожа. Она училась в Париже и, если верить мальчишкам, никогда не носила бюстгальтеров. Когда она склонялась над партами, у всех дух захватывало.

— О, это ты, Сэм, — воскликнула она, подходя к машине.

— Садись, Сил, я отвезу тебя домой, — просительно сказал Готкинс. — Подвинься, малыш, освободи место даме.

Я вплотную притиснулся к нему, и миссис Шиндлер села рядом. Я скосил глаза и убедился, что мальчишки были правы.

— Что-то давно я тебя не видел, Сил. Где ты была? — слишком громко спросил тренер.

— Да здесь, неподалеку, — уклончиво ответила она, заинтересованно поглядывая на меня.

Готкинс перехватил ее взгляд.

— Ты знаком с миссис Шиндлер, Фишер?

Я отрицательно помотал головой.

— Это — Дэнни Фишер.

— Так это ты выиграл сегодня бой в школе? — полуутвердительно спросила она меня.

— А ты откуда знаешь? — удивился тренер.

— Сэм, об этом уже говорит вся школа. Сегодня твой парень — самая известная личность. Только как бы эта известность кое-кому не вышла боком.

— В нашем болоте совершенно ничего нельзя скрыть, — проворчал Готкинс. — Если это дойдет до директора, мне несдобровать.

— Именно об этом я тебе постоянно твержу, — заметила миссис Шиндлер. — У учителей не может быть личной жизни. Мы здесь все как на ладони...

Я попытался понять, о чем идет речь, и миссис Шиндлер это заметила:

— Дэнни, я слышала, что это был настоящий бой?

За меня ответил Готкинс:

— Да, Фишер довольно профессионально нокаутировал своего соперника. Даже мне понравилось.

— Ты все не можешь забыть свою молодость, Сэм? — она вновь забыла обо мне. Впрочем, кажется, она не

ждала ответа и от Готкинса. — А вот и мой перекресток. Останови-ка, Сэм.

— Рада была познакомиться с тобой, Дэнни, — сказала она, выйдя. — Только не дерись больше, хорошо? Пока, Сэм.

Она пошла от нас по тротуару. А мы сидели и смотрели ей вслед.

— Слушай, Дэнни, — тренер впервые назвал меня по имени, — если у тебя есть немного времени, давай заскочим ко мне в берлогу, я хочу тебе кое-что показать.

— О'кей, мистер Готкинс! — согласился я.

Мы остановились у аккуратного двухэтажного коттеджа на две семьи. Готкинс показал рукой на входную дверь:

— Заходи, там открыто. Я сейчас.

Он начал подниматься на второй этаж, а я вошел в комнату и открыл от удивления рот. Здесь все было оборудовано, как в маленьком спортивном зале. Тут было все: боксерская груша, параллельные брусья, шведская стенка, конь, перекладина и штанга с полным набором блинов. На небольшой кожаной кушетке лежало несколько пар боксерских перчаток, на стенах было много фотографий, с которых смотрел на меня мистер Готкинс. Особенно хороша была фотография, где его сняли во время боксерского поединка. Я не знал, что он раньше был боксером.

Вдруг резко зазвонил телефон. Машинально я поднял трубку и услышал голос тренера. Мне раньше никогда не приходилось иметь дело с параллельным телефоном, поэтому я замешкался, боясь, что линия разъединится, если я положу трубку. Потом до меня донесся женский голос, это была миссис Шиндлер.

— Сэм, чего это тебе взбрело в голову посадить меня в машину, когда там был этот парнишка?

— Но, детка, я так обрадовался, когда увидел тебя. Я больше так не могу, ты мне нужна, иначе я сойду с ума!

— Я же тебе сказала: между нами все кончено, — голос миссис Шиндлер был непреклонен. — Сама не знаю, что на меня тогда нашло. Если Джефф узнает... Мне даже представить страшно, что он тогда устроит.

— Сил, да как он может о чем-нибудь узнать? Ведь он ничего не видит, кроме своих уроков! Я вообще не понимаю, зачем он женился на тебе.

— Зато он вскоре сможет стать директором школы. А ты, Сэм, кончишь тем, что вылетишь с работы...

— Плевать мне на вашу школу после... Вот увидишь, я еще поднимусь! Но разговор сейчас не об этом. Я же вижу, как ты мучаешься с ним.

— Сэм! — со слезами в голосе запротестовала она.

— Сил, вспомни, хорошая моя, как мы были счастливы в последний раз! Сил, милая, я так хочу тебя!

— Но я не могу, я не должна, Сэм! Прошу тебя, забудь меня.

— Дорогая, нам нужно встретиться и все-все обговорить. Я оставлю входную дверь открытой, и ты незаметно пройдешь ко мне.

Наступила томительная пауза. Я прямо-таки слышал, как сомневается миссис Шиндлер.

— Ты меня любишь, Сэм? — спросила она каким-то другим голосом.

— Я никого так не любил...

— Я буду через полчаса, дорогой, — прошептала она в трубку.

— Жду тебя, Сил.

Раздался щелчок, и я поспешно положил трубку. Через мгновение дверь открылась, и в комнату вошел Готкинс.

— Я не знал, что вы были боксером, мистер.

— Да, малыш, — он бросил быстрый взгляд на телефон. — А это мой спортзальчик, так сказать. Я хотел бы, чтобы ты потренировался со мной, если, конечно, тебе здесь нравится. У тебя задатки настоящего боксера, может быть, талант.

— У вас тут здорово, мистер Готкинс. Может, начнем сегодня?

Он несколько смешался:

— Я бы с удовольствием, малыш, но... у меня появились неожиданные дела. Завтра в школе я тебе скажу, когда мы начнем.

Он положил мне руку на плечо и подтолкнул к двери:

— Дело — прежде всего. Надеюсь, ты с этим согласен, Дэнни?

— Конечно, мистер Готкинс. Я все понимаю. До завтра.

— До завтра, малыш, до завтра.

Глава пятая

Руки страшно устали, пот струился по лбу и заливал глаза. Я вытер лицо тыльной стороной перчатки и взглянул на тренера. Он тоже взмок.

— Выше левую, Дэнни, и — резкий прямой. Резкий, я тебе говорю, резкий! Еще раз! Еще. Вот так, смотри.

Он повернулся и нанес несколько ударов левой по груше.

— А теперь, Дэнни, нападай! Вперед, мальчик. Быстрее! Резче! Акцентируй! Не спи!

Я устало кружил вокруг него, ни на мгновение не спуская с него глаз. За прошедшие две недели Готкинс научил меня бдительности. Стоило чуть ослабить внимание, и резкий удар — несильный, но точный — посылал меня на пол. Готкинс легко отражал мои удары. Работая правой рукой, я заметил, как он начал следить за ней глазами, и тут же я нанес ему удар левой. Его голова мотнулась назад, на щеке появилось красное пятно. Он выпрямился и опустил руки.

— О' кей, малыш! — одобрительно воскликнул тренер. — На сегодня хватит. Из тебя выйдет толк, но надо работать и работать.

— Слушай, Дэнни, — сказал он мне, когда мы чуть отдышались на скамейке, — через неделю конец учебного года. Ты собираешься летом в лагерь?

— Нет. Надо помочь отцу в магазине. У него там завал.

— Ты понимаешь, этим летом мне предложили место спортивного директора в Кэтскилсе, — продолжал он. — Я бы мог устроить... тебя кондуктором на туристический автобус, и мы бы продолжили тренировки. Как ты на это смотришь?

— Я бы с удовольствием, мистер Готкинс. Вот только не знаю, отпустит ли отец.

Готкинс устало опустил голову.

— Сколько тебе лет, Дэнни?

— Тринадцать.

— Надо же? А я-то думал, что тебе пятнадцать-шестнадцать. Ты выглядишь взрослее, старик.

— Я спрошу отца, мистер Готкинс, — быстро сказал я, боясь, что он возьмет свое предложение назад. — Может быть, он разрешит мне поехать с вами.

Готкинс понимающе улыбнулся.

— Спроси. Он должен согласиться.

Я украдкой сунул Карре косточку под стол и взглянул на отца. Кажется, он был настроен благодушно.

— Папа, — с замиранием сердца окликнул я его.

— Да, сынок?

— Наш учитель физкультуры, мистер Готкинс, предлагает мне место кондуктора в туристическом автобусе. Я бы хотел поработать в лагере.

Отец продолжал перемешивать ложечкой чай. Я с надеждой следил за ним.

— А матери ты уже сказал об этом?

— О чем мне нужно сказать? — спросила, входя, мама.

Я повторил то, что только что рассказал отцу.

— Ты никуда не поедешь!

Мне было горько, хотя я и предвидел подобный ответ.

— Мэри! — вступил отец. — По-моему, это не такая уж плохая идея.

— Но мы же решили, что он будет работать у тебя в аптеке. Я вовсе не собираюсь отпускать его неизвестно куда на целое лето. Он еще ребенок!

— Интересно получается, — отхлебнул чай папа. — Для работы в лагере — он маленький, целый день толочься в аптеке — достаточно взрослый. Я верю, что с моим сыном не случится ничего плохого! — он повернулся ко мне. — Это приличный отель, Дэнни?

— Н-не знаю, папа, но я могу узнать.

— Узнай подробнее об этом заведении, а потом мы с мамой решим...

— Хорошо, папа, — радостно выскочил я из-за стола.

Вечером родители ушли в кино, строго-настрого наказав мне лечь спать в девять часов, а Мириам увязалась с ними. Я на крыльце дождался, когда они уехали, и решил покурить. В прихожей в отцовском пиджаке я

нашел пачку «Лаки Страйк», взял одну сигарету, вернулся на крыльцо и закурил. Улица была пустынна. Легкий ветерок шевелил листья на молоденьких ветвях. Я закрыл глаза.

— Это ты, Дэнни? — послышался рядом голос Мардж.

— А кто же еще? — не очень приветливо ответил я.

— Ты что, куришь? — воскликнула она.

— Да, а что? — невозмутимо, как это делали настоящие мужчины в фильмах, ответил я и глубоко затянулся.

Мардж подошла ближе и села на ступеньку. Ее лицо было овеяно каким-то таинственным сиянием.

— А мне расхотелось идти в кино, хотя фильм про любовь.

Я сделал последнюю затяжку и щелчком отбросил окурок.

— Ну, я, пожалуй, пойду...

— Давай еще посидим...

— Нет, — коротко ответил я, — здесь больше нечего делать.

— Можно поговорить...

— О чем?

— Хотя бы о твоем празднике бар мицва.

— О'кей, если ты так хочешь...

Она поудобнее устроилась на ступеньках, при этом ее халатик распахнулся, и я увидел ее крепкие девичьи груди с торчащими сосками. У меня сладко засосало под ложечкой. Она улыбнулась и тряхнула кудряшками.

— Дэнни, сказать тебе, почему я осталась дома?

Я постарался безразлично пожать плечами.

— Мне так хотелось побыть с тобой! — она загадочно посмотрела на меня. Ее взгляд, казалось, проник мне прямо в душу. По моему телу прошла нервная дрожь. Вдруг она дотронулась рукой до моего бедра. Я подскочил, как ужаленный.

— Прекрати сейчас же!

— А что, тебе разве не нравится? — невинно спросила Мардж.

— Нет. У меня от этого мурашки по коже.

— Значит, тебе нравится, — понимающе рассмеялась она. — Так оно и должно быть.

— А ты откуда знаешь, как оно должно быть?

— Знаю, милый Дэнни, знаю...

Наступило неловкое молчание. Сколько мы так сидели, не знаю; наконец, я решился:

— Да, наверное, тебе пора.

Мы встали и оказались рядом друг с другом. Она обняла меня и прильнула к моим губам. Мне было хорошо, как никогда. Чтобы избавиться от этого чувства, я схватил ее за плечи и сжал их, она вскрикнула от боли, но губ моихне отпустила. Я еще сильнее сжал ее. Глаза ее потемнели от боли, она прошептала мне на ухо:

— Дэнни, не надо бороться со мной. Я люблю тебя, я знаю, что нравлюсь тебе.

Я резко отстранился от нее. Она чуть не упала, но в последний момент удержалась за перильца. В темноте ее глаза светились, как у кошки. Я понял, что она действительно нравится мне. Звук машины на улице вывел меня из оцепенения.

— Они вернулись! Уходи скорее!

Она засмеялась и исчезла в темноте.

Я пулей влетел в дом, заскочил в ванную и встал под ледяной душ. Я стоял под холодными струями до тех пор, пока не почувствовал, что промерз до самого нутра. Тогда я опустился на дно ванны и беззвучно зарыдал.

Глава шестая

Последние недели учебного года пролетели незаметно. Наступила последняя ночь. Завтра утром мистер Готкинс заберет меня с собой. Впервые в жизни мне предстояло надолго покинуть родителей. Я сидел на крыльце, рядом лежала Карра. Во всем доме был потушен свет, только на кухне горел нижний светильник — там мама с папой о чем-то тихонько переругивались.

— Карра, — прошептал я, — ты будешь хорошо вести себя? — Она понимающе вильнула хвостом. — Лето пролетит быстро. Не успеешь оглянуться, наступит осень, и я вернусь.

Карра посмотрела мне в глаза и протяжно вздохнула. Никогда не видел такой умной собаки. Она все понимала, что я ей говорил.

В соседнем доме стукнула дверь, на крыльцо вышла Марджори Энн. Я поднялся, свистнул Карре и направился на улицу, — беседовать с Мардж мне не хотелось.

— Дэнни, постой! — она подбежала ко мне. — Я слышала, ты завтра уезжаешь?

— Да.

— Ты не против, если я немного пройдусь с тобой? — подозрительно робко спросила она. На нее это было не похоже.

— Это свободная страна, — пожал я плечами. — Каждый может ходить, где хочет.

В молчании мы дошли до угла. Наши шаги гулко раздавались в темноте.

— Все еще сердишься на меня, Дэнни?

Я искоса посмотрел на нее. На лице ее была неподдельная печаль, и я воздержался от ответа. Мы прошли еще полквартала, когда она вдруг как-то странно зашмыгала носом. Этого еще не хватало: больше всего на свете я не любил, когда девчонки плачут. В ее глазах стояли слезы, большие, как звезды над головой.

— Дэнни, я не хочу, чтобы ты уехал с обидой на меня, — всхлипывала она. — Я... люблю тебя, Дэнни.

— Но почему ты тогда заставляешь меня делать то, чего я не хочу делать?

— Я... Я всегда старалась делать то, что тебе нравится...

— А это мне не нравится, — отрезал я. — Меня это все нервирует.

— Обещаю, что больше не буду. Тогда ты перестанешь сердиться на меня? — Она взяла меня за руку и с надеждой заглянула мне в глаза снизу вверх.

— Конечно, не буду, но если ты перестанешь. Обещаешь?

— Обещаю, — прошептала она сквозь слезы.

— О'кей! Тогда все в порядке.

Мы гуляли еще полчаса, а потом Марджори спросила:

— Дэнни, можно я буду твоей девчонкой?

— О Господи! — вырвалось у меня. Но, увидев, как ее глаза наполняются слезами, я добавил: — Ну хорошо, раз тебе так хочется.

Слезы сразу же высохли на ее глазах. Она радостно обняла меня за шею и попыталась поцеловать.

— Завязывай, Мардж. Ты же мне обещала, — отстранил я ее, правда, без прежнего раздражения.

— Но, Дэнни, всего лишь один поцелуй. Ведь я теперь — твоя девочка.

— Ну, ладно, — ворчливо согласился я. — Если только один.

Она поднялась на цыпочки, и я почувствовал, как шевелятся ее губы, как ее язык старается проникнуть сквозь мои крепко сжатые зубы.

— Милый, я сделаю все, что ты захочешь. Только скажи. Я больше никогда не буду дразнить тебя.

Нет, сегодня она совершенно не была похожа на обычную, насмешливую Мардж. В ней были теплота и нежность, о которых я и не подозревал. Теперь я сам с удовольствием поцеловал ее в раскрытые губы и почувствовал, как все поднимается во мне. Опасаясь сам не зная чего, я отпустил ее и сделал шаг назад.

— Пойдем домой, Мардж, — сконфуженно проговорил я. — Это все, что от тебя было нужно.

Глава седьмая

— Дэнни, а эта дает?

Я с отвращением посмотрел на парня, задавшего мне этот пошлый вопрос. Он же вожделенно уставился на смазливую девчонку, потягивающуюся на крыльце летнего домика. Прежде чем ответить ему, я подошел к стойке и запер кассу. Вечно одно и то же. Подобный вопрос я слышал, по крайней мере, сотню раз с того времени, как начал работать здесь. Шло третье лето в отеле «Монт-Ферн» и «Загородном клубе».

— А как же? — небрежно бросил я. — Для чего еще они все сюда едут, ради свежего воздуха и загара, что ли? У всех у них только одно на уме — только бы с кем-нибудь переспать.

Парни, окружавшие стойку, одобрительно заржали. Все эти рассыльные, официанты и кондукторы нанима-

лись сюда исключительно ради того, чтобы немного подзаработать и подцепить какую-нибудь девицу. На работе они особо не усердствовали, администрация отеля смотрела на это сквозь пальцы, лишь бы посетительницы были довольны и выкладывали деньгу.

Парни не спеша потянулись к выходу. Хотя большинство из них было старше меня, мне они казались сосунками. Я чувствовал себя старым курортным волком. Возможно, причиной тому был мой рост — сто восемьдесят при восьмидесяти килограммах веса; может быть, сказывался солидный стаж — третий летний сезон подряд. Я собрал накопившиеся за день чеки и принялся подбивать бабки. Сэм любил, чтобы в этом деле был порядок.

Вспомнилось первое лето, проведенное здесь. Это было как раз после моего бар мицва. Я смотрел в рот тренеру Готкинсу, надеясь, что осенью он запишет меня в футбольную команду. Но мистер Готкинс в школу больше не вернулся: в первый же вечер он перекупил место помощника управляющего и на следующий день развернул бурную деятельность. Помню, он сказал мне:

— Эта работенка по мне, малыш. Пускай кто-нибудь другой вытирает сопли сосункам за три сотни в месяц.

Вместо обещанной работы в отеле я начал помогать ему, его же дела шли как нельзя лучше. К зиме он прибрал к рукам оздоровительный маршрут по Майами Бич, а следующим летом стал управляющим еще одного отеля. Сейчас в его руках находилось пять самых горячих точек. В каждой из них он держал по паре надежных парней, и вся его работа сводилась к тому, чтобы раз в неделю объезжать их и собирать выручку. Спортивный «форд» канул в прошлое, теперь мистер Готкинс имел респектабельный «пиэрс роудстерс» с закрытым верхом.

Но в то первое лето мне приходилось худо. Я был самым молодым из всего обслуживающего персонала и, естественно, — объектом всевозможных шуток и розыгрышей. Особенно старались девушки. Многие их насмешки стали мне понятны значительно позже. В конце концов Сэму пришлось рявкнуть на них — он не без оснований опасался, что я выйду из себя и укокошу кого-нибудь из них. На следующий год мне не очень хотелось ехать, но Сэм зашел к нам домой и предложил

мне заправлять баром и закусочной. Дела отца шли все хуже и хуже, так что мне ничего не оставалось, как только согласиться. Осенью я вернулся с пятью сотнями, которых хватило аж до самого Рождества.

Этим летом Сэм обещал мне накинуть еще сотню, если прошлогодняя выручка будет превышена. Я закончил отчет и удовлетворенно потянулся. Еще один последний рывок за оставшиеся несколько недель — и сотня моя! Глянул на часы, у меня оставалось еще пятнадцать минут до второго завтрака, чтобы искупаться.

Закрыв забегаловку, я вышел на улицу. Какая-то новенькая играла в настольный теннис. Девушка играла неплохо, но чувствовала себя скованно на задней линии. Подойдя сзади, я полуобнял ее, крепко зажав ее руку с ракеткой.

— Свободнее, крошка, свободнее. Не надо так напрягаться, — ее напарник зло посмотрел на меня и сильно ударил по шарику. Я парировал удар, увлекая девушку за собой. Он снова атаковал, но мы легко защищались. В свободное время я неплохо освоил теннис. Отодвинув девушку в сторону, я взял из ее рук ракетку, мы обменялись несколькими ударами. Я заставил парня сместиться влево, а потом послал крученый вправо — дотянуться туда было невозможно.

— Вот видишь, детка, — обернулся я к девушке, — это совсем просто.

— Для тебя, но не для меня! — наградила она меня белозубой улыбкой.

— Ну, давай попробуем еще раз, — я снова обнял ее сзади.

Она прильнула ко мне своей гибкой спиной, и я издевательски подмигнул ее противнику; парень был готов вступить в драку, но разница весовых категорий его останавливала. Мы выиграли две-три подачи, и девушка попыталась освободиться от моего захвата. Но с тем же успехом она могла попытаться взлететь. Она оставила свои тщетные попытки, чтобы не стать посмешищем в глазах окружающих.

— Да-да, кажется, теперь у меня самой получится, — сказала она.

— Поупражняйся с ним, детка, а потом мы с тобой вдвоем поиграем, — многозначительно проговорил я, отходя от нее.

Через танцплощадку я направился к казино, за которым находилось наше с Сэмом бунгало. Зайдя в наше временное пристанище, я с отвращением огляделся: здесь царил тот беспорядок, который только и могут устроить два холостяка за пару недель. Валялись какие-то пустые коробки, у стены громоздились друг на друге банки и бутылки. С трудом отыскав порыжевшие плавки, я быстро натянул их и побежал в бассейн. С трехметровой вышки я посмотрел на лениво перебрасывающихся шариком девушку и парня, вдохнул поглубже и нырнул. Намотав свою дневную норму, я уже собрался вылезать из бассейна, когда меня позвал рассыльный.

— Дэнни, там какая-то дамочка спрашивает твоего шефа.

— А я тут при чем?

— Я так ей и сказал, но она говорит, что хочет видеть тебя.

— Она назвала себя?

— Нет. Да я и не спрашивал, слишком она хороша, — у меня все вылетело из головы.

— Ладно, — вздохнул я, — зови ее сюда.

Я уже вытерся и надел сандалии, когда передо мной явилась сама миссис Шиндлер.

— Как ты вырос, Дэнни. Тебя просто не узнать, — певуче проговорила она.

Изумленный, я молча уставился на нее. Как ни странно, но она напомнила мне о доме, о том, что я до сих пор не ответил на мамино письмо — уже больше недели оно валялось на столе...

Глава восьмая

— Сэма пока нет, — ответил я на ее вопрос. — Он проверяет другие точки. К вечеру, может быть, вернется. К моему удивлению, на ее лице не появилось и тени разочарования. Наоборот, на нем можно было прочитать облегчение. Заметив мой пристальный взгляд, она быстро проговорила:

— Я случайно оказалась в этих местах и решила заскочить к вам.

«Проехать „случайно“ девяносто миль, — подумал я. — Вот уж не надо заливать». — Вслух же сказал:

— Понятно. Кстати, где вы остановились? Я скажу Сэму, что вы здесь...

— Видишь ли, Дэнни, у меня отпуск, и я путешествую. Нынче здесь — завтра там. Я даже не знаю, где остановлюсь сегодня на ночь...

— А почему бы не здесь? — обрадованно предложил я. — У нас неплохие номера, а вам я сделаю скидку. — Она нерешительно покачала головой. — Сэм очень огорчится, когда узнает, что вы не дождались его.

— Нет, — наконец решилась она, — я, пожалуй, поеду, потом как-нибудь в другой раз...

Неожиданно я понял, что очень хочу, чтобы она осталась. Все-таки миссис Шиндлер была из той, из домашней жизни, и я был очень рад ее приезду. Телефонный звонок прервал мои мысли.

— Подождите минутку, — бросил я ей. — Может быть, это Сэм. Я скажу, что вы здесь.

Прикрыв за собой дверь, я взял трубку.

— Алло, Сэм?

— Он самый, — раздался бас мистера Готкинса. — Как дела, малыш?

— Нормально, шеф... Только вот тебя хочет видеть миссис Шиндлер. Она здесь.

— Здесь? — Сэм как-то сразу охрип. — Слушай, парень, передай ей, что я вернусь очень поздно. Найди ей хорошую комнату и постарайся задержать ее до моего приезда...

— Шеф, она говорит, что ей нужно ехать.

— Дэнни, я на тебя надеюсь. Когда у тебя будет такая женщина, ты поймешь, что значит не видеть ее почти два месяца. Сделай все возможное, дай ей все, что она хочет, но задержи ее. Я буду не позднее часа ночи.

Сэм положил трубку. Я обалдело смотрел на умолкнувший аппарат. Что я мог придумать? Он говорил со мной, как со взрослым, на которого можно положиться. Он говорил со мной так, будто я знал, что нужно сделать, чтобы ее задержать...

Миссис Шиндлер стояла на пороге нашего убогого жилища.

— Можно мне войти?

— Конечно, миссис Шиндлер, — поспешно ответил я, кладя трубку. — Только тут не прибрано. Как раз собирался сделать генеральную уборку.

— Это звонил Сэм?

Я утвердительно кивнул.

— И что он сказал?

— Он велел снять для вас лучшую комнату и сделать все, чтобы задержать вас до его приезда.

— Он слишком самоуверен. Тебе не кажется? — в голосе ее отчетливо было слышно раздражение. Кажется, ей не нравилось, что Готкинс посвятил меня в их взаимоотношения. Не зная, что ответить, я принялся собирать коробки с пола. Некоторое время прошло в молчании, потом она с какой-то угрозой сказала:

— Ладно, я остаюсь. А ну-ка, наведи здесь порядок!

— Но Сэм сказал, чтобы я снял для вас лучшую комнату...

— Я знаю, что сказал Сэм. Он сказал, чтоб ты сделал все возможное, чтобы задержать меня здесь, так? А значит, надо выполнять все мои желания. Я буду ночевать здесь, есть еще вопросы? — Она открыла дверь и переступила порог. — Пойду поставлю машину. Чтобы к моему возвращению все здесь блестело!

Так ничего и не поняв, я принялся за уборку. А миссис Шиндлер все-таки была хороша, куда этим девчонкам до нее!..

Глава девятая

В течение дня я пару раз забегал в коттедж за сигаретами для бара, и в последний раз мне показалось, что миссис Шиндлер хотела что-то сказать, но потом передумала. Я очень хотел, чтобы она спустилась сюда, в казино, но когда перед самым закрытием она появилась на пороге, я все-таки не поверил своим глазам.

— Привет! — обрадовался я своей бывшей учительнице. — Я уж думал, что вы никогда не придете.

— Добрый вечер, Дэнни, — ласково ответила она. — Извини за мою утреннюю выходку. Не знаю, что на

меня нашло... У меня разом отлегло от сердца, и вдруг захотелось ее пожалеть — такой одинокой была она в этот теплый поздний вечер.

— Ничего страшного, миссис Шиндлер, — тихо ответил я. — Просто вы были утомлены дорогой...

Наступила неловкая пауза, и тут раздались звуки румбы.

— Не хотите ли потанцевать, миссис Шиндлер?

Она молча кивнула, и мы прошли на танцевальную площадку. Она, оказывается, прекрасно чувствовала ритм и мгновенно реагировала на мое малейшее движение, так что танцевать с ней было одно удовольствие.

— Ты отлично ведешь, — похвалила она меня. — Ты все делаешь так хорошо?

— Боюсь, что нет, миссис Шиндлер, хотя Сэм говорит, что если я буду больше тренироваться, из меня получится первоклассный боксер.

— А ты все же хочешь стать боксером? — с интересом подхватила она.

— Раньше я об этом как-то не думал, — откровенно ответил я. Удивительно, но с ней было легко и танцевать, и разговаривать. — Но Сэм говорит, что у меня прекрасные природные данные и что со временем я смогу заработать кучу денег, особенно если мне удастся стать профессионалом.

— Для тебя так много значат деньги?

— Еще бы! А вас разве они не интересуют?

Она подумала и ничего не ответила, — мало кто мог дать однозначный ответ, когда дело касалось денег. Мы снова отдались танцу, и я чувствовал, как движется ее бедро под моей рукой.

— Дэнни, — прервала она затянувшееся молчание, — к чему вся эта официальность? Давай на «ты»? Меня зовут Сесилия, или просто — Сил.

— Я знаю, — прошептал я, мысленно повторяя ее имя.

Мы танцевали, утратив ощущение времени, легко переходя от одного танца к другому. Я вообще любил танцевать, но с нею танец превращался в блаженство. Музыка удивительно сближала нас, стирая различие в возрасте, социальном положении... У меня было такое чувство, словно я знаю ее давным-давно, словно она —

моя девушка, с которой я танцевал уже сотни раз. Вдруг мы остановились и посмотрели в глаза друг другу.

— Уже поздно, Сил. Наверное, часов двенадцать.

— И правда, полночь, — спохватилась она, взглянув на часы.

— Благодарю за танец, миссис Шиндлер.

— Я же сказала тебе — Сил, дурачок! — рассмеялась она.

— Спасибо, Сил. Танцевать с тобой — одно удовольствие, — быстро поправился я. — А сейчас я поищу, где бы переночевать, а то придется спать, как бобику, на крыльце.

— Так я тебя выгнала из твоей комнаты? — воскликнула она в смущении. — Извини, Дэнни. Надеюсь, тебе будет несложно найти место?

— Без проблем, — важно ответил я, собираясь уходить, но она порывисто схватила меня за руку.

— Я бы не прочь немножко выпить, Дэнни. Можешь организовать?

В голосе ее было что-то такое, что заставило меня вспомнить о том чувстве щемящей жалости, которое я уже испытал, разговаривая с ней.

— У меня припрятано несколько банок пива для Сэма. Тебе принести?

— Только не пиво, — сморщила она носик. — Может быть, есть что-нибудь другое?

— У Сэма в шкафу я как-то видел бутылку виски, а содовая и лед есть в холодильнике.

— Вот это как раз то, что нужно! — обрадовалась она.

Я отпер стойку, достал содовую и лед. Бок о бок мы вышли из казино в ночь. Во многих коттеджах уже погасили свет, и в подступившей со всех сторон темноте она доверчиво прильнула ко мне.

— Держись за мою руку, Сил, здесь я могу пройти с закрытыми глазами!

Она еще теснее прижалась ко мне, и от ее близости я совсем ошалел — так что чуть не споткнулся о хорошо знакомую ступеньку. Когда, наконец, мы добрались до коттеджа и вошли в комнату, я чувствовал, что у меня пылает лицо. Заметив смех в ее глазах, я еще больше смутился и застыл посреди комнаты под электрической лампочкой, как истукан.

— Дэнни, я хочу пить, — вывела она меня из оцепенения.

Я поспешно бросился к шкафчику Сэма и достал бутылку.

Мы сидели на крыльце коттеджа, прислушиваясь к таинственным шорохам летней ночи. Она не спеша потягивала третью, а может быть, и четвертую порцию виски, когда резкий телефонный звонок в доме нарушил окружавшую нас благодать. Как ужаленный, я бросился к телефону. Она со стаканом в руке неторопливо прошла за мной и села на край стола.

— Это ты, малыш?

— Да, Сэм, слушаю.

— Я не могу добраться до вас сегодня.

— Но, Сэм... — запротестовал я.

В трубке послышался близкий женский смех. Сил вся подобралась и затаила дыхание. Как я ни прижимал трубку к уху, — бас Сэма разносился по всей комнате.

— Передай этому парню, — продолжал Сэм, тщательно подбирая слова, — ну, парню, который меня ждет, что я тут застрял по неотложным делам и буду завтра утром не позднее ленча. Тогда и подпишем сделку. Ты все понял?

— Да, Сэм, — уныло подтвердил я, не поднимая глаз на Сил.

— Вот и прекрасно... До завтра!

— Сэм! — отчаянно воскликнул я, но телефон уже молчал.

Я положил трубку и смущенно повернулся к миссис Шиндлер.

— Сэм задержался по делам, — промямлил я, — будет только завтра...

Некоторое время она молча смотрела на меня, потом крикнула:

— Не лги мне, Дэнни! Я все слышала, все! Хоть ты не лги!

Ее голос сорвался от обиды. Не зная, как ее утешить, я понуро направился к двери. Она вдруг схватила меня за руку и развернула к себе. В следующий момент она

наотмашь хлестнула меня по щеке и заколотила кулачками по груди. Я схватил ее запястья.

— Ради бога, Сил, перестань! — взмолился я.

— Тебе смешно, да? — кричала она, плача. — Дура! Примчалась за столько миль!

Боясь, что она перебудит весь лагерь, я попытался зажать ей рот рукой, тотчас же ее зубы впились мне в ладонь. Я вскрикнул и отдернул руку. Она расхохоталась:

— Что, больно? Зато ты теперь знаешь, что чувствую я! Может быть, тебе все это не будет казаться таким забавным!

— Сил, прошу тебя, успокойся, — лепетал я, — они же вышвырнут меня отсюда... Ночному сторожу плевать, что происходит в коттеджах, лишь бы все было тихо...

Она уткнулась лицом мне в грудь и тихонько заплакала:

— Бедняжка Сил, — вырвалось у меня, и я погладил ее по голове.

Она отстранилась от меня и вгляделась в мое лицо.

— Да, бедная Сил. Только Дэнни знает, как ей плохо сейчас... А знает ли мой рыцарь, зачем Сил приехала сюда?

Я промолчал, не зная, что сказать.

— Ты вправду жалеешь меня, мой мальчик, — прошептала она. — Поцелуй меня, Дэнни.

«Исполняй все ее желания», — вспомнил я слова Сэма.

Она обняла меня за шею, и наши губы встретились. С восторгом и ликованием я обнял ее. Она вздохнула, словно застонала, я поднял ее на руки и понес к кровати.

Я лежал, широко раскрыв глаза. Ночная тишина царила в комнате, вокруг дома, и, казалось, во всем мире. Сил безмятежно дремала на моем плече. Должно быть, она плакала во сне, потому что после поцелуя на моих губах остался солоноватый привкус. Я обнял ее, но она отвернулась и сонно проговорила:

— О нет, Дэнни. Я больше не могу. Пожалуйста, не надо.

Самодовольно улыбнувшись, я сел в постели. Спать совершенно не хотелось. На цыпочках я вышел на воздух, постоял на крыльце, вдыхая ночную свежесть, потом сошел со ступенек и сделал несколько шагов по мягкой шелковистой траве, чувствуя, как сила земли вливается в меня. Я поднял руки к ночному небу, пытаясь дотянуться до сияющих звезд, подпрыгнул, упал и покатился по траве, задыхаясь от восторга.

Это была радость открытия. Для этого я был создан. Это была моя земля, это был мой мир, я был частицей его, а он был частицей меня. Все так же внутренне ликуя, я вернулся в комнату, нырнул под одеяло и мгновенно заснул.

Глава десятая

— Где она?

Кто-то сильно тряс меня за плечо. С трудом открыв глаза, я обнаружил перед собой Сэма. Сон мигом слетел с меня. В постели кроме меня никого не было. Слабый утренний свет едва пробивался сквозь узенькие окна коттеджа. Сэм схватил меня за плечи и выдернул из кровати.

— Не вздумай дурачить меня, Дэнни! — хрипел он. — Я знаю, она была здесь. Администратор сказал, что она не снимала комнату. Она ночевала здесь. Ты спал с моей бабой!

Я уже открыл было рот, чтобы во всем признаться, но в это время с порога раздался голос Сил:

— Это о какой такой «своей бабе» ты говоришь?

Мы оба изумленно обернулись к двери. Она была в купальном костюме. Прозрачные капли воды стекали по ее безупречному телу, под ногами натекла уже маленькая лужица. Она шагнула вперед и, оставляя мокрые узенькие отпечатки ступней, подошла вплотную к Сэму.

— Так кто же здесь твоя баба? — холодно и насмешливо произнесла она.

— Но ты же разыскивала меня... — выдавил наконец он.

— Да, сначала ты был мне нужен, но потом я нашла здесь кое-кого другого. — Она прошлась по комнате,

потом резко обернулась. — Так ты не знаешь, зачем я приехала сюда, Сэм?

Он покачал головой и бросил на меня растерянно-недоверчивый взгляд, я тем временем уже успел влезть в брюки.

— Так вот, Сэм, знай, что я ехала сюда для того, чтобы сообщить тебе следующее: я верю твоим обещаниям, расхожусь с Джеффом и живу с тобой... — Сэм порывисто шагнул к ней, но она остановила его. — Нет, Сэм, это было вчера. А сегодня — уже совсем другая история. Понимаешь, случайно получилось так, что, когда ты разговаривал с Дэнни, я стояла рядом и все слышала. И тогда я все поняла: о тебе, о себе, о нас. Я впервые посмотрела правде в глаза. Что ж, какое-то время мы были нужны друг другу, но это время кончилось. — Она взяла со стола сигарету и нервно закурила. — А теперь — выметайтесь отсюда. Оба! Мне нужно одеться.

Выходя вслед за Сэмом, я обернулся: она улыбнулась мне и на мгновение прикрыла глаза, прощаясь.

Мы с Сэмом медленно брели к отелю.

— Извини, Сэм, — нарушил я молчание.

Он даже не взглянул на меня.

— Я ничего не мог с ней поделать, Сэм.

— Заткнись, идиот! — взорвался он и снова замолчал. Мы зашли в бар, я открыл кассу и протянул Готкинсу отчет.

— Сэм, я уеду сразу же, как только подобью общий баланс.

— А с какой стати ты намылился удирать? — спросил он, задумчиво глядя на меня.

— Ну, Сэм, ты же знаешь, почему...

Неожиданно он широко улыбнулся, потом протянул руку и взъерошил мне волосы:

— Выбрось это все из головы, чемпион. Никто тебя не гонит.

— Но, Сэм...

— Эх, черт побери! — рассмеялся он. — Да ведь я сам виноват — пустил козла в огород. Давно надо было догадаться, что ты уже не малыш. Впрочем, кажется, ты оказал мне хорошую услугу!

Домой я вернулся с шестью сотнями долларов. Выложив деньги на кухонный стол, я вдруг почувствовал себя чужим в родном доме. Это лето изменило нас всех. Родители словно усохли, я же был выше их на полторы головы. На лице отца, обычно круглом, обозначились скулы, под глазами легли тени. Мать совсем поседела. На этот раз деньги они взяли без лишних слов — в доме прочно поселилась нужда.

За нашим первым общим ужином говорили, казалось, обо всем, но главное осталось невысказанным. Так было удобнее для всех. Какой толк говорить о том, что каждый из нас слишком хорошо знал. После ужина я вышел на крыльцо и сел на ступеньку. Верная Карра растянулась у моих ног. Уж она точно скучала по мне и была рада моему приезду. Знакомая улица тоже неуловимо изменилась за прошедшее лето. Мими вышла из дома и присела рядом со мной.

— Этим летом Марджори Энн была помолвлена с одним полицейским, — сообщила, будто между прочим, сестра.

— Хорошо, — пробормотал я без особого интереса. И действительно, упоминание о Мардж не вызвало у меня никаких чувств: она была чем-то далеким — откуда-то из детства...

— Они поженятся после его выпуска, в январе... А он намного старше ее, ему где-то под тридцать, — продолжала Мими.

— Ну, а мне до этого всего какое дело?

— Просто сообщаю тебе последние новости, — обиделась сестренка.

Мириам, кажется, единственная не изменилась за эти три месяца, и я не хотел ссориться с ней. — Кроме того, — продолжала она, — я думала, что Мардж тебе нравится. Она мне рассказывала...

— Что она тебе рассказывала? — прервал я ее.

— Ну... говорила, что ты лапал ее, что проделывал всякие штучки, — заикаясь и краснея выговорила Мими.

— Какие еще штучки? — рассмеялся я.

— Такие, каких тебе не следовало делать! — совсем раскрасневшись, выпалила сестра.

— Мими, да Мардж просто чокнутая, ей, может быть, и очень хотелось, но только я и пальцем не тронул ее.

— Честно, Дэнни?

— Ей-богу, — продолжал я смеяться. — Ты же знаешь, что я от тебя ничего не скрываю.

Лицо Мириам посветлело:

— Да я и не очень верила ей, вечно она выдумывает разные истории...

Мы замолчали. Быстро стемнело.

— Дни становятся короче, — заметил я, но Мими не откликнулась.

Она сидела, обняв колени, по плечам ее рассыпались чудесные черные волосы, и была она похожа сейчас на девочку из сказки, какими их рисуют в детских книжках. Интересно, целовалась она с кем-нибудь, — подумал я и тут же с негодованием прогнал эту мысль: моя сестра не из тех, она не могла...

— Родители выглядят уставшими, — заговорил я, — наверное, в городе сильная жара?

— Не только это, Дэнни, — ответила она, — дела у отца идут очень плохо. Мы задолжали всем, кому только можно. На прошлой неделе молочник чуть не лишил нас кредита. Если бы мне не удалось найти почасовую работу в «Эй-энд-Эс», нам бы просто нечего было есть.

«Ничего себе!» — подумал я, но вслух ничего не сказал. Вытащил пачку сигарет, закурил.

— И мне дай, — неожиданно попросила она.

Я послушно протянул ей пачку.

— Я не знал, что ты куришь!

— А я не знала, что ты куришь, — откликнулась она, взглянув на окна нашего дома. — Надо бы поосторожнее, если мама застукает — разговоров потом не оберешься...

Мы рассмеялись и некоторое время курили молча, пряча сигареты в ладонях.

— Хорошо, что я заканчиваю школу в этом году, — сказала Мими, — может быть, удастся найти работу, которая поможет нам выкарабкаться... Мы уже не в состоянии выплачивать кредит за дом. Мама говорила, что придется от него отказаться.

— Но это невозможно! — воскликнул я. — Все, что угодно, только не мой дом!

— Ты уже взрослый, Дэнни, — пожала плечами сестра. — Тут ничего не поделаешь.

Да, я уже был не ребенок, я прекрасно понимал, что это не мой дом, как верилось мне в детстве, но мне невыносимо было даже представить, что мы съедем, а в нашем доме, в моей комнате, будут жить другие люди, разговаривать, смеяться, плакать, считать деньги...

— Может быть, мне бросить школу и устроиться на работу? — неуверенно спросил я.

— Да ты что?! — горячо возразила сестра. — Родители так в тебя верят. Этим ты только вконец их расстроишь! Не отчаивайся, братик, все будет хорошо! — Мими нежно погладила меня по плечу. Сейчас она была намного старше меня.

— Ты правда думаешь, что все будет хорошо?

— Конечно, вот увидишь! — она улыбнулась мне, решительно поднялась, одернула юбку. — Пойду помогу матери мыть посуду. А то выйдет сейчас меня звать.

Мне очень хотелось, чтобы она оказалась права, чтобы все было действительно хорошо, чтобы нам не пришлось уезжать отсюда. Я не мог представить себе жизнь в другом месте. Но о моем желании никто не спрашивал, потому что Его Величество Кризис уже правил в Соединенных Штатах.

ПЕРЕЕЗД

1 декабря 1932 г.

Мерзко и тоскливо, тоскливо и мерзко. Чувство это не покидало меня, когда я после школы, вместо того, чтобы отправиться пешком к себе домой, ехал в метро на новую квартиру. Дома теперь у меня не было.

В вагоне дуло, и я поднял воротник. Уже несколько дней шел снег, с ним безуспешно боролись снегоочистители. Электропоезд не спеша втянулся в тоннель, скучный дневной свет померк. Еще сегодня утром я был в своем доме, еще сегодня утром, перешагивая через ящики и коробки, я вышел из бывшей своей комнаты, а вслед за мной шлепала понурая Карра, которая всегда знала мое настроение. Тоннель кончился, поезд шел по Манхэттенскому мосту. На следующей остановке мне нужно перейти на линию «Бродвей—Бруклин». Еще один тоннель — я на платформе, через пару минут подошел поезд, но до своей остановки я добрался только в четверть четвертого.

Казалось, я переехал в совершенно другой мир, в другую страну. На улицах можно было услышать любой язык, кругом сновали лоточники со своим неказистым товаром, на углах сидели мальчишки-чистильщики, мальчишки же продавали газеты, бродили попрошайки, прогуливались карманники, с опаской поглядывая на редких полисменов. Было довольно холодно, но многие шли или стояли без пальто и без шляп, у большинства женщин на плечи были накинуты дешевые потрепанные платки. На все поставила свою печать бедность. Смех здесь можно было услышать только от детей.

Я прошел вниз по Деланси-стрит, мимо лавок и магазинчиков, мимо кинотеатра, похожего на сарай с афишами, свернул на Клинтон-стрит и прошел еще два квартала до Стэнтон-авеню. Я уже не поднимал глаз, чтобы не видеть окружающий меня мир.

Вот, наконец, я и пришел. Вот оно — старое серое многоэтажное здание с узкими окнами. К входной двери вела затертая сотнями ног лестница. В подъезде было темно, и я чуть не упал, споткнувшись о наполненный мусором бумажный мешок. Осторожно обойдя его, я поднялся на третий этаж, стараясь не обращать внимания на вонь пищевых отходов, сочившуюся из пакетов на каждом этаже.

Дверь мне открыла мама, и мы некоторое время стояли, молча глядя друг на друга. Как всегда, она поняла мое состояние, вздохнула и прошла в комнату. Отец сидел за столом. Из-за двери доносился вымученно-веселый голос Мими. Кивнув отцу, я в нерешительности остановился посреди кухни. Белая масляная краска, покрывавшая ее стены, не могла спрятать следы грязных потеков. Правда, мама уже повесила желтые занавески — они придавали кухне сносно-жилой вид. Откуда-то выскочила Карра, и я наклонился, чтобы погладить ее.

— А что, — произнес я, не поднимая головы, — вовсе и не так страшно...

— И правда, Дэнни, — подхватила мама, — здесь не так и плохо, тем более, мы здесь временно, пока отец вновь не встанет на ноги. Пойдем, Дэнни, посмотрим квартиру.

Смотреть особенно было не на что. Все, как в любой четырехкомнатной квартире. Моя новая комната была вдвое меньше прежней, все остальное тоже было в два раза меньше. За двадцать восемь долларов в неделю, включая отопление и горячую воду, трудно было достать что-нибудь поприличнее.

Мы вернулись на кухню. Карра подошла ко мне и выжидательно подняла свою умную мордочку. Отец курил, с беспокойством наблюдая за мной.

— Карра вела себя спокойно? — спросил я, чтобы нарушить тяжелое молчание.

— Нормально. Она — умница, она все понимает, — сухо ответил отец.

— Ты бы вывел ее, Дэнни, — сказала мать. — Она не была на улице с самого утра.

— Пойдем, малышка, — позвал я собаку, подходя к двери.

Пройдя половину пролета, я понял, что собака не идет за мной. Карра жалась к входной двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Пойдем, глупышка, гулять!

Она неуклюже одолела две ступеньки, остановилась и опять тоскливо заглянула мне в глаза. Пришлось подняться к ней, пристегнуть поводок и где уговорами, где силой стащить вниз. На улице она вроде бы успокоилась, но когда мы направились вниз по Клинтон-стрит, она испуганно оглядывалась на проезжающие совсем рядом машины. Я свернул на более спокойную боковую улицу и прошел уже полквартала, когда услышал за спиной смех. Обернувшись, я увидел троих парней примерно моего возраста. Они стояли, небрежно облокотившись на перила кондитерской. Один из них — долговязый мускулистый негр — гоготал над поджавшей хвост Каррой.

— Смотрите-ка на этого чистюлю с собачонкой! Не мог что ли выбрать себе сучку посмелее? — кричал он, перебрасывая замусоленный окурок из одного угла рта в другой. — Да ты, парень, тоже, видать, наложил в штаны, как и твоя сучонка!

— Не больше, чем ты, вонючка, — со злостью ответил я, успокаивая Карру.

Услышав мой ответ, парни подобрались, двое выжидательно смотрели на негра. Тот многозначительно им кивнул и враскачку пошел ко мне, не вынимая рук из карманов. Я продолжал все так же сидеть на корточках, поглаживая собаку, и искоса наблюдал за долговязым. Не было никакого сомнения: парень не собирался шутить, но именно это меня и устраивало. Мне даже стало получше, такая разрядка мне и была нужна.

В метре от меня негр остановился и посмотрел сверху вниз:

— Это кто тут разевает хлебало? А ну, повтори, что ты сказал!

— Мало того, что ты воняешь, ты еще и плохо слышишь, — раздельно проговорил я, медленно поднимаясь.

Но не успел я выпрямиться, как боковым зрением заметил огромный кованый ботинок, быстро приближавшийся к моему лицу. Я переоценил свою реакцию, страшный удар опрокинул меня в канаву. Я выпустил поводок, потеряв на мгновение сознание. Первое, что я услышал, выходя из нокаута, был визг. Я вскочил на ноги, забыв о своих врагах. Карра бежала посреди дороги, едва уворачиваясь от колес мчавшихся машин.

— Карра! Ко мне! — закричал я.

Она услышала меня, остановилась на мгновение и со всех ног бросилась ко мне. Она уже почти добежала до края дороги, когда огромный грузовик задел ее колесом. От ее короткого взвизга у меня потемнело в глазах.

Она лежала на боку в канаве, тяжело дыша. Ее золотистая шерсть была в грязи и крови.

— Каррочка, — наклонился я над ней, — милая, не умирай!

Я осторожно поднял ее на руки, она со стоном вздохнула, совсем как человек, и посмотрела мне в глаза своими полными боли глазами, лизнула мне руку, оставив розовый кровавый след, задрожала и затихла.

Водитель грузовика протолкался через толпу зевак.

— Прости меня, парень, — он был действительно огорчен. — Я даже не видел, как она выскочила.

Я молча посмотрел сквозь него, потом повернулся и направился к злополучному дому, неся холодеющее тело своего единственного друга. Люди молча расступались передо мной. Глаза мои жгло, но плакать я не мог.

Карру я похоронил в саду своего дома, там еще никто не поселился, поэтому никто не помешал мне проститься с моим детством.

Не помню, как я вернулся, как ехал в метро. Очнулся я только на ступеньках угрюмого пятиэтажного барака. Тут меня словно переключили, я видел все это будто в первый раз. Кондитерская напротив подмигнула мне своим зеленым глазом. Неподалеку я заметил компанию местных ребят. Я был чужой среди них, значит — враг. Мне предстояло их завоевать.

Я спустился с лестницы, подошел к группе парней и осмотрел каждого. Того, кого я искал, среди них не было. Я уже собрался было уходить, как заметил его внутри кондитерской. Он сидел и пил яичный коктейль. Он сидел спиной ко мне, и мне пришлось легонько похлопать его по плечу. Он сразу же узнал меня. Я показал ему на выход.

— Не убирай, Мойша, — отодвинул он стакан, — я буду через пять минут!

Я взял стакан и демонстративно вылил в раковину:

— Помой, Мойша, — сказал я. — Ему он больше не понадобится!

Я шел впереди, позади меня по цементному полу стучали подкованные ботинки. У обочины я остановился и спокойно обернулся к нему.

— Приготовь руки, скот! — приказал я, стараясь не потерять контроль над собой.

Он подошел ко мне вплотную и обнажил неестественно белые зубы в усмешке.

— Крепкий парень! Смелый парень! — издевательски приговаривал он. — И откуда он взялся на мою голову? — Собравшиеся вокруг местные заржали.

— Достаточно крепкий... — начал я и тут же вспомнил о его ногах. Я шагнул назад, но он достал меня коленом в пах и обоими кулаками в лицо. Я упал и тут же увидел, как его ботинок приближается к моему лицу. Откатился в сторону, но он все-таки достал меня где-то за ухом. Шум уличного движения и странный гул стояли в голове.

— Ну что, крепкий парень?! — раздался его голос надо мной.

Я потряс головой, прогоняя гул, ухватился за оказавшийся рядом гидрант и поднялся. Во рту стоял вкус крови.

— Ну что, — продолжал смеяться он, — остались еще силенки?

Я внимательно наблюдал за ним, не отпуская гидранта. Пусть болтает, это мне на руку. Каждая секунда прибавляла мне силы.

Он приближался ко мне — медленно, спокойно, уверенно. Все так же растягивая время, я зашел за гидрант;

сейчас я был благодарен Сэму, который научил меня экономить силы и восстанавливать их.

— Что, будем подыхать? — продолжал парень. — Как твоя собачонка?

Я отпустил гидрант. Теперь я был в порядке. Я шагнул ему навстречу. Он ринулся на меня, выбросив вперед правую. Не зная того, он допустил вторую ошибку, первую — когда дал мне отдохнуть.

Моя левая встретила его правый кулак, своей правой я врезал ему ниже пояса. Он начал клониться вперед, руки его опустились, но я поймал его левым апперкотом в челюсть. Он начал заваливаться набок, и я еще успел нанести ему восемь ударов, прежде чем он опустился на тротуар.

Наверно, он был силен, как лошадь, так как пытался еще подняться. Я пнул его несколько раз в голову, и он замер.

Еще какое-то время я наблюдал за ним, потом огляделся вокруг. Впервые я обеспокоился тем, что собралось множество людей вокруг нас. И вдруг я почувствовал, даже не услышал, а именно почувствовал, какое-то движение за спиной. Мигом обернулся. Он бежал на меня. Что-то блеснуло в его руке, и я отпрыгнул. С треском распоролся мой рукав. Кнопочный нож! Негр врезался в стену, я бросился к нему. Нельзя было упускать ни мгновения. Схватив его руку с ножом, я вывернул ее — он вскрикнул, нож звякнул у меня под ногами. Отшвырнув его ногой, я повернул парня к себе. Боль и страх были на его лице.

Мною овладело бешенство и какое-то странное веселье. Впервые я узнал вкус смертельной схватки. Мой удар расплющил его нос. Он закричал. Я засмеялся и с удовольствием ударил его по зубам, и теперь на месте его крупных белых зубов зияли черные дыры. Я был по-настоящему счастлив. Все лицо его было в крови, но я продолжал месить его. Кто-то оторвал меня от него, я отталкивал руки, снова бросался на обезумевшего от боли противника. Вдруг резкая боль в затылке остановила меня. Когда красный туман в глазах рассеялся, я увидел перед собой темно-синий мундир полицейского.

...Хотя я был совершенно обессилен, в камере я так и не смог заснуть. Глаза горели, будто их засыпали перцем, но веки не закрывались. В голове была какая-то каша из разговоров, чьих-то лиц, чаще всего всплывала картинка — рыжий щенок, безуспешно пытающийся выбраться из ямы, стена, которая оползает под его лапами...

Лязгнул запор двери, вошел полицейский и миролюбиво проговорил:

— За тобой пришел отец, парень, вставай!

Я безучастно поднялся, взял с койки свое пальто. Казалось, все происходящее когда-то уже было со мной... В небольшой комнате, куда мы пришли, сидел отец и беседовал с кем-то в штатском.

Отец вскочил, увидев меня.

— Я пришел забрать тебя домой, сынок! — сказал он.

Ничего не понимая, смотрел я на него: «Какой дом? Куда? Ведь у меня нет больше дома... Раньше был, был дом, была Карра...»

Полицейский в штатском тоже встал.

— Твое счастье, что нам удалось все выяснить, — проговорил он. — Тот парень, которого ты отделал, проваляется в больнице несколько месяцев. Но он давно стремился — туда или на кладбище, или в тюрьму... Так что ты нам где-то помог. А теперь иди и не доставляй нам больше хлопот, у нас их и без тебя по горло.

Я медленно поплелся к двери, за спиной раздался голос отца, благодарившего полицию за все, что они для меня сделали. Болел затылок. Вонючий, пропитанный выхлопными газами воздух улицы ударил мне в лицо. Бок о бок с отцом мы пошли по Деланси-стрит.

— Ты нас с матерью сильно перепугал, Дэнни. Мы не знали, что и думать...

Я ничего не ответил. Все это было. В другом месте. В другое время. В полном молчании мы перешли дорогу. Он вновь попытался заговорить со мной.

— Почему ты сделал это, Дэнни? Такая жестокость, это на тебя совсем не похоже...

В голосе его слышалось страдание. Произошло что-то такое, чего он не мог понять. Да, это на меня не было

похоже, на меня прежнего. Теперь я жил в другом мире и был другим Дэнни Фишером. Я не знал, что ему ответить, и промолчал. Так, в молчании, мы прошли еще два квартала, свернули на нашу улицу. На углу мы случайно встретились взглядами и поспешно отвели глаза.

Пошел снег. Я поднял воротник пальто и зябко поежился. По улице шли два совершенно чужих друг другу человека — отец и сын.

ВСЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Книга вторая

Глава первая

Отец посмотрел на часы, и мы вышли из полутемного подъезда на улицу.

— Без четверти три, — пробормотал он. — Мне нужно торопиться, иначе я опоздаю.

Я безразлично посмотрел на него. Прошло всего пять месяцев, как мы переехали, но, казалось, многие годы разделяют нас. Все шло наперекосяк с того самого дня. Сейчас у отца была работа, в аптеке на Деланси-стрит. Двадцать три доллара в неделю.

— Нам по пути? — спросил папа.

Я молча кивнул головой. Мне было все равно. На углу меня поджидали наши ребята.

Все печальные события этих пяти месяцев были свежи в нашей памяти. Особенно те дни, когда я, приходя из школы, заставал его, понуро сидящего за кухонным столом с выражением отчаяния и безнадежности на осунувшемся лице. Я пытался сочувствовать ему, но у меня ничего не получалось, он сам был виноват, надо было крутиться...

Несколько дней назад он вернулся повеселёвшим и сообщил, что ему предложили работу. Двадцать три доллара в неделю для фармаколога с двадцатипятилетним опытом! Какая-то ерунда! Этого едва хватало на еду.

Мы дошли до угла и остановились перед аптекой, в которой он работал. Отец посмотрел на меня неуверенно. Я видел, что он собирается меня спросить, как я проведу оставшиеся полдня, но гордость ему не позволяла. Да я бы ему и не сказал.

— Передай маме, что я буду в полтретьего, — наконец выдавил он.

Я кивнул.

Он открыл было рот, намереваясь добавить еще что-то, но передумал. Лишь покачал головой и, ссутулившись, вошел в аптеку. Часы на витрине показывали ровно три.

У меня еще было время до встречи с нашей бандой, я прислонился к стене и принялся без особого интереса рассматривать входивших посетителей.

— Наконец-то, Фишер, — услышал я усталый голос напарника отца и заглянул внутрь аптеки.

— Вот, держи халат. Смотри, не утони в нем. Чертовски тяжелый день, да еще шефу шлея под хвост попала — все время придирался ко мне.

Отец молча взял халат и по настенным часам справился, не опоздал ли он. Из задней комнаты в зал вкатился толстенький человек с раздраженной физиономией.

— Прибыл, Фишер? — пропищал он. — Кончай чухаться, тебя ждут рецепты.

— Да, мистер Гольд, — откликнулся отец покорным тоном, от которого меня всего передернуло. — Я не хотел вас задерживать, — виновато пробормотал отец.

Раздражительный человечек с презрением оглядел отца.

— Могли бы прийти пораньше. Не переработали бы...

— Извините, мистер Гольд...

— Ну что вы стоите, как болван! — взвизгнул Гольд, сунув отцу две бумажки. — Надевайте халат и мигом за работу! — он резко развернулся и исчез в своем кабинете.

Какое-то время отец задумчиво смотрел ему вслед, потом взглянул на рецепты, подошел к своему рабочему столу, положил пиджак и шляпу на стул, надел халат. Разгладив рецепт на столе, внимательно прочитал его, достал с полки пузырек и мензурку. Казалось, что я слышу позвякивание стекла. Неожиданно он поднял голову и заметил меня, краска стыда залила его лицо. Я быстро отвернулся, будто ничего не видел.

Моя шайка уже ждала меня, когда я подошел. Чтобы не беспокоить полицейских, мы завернули за угол. Я не стал терять времени:

— Итак, вы знаете, что делать. Тихонько заваливаем по двое. Подчеркиваю: тихонько! Рассасываемся и ждем моего сигнала. Когда я подаю знак, Спит и Солли начинают драться друг с другом в глубине магазина, все бросаются поглазеть, что там происходит, мы же быстро принимаемся за дело. Запомните следующее, — холодным взглядом я оглядел каждого, — не хватайте всякую ерунду. Только ценный товар, который можно сбыть. Не суйтесь посмотреть, как идут дела у других, схватил — и моментально смывайся. Никого не ждите. Где собираться, знаете. Но не раньше, чем через час. Все понятно? — Ответа не последовало. Я усмехнулся, глядя на их сосредоточенные рожи. — Тогда за дело! Первым вхожу я. Всем следить за мной, и никакой самодеятельности!

Я быстро отошел от ребят, и они тут же разбежались. В закусочной было полно народа. Тем лучше!

Я протиснулся вперед по узкому проходу вдоль стойки бара и занял позицию у кассы. Взобравшись на высокий вращающийся табурет, принялся ждать официантку. В большое зеркало увидел, как за моей спиной проскользнули Спит и Солли. Подошла девушка-официантка.

— Что будешь пить?

— А что у тебя есть, крошка?

Я скользнул по ее накрашенному личику безразличным взглядом. Пока еще не все были готовы. Она устало посмотрела на меня, откинула со лба прядь черных, как смоль, волос:

— Все указано в меню, — ответила она скучно, — читать умеешь?

Я сделал вид, что внимательно читаю меню. Вошли еще двое моих парней.

— Двойной шоколадный. И побольше мороженого, — заказал я.

Девушка склонилась над стойкой и принялась сбивать коктейль. Я искоса оглядел зал, особенно ту его часть, где располагались стеллажи с товарами. Мои ребята уже были там. Девушка добавила содовой в высо-

кий стакан, воткнула соломинку и пододвинула коктейль мне. Страшно захотелось, чтобы все кончилось как можно скорее. Я небрежно бросил на стойку десять центов. Девушка ловко подхватила монету и опустила в кассу. Я кивнул застывшим в напряженных позах Спиту и Солли, а сам принялся посасывать сладкий тягучий коктейль. В углу зала послышалась возня. Я ухмыльнулся и обернулся на шум. Как раз в этот момент Солли спиной влетел в стеллаж с продуктами, раздался грохот посыпавшихся банок. Теперь все посетители смотрели туда, самые любопытные бросились поглазеть, что происходит. Все шло как по нотам. Девушка за стойкой сказала что-то по-итальянски. Она посмотрела на меня удивленно.

— Что там? — спросил я.

— Не знаю, кажется, драка. Но похоже, ненастоящая.

— Как это?

— Они слишком усердно размахивают руками... Бьюсь об заклад, что их дружки сейчас чистят магазин. — Она обвела зал опытным взглядом. — Ну, что я говорила. Вон, посмотри!

Она кивнула на одного из моих парней, рассовывающего по карманам косметику. Как раз в этот момент он поднял голову и радостно улыбнулся мне. Я указал этому идиоту на выход и повернулся к стойке. Девушка пристально глядела на меня широко раскрытыми глазами.

— Так ты с ними, — прошептала она.

Я быстро наклонился над стойкой и крепко схватил ее за руку. Напряженная холодная улыбка застыла на моих губах.

— Ну и что ты собираешься делать?

Она улыбнулась, не отводя взгляда.

— А ничего, — спокойно ответила она. — Это не мое дело. Барбара Хаттон как-нибудь переживет. Этого добра у нее навалом.

Я отпустил руку и вновь оглянулся. Все мои парни успешно смылись, а двое мужчин взашей выталкивали Солли на улицу. Я с облегчением перевел дух, зачерпнул круглой ложкой добрую порцию мороженого и отправил его в рот, оно приятно охладило пересохшее горло.

— Это то, что ты не доложила мне в коктейль, — улыбаясь, сказал я.

Она широко улыбнулась в ответ. У нее были густые длинные черные волосы и мягкие темно-карие глаза. На бледном лице алели пухлые губы.

— А ты молодец. Твои ребята ловко все провернули, — прошептала она.

Нет, эта девушка мне положительно нравилась.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Нелли.

— А меня — Дэнни. Живешь неподалеку?

— На Элдридж-стрит.

— Во сколько кончается твое дежурство?

— В девять, когда закрывается магазин.

Я улыбнулся и соскочил со стула.

— О'кей! Буду ждать тебя на углу. Сегодня мы будем при деньгах!

Не дожидаясь ее ответа, я подошел к продавцам, которые восстанавливали порушенный Солли стеллаж, поглядел на них несколько минут и вернулся к стойке бара. Девушка с явным интересом посматривала на меня, не переставая работать. Я улыбнулся ей на прощанье.

— Пока, Нелли-вижу-все!

— Жди меня, Дэнни-ловкач! — улыбнулась она в ответ.

Я направился к выходу, чувствуя на себе ее взгляд. Проходя мимо полки с туалетными принадлежностями, я взял массажную щетку, провел несколько раз ею по волосам и небрежно опустил в карман куртки.

Глава вторая

Скупщик подозрительно посмотрел на меня.

— Где ты добыл все это?

— Тебе что нужно, товар или его родословная? Я же не спрашиваю, где ты взял деньги, чтобы открыть свою лавку.

Он смотрел на упаковку. Руки его вытащили из нее флакон «Мам». Разговаривая со мной, он нервно подбрасывал флакон.

— Мне бы не хотелось иметь дело с полицией...

Я протянул руку к упаковке:

— Ну что ж, тогда все это купит кто-нибудь другой.

Он поспешно схватил меня за руку.

— Погоди, я же не отказываюсь.

— Тогда не задавай дурацких вопросов. Пятнадцать долларов, и все это твое.

Он обнажил свои желтые волчьи зубы.

— Десять.

— Четырнадцать, — быстро ответил я.

Начался торг, и это было нормально. Другого нельзя было и ожидать.

— Одиннадцать!

— Не-а! — мотнул я головой, вновь кладя руку на упаковку.

— Двенадцать пятьдесят, — окончательно произнес он, и я понял, что больше он не накинет ни цента.

— По рукам, — согласился я.

Он торжественно извлек старый замызганный бумажник, тщательно отсчитал положенную сумму. Пересчитав деньги, я небрежно сунул их в карман и собрался уходить. На пороге скупщик окликнул меня.

— Если будет что-нибудь еще, приноси мне, — проговорил он. — Я дам приличную цену.

— Поживем, увидим, — уклончиво ответил я и вышел из лавки.

Сделка была так себе. На каждого из семерых выходило меньше двух долларов... Овчинка не стоила выделки. Больше этим заниматься не будем. Я взглянул на часы и направился на Ривингтон-стрит. Ребята будут ждать в семь, сейчас шесть. Надо забежать домой и занести отцу ужин. Обычно это делала мать, но сегодня мне хотелось избавить ее от лишних забот.

В подъезде в нос вновь ударил запах гниющих отходов. Уборщик, как всегда, накачался с утра и забыл убрать мусор. Хотя эта история повторялась чуть ли не через день, я все никак не мог привыкнуть жить в грязи. Вот бы достать денег и выбраться из этого хлева. Я свято верил, что когда-нибудь этот момент настанет, что я смогу выкупить наш старый дом.

Открыв дверь в квартиру, я прошел сразу на кухню. Мама оторвалась от плиты и удивленно посмотрела на меня.

— Отец сказал, что будет дома в полтретьего, — пояснил я. — Давай, я отнесу ему ужин.

— Может быть, сначала поешь сам? — обрадованно спросила мама.

Я отрицательно помотал головой:

— Один парень угостил меня сосисками у Каца.

— Но все равно нужно поесть что-нибудь жидкое, — настаивала мама.

— Нет, спасибо.

Она слишком устала, чтобы спорить со мной. Взяв с полки эмалированный судок, наполнила его, уложила в бумажный пакет и передала мне.

— Приходи пораньше, Дэнни, — окликнула она меня на прощанье.

— Конечно, мама, — ответил я уже с лестницы.

У аптеки я остановился и заглянул внутрь через витрину. Отца не было видно. Должно быть, он в задней комнате. Войдя в магазин, я задержался у прилавка. Из рецептурного доносился противный визгливый голос мистера Гольда. Он опять кого-то распекал.

— Ты — осел, Фишер, — донеслось до меня. — Зачем только я тебя нанял. Вечная морока с вами, банкротами. Ни черта не знаете, зато сколько амбиций!

Отец что-то пробубнил в ответ, слов нельзя было разобрать.

— Оставь при себе свои идиотские объяснения. Понимаете, он еще и оправдывается! Я пожалел тебя, когда ты приполз ко мне на брюхе, когда ты плакал, что тебе нечего есть. Но это не значит, что я позволю садиться мне на голову. Либо ты будешь делать то, что я тебе приказываю, либо я тебя выброшу на улицу. Или — или! Ты меня слышишь, Фишер? Или — или!

— Извините, мистер Гольд, больше этого не повторится, — лепетал отец.

От услышанного у меня противно заныло под ложечкой. Я бы придушил эту скотину, как цыпленка. Никто не может разговаривать с моим отцом подобным образом. Ни один человек не имеет права так обращаться с другим.

Вышел продавец и спросил меня, не нужно ли мне чего-нибудь.

— Нет, — ответил я и поспешил было к двери, но тут вспомнил об ужине. Подойдя к прилавку, я поставил на него завернутый судок и термос.

— Это для доктора Фишера, — бросил я в сторону и выскочил из аптеки.

— Всего полтора доллара? — недовольно прогундосил Спит.

Я смерил его взглядом и недобро процедил:

— В следующий раз сбывать товар будешь ты, если только я возьму тебя на дело.

— Да нет, все нормально, Дэнни, — поспешил согласиться он.

Я раздал деньги, зажав себе лишние два доллара. Но это было справедливо, так как всю операцию задумал я.

— Что будем делать дальше, Дэнни? — спросил Спит, изобразив на лице бескрайнюю преданность.

— Пока я не знаю, — бросил я, закуривая. — Но надо придумать что-нибудь другое, более прибыльное. Не волнуйтесь, я подумаю. У меня есть, чем пошевелить, в отличие от некоторых, — посмотрел я в упор на Спита, и тот сделал вид, что не понял. — А сейчас я хочу сыграть в крэпс*. Кто со мной?

— Только не я,— ответил Спит. — У меня свидание, там я хоть что-нибудь получу за эти деньги...

Все вдруг заспешили. Отправился и я к гаражам, где играли в крэпс. Спит невольно напомнил мне, что у меня вечером свидание с новой знакомой. Она мне показалась смышленой девчонкой.

В радужном настроении подошел я к гаражу. Три с половиной доллара — это уже кое-что. Во всяком случае, на них я мог угостить Нелли. У гаража на стреме стоял худой парнишка-итальянец.

— Ты куда это? — с опаской спросил он меня.

— Спокойно, парень, — убрал я с косяка его руку. — Хочу попытать счастья. Вдруг повезет?

Парень, узнав меня, улыбнулся:

— Проходи, Дэнни, проходи...

Через полутемный гараж я прошел в заднюю комнатенку. Здесь было светло. Небольшая группа парней, стоявших полукругом, напряженно всматривалась в пол.

---

* Крэпс — азартная игра в кости, в которой об стену кидают одновременно два кубика. Выигрывает тот, кто первым выбросит семь или одиннадцать.

В их монотонный сдержанный говор врывался лишь стук игральных костей. Кое-кто встревоженно обернулся на мои шаги, но, узнав меня, снова занялся игрой.

Несколько минут я просто наблюдал, как падают кости, чтобы уловить ход игры. В свою удачу я не особенно верил и поэтому постарался определить, у кого сегодня идет игра, и пристроиться ему в хвост. После очередной взятки я понял, что везет широкоплечему коротышке. Он сыграл, и я бросил доллар на пол.

— Один против, — объявил я, и «крупье» накрыл доллар грязной ладонью.

Мой противник удачно выкинул семерку, доллар уплыл от меня. Но я опять поставил вслед за широкоплечим и на этот раз выиграл. Понемногу меня охватил азарт. Я опять поставил и снова выиграл. Теперь мой капитал удвоился. Сегодня мне явно везло.

В десять минут десятого я стоял возле кафетерия, поглядывая на выходивших из него девушек-официанток. Нелли среди них не было. «Явно выдерживает время, — подумал я. — Что ж, дадим ей еще десять минут».

— Хэлло, Дэнни, — послышалось рядом.

Я видел ее среди выходивших девушек, но не узнал. В своей простенькой одежде она выглядела гораздо моложе, чем в рабочей униформе.

— Привет, Нелли.

Она была совсем девчонкой. Во всяком случае не старше моих пятнадцати с половиной лет.

— Ты голодна? — спросил я, справившись со своим удивлением.

Она молча кивнула. Она тоже была смущена. Во всяком случае, днем она выглядела куда увереннее. Я взял ее за руку, и мы отошли от фонаря — подальше от любопытных глаз.

— К вечеру ты молодеешь, — заметил я.

Она задумчиво покачала головой.

— Большинству девушек приходится сильно краситься, чтобы выглядеть старше. Иначе рискуешь потерять работу.

Ее спокойная речь понравилась мне. Мы подошли к небольшому китайскому ресторанчику под выцветшей вывеской:

«СВИНЫЕ ОТБИВНЫЕ. 30 ЦЕНТОВ ПОРЦИЯ».

— Давай перекусим, — предложил я, открывая дверь и пропуская ее вперед.

Устало улыбающийся старый китаец провел нас к столику, положил перед нами два меню и снова вернулся к двери. Ресторан был пуст, я пробежал меню глазами, хотя знал, что закажу, потом взглянул на Нелли.

— Мне отбивную, — улыбнулась она.

— С жареным рисом, — подхватил я, оценив то, что она не принимает меня за миллионера.

Молодой китаец-официант с таким же усталым, как у метрдотеля, лицом поставил перед нами фарфоровый чайник и низенькие широкие чашки, принял заказ и не спеша пошел на кухню. Мы опять встретились с Нелли глазами, она поспешно опустила свои и покраснела.

— В чем дело? — спросил я.

— Мне не надо было соглашаться приходить сюда, — неловко выговорила она. Мы ведь едва знакомы. Мой отец...

— Твой отец не разрешает тебе? — спросил я самоуверенно. В конце концов хозяином положения сейчас был я. — Сколько же тебе лет?

Она вновь смешалась и, заикаясь, ответила:

— Сем... Нет, шестнадцать...

— И давно ты работаешь?

— Почти год. В кафе думают, что я старше...

— И что, твой отец глаз с тебя не спускает? — Самое интересное, мне было, действительно, не все равно, как она живет.

— Да, он любит поворчать, как все старомодные итальянцы, — последняя тень сомнения и неуверенности исчезла с ее лица. — Так вот, он — такой же. Всегда твердит: вот в наше время, у нас на родине... И требует, чтобы сразу после работы я шла домой. Высчитал, сколько у меня должно уходить на дорогу. Я ведь вполне взрослая, чтобы работать и приносить деньги, а вот поболтать с кем-нибудь, как с тобой, — мне нельзя. Если бы он знал, что я сейчас тут, да еще с тобой, то он бы просто лопнул от злости и не разговаривал со мной до... до самой получки.

— Тогда зачем же ты пошла со мной? — искренне удивился я.

— Да мне просто надоело жить, как в старой Италии, — улыбнулась она. — Надо ведь и им знать, что мы давно живем в другой, новой стране, что здесь все по-другому.

— И только поэтому? — разочарованно протянул я.

— Нет, не только... — честно призналась она. — Мне хотелось узнать, какой ты.

— И как, я тебе понравился?

Она покраснела, но кивнула, а потом, преодолев смущение, спросила:

— А я тебе?

Я протянул руку через столик и погладил ее ладонь.

— Да, Нелли, очень.

Мы остановились под фонарем.

— Лучше расстанемся здесь, Дэнни, — сказала она, глядя на меня снизу вверх. — Отец может ждать меня на ступеньках дома.

— Ты просто хочешь поскорей спровадить меня, — недовольно пробурчал я.

— Честное слово, нет, Дэнни! — тихо воскликнула она. — Ты даже представить не можешь, какой он строгий! — Она порывисто взяла меня за руку. — Ну почему ты мне никогда не веришь, Дэнни! Я никогда не обману тебя. Слышишь? Никогда!

Ни на секунду не сомневаясь в искренности ее слов, я легонько сжал ее руку.

— А как ты объяснишь свое опоздание?

— Скажу, что задержалась в магазине. Он знает, что мне иногда приходится оставаться там после закрытия.

— И тебя будут ругать?

— Нет, это уважительная причина. Ему наплевать, сколько я работаю.

Я отпустил ее руку и отступил в тень дома.

— Иди сюда, — тихо позвал я ее.

Она сделала нерешительный шаг вперед, остановилась и спросила:

— Зачем?

— Сама знаешь, — твердо проговорил я. — Иди ко мне.

Она сделала еще шаг и снова остановилась, на ее лице были растерянность и обида.

— Нет, Дэнни. Я не такая девушка.

— Значит, ты просто хочешь побыстрей отвязаться от меня...

Она сделала еще шаг вперед, словно нерешительный пловец, пробующий воду перед тем, как броситься в нее.

— Дэнни, не сердись. Я не хочу, чтобы мы так расстались. Мне показалось, что я понравилась тебе. Ты понравился мне. Мне бы очень не хотелось, чтобы все испортилось...

Я решительно притянул ее к себе и крепко обнял, преодолев скованность ее хрупкого тела. Она испуганно взглянула на меня и замерла. Я быстро поцеловал ее сочные влажные крепко сжатые губы. Она никак не ответила на мой поцелуй. Я снова и снова целовал ее, и наконец она начала потихоньку оживать. Губы ее шевельнулись, она доверчиво прильнула ко мне и даже неумело ответила на мой поцелуй.

Отстранившись от нее, я тихонько спросил:

— Ну что, разве это плохо?

Она смущенно спрятала лицо в моем плече.

— Теперь ты подумаешь, что я испорченная, — со страхом и горечью проговорила она.

Я был искренне озадачен, такого я не ожидал.

— Так зачем же ты согласилась пойти со мной? Ты уже должна знать, что почем.

Она посмотрела на меня своими темными глазами, в которых не осталось ни следа страха.

— Ты мне понравился, Дэнни, поэтому я и не пошла домой...

На этот раз мы оба потянулись друг к другу, губы наши встретились, и она подарила мне настоящий поцелуй.

— Ты обманывала меня, Нелли, — изумленно прошептал я.

Она радостно улыбнулась.

— Больше не злишься на меня?

— Нет, дорогая, на тебя невозможно сердиться.

— Дэнни, — глаза ее были прикрыты, — поцелуй меня еще.

На миг все исчезло: и этот угол, и фонарный столб, и темный проем магазина напротив. Забывшись, я начал искать руками теплоту ее тела. Ее шепот прозвучал в ночи, как крик:

— Дэнни! Дэнни, прекрати!

Неожиданно она сильно оттолкнула меня, схватив за запястья. Я легко освободил руки и положил ей на плечи. Она испуганно дрожала.

— Успокойся, Нелли, дорогая. Я никогда не сделаю тебе больно.

Испуг ее прошел так же быстро, как и начался. Она прильнула ко мне и прошептала:

— О Дэнни, я никогда не испытывала ничего подобного.

Я наклонился и заглянул в ее глаза, в них стояли слезы.

— Я тоже, — откликнулся я, — милая Нелли.

— Дэнни, может быть... может быть, мы влюблены друг в друга?

Эта мысль тоже поразила меня. Не зная, что ответить, я попытался улыбнуться:

— Может быть, милая... Скорее всего...

Неожиданно мы оба почувствовали какую-то неловкость и поспешно отступили друг от друга. Дрожащими пальцами и достал сигарету и закурил. Нелли протянула мне руку, я взял ее. Никогда я не испытывал такой нежности. Так, рука в руке, мы простояли, пока не погасла сигарета. Потом мы повернулись друг к другу и улыбнулись, как давние знакомые.

— Пока, Нелли.

— До свиданья, Дэнни, — счастливо прошептала она.

И тут мы расхохотались, как сумасшедшие, и все, что разделяло нас, улетело вместе с этим смехом. Я наклонился и поцеловал Нелли в щеку.

— Надеюсь, отец не съест тебя?

— Все будет нормально. Скажу, что за сверхурочные платят вдвойне.

Мы вышли под электрический свет улицы.

— Тебе никто не говорил, что ты удивительно красива?

— Нет.

— Так вот, пришла пора объявить тебе об этом. Ты — потрясающе красива. Как кинозвезда.

— Дэнни, глупый, я — обычная девушка, ничего особенного во мне нет.

Мы снова рассмеялись, и я серьезно сказал:

— Нелли, тебе пора идти...

Она молча кивнула, и я физически ощутил, как ей этого не хочется.

— Спокойной ночи, хорошая моя, — сказал я, отпуская ее руку.

— Мы еще увидимся, Дэнни?

— Обязательно... Завтра я заскочу в ваш магазин.

Ее лицо просветлело.

— Я сделаю тебе самый вкусный коктейль. Три полных ложки мороженого. Только приходи без своих друзей, ладно? А то их еще сцапают.

— Ты так о них беспокоишься?

— Мне на них наплевать, — с чувством произнесла она. — Я беспокоюсь о тебе.

— Хорошо, малыш, — пообещал я, чувствуя, как нежность переполняет меня.

— Дэнни, вообще, тебе они очень нужны, твои дружки? Зачем тебе эти приключения, тебя ведь могут поймать. Неужели ты не можешь найти работу?

— Пока не могу, Нелли. Мои старики не позволяют мне бросить школу.

Она понимающе кивнула головой и участливо посмотрела мне в глаза:

— Тогда будь осторожен, Дэнни.

— Постараюсь, Нелли.

Она чмокнула меня в щеку и быстро пошла по улице. Я проводил ее взглядом, повернулся и пошел назад. Мне было так хорошо, что я почти забыл, как мне противно жить в этом районе.

Переходя улицу перед аптекой, я увидел мистера Гольда.

Глава третья

Он стоял перед аптекой, запихивая в карман мешочек из кожи и парусины. Я знал, что это такое. В таких мешочках в банк сдавалась выручка.

Машинально я нырнул в ближайшую подворотню и некоторое время наблюдал оттуда. На часах было без

трех двенадцать. Мистер Гольд еще раз осмотрел витрину и пошел по Деланси-стрит к Эссекс-стрит. Я последовал за ним.

Поначалу мне самому не было понятно, зачем я это делаю, но потом мой первый бессознательный порыв приобрел вполне материальные цели. Гольд повернул на Эссекс-стрит, я уже вполне осознанно наблюдал за ним с противоположной стороны улицы. Он остановился у дверей банка и опустил мешок в прорезь специального, вроде почтового, ящика с надписью «Вклады». Потом повернулся и поспешил по авеню Эй.

Дальше мне незачем было идти. Я закурил и задумался. Когда мы переехали в этот район Нью-Йорка, мне показалось, что я окунулся в другой мир. Так оно и было. Выбраться из него можно было только одним способом. Здесь действовало единственное правило: либо дерись за свое место под солнцем, либо ходи голодным. Если ты сильный, то для тебя не существует никаких запретов до тех пор, пока другой, еще более сильный, не подомнет тебя. Это был закон джунглей, и дети соблюдали его еще более рьяно, чем взрослые. Предоставленные сами себе, они боролись за свое существование, подражая наиболее удачливым из взрослых. Сверстники мои относились к особенно жестокой и безжалостной категории подонков. Выжить среди них мне помогло только мое умение драться, да еще, может быть, соображать быстрее, чем они. После того, как я отделал их долговязого главаря, они разом зауважали меня. Некоторое время верховодить у них пытались Спит и Солли, но для этого у них было мало авторитета, точнее — сил. Здесь признавали один аргумент — кулак.

И вот, через несколько дней после драки, когда я потягивал коктейль в баре у Мойши, ко мне подвалил Спит и предложил присоединиться к их стае. В одиночку здесь все равно не проживешь, да и эта шайка ничем не отличалась от всех остальных. Поразмыслив, я согласился.

В этом придавленном бедностью районе нижнего Ист-Сайда были свои короли, но была и своя религия — деньги. Человек при деньгах вызывал уважение, независимо от того, был ли он ростовщиком, сутенером или

бандитом, готовым зарезать собственную мать. Здесь подражали не своим отцам — большей частью неудачникам, а этим, с деньгами, — настоящим героям, стать одним из которых мечтал каждый мальчишка, если ему, конечно, удавалось выжить. А наши отцы, простые люди нижнего Ист-Сайда, были лишь мякотью, из которой давили сок сильные мира сего... Мы будем умнее их, мы тоже станем королями. И когда я стану королем, когда у меня будут деньги, я выкуплю мой дом в Бруклине.

Я брел к своему дому. Сзади тащился Спит и спрашивал, что мы будем делать дальше? Недавно я не знал. Теперь знаю. Я смогу убить двух зайцев одним выстрелом. Но я скажу об этом после, а сейчас мне нужно повидать Нелли.

Я лежал на кровати и никак не мог заснуть. На улице под окном раздался гудок автомобиля. Я выскользнул из постели, сел у окна, закурил и уставился в темноту.

Вскоре внизу стал различим силуэт мусорной машины, послышались металлические громыхания контейнеров. Перед глазами встало лицо Спита — я только что рассказал ему о своем плане. Он явно струсил, Солли же напротив — загорелся этой идеей, в конце концов Спит тоже согласился. Нас троих было вполне достаточно, но сначала необходимо еще раз выверить маршрут мистера Гольда.

Несколько ночей подряд каждому из нас предстояло незаметно провожать его от аптеки до банка, запоминая все его остановки. Потом, в назначенную ночь, мы подстережем его и избавим от денег. В мешке, по-моему, должно быть не меньше двух сотен. Нужно только оглушить, вырвать мешок и смыться. Я ничего не сказал Спиту и Солли о том, что в аптеке мистера Гольда работает мой отец. В конце концов, это не их собачье дело.

С улицы донесся веселый голос какой-то девушки. Она напомнила мне о Нелли. Удивительная она все-таки... Она совсем не походила на громкоголосых, грубоватых своих соплеменниц, которые, как только откроют рот, сразу дают знать, что они итальянки. Она была

мягкая, спокойная, хрупкая и нежная. И я ей нравился. В этом я был уверен. Интересно все-таки получается. Знакомишься с девчонкой для одного, а оказывается, что она совсем другая, что она нравится тебе. И тебе уже противна даже мысль о том, чтобы обидеть ее. Ты уже готов защищать ее от всего мира. Я вспомнил ее слова: «Может быть, мы влюблены?» Скорее всего, так оно и есть, ведь мне приятно даже быть рядом с ней; просто обнимать ее, разговаривать с ней — наслаждение. Да, Нелли, конечно, права. Я ее любил.

Снаружи вновь послышался голос девушки. Я высунулся из окна, внизу никого не было. Голос раздавался откуда-то сверху и был очень знакомым. Я глянул вверх, над парапетом светился огонек сигареты. И тут до меня дошло: ведь это голос Мими! Интересно, что она делает во втором часу ночи на крыше? Неужели у нее там свидание с Джорджем — как-то она упоминала это имя. Быстро натянув брюки, я бесшумной тенью метнулся наверх.

Дверь на чердак, как я и ожидал, была отперта. Спрятавшись за нею, я выглянул. Точно. Мими сидела с каким-то парнем. При ярком лунном свете у нее было совсем другое лицо. Не было и следа ее обычного высокомерия. Парень что-то горячо говорил, и, хотя я не мог разобрать слов, было ясно, что он ее о чем-то умоляет. Мими отрицательно покачала головой, и он разразился новым потоком слов. Мими снова покачала головой и сказала:

— Нет, Джордж. Это невозможно. Я очень люблю тебя, но сейчас и думать нельзя о женитьбе. Я так устала от постоянной заботы о деньгах, а если мы поженимся, то у нас все пойдет, как у моих родителей. Этого я не вынесу.

Я усмехнулся: моя сестренка соображает, что к чему... И все же мне странно было слышать эти разговоры о женитьбе, как-то не успел я заметить, что моя сестра стала совсем взрослой.

Парень страстно привлек Мими к себе, он что-то сказал и поцеловал ее. С удивлением я обнаружил, что эта недотрога и блюстительница нравов умеет целоваться. На крыше она была явно не впервые. Я потихоньку повернулся и спустился в свою комнату. Минут через

пятнадцать я услышал, как стукнула входная дверь, и вышел в прихожую. Мими как раз осторожно поворачивала ключ, когда я вошел, и от неожиданности она чуть не подпрыгнула.

— Что ты здесь делаешь, Дэнни?

Я стоял и, ухмыляясь, глядел на нее.

Мое молчание вывело ее из себя.

— Что ты скалишься? — уже сердито спросила она.

— У тебя помада размазалась, — заметил я вместо ответа.

Ее рука автоматически метнулась ко рту.

— Ты шпионишь за мной! — с негодованием прошептала она.

— Ну да, — спокойно подтвердил я, — не только же тебе за мной подглядывать. Кроме того, вы со своим хахалем так шумели, что я никак не мог заснуть.

— У тебя одна грязь на уме!

— Да неужели? Послушай, что тебе скажет твой младший брат, сестренка. В следующий раз стирай помаду, прежде чем лезть на крышу, как кошка.

Она гневно прикусила губу, не зная, что ответить.

Глава четвертая

Отец вышел к завтраку, когда мы уже поели. Я взглянул на его хмурое лицо с глубоко запавшими от постоянного недосыпания глазами. Вокруг крупного рта и на лбу легли глубокие морщины, — это уже не от усталости, а от постоянной тревоги. Мне вдруг стало бесконечно жаль его, жаль себя, что у меня такой отец.

— Садись сюда, папа. Я уже поел, — быстро встал я, уступая самое удобное место у окна.

Он тяжело опустился на стул и с благодарностью поглядел на меня:

— Спасибо, сын, за ужин. Я был занят и не заметил, когда ты приходил.

— Да, продавец так и сказал мне, — проговорил я, щадя его чувства.

Мама поставила перед отцом тарелку с овсянкой.

— Что ты встал так рано, Гарри? — спросила она. — Поспал бы еще...

— Кто же спит, когда на дворе светло? — раздраженно откликнулся он, помолчал, потом добавил спокойнее: — Никак не привыкну работать по ночам, а спать днем.

— Но тебе же нужно отдыхать, — возразила мама.

Отец взял ложку, лениво поковырял кашу и недовольно отодвинул от себя тарелку. По утрам у него не было аппетита.

— Что-то не хочется... Дай мне кофе, Мэри, — устало попросил он.

Мама поставила перед ним большую чашку кофе.

— Что, опять было много работы?

— Да уж!.. С этим Гольдом не соскучишься, — ответил он, не поднимая глаз. Потом вдруг быстро взглянул на меня. В его больших глазах мелькнуло любопытство. Я сделал безразличное лицо: ничего я в аптеке не видел и не слышал...

— А кто он такой, этот мистер Гольд? — как бы невзначай спросил я.

Отец встревоженно вгляделся в меня.

— Почему ты спрашиваешь?

— Так, интересно...

Подумав немного, отец сказал, тщательно подбирая слова:

— В общем-то, он неплохой мужик. Только нервный очень. Да и забот у него...

Отец замолчал, а я положил в рот еще одну ложку овсянки. Его ответ озадачил меня.

— Тебе нравится с ним работать, папа? — так же равнодушно спросил я.

На мгновение наши взгляды встретились, он поспешно отвел глаза.

— Работа есть работа, — прозвучал его ответ.

— А как он стал управляющим? — не отставал я.

— Его предшественник серьезно заболел и вынужден был уйти. А до моего прихода Гольд был единственным дипломированным фармацевтом.

Я с интересом взглянул на отца: так вот оно что...

— Значит, для того, чтобы повысили тебя, ему надо серьезно заболеть?

Папа сдержанно рассмеялся.

— Я не желаю ему ничего плохого, но если с ним что-нибудь случится, то, думаю, директор может повысить меня. Я у него на хорошем счету.

— А директор — это кто?

— Он осуществляет общее руководство группой аптекарских магазинов, он — человек из главной конторы.

— Значит он — начальник мистера Гольда?

— Да, — отец с улыбкой, такой редкой в последнее время на его лице, посмотрел на меня. — Что-то, Дэнни, ты задаешь слишком много вопросов. Не собираешься ли ты подработать этим летом в одной из наших аптек?

— Возможно, — ответил я и встал из-за стола.

— Так ты больше не поедешь с мистером Готкинсом в лагерь?

— Пока не знаю, папа, — пожал я плечами. — От него давно не было никаких известий.

Отец невольно затронул мое больное место. Если бы Сэм намеревался взять меня к себе на работу, он бы давно уже связался со мной. Догадаться о причине его молчания было нетрудно: видно, то, что произошло между мной и миссис Шиндлер прошлым летом, ранило его гораздо глубже, чем он пытался показать.

— А почему бы тебе не написать ему? — спросила мама.

— Но куда? — обернулся я к ней. — Я даже не знаю, где он сейчас. Ведь он постоянно в разъездах. Единственное, что мне известно наверняка, это то, что он серьезно занимается бизнесом.

Ведь не мог я открыть им истинную причину моего нежелания обращаться к Сэму!

В этот момент в кухню влетела Мими.

— Ой, мамочка, опаздываю, — чмокнула она маму в щеку. — Мне только кофе и как можно быстрее!

Мать осуждающе покачала головой.

— Прямо не знаю, что с тобой творится... Ведь можно вовремя встать, чтобы нормально позавтракать.

— А я вот знаю, — ухмыльнулся я. — У Мими появился жених.

Отец с интересом посмотрел на Мими.

— Хороший парень, дочка?

— Один слюнтяй из ее конторы, — опередил я ее ответ.

Мими чуть не выцарапала мне глаза.

— А ты заткнись, идиот! Во всяком случае, он занимается делом и честно зарабатывает себе на жизнь, не то что ты и твои дружки — толчетесь целый день у магазинов, надеясь подцепить, что плохо лежит, да деретесь... Джордж — порядочный человек, а не уличный бродяга...

— Мими, сейчас же прекрати обзывать своего брата! Это... нехорошо! — вмешалась мать.

— Ах, это, значит, нехорошо! — Мими обернулась к ней. Сейчас она почти кричала. — А кто он такой, что все вокруг него ходят на цыпочках? Тоже мне — король! Только и слышишь: Дэнни это, Дэнни то... Когда ему надо было поменять школу, так вы из этого целую трагедию устроили. А когда я перешла из одной школы в другую, на это никто не обратил внимания. Он хоть раз пытался подработать после школы, как это делают другие? А ведь он знает, как мы нуждаемся, и даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь семье. И все молчат, все боятся потревожить его, оскорбить его чувства. Вот он и болтается целый день у кондитерской с такими же ублюдками, а домой приходит лишь затем, чтобы поспать и пожрать. Он дармоед и лоботряс, давно пора было сказать ему это.

— Мириам, замолчи! — прикрикнул отец. — Ты несправедлива. Последние три года каждое лето Дэнни приносил домой по полтысячи долларов, а до недавнего времени еще и работал в магазине после школы.

— Вот пусть и работает, если он мужчина, — со слезами на глазах бросила Мими и выбежала из кухни.

Отец огорченно посмотрел на меня и вздохнул. Мама тоже не спускала с меня встревоженных глаз. Они ждали, что я скажу. Но мне сообщить им было нечего...

Наконец отец откашлялся и примирительно произнес:

— Она просто рассердилась на тебя за то, что ты обидел ее парня... Хотя кое в чем она права. — Я сжал зубы и заиграл желваками. — Эти парни у кондитерской... они действительно тебе не компания, Дэнни.

— А я не выбирал ни их, ни этот вонючий район. Мы переехали сюда не из-за меня. Что же мне, сидеть дома только потому, что Мими не нравятся мои друзья? Извините, но других у меня нет!

— Но почему? Ведь в твоем классе есть очень приличные ребята.

Разговаривать с отцом было бесполезно. Он никогда меня не поймет, отчуждение, которое охватило меня в день переезда, еще более усилилось. Пропасть между нами росла, и я не видел, как ее преодолеть. Впрочем, я этого и не хотел.

— У меня нет друзей, — отрезал я, чтобы закончить этот бесполезный разговор.

— Но что-то можно ведь сделать? — настаивал он. — Должен быть какой-то выход?

Я помотал головой и жестко сказал:

— Я ничего не могу изменить, отец, а ты можешь.

— А что я могу?

— Да... Что папа может сделать? — эхом отозвалась мама.

— Вернуть мне дом, — раздельно произнес я. — Ты потерял его, ты и верни. Тогда, может быть, все станет на свои места.

Я видел, как потемнели глаза у отца. Но теперь я его ни капли не жалел. Я молча вышел из квартиры.

Она сразу же заметила меня, как только я появился в дверях кафетерия. На ее лице вспыхнула радостная улыбка, она быстро повернулась к зеркалу и пригладила свои пышные волнистые волосы.

— Салют, Дэнни, — смущенно прошептала она.

Я заметил, как краска заливает ее шею и лицо, и успокаивающе улыбнулся ей. Все-таки она была очень хороша.

— Привет, Нелли! Ну как, твой отец не убил тебя?

— Нет, Дэнни, ты же видишь... — Тут она подняла голову, и выражение ее лица изменилось.

В зеркало я заметил приближающегося к нам управляющего кафетерием. Он шел к нам.

— Так вам шоколадный, сэр? — деловито бросила Нелли. — Одну минуточку...

Управляющий прошел мимо, даже не взглянув на нас. Нелли облегченно вздохнула и поставила стакан передо мной.

— У тебя такие светлые волосы, Дэнни, — улыбнулась она мне, — почти белые. Ты мне сегодня снился...

— Хороший хоть сон был? — спросил я, пробуя коктейль.

Она кивнула, чему-то улыбнувшись.

— А ты думал обо мне?

— Немножко, — признался я.

— Я хочу, чтобы ты думал обо мне, — быстро выговорила она.

Я не мог отвести глаз от ее лица. Сегодня она почти не накрасилась и выглядела гораздо моложе... Она начала краснеть под моим взглядом.

— Ты встретишь меня сегодня вечером? — спросила она.

— На том же месте, — кивнул я.

Снова показался управляющий.

— С вас десять центов, — сухо произнесла она.

Десятицентовик перекочевал из моей руки в ее теплую ладонь, потом — в кассу. Управляющий ушел, и Нелли прошептала:

— В девять часов...

Я допил коктейль и вышел из магазина.

Втроем мы шли по Делanси-стрит. Солли внимательно слушал наш разговор со Спитом. У аптеки мы остановились.

— Это здесь...

— Так ведь тут работает твой старик, — удивленно проговорил Спит.

Теперь настала моя очередь удивляться — он знал слишком много, об этом потом стоило подумать.

— Ну и что? — спросил я.

— А что, если он разузнает, чьих это рук дело?

— Откуда он может узнать? — откликнулся я. — Они вообще обо мне не думают.

— Но здесь участок Маккоя, — настаивал Спит. — Если полиция нас поймает...

— А что, тебе больше нравится сшибать по пятнадцать центов или что-нибудь еще?

— Дэнни прав, — вставил Солли, — хватит мелочиться. Я за это берусь.

Я взглянул на него благодарно. Мы отошли к углу и снова остановились. Здесь Спит решился:

— Ладно... Я тоже с вами...

Я облегченно улыбнулся и поощрительно похлопал Спита по плечу:

— Молодец... Я знал, что на тебя можно положиться. А теперь слушайте мой план.

Глава пятая

На улице моросило. Прижавшись друг к другу, мы с Нелли стояли в подъезде многоэтажки... Мы привыкли к этому укромному местечку и считали его своим, так что когда кто-нибудь подходил к «нашему дому», мы готовы были гнать его, как непрошеного гостя.

— Скоро июнь, — проговорила Нелли. Голос ее, казалось, плыл в ночной темноте.

— Да, май кончается...

— Дэнни, я знаю тебя всего три недели, а кажется — будто вечность.

Я чувствовал то же самое, мне было хорошо и спокойно рядом с нею. Словно я опять был дома.

— Ты еще любишь меня? — поддразнил я ее.

— Как это «еще»? — недоуменно переспросила она. — Я с ума схожу без тебя. Я люблю тебя, Дэнни! Так люблю, что иногда самой страшно становится.

— Я тоже тебя люблю, — прошептал я, прижимая свои губы к ее губам.

Она обняла меня и вскрикнула:

— Дэнни! Как бы я хотела, чтобы мы могли пожениться!

Мысль эта показалась мне настолько странной, что я не удержался от улыбки. Нелли тут же обиженно отстранилась:

— Ты смеешься надо мной?!

— Нет, милая, нет! Просто я на мгновение представил себе лицо твоего отца, когда бы мы сообщили ему о нашем решении.

Она опять положила голову мне на грудь.

— А кто будет слушать его после того, как мы поженимся?

Я опять поцеловал ее и обнял. Я почувствовал, как она дрожит в моих руках.

— Держи меня крепче, Дэнни! — вскрикнула она задыхаясь. — Крепче, Дэнни, крепче... Я так люблю, когда ты меня обнимаешь, я так люблю твои руки... И пусть говорят, что это грех!

— Грех? — непонимающе спросил я. — Кто говорит, что любить — это грех?

— Я и вправду ничего не боюсь, Дэнни! — Нелли крепко взяла меня за руку... — Даже если отец Келли говорит, что надо бояться. Я готова вынести любую кару Господа, лишь бы ты был со мной!

— Какое дело отцу Келли до нас? — я впервые вспомнил, что у нас разные религии.

— Я не должна была тебе этого говорить, — прошептала Нелли, — но каждую неделю после исповеди он читает мне нотации за тебя.

— Ты ему рассказала о нас? — спросил я изумленно. — И что он сказал тебе?

— Он говорит, что это грех, что я должна немедленно прекратить встречаться с тобой... Говорит, что даже издали любить тебя — это грех, потому что ты даже не католик.

— Ну и что?

— Отец Келли говорит, что ни одна церковь не примет нас, поэтому я должна бросить тебя и найти парня-католика.

— Вот же выродок! — разозлился я. — А что, если он расскажет все твоим предкам?

— Да что ты?! — ее удивление было искренним. — Он никогда не сделает ничего подобного. То, что люди говорят ему, предназначено только Богу. Ты что, не знаешь об этом?

— Нет, — признался я, — я мало что знаю о католиках... Слушай, Нелли, а что отец Келли делает после того, как ты рассказываешь о нас?

— Он говорит, чтобы я молила о прощении и каялась перед Девой Марией... После этого — все в порядке.

— И он не наказывает тебя?

— Дэнни! — озадаченно посмотрела она на меня. — Ты совсем ничего не понимаешь! Отец Келли растолковывает, где ты прав, где не прав, чтобы тебе стало стыдно. Если ты чувствуешь свою вину — значит ты уже наказан.

— И ты чувствуешь себя виноватой? — рассмеялся я.

— Нет, — печально произнесла она. — Я не чувствую за собой никакой вины. Вот это-то и плохо, очень плохо. Я, наверное, никогда не получу прощения...

Самое странное, что она действительно переживала из-за всего этого. Я облегченно рассмеялся:

— Не бери в голову, малыш! Все будет хорошо, все будет правильно, если только мы не будем расставаться друг с другом, если мы будем любить друг друга.

Я наклонился, чтобы поцеловать ее, но вдруг послышались шаги. Мы поспешно отпрянули друг от друга. Мимо прошел, не оглядываясь, мужчина. Я глянул на часы.

— Ничего себе! Уже двенадцатый час. Твой отец сойдет с ума!

— Мне так не хочется уходить, Дэнни, — улыбнулась она. — Я бы так и стояла с тобой всю жизнь!

Мне тоже не хотелось с ней расставаться, но на сегодняшнюю ночь у меня было назначено еще одно дело. Спит и Солли уже ждали меня возле аптеки.

— Надо идти, любимая, мы же еще не поженились!

— Хорошо, милый. До завтрашнего вечера?

— Да, как обычно — в девять.

У дверей своего дома она обернулась и помахала мне рукой. Я тоже прощально поднял руку, но она уже скрылась в темном проеме.

Солли стоял на углу, напротив аптеки.

— Где Спит? — спросил я.

Солли махнул рукой в сторону. Приглядевшись, я увидел в тусклом свете фонаря фигуру Спита. Отсюда очень хорошо было видно, что делается в аптеке. Мистер Гольд опять что-то выговаривал отцу, тот стоял, понуро опустив голову.

— Надеюсь, моему старику не придет в голову провожать его, — бросил я Солли. — А то опять придется все отложить.

Мой отец иногда провожал своего шефа до банка. Из-за этого уже дважды все срывалось.

— Посмотрим, — отозвался Солли.

Я взглянул на него. С ним было все в порядке — как всегда немногословен, глаза пустые. За стеклами витрин мистер Гольд продолжал распекать отца. Папа стоял, смирно слушая, униженно сгорбившись. Он заслужил это. Говорю это с полным основанием. А мистер Гольд... А мистер Гольд не будет много болтать после нашей встречи с ним.

Солли дернул меня за рукав:

— Кажется, он собирается выходить.

Я вытянул шею, чтобы увидеть, что делается внутри аптеки. Гольд подошел к журналу заявок и ткнул в него пальцем. Он что-то опять сердито сказал отцу, который лишь молча кивнул головой. Круто повернувшись, Гольд направился к выходу.

— Ты все запомнил, что я тебе сказал? — спросил я Солли.

— Да, — кивнул Солли.

— Прекрасно, — голос у меня вдруг перехватило. — Давай шланг. — Солли протянул мне кусок шланга с толстой свинцовой прокладкой внутри. Я спрятал его под куртку и медленно перешел на другую сторону улицы. Спит, как и было задумано, тоже двинулся вслед за мной. Мы сделали крюк и теперь шли навстречу мистеру Гольду, за которым следил Солли.

Вот и Хьюстон-стрит. Здесь. Мне на мгновение стало страшно, и я пожалел, что затеял все это. Но тут вспомнилось, как Гольд разговаривал с моим отцом.

— Дальше я сам,— мой голос странно громко прозвучал в темноте.

— Удачи! — усмехнулся Спит.

Я ткнул его под ребра и попытался улыбнуться. Тут же он растворился в ночи, а я затаился в подворотне, откуда улица хорошо просматривалась. Вытащил шланг и несколько раз ударил им по ладони. Руки от волнения вспотели, вытер их о штаны. Эти несколько минут ожидания показались мне вечностью. Чтобы успокоиться, я еще раз проиграл в уме всю операцию. Все было настолько просто, что осечки не должно было быть. Солли должен идти в десятке метров за Гольдом и просматри-

вать улицу впереди, Спит идет навстречу и следит за тем, чтобы не появилось прохожих сзади. В случае малейшей опасности они мне свистнут, и я пропущу Гольда. Все просто, даже слишком просто. Это-то меня и настораживало.

Наконец послышались шаркающие шаги. Это был Спит. Его походку невозможно спутать ни с какой другой. И тут я ощутил необыкновенное спокойствие. Пути назад не было. Я опустил шланг и весь напрягся, готовый ринуться вперед по первому сигналу.

Спит, как и было условлено, поднес руку к щеке. Я сделал несколько быстрых шагов вперед и отчетливо увидел перед собой фигуру Гольда. Мой удар был быстр и точен. Раздался глухой звук, и тут же Спит подхватил падающего Гольда и оттащил его к стене дома, в темноту.

Гольд лежал неподвижно и не подавал признаков жизни. Спит испуганно наклонился над ним и в ужасе прошептал:

— Ты, кажется, убил его!

Сердце мое сжалось и провалилось куда-то. Я опустился на одно колено и сунул руку за пазуху Гольда. Аптекарь был жив. На голове тоже не было ни ссадин, ни крови, мне все удалось отлично, будто я всю жизнь только этим и занимался. Над ухом раздался торопливый голос Солли:

— Кончай с ним нянчиться! Забирай деньги — и смываемся!

Он был прав. Я быстро ощупал карманы Гольда и вытащил мешок с деньгами. Спит что-то снимал с запястья Гольда.

— Что ты делаешь, идиот? — прошипел я.

— Часы... Верных двадцать монет!

Я резко ударил его по руке. Теперь я полностью владел собой.

— Кретин! Оставь сейчас же. Ты хочешь, чтобы первый же легавый указал на тебя пальцем, как только ты наденешь их?

Спит, ворча, поднялся на ноги. Я опять пощупал сердце Гольда. Оно билось ровно.

— О'кей, ребята, смываемся!

Но прежде чем я успел сделать шаг, очнувшийся Гольд схватил меня за лодыжку и завопил:

— На помощь! Полиция! Грабят!

Спит и Солли тут же сорвались с места, а я, остолбенев, смотрел вниз на мистера Гольда, который двумя руками ухватился за мою ногу и истошно кричал, не открывая глаз. Спит и Солли уже заворачивали за угол. Паника охватила меня. Я попытался сделать шаг — и не смог: страх парализовал меня. И тут я увидел, как кто-то выскочил из закусочной Каца и бросился к нам.

Я бешено рванулся и наугад ударил тяжелым ботинком по рукам Гольда. Раздался противный хруст. Аптекарь взвыл от боли, и я освободился. Теперь я бежал, а вслед мне неслись вопли и проклятия. Темный переулок позади меня вдруг ожил голосами спешащих к месту происшествия людей, но я уже был далеко впереди — на Стэнтон-стрит. Бежать дальше было незачем. Неожиданно пришло в голову вернуться. Вернуться и узнать, что там творится. Сделав небольшой круг, я спокойно направился к собравшейся толпе. Протиснувшись между любопытными, я увидел полицейских, склонившихся над сидящим на земле Гольдом, который со стоном нянчил руку.

— Что тут случилось? — спросил я соседа.

— Кого-то опять ограбили, — ответил тот, не поворачивая головы.

Я пробрался поближе к мистеру Гольду. Он что-то жалобно рассказывал полицейскому. Прислушавшись, я с трудом разобрал:

— Откуда я знаю, кто это был... Говорю вам, я потерял сознание... Ну сколько можно повторять одно и то же. Вызовите врача. Подонок сломал мне руку.

Толпа начала понемногу рассасываться. Вместе со всеми я отошел от потерпевшего и направился домой. В своей комнате, снимая штаны, я вспомнил о деньгах. Натянув штаны снова, я отправился в туалет, вспорол мешок перочинным ножом и пересчитал добычу. Это было целое состояние! Сто тридцать пять долларов! Деньги я засунул в карман, а мешок протолкнул в вентиляционный люк, который никогда не чистился. Мешок благополучно прошуршал вниз, и я вернулся в свою комнату, разделся и заснул.

Глава шестая

Меня настойчиво трясли за плечо. Я попытался освободиться из цепких рук. Ну почему полицейские не оставят меня в покое?! Всю ночь они гонялись за мной, а за ними вприпрыжку бегал кругленький мистер Гольд и злорадно визжал: «Ага! Попался!»

— Дэнни, проснись! Да проснись же ты! — несколько раз повторил чей-то голос.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал я, переворачиваясь на другой бок. Сквозь тягучий сон до меня донеслись удаляющиеся шаги, и я снова куда-то провалился.

Я ждал сигнала. Вот Спит подносит руку к щеке, я подбегаю к выходящему из-за угла мистеру Гольду. Поднимаю руку с зажатым в ней тяжелым шлангом. Он медленно опускается на затылок Гольда, и вдруг тот резко оборачивается. На его белом, искаженном от страха лице, зияет черный провал рта:

— А-а, это ты! Я знаю тебя! Ты — Дэнни Фишер!

Мой удар приходится ему прямо в лоб. Кровь заливает его лицо, он медленно падает.

— Нет! Нет! — кричу я, задыхаясь в подушке. Тут мягкая рука опускается мне на плечо, я подпрыгиваю на кровати и вижу перед собой маму.

— Дэнни, что с тобой? — встревоженно спрашивает она. — Ты заболел?

Я вытираю липкий пот со лба и облегченно откидываюсь на подушку. Значит, все это был только сон.

— Все в порядке, мамочка, — говорю я, но озабоченное выражение не сходит с ее лица. Она кладет прохладную руку на мой лоб.

— Поспи еще, сынок, — нежно звучит ее голос. — Ты плакал и кричал всю ночь...

Когда я вновь открыл глаза, на улице вовсю сияло солнце. Я потянулся с наслаждением.

— Ну как? Тебе лучше, светлячок?

Я резко обернулся. Рядом сидела мама.

— Да, мама... Сам не знаю, что со мной было.

Хорошо, что она не пристает ко мне с расспросами.

— Попей чайку, сынок, — протянула она мне стакан.

Спустя некоторое время я вышел на кухню, на часах была половина третьего.

— А где отец? — спросил я.

— Его срочно вызвали в аптеку, — сказала мама, не поворачивая головы. — Что-то случилось с мистером Гольдом.

— А-а, — равнодушно протянул я, открывая входную дверь.

— Куда ты собрался? — встревоженно спросила мама. — Сегодня тебе лучше посидеть дома.

— Меня ждут, — сказал я.

— Увидишься со своими дружками в другой раз, — недовольно проговорила мама. — Подождут, ничего не случится. Пойди и ляг в постель.

— Не могу, мама. Я обещал. И потом, немножко свежего воздуха — мне будет только лучше.

Не ожидая ответа, я хлопнул дверью и быстро сбежал по лестнице.

Спит и Солли уже маячили напротив моего дома. Заскочив за угол, я вручил каждому его долю. Солли быстро, не глядя, засунул деньги в карман, а Спит принялся пересчитывать.

— Всего лишь тридцать монет? — подозрительно протянул он.

Я смерил его холодным взглядом. Нет, все-таки давно пора указать ему его место.

— Скажи спасибо и за это. Всю работу сделал я, а вы наложили в штаны и сбежали!

Лицо Спита вытянулось.

— Я просто думал, Дэнни, что будет больше...

— Так что же ты не остался посчитать? — припер я его к стенке.

— О'кей, Дэнни... Я не в обиде, — пробормотал Спит и сгинул.

— Ты мне тоже хотел что-то сказать? — повернулся я к Солли.

— Нет, Дэнни, — толстая морда Солли расплылась в довольной улыбке, — у нас с тобой нет проблем.

Я улыбнулся ему в ответ и, положив руку на плечо, дружелюбно подтолкнул его:

— Давай, проваливай, чудила, — почти ласково произнес я.

Мы сошли с троллейбуса, и Нелли взяла меня за руку и вопросительно поглядела на меня.

— Куда мы идем?

— Скоро узнаешь, — ответил я, забавляясь ее нетерпением.

Мы виделись каждый день. Вот и сегодня я подождал, когда закроется кафетерий, и объявил, что хочу ей кое-что показать. Пока мы ехали на троллейбусе, меня не раз подмывало рассказать ей, куда мы едем, но каждый раз, когда слова готовы были сорваться с моих губ, странная робость овладевала мною. Я боялся, что она не поймет и начнет смеяться надо мной. Но теперь, когда мы были на месте, отступать было поздно. Нелли с интересом осматривала этот не известный ей район Бруклина. Я указал ей на дом по ту сторону улицы. Некоторое время она напряженно всматривалась в темноту. Потом повернула ко мне недоуменное лицо.

— Ну и что? Это только пустой дом.

Я улыбнулся довольный.

— Да, дом, — подтвердил я. — Красивый, правда?

Она, не понимая, вновь посмотрела туда, куда я указывал.

— Но ведь там никто не живет, — разочарованно проговорила Нелли.

— Да, там никто не живет, — откликнулся я, с любовью глядя на печальные темные окна моего дома. Сейчас я почти позабыл о Нелли. Мне мечталось, что теперь, когда отец получит место мистера Гольда, мы сможем вернуть мой дом.

— Так ты только ради этого тащил меня сюда ночью, Дэнни? — вернула она меня к реальности. — Смотреть на пустой дом?

— Это не просто пустой дом, Нелли. Это мой дом. Здесь прошли лучшие годы моей жизни. Возможно, очень скоро я вернусь сюда.

В ее глазах мелькнуло понимание. Она еще раз быстро взглянула на дом, потом на меня. Она поняла и разделила мою мечту.

— Он очень красив, твой дом, Дэнни.

Я крепко сжал ее руку.

— Отец подарил мне его, когда мне исполнилось восемь, — пояснил я. — В первый же день я пошел гулять и свалился в яму. Там я нашел маленькую собачку. Только ночью отец с полицией вытащил меня оттуда... — Полной грудью вдохнул я свежий сладкий воздух родного дома и продолжил: — Карра погибла в день нашего переезда отсюда. Попала под машину на Стэнтон-стрит. Я похоронил ее здесь, в саду. Это — единственное место, где я был по-настоящему счастлив.

— Это — единственное место, где мы с тобой теперь можем быть счастливы, — сказала Нелли. — Воспоминания детства — как самые сладкие сны. О Дэнни! Я буду рада, если ты вернешься в свой дом!

Я так и думал, что моя любимая поймет меня. Я поднял ее руку и поцеловал ладонь.

— Спасибо тебе, милая. Теперь можно идти.

Я уходил с легким сердцем, я верил, что скоро вернусь сюда. Яркий электрический свет на кухне ослепил меня после ночной уличной тьмы. Мама и отец недовольно рассматривали меня, стоящего в проеме двери.

— О папа, ты сегодня рано, — сказал я, улыбаясь.

— А ты — слишком поздно, — зло отрезал он. — Где ты шляешься?

Я закрыл дверь и недоуменно уставился на отца. Почему-то он вел себя совсем не так, как я ожидал. Наверняка что-то стряслось. Может быть, Гольд узнал меня?

— Да здесь, неподалеку, — неопределенно ответил я, стараясь протянуть время.

Отец потерял самообладание и яростно выкрикнул:

— Неподалеку? Разве это ответ? Твоя мать полночи сходит с ума, гадая, где он, что с ним, а он, видите ли, тут неподалеку... Где ты был? Отвечай!

Я упрямо сжал губы. Точно, что-то случилось.

— Я говорил маме, что со мной все в порядке, — наконец выдавил я из себя.

— Тогда почему ты не пришел к ужину? Мать вся извелась. Может, ты где-нибудь валяешься мертвый на улице, а мы ничего не знаем!

— Извините, — уныло промямлил я. — Я не знал, что вы так беспокоитесь обо мне... Но мне же не пять лет.

— К черту извинения! — еще больше рассвирепел отец. — Отвечай, что у тебя за дела так поздно?

Я равнодушно посмотрел на него сверху вниз. Что-то объяснять ему было вообще бесполезно, а сейчас, когда он никого и ничего не слышал, кроме собственного крика, тем более. Я повернулся и медленно побрел в свою комнату.

Вдруг отец грубо схватил меня за плечо и рывком развернул лицом к себе. В руке у него был широкий кожаный ремень, которым он угрожающе размахивал перед моим носом.

— Ты мне ответишь, гаденыш, — прошипел он сорвавшимся голосом, — где ты шлялся. Ты мне ответишь!

И тут же в воздухе просвистел ремень и обжег всю левую половину лица, из глаз посыпались искры, послышался короткий вскрик матери. Я потряс головой и, не веря, уставился на отца. До этого ни разу в жизни он не прикоснулся ко мне и пальцем.

— С меня хватит! — орал он. — Слышишь, хватит! Твоей заносчивости, твоих смешочков! Я научу тебя уважать своего отца!

Он снова замахнулся ремнем. В любую минуту я мог выхватить ремень у него, а самого скрутить... Обычно обиды я не прощал никому. Но сейчас я почему-то не двинулся, даже не уклонился от удара. Только сцепил зубы от боли.

Мама повисла у него на руке.

— Прекрати, Гарри! Ты убьешь его!

— Так ты скажешь, где ты шлялся?

Мне стало страшно, что отца вот-вот хватит удар.

— Я был в нашем доме, — устало выговорил я.

Рука с ремнем застыла в воздухе.

— В каком еще доме?

— В том, который ты подарил мне.

Отец сник и тяжело опустился в кресло.

— Я думал, что ты займешь место мистера Гольда, и мы сможем вернуть наш дом.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Было слышно лишь тяжелое дыхание отца и тихие всхлипы матери.

— Откуда у тебя эта бредовая идея, — бессильно произнес отец. — Позавчера Гольд сказал мне, что в конце месяца они закрываются. Магазин терпит постоянные убытки... К первому числу я опять останусь без работы.

Я не верил своим ушам. Этого не может быть! Скупые слезы потекли по моим щекам. Теперь мне все стало ясно. И гнев отца, и тревога мамы... На мгновение я почувствовал себя снова маленьким и уткнулся в мамино плечо. Все было напрасно: мечты, преступление... Сколько я еще буду оставаться ребенком? Сколько я, идиот, еще буду смотреть детские сны? Пора мне вернуться на грешную землю и трезво посмотреть на вещи.

Мне никогда не удастся вернуть свой дом, мне никогда не вернуть ушедшее детство.

Глава седьмая

Я без труда ушел от вялого удара правой и резко ударил снизу вверх левой рукой. Она легко пробила оборону уставшего противника, я понял, что он — мой. Следующий мой удар — правой — совпал со звуком гонга.

Я опустил руки и легкой походкой пошел в свой угол. Плюхнулся на свой стул и открыл рот, ловя им струйки воды, которые стекали с губки. Джузеппе Петито заботливо обтирал мне лицо.

— Как дела? — спросил он чуть погодя.

— Все нормально, — уверенно ответил я. — В этом раунде я его достану. Он уже почти сдох.

Джузеппе встряхнул мне руки и помассировал предплечья.

— Береги дыхалку, Дэнни, — предупредил он, промокая полотенцем мои руки и шею. — Будь внимателен, не расслабляйся. У парня страшный удар правой. Я обещал Нелли вернуть тебя в целости и сохранности. Иначе она меня со свету сживет.

Я ласково похлопал его перчаткой по затылку.

— По-моему, на этот раз ты останешься цел.

— Тебе легко смеяться, — скорчил рожу Джузеппе. — Хоть она и твоя девушка, но она еще и моя сестра. Ты все-таки не знаешь ее так хорошо, как я. Она мне уже плешь проела за то, что я вообще втравил тебя в это дело...

— Ладно, как-нибудь перетерпишь... — начал было я, но тут раздался гонг. Я вскочил и, пританцовывая, направился в середину ринга. Мы приветственно притронулись перчатками, и рефери дал команду.

Я свободно кружил вокруг моего противника — крепкого, несколько тяжеловатого парня, завлекая его в атаку. Я даже слегка опустил левую руку, работая вытянутой правой, но парень, получивший несколько ощутимых ударов и даже побывавший в нокдауне во втором раунде, не хотел рисковать. Я отступил и вновь закружил вокруг. Толпа болельщиков начала улюлюкать и топать, требуя настоящего боя. Чего они хотят от нас — дерущихся за десятидолларовые золотые часы? Чтоб мы убили друг друга? Я обеспокоенно оглянулся на свой угол. Каким-то шестым чувством я уловил неожиданный маневр противника и чудом ушел от его сильнейшего удара левой в голову. Перчатка попала мне в плечо, он раскрылся, и я, словно на тренировке, провел апперкот правой в челюсть. Удар пришелся точно в подбородок. Глаза его помутнели, он споткнулся и безуспешно схватился за меня. Толпа восторженно заревела. Я сделал быстрый шаг назад и рубанул его левой в живот. Лишенный опоры, он сначала опустился на колени, а потом рухнул в опилки. Все было кончено. После такой серии еще никто не поднимался. Я повернулся и уверенно пошел в свой угол. Радостный Джузеппе уже был на ринге. Он набросил полотенце мне на плечи и довольно шепнул:

— Поскорее бы тебе исполнилось восемнадцать!

Я засмеялся и поспешил снова в центр ринга, куда меня уже звал рефери. Поднимая мою руку, он заметил:

— На тебя не напасешься часов, Фишер.

Я молча улыбнулся и вернулся к Джузеппе.

Джузеппе просунул голову в раздевалку.

— Ты уже оделся, малыш?

— Завязываю шнурки, Зеп.

— Кончай возиться. Тебя требует сам босс.

Я вышел, и мы отправились по длинному, плохо освещенному коридору в другой конец здания, где был кабинет босса. Из зала еще доносился восторженный рев болельщиков, которые никак не могли успокоиться после боя.

— Чего ему надо от меня, Зеп?

— А черт его знает, — пожал тот плечами. — Может, хочет дать тебе медаль или еще что...

По голосу чувствовалось, что он встревожен.

Наконец мы остановились перед дверью с металлической пластинкой: «Мистер Скопас, председатель клуба».

Джузеппе робко открыл дверь и подтолкнул меня:

— Входи первым, Дэнни. Я потом.

Я с любопытством оглядел кабинет. Сюда допускались только те боксеры, с которыми были заключены контракты. Мелюзга, вроде меня, и к порогу не приближалась. Но ничего особенного здесь не было. Грязно-серые беленые стены, поблекшие фотографии боксеров. За длинным столом сидело несколько мужчин. Они курили сигареты и вполголоса переговаривались. При моем появлении все они, как по команде, повернули головы ко мне. Оглядев меня хорошенько, они, казалось, утратили ко мне всякий интерес. Тогда я обратился к массивному лысому толстяку во главе стола.

— Вы посылали за мной, мистер Скопас?

— Так это ты — Дэнни Фишер?

Я молча кивнул, ожидая, что же будет дальше. Скопас выдавил из себя подобие улыбки.

— Мои ребята рассказывали, что ты неплохо работаешь на ринге и что у тебя целая коллекция часов.

Похоже, пакостей от него можно было не ждать. Я позволил себе улыбнуться.

— Была бы коллекция, если бы часы можно было оставлять себе...

— Он хочет сказать, что отдает все часы своему старику, мистер Скопас, — быстро вставил Зеп и предостерегающе глянул мне в глаза: за столом, кроме мистера Скопаса и его друзей, мог быть и инспектор.

Скопас перевел свой рыбий взгляд на Джузеппе.

— А ты кто такой?

Теперь настала пора вмешаться мне.

— Это мой менеджер, мистер Скопас. Когда-то он дрался под именем Пеппи Петито.

— Как же, помню, — хмыкнул босс, — была этакая балерина со стеклянной челюстью... Так вот ты чем теперь промышляешь, — холодно бросил он Джузеппе, — подрабатываешь на сосунках.

Зеп недовольно засопел.

— Нет, мистер Скопас, я...

Скопас оборвал его:

— Выметайся, Петито. Мне нужно кое о чем поговорить с твоим парнем.

Джузеппе растерянно взглянул сначала на него, потом на меня. Было заметно, как он побледнел. Он переступил с ноги на ногу, потом медленно побрел к двери, опустив свои когда-то мощные плечи. Я решительно остановил его.

— Постой-ка, Зеп, — сказал я и повернулся к Скопасу. — Вы его неправильно поняли, мистер Скопас, — быстро пояснил я. — Зеп — брат моей девушки, поэтому он согласился тренировать меня. Если он уйдет — уйду и я.

Маска на лице Скопаса мгновенно сменилась. Теперь он демонстрировал широкую улыбку.

— Тогда другое дело. С этого и надо было начинать, парень. — Он вытащил сигару и протянул ее Зепу. — Садись, Петито, закуривай. И не обижайся.

Джузеппе с облегчением взял сигару и благодарно улыбнулся мне. Скопас снова надел маску безразличия, но теперь я знал, что все его равнодушие — напускное.

Я в упор посмотрел на Скопаса.

— Вы посылали за мной — зачем?

— О тебе хорошо говорят в клубе, — тянул он, — я хотел сказать тебе об этом.

— Огромное спасибо, — откликнулся я саркастически. — Но, если я не ослышался, минуту назад прозвучало слово «дело»?

На секунду что-то мелькнуло в его глазах и тут же исчезло, взгляд его так и остался пустым. Он продолжал говорить так, будто я и не прерывал его.

— В городской ассоциации постоянно ищут таланты... Я там упомянул о тебе. Они посмотрели твои последние бои, ты им понравился... — Он сделал многозначительную паузу, достал свежую сигару и пожевал ее. — Мы думаем, что ты слишком хорош для такой мелочевки. Ты перерос, и тебе надо кончать драться за часы.

Он чиркнул спичкой и принялся раскуривать сигару. Я дождался, когда спичка потухнет, и сказал:

— И ради чего я буду драться теперь?

Ради «кого» — мне было абсолютно ясно.

— Ради славы, сынок, — произнес Скопас, — только ради славы. Мы решили, что ты выступишь на чемпионате страны, потом у тебя будет настоящая репутация.

— Великолепно! — улыбнулся я. — Но как насчет денег? Сейчас я имею хотя бы десять монет.

Скопас улыбнулся мне в ответ, но глаза его так и остались холодными.

— Мы не карманники, сынок. Ты будешь иметь сотню в месяц, пока тебе не исполнится восемнадцать. Потом переведем тебя в профессионалы и заключим контракт с приличным годовым окладом.

— Не густо, мистер Скопас. Я и сейчас имею не меньше десятка часов, — горячо возразил я.

Джузеппе предостерегающе дернул меня за рукав, но мне было не до того.

— А что, если я не соглашусь?

— Тогда не получишь ничего, — пожал плечами Скопас. — Но по-моему ты парень с головой... Кроме того, у нас есть среди кого выбирать при переходе в профессионалы...

Я хмыкнул, внутренний голос говорил мне, что надо идти до конца.

— Вы слишком самоуверенны, мистер Скопас. Кто вообще вам сказал, что я хочу заниматься боксом?

Взгляд Скопаса был полон знания:

— Тебе нужны деньги, сынок, вот почему ты пойдешь драться. Вот почему ты уже пошел драться.

Он был прав. Мне нужны деньги. Папа все еще сидел без работы, и бокс был единственным способом добыть денег, не выходя со шлангом на улицу ночью. Мой опыт с мистером Гольдом подсказывал мне, что я не гожусь для этого дела. Я был не прочь время от времени

сшибить десятку-другую боксом, но сделать это своей профессией — мне просто не хватало мужества. Это было не по мне. Я повернулся к Зепу:

— Пойдем, не будем терять времени.

У дверей я остановился и раскланялся со Скопасом:

— Всего доброго, мистер Скопас. Извините, если что не так. Рад был с вами познакомиться.

Я рывком отворил дверь, когда человек, стоявший у стены, попытался остановить меня. Я отбросил его руку, не поднимая головы. И вдруг знакомый голос донесся до меня:

— Привет, малыш! Куда ты так спешишь, что не хочешь поздороваться со старым знакомым?

Я изумленно взглянул в широкое, открытое лицо мужчины, преградившего мне путь, и радостно протянул руку. «Сэм! Сэм Готкинс! Как же я сразу не догадался?!» — пронеслось в моей голове.

За спиной виновато пробормотал мистер Скопас:

— Парень не соглашается с нашими условиями, мистер Готкинс.

— В чем дело, Дэнни?

Не раздумывая больше, я обернулся к Скопасу:

— Если вы не передумали, мистер Скопас, то можете сообщить членам городской ассоциации, что я согласен.

— Пойдем, Дэнни, — спустя несколько минут сказал Сэм. — Тебе надо поесть.

— Сейчас, еще не все...

Я подошел к столу. С приходом Сэма напряжение в комнате спало. И Скопас, и его компания понимали, что если большие боссы из городской ассоциации положили на меня глаз, то значит, я стою этого.

— Мистер Скопас, — улыбнулся я как можно шире, — извините меня за несдержанность. Спасибо вам за все.

— Все в порядке, сынок, — пробурчал он.

Я протянул ему руку:

— Только не забудьте о моих часах!

Скопас громко рассмеялся и подмигнул членам совета:

— Мне этот парень положительно нравится, — заявил он. — Он далеко пойдет... Эх, было бы у меня тысяч пять, я сам бы взял его.

Надо полагать, что у меня отвисла челюсть, так как все рассмеялись. Я посмотрел на Сэма, он утвердительно кивнул. Видно, дела у него шли нормально, если он мог выложить за меня пять кусков. Скопас вытащил из кармана две десятидолларовые бумажки и вложил мне в руку:

— У меня кончились часы, сынок. На этот раз обойдемся без посредника.

Я небрежно засунул деньги в карман.

— Думаю, обойдемся, мистер Скопас. До свидания. Ну что, пойдем, босс, — улыбнулся я Сэму.

Я с сожалением посмотрел на стоящую передо мной тарелку. Единственный недостаток жаркого по-румынски, которое подавали у Глюкштерна, заключался в том, что редко кому удавалось доесть порцию до конца.

— Я сейчас лопну, — признался я. — А как ты, Джузеппе?

Зеп улыбнулся одними глазами, так как рот его был занят. Сэм тоже закончил есть, хотя на его тарелке оставалась добрая треть.

— Слушай, Дэнни, — спросил Сэм, — почему ты не ответил на мое письмо в прошлом году?

— Потому что я его не получал, — пожал я плечами.

— Я разыскивал тебя, малыш. Я даже приходил к вам домой, но никто не знал вашего нового адреса. — Он закурил сигарету и добавил: — У меня была для тебя работенка...

— Прошлым летом?

Он кивнул.

— Я бы все равно не смог поехать. Мой отец был в трансе. Ты же знаешь, почему мы переехали. — Я вытащил сигарету из пачки Сэма. — Как тебе удалось найти меня? Я слышал, ты был во Флориде?

— Да, мне там пришлось поработать. Неплохо поработать, я скажу... Но я никогда не забывал о тебе, Дэнни Фишер. Я дал себе слово сделать из тебя чемпиона. Я знал, что рано или поздно мы встретимся. Парень,

который дерется так хорошо, как ты, не может долго оставаться в тени. — Он протянул руку через стол и вытащил у меня изо рта сигарету. — Те, кто работают у меня, — не курят.

— Мне всегда нравилось работать с тобой, Сэм, — признался я, глядя на то, как он своими толстыми пальцами давит сигарету. — Но я еще не решил, хочу ли я быть профессиональным боксером.

— Тогда зачем весь этот цирк с часами?

— Мне нужны были деньги, Джузеппе подсказал, где я их могу заработать. Сорок долларов в неделю за бой в три раунда — не так уж и плохо. Но стать профессионалом? В любом случае, мне сначала надо кончить школу.

— А потом что? — жестко спросил Сэм. — Так и будешь гоняться за дешевыми призами? Или пойдешь грабить?

Я невольно покраснел.

— Честно говоря, я об этом не думал, Сэм.

Он улыбнулся:

— Вижу, что не думал. Так вот, запомни. С сегодняшнего дня за тебя буду думать я.

Глава восьмая

Я посмотрел в зеркало — кроме небольшого синяка на скуле ничто не говорило о вчерашнем бое. Пока мне определенно везло. Тщательно причесавшись, я вышел из ванной. На кухне слышалось ворчание отца.

— С добрым утром, — улыбнулся я.

Отец замолчал на полуслове, словно поперхнулся, оглядел меня, но ничего не ответил на мое приветствие.

— Садись Дэнни, — поспешно сказала мама, — завтракай.

Я опустился на стул. Отец продолжал все так же молча наблюдать за мной. Каждый новый день прибавлял морщин на его лице. В усталых глазах навсегда поселилось отчаяние, оно исчезало только тогда, когда он выходил из себя. Это происходило все чаще и чаще... Я небрежно достал из кармана десять долларов и положил их на стол.

— Вчера вечером удалось немного подзаработать, — пояснил я.

Отец перевел взгляд на деньги, потом снова на меня. Было видно, что он снова заводится. Я склонился над тарелкой и принялся за овсянку.

— Откуда эти деньги? — начал отец. — Ты опять дрался?

Я кивнул, не поднимая глаз от тарелки.

— Дэнни, неужели нет другого способа заработать? — спросила мама.

— Нет, мама, — отрезал я. — Мне надоело быть мальчиком на побегушках за два доллара в день.

— Но мы же просили тебя, сынок, — слабо протестовала мама. — Тебя же могут покалечить. Уж обошлись бы как-нибудь...

Отец все еще сдерживался.

— Но как, мама? Теперь приличной работы днем с огнем не сыщешь... Не получать же подачки от благотворительного общества?!

— Уж лучше это, чем видеть тебя калекой, — твердо выговорила мама.

— Мамуль, ты зря волнуешься, я ведь очень осторожен. Посмотри, я провел уже тридцать боев, а мне поставили всего один синяк под глазом, к тому же через день он прошел...

Логика была на моей стороне, и поэтому мама беспомощно повернулась к отцу. Его лицо побледнело, губы мелко дрожали. Однако говорил он спокойно и уверенно:

— Это все его девчонка. Она заставляет Дэнни драться. Ей наплевать, покалечат его или убьют, лишь бы деньги шли.

— Папа, что ты говоришь?! — возразил я. — Она хочет этого не больше, чем вы. Но она понимает, что сейчас бокс — единственный честный способ заработать деньги.

Но отец уже ничего не слышал.

— Макаронная шлюха, — отчетливо выговорил он, глядя мне прямо в глаза. — И сколько ты ей платишь за ночь на чердаке? Еврейские девушки плохи для тебя? Ну понятно! А все потому, что они-то уж не позволяют себе того, что позволяет она. Они не опустятся до того,

чтобы заставлять своего парня калечить других ради собственного удовольствия. Так скажи, сколько ты платишь ей за то, что она бесплатно дает своим итальяшкам?

Гнев в моей душе уступил место ненависти. Теперь мне приходилось сдерживать себя. Перед моими глазами промелькнуло лицо Нелли — такое, какое было у нее, когда я впервые сказал ей, что дерусь на ринге. Сжав кулаки, я с трудом выдавил из себя:

— Никогда больше не говори так, отец. Во всяком случае — в моем присутствии. Нелли — порядочная девушка, не хуже любой еврейской. Никогда не смей срывать на ней зло за собственные неудачи. Это не ее вина, что мы оказались здесь. Вини только себя.

С минуту мы с ненавистью смотрели друг другу в глаза. Отец первым не выдержал моего взгляда. Он опустил глаза и поднес к губам чашку с кофе.

Мама успокаивающе положила мне руку на плечо.

— Садись, сынок, доешь овсянку. А то она совсем уже остыла.

Я медленно опустился на стул. Есть мне не хотелось. В душе — пусто, тело — наполнено усталостью, как после тяжелого боя, глаза щипало, будто сыпанули песку. Машинально допил я свой кофе.

Глава девятая

Я вышел из темного парадного и зажмурился от яркого весеннего солнца. Теплый ветерок приятно обдувал мне лицо. Я чувствовал себя отлично. Вот уже четыре месяца, как я работаю с Сэмом, и все эти четыре месяца удача мне не изменяет. Были выиграны отборочные бои чемпионата страны среди любителей. Для того, чтобы попасть в финал, мне оставалось одержать еще одну победу. Трудно, конечно, но в успехе я не сомневался.

Полной грудью вдыхал я свежий весенний воздух. Верхняя пуговица рубашки давила, я расстегнул ее. Последнее время все воротнички мне были малы. Эх, если бы только убедить отца, что бокс для меня — это лишь способ добывать деньги... Но он не желает этого призна-

вать и все сваливает на Нелли, все боксеры для него — ублюдки. Я старался не встречаться с ним, но когда это не удавалось, как сегодня утром, он не упускал возможности поскандалить.

Когда я выходил из дома, отец читал газету.

— Я сегодня задержусь, мама, — сказал я.

— Еще один бой? — встревоженно откликнулась она.

— Да, полуфинал, в большом зале «Гроув» в Бруклине, — с гордостью ответил я. — Потом финал в «Гарден-Холле» и — перерыв до следующего года.

— Обещай, что будешь осторожен, — попросила она.

— Не беспокойся, мама, все будет нормально.

Отец оторвал глаза от газеты и заговорил с матерью так, будто меня не было в комнате:

— Не беспокойся, Мэри. Ни черта с ним не случится. Ты только послушай, что о нем пишут газеты: «Дэнни Фишер — новая знаменитость Ист-Сайда с зарядом динамита в каждом кулаке — собирается подняться еще на одну ступеньку в чемпионате. Сегодня он встречается в полуфинале с Джо Пассо. Фишер, которого за четырнадцать нокаутов в предварительных боях прозвали „Молотилка со Стентон-стрит", находится в центре внимания всего спортивного мира. Ходят упорные слухи о том, что он по достижении совершеннолетия собирается перейти в профессионалы...» Или вот еще, мать, слушай, нет, ты только послушай! «Спокойный, немногословный, белокурый парень, Дэнни Фишер на ринге превращается в холодного безжалостного убийцу, который обрушивается на своего противника, как кузнечный молот. Автор этих строк считает, что Фишер, несомненно, является подлинным открытием сезона. Болельщики, которые соберутся сегодня в „Гроув", не будут разочарованы. Если Фишер всерьез принимается за своего соперника, то его, как правило, вскоре уносят на капитальный ремонт».

Отец с отвращением отшвырнул газету и посмотрел на маму:

— Прекрасные слова, характеризующие твоего сына. «Убийца, громила, костолом...» Да, мы можем гордиться нашим детищем.

Расстроенная мама перевела взгляд на меня.

— Дэнни, неужели это правда, что о тебе пишут?

— Нет, мама, — попытался я успокоить ее, — это ведь все репортерские штучки. Газета является спонсором чемпионата. Вот они и распинаются, чтобы привлечь побольше публики.

— Все равно, сынок, будь, пожалуйста, поосторожней.

Отец презрительно фыркнул.

— Да чего ты, мать, боишься? Ничего с ним не случится... — Он обернулся ко мне, и я услышал первые за все утро слова, обращенные ко мне: — Катись отсюда, молотилка, за доллар ты готов убить кого угодно!

На этот раз он достал меня:

— Да, отец, за доллар я готов на все, что угодно, лишь бы ты мог сидеть здесь и греть задницу, живя на мои «кровавые» деньги! — С этими словами я хлопнул дверью и выскочил на улицу.

Когда я повернул за угол, меня окликнул Спит.

— Салют, Дэнни! На минутку...

— Не могу, Спит. Опаздываю, — бросил я, не останавливаясь.

Спит догнал меня и возбужденно схватил за руку.

— Дэнни, мой босс хочет поговорить с тобой.

— Кто? Филдс? — удивился я.

— Да-да, мистер Филдс, — скороговоркой выпалил Спит, почему-то оглядываясь по сторонам. — Я сказал ему, что знаю тебя, и он попросил привести тебя к нему.

Спит многозначительно кивнул на строгую вывеску на двери соседнего дома, где золотом было выведено: «Платежное агентство Филдса».

— Ну, хорошо, — согласился я без особого энтузиазма.

Филдс был большим человеком в округе, и отмахиваться от его приглашения было бы неразумно. Занимаясь игорным бизнесом и спекуляциями на бирже, участвуя в политических интригах, он мог испортить жизнь любому. Я помнил, с какой завистью парни из нашей компании восприняли известие о том, что дядя Спита, работавший у Филдса, уговорил своего патрона взять нашего мокрогубого к себе в качестве рассыльного. Спит гордо показал нам свидетельство о приеме на работу в фирме Филдса и заявил, что уходит из школы. Он хвастался, что, как и мистер Филдс, со временем станет большим человеком, пока мы тут копаемся в

дерьме. Потом он исчез, но, встретив его, я бы не сказал, что он процветает. Был он все в тех же потрепанных джинсах, засаленной рубашке и грязных стоптанных туфлях на босу ногу.

Спит провел меня в контору, мы прошли небольшой зал, по периметру которого располагались небольшие зарешеченные окошки, как в банке. У задней стены, перед дверью, сидел вышибала, который даже не оторвался от «Плейбоя», когда мы прошли мимо в комнату. Здесь обычно делались ставки, работал тотализатор. И сейчас несколько мужчин что-то записывали мелом на большой черной доске. Они, как и вышибала, не обратили на нас внимания. Спит провел меня по лестнице на второй этаж, почтительно остановился перед дверью, на которой была надпись «Управляющий». На робкий стук из-за двери раздался рык:

— Входите!

Мы вошли, и я буквально застыл на пороге от изумления. Да, я был наслышан о великолепии кабинета мистера Филдса, но, честно говоря, не верил. Теперь-то я понял, что это был не треп. Комната была прямо из фильмов о той, другой жизни, — в нашем бедном районе она была явно не к месту.

К нам не спеша направился здоровяк с лицом цвета жженого кирпича, обладатель необъятного живота и в таких громадных туфлях, каких я никогда прежде не видывал. Одного взгляда было достаточно, чтобы с уверенностью сказать, это — Макси Филдс. На меня он даже не взглянул.

— Кажется, тебе, Спит, было сказано: меня не беспокоить! — сердито проворчал он.

— Но, мистер Филдс, — испуганно пролепетал Спит, — вы приказали мне привести к вам Дэнни Фишера... как только я увижу его. Вот он. — Недовольство Филдса исчезло так же быстро, как и появилось.

— Так это ты — Дэнни Фишер?

Я кивнул.

— Меня зовут Макси Филдс, — протянул он мне руку.

У него было обволакивающе-теплое рукопожатие, слишком теплое. Чем-то он мне сразу не понравился.

— Ладно, Спит, свободен, — кивнул он моему провожатому.

Спит моментально исчез.

— Давно хотел с тобой познакомиться, Дэнни Фишер. Я много слышал о тебе, особенно в последнее время. — Он тяжело опустился в широкое мягкое кресло. — Может, выпьешь?

— Нет, спасибо, — отказался я, а сам подумал: «Может быть, он не такой уж плохой мужик?» — У меня сегодня встреча, — добавил я вслух.

— Да-да, я видел тебя на ринге на прошлой неделе. Ты здорово работаешь, парень. Сэму повезло...

— Вы его знаете? — удивился я.

— Я знаю все, малыш, — с улыбкой ответил он. — Ничего не происходит без моего ведома. Для Макси Филдса не существует секретов, запомни это! — Филдс сделал широкий жест рукой. — Садись, Дэнни. Мне надо с тобой поговорить...

— Извините, мистер Филдс, мне надо бежать, я опаздываю на тренировку.

— Я тебе сказал, садись, — раздельно проговорил он.

Я послушно сел. Он рассматривал меня некоторое время, потом повернул голову и крикнул куда-то в пространство:

— Ронни! Принеси что-нибудь выпить! — и, переведя взгляд на меня, снова спросил: — Так ты действительно не хочешь ничего выпить?

Я решительно помотал головой и улыбнулся. Мне почему-то не хотелось злить его. В это время в комнату внесла поднос молодая, поразительно красивая женщина. Как и все здесь, кроме меня, разумеется, она принадлежала к другому, высшему, недоступному миру. Она подошла к Филдсу, и тот сгреб с подноса высокий стакан с виски. Пока он расправлялся с ним, она с любопытством глянула на меня. Я же не мог отвести от нее глаз. Филдс заметил это и рассмеялся. Он похлопал ее по бедру, как цыган лошадь.

— Ладно, Ронни, можешь идти, — проговорил он сквозь смех. — Ты отвлекаешь этого молодого человека, а мне нужно с ним кое о чем поговорить.

Она послушно повернулась и молча вышла из комнаты. Я чувствовал, что краснею, но не мог не прово-

дить ее взглядом. Когда дверь за ней закрылась, я встретил понимающую улыбку Филдса.

— У тебя неплохой вкус, малыш, но тебе еще придется поработать, чтобы позволить себе таких девок. Эта, например, стоит двадцать долларов в час.

— И даже если они только подносят выпивку? — наивно спросил я.

От его смеха, казалось, затряслись стены и качнулась богатая люстра над моей головой.

— А ты шутник, Дэнни, — выдавил он между приступами смеха, — ты мне положительно нравишься.

— Спасибо, мистер Филдс.

Вдруг он разом согнал с лица улыбку и спросил серьезно:

— Так ты выиграешь сегодня, малыш?

— Надеюсь, мистер Филдс, — осторожно ответил я, не зная, к чему он клонит.

— Я думаю, ты выиграешь, — так считают многие. Есть мнение, что ты станешь чемпионом.

Я улыбнулся, польщенный. Пусть отец меня ни в грош не ставит. Есть люди, которые думают иначе.

— Если на тебя поставят — то не будут в проигрыше. Мои ребята сообщили мне, — продолжил Филдс, сделав вид, что не заметил моего удивления, — что на тебя уже поставили более четырех тысяч. Я, например, не могу себе позволить потерять такие деньги. Но теперь, когда я познакомился с тобой, я вижу, что выбор сделан правильный — мои клиенты не будут в убытке.

— Вот уж не думал, что ставки делаются даже на таких новичков, как я, — признался я.

— Мы принимаем ставки на все. Это наш бизнес. Здесь не бывает ни слишком малых дел, ни слишком больших. Либо есть прибыль, либо ее нет... Вот такие вот дела, Дэнни. Со временем ты обо всем узнаешь, — с этими словами он хлопнул меня по колену своей лапищей и снова крикнул: — Ронни! Дай-ка еще стаканчик! Что-то мне сегодня жарко.

Через минуту снова вошла она. Поднос уже был на столике, и девушка повернулась, чтобы уйти, когда Филдс повелительно бросил:

— Задержись, детка.

Она вопросительно посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Ну как, она тебе нравится, малыш? — подмигнул мне Филдс.

Я лишь покраснел еще больше.

— Я вижу, можешь не говорить, — махнул он рукой. — Значит, договорились, сегодня ты выигрываешь полуфинал и после боя приходишь ко мне. А об остальном я позабочусь. Идет?

От неожиданного предложения я окончательно растерялся. Конечно, раньше я не видел в этом ничего предосудительного, но теперь у меня была Нелли, и это многое меняло.

Филдс внимательно наблюдал за борьбой чувств на моем лице.

— Ну, смелее, малыш. Тут раздумывать не о чем!

— Благодарю вас, мистер Филдс, — наконец обрел я дар речи. — Но у меня есть девушка... Кроме того, я тренируюсь и...

— Ну-ну, от этого еще никто не умирал. А что до твоей девушки, то заверяю, ей много еще чего достанется. Ронни, разденься! — неожиданно приказал он.

— Но, Макси! — воскликнула она.

— Ронни, ты слышала, что я сказал?!

Девушка безразлично пожала плечами, закинула руку и расстегнула молнию, платье упало к ее ногам. Филдс поднялся и подошел к ней.

— Посмотри на нее хорошенько, малыш. Ну, что ты скажешь, хороша?

Все это было мне противно, я вскочил и поспешил к двери.

— Нет, спасибо, мистер Филдс, — сказал я уже на пороге, — вы же знаете Сэма, он не терпит, когда опаздывают на тренировки.

Филдс осклабился.

— Ну хорошо. Не хочешь — не надо. Но если передумаешь, то знай, что мое предложение остается в силе.

— Спасибо, мистер Филдс.

Я взглянул на девушку, стоявшую посреди комнаты, словно манекен. Мне ее стало жаль. Конечно, двадцать долларов в час — большие деньги, но гордость — дороже. Я неловко улыбнулся ей:

— До свидания, мисс.

Вдруг она покраснела и отвернулась к окну.

— До свидания, мистер Филдс, — сказал я, выходя, но могущественный хозяин тотализатора ничего не ответил.

Я быстро сбежал вниз по лестнице. Сейчас даже грязные улицы квартала казались мне чище, чем великолепный кабинет с коврами и кондиционером.

Глава десятая

С трудом переставляя ноги, я дотащился до своего угла ринга и тяжело опустился на стул. Казалось, все мое тело превратилось в сплошной синяк. Я устало наклонился вперед, хватая раскрытым ртом воздух.

Зеп проворно опустился передо мной на одно колено и приложил мокрое прохладное полотенце к моему лбу. Мистер Спритцер усиленно массировал мне плечи, каждое движение его рук приносило облегчение.

— Все в порядке, малыш? — спросил неуверенно Зеп, заглядывая мне в лицо.

Я кивнул, скривясь от боли. Мне не хотелось говорить. Нужно восстановить сбитое дыхание. Все получилось не так, как я себе представлял. Ведь все говорили, что это будет легкая победа, что я уложу его во втором раунде. Но сейчас пойдет уже третий, а мне не удалось нанести своему сопернику ни одного ощутимого удара.

— С ним все в порядке, мистер Спритцер? — в голосе Зепа звучала тревога. Ответ тренера был сух и четок. Он медленно дошел до моего сознания:

— С ним все в порядке. Просто парень начитался хвалебных статей...

Самое обидное, что он был прав. Я был слишком самоуверен, я поверил во все, что обо мне писали газеты. Пассо, сидевший в противоположном углу ринга, дышал легко и ровно, блики электрических ламп поблескивали на его темной коже.

Раздался гонг, я вскочил на ноги. Знание моей ошибки придало мне сил. Я уже был на середине ринга, а Пассо еще шел не спеша, на лице его была все та же полуулыбка, с которой он начал бой. Мне хорошо была известная такая гримаса — у меня у самого она появ-

лялась, когда я был уверен в исходе боя. Но сегодня удача изменила мне! В слепой ярости я сильно ударил правой и тут же ощутил страшную боль в боку. Я промахнулся, а Пассо нанес мне точный удар левой по почкам. Я инстинктивно опустил руки, защищая корпус, и тут же получил сокрушительный удар в челюсть.

Темные круги расплылись перед моими глазами, словно я слишком долго смотрел на солнце. Я помотал головой, пытаясь избавиться от них, и тут же до меня, словно издалека донеслось: «Пять!» Я повернул голову в сторону, откуда слышался этот неприятный звук. Рука рефери поднялась, и он выкрикнул: «Шесть!» Что я тут делаю, на четвереньках? Я же не упал? И тут я понял, что произошло. Мне отсчитывают нокаут! Этого не может быть! Я неловко поднялся с колен.

Судья ощупал мои перчатки и вытер их, внимательно заглядывая мне в глаза. Теперь они болели не за меня, а за Пассо. Они требовали, чтобы Пассо добил меня. Пытаясь получить хотя бы секундную передышку, я вошел в ближний бой и начал вязать руки противника. Рефери разнял нас и вновь скомандовал начинать.

Я вновь ощутил острую боль сначала в правом боку, потом — в левом. Темное, лоснящееся от пота лицо Пассо прыгало у меня перед глазами. Он победно улыбался и, послушный воле многотысячной толпы, спокойно приканчивал меня. Я ушел в глухую защиту, но он то и дело доставал меня, разрывая, как мне казалось, внутренности, ломая ребра. Мельком я бросил взгляд в свой угол, но сейчас никто не мог мне помочь, запомнились только испуганно раскрытые глаза Зепа.

Снова передо мною маячил Пассо. Теперь он был совершенно уверен и совсем забыл о защите. Вот он размахнулся. Да, этого удара я не выдержу! Вдруг меня охватил ужас: он же меня убьет! Надо как-то остановить этот смертоносный черный кулак. Собрав все силы, я резко ударил противника в незащищенную челюсть.

И вдруг Пассо стал падать. Я сделал к нему неуверенный шаг, но рефери тут же подтолкнул меня в мой угол. Слезы катились по моему лицу, и я не мог их удержать.. Все, надо выбираться из этой мясорубки. Больше я не выдержу ни минуты...

Ко мне сквозь канаты протиснулось улыбающееся лицо Зепа. «Чего он улыбается? — с недоумением посмотрел я на него. — Ведь все кончено. Я проиграл!» Но особого сожаления я не испытывал. Хорошо, что больше не надо драться, что больше меня не будут бить... А на остальное — наплевать.

Я лежал ничком на кушетке, уткнув голову в вытянутые руки. С каждым движением Спритцера боль уходила из меня, уступая место приятной усталости. Шевелиться не хотелось. Со стуком Зеп поставил на полку флакон с жидкостью для растирания и спросил:

— Он отойдет, мистер Спритцер? Серьезных повреждений нет?

Спритцер прошелся по позвоночнику и выпрямился:

— За день отойдет. Он молод, силен, у него есть характер.

Я не двигался. По крайней мере хоть этот не злится на меня, за мое поражение.

— С ним все в порядке? — послышался встревоженный голос Сэма.

— Нормально, Сэм, — ровным голосом ответил тренер. — Не волнуйся.

— Но тогда в чем дело? — недовольно спросил Сэм. — Сегодня он выглядел мерзко. Пропустить столько ударов!

— Не бери в голову, Сэм, — голос Спритцера звучал спокойно. — Малыш поверил в то, что о нем пишут. Он решил, что только посмотрит на Пассо — и все будет закончено.

— Но ты должен был предусмотреть это!

— Есть вещи, которые даже я не в состоянии сделать... Но это все ему даже на пользу, хорошо, когда вовремя щелкнут по носу.

— Да уж!

Сэм подошел ко мне и взъерошил мои волосы. Не открывая глаз, я вздохнул с облегчением: кажется, он на меня тоже не сердился. Вдруг я услышал:

— Нет, а каков был завершающий удар?! Это же смертельный номер!

— Это точно, — сурово проговорил Спритцер, — у парня в двух местах сломана челюсть.

Я быстро сел. Они уставились на меня, не понимая причины столь быстрого моего воскрешения.

— Так значит, я... я победил?

— Да, малыш, ты победил, — улыбнулся Сэм.

Я снова опустился на кушетку. Во мне не было никакой радости. Только слова отца крутились в моем сознании: «Иди, убийца, за доллар ты готов угробить всех своих друзей».

Мы стояли на углу Деланси и Клинтон-стрит. Было десять минут первого. Витрины магазинов были ярко освещены, на улицах было еще много праздного народа.

— Ну, сам-то доберешься до дома? — спросил Зеп.

— А как же? — рассмеялся я. Боль почти совсем отпустила меня, только слегка ныли спина и бока. — Не будь слишком заботливой мамашей, Зеп!

Мы рассмеялись, пожали друг другу руки, и я пошел вниз по Клинтон-стрит. Когда я подошел к дому, от стены отделилась тень, это был Спит.

— Дэнни!

— Чего тебе? — спросил я нетерпеливо. Больше всего мне сейчас хотелось лечь в постель.

— Тебя хочет видеть мистер Филдс.

— Передай ему, что я сегодня не могу, — недовольно ответил я, отодвигая Спита в сторону. — Как-нибудь в другой раз.

Спит поймал меня за рукав.

— Советую пойти, Дэнни. Филдс не из тех, кого можно так просто послать подальше. Он может любому устроить веселую жизнь... — Спит нервно моргал и облизывал губы, — как всегда, когда был сильно возбужден. — Пойдем, старик. Советую тебе как другу.

Пожалуй, Спит прав. От них можно ожидать все, что угодно.

— Ладно, пойдем.

У дверей конторы Филдса Спит вытащил ключ и отомкнул замок. Мы прошли в просторный холл, здесь он остановился и протянул мне другой ключ.

— Иди наверх, ты знаешь дверь, — прошептал Спит.

— А ты что, остаешься?

— Меня не приглашали, — криво усмехнулся он, — я ведь не чемпион... Не звони, открой дверь и входи. — Он сунул ключ мне в ладонь и исчез в темноте.

Делать было нечего, и я начал медленно подниматься по лестнице. Ключ плавно повернулся в замке, и дверь бесшумно открылась. Комната была пуста.

— Мистер Филдс, — позвал я. — Это я, Дэнни Фишер. Вы хотели видеть меня?

В комнату тихо вошла уже знакомая мне девушка.

— Закрой дверь, Дэнни, — спокойно сказала она, — а то перебудишь всю округу.

Я послушно закрыл дверь и уставился на нее.

— А где мистер Филдс? Спит передал мне, что мистер Филдс желает меня видеть...

— И только поэтому ты пришел? — спросила она насмешливо.

Только тут я вспомнил приглашение Филдса и почувствовал, что снова, как и в тот раз, краснею.

— Да, поэтому, — пробормотал я. — Где он? Я очень устал...

— Надо же, — протянула она, — ты говоришь так, что тебе даже можно поверить...

— Я говорю то, что думаю, — холодно прервал ее я. — Проводи меня к нему и поскорее покончим с этим.

— Хорошо. Пойдем со мной.

Она провела меня через маленькую кухню, мимо открытой двери ванной комнаты, и мы вошли в спальню. Она щелкнула выключателем и кивком указала на широкую кровать.

— Вот он, великий и ужасный Макси Филдс во всей своей красе. — В голосе ее слышалась ненависть.

На кровати, развалясь, лежал Филдс. Рубашка была расстегнута. Жирная грудь и живот, покрытые густой черной шерстью, тяжело поднимались. Одна рука закрывала глаза. В спальне стоял запах перегара.

— Он .что, вырубился? — вопросительно взглянул я на девушку.

— Пьян, как свинья!

Я попятился из комнаты и протянул ей ключ.

— Передай ему... Скажи, что у меня не было времени ждать. Я зайду как-нибудь в другой раз.

Я повернулся, чтобы уйти, но она испуганно схватила меня за руку:

— Подожди! Не уходи. Он приказал, чтобы я задержала тебя до тех пор, пока он не проснется.

— Еще чего! — взорвался я. — Он будет спать до утра. Я не могу ждать.

— Ты прав, — умоляюще посмотрела она на меня. — Но посиди хоть немного, для видимости... Если ты уйдешь прямо сейчас, мне будет плохо, когда он узнает, что я даже не пыталась удержать тебя.

— Откуда он узнает?

— Узнает... — уверенно сказала она и подошла к окну. — Вон, посмотри.

У магазина на другой стороне улицы была заметна какая-то тень, зажглась спичка. Проходящая машина осветила фигуру. Я узнал Спита.

— Завтра же он доложит, как долго ты оставался со мной.

— Слушай, Ронни, ведь это твои проблемы... — начал было я, но увидев, что она и вправду боится, сжалился. — Ну ладно, давай посидим немного.

— Спасибо, Дэнни, — с облегчением сказала она, выпуская мою руку.

Я опустился на мягкий диван и устало откинулся на подушки.

— Господи, как я устал! — прошептал я, закрывая глаза.

— Я знаю, Дэнни, — мягко произнесла она, — я видела бой. Может быть, сварить тебе кофе?

— Ты видела бой? — удивился я.

— Да. Макси брал меня с собой.

У меня снова разнылась спина, и, сморщившись, я устроился поудобнее.

— Не знаешь, зачем я ему понадобился?

— Ты устал, — сказала она вместо того, чтобы ответить. — Может быть, ляжешь?

Это была неплохая идея. Я с удовольствием растянулся на диване. Он был даже мягче, чем моя кровать. Жизнь прекрасна, когда есть чем за нее платить. Ронни выключила верхний свет. Теперь горел только торшер в углу. Она села напротив меня в кресло и поднесла к губам бокал.

— Ты не ответила на мой вопрос, — заметил я.

— Я ничего не могу ответить тебе — мне просто-напросто ничего не известно.

— Неужели он ничего не говорил? — я попытался подпереть голову рукой, но сделал неловкое движение и застонал от боли.

Она опустилась на колени у дивана и мягко положила руки мне на плечи.

— Бедный малыш, тебе так больно... — прошептала она.

Я поторопился сесть, чтобы избежать ее объятий.

— Спина разламывается, — виновато пояснил я, пытаясь улыбнуться. — Мне сегодня здорово досталось.

Она взглянула на часы:

— Уже полпервого. Еще полчасика, и ты можешь идти. А пока я сделаю тебе массаж.

Она нежно провела ладонью по моей спине, и мне действительно стало легче.

— У тебя это хорошо получается, — признался я.

— Я рада, — улыбнулась она и неожиданно поцеловала меня в губы.

Я удивленно отстранился.

— Не сердись, Дэнни, — быстро проговорила она. — Ты просто хороший парень. А это — моя манера говорить спасибо.

— Не надо так благодарить меня, — растерянно пробормотал я. — У меня есть девушка. Кроме того, это — один из пунктов плана Филдса... Я подозреваю, что ты выполняешь его приказ. А я не привык делать то, чего я не хочу.

— А ты действительно не хочешь? — лукаво спросила она.

— Я этого не говорил. Я только сказал, что Филдс об этом говорил, значит, это ему нужно. Я не хочу играть вслепую!

— А что, если это останется между нами и об этом никто не узнает?

— Я тебе не верю, — произнес я решительно.

Она задумчиво помолчала, потом, видимо решившись, проговорила:

— Ты мне поверишь, если я открою тебе, что ему нужно?

Я выжидательно посмотрел на нее.

— Ему нужно, чтобы ты проиграл следующий бой. Если ты выиграешь и станешь чемпионом, он потеряет кучу денег.

Это было похоже на правду.

— Он меня плохо знает, — проговорил я.

— Нет, малыш, это ты его плохо знаешь, — с горечью возразила она. — Он мстителен, он ни перед чем не остановится... Видел бы ты его во время сегодняшнего боя, когда ты проигрывал. Он ведь радовался, он хохотал и орал, когда негр молотил тебя. Проиграй ты сегодня, и тебя бы не было здесь. Может быть, лучше было бы, если бы ты проиграл...

— Но я выиграл, и с этим ничего не поделаешь, — беззаботно рассмеялся я.

— Ты ведешь себя, как большой ребенок, — схватила она меня за руку. — Ты ведь не знаешь его так, как знаю я. Если ему не удастся купить тебя тем или иным способом, он найдет средство, чтобы ты никогда не вышел на ринг.

— А ты что должна делать в этой истории?

Она лишь тяжело вздохнула в ответ. Да я и не ожидал ничего другого. Только безумец мог отважиться идти против человека с такими деньгами. Теперь мне все было ясно. Единственное, что мне оставалось — это крепко держаться за Сэма и становиться настоящим профессиональным боксером. Иначе я превращусь в ничтожество — одного из многих тысяч безликих, которые наполняют улицы Нью-Йорка. Я медленно сел. Ронни живо уместилась рядом и с участием заглянула мне в глаза. Она понимала, о чем я сейчас думаю.

— Теперь-то ты веришь мне, мой бедный Дэнни?

— Да, Ронни. Мы оба в одной лодке. Но мы еще побарахтаемся...

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Спит все еще торчал на своем посту, попыхивая сигаретой. «Ну, погоди, скотина!» — со злостью подумал я.

— Стоит? — равнодушно спросила она.

— Стоит...

— Садись ко мне. Еще минут пятнадцать и можешь идти.

Я послушно сел.

— Дэнни, что ты собираешься делать?

— Ничего, — пожал я плечами, — что я могу сделать?

— Бедный Дэнни, — сказала она нежно. — Никто ничего не может поделать. — Ее голос вдруг стал ожесточенным: — Он возьмет тебя так же, как он взял меня, так же, как он загребает все вокруг. Как вампир, который высасывает жизнь из всего... — Слезы катились из ее раскрытых глаз.

— Ты плачешь, Ронни?

— А что, ты знаешь закон, который запрещает проститутке плакать, или ей можно, как всем остальным?

— Прости меня, — сказал я быстро. В конце концов, это не ее вина. Какой смысл дразнить друг друга? Бежать, действительно, некуда. Я обнял ее и привлек к себе. Потом поцеловал. Губы были мягкие. Теперь она лежала у меня на коленях, глаза ее были задумчивы.

— Дэнни, — осторожно спросила она, — ты, кажется, говорил, что у тебя есть девушка?

— Да, есть, — усмехнулся я мрачно, — но не здесь. — Я снова поцеловал ее. — Как тебя зовут? — сам не зная, почему, спросил я.

— Ронни, ты же знаешь... Впрочем, мое настоящее имя — Сара, Сара Дорфман. Я хочу, чтобы ты знал это.

— Какое это имеет значение? — с горечью сказал я. — Может быть, мое собственное имя — вовсе не мое. Нет ничего, что принадлежало бы мне. Единственное, что я знаю, — это то, что если я сделаю то, что он прикажет мне, я смогу многое купить.

Ее руки обвились вокруг моей шеи, она оказалась подо мной. Я почувствовал, как ее губы прошептали мне в самое ухо:

— То, что я могу дать тебе, Дэнни, он никогда не сможет купить, как бы много ни предлагал.

Наши губы встретились. Она нежно застонала...

Потом напряжение спало, мы лежали и слушали дыхание друг друга. Неожиданно она посмотрела мне в глаза. Я увидел, что она все поняла.

— Ты хочешь отнять у него деньги? — спросила она с разочарованием.

— Я не знаю, — откликнулся я, — я не знаю, что я собираюсь сделать.

Глава одиннадцатая

Я закрыл за собой дверь и сошел на тротуар. Прохладный ночной воздух коснулся моего лица. Он был свеж и сладок в эти последние два часа до того, как люди снова выберутся из своих домов. Потом он станет тяжелым и грязным — таким, что трудно будет дышать.

Огонек сигареты на другой стороне улицы привлек мое внимание. Гнев охватил меня, я быстро пересек дорогу. Спит все так же стоял у магазина, вокруг него валялись окурки.

— Дай-ка закурить, Спит, — голос мой эхом разнесся по пустой улице.

— Пожалуйста, Дэнни, — протянул он мне пачку.

Я взял сигарету и сунул ее в рот.

— Спичку!

Спит поднес дрожащий огонек, который то вспыхивал, то потухал, отбрасывая тени на его лицо.

Я глубоко затянулся. Это было приятно после такого долгого перерыва. Мистер Спритцер запрещал курить, но теперь это не имело никакого значения.

— Ты видел его, Дэнни? — с тревогой спросил Спит.

Нетрудно было догадаться, что даже он знал, чего от меня хочет Филдс. Злоба поднималась во мне. Все знали, весь мир знал, чего хочет Филдс. И все были уверены, что я сделаю это. Никто не ожидал ничего другого. Мне не оставили ни одного шанса.

— Нет, — ответил я со странным напряжением. — Он был пьян.

— И ты все время был с этой девкой?

Я кивнул.

— И ты трахнул ее? — мокрые губы его были раскрыты от любопытства.

Мне показалось, что за спиной мелькнула тень Макси Филдса. Я схватил его за рубашку и притянул к себе.

— А тебе какое до этого дело?

— Никакого, Дэнни, никакого! — его испуганные глаза искали мой взгляд. — Отпусти меня, Дэнни!

— С какой стати? — спросил я, не отпуская рубашки.

— Я ведь твой друг, ведь это я привел тебя к Филдсу, чтобы ты мог заработать.

Мой друг? Я рассмеялся и отпустил его рубашку.

Он отступил на шаг и пробормотал хрипло:

— Ну ты даешь, Дэнни. Мне показалось, что ты хочешь избить меня.

Я рассмеялся вновь. На этот раз он оказался прав. Мой кулак погрузился в его мягкий живот. Он согнулся вдвое.

— Да, хочу и сделаю это, — добавил я.

Наконец он выпрямился и посмотрел на меня с тупым недоумением:

— Чего ты, Дэнни? Я же хотел помочь тебе.

Я пару раз смазал ему открытой ладонью по морде. Теперь он хорошо запомнит, что помощь мне не нужна. На мгновение он упал, но тут же, ухватившись за дверную ручку, медленно поднялся на ноги. Глаза его побелели от ненависти. Свободная рука его что-то искала под рубашкой. Я подождал, когда он вытащит свой нож, и вновь ударил его. Нож со звоном упал на тротуар. Холодное удовлетворение пришло ко мне. Пусть у меня не было шансов против Филдса, но кое с кем я еще мог посчитаться. Спит поднял голову и злобно зашипел:

— Ты мне ответишь за это, Дэнни Фишер, клянусь богом!

— А вот этого я бы тебе не советовал делать, — сказал я, нагнулся и ткнул его лицом в сточную канаву. — Твой босс не одобрит этого. Со мной теперь надо обращаться бережно.

Я повернулся спиной к нему и пошел домой, оставив его лежать у входа в магазин.

В подъезде я остановился и посмотрел на часы. Было уже полтретьего. Из-под двери нашей кухни пробивался лучик света. Дай бог, чтобы папы не было, — мне на сегодняшнюю ночь всего было достаточно. Я открыл дверь, мама обернулась ко мне.

— Мамочка, — улыбнулся я ей, — не надо было ждать меня.

Она встала и подошла, внимательно рассматривая мое лицо.

— С тобой все в порядке? — спросила она с тревогой.

— Конечно, с ним все в порядке, — донесся папин голос из другой комнаты. — Это же Дэнни Фишер — динамит. Никто не может победить его! Нет, а хорошее имя они придумали ему — Динамит, и всего лишь за то, что он сломал челюсть парню.

— Уже все написали в газетах? — спросил я удивленно. Папа вышел на кухню.

— А ты как думал, они будут хранить это в секрете? Где ты был? Праздновал со своей макаронщицей?

Я промолчал. Не было никакого смысла разговаривать с ним. Он никогда не поймет, что сломанная челюсть — это случайность.

Мамина рука легла на мои плечи:

— Сынок, они пишут, что тебе в первых двух раундах здорово досталось?

— Ничего страшного, мамочка. Теперь со мной все в порядке.

— Но с тем парнем — нет! — взорвался снова папа. — Может быть, пора остановиться? Или ты собираешься убить кого-нибудь?

— Что за глупость, папа! — не выдержал я. — Это была случайность. Это случается иногда. Я не собирался ломать ему челюсть!

— Ах, случайность! — отец уже кричал. — Какой же это может быть случай, если главная цель бокса — избить другого? — Он обернулся к маме. — Однажды в наш дом войдет убийца, он будет утверждать, что не собирался никого убивать, что это случайность!

Бесконечно знакомая монотонность его голоса вывела меня из себя.

— Оставьте меня в покое! — закричал я истерично. — Оставьте, я вам говорю! — Я упал в кресло и закрыл лицо руками.

Мамина рука легла на мои плечи. Голос ее, исполненный спокойной силы, прозвучал над моей головой:

— Гарри, иди спать, — сказала она отцу.

— Ты во всем, буквально во всем мне противоречишь, — проворчал он угрожающе. — Однажды он убьет кого-нибудь, и тебя обвинят так же, как и его!

— Значит, я достойна осуждения, — ее ответ звучал так, будто был давно подготовлен. — Он наш сын, и что бы с ним ни случилось — мы должны принять на себя вину.

— Пожалуйста, сколько хочешь, но только избавь меня от этой чести! Я все решил. Еще один бой — и он может не приходить домой. Под крышей моего дома не может спать убийца!

Его шаги затихли в спальне. Наступила тишина, потом мама сказала ласково:

— Дэнни, выпей немного куриного бульона. Я сейчас подогрею его.

Я поднял голову. Она глядела на меня с нежной грустью.

— Не хочется есть, мамочка...

— Выпей, — настаивала она. — Тебе будет лучше.

Да, может быть, папа абсолютно прав, но если бы не было так плохо с деньгами, этого всего никогда бы не случилось. Теперь уж ничего нельзя было поделать.

Мама поставила чашку с бульоном передо мной, придвинула стул и села напротив. Я сделал глоток и почувствовал, что оцепенение покидает меня. Только теперь я обнаружил на столе перед собой листок с какими-то вычислениями.

— Что это, мам? — спросил я, указывая на листок.

— Да так, отец кое-что подсчитывал.

— Что?

— Один из его друзей предложил ему купить недорогой магазинчик. Вот он и смотрел, хватит ли денег. Все это бесполезно, — голос ее звучал безнадежно. — Правда, отец хранит кое-какой товар у дяди Дэвида, но денег не хватает даже на первый взнос, чтобы оформить рассрочку.

Я очнулся. Может быть, если я достану деньги, он не будет думать обо мне так плохо.

— И сколько нужно? — спросил я.

Мама забрала у меня пустую чашку.

— Пятьсот долларов... Но это все равно что пять миллионов — нам негде взять их.

Глава двенадцатая

Я зашел в контору Филдса. В небольшом зале никого не было, кроме маленького клерка за столом. Он поднял голову.

— Чего нужно?

— Я хочу видеть мистера Филдса.

— Давай отсюда, парень. Филдс не занимается младенцами.

— Мне нужен Филдс. Я — Дэнни Фишер.

— Боксер? — спросил он с ноткой уважения в голосе.

Я кивнул. Служащий тут же снял трубку телефона и что-то быстро проговорил в нее. Люди начали узнавать меня. Это было приятно. Получалось, что я уже что-то значу. Жаль, что этому придет конец. Еще один бой — и мое имя опять станет пустым звуком — именем человека, который попытался, но не смог...

— Проходи, парень. Филдс ждет тебя, — сообщил мне служащий.

Я быстро поднялся по знакомой лестнице и постучал в дверь кабинета Филдса. Она сразу распахнулась, на пороге я увидел Ронни. Широко раскрыв от удивления глаза, она отступила и сухо произнесла:

— Входи.

Я прошел внутрь. В кабинете никого не было.

— Где он, Ронни?

— Бреется. Сейчас выйдет... — Она быстро подошла ко мне и прошептала: — У него уже был Спит. Он все рассказал... Филдс рвал и метал.

— Ничего, — улыбнулся я. — Как-нибудь переживет.

— Прошлой ночью мне показалось, что ты никогда больше не придешь в этот гадюшник...

— Это было прошлой ночью, — тихо ответил я. — С тех пор многое изменилось.

Она вгляделась мне в глаза, будто пыталась заглянуть в душу.

— Дэнни, ты вернулся из-за меня? — наконец с надеждой спросила она.

— Да, Ронни, — солгал я. — Из-за тебя и... из-за денег.

— Ты получишь и то, и другое, — раздался за спиной голос Филдса. — Я сразу, малыш, понял, что у тебя голова варит... Я был уверен, что ты придешь.

— Я слышал, вы неплохо платите, мистер Филдс, — сразу перешел я к делу. — Хотел бы убедиться в этом.

Он пододвинул мне стул и пытливо заглянул в лицо, все так же широко улыбаясь. Глаза его оставались холодными, как всегда.

— Ночью, малыш, ты отделал Спита, — вкрадчиво упрекнул он меня. — Мне не нравится, когда так обращаются с моими ребятами.

Я сделал скорбное лицо.

— Спит был моим приятелем, — медленно произнес я. — Мы провернули с ним пару делишек. Он нарушил старый наш уговор, когда взялся шпионить за мной.

— Но он выполнял мое поручение, — почти нежно проговорил Филдс.

— Да, это, конечно, меняет дело. Но до этого он был моим другом.

В комнате повисла напряженная тишина, которую нарушало лишь шумное дыхание Филдса, посасывающего свою сигару. Я молча наблюдал за ним, пытаясь угадать, какие мысли копошатся в его голове. Я знал, что Филдс — далеко не дурак. Но купится ли он на мое предложение? И если да, то какую даст цену?

Наконец, он обнаружил, что сигара его погасла, достал зажигалку, прикурил.

— Ронни, дай-ка нам по стакану апельсинового сока. Надеюсь, это не повредит спортивному режиму Дэнни.

Когда дверь за ней закрылась, он повернулся ко мне.

— У тебя с ней все о'кей получилось? — спросил он, подмигивая.

— Даже очень, мистер Филдс, — принял я игру.

— Я сказал, что лишу ее премиальных, если ты будешь недоволен, — рассмеялся он.

— Так сколько? — прервал я его.

— За что «сколько»? — решил понаивничать Филдс.

— За то, что я случайно проиграю.

— Ну, что я говорил? — захихикал снова Филдс. — Смышленый ты парень, Дэнни, прямо все на лету схватываешь.

— Мне иначе нельзя, мистер Филдс, — продолжал я наступать. — Я знаю, что вы не теряете зря времени, если не видите в деле выгоды для себя. Не могу же я вас водить за нос. Какова моя доля?

В этот момент в комнату вошла Ронни. В каждой ее руке было по стакану апельсинового сока. Она молча подала их нам. Я попробовал. Сок был великолепен, из только что выжатого апельсина. Я давно не пил такого — слишком дорого. Не смог удержаться и залпом выпил содержимое стакана. Филдс потягивал сок медленно, внимательно наблюдая за мной. Наконец он сказал:

— Что ты скажешь насчет пяти сотен?

Я покачал головой.

— Хорошо, назови свою цену.

— Тысяча, — быстро откликнулся я.

По его же словам, он будет иметь чистых четыре. Мир не рухнет, если одна из них будет моей.

— Семьсот пятьдесят плюс эта кукла.

— Давайте говорить о деньгах, — улыбнулся я.

— Семьсот пятьдесят — это большие деньги.

— Не возражаю, но этого мало, чтобы все выглядело натурально. Ведь мне надо позволить избить себя до полусмерти, чтобы заработать для вас три куска.

— О'кей, малыш! — он решительно встал и подошел ко мне. — Считай, тысяча у тебя в кармане. Деньги получишь сразу после боя.

— Отлично, — согласился я. — Только половину сейчас, половину — потом.

Филдс расхохотался и повернулся к Ронни, приглашая ее в свидетели.

— Парень растет прямо на глазах! Замечательно! Получишь свои пять сотен в день боя. За остальными зайдешь на следующий день.

Мне пришлось напрячься, чтобы не показать свою радость, — он сразу же понял бы, что заплатил слишком много.

— Значит, договорились, мистер Филдс. Надеюсь, и в будущем вы не обойдете меня своими милостями.

Филдс радушно раскрыл объятия.

— До свидания.

— Дэнни! — взволнованный голос Ронни заставил меня обернуться. — Ты еще придешь?

— Безусловно, приду, крошка, — небрежно бросил я и добавил: — За деньгами.

На улице царил чистый, ясный солнечный день. Я решил отправиться к дому Нелли. Было еще рано, и она только-только должна была выходить на работу.

Увидев ее, я понял, что она единственная во всем мире не таила в себе угрозы для меня.

Глава тринадцатая

Утром меня разбудил монотонный голос отца, который что-то выговаривал матери. С каждым днем его характер становился все несноснее. И вдруг последние остатки сна исчезли. Сегодня уже наступило. Завтра все будет кончено, я стану обыкновенным человеком, как все.

Я сел в кровати, нашел ногами шлепанцы, встал и потянулся. Может быть, это и к лучшему. По крайней мере мой старик будет счастлив. Получит свои денежки, вновь откроет аптеку, а я... а я покончу с боксом навсегда. Но особой радости от этих мыслей я не ощутил. Накинул халат и поплелся в ванную. Посмотрел в зеркало, щетина была приличной, но бриться сегодня не стоило — после бритья кожа становится слишком нежной для бокса. Наскоро умывшись, я вернулся в комнату, решив, что душ приму попозже, в спортзале. Оделся и прошел в кухню под аккомпанемент недовольного ворчания отца. Увидев меня, он замолчал и отвернулся.

— Садись, сынок, выпей кофе, — засуетилась мать.

Я молча сел напротив отца и принял из рук матери чашку с кофе.

— Привет, Мими, — поздоровался с вошедшей сестрой.

— Салют, чемпион. Сегодня у тебя трудный бой, — широко и тепло улыбнулась она. — Как настроение?

Отец грохнул кулаком по столу.

— Черт побери! — заорал он, побагровев. — В этом доме все посходили с ума! Чтоб больше не слышал ни слова о боксе!

Мими упрямо нахмурилась.

— Он — мой брат, — с вызовом сказала она. — Я могу говорить ему все, что захочу!

У отца отвисла челюсть. Впервые в жизни Мими достойно возразила ему. Отец поперхнулся и страшно завращал глазами. Мама предостерегающе положила ему руку на плечо.

— Пожалуйста, не надо спорить, Гарри, — твердо сказала она.

— Н-но ты слышала, что она сказала?..

— Слушай, Гарри, — не дала она ему закончить. — Мы можем хоть раз позавтракать спокойно?

Некоторое время в кухне был слышен только ожесточенный звон ножей и вилок, будто невидимые противники скрестили шпаги.

— Спасибо, мама, — поднялся я. — Мне пора на разминку.

Все напряженно молчали, думая каждый о своем. Я выдавил улыбку:

— ...И никто не пожелает мне удачи?

Мими порывисто встала, взяла меня за руку и чмокнула в небритую щеку.

— Удачи тебе, Дэнни. Я верю в тебя!

Я благодарно улыбнулся ей, но в моей улыбке была немалая доля горечи. Я глянул на отца, у него был отчужденный вид, посмотрел на мать.

— Береги себя, сынок! — испуганно-взволнованно проговорила она.

Я молча кивнул, проглотив подступивший к горлу комок. Неожиданно я заметил на ее лице приметы старости. За последние два года она постарела лет на десять. Она встала и поцеловала меня. Я нащупал два билета в кармане и вручил их маме.

— Это для вас.

— Нам они не нужны! — закричал отец. — Мы все равно никуда не пойдем!

— Но я взял их для вас.

— Я все сказал: мы никуда не пойдем!

Я пожал плечами и повернулся к двери.

— Дэнни! — окликнул меня отец, когда я уже закрывал за собой дверь.

Я с надеждой поднял на него глаза.

— Так ты будешь все-таки сегодня драться?

Я кивнул.

— И это после всего, что я тебе сказал?

— Я должен, отец.

— Прошу тебя в последний раз. Приказываю, в конце концов!

Я упрямо посмотрел ему в глаза.

— Ключ, — протянул он руку.

— Гарри, только не сейчас! — взмолилась мама.

— Ключ! — рявкнул он так, что зазвенела посуда в буфете.

Я вытащил ключ, бросил его на стол и вышел.

В кабинете Филдса я молча наблюдал за тем, как он отсчитывает, лаская каждую, новенькие стодолларовые банкноты. Его лицо на этот раз было сосредоточенным. Толстым пальцем он пододвинул ко мне деньги.

— Вот. Ровно пятьсот, как договаривались, — хрипло произнес он.

Я взял деньги и засунул в карман. Посмотрим, как запоет отец, когда я выложу их перед ним.

— Спасибо, мистер Филдс.

— Не за что, Дэнни. Но не вздумай провести меня.

— У меня в мыслях такого не было, — удивился я.

— Знаю, что не было, а вот Спит думает иначе.

Я посмотрел на Спита, который стоял, привалившись спиной к стене, и демонстративно чистил своим ножом ногти. Он исподлобья бросил на меня взгляд, полный ненависти.

— Ах, так он еще и думает! А я-то думал, что он по пояс деревянный.

Филдс от души рассмеялся. Он оторвал свое грузное тело от кресла и, подойдя ко мне, положил свою тяжелую лапу мне на плечо.

— А у тебя, парень, не только ум острый, но и язык. Мне нужны такие ребята. Иди, не забудь только, что у тебя деньги в кармане.

— Не забуду, мистер Филдс, — пообещал я.

— Да, я хочу, чтобы ты запомнил еще одну вещь, Дэнни Фишер... — Он стоял, опершись обеими руками о стол, ни следа недавнего смеха, несокрушимая глыба

с холодными, безжалостными глазами. О таком мистере Филдсе ходили всякие страшные легенды.

— Какую вещь?

Его набрякшие веки распахнулись, как у филина:

— Я буду следить за тобой, — с угрозой произнес он.

Рев толпы волнами докатывался из зала в раздевалку. Наверное, так же орали первобытные люди в джунглях, наблюдая за схваткой двух диких зверей, чтобы сразу же сожрать побежденного. Так же вопили древние римляне, приветствуя своего императора, который решал: жить или умереть поверженному гладиатору. Я повернулся на массажном столе так, чтобы заткнуть уши, но рев все равно проникал в сознание. Раздался глухой звонок. Спритцер похлопал меня по спине: — Это нас, парень.

Я сел. Внутри у меня застрял какой-то комок, словно я проглотил кусок свинца.

— Что, страшновато? — улыбнулся Спритцер.

Я, вымученно улыбнувшись, кивнул.

— Не дрейфь, это пройдет, — уверенно сказал он. — Каждый боксер чувствует себя так, когда впервые попадает в «Гарден-Холл». Здесь есть что-то такое... — он повертел в воздухе пальцами. — Знаю из личного опыта.

Интересно, что бы он сказал, если бы все знал. Вовсе не «Гарден-Холл» мучил меня, а схватка, которую я обязан был проиграть. Мы вышли из раздевалки, я робко оглянулся на огромный зал. Передо мной волновалось море не знакомых мне лиц. Где-то там был Сэм, была Нелли, был... Филдс. Только отец и мать не пришли. Ну и слава Богу!

Толпа возбужденно-одобрительно засвистела, захлопала, заулюлюкала, когда судьи объявили о своем решении по предыдущему бою.

— Пойдем, Дэнни. Это твой великий день, сынок! — Спритцер подтолкнул меня вперед по дорожке, которая вела к залитому светом юпитеров квадрату ринга.

Снова поднялся крик. Некоторые из болельщиков даже выкрикивали мое имя. Я неотступно следовал за Спритцером, опустив голову. Рядом шел Зеп. Стараясь перекричать болельщиков, он завопил мне в ухо:

— Смотри! Вон — Нелли!

Я поднял голову и встретился глазами с Нелли. Она с любовью и тревогой смотрела на меня. Потом ее лицо затерялось среди других, на которых были написаны совсем другие чувства.

Я перелез через канаты и приветственно поднял обе руки. Судья-информатор назвал мое имя, и я, пританцовывая, вышел на середину ринга. Он произнес традиционные слова, которые я знал наизусть:

— При команде «брэк» немедленно расходитесь. В случае нокдауна — сразу же отходите в ближайший нейтральный угол. Бой возобновляется по команде «бокс», и да победит сильнейший!

При последних словах я криво усмехнулся. «Пусть победит сильнейший!» Сбросил халат. Комок, застывший у меня в груди, давил тяжестью пяти сотен долларов. Спритцер ободряюще шепнул на ухо:

— Кончай трусить, малыш. Самое страшное, что может случиться, — это проигрыш. А за проигрыш еще никого не убивали.

«Уж это точно!» — подумал я. Он сам не догадывался, насколько прав. Сейчас меня больше всего волновало то, чтобы кто-нибудь не спер мои пять сотен из раздевалки. А что до боя, то его исход был мне известен.

Я с любопытством посмотрел на своего соперника. Он не отводил от меня нервного напряженного взгляда. Я ободряюще улыбнулся ему: не волнуйся, дурачок! Тебе не о чем беспокоиться! Это был Тони Гарделла — итальянский паренек из Бронкса.

Прозвучал гонг, и я устремился в центр ринга, чувствуя необыкновенную легкость и уверенность. Действительно, волноваться было больше не о чем.

Прямой левой я прощупал итальянца, чтобы посмотреть, чем он дышит. Он был очень скован и реагировал с большим опозданием. Чисто автоматически я нанес ему удар правой, найдя в его неуверенной защите брешь. Парень отступил и испуганно закрылся перчаткой. Я подскочил к нему, чтобы нанести завершающий удар. Толпа неистово заревела, предчувствуя быструю развязку. И тут я вспомнил... Внутренний голос, почему-то похожий на рык Филдса, властно скомандовал мне: «Нельзя! Ты должен проиграть!»

С сожалением я позволил ему войти в клинч, захватить мои руки. Пришлось несколько раз ударить его по корпусу, но легонько, так, чтобы у него было время прийти в себя. Потом я оттолкнул его и до конца раунда продержал на дистанции, чтобы ненароком не задеть.

Когда я вернулся в свой угол, Спритцер обрушил на меня град упреков:

— Он был уже твой, почему не развил атаку?

— Показалось, что он заманивает меня, — неуклюже ответил я, а про себя решил, что буду осторожнее, ведь Спритцер достаточно опытен, чтобы раскусить мои уловки.

— Заткнись! — рявкнул он. — Береги дыхание!

Удар гонга возвестил о начале второго раунда. Гарделла осторожно вышел из своего угла и замаячил на почтительном расстоянии. Я озадаченно поглядел на него: как он собирается выиграть бой? Не думает же он, что я сам себя нокаутирую? Приблизился, пытаясь вовлечь его в обмен ударами. Он отпрыгнул в сторону. Оказывается, иногда проиграть бой гораздо труднее, чем выиграть.

К огромному неудовольствию публики мы благополучно дотанцевали второй раунд и разошлись по своим углам. Пытаясь напустить на себя усталый вид, я сел на стул и прикрыл глаза, чтобы не видеть тренера.

— Какого черта! — шипел над ухом Спритцер. — Атакуй! Не давай ему уходить от боя! У него уже полные штаны, он прячется по углам.

При звуке гонга мы ринулись друг на друга. Гарделла наконец понял, что в боксе надо работать не только ногами, но и руками. Впрочем, головой он все равно работать не хотел или не мог, потому-то нападал бестолково. Это был откровенно слабый боксер, проигрывать такому было просто обидно. Я на мгновение опустил руки и получил два ощутимых удара по корпусу. Пора было кончать эту бодягу, но так, чтобы никто не заподозрил подвоха. Я намеренно медленно, размашисто ударил его сбоку, он легко парировал и сильно ответил мне в живот. Это все было бы ничего, если бы не его самоуверенная ухмылка. Чтобы проучить его, я сделал несколько резких ударов, — публика радостно охнула.

Но он, действительно, обрел уверенность и без труда увернулся от моего следующего удара.

Это начинало меня злить. Я преследовал его танцующую фигуру, пренебрегая его редкими встречными выпадами. «Стукну его разок, — думал я, — чтобы научить уважать соперника, а потом пусть выигрывает». Вдруг словно бомба взорвалась у моей головы, и я упал на колени. Попытался подняться, но получил еще один сильнейший удар снизу — уже после команды «брэк». Только теперь судья оттолкнул Гарделлу и начал счет. Все притихли.

Я помотал головой, отгоняя противный дурман. Потом принялся считать вместе с рефери. Семь! Я уже вполне оправился и мог бы продолжать бой. Восемь! А зачем? Все равно проигрывать. Девять!

Судья уже начал поднимать руку, чтобы объявить нокаут, и тут какая-то невидимая пружина подбросила меня. «Какого черта я подскочил? — пронеслось в голове. — Идиот, надо было лежать!» Но рефери уже обтирал мои перчатки о свою манишку, заглядывая мне в глаза. Он отошел в сторону, и Гарделла вновь бросился на меня, чтобы завершить дело. Но в этот момент раздался гонг. Закончился третий раунд.

Я тяжело опустился на стул. Сейчас мне больше всего на свете хотелось, чтобы Спритцер заткнулся, так как он никак не давал мне успокоиться и сосредоточиться. И вдруг его слова дошли до моего сознания:

— Ты что, Дэнни? Так и хочешь всю жизнь оставаться ничтожеством? Позволишь, чтобы все, кому не лень, вытирали о тебя ноги? Ты можешь победить этого парня. Соберись и сделай это — ты будешь тогда человеком, а не слизняком!

Я исподлобья посмотрел в противоположный угол. Гарделла смеялся, уверенный в своей победе. И тут я взорвался: «Я — пешка? Я — слизняк, ничтожество?» А ведь именно так оно и будет завтра. Завтра я буду просто прохожим — без лица, без имени, без будущего...

При звуке гонга я упруго вскочил на ноги и устремился в центр ринга. Гарделла забыл о всякой осторожности и открылся, опустив руки. Он и вправду поверил, что я у него в кармане. Можно было бы рассмеяться! К черту Гарделлу! К черту Филдса! Никаких сделок! Пусть

возьмет назад свои вонючие деньги! Я почувствовал острую боль — от запястья до локтя. Парень буквально приклеился к моей перчатке. Еще раз. Если ты думаешь, что разделался со мной, сукин сын, то очень-очень ошибаешься.

Так, теперь блокируем твой слабенький удар, и — апперкот правой! Казалось, мой кулак движется в облаке света. Парень вдруг тяжело опустился передо мной на колени, я отступил.

Он упал. Я смотрел на него лежащего. Потом я опустил руки и, подтянув трусы, спокойно направился в свой угол. Спешить мне было некуда. У меня была масса времени. Гарделла отключился до конца вечера. Рефери сделал мне знак рукой, и я вернулся в центр ринга. Он под восторженный рев толпы поднял мою руку. Я был на седьмом небе. Чемпион! Ради этого стоило жить. Чувство победы жило во мне, пока я шел в раздевалку. Вдруг оно покинуло меня, словно выпустили воздух из мяча. Прислонившись к стене неподалеку от раздевалки, стоял Спит. Он улыбался мне той, особенной, улыбкой и чистил ногти своим ножом. Он поднял нож и, показав, как перережет мне горло, исчез в толпе. Я оглянулся, никто не видел нашего молчаливого разговора. Я заставил себя пройти в раздевалку.

Сэм был уже здесь.

— Я знал, ты сделаешь это! — закричал он, увидев меня. — Еще со школы, с того первого раза знал!

Я тупо посмотрел на него. Единственное, чего я сейчас хотел, — это смотаться отсюда. Как можно быстрее.

ПЕРЕЕЗД

17 мая 1934 г.

— Доброй ночи, чемпион! — Зеп хлопнул меня по спине и застучал каблуками по лестнице.

Мы повернулись друг к другу. Нелли улыбнулась и обняла меня за шею.

— Первый раз за весь вечер мы остались вдвоем, — прошептала она, — а ты не хочешь меня поцеловать...

Я наклонился к ней, но только наши губы встретились, наверху раздался какой-то шум. Я выпрямился и напряженно прислушался.

— Что-нибудь не так, Дэнни? — спросила она с участием.

— Все в порядке, Нелли, — выдавил я улыбку.

— Тогда почему ты дергаешься? — она снова потянулась ко мне. Так ты не собираешься меня целовать?

— Я слишком возбужден, — прозвучал мой неловкий ответ. Не мог же я рассказать ей о том, что меня беспокоило.

— Слишком возбужден, чтобы поцеловать меня? — рассмеялась она.

Моя попытка ответить на ее смех смехом была безуспешной, поэтому я просто поцеловал ее. Она радостно откинула голову.

— Теперь тебе лучше, Дэнни?

Да, мне было теперь легче. На минуту я позабыл обо всем на свете.

— А теперь, Дэнни, можешь идти домой и ложиться в постель. Ты все время нервничаешь. Наверное, и вправду очень устал.

Она опять была права: весь вечер я был, как на иголках. В ресторане, куда нас затащил Сэм, я вздрагивал от каждого шага за спиной, едва мог есть. Но мне показалось, что этого никто не заметил.

— Ничего страшного, Нелли, — откликнулся я быстро. — Самое главное, не забывай, что я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, что бы ни случилось, — ответила она, подставила щеку для поцелуя и пожелала мне спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милая.

Она поднялась по лестнице, я вышел на улицу.

Через несколько шагов я ощутил, что за мной следят. Остановился, оглянулся. Никого. Вновь двинулся вперед, лопатками чувствуя чей-то взгляд. Под фонарем глянул на часы. Шел третий час. Вдруг краем глаза заметил какое-то движение в тени. Резко обернулся, замер, готовый в любой момент убежать.

Из тени под свет фонаря не спеша вышел маленький серый котенок, и я облегченно рассмеялся. Еще немного — и будут грезиться привидения. Пошел дальше.

Огни Деланси-стрит были уже совсем рядом. Я влился в толпу, чувствуя себя здесь в безопасности. Медленно шел я среди людей, и постепенно страх покидал меня.

Мальчишка-продавец выкрикивал:

— Утренний выпуск! Спортивные новости!

Я купил газету и развернул последнюю страницу. Моя фотография в правом верхнем углу. Камера запечатлела меня, когда я стоял над поверженным Гарделлой. Гордость переполнила меня, я представил, как все эти люди, проходящие сейчас мимо, станут приветствовать меня — нового чемпиона. Я представил, как изменятся их лица, если они узнают, что я — Дэнни Фишер.

Улыбка мигом слетела с моих губ, когда я увидел, что есть люди, которым не надо было говорить, кто я такой. Из окна кондитерской высунулся Спит, он улыбался мне. Газета выскользнула из пальцев. Ощущение не обмануло меня — они все время следили за мной, дожидались, когда я останусь один.

Спит кивнул человеку, стоявшему на тротуаре. Мне он был знаком. У нас в квартале его звали Сборщиком. Филдс посылал его к тем, кто отказывался платить.

После встречи с ним они с радостью расплачивались, если, конечно, их не увозила «скорая».

Я быстро нырнул в толпу, борясь с желанием броситься со всех ног. Опасность не грозит мне только тогда, когда я нахожусь среди людей. Оглянулся. Спит и Сборщик шли за мной.

Я свернул на Клинтон-стрит. Людей здесь было поменьше, но все-таки достаточно, чтобы не терять голову от страха. Дальше будет хуже. Следующий квартал обычно пуст в это время. Проскочить его — и окажешься дома. Так и есть — ни души. Шаги мои замедлились. «Не вернуться ли на Деланси-стрит? — подумал я, оглядываясь. — Нет, поздно. Они слишком близко ко мне». Деваться было некуда — только вперед. Я представил квартал, который мне предстояло преодолеть. Там был маленький тупичок между двумя домами. Узкий — двоим не разойтись. Если доберусь до него раньше них — у меня есть шанс. Большой грузовик начал поворачивать, и я бросился через дорогу прямо перед ним. Завизжали тормоза, послышалась ругань Спита — грузовик отрезал их от меня. До тупичка оставалось еще добрых сто метров, когда я посмотрел назад. Спит и Сборщик только что пересекли шоссе и бежали за мной. Я свернул в тупик, задев плечом стену, прижался к кирпичам и перевел дыхание.

Здесь было совершенно темно, дальше я двигался наощупь, ведя рукой по стене. Тупик заканчивался совершенно глухой стеной, вот она. Где-то здесь, в нескольких футах над землей, должна быть небольшая ниша. Нашел, забрался в нее и развернулся лицом к улице. Глаза привыкли к темноте, и я быстро нашел кусок арматуры, зачем-то соединявший стены домов. Мои пальцы уцепились за холодное железо, и я скорчился, ожидая. Только один из преследователей мог здесь пройти. Кровь пульсировала в висках. Я затаил дыхание.

В конце узкого прохода послышался говор. Слов разобрать было нельзя, даже отличить один голос от другого невозможно. Тишина. Приближающиеся шаги. Вскоре обозначилась фигура человека. Он осторожно двигался во мраке, как и я, ведя рукой по стене. У входа виднелся второй. Отлично.

— Мы знаем, Фишер, — раздался хриплый шепот Сборщика, — ты здесь. Выходи, тебя хочет видеть босс. Он хочет дать тебе возможность исправиться! — Я молчал, знаю я ваше «исправиться»! — Ты слышишь меня, Фишер?

Свет очертил его жирные покатые плечи. Я напрягся и покрепче ухватился за стальной прут. Сборщик был уже в шести футах от меня, пяти... четырех... Меня он все еще не видел. Три фута... два... Пора!

Повиснув на арматуре, я выбросил вперед ноги — точно ему в голову. Он дернулся, почувствовав опасность, но было уже поздно. Мои тяжелые ботинки попали ему в подбородок и лоб. Раздался глухой треск. Сборщик свалился.

Раскачиваясь над ним, я пытался разглядеть, что с ним. Он казался грязным пятном на земле. Тихонько застонал. Я спрыгнул и присел рядом. Он дернулся несколько раз и затих. Я осторожно ощупал его лицо. Так, жить, кажется, будет. Оглянулся. Спит все еще стоял у входа, прислушиваясь. Вскоре донесся его голос:

— Ты нашел его?

Я промычал утвердительно. Чтобы спокойно дойти до дома, надо Спита уложить рядом со Сборщиком. Спит двинулся вперед.

— Держи его, — окликнул он, — я хочу расписаться на сукином сыне! — в руке его блеснул нож.

Я присел еще ниже и подался вперед. Еще два шага. Так, теперь наступила очередь Спита. Все! Я бросился вперед и ударил его в подбородок. Но кулак только скользнул по лицу, — он успел отклониться. Нож! Я успел перехватить лезвие. Острая боль пронзила меня, когда он крутанул нож в моей ладони. Рука рефлексивно дернулась, и тут же словно раскаленным железом обожгло бок. Я задохнулся от неожиданного удара, но все-таки успел перехватить нож. Спит снова повернул его в моей ладони, но на этот раз я выдержал. Свободной рукой он потянулся к моему горлу, я наконец ударил его. Костяшки пальцев заболели — я попал ему точно в зубы. Но эта боль была приятной. Резко ударил коленом. Он охнул и скорчился. Вывернув ему руку за спину, я поднял его и поставил прямо, уперся плечом

в горло, прижал к стене и принялся бить. Бил я его до тех пор, пока у меня хватало сил удержать его. Наконец я отпустил его руку и отступил. Дышать было тяжело, будто в легкие насыпали песку. Он лежал у моих ног на животе. Я наклонился посмотреть, где нож. Тут же наткнулся — нож по самую рукоятку вошел в бок Спита. Это случилось, наверное, тогда, когда я прижимал его к стене. Не было ни радости, ни печали. Сейчас повезло мне.

Я выпрямился и медленно побрел к выходу из тупика. «Интересно, Спит умер? А впрочем, черт с ним! Все равно. Теперь уже все равно — только бы добраться до постели и лечь. А потом — все будет хорошо. Утром я проснусь, и окажется, что мне приснился плохой сон».

Я стоял перед дверью квартиры, одной рукой зажимая рану в боку, другой — разыскивая по карманам ключ. Куда он запропастился? Липкими от крови пальцами я нашел только свернутые в трубочку деньги и огрызок карандаша. Интересно, куда же я его подевал? Мысли путались в голове, стоять было тяжело, видимо, я потерял много крови. Вдруг перед моими глазами всплыла утренняя сцена. Мы повздорили с отцом, и я бросил ключ на стол. Под дверью виднелась полоска света. В квартире еще не спали. Сейчас, наконец-то, меня впустят, и я смогу отдохнуть. Я тихонько постучал и услышал шаркающие шаги отца.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, папа, — обрадованно проговорил я. — Открой, пожалуйста! — Теперь будет все в порядке. Отосплюсь и забуду этот кошмарный день.

— Уходи! Ты мне больше не сын.

До меня с трудом дошел смысл сказанной фразы. Не может быть! Неужели я окончательно рехнулся? Отец не мог сказать этого.

— Это я, Дэнни, — повторил я. — Открой дверь. У меня нет ключа.

— Я сказал тебе — уходи. Это не твой дом, — неумолимо отвечал отец.

Меня охватил ужас, я забарабанил в дверь, оставляя на ней кровавые следы.

— Пусти меня, папа! — истерически закричал я. — Мне некуда больше идти!

За дверью послышались рыдания и умоляющий голос матери. Но ее прервал властный голос отца: — Нет, Мэри, с меня достаточно. Я всегда выполняю то, что обещал. На этот раз я не уступлю!

Выключатель щелкнул, и свет под дверью погас. Плач матери затих где-то в глубине квартиры. Ничего не понимая, я смотрел на черную дверь собственного дома. Кошмар продолжался, нужно было жить дальше. Я, понурив голову, сполз вниз по лестнице. Куда идти? Сел на ступеньки, уткнулся в холодную, чугунную решетку и беззвучно заплакал.

Я, наверное, забылся на какое-то время, потому что, открыв глаза, не сразу смог понять, где нахожусь. Снова появилось ощущение, что за мной наблюдают. Вглядевшись, на другой стороне улицы я заметил силуэт машины. Фары были выключены. Мотор тихо урчал. Наверное, Сборщик очухался и донес Филдсу обо всем. Я перекатился на живот и вполз назад в парадное. Там я прислонился спиной к стене, чтобы передохнуть и обдумать положение. Может быть, мне удастся добраться до крыши и потом спуститься оттуда по пожарной лестнице в соседний дом? Тогда я оторвусь от них. А если я верну эти чертовы деньги, может быть, они от меня отстанут? Отстать-то отстанут, но сначала изуродуют. Я теперь должен им не только деньги. Да, деньги... А ведь они могут пойти на что-нибудь полезное. Даже если отец не сможет купить аптеку, мать и Мими получат хоть небольшую передышку.

На полу под почтовым ящиком я нашел какое-то уведомление. На обратной стороне листка огрызком карандаша написал: «Дорогая мама. Это — деньги на магазин. Не позволяй ему выбросить их. Они достались мне слишком дорого. С любовью. Дэнни».

Завернув деньги в записку, я засунул их в наш почтовый ящик. Сил подняться на крышу больше не было. «Будь что будет!» — решил я и вышел на улицу. Машина — уже с выключенным мотором — все так же стояла на другой стороне улицы. Подавив страх, я засунул окровавленные руки в карманы и медленно побрел

по пустынному тротуару. Я не прошел и половины квартала, когда за спиной раздался шелест шин приближающейся машины. «Бежать!» — пронеслось в мозгу, но я остановился, повернулся и пошел навстречу. Больше они не увидят мою спину! Злые слезы текли по моим щекам. От слабости подгибались колени, тошнило, но я шел, стараясь не упасть.

Но машина ехала почему-то слишком медленно — медленнее, чем убывали мои силы. Пришлось остановиться возле фонарного столба и опереться на него.

«Когда ты вырос, Дэнни?» — почудился мне далекий голос.

В жизни наступает момент, когда находишь ответ на этот мучительный вопрос. Ко мне он пришел в ту холодную ночь, в минуту смертельной опасности. Я боялся смерти. Я впервые понял, что я — смертен, что сотворен из плоти и крови, что я буду гнить, разлагаться, превращаться в прах. Кровь застынет и почернеет в моих венах. А потом наступит Судный День. Мой отец и мать были творцами лишь моего тела, но они не отвечали за мою душу.

Ноги мои подогнулись, и я, цепляясь за выскальзывающий из рук столб, медленно опустился на колени и закрыл глаза в ожидании решения Судьбы.

Машина остановилась. Стукнула дверца. Послышались торопливые шаги. «Вот и все. Вот и кончилось», — заметил я про себя и начал молиться.

Легкая рука осторожно дотронулась до моего плеча, и странно знакомый голос прошептал:

— Дэнни!

Я попытался глубже зарыться лицом в ладони. Отчаянный крик застрял у меня в груди. Смерть почему-то говорила со мной нежным женским голосом. Это, наверное, для того, чтобы продлить мои мучения.

— Дэнни, очнись! — настойчиво повторяла Смерть голосом Ронни. — Я везде искала тебя. Тебе нужно немедленно скрыться!

Нет, кажется, это не голос Смерти. Он не мог быть наполнен такой искренней теплотой, таким участием. Медленно, стараясь не спугнуть видение, я поднял голову и осмелился взглянуть на склонившуюся надо

мной женщину. Лицо Ронни было бледно в свете люминесцентных ламп.

— Я приехала, чтобы предупредить тебя, — быстро зашептала она. — Макси приказал Спиту и Сборщику разыскать тебя и проучить как следует.

На меня напал какой-то дикий смех. Я всхлипывал, икал, но никак не мог остановиться.

Она недоуменно посмотрела на меня, раздумывая, наверное, не сошел ли я с ума. Потом, увидев, что я весь в крови, воскликнула с неподдельным ужасом:

— Неужели я опоздала?

Ее испуг привел меня в чувство. Я протянул ей руку и хрипло произнес:

— Не бойся. Они не придут. Я с ними уже переговорил. Лучше помоги мне встать.

Она взяла меня за руку и помогла подняться на ноги. Никогда бы не подумал, что у нее столько силы.

— Как это — «переговорил»? — переспросила она. — Расскажи толком, что произошло?

— А Бог его знает, что произошло... Я остановил их в тупике. Спит, по-моему, отдал концы. А может быть, и Сборщик. А может быть, и оба... — эта мысль почему-то развеселила меня, но я удержался и не стал смеяться. — Они пришли убить меня, а я их прикончил. Правда, смешно? Ай да Дэнни! Ай да чемпион!

Меня трясло, я сам не понимал, что говорю. Наконец, поток слов иссяк, и я услышал, как Ронни терпеливо мне выговаривает:

— Дэнни, тебе нужно как можно быстрее спрятаться. Забиться в какую-нибудь щель и затихнуть, пока все не уляжется. Филдс перевернет весь Нью-Йорк, когда узнает, что ты натворил!

— Мне некуда спрятаться, некуда забиться... — грустно улыбнулся я ей. — Даже мой родной отец отказался от меня.

— Некуда идти? — задумчиво произнесла она.

— Совершенно некуда.

Приступ веселья исчерпал последние мои силы. Я снова стал медленно оседать на тротуар. Ронни подхватила меня под мышки и поволокла к машине. Открыв заднюю дверь, она впихнула меня на сиденье, сама села

за руль. Я почувствовал, что куда-то не то плыву, не то лечу, и провалился в забытье.

Я проснулся оттого, что кто-то сильно тряс меня. Крики чаек. Запах моря. С трудом выбрался из машины и попытался остановить головокружение. Мы стояли на улице, по правой стороне которой шли деревянные мостки с уходящими вниз, к пляжу, лестницами. Ронни вела меня к хижине, затерявшейся посреди утреннего сумрака. Вскоре я разобрал вывеску: «Закусочная Бена».

— Где это мы? — спросил я.

— На Кони-Айленд.

Мне снова стало плохо, и Ронни с трудом довела меня до закусочной. Мы обошли здание и приблизились к маленькому коттеджу.

— Бен! — постучала Ронни в дверь. — Проснись!

Зажегся свет. Кто-то проковылял к двери и хриплым со сна голосом спросил:

— Кто там?

— Бен, скорее открывай!

Дверь распахнулась, и я увидел коренастого мужчину с растрепанной бородой.

— Сара! — радостно улыбнулся он. — Я не ожидал, что ты вернешься так скоро! — Улыбка исчезла с его лица, когда он увидел меня. — А это кто?

— Потом все объясню. Впусти нас!

Мужчина молча шагнул в сторону. Ронни провела меня в дом и посадила на узкий диван. Тут же все поплыло у меня перед глазами.

— Бен, горячей воды, быстро!

Мужчина как-то неловко повернулся, и я, теряя сознание, успел поразиться тому, что один рукав у него пуст, а из-под левой штанины торчит деревянный протез. Когда я вновь открыл глаза, то увидел, как Ронни и мужчина склонились надо мной.

— Он ранен, Бен, — говорила Ронни, — он потерял много крови. Давай-ка сюда шприц и все, чем можно перевязать.

Было жарко и душно. Зачем только здесь так натоплено?! Бен, в белой рубашке рефери, поднял руку и

начал счет. Когда он дошел до девяти, я рванулся и закричал:

— Все в порядке! Я готов к бою!

Комната-ринг закружилась. Ронни и однорукий рефери почему-то встали на головы. Откуда-то выплыло лицо Спита. Спит угрожающе кричал мне, но слов нельзя было разобрать, потому что зубов у него не было. Вдруг в углу комнаты, под дверью, вспыхнула яркая полоска света. Спит с ножом в руках подбирался ко мне.

— Отец, впусти меня! — вскрикнул я и нырнул в этот спасительный луч. Я свободно плыл в ярком, но не ослепляющем свете, словно рыба, я плескался в нем, но когда я вынырнул из света, черный туман встретил меня.

ВСЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Книга третья

Глава первая

Июльское солнце, кажется, поднимается прямо из воды, лаская лучами расшалившиеся волны. Золотистый прохладный песок под ногами чист и свеж.

Утренний пляж пуст. Толпа нахлынет сюда только через два часа. Я вдохнул свежего морского воздуха и побрел к воде. Лучшего времени для купания не придумаешь — весь Атлантический океан в моем распоряжении.

Сбросил полотенце и осмотрел себя. На руке и на боку остались едва заметные шрамы — память о Спите. Все остальные следы моей схватки покрыл ровный загар.

Нырнул и поплыл к дальнему бакену, не обращая внимания на горько-соленую воду, попадавшую в рот. Доплыл, перевернулся на спину и позволил волнам нести меня к берегу. Здесь я был наедине с собой и со своими мыслями.

Трудно поверить, но прошло уже два месяца с той ночи, когда Сара привезла меня сюда. Нет, все, что произошло той ночью, — произошло не со мной. Это было с кем-то другим, живущим в моем теле и носящим мое имя. Теперь все позади. Сара смыла с меня ту ночь вместе с грязью и запекшейся кровью.

Дэнни Уайт. Так она назвала меня своему брату. Вспомнив об этом, я улыбнулся. Сначала я был слишком слаб, чтобы протестовать, но позже, посмотрев газеты и увидев свое имя под фоторепортажем с чемпионата по боксу, оценил ее предосторожность. Чем меньше

ее брат или кто-нибудь другой будут знать обо мне, тем лучше. Мы с Ронни жадно листали газеты в поисках хоть каких-нибудь сообщений в уголовной хронике о Спите и Сборщике. Но там не было ни слова. Когда Бен вышел, я спросил ее:

— Думаешь, их еще не нашли?

— Не знаю, — она озабоченно покачала головой. — Сегодня вечером, пожалуй, я смогу сказать тебе...

— Ты поедешь к ним?

— Ехать надо обязательно. Если я не появлюсь, Макси поймет, что случилось что-то из ряда вон выходящее, и явится сюда.

Я попытался подняться, но, обессилев, снова упал на подушки.

— Ронни, мне надо выбраться отсюда. У тебя могут быть неприятности.

— И куда ты пойдешь? — с любопытством спросила она.

— Не знаю, — признался я. — Подыщу что-нибудь. Мне нельзя оставаться у тебя. Рано или поздно они пронюхают об этом, разделаются со мной, а заодно — с тобой и Беном.

Она наклонилась и ласково потрепала меня по щеке.

— Ты останешься здесь, — твердо сказала она. — Поработаешь с Беном, поможешь ему в баре. Летом сюда приезжает миллиона полтора отдыхающих. Толпа — идеальное место, чтобы спрятаться. Да им и в голову не придет, что ты можешь быть здесь.

В том, что она сказала, был смысл.

— Но как же ты? Ведь Макси обязательно спросит, где ты была ночью. Что ты ему ответишь?

— Ничего, — отрезала она. — Любая секретарша имеет право взять сутки отдыха. В крайнем случае скажу, что ездила проведать брата. Макси знает, что каждую неделю я езжу к Бену.

— А твой брат знает о Макси?

— Он думает, что я личная секретарша Филдса. А до этого думал, что я работаю манекенщицей. — Она умоляюще посмотрела мне в глаза. — После аварии, пять лет тому назад, он хотел умереть, когда узнал, что лишился руки и ноги. Он решил, что теперь ему не

найти работы, ведь тысячи здоровых парней обивали пороги биржи труда. Он не хотел быть для меня обузой, мы ведь с ним одни на белом свете. А в тот год я как раз закончила школу — пока я училась, Бен был для меня и отцом, и матерью. Я убедила его, что смогу прокормить и его, и себя до тех пор, пока он не оправится и не подыщет себе какое-нибудь дело. — Сара горько усмехнулась. — Я была наивным ребенком. Я и не подозревала, сколько денег нужно на врачей, на лекарства, я не знала, как мало платят стенографистке. Моих пятнадцати долларов едва хватало на еду. Сначала я работала в агентстве по распространению билетов. Я быстро освоила дело, но платить больше мне не стали. Тогда, доведенная до отчаяния, я пошла к шефу и попросила прибавки к жалованию. Он только рассмеялся. Я не могла понять, над чем он смеется, и прямо спросила его об этом.

— Ты смышленая девочка, — ответил он, — однако я не могу платить тебе больше.

— Но мне очень нужны деньги! — воскликнула я. Он минуту постоял в раздумье. Потом подошел ко мне и взял за подбородок.

— Если ты действительно в затруднительном положении, — сказал он, — я могу предложить тебе одно прибыльное занятие.

— Какое? Я на все готова. Мне нужны деньги!

— Сегодня у нас вечеринка. Ко мне приехали друзья и просили позаботиться о девочках, чтобы приятно провести время. Они платят двадцать долларов за вечер.

Наивная дура! Тогда я не понимала, о чем идет речь. Меня заворожила возможность заработать за вечер больше, чем я зарабатывала за неделю. И я согласилась встретиться с его друзьями...

Сара решительно встала. Лицо ее было холодным, голос бесстрастным.

— Вот так все и началось. Я работала не только днем, но и вечером. Теперь-то я могла оплатить врачей и лекарства. Но лишь тогда, когда на одной из таких вечеринок я встретила Макси Филдса и понравилась ему, я смогла накопить достаточно денег и купить Бену этот магазинчик.

Я не знал, что сказать. У меня пересохло во рту и страшно хотелось курить. Увидев, что я пытаюсь дотянуться до пачки сигарет, она решила помочь мне. Наши руки встретились. Я сжал ее холодные пальцы, она печально посмотрела мне в глаза.

— Так было до той ночи, когда я упросила тебя задержаться у меня. Всегда за деньги. Всегда без любви. Всегда для кого-то, только не для себя. С тобой я поняла, как много потеряла. Но было слишком поздно, я вышла на рынок, мне дали цену, и теперь трудно что-либо изменить.

— Ронни... Сара, ты считаешь, что тебе обязательно туда возвращаться?

— Да, Дэнни... Видишь, с какой продажной тварью ты связался. — Она вытащила из пачки сигарету и протянула ее мне. — Дэнни, давай оставим между нами все, как было той ночью... Ведь мы друзья, правда?

— Да, Сара, мы с тобой друзья, — эхом откликнулся я.

Вошел Бен с кастрюлькой бульона. Немного поев, я задремал. Когда я проснулся, ее уже не было, рядом сидел Бен и задумчиво глядел на меня своими печально-ласковыми, как у Сары, глазами.

— Она уже уехала?

Бен молча кивнул, потом добавил:

— Ее босс, мистер Филдс, будет ждать ее днем. Он очень занятой человек и не может обходиться без ее помощи.

— Да, — согласился я, — он — важная персона.

Неловко прокашлявшись, Бен произнес:

— Сара сказала, что ты не прочь поработать со мной это лето.

— Да.

— Я не смогу платить много, — продолжал он извиняющимся тоном, — потому что сам не знаю, будет прибыль или нет.

— Не будем говорить о деньгах, Бен, — ответил я. — Это не важно. Важно другое — смогу ли я отплатить тебе за твою доброту.

Он широко улыбнулся и радостно сказал:

— Мы поладим с тобой, Дэнни.

И действительно, мы с ним прекрасно ладили вот уже почти два месяца. Сара приезжала раз в неделю и радовалась нашим успехам в торговле. Бен был счастлив, но я видел, что дело у него идет из рук вон плохо. Широкая душа — он тратил деньги быстрее, чем мы их зарабатывали. Но главное — Филдс до сих пор не добрался до меня, а большего мне и не нужно было.

Через неделю после моего спасения Сара привезла первые сведения о Спите и Сборщике. Они лежали в частной клинике одного из друзей Филдса. У Сборщика была сломана челюсть, а Спиту пришлось перенести сложную операцию — еще несколько сантиметров, и нож вошел бы ему в сердце. Короче, все обошлось более или менее благополучно, и это было хорошо: я не хотел бы, чтобы на мне был и этот грех.

Филдс, конечно, был вне себя от ярости. Он поклялся всеми святыми, какие у него только были, что достанет меня из-под земли, и тогда я пожалею, что появился на свет божий. В ту ночь его люди обыскали всю округу, да и теперь поиски еще продолжаются.

Шло время, и ярость Филдса утихала. По словам Сары, он все реже вспоминал обо мне, но если вспоминал — настроение у него портилось. Он был убежден, что я с деньгами смылся из города. Естественно, у меня не было ни малейшего желания разубеждать его в этом.

Порой мне нестерпимо хотелось попросить Сару узнать что-нибудь о моей семье, о Нелли, но каждый раз что-то удерживало меня от этого. Я даже не осмеливался написать им, так как Сара предупредила меня, что Филдс не выпускает их из поля зрения. Мне было интересно узнать, удалось ли отцу купить аптеку с помощью моих денег, устроилась ли на работу Мими, как чувствует себя мама. Наверняка, она была просто убита моим исчезновением. Ночами я подолгу лежал без сна, думая о них. Закрыв глаза, я представлял, что вернулся домой, мне чудился запах куриной лапши... Потом опять всплывало сердитое лицо отца... Но стоило открыть глаза, как все мгновенно исчезало.

Я думал о Нелли, я мечтал о ней. Ее милое лицо с мудрой улыбкой итальянской мадонны, с глазами, пол-

ными нежности и любви. Поняла ли она, что со мной случилось? Помнит ли она последние слова мои: «Что бы ни случилось, помни, что я люблю тебя!»? Она еще тогда кивнула в ответ и прошептала: «Я знаю и верю тебе, Дэнни!»

Я тряс головой, прогоняя от себя эти видения, — от них впору было свихнуться. Засыпал под утро, слушая ровное сопение Бена. А когда просыпался — солнце светило так жизнерадостно, что нельзя было не поверить: все будет о'кей!

Вот и сейчас солнце ласкало меня своими лучами.

— Дэнни! — услышал я знакомый голос.

От неожиданности я чуть не хлебнул воды, перевернулся и увидел Сару. Она стояла на берегу и махала мне рукой.

Глава вторая

Когда я доплыл до берега, она уже разделась, постелила полотенце и сидела, наслаждаясь солнцем.

— Что вы тут делаете, мисс? Мы ожидали вас только послезавтра.

— Макси уехал из города, — сказала она, надевая купальную шапочку. — Я свободна на весь уик-энд.

— Что-нибудь стряслось?

— А я почем знаю? Главное, что теперь я могу провести пару дней наедине с тобой.

Смысл ее слов дошел до меня только тогда, когда мы отплыли довольно далеко. А Бен? Я повернулся и с любопытством посмотрел на нее. Плавала она неплохо.

— Ты видела Бена? — спросил я.

— Ага, — фыркнула она. — Он сказал, что ты здесь. — Она перевернулась на спину и раскинула руки. — Как хорошо, господи! Давно не плавала, устала.

Я подплыл к ней и поддержал ее за плечи.

— Отдохни немного. Сейчас дыхание восстановится.

Ее легкое, почти невесомое в воде тело словно притянуло к моей ладони, возбуждение пронизало меня, и я поспешно отпрянул. Она повернулась и удивленно посмотрела на меня.

— Почему ты отпустил меня, Дэнни? Мне было так хорошо.

— Да вот, волна... — попытался я оправдаться.

— Не думай, что меня легко провести. Что случилось?

Я виновато смотрел на нее. Ее лицо, омытое океанской водой, сейчас было молодым и удивительно свежим, будто вода смыла все те нелегкие знания, всю ту боль, что носила она в своем сердце. Мне не хотелось лукавить, это было бы нечестно по отношению к ней.

— Так мне легче, Сара, — признался я.

— Легче? — насмешливо откликнулась она.

— Ты такая красивая...

— И только? — улыбнулась она.

— А что может быть еще?

Она помолчала, потом спросила:

— Кто я для тебя, Дэнни?

— Ты — мой настоящий друг, это главное.

Она подплыла ко мне и обвила шею руками.

— Только друг, Дэнни?

— Разве этого мало? — пробормотал я. — Для меня — очень, очень много, и я бы не хотел, чтобы наша дружба исчезла.

— А если ты меня поцелуешь, то она исчезнет?

— Не знаю, может быть, — пожал я плечами.

— Почему? Потому что ты любишь другую?

Я молча кивнул.

— А ты все-таки попробуй, может быть, ничего не случится с нашей дружбой? — она загадочно улыбнулась, прижалась ко мне всем телом и подставила просящие губы. Они были мягкими и слегка горьковатыми от морской воды. Теперь она вовсе не казалась невесомой, а наоборот тянула меня в бездонные океанские глубины. Нехотя она отстранилась от меня и печально посмотрела вдаль.

— Я знаю, что ты никогда не полюбишь меня так, как любишь ее. Наверное, так оно и должно быть. Но мы можем многое дать друг другу. Пусть ненадолго, но это нужно нам обоим, как глоток воды умирающему от жажды. Поэтому не будем портить наше маленькое счастье ненужными угрызениями совести.

Вместо ответа я еще раз крепко поцеловал ее.

Она научила меня одной важной вещи — жестоко отталкивать друзей, не давая им того, что им нужно. Если же они бывали согласны принимать мираж за реальность, то в этом не было моей вины — только их.

Она заботливо вытирала мне спину полотенцем.

— Я только сейчас заметила, что ты стал совсем черным от загара, а волосы — выгорели. Теперь тебя никто и не узнает.

— Но ты же меня узнала, — улыбнулся я.

— Это совсем другое. Я всегда узнаю тебя, даже с закрытыми глазами, милый. К тому же я знала, где тебя искать.

Неожиданно на ее лице появилось озабоченное выражение.

— Да, кстати. Только что вспомнила. Ты знаешь Сэма Готкинса, концессионера?

— Да, а что?

— На следующий день он приходил к Макси в офис и спрашивал о тебе. С ним был еще один парень-итальянец. Кажется, его звали Зеп. Его ты тоже знаешь?

— Да, это брат моей девушки. А как они вышли на Макси?

— До них дошло, что Макси ищет тебя. Вот они и пришли выяснить, в чем дело. Оказывается, Сэм и Макси — старые приятели. Я слышала, как Сэм сказал, что он ничего не знал о твоем исчезновении, но твоя сестра пришла к нему навести справки. Почему она обратилась именно к нему?

— Раньше я работал у Сэма, — объяснил я. — Кроме того, Сэм был моим менеджером, он хотел сделать из меня профессионала... Ну и что Макси ответил?

— Он сказал, что ищет тебя.

— Макси сказал, зачем я ему нужен?

— Да! И Сэм страшно рассвирепел. Он ругал Макси последними словами, кричал, чтобы тот убрал от тебя свои вонючие лапы. Я впервые слышала, чтобы с Макси так разговаривали.

— Ну и что, Филдс проглотил все это?

— Не совсем. Он почувствовал, что Сэм может дать откупного теперь, когда потерял тебя. Они долго спорили. Макси сказал, что рассчитается с тобой, если поймает. Сэм предупредил Макси, что лично свернет ему шею, если с тобой что-нибудь случится. Он сказал, что должен сначала потолковать с тобой, а уж потом они решат, что делать дальше.

Я в отчаянии опустил голову: больше надеяться было не на кого.

— И тогда Макси согласился? — спросил я, заранее зная ответ.

— Похоже, что да, потому что после этого они успокоились и долго беседовали о каких-то делах. Выпили бутылку виски. Потом Сэм позвонил твоей сестре, договорился встретиться и ушел. Макси еще долго топал ногами и божился, что доберется до тебя, а уж потом сообщит об этом Сэму.

Другого я не ожидал. Хитрый боров не мог поступить иначе. Вдруг Сара ошарашила меня вопросом:

— Твоя сестра обручена с Сэмом Готкинсом?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Разговаривая с Макси, Сэм больше всего напирал на то, что он первым должен поговорить с братом невесты. Он сказал, что если Филдс расстроит их женитьбу, то он этого никогда ему не простит. Ты подозревал что-нибудь подобное?

— Нет, — покачал я головой. — Я даже не подозревал, что они познакомятся.

Сэм и Мими... Кто бы мог подумать! Это было самое удивительное в рассказе Сары.

Глава третья

Я стоял за стойкой бара, когда на террасу, пыхтя и сердито стуча протезом, взобрался расстроенный Бен.

— Черт бы побрал этих мальчишек-разносчиков!

— Что случилось, Бен? — спросила Сара.

— К нам направлялся клиент, — махнул он рукой в сторону пляжа, — а вон тот мальчишка перехватил его. Удивляюсь, как мы еще не вылетели в трубу. Эту орущую стаю нужно как-то убрать.

— Полиция и так гоняет их с пляжа, — заметила Сара.

— Девок голозадых твоя полиция гоняет, — в сердцах бросил Бен и поковылял на склад.

— Кажется, Бен не на шутку рассердился, — потянулся я.

— У него есть для этого все основания, — озабоченно проговорила Сара. — Он ведь всегда мечтал об этом баре и лавке. Но если так пойдет и дальше, то он едва покроет расходы. А о прибыли и говорить нечего. Бен — гордый, он терпеть не может обращаться ко мне за деньгами.

Как я раньше не подумал об этом! Сэм разбогател исключительно благодаря тому, что давал своим арендаторам высокий процент от прибыли. Они были кровно заинтересованы в увеличении выручки. А что, если мы с Беном пойдем по этому пути? А мальчишки будут нашими арендаторами! Это была идея!

Я подошел к Бену, который мрачно стоял у кассы, и положил ему на плечо руку.

— Послушай, старик. А ведь мальчишек можно приручить. — Он непонимающе уставился на меня. Я показал большим пальцем за спину, на пляж. — Почему бы не взять их в долю?

— Не смеши людей, Дэнни. Ты хочешь, чтобы я на одной ноге скакал по пляжу и собирал то, что они мне должны?

— Тебе не придется за ними бегать. Они будут платить тебе за товар авансом. Ты ведь закупаешь товар оптом, а с ними на складах никто и разговаривать не будет. Ты делаешь наценку и перепродаешь товар ребятам. А уж по сколько они его смогут сбыть — не твоя забота.

— А что! — загорелся Бен. — Если возьмешь на себя переговоры с ними, можно попробовать.

— Согласен! Вот увидишь, они через неделю станут твоими друзьями.

Сара с любовью смотрела на нас.

— Ну что, Бен, по рукам?

— По рукам, Дэнни! Просто я забываю, что я теперь не один.

Старый будильник показывал одиннадцать часов, когда Бен поднялся из-за стола:

— Все, больше не могу! — решительно проговорил он, с отвращением отодвигая от себя гору мелочи. — Сара, будь добра, посчитай остальное, иначе я сойду с ума.

Сара принялась быстро перебирать монеты, а Бен, усталый и счастливый, обернулся ко мне.

— Ну и неделька! Я никогда так не уставал. Эти мальчишки замучили меня.

— Что я тебе говорил, — улыбнулся я. — Мы сделали почти восемь сотен — и это меньше, чем за шесть дней. Это только начало.

— Боюсь, что к концу сезона я протяну ноги и вы сможете похоронить меня в серебряном гробу, как спящую царевну.

Мы с Сарой рассмеялись. Она ссыпала монеты в небольшие бумажные пакеты.

— Никогда не видела столько мелочи, — призналась она.

Вдруг Бен напустил на себя серьезный вид, откашлялся и торжественно произнес:

— Вот, мы тут с Сарой подумали и решили, что будет только справедливо, если ты получишь двадцать пять процентов от выручки.

Я изумленно уставился на улыбающиеся лица брата и сестры. У меня комок подступил к горлу, что-либо ответить я был не в силах.

— Ты не доволен, Дэнни? — забеспокоился Бен. — Ты считаешь, этого мало?

— Я... я не знаю, как тебя благодарить , Бен, — обрел я, наконец, дар речи.

— Благодарить надо не меня, а сестру. Это она надоумила меня выделить тебе процент. Ведь идея-то была твоей.

— Все законно, Дэнни. Ты заработал эти деньги, — подтвердила Сара.

Бен сразу же начал строить прожекты:

— А почему бы нам не снять комнату с ванной в отеле? Век не принимал горячей ванны. Теперь мы можем себе это позволить.

Я отрицательно покачал головой. Отель был слишком людным местом, кто-нибудь обязательно узнал бы меня.

— Нет, Бен. Вы с Сарой можете идти, а я останусь. Надо ведь кому-то присматривать за всем здешним хозяйством?

Бен растерянно посмотрел на меня, потом на Сару. Она сразу же поняла, чего я опасаюсь.

— По-моему, Дэнни прав, — поддержала она меня. — Потом ты, Бен, сменишь Дэнни.

Дверь за ними закрылась. Я устало растянулся на койке и закурил. Здесь я был в полной безопасности. Незаметно для себя я заснул.

Проснулся я от осторожного стука в дверь. Снаружи было темно, и я зажег свет. Часы показывали час ночи. Снова поскреблись в дверь. Я потер лицо и насторожен-но спросил:

— Кто там?

— Я, — раздался голос Сары.

Я открыл дверь и выглянул наружу. Яркий холодный свет полной луны смешался с неоном нашей вывески в нечто фантастическое.

— Мне не спалось, — смущенно сказала Сара, — и я решила прогуляться. Проходила мимо и заглянула по-смотреть, спишь ли ты?

Я отошел в сторону, пропуская ее.

— Бен принял ванну и сразу завалился спать, — продолжала она, проходя. — Он здорово устал за неде-лю, но я никогда не видела его таким счастливым.

— Я рад, — сказал я, садясь на койку.

Она присела на стул напротив.

— Дай мне сигарету, — попросила она.

Я протянул ей пачку.

— А спичку?

Пришлось встать и дать ей прикурить.

— Сколько тебе лет, Дэнни? — спросила она, выды-хая дым.

— Восемнадцать.

Опять наступило молчание.

— Дэнни, я завтра опять уезжаю в город.

— Я знаю.

— Да что ты можешь знать, — с раздражением про-изнесла она и поджала губы. — Если бы ты знал, на-

сколько мне ненавистна сама мысль об этом!.. Но если я не поеду, он явится сюда.

Я молча наблюдал за ней. Она встала и воскликнула:

— Ненавижу, ненавижу эту грязную свинью! Век бы его не знать!

— Я бы тоже хотел этого, — попытался пошутить я.

— Ты и не знаешь его. С тобой он не может сделать то, что проделывает со мной. Твое счастье, что ты — мужчина.

Неожиданно она беззвучно разрыдалась. Я беспомощно обнял ее за плечи, не зная, как утешить. Она плакала, спрятав лицо у меня на груди.

— Дэнни, Дэнни! Ты не знаешь... Он — зверь, садист. Дэнни, если бы ты только знал, как я его боюсь... как я не хочу возвращаться!

— Тогда не возвращайся, — сказал я, гладя ее волосы. — У Бена дело пошло. Тебе больше не нужны грязные деньги Макси.

Она подняла на меня глаза, полные смертной муки.

— Я должна, Дэнни. Он обязательно придет сюда, и тогда Бен узнает обо всем. Я не могу допустить этого.

Мне нечего было возразить. Я просто наклонился и поцеловал ее.

— Наступит день, Сара, когда тебе не нужно будет возвращаться, — пообещал я.

— Дэнни! — она порывисто прильнула ко мне. — Я больше не могу стоять на ногах.

Мы молча пошли к постели.

Она была искусна в любви и полностью отдавала себя. Она бросалась в любовь, как в омут, и я не мог не ответить ей тем же.

Через неделю Бен объявил, что Сара уходит от Макси Филдса, что они с сестрой собираются податься на Запад и открыть новое дело и надеются, что я поеду с ними.

Глава четвертая

Сара тщательно распланировала свой отъезд. В полдень она заедет за Беном на своей машине, и они сразу же отправятся. Я догадывался, что она бежит от своего

мучителя, правда, последнее время мы с ней почти не разговаривали. Она старалась избегать меня, а мне не хотелось навязываться со своими расспросами. И так было видно, что решение уехать тайком далось ей нелегко. Летний сезон на Кони-Айленд подходил к концу.

— Жаль, что с нами не едешь, — донесся возбужденный голос Бена из глубины коттеджа. — Сара была уверена, что ты с нами... Она очень расстроилась.

В то время, когда я обдумывал ответ, разделся стук в дверь.

— Должно быть, это Сара. Что-то рано она... — бормотал Бен, идя к входной двери.

Дверь стукнула, раздался знакомый голос. Я замер, парализованный страхом.

— Где твоя сестра? — спрашивал Бена Спит.

Первой моей мыслью было — «бежать!» Но единственный выход — передняя дверь. Я на цыпочках прошел к двери нашей с Беном комнаты и прислушался.

— Сестра? — недоуменно спросил Бен.

— Ты что, не понимаешь, о ком я говорю, козел? Или у тебя десять сестер? Мы говорим о Ронни, девке Филдса!

Последнюю фразу проревел Сборщик. И этот здесь.

— Ах, да! Моя сестра работает секретаршей Филдса. Заходите. Она скоро будет.

Мои знакомые все-таки добрались до меня. Но, кажется, они ни о чем не подозревают. Фактор внезапности на моей стороне. Это хорошо.

Раздались тяжелые шаги. Я, затаив дыхание, прильнул к щелке. В центре комнаты стояли Спит и Сборщик. Сборщик заржал.

— Секретарша Филдса? Это теперь так называется?

Бен озадаченно посмотрел на него, не понимая, чего этот верзила вдруг так развеселился.

— А что, она срочно понадобилась мистеру Филдсу?

— Ага! Она нужна ему два-три раза в день и столько же ночью.

— Но если есть что-то срочное, — продолжал все еще ничего не понимающий Бен, — она может задержаться на два-три дня.

— А что, — насторожился Спит. — Разве она уезжает?

— Да, — утвердительно кивнул Бен. — Она предупреждала мистера Филдса...

Сборщик опять заржал.

— Макси от души посмеется, когда узнает, что его крошка решила смыться от него.

Лицо Бена посуровело.

— Что ты сказал? — жестко выговорил он.

— Что слышал, — рявкнул Сборщик. — Еще ни одна шлюха не уходила от Макси Филдса сама, какой бы дорогой она ни была.

— Ты ответишь за свои слова, подонок, — задыхаясь от ярости выкрикнул Бен и бросился на Сборщика.

Он исчез из поля зрения, я слышал теперь только глухие удары, видимо, они сбили его с ног, вернее с ноги.

— Сара! Не ходи сюда! Не ходи! — отчаянно закричал Бен, не обращая внимания на удары тяжелых ботинок.

— Ты, однорукий краб, заткнись. А то я тебе вторую клешню оторву, — угрожающе процедил Сборщик.

Я изменил положение, теперь мне было лучше видно, что происходит. Бен лежал на спине, единственную его руку придавил Спит. Сборщик уперся коленом ему в грудь и наотмашь бил по лицу.

— Давай лучше оттащим его в заднюю комнату, — предусмотрительно предложил Спит. — А то Ронни закатит истерику, если увидит его в таком виде. Я подожду ее снаружи, а ты присмотри за этой развалиной.

Сборщик согласно кивнул. Рывком он поставил окровавленного Бена на ноги.

— Ну давай, шевелись, и сиди смирно! — угрожающе произнес Сборщик, подталкивая Бена к моей двери.

Я отчаянно заметался по комнате и вдруг увидел увесистый ломик, которым мы открывали ящики. Схватил его и замер, прижавшись с стене у двери. Дверь отворилась, и в комнату тяжело проковылял Бен, а за ним — Сборщик. На мгновение меня скрыла распахнувшаяся дверь, а потом Сборщик пинком, не оборачиваясь, захлопнул ее. Не мешкая, я сделал шаг вперед и саданул его ломиком по жирному затылку. Он беззвучно рухнул на пол, так никогда и не узнав, кто его вырубил.

— А я уже беспокоился за тебя, малыш, — хрипло пробормотал Бен.

— Я был здесь, Бен. Извини, что не мог вступиться раньше. Нужно было выбрать момент.

— Молодец! Ты смышленый парень, — благодарно улыбнулся Бен разбитыми губами. — Ты слышал, как они поносили Сару?

Я кивнул.

— Это правда, что они говорили?

Нельзя было не почувствовать, как мучительно-напряженно ждет он ответа. Его любящее сердце готово было верить всему, что бы я ни сказал.

— Нет! — решительно ответил я. — Филдс занимается игорным бизнесом. Сара не знала об этом, поэтому стала его секретаршей. А когда узнала о его темных делишках — было уже поздно. Она слишком много знала, и так просто они бы ее не отпустили.

Лицо Бена немного просветлело.

— Бедная девочка, — прошептал он. — Сколько ей пришлось вынести из-за меня! — Он вновь вопросительно посмотрел на меня. — А как ты с ней познакомился?

— Я схлестнулся с этими громилами, был ранен. Она спасла меня.

Впервые за все время Бен спросил меня о том, что произошло. До сих пор он верил ей на слово, что я по неосторожности вывалился из ее машины, когда она везла меня к нему как помощника.

— Сара — честная девушка, — добавил я.

Бен пристально посмотрел мне в глаза, проверяя, правду ли я говорю. Понемногу взгляд его теплел, уходила безысходная боль.

— А что будем делать со вторым?

— Я о нем позабочусь. У нас с ним старые счеты.

Я наклонился над Сборщиком. Он тяжело сопел в забытьи. Распахнув пиджак, я вытащил из внутреннего кармана его пистолет. Раньше мне никогда не приходилось иметь дело с оружием, поэтому я с опаской держал его в руках.

Взглянув на пистолет, Бен понимающе кивнул.

— Это объясняет многое. Теперь мне ясно, почему такая спешка с отъездом, почему она всегда торопилась вернуться на работу. Она не хотела, чтобы я знал.

— Да, старик, — задумчиво ответил я. — Она не хотела, чтобы ты знал.

Донесся звук подъехавшего автомобиля. Мы растерянно посмотрели друг на друга. Я сделал знак, чтобы Бен лег на койку, а сам встал за дверью.

Послышались торопливые шаги Сары, раздался насмешливо-спокойный голос Спита:

— Привет, крошка, Макси очень разволновался, когда увидел, что твои вещи исчезли. Нельзя так волновать папочку.

— Бен! Что вы сделали с Беном? — вскрикнула она.

— С ним все в порядке, Ронни. Но может что-нибудь случиться, если ты будешь вести себя плохо. Сборщик беседует с ним в задней комнате.

Раздался торопливый стук ее каблучков, через мгновение она влетела в комнату.

— Бен, Бен! Что они с тобой сделали?

Бен шагнул ей навстречу и улыбнулся. Вслед за ней в комнату вошел Спит. Я снова вышел из-за двери и приставил дуло пистолета ему между лопаток.

— Стой спокойно, Спит. Не вздумай дергаться... А то я нервничаю, так как не очень хорошо умею обращаться с этой штукой.

Спит застыл и втянул голову в плечи. За лето он тоже вырос и набрал веса. Не поворачивая головы, он спросил с осторожным любопытством:

— Дэнни?

Я ткнул его пистолетом в бок.

— К стене, Спит, прямо к стене, пока ее не обнимешь и не поцелуешь.

Он осторожно переступил через Сборщика.

— Опять твои старые шутки, Дэнни. Сначала умыкнул деньги Филдса, теперь добрался и до его дев...

Последнее слово договорить я ему не дал, ударив рукояткой пистолета по голове. Он пошатнулся, я резко добавил ему по почкам. Теперь он не мог отойти от стенки, даже если бы очень захотел. Я снова ткнул его пистолетом под ребра, достал из кармана кнопочный нож.

— Макси это не понравится, Дэнни, — с угрозой проговорил Спит. — Один раз тебе удалось уйти, второй раз он всерьез займется тобой. Он не любит, когда так обращаются с его людьми.

— Его людям вряд ли понравится, если я отправлю их на тот свет, — рассмеялся я.

Бен обнимал плачущую Сару.

— Не плачь, дорогая, — приговаривал он. — Тебе больше не придется работать у этого страшного человека.

Сара перестала плакать и испуганно посмотрела на меня.

— Он все знает, Дэнни? Неужели они...

— Я сказал ему, — прервал я ее, — я сказал ему, что за человек твой шеф. Я объяснил, что Макси не отпускал тебя, потому что ты слишком много знаешь.

— Сара, почему ты раньше не рассказала мне, что вынуждена работать у негодяя? — укоризненно произнес Бен. — Мы бы вместе нашли какой-нибудь выход.

Сара подарила мне благодарный взгляд. Я ободряюще улыбнулся ей.

— Я не посмела, Бен. Я очень боюсь этого человека.

— Ну, теперь-то ты можешь не бояться, — успокоил ее Бен. — Мы сейчас сдадим этих подонков в полицию и двинемся в путь.

— Но мы не можем этого сделать! — испуганно воскликнула Сара.

Я бросился ей на выручку.

— Полиция задержит вас и начнет долгое разбирательство. Так вы никогда не уедете. Лучше трогайте поскорее. А я их сам сдам...

Тут раздался сдавленный голос Спита, о котором все позабыли.

— Я больше не могу так стоять, Дэнни. Вот-вот свалюсь. Можно мне повернуться?

— Сейчас, подожди, — откликнулся я. — Одну миниточку неудобств, но ты сам виноват — тебя ведь не приглашали в гости.

Я поднял с пола кусок стальной проволоки и крепко стянул ему руки. Он повернулся, злобно глядя на меня.

— Присаживайся, Спит, — сказал я, резко толкнув его на кушетку. — Чувствуй себя как дома.

Он молчал. Лишь зыркал на меня глазами и скалил в бессильной злобе зубы.

Наконец, весь багаж Бена и Сары был собран. Бен с сомнением посмотрел на меня.

— Ты уверен, что тебе не понадобится моя помощь?

— Все будет в порядке, старина, — усмехнулся я. — Давайте, вам надо торопиться.

Он подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Прощай, малыш. Спасибо тебе. И да хранит тебя Господь!

— До свидания, Бен. Будем живы — увидимся!

Он повернулся, чтобы выйти, и столкнулся в дверях с Сарой.

— Ты точно не хочешь ехать с нами? — спросила она меня.

— Сама видишь, я сейчас немного занят, — пошутил я.

Она попыталась улыбнуться, но у нее это плохо получилось.

— Дэнни! — воскликнула она, не в силах скрыть охватившие ее чувства, и бросилась в мои объятия.

— Сара, тебе пора, — здраво сказал я, и мне самому стало противно от моей же рассудительности. — Пусть все останется в прошлом: и плохое, и хорошее. Так будет легче начать новую жизнь.

Она кивнула, закусив губу. Потом нежно поцеловала меня в щеку и быстро вышла из комнаты.

Спит с интересом наблюдал за нами.

— Мы обшарили каждый уголок, — сказал он. — А вот сюда заглянуть не догадались. Теперь я припоминаю, Ронни тоже не было в ту ночь.

— Слушай, по-моему, встречаемся мы каждый раз без радости, расстаемся без сожаления. Может быть, прекратим эту игру?

— Не всегда же тебе будет везти, — огрызнулся Спит.

В его лице была какая-то странная перемена. Я не сразу понял, что у него не было больше заячьей губы. Он тоже заметил мой пристальный взгляд.

— Да, я забыл поблагодарить тебя, Дэнни. Когда ты отделал меня той ночью, ты так раскроил мне губы, что пришлось делать пластическую операцию...

— Не стоит благодарности. Ведь мы же свои люди. Я всегда готов раскроить тебе еще что-нибудь. А теперь, дружок, перевернись-ка на живот.

Он неохотно растянулся на узкой койке. Я быстро связал ему ноги и пропустил проволоку через петлю, стягивающую руки. В таком положении он пролежит долго, пока кто-нибудь из мальчишек-разносчиков не найдет его. Потом я подошел к Сборщику. Этот дышал ровно. Приподняв веко, я заглянул в зрачок. Громила не скоро придет в себя. Не спеша я собрал мои нехитрые пожитки и побросал их в недавно купленный саквояж. Спит напряженно наблюдал за моими сборами.

— На этот раз тебе не удастся смыться, Дэнни, — зловеще произнес он.

Я подошел к койке и задумчиво поднял пистолет. В его глазах отразился ужас.

— С чего это тебе пришло в голову? — спросил я.

Он молчал, не сводя глаз с пальца на спусковом крючке. Я усмехнулся и положил пистолет в карман, Спит облегченно перевел дыхание.

— Черт с тобой, пока живи. Но я не советую еще раз встречаться со мной. В следующий раз я не буду таким добрым. Дырки в башке пока не штопают...

Автобус южного направления стоял на пароме, который медленно вытягивался из Нью-Йоркской гавани. Я бросил прощальный взгляд на огни родного города. Они недоуменно подмигивали, словно спрашивая, куда это меня несет. Начался мелкий противный дождь.

Погода была под стать настроению. Я многое оставлял позади — целый отрезок жизни, где было все: любовь и ненависть, радости и горести, друзья и враги. Однажды я вернусь сюда. Может быть, тогда все будет по-другому.

Я удобно устроился в кресле и открыл утреннюю газету. Вдруг в колонке светских новостей мое внимание привлекла маленькая заметка. В ней сообщалось:

> Вчера состоялось бракосочетание Сэма Готкинса — одного из ведущих концессионеров, в прошлом знаменитого боксера-полутяжеловеса, вы-

ступавшего под именем Сэма Гордона, — и Мириам Фишер, сестры чемпиона страны по боксу Дэнни Фишера. После медового месяца на Бермудах молодожены поселятся в новом доме в Сентрал Парк Саут, специально перестроенном женихом для своей невесты.

Моя рука автоматически потянулась к кнопке — остановить автобус, — но я тут же убрал руку — возвращаться мне было некуда.

Я еще раз перечитал заметку. Мими и Сэм. Интересно, как это у них все срослось? А что с тем парнем, от которого она совсем недавно была без ума? Я устало закрыл глаза. Все теперь стало безразлично. В их жизни для меня не было места. И не надо.

Я задремал, убаюканный мерным покачиванием автобуса и шелестом дождя. Мне снились Сэм и Мими, но каждый почему-то в отдельности. Никак не удавалось объединить их, чтобы пожелать счастливой семейной жизни.

Глава пятая

Она сидела перед трюмо и безутешно плакала, вытирая слезы скомканным кружевным платком.

Папа нервно повернулся к маме.

— Чего это она разревелась? — спросил он. — Это же ее свадьба, а не похороны.

Мать хмуро посмотрела на отца, взяла его за руку и вывела из комнаты Мими.

— Иди-ка лучше к гостям, — твердо сказала она. — К началу церемонии бракосочетания она успокоится.

Дверь за ним захлопнулась. Мама присела на краешек кровати и принялась ждать, когда Мими справится с очередными рыданиями. Наконец, переборов себя, Мими затихла в кресле — маленькая и беззащитная.

— Ты его не любишь, — тихо заметила мама.

Дочь вскинула голову, взглянула на мать и вновь поспешно отвела глаза.

— Я люблю его, — выдавила она.

— Тебе не обязательно выходить за него замуж, если ты его не любишь.

Мими уже полностью взяла себя в руки, она бесстрастно откинулась на спинку кресла.

— Все в порядке, мама. Все это — детские капризы.

Мама посмотрела на нее строго и участливо.

— Может быть, ты думаешь, что сразу станешь взрослой, как только выйдешь замуж?

Мими молча посмотрела на себя в зеркало, встала и подошла к раковине, чтобы умыться.

— Всю жизнь, Мириам, — продолжала мама, — тебе придется находиться рядом с этим человеком. Всю жизнь тебе придется скрывать...

— Мама! — в отчаянии воскликнула Мими. — Но теперь уже поздно говорить об этом!

— Нет, не поздно! Ты еще можешь изменить свое решение.

Мими покачала головой, жесткие складки легли в уголках ее по-детски пухлого рта.

— Поздно, мама, и ты сама об этом знаешь... Я подписала себе приговор уже тогда, когда впервые пошла к нему, чтобы узнать, где Дэнни. Да и что я могу сейчас сделать? Вернуть ему все деньги, которые он потратил на безуспешные розыски Дэнни? Вернуть те пять тысяч, которые он одолжил отцу на приобретение магазина? Возвратить всю подаренную им одежду, украшения, обручальное кольцо и сказать: «Извините, это была ошибка»?

Глаза матери потемнели от боли.

— Уж лучше это, чем всю жизнь быть несчастной. Не позволяй нам сделать с тобой то же, что мы сделали с Дэнни.

— Мамочка, — Мириам обняла мать, — не вини себя в том, что случилось. Во всем виноват только необузданный характер отца, его гордость и нетерпимость!

— Нет, я тоже виновата. Я могла остановить его, — упрямо твердила мама. — Поэтому я сейчас говорю с тобой. Я не хочу повторить одну ошибку дважды.

— Никакой ошибки нет, мама, — ответила Мими, вновь усаживаясь перед зеркалом. — Сэм любит меня. И я его люблю, только... может быть, не так сильно. Со временем, когда появятся дети, мы с ним сравняемся. Он — добрый и щедрый. Все будет нормально. — Мама с огорчением смотрела на нее. — Не беспокойся, мама. Я знаю, что делаю. Я, действительно, этого хочу.

Она неподвижно сидела на краешке кровати, чувствуя, как от страха у нее холодеют руки и ноги. Он шумно чистил зубы в ванной, заканчивая вечерний туалет. Шум воды смолк, и Мими юркнула под прохладные простыни и сжалась в комок. Он подошел к кровати и щелкнул выключателем. Комнату окутал тревожно-таинственный мрак. Тяжело вздохнула кровать под его мощным телом. Она лежала, отчаянно стараясь унять нервную дрожь. Он потянулся к ней и осторожно тронул за плечо. Она еще крепче сжала зубы.

— Я люблю тебя, малышка, — мягко проговорил он. — Не бойся меня, глупая. Я не сделаю тебе больно.

Вдруг ее глаза наполнились слезами. Она быстро повернулась к нему и жалобно спросила:

— Правда, Сэм? Ты правда любишь меня... после того, что я с тобой сделала?

Он нежно поцеловал завиток на ее виске.

— Конечно, дорогая, люблю. И потом, ты ничего не сделала мне плохого.

Мими расслабилась в его объятьях, приподняла голову и легко поцеловала его в губы, словно маленькая девочка своего отца.

— Спасибо, Сэм, — благодарно прошептала она.

Она закрыла глаза, он целовал ее шею, грудь... Гладил, успокаивая, по голове. Точно так же обычно ласкал ее Джордж. Она сердито отогнала непрошеное воспоминание. Все это уже не могло иметь отношения к ее жизни. Ведь Сэм не виноват, что стал ее мужем. Если кто и виноват, то только она сама. Она сама этого захотела в тот самый момент, когда они с Нелли впервые пришли к нему.

Она смело обняла его и прижалась к его сильному телу, чтобы найти защиту от тревог, сомнений, воспоминаний.

Он умиротворенно лежал на спине, ее голова покоилась на его плече.

— Все нормально, малышка? — заботливо шепнул он ей на ухо.

— Да, — прошептала она.

Но в глубине сердца она знала, что лжет. Ей придется лгать всю жизнь. Лгать и бояться, что он вдруг узнает правду, прочтет ее мысли. Только что, когда они были вместе, перед ее глазами было совсем другое лицо.

«Боже, — молча молилась она. — Неужели всю жизнь мне придется переступать через себя? Всю жизнь бояться? Помоги мне, Господи!»

Сэм крепко спал, не подозревая о тягостных думах, терзавших его законную — перед Богом и людьми — жену. Ну что ж, так лучше. Пусть остается в счастливом неведении.

Глава шестая

Я поежился, поднял воротник и надвинул мягкую широкополую шляпу на самые глаза. Противный дождь все равно попадал за шиворот и охлаждал мою иссушенную двухлетними скитаниями душу. Пол-Америки исколесил я за это время, перебиваясь случайными заработками, не зная утром, где найду приют на ночь. Два года вдали от дома, без известий о семье, о Нелли, о Мими и Сэме. Воспоминания о родных и близких отдавались тупой болью в сердце. Я старался загнать их глубоко внутрь, но они постоянно были со мной...

Но теперь я — почти дома. Почти, но не совсем. Филадельфия. Достаточно сесть на поезд, и через час с небольшим я буду в Нью-Йорке. Как часто я мечтал об этом моменте, но теперь, когда он пришел, я оробел. Но я должен вернуться, должен, даже если все забыли обо мне, даже если они не очень-то желают моего возвращения.

Я взглянул на хмурое небо, на низкие рваные облака, из которых падали потоки воды. Докуренная сигарета обожгла мне пальцы, и я бросил ее в канаву. Сигарета сердито зашипела и погасла, я невольно сравнил свою судьбу с этим окурком.

Я должен вернуться домой. Должен увидеть Нелли, маму, Мими, и даже — отца, хочет он того или не хочет. Я так устал от одиночества. Только бы увидеть их...

Я вышел из метро. Толпа на Деланси-стрит была такой же плотной, как и всегда, несмотря на дождь. Люди просто не обращали на него внимания, так как

некуда было больше идти. Я всегда любил гулять по этой оживленной улице, глядя на витрины и мечтая, что бы я купил себе, если бы были деньги. Все здесь осталось по-прежнему... Изменился только я сам.

Закурил, подождал, когда сменится цвет светофора. Поток машин замер, я перешел на другую сторону. А вот и знакомый бар с магазинчиком. Нелли обязательно должна быть здесь. Я почему-то был в этом уверен. Часы в витрине показывали без пяти минут девять. Через пять минут бар закроется, и она выйдет. Интересно, изменилась ли она? А вдруг она забыла меня? Вдруг у нее другой парень? Два года ожидания для девушки — немалый срок.

Я встал под фонарь на том же самом месте, где обычно ожидал ее. Если закрыть глаза и прислушаться к вечернему шуму на улице, то можно подумать, что я никуда не уезжал.

Свет в магазине погас, я пристально смотрел на выход. Еще несколько минут, и она выйдет. Во рту пересохло, забилась жилка на виске. Из темного магазина выпорхнула стайка оживленно болтавших девушек. Нелли среди них не было.

Несмотря на промозглую погоду, мне вдруг стало жарко. Я вытер платком вспотевшее лицо. На пороге магазина появлялись все новые и новые девушки, но рассмотреть среди них Нелли не удавалось. Вот вышли последние две, дружно щелкнули зонтами и разошлись в разные стороны.

На часах было двадцать минут десятого. В душе начало накапливаться горькое разочарование. Я нервно закурил и хотел было уже уйти, как вдруг до меня донесся знакомый голос:

— Пока, Молли, до завтра.

Я резко обернулся и посмотрел на Нелли, прощавшуюся со своей подругой. Она стояла вполоборота ко мне и меня не видела. Мне же она была прекрасно видна в свете уличного фонаря. Казалось, она ничуть не изменилась. Тот же мягкий, притягательный рот, смугловатая кожа, округлые щеки, широко раскрытые карие глаза.

Я сделал шаг вперед и остановился. Мне вдруг стало страшно. Я замер, не в силах окликнуть ее.

Вторая девушка отошла, а Нелли начала открывать свой зонт и тут мельком взглянула в мою сторону. Она тоже сделала неуверенный шаг ко мне. Потом вдруг остановилась, потом бросилась ко мне с радостным возгласом: «Дэнни!»

Через мгновение она уже была в моих объятиях, а забытый зонт остался сиротливо лежать на мокром тротуаре. Она плакала и целовала меня. У меня к горлу тоже подступил комок.

— Нелли! Моя Нелли! — шептал я, и на душе было удивительно мирно и спокойно.

Я вернулся домой.

Глава седьмая

Вывеска на китайском ресторанчике была все той же: «СВИНЫЕ ОТБИВНЫЕ. 30 ЦЕНТОВ ПОРЦИЯ». Только она еще больше поблекла, как, впрочем, и китаец-метрдотель. Правда, в засиженном мухами меню значилась новая цена. Пятьдесят центов. Я взял руку Нелли, пригляделся к ладони и произнес, подражая гадалкам:

— В твою жизнь скоро войдет высокий красивый брюнет.

— С цветом накладка, — рассмеялась она, и вдруг улыбка исчезла с ее губ.

— Дэнни...

— Что, милая.

— Неужели все это мне не снится? Я так боюсь, что вот-вот проснусь, и сестра вновь скажет, что я плакала во сне.

Я поднес ее руку к губам и поцеловал каждый ее пальчик.

— Вот тебе доказательство того, что ты не грезишь.

— Если это сон, — мечтательно произнесла она, — то пусть он никогда не кончается.

— Это не сон, малыш. Это я, твой Дэнни. И не во сне, а наяву.

Она порывисто схватила меня за руку и заглянула в глаза.

— Я так тебя люблю, Дэнни. Я полюбила тебя в тот самый момент, когда впервые увидела... Я ни разу ни с кем не ходила за все то время, пока тебя не было. Ни

разу! Но почему ты не дал мне весточку о себе? За два года — ни строчки!

— Я не мог, любимая.

— Понимаю. Но мама уже начала беспокоиться, что я живу такой затворницей. Она говорит, что в моем возрасте даже у нее были парни. Но мне никого не было нужно. Я всегда верила, что ты вернешься. Даже до того, как однажды пришла девушка от Макси Филдса.

Я недоуменно уставился на нее, потом сообразил, покраснел. Но Нелли ничего не заметила.

— Как же ее звали? — вспоминала она. — А, мисс Дорфман! Ты что, ее не помнишь? Она пришла в магазин через несколько дней после Дня труда и сказала, что видела тебя, что с тобой все в порядке, и что ты посылаешь всем приветы. Ронни, так, кажется, звали ту девушку... Она рассказала мне, что у тебя были какие-то неприятности с Филдсом, но ты вернешься, как только все уладится.

Мне стало легче. Все-таки Сара — молодец. Хорошо, когда в этом мире остается хоть немного людей, которые могут и хотят помочь тебе. Если бы не она, может быть, Нелли не сидела бы сейчас со мной.

— Дэнни, — спросила Нелли, — это правда, что ты взял у Филдса деньги и согласился проиграть тот бой?

— Кто тебе это сказал? — хрипло ответил я вопросом на вопрос.

— Ко мне прибегала тогда Мими. Мы с Зепом отвели ее к мистеру Готкинсу, и тот сообщил, что об этом рассказал ему Филдс. Ты так и не ответил на мой вопрос. Это правда?

Я молча кивнул.

Она порывисто схватила мою руку.

— Зачем ты это сделал, Дэнни? Почему ничего не сказал мне?

— У меня не было другого выхода. Мне нужны были деньги. Я хотел помочь отцу купить аптеку и вновь стать на ноги. К тому же Филдс давил на меня и мог добиться своего, если не так, то по-другому... Из двух зол я выбрал меньшее. А потом получилось так, что я не мог проиграть бой, как ни старался. Эх, да что теперь об этом говорить. Сделанного уже не исправишь.

— Мими сказала, что отец выгнал тебя из дома. Почему ты не пришел ко мне? Вместе мы бы что-нибудь придумали.

— Мне нужно было как можно быстрее убраться из города. Люди Филдса шли по моим следам. Страшно подумать, если бы я привел их к тебе...

Нелли устало потерла глаза.

— Все это настолько ужасно, что я не могу в это поверить. Два года — и ничего, ничего от тебя, ничего о тебе!

— Может быть, мне вообще не следовало возвращаться? — с горечью спросил я. — Ты бы постепенно забыла обо мне, и все стало бы на свои места...

Ее глаза испуганно расширились.

— Как ты можешь такое говорить, Дэнни! Я так беспокоилась за тебя... Ну уж теперь я тебя никуда не отпущу. Отныне все беды мы будем делить поровну.

Я благодарно посмотрел ей в глаза. Так оно должно быть. Так оно и будет!

— А ты похудел и возмужал, Дэнни, — прервала она мои мысли.

— Всего на пять килограммов и на пять лет.

— А что сказали твои родители, когда увидели тебя?

Я склонился над тарелкой, чтобы она не заметила той боли, которую мне невольно причинила.

— Я еще не был у них.

— Не был? — искренне удивилась она. — Но почему, Дэнни?

— Не уверен, что они страстно хотят меня видеть. После всего, что произошло...

— Нет, ты все-таки большой ребенок, Дэнни, — укоризненно произнесла она. — Я уверена, что они будут рады.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросил я, хотя ее уверенность обнадежила меня.

— Мими очень обрадуется, не говоря уже о матери, — улыбнулась Нелли. — Да, ты знаешь, что они с мистером Готкинсом поженились? И что у Мими родился сын?

Еще один сюрприз.

— О бракосочетании я прочел в газете, но я не знал, что у них родился малыш. Когда это произошло?

— В прошлом году. А скоро у них будет второй.
— Откуда ты знаешь такие подробности?
— Время от времени мы с Мими болтаем по телефону, — вдруг у кого-нибудь появятся новости о тебе.
— То сообщение в газете было для меня большой неожиданностью. Кто угодно — только не Сэм.
— Он очень хорошо к ней относится, — быстро сказала Нелли. — Кроме того, он многое сделал для твоих родителей. Помог отцу наладить дело.
Я облегченно вздохнул — словно тяжелая ноша свалилась с моих плеч. Судьба отца очень меня беспокоила последние годы. Ему нужен был кто-то, кто мог бы помочь ему. Теперь, с таким зятем, как Сэм, он вновь воспрянет духом. Интересно, что Сэм думает обо мне? Злится ли он на меня за то, что я наделал? Наверное, злится, его вполне можно понять.
— Когда ты зайдешь к ним?
— Не знаю. Может быть, никогда.
— Дэнни, ты должен! Ведь это — самые близкие тебе люди!
Я с горечью усмехнулся.
— Отец сказал, что у меня больше нет дома.
— Чего не скажешь в запале. Я знаю, что они не одобряли твои встречи со мной, но на твоем месте я бы все-таки проведала их.
— Мне нечего там делать, — отрезал я. — Я вернулся не к ним, а к тебе. Отныне ты — мой дом, моя семья.

Глава восьмая

Солнце протянуло ко мне свои ласковые лучи и заставило открыть глаза. Первое, что я увидел, — улыбку Нелли, которая лежала рядом и рассматривала меня.
Какое-то время я изумленно глядел на нее, не веря своим глазам. Она была здесь, рядом! Постепенно вся эта ночь, в которую мы стали мужем и женой, вспомнилась мне, и я как бы пережил ее заново. Слов не было, чтобы выразить мою нежность и благодарность ей. Я приподнялся и поцеловал ее.
— Доброе утро, любимая.
— Доброе утро, мой муж.
— Утром ты выглядишь еще прекраснее.

Она вся зарделась и тряхнула копной распущенных, сверкающих в солнечном свете, иссиня-черных волос, прикрывавших ее до пояса.

— Ты очень красив во сне, Дэнни, — тихо сказала она. — Я наблюдала за тобой. Ты похож на маленького мальчика.

Я сел и спросил притворно-сердито:

— Ты хочешь сказать, что я подурнел, когда проснулся?

Она рассмеялась и, наклонившись, провела пальцами по моим выступавшим ребрам:

— Ты совсем дошел, Дэнни. Придется тебя откармливать...

— Добрый петух жирным не бывает. Или я недостаточно хорош? — Она потупила глаза. — А впрочем, я согласен, — продолжал я, целуя ее. — Можем начать прямо сейчас!

Мы оба рассмеялись, потом она взяла мою голову в свои ладони и серьезно заглянула в глаза.

— Дэнни, — тревожно спросила она, — ты меня любишь?

— Ну, конечно же. Разве ты это не чувствуешь? — рассмеялся я.

— Скажи мне... Я так люблю, когда ты мне это говоришь.

— Я люблю тебя, Нелли. Люблю! Люблю! Люблю!

Когда, чуть позже, мы проходили мимо открытых дверей церкви, Нелли неожиданно остановилась и взяла меня за руку.

— Давай зайдем, Дэнни.

— О'кей, — согласился я, и мы вошли в прохладный, торжественно-спокойный зал, в глубине которого виднелся алтарь.

Она опустилась на колени, а я встал позади нее. Через несколько минут она встала и посмотрела на меня своими лучистыми глазами.

— Теперь я чувствую себя спокойнее, — призналась она, когда мы вышли из церкви.

— Я рад, дорогая, — с пониманием сказал я. — Мне бы не хотелось, чтобы на душе у моей невесты было неспокойно.

Тут же я поймал такси, и мы доехали до Сити-Холла.

В небольшой комнате ожидания скопилось несколько пар молодоженов, которые бросали нервные взгляды на массивную дверь с золотой табличкой «ЗАЛ БРАКОСОЧЕТАНИЙ». И ниже помельче: «Без приглашения не входить».

Я взглянул на часы, пора бы им уже и открывать. Здесь было не так уж и страшно. Во всяком случае не страшнее, чем в брачном агентстве, где мы с трудом получили разрешение на бракосочетание. Там задавали слишком много вопросов, и нам пришлось немного солгать. Наконец двери распахнулись, и на пороге появилась чопорная женщина, похожая на серую мышь. Она окинула строгим взглядом выжидательно уставившихся на нее молодых людей и, сверившись со списком, торжественно пропищала:

— Мистер Фишер и мисс Петито. Пожалуйста, входите!

Я встал, подошел к Нелли, взял её под руку. Чопорная женщина сухо кивнула нам, и мы прошли вслед за ней в небольшой зал с возвышением посередине.

— У вас есть разрешение на брак, молодой человек? — спросила женщина.

— Да, мэм, — поспешно ответил я, протягивая ей разрешение.

Из боковой двери бесшумно вышел высокий статный мужчина с добрыми, внимательными глазами и с достоинством поднялся на возвышение.

— Не надо так нервничать, молодые люди, — начал он. — Это займет не более минуты. Вы привели с собой свидетелей?

Я смущенно помотал головой и облизнул пересохшие губы. Нелли покраснела.

Седовласый ободряюще улыбнулся.

— Ничего страшного. Мисс Шварц, не будете ли вы так любезны пригласить сюда на минуту мистера Симсона?

— Да, конечно, мистер Киль.

— Ваше имя — Дэнни Фишер? — спросил он.

— Да, сэр.

— Возраст?

— Двадцать три. Точно, как там написано.

— Элеонора Петито?

Нелли молча кивнула, и он вновь уткнулся в лицензию. В этот момент вернулась его строгая помощница, ведя за собой маленького человека с птичьей головой, одетого в темный костюм.

— Ну вот, теперь можно начинать, — улыбнулся мистер Киль и пододвинул нам лицензию. — Распишитесь, пожалуйста, вот здесь. И здесь.

Дрожащей рукой Нелли поставила свою подпись. Потом по очереди расписались: я, свидетели и, наконец, сам мистер Киль.

— Пожалуйста, возьмитесь за руки, — торжественно произнес мистер Киль. — Согласна ли ты, Элеонора Петито, взять в законные мужья Дэниела Фишера?

— Да, — тихо, но твердо произнесла Нелли.

— А ты, Дэниел Фишер, согласен ли взять в законные жены Элеонору Петито?

— Д-да, согласен, — сорвавшимся голосом подтвердил я.

— Властью, вверенной мне городом Нью-Йорком, объявляю вас мужем и женой. Живите в мире и согласии. Желаю вам счастья и много здоровых детей. А теперь, молодой человек, поцелуйте свою жену, заплатите два доллара и можете быть свободны.

Мы неловко поцеловались и поспешили к выходу. Насмешливый голос мистера Киля заставил нас вздрогнуть и растерянно обернуться.

— Не хотите ли вы забрать свое брачное свидетельство? — улыбнулся он.

Я густо покраснел и вернулся к столу.

— Спасибо, сэр.

Стоя на ступеньках Сити-Холла, мы счастливо переглянулись. На улице все вроде было по-прежнему. И все-таки переменилось. Теперь мы были мужем и женой. Нелли взяла меня под руку:

— Сначала сообщим моим.

— Согласен.

— А потом навестим твою семью, — твердо закончила Нелли.

— А это еще зачем? — удивился я. — Это не их дело. Да и потом, это им совершенно безразлично.

— Зато мне не безразлично, — решительно отрезала моя жена. — Я хочу, чтобы они знали!

— Но им наплевать на нас, стоит ли унижаться?

Нелли сжала мой локоть и произнесла, подражая мистеру Килю:

— Не хочешь ли ты, Дэниел Фишер, начать супружескую жизнь со скандала?

— Нет, дорогая.

— Тогда пойдем и сообщим им.

— Хорошо, — согласился я. — Пойдем и сообщим. И вообще, я готов ходить по Нью-Йорку и кричать, что взял в жены самую красивую девушку на свете!

— А что, это неплохая идея.

Глава девятая

Швейцар предостерегающе выставил руку и вопросительно посмотрел на нас.

— Квартиру мистера Готкинса, пожалуйста, — сказал я.

Он вежливо кивнул.

— Апартаменты мистера Гордона находятся на двадцать первом этаже. Номер С-21.

Мы миновали швейцара и подошли к двери лифта. Учтиво поклонившись, мальчик-лифтер спросил, какой этаж нужен. Я сказал ему и шепотом спросил у Нелли:

— Что это еще за «мистер Гордон»?

— В прошлом году он официально сменил фамилию, — так же шепотом ответила она мне.

Я понимающе кивнул: фамилия Готкинс была хороша только для Бруклина, для фешенебельного района больше подходила фамилия Гордон.

Было уже около десяти вечера. После посещения родителей Нелли мы устроили себе праздничный обед, а потом направились к моим. Теперь они жили в скромном, но пристойном месте на Вашингтонских Холмах. Привратник объяснил нам, что по пятницам Фишеры обедают у своей дочери.

Все эти явные свидетельства их процветания вселяли в меня смутное беспокойство...

Старики Нелли встретили меня на удивление радушно. Правда, сначала, когда отец открыл дверь и увидел нас, нам пришлось выслушать очень много итальянских слов, которых я не понял, но ясно было, что это не просто «здравствуйте». Потом Нелли быстро вставила в его речь еще несколько фраз по-итальянски, он еще понесся по инерции, но тут же замолчал, открыв от изумления рот. Потом покорно отошел в сторону и пропустил нас в дом. Здесь мы попали в объятия матери Нелли, которая тоже громко причитала и плакала. Нелли тоже пустила слезу. Я неловко наблюдал за всем этим, не зная, что делать. Отец Нелли, по-моему, тоже совершенно растерялся из-за этих бесконечных потоков слез и причитаний. Выскочил Зеп и принялся радостно колотить меня по спине кулаками. Откуда-то возникла сестра Нелли, теперь они плакали втроем. Вдруг отца осенило: он махнул рукой и поспешил за вином.

Опустошив две бутылки, все немного успокоились и смогли дружелюбно осмотреть меня. Мать Петито помогла Нелли упаковать чемодан и пригласила, правда, не очень настойчиво, нас на ужин. Но мы отпросились под предлогом того, что нам надо еще устроиться в гостиницу и повидать моих родителей. Я подхватил чемодан со всем приданым Нелли, и мы вышли на улицу.

Лифт плавно остановился, двери бесшумно открылись.

— Четвертая дверь через зал, — любезно подсказал мальчишка-лифтер, и я сунул ему десять центов.

Небольшими золотыми буквами на двери было выведено:

«Сэмюэль Гордон».

— Надо же! — усмехнулся я.

Дверь нам открыла симпатичная молоденькая негритянка.

— Миссис Гот... э... Гордон дома? — спросил я.

— Как доложить? — спросила горничная.

— Я — ее брат.

Глаза девушки заметно расширились, она отступила в сторону.

— Пожалуйста, входите. Я сейчас.

Одно фойе апартаментов Сэма было больше, чем вся квартира родителей Нелли. Откуда-то издалека донеслось радостное восклицание Мими:

— Это Дэнни!

Через мгновение она вышла к нам. Мне показалось, что она совсем не изменилась, но, присмотревшись пристальнее, я заметил упрямые морщинки вокруг ее рта, синие круги под глазами. Может быть, это были признаки беременности. Она обняла меня.

— Дэнни, я так рада тебя видеть!

Две слезинки застыли в ее глазах. Я тепло улыбнулся ей. Я тоже рад был ее видеть. Все это время я даже не подозревал, как мне не хватало моей сестры. Мими схватила меня за руку и потащила внутрь квартиры.

— Пойдемте же, — воскликнула она. — Здесь все наши!

Я бросил отчаянно-умоляющий взгляд на Нелли, она ободряюще улыбнулась мне и едва заметно кивнула. Я позволил Мими втащить меня в комнату. Отец с мамой сидели на софе, спиной к нам, они обернулись при нашем появлении. Мама схватилась рукой за грудь и закрыла глаза, словно благодарила Бога. На лице отца было написано настороженное удивление. Сигара в углу его рта была похожа на восклицательный знак. Сэм стоял лицом к нам. В руках он держал высокий тонкий стакан с виски. По его глазам трудно было прочесть что-нибудь определенное.

Мими подвела меня к матери и отпустила руку. Мама напряженно вглядывалась в мое лицо, словно пыталась прочесть, что со мной произошло за эти два года.

— Здравствуй, мама, — тихо сказал я.

Она осторожно дотронулась до моего рукава. Ее глаза наполнились слезами. Наконец, удостоверившись, что я на самом деле стою перед ней, она притянула меня к себе и сдавленно прошептала:

— Мой малыш, мой светлячок.

Я стоял, глядя на ее совсем седую голову. Этого момента я боялся больше всего на свете. Мне было безразлично, как они меня встретят. Главным было то, что я сам почувствую. Я же чувствовал себя как-то

очень спокойно и отстраненно. Как будто со стороны я наблюдал за тяжелой сценой из кинофильма. Нет, я больше не принадлежал им, не был их частицей. Казалось, я был для них уже совсем чужим человеком. Два года назад из дома ушел другой парень по имени Дэнни Фишер. Ушел, чтобы больше никогда не вернуться. Эти тяжелые годы легли между нами пропастью отчуждения, которую никто из нас не в силах преодолеть. Мне стало нестерпимо жаль их и себя.

Я наклонился и нежно поцеловал маму.

— Прости меня, мама, — прошептал я, сам не зная, за что прошу прощения.

Я выпрямился и взглянул на отца, который отошел в дальний угол комнаты и, как мне показалось, неприязненно смотрел на меня оттуда. В его глазах в то же время отчетливо были видны испуг и одиночество. Я медленно подошел к нему и посмотрел прямо в глаза.

— Здравствуй, пап, — протянул я ему руку.

— Здравствуй, сын, — сдержанно ответил он и пожал протянутую руку.

— Как идут дела?

— Нормально...

Разговор был исчерпан, и в комнате вновь воцарилась тишина. Я кивнул Сэму. Он тоже кивнул мне, но не сказал ни слова.

На меня снова нахлынула обычная отрешенность, одиночество и еще — разочарование. Все было примерно так, как я себе это представлял. Им было все равно — вернусь я или нет. Каждый жил своей собственной жизнью. С невольной горечью я спросил:

— Меня не было два года. Неужели никому не интересно, где я был, что делал?

Все продолжали молчать. Мама тихонько плакала. Я вновь медленно повернулся к отцу и холодно посмотрел на него.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Отец сжал губы.

Ко мне подошла Мими и мягко проговорила:

— Конечно, нам интересно. Просто все очень удивлены... Иди сюда, Дэнни, — попыталась она увести меня от отца. — Садись и рассказывай все по порядку. Мы все очень волновались за тебя.

Я посмотрел мимо нее на Нелли, одиноко стоявшую у двери. О ней все забыли. Она наблюдала за мной полными боли глазами. Это была боль за меня. Она одна здесь понимала все. Я улыбнулся ей и взглянул на Мими.

— Спасибо, сестренка. Но нам некогда задерживаться. У нас еще много дел.

— Но ты не можешь вот так уйти! — воскликнула Мими. — Ты же только что вернулся!

— Я не вернулся, Мими. Я только попытался вернуться.

— Но, Дэнни...

Теперь она плакала. Я понимал, о чем она плачет, но ничем не мог ей помочь. Что-то во мне только что сломалось окончательно.

— Перестань, Мими, — обнял я ее. — Так получается еще хуже.

Бережно усадив сестру, я подошел к Нелли.

— Пойдем отсюда. Ты же видишь, что все это бесполезно, — потом обернулся к присутствующим и объявил: — Я пришел сюда исключительно по просьбе моей жены. Она решила, что мы должны сообщить вам о нашем бракосочетании.

Я отметил, как изменились выражения их лиц, увидел откровенное страдание в глазах матери, презрительное понимание в глазах отца. Меня всего передернуло.

— Нелли была единственным человеком, который и вправду хотел, чтобы я вернулся, — безжалостно выговорил я и вышел, увлекая за собой Нелли.

ПЕРЕЕЗД

15 сентября 1936 г.

Потертые деревянные ступени приветливо скрипели под нашими ногами, когда мы поднимались по лестнице. Казалось, они нам пели: «Добро пожаловать!», как пели многим молодым супружеским парам, жившим здесь до нас. В двух наших чемоданах легко уместился весь гардероб. Одежду мы купим позже, когда я устроюсь на работу. Сейчас же все, что нам удалось наскрести, мы вложили в обстановку этой арендованной квартиры.

На четвертом этаже мы остановились перед дверью, обитой дерматином. Нелли с радостной улыбкой обернулась ко мне, держа в руках ключ.

— Открывай, малышка. Теперь это наш дом, — улыбнулся я в ответ.

Она щелкнула замком, и дверь распахнулась. Нелли нерешительно стояла на пороге, боясь сделать первый шаг. Я бросил чемоданы и, подхватив ее на руки, решительно переступил через порог.

— Да благословит Бог наш дом, Дэнни, — прошептала она.

Не опуская Нелли на пол, я обошел всю нашу маленькую квартирку. Три комнаты, кухня, ванная. Да мы ничего больше и не ожидали за двадцать пять долларов в неделю! Все было окрашено белой больничной краской. За такие деньги не до цветовых эффектов. Зато все было чисто. Паровое отопление, горячая вода и много, даже слишком много для двоих места. Я покружил Нелли по комнате и опустил на пол.

— Занеси вещи, сумасшедший.

— Слушаюсь, мэм, — вытянулся я и тут же плюхнул чемоданы на широкую двуспальную кровать, которая плавно прогнулась под их тяжестью.

— Дэнни! Сейчас же убери грязные чемоданы с кровати! Не забывай, что мы не в гостинице, а дома!

Я насмешливо посмотрел на жену. Только дай женщине гнездышко во владение, и она тут же устанавливает в нем свои порядки. Однако, Нелли права. Я снял чемоданы и уселся на новое розовое покрывало.

— Иди-ка сюда,— позвал я ее, покачиваясь на кровати.

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Зачем?

— Надо...

Она сделала несколько нерешительных шагов и остановилась. Я схватил ее за руку и опрокинул, смеясь, на себя.

— Дэнни, что с тобой?

Я поцеловал ее вместо ответа. Она попыталась вырваться.

— Нелли! — я несколько раз надавил на матрац.— Он совершенно не скрипит, продавец не обманул нас.

— Дэнни Фишер! Ты сошел с ума! — притворно строго сказала она и не удержалась от озорной белозубой улыбки.

Я привлек ее к себе и шепнул:

— Я все время хочу тебя...

— Дэнни... Я так тебя люблю!

— Я тоже тебя очень люблю, девочка моя, — сказал я, целуя ее.

— Дэнни, ты никогда не пожалеешь, что взял меня в жены!

— А ты, — я поцеловал ее в глаза, — никогда не пожалеешь, что вышла за меня замуж!

— Любимый мой... Я и не собираюсь жалеть об этом!

Прошла неделя, может быть, самая счастливая в моей жизни. Нашего безмятежного рая не смог омрачить даже визит мамы Петито (против нее я ничего не имел) вместе со святым отцом Бреннаном, который с профессиональным участием долго и нудно увещевал меня

сменить вероисповедание. В другое время я бы просто спустил его с лестницы, но на этот раз стерпел, хотя и дал понять, что его может ожидать в следующий раз.

Мы заканчивали наводить порядок в квартире, которую Нелли одной ей известными хитростями действительно смогла превратить в уютное гнездышко.

Выйдя из кухни, она вытерла руки о фартук и подняла на меня улыбающееся лицо.

— Что мой господин желает на обед?

— А ты еще умеешь и готовить?

— Противный, — притворно надулась она и потрясла стремянку, с которой я вешал шторы.

Я спрыгнул на кровать и попытался увлечь Нелли за собой. Ослепленные страстью, мы проводили в ней добрую половину времени.

— Ну перестань, Дэнни. Я серьезно спрашиваю, что приготовить?

— А зачем тебе топтаться у плиты, лучше пойдем куда-нибудь и отпразднуем окончание нашей медовой недели.

— Ну-у, — протянула она, — это слишком дорогое удовольствие. Нам надо быть экономнее, пока ты не найдешь работу. Вот тогда будем обедать, где пожелаешь.

Я с уважением взглянул на свою жену. Прямо на глазах она превращалась в отличную хозяйку, экономную, рассудительную, заботливую.

— Ну что ж. Сделай-ка что-нибудь такое, чтобы удивить меня, убить наповал. А я пока сбегаю в агентство, посмотрю, нет ли подходящей работы для меня.

Выйдя на яркий солнечный свет, я блаженно сощурился и, вдохнув полной грудью, направился к станции метро. Вдруг какая-то тень пересекла мой путь. Не поднимая головы, я обошел ее, но тут на мое плечо опустилась рука, и я услышал противный знакомый голос.

— Сейчас, когда ты вернулся и обосновался в нашем городе, Дэнни, самое время нанести визит вежливости шефу. У вас есть что сказать друг другу, не так ли?

Внутри у меня все сжалось. Я ожидал этого с самого начала — как только ступил на землю Нью-Йорка. Передо мной стоял Спит, улыбаясь тонкими губами. Он

выглядел очень презентабельно в темном дорогом костюме, сшитом на заказ, и тщательно отутюженной белой сорочке. Мягкая фетровая шляпа была надвинута на глаза, а в углу рта торчала дорогая сигара.

— Сейчас некогда. Как-нибудь в другой раз, — спокойно ответил я, пытаясь обойти его.

Он крепко сжал мое плечо, выразительно сунув свободную руку в карман, в котором явственно угадывались очертания револьвера.

— По-моему, тебе некуда особенно спешить, Дэнни-красавчик?

— Пожалуй, ты прав, — согласился я, — решив покончить с этим делом.

Он мотнул головой в сторону, где стоял с работающим мотором лимузин.

— Залезай, карета подана, — приказал он.

Я открыл дверцу и не спеша влез на заднее сиденье. Рядом с собой я обнаружил Сборщика.

— Привет, Дэнни, — тихо процедил он и резко ударил в солнечное сплетение.

Я согнулся от боли и упал на дно машины. Тут же последовал удар сверху по шее. Дверца за мной захлопнулась, машина резко взяла с места.

— Перестань, Сборщик, — бросил Спит через плечо. — Шефу это не понравится.

— Я только вернул должок этому сукиному сыну, — угрюмо сказал Сборщик, сгреб меня за шиворот и рывком усадил на сидение. — Не вздумай жаловаться, боксер, а то в следующий раз я тебя так отделаю, что родная мать не узнает!

Я согласно кивнул и проглотил подкативший к горлу комок. Только спустя несколько минут, когда я немного оправился, до меня дошел смысл сказанного. Сборщик сказал «в следующий раз». Значит, по какой-то причине они отпускали меня с крючка. Интересно, что произошло? Макси Филдс не из тех людей, которые легко отпускают грехи.

Машина притормозила возле знакомой конторы. В сопровождении Спита и Сборщика я поднялся на второй этаж и остановился у двери кабинета-квартиры Филдса. Спит учтиво постучал.

— Кто? — рявкнул Макси из-за двери.

— Это я, босс, — быстро ответил Спит. — Мы привезли Фишера.

— Давайте его сюда.

Спит открыл дверь и, втолкнув меня в комнату, встал за моей спиной. У меня саднило шею, но в общем я чувствовал себя довольно сносно. Даже мог стоять.

Макси Филдс возвышался за своим столом. Кажется, он стал еще толще. Он злобно сверкнул глазами.

— Что, щенок, хотел от меня спрятаться? — презрительно прорычал он, приближаясь ко мне.

Я ничего не ответил, лишь уныло смотрел ему в глаза. Предупрежденный Сборщиком, я не испытывал особенного страха. Вдруг Филдс размахнулся, пытаясь наотмашь ударить меня по лицу. Рефлекторно я наклонился, уходя от удара. Тут же острая боль в почках заставила меня выпрямиться. Спит, скотина, саданул меня сзади рукояткой револьвера. На этот раз Макси достал меня. Я пошатнулся, но устоял на ногах. Хмуро уставившись на Филдса, я ожидал, что будет дальше.

— Ты — не единственный, кому не удалось смыться, — злорадно проговорил Филдс. — Ронни! Виски для меня и содовую для твоего дружка!

Я резко повернулся к боковой двери, не веря своим ушам. Вошла, действительно, Ронни, в руках у нее был поднос. Мгновение мы с ужасом и болью смотрели друг на друга. Потом она надела маску безразличия и поднесла выпивку Филдсу.

— Ну что ж ты не поздоровалась со своим милым Дэнни, шлюха? — ехидно спросил Филдс.

Она повернулась ко мне:

— Здравствуй, Дэнни.

— Здравствуй, Ронни, — выдавил я.

— Совсем как в старые добрые времена! — хохотал Макси. Одним глотком опорожнил стакан. — Ничего не изменилось, малыш, не так ли?

— Не изменилось, — эхом откликнулся я.

— Детка не смогла долго быть в разлуке со своим любимым Макси. Она вернулась к нему по доброй воле, правда, детка?

— Да, Макси, — произнесла она бесстрастно.

Филдс обнял ее и притянул к себе.

— Ронни не может жить без своего любимого Макси?

Я видел, как дрогнули губы Ронни.

— Да, Макси.

— Пошла вон, тварь! — оттолкнул он ее.

Опустив голову, она поспешно вышла. Филдс повернулся ко мне и произнес с глухой яростью:

— Никто не уйдет от Макси Филдса!

Я молчал. Мне этого можно было и не говорить. В его силе я уже убедился. Интересно, каким образом удалось ему заставить ее вернуться к нему? Что случилось с Беном?

— А теперь можешь идти, — неожиданно закончил он, садясь за свой стол.

Я стоял, не веря своим ушам.

— Что я тебе сказал? — взревел Филдс. — Уходи отсюда и больше никогда не попадайся на моем пути!

Зазвонил телефон. Филдс сорвал трубку.

— Да! — рявкнул он.

Из трубки донесся чей-то рокочущий бас, лицо Филдса изменилось.

— Привет, Сэм, — расплылся он.

Из трубки вновь послышался громкий недовольный голос, и Филдс прикрыл ее ладонью.

— Вышвырни его, Спит, если он сам не хочет идти, — уже без злобы приказал он.

Но я уже оправился от удивления и поспешно ретировался. Только очутившись на улице, я начал понимать, что произошло. Единственной причиной, почему Филдс так легко отпустил меня, могла быть только Ронни. Она вернулась, поставив ему условие — не трогать меня. Поэтому она не смотрела на меня... Другого объяснения я не находил. Я посмотрел на часы. Было полтретьего, и я еще успевал в агентство. Одну за другой я обежал четыре конторы, но везде получал один и тот же ответ: «Зайдите завтра утром. Может, что-нибудь подвернется». Кажется, здесь я тоже не был нужен.

В пятом часу я понуро поплелся домой.

ВСЕ ДНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Книга четвертая

Глава первая

Покачивая бедрами, она прошла мимо прилавка с косметикой и уселась на круглый вращающийся стул.

— Слушаю вас, мисс.

— Коктейль с малиновым соком, Дэнни, — улыбнулась она мне.

— Один момент.

Не оборачиваясь, я взял с полки за спиной длинный тонкий стакан. Девица наклонилась над столиком, словно случайно показывая грудь. Мне все эти штучки были уже знакомы. Смешивая легкий коктейль, я не сводил с нее оценивающего взгляда. Это входило в правила игры. Она непременно забредет еще несколько раз, пока не убедится, что толку с меня, как от козла молока.

С улыбкой я поставил перед ней стакан и поднес зажигалку к ее сигарете, которую она держала в сильно накрашенных губах.

— Спасибо, Дэнни, — томно протянула она, выпуская струю дыма прямо мне в лицо.

— Не за что, крошка, — ответил я, опуская соломинку в стакан.

— И когда только додумаются поставить киоски на станциях метро... Чуть не умерла от жажды, пока до тебя добралась, — пропела она, помешивая соломинкой коктейль.

— Не дай Бог, малышка. А то бы я никогда не увидел такую красотку, как ты, — ответил я, нажимая на южный акцент. Все продавцы предпочтительно дол-

жны быть южанами, — это тоже входило в сценарий, как и легкий флирт.

Девица довольно улыбнулась, а я отошел к своему нынешнему хозяину Джеку.

— Уже второй час, Джек, закрываем?

Сидевший за кассой Джек взглянул на часы и кивнул. Потом снова уставился на заинтересовавшую его девушку.

— Да, Дэнни, пора закрывать, — задумчиво проговорил он, — слушай, эти красотки летят на твои голубые глаза и рыжую шевелюру, как мухи на... мед, — сказал он с завистью.

— Брось ты! Это все южный акцент. Они, наверное, думают, что на ногах у меня серебряные шпоры.

— Уж не знаю, что они думают, но каждая вторая почему-то подсаживается к тебе, а потом заходит еще по несколько раз. На твоем месте я бы не терялся.

— На всех все равно не хватит, Джек. Нашел, чему завидовать. Я тут расточаю им улыбки и любезности, а все денежки-то загребаешь ты...

Джек добродушно рассмеялся.

— Нет, скажи мне правду, Дэнни. Ты что, так ни одну из них и не..?

— С какой стати, шеф? Я — примерный муж и отец. Кроме того, у меня нет на них денег.

Я переглянулся в зеркало с девушкой, которая не сводила с меня глаз. Джек криво усмехнулся.

— Ну да, рассказывай мне сказки... Ладно, это твое личное дело, а нам пора сворачиваться.

Времени было четверть второго. Я чертовски устал. Натруженные за семь с половиной часов ноги просили пощады, спину ломило так, будто я таскал мешки. Но все-таки это была работа. Хотя и тяжелая, но работа. Два месяца я искал ее. Уже минуло три года, как я вернулся. Три года отчаянной борьбы за существование, случайных заработков и долгого времени новых поисков работы. Пока Нелли служила в своем магазинчике, мы кое-как перебивались. Но после рождения Викки Нелли пришлось оставить работу, и мы впервые по-настоящему узнали, что такое нужда.

Я прекрасно помню тот день, когда она пришла с работы и объявила, что у нас будет ребенок. Первое чувство радости тут же сменилось беспокойством. Эта озабоченность, по-видимому, была написана на моем лице, потому что Нелли спросила с обидой:

— Дэнни, ты что, не рад?

— Конечно рад, милая, — смешался я.

— Тогда в чем дело?

— Меня мучает мысль — где достать денег. Дети — дорогое удовольствие.

— Найдешь работу. Должна же когда-нибудь кончиться эта полоса невезения.

Я отвернулся и закурил.

— Я сам себя в этом постоянно убеждаю.

Ее глаза наполнились слезами.

— Просто ты не хочешь ребенка, — с горечью проговорила она.

— Да нет же, нет! — я резко развернул ее к себе лицом. — Я очень хочу малыша. Но он стоит денег. А вот этого у нас как раз и нет.

— Дети многого не требуют. Единственное, что им нужно, это любовь, — тихо проговорила она сквозь слезы.

Если бы это было так. Пожалуй, никогда в жизни я не испытывал такого унижения, как в тот день, когда мы истратили последние пятьдесят центов и были вынуждены обратиться в агентство общественного вспомоществования. Вонючий клерк окинул нас презрительно-холодным, укоризненным взглядом, сначала меня, потом беременную Нелли, словно хотел сказать, какое право мы имеем рожать детей, если не в состоянии позаботиться о самих себе. Пришлось отвечать на бесконечные унизительные вопросы, заполнять безразмерные анкеты. А потом, когда мы, наконец, получили пособие, к нам в любой момент могли заявиться бесцеремонные контролеры.

Помню, как одна из них — пожилая полная женщина с буклями и мясистым, густо напудренным лицом — принесла нам первый чек.

— Это вам на питание и другие необходимые для жизни вещи, — строго проскрипела она.

Я смущенно кивнул.

— Если я услышу, что вы потратили хоть доллар на выпивку или азартные игры, это будет ваш первый и последний чек.

Мое лицо пылало, но я не осмеливался взглянуть на нее, чтобы не испортить все дело. Я чувствовал себя, как будто стоял на паперти с протянутой рукой. Наверное, от стыда я больше никогда не смогу посмотреть кому-нибудь прямо в глаза. Но когда родилась Викки — крошечное, сморщенное, беспомощное создание со светлыми волосенками, — я решил, что нам нечего стыдиться. Было бы гораздо хуже перед Богом и людьми, если бы мы убили ее. Просто вот так стоять и смотреть на свою дочь, плод безграничной любви, — стоило всех унижений на земле.

Приветливая пожилая медсестра провела меня в палату, где лежала Нелли вместе с семью другими роженицами. Присев на стул у ее кровати, я взял ее слабую руку и благодарно прильнул к ней губами.

— У нас девочка, — виновато сказала она.

Сидя в приемной, я так переволновался за нее, что мне было безразлично, кто родится. Лишь бы с Нелли было все нормально.

— Но у нее твои волосы, — поспешно добавила Нелли.

— И твое лицо, и твои глазки, — сказал я. — Я ее видел, она красавица!

Нелли улыбнулась.

— Ты не очень разочарован?

Я с ожесточением затряс головой:

— Это именно то, что я хотел. Еще одну маленькую Нелли.

Зашла сестра и вежливо попросила меня выйти. Я поцеловал пульсирующую синюю жилку на лбу жены и вышел из палаты.

С раннего утра следующего дня я бросился на отчаянные поиски работы. Как обидно, что ничего не было! В панике, что я не смогу прокормить своего ребенка, я решил обратиться к Сэму. Собираясь с духом, я около часа простоял перед входом в громадину «Импайр Стэйтс Билдинг», в котором располагался его офис. Наконец, поднялся на двадцать второй этаж.

Нервно меряя шагами просторную приемную, я с замиранием сердца ждал, пока его смазливая секретарша доложит обо мне. Сэм отказался принять меня. Спустившись вниз, я позвонил ему из автомата. Его сердитый голос обдал меня холодом.

— В чем дело? Разве я мало помогал тебе?

Я поспешно повесил трубку. Все двери были закрыты для меня. В этом мире можно было положиться только на себя. Через несколько дней вернулась домой Нелли с малышкой, и постепенно наша жизнь стала превращаться в ад. Все лето мы были на грани голода, и я окончательно потерял уважение мамы Петито, которая изредка подкармливала нас. Так прошло почти все лето, и вот лишь несколько недель назад мне удалось найти это место в баре, место, годное лишь для школьника-подростка... Но я с радостью ухватился за него. Все-таки шесть долларов в неделю плюс чаевые были неплохим подспорьем нашему мизерному пособию в семьдесят два доллара в месяц. Если только мне удастся скрыть эту работу от бдительных контролеров...

Я продул последний штуцер и посмотрел на часы. Половина второго ночи. Сняв сырой фартук, я засунул его под прилавок, чтобы завтра снова надеть его в шесть часов вечера. Если поторопиться, я еще успею на метро и в три часа буду дома. Тогда у меня будет время поспать несколько часов до того, как утром придет контролер с очередным месячным чеком. Обычно она будила меня в семь...

Глава вторая

У меня слипались глаза, когда я утром сидел за столом на кухне, слушая монотонный учительский голос мисс Снайдер — контролера, обслуживающего наш квартал. Эта занудливая старая дева была специалистом по всем вопросам. В ее арсенале были рецепты на все случаи жизни. Вот и сейчас она учила Нелли, как готовить мясной соус к спагетти без мяса.

— По-моему, это великолепный рецепт. Как ты считаешь, Дэнни? — громко спросила Нелли, чтобы вывести меня из сонного оцепенения.

— Что? А, да, конечно, дорогая.

— Мне кажется, мистер Фишер нас не слушал, — укоризненно произнесла мисс Снайдер, с подозрением вглядываясь в мои красные глаза.

— О, нет, мисс Снайдер, я слышал каждое ваше слово.

Она опять метнула бдительный взгляд из-под очков в круглой металлической оправе.

— Вы выглядите очень усталым, мистер Фишер, — вкрадчиво произнесла она. — Наверное, поздно легли?

Сон мигом слетел с меня.

— Нет-нет, мисс Снайдер, — поспешил я развеять ее подозрения. — Мы легли довольно рано. Просто Викки беспокоилась всю ночь.

— Да, как ваша малышка, миссис Фишер? — обратилась старая дева к Нелли.

— Хотите взглянуть на нее, мисс Снайдер? — засуетилась Нелли. Моя умница-жена знала, как ублажить эту старую хрычовку.

Теперь я мог хоть захрапеть на столе, она, занятая нашей дочуркой, не обратила бы на меня никакого внимания. Однако я дождался, когда она уйдет, и только тогда добрел до кровати. Проснувшись, я почувствовал, что в квартире никого нет. Около будильника лежала записка:

«Милый! Мы с Викки пошли отоваривать чек и заплатить по счетам. Кофе на плите. Будем в 3 часа».

Я рывком встал и сладко потянулся. Бреясь в ванной, я с печалью глядел на синие круги под глазами, на морщины. Едва я кончил бриться, как услышал звук поворачивающегося в замке ключа. Я поспешно открыл дверь, принял у Нелли ребенка и тяжелую сумку с продуктами.

— Я заплатила мяснику, зеленщику, а также за квартиру и электричество, — оживленно рассказывала Нелли. — И у нас еще осталось шесть долларов с мелочью.

— Умница моя, — чмокнул я ее в щеку. — Слушай, а чего это Викки такая печальная?

Я подбросил дочку вверх, но она лишь слабо улыбнулась. Обычно она захлебывалась смехом от этой процедуры.

— Не знаю, — беспокойно взглянула на нее жена. — Она все утро какая-то вялая. А в магазине вдруг ни с

того ни с сего расплакалась. Вот мы и вернулись пораньше.

— Что с моей маленькой? — спросил я, наклоняясь.

Вдруг она громко заплакала. Я беспомощно посмотрел на Нелли. Меня всегда охватывал страх и жалость, когда было больно моим близким.

— Давай уложим ее в кроватку, — решила Нелли. — Поспит, и все пройдет.

Однако к вечеру дочке стало еще хуже, она больше не плакала, ее глазки-звездочки лихорадочно блестели, лоб был горячий. Тут я вспомнил, что Нелли тоже всю неделю нездоровилось. Малышка опять захныкала, и я решительно сказал:

— Надо вызвать доктора.

— Карточка на медицинское обслуживание в кухне на столе.

Щеголеватого вида врач закончил прослушивать Викки и повернулся к Нелли.

— Давайте, я посмотрю молодую маму, пока папа укладывает ребенка, — предложил он.

— С ней все в порядке? — отмахнулась от него Нелли.

— У нее небольшая простуда. Горло немного красное, — с легким разочарованием ответил врач.

Он достал рецептурную книжку и небрежно черкнул в ней несколько слов по латыни.

— Вот, возьмите в аптеке и будете давать ей согласно предписанию.

— Все-таки, что с ней? — настаивала Нелли.

— То же, что и с вами, — нетерпеливо ответил он. — Простуда. Ничего серьезного.

— Вы думаете, она заразилась от меня?

— Вот уж не знаю, кто от кого заразился. Завтра зайду к вам еще.

Я видел, что он исчерпал время, отпущенное ему на осмотр.

— Ложитесь в постель, — бросил он через плечо, уходя.

— Сукин сын. Мы для него невыгодные пациенты. Не удосужился даже поговорить с нами толком.

Нелли закашлялась.

— Хорошо хоть вообще пришел. Чаще всего они не приходят по таким вызовам, как наш. Им бы только получить наличными.

— Но он не имеет права обращаться с нами, как с грязью!

— Брось ты, Дэнни, — устало проговорила Нелли. — Пора бы тебе понять, что все гоняются за деньгами. За деньги они будут и любезны, и внимательны...

Долготерпение, прозвучавшее в ее голосе, отрезвило меня. Мне стало стыдно за невольную вспышку ярости.

— Я побежал за лекарствами, — хмуро сказал я. — А ты ложись. Сегодня я останусь дома.

Она отрицательно покачала головой.

— Не надо, милый. Я немного полежу и сама схожу в аптеку. Тебе надо идти на работу. Ты же знаешь, как нам нужны деньги.

— Но врач сказал, что тебе необходимо лежать.

— Они всегда это говорят, но кто же ложится в постель с простым насморком? Вот увидишь, вернешься с работы, и мы будем в порядке.

Я взбежал по ступенькам и услышал надрывный кашель Нелли. Открыв дверь, я понял, что она и не ложилась спать.

— Что случилось? — спросил я, заходя в спальню.

— Дэнни! Она вся горит! Надо что-то делать!

Я метнулся вниз к телефону.

— Доктор Адамс?

— Да, я, — ответил заспанный голос.

— Доктор Адамс, Фишер говорит. Вы сегодня были у нас...

— Ну и что?

— Доктор, нужно срочно приехать! Дочка вся горит! Сорок градусов и восемь десятых!

— Она спит?

— Да, доктор. Но она вся мокрая и красная. У жены тоже высокая температура.

— Они принимали лекарство?

— Да.

— Тогда не паникуйте. К ночи температура всегда повышается. Обычное явление. Дайте им выпить чего-нибудь горячего и укройте потеплее. Я к вам зайду утром.

— Постойте, док... — воскликнул я, но он уже положил трубку.

— Он придет? — со страхом и надеждой спросила Нелли.

— Нет, — ответил я, стараясь придать своему голосу всю беззаботность, на которую был способен. — Он сказал, что так всегда бывает при простуде. Сейчас выпейте чего-нибудь горячего, и вам станет легче.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросила Нелли.

Я улыбнулся с уверенностью, хотя на душе у меня скребли кошки.

— Ну конечно. Он хоть и порядочный скот, но все-таки врач.

Я заботливо укрыл ее одеялом. Если бы можно было взять их болезни на себя!

— А теперь лежи. Я сделаю чай.

— Сначала Викки...

— Конечно, родная! Не беспокойся. Все будет хорошо.

Всю эту кошмарную ночь я, как угорелый, метался между женой и дочерью. Уже под утро я забылся тяжелым сном, который, однако, длился не более получаса. Я вздрогнул, проснулся от сдавленного кашля. Туго соображая, к кому бежать, я ринулся в детскую. Викки задыхалась. Лицо ее побагровело, а испуганные голубые глазенки умоляюще смотрели на меня.

«О Боже! Только не это!» — мысленно взмолился я и, взяв ее на руки, начал поглаживать по потной спинке, стараясь успокоить кашель. Но все было напрасно. Бог отвернулся от меня. Глаза ее вдруг закатились, тело обмякло, лицо начало принимать синеватый оттенок. В отчаяньи я прильнул губами к ее вялому ротику, стараясь вдохнуть в нее жизнь. «Забери, Господи, меня, пусть она живет! — молился я. — Забери, забери меня!» Я делал искусственное дыхание и не мог остановиться, хотя понимал, что все бесполезно. «Где ты, Боже? Есть ли ты вообще, если забираешь у нищего самое последнее, самое дорогое? Ты так же жесток, как этот мир. И поэтому я отказываюсь от тебя!»

— Дэнни! — закричала Нелли у меня за спиной.

Ничего не видя перед собой, я молча протянул ей бездыханное тело нашей дочери.

Глава третья

Деревянные ступени горестно стонали под нашими ногами. Я медленно поднимался вслед за женой на мою Голгофу. Всего три года назад мы с ней взлетели по этой лестнице, радостные и счастливые. Мы были веселы и молоды, мы не предполагали, какие испытания уготованы нам судьбой. Тогда, помнится, я на руках внес ее в наш дом. Как это было давно! Сейчас воспоминания поблекли, покрылись серой пеленой неудач, разочарований, горьких утрат. Иногда мне казалось, что все это было не с нами.

Я смотрел на прямую, негнущуюся спину Нелли, поднимавшуюся на полшага впереди. Она была сильной женщиной, и все невзгоды встречала без лишних слез. С каждым новым ударом судьбы лишь прибавлялось горечи в глубине ее прекрасных темных глаз, и новые морщинки ложились вокруг ее волевого рта. Сегодняшний день останется в нашей памяти навсегда. Невозможно было забыть скорбные звуки поминальной мессы, белый гробик, в котором отражалось мерцание свечей. В ушах до сих пор звучал скрежет лопат.

Разве можно когда-нибудь забыть доброту соседей, их сострадание? Если бы не они, не их скудные пожертвования, то сейчас мой ребенок лежал бы в общей могиле для бедняков и бродяг. Пять долларов тут, шесть долларов там... Всего — семьдесят, оторванных от их скудного бюджета. Все ушло на уплату за гроб, мессу, могилу — место последнего отдохновения частицы нашего тела и души.

Я был бы рад забыть все, но не мог, как никогда не мог забыть ни плохого, ни хорошего.

— Может быть, тебе лучше лечь, родная? — спросил я.

— Я не устала, Дэнни... Не могу войти в детскую. Ее кроватка, игрушки, башмачок... Но почему, Дэнни? За что?!

И она впервые заплакала.

— Она была моим ребенком, моей крошкой. Единственное, чего она хотела, — это жить! Жить! И я подвела ее.

Я обнял ее.

— Перестань, любовь моя. Не надо. Это не твоя вина. Все в руках божьих, он предал нас.

— Не богохульствуй! — упрекнула она меня. — Это была моя вина, с самого начала. Доченька моя заплатила за грех, совершенный мною. Это кара за то, что я возомнила, будто знаю больше, чем Бог.

Я с удивлением посмотрел на нее. Ее глаза горели не известным мне доселе фанатизмом.

— Я грешила и жила во грехе. Я забыла Бога ради мужчины. И вот расплата. Бог не благословил дитя, зачатое в грехе. Отец Бреннан предупреждал меня об этом с самого начала.

— Отец Бреннан не говорил ничего подобного! — в отчаянии воскликнул я. — Сегодня в церкви он сказал, что Бог примет ее в царствие небесное. Мы любили и любим друг друга. Это все, что Он требует.

— Бедный Дэнни, — нежно прошептала Нелли. — Ты просто не можешь понять.

Я вопросительно посмотрел на нее. Я, действительно, не мог ее понять. Любовь была для меня единственной настоящей ценностью, ради которой стоило умереть. Это было святое чувство.

— Я люблю тебя, и это — главное, — убежденно проговорил я.

Она улыбнулась мне сквозь слезы, поднялась и с жалостью посмотрела на меня.

— Бедный Дэнни, — тихо проговорила она. — Ты веришь в то, что твоя любовь — это главное в жизни, и не можешь понять, что для Него этого недостаточно.

— Для нас, Нелли, этого всегда было достаточно.

Ее глаза смотрели отрешенно. Она задумчиво кивнула.

— В этом-то и была наша главная ошибка, Дэнни, — проговорила она. — Я тоже так считала и лишь теперь поняла: того, что достаточно для нас, смертных, недостаточно для Него. Мы должны жить не только для себя, но и для Бога.

Она молча прошла в спальню и закрыла за собой дверь. Я слышал, как скрипнула кровать, потом все затихло. Я закурил, глядя в окно опустевшего мира. День моей величайшей скорби кончился.

Кто-то настойчиво звонил в дверь. Я с трудом поднялся и в полудреме пошел открывать.

— Что вам нужно? — устало спросил я незнакомого мужчину.

Незнакомец вытащил из кармана удостоверение и протянул его мне. «Отдел социального обеспечения г. Нью-Йорка», — прочел я и вопросительно взглянул на сутулого, похожего на хорька мужчину.

— Меня зовут мистер Морган, — представился он. — Мне надо задать вам несколько вопросов.

— Только не сейчас, мистер Морган.

— В ваших интересах ответить на них немедленно, мистер Фишер. До мисс Снайдер дошли сведения, которые мы хотели бы проверить.

— Хорошо. Задавайте свои вопросы, — сдался я, но не пригласил его пройти в квартиру.

Инспектор осмотрелся по сторонам, достал свой блокнот и открыл нужную страницу.

— Сегодня вы похоронили дочь? — бесстрастным голосом спросил он.

Я молча кивнул.

— Цветы и гроб стоят сорок долларов, похороны и панихида — еще двадцать, так?

— Вы забыли еще одну вещь, Морган, — проговорил я, едва сдерживая себя. — Католический обряд обошелся нам на десять долларов дороже. Итого — семьдесят долларов.

Инспектор невозмутимо сделал какие-то пометки в блокноте.

— А откуда вы взяли деньги, Фишер? — сощурил он левый глаз.

— А вот это не ваше дело! — не выдержал я.

— Нет, наше, — вежливо возразил он. — Вы находитесь на дотации государства, следовательно, потрудитесь объяснить, откуда у вас эти деньги? Уж не от ночных ли приработков, которые вы от нас скрыли?

«Все-таки эта старая стерва что-то разнюхала», — подумал я.

Инспектор победоносно улыбнулся, заметив мое замешательство, словно поймал величайшего преступника.

— Как видите, мы не даром едим свой хлеб. Ну, ничего, мистер Фишер, ничего, — снисходительно похлопал он меня по плечу. — Пока нам нужно только установить истину.

— Истина заключается в том, — угрюмо ответил я, — что троим невозможно прожить на семьдесят два доллара в месяц. Чтобы не умереть с голоду — приходится подрабатывать, — какое же это преступление?

— Вы нарушили распоряжение властей города Нью-Йорка и можете быть лишены пособия, — бесстрастно констатировал Морган. — Итак, признаете ли вы, что работали по ночам?

— Ничего я не признаю! — резко ответил я.

— Но где же вы нашли семьдесят долларов, чтобы похоронить дочь?

— Да, я похоронил ее, — вскипел я, — это все, что я смог сделать для своего ребенка. Если бы у меня действительно были деньги, то — неужели вы думаете, что я ждал бы вашего паскудного лекаря и не вызвал бы настоящего специалиста? Возможно, сейчас моя дочь была бы жива.

Морган не сводил с меня холодного взгляда. У него не было ни тени сочувствия.

— Так вы работали по ночам? — повторил он свой вопрос.

Я сгреб его за грудки и приподнял.

— Да, я работал по ночам, — выдохнул я.

Инспектор побледнел. Он вытаращил глаза и пропищал:

— Сейчас же отпустите меня, мистер Фишер. Вы усугубляете свою вину.

Но мне уже было все равно. Я врезал ему по морде, и он, как мячик, отлетел к стене и замер, испуганно вытаращив на меня глаза. Я сделал к нему шаг. Сейчас я вполне мог убить его. Струйка крови стекала из его разбитого носа. Он проворно встал на четвереньки и так, по-собачьи, запрыгал вниз по лестнице. Ногой я придал ему ускорение.

— Мы лишим вас пособия! Вы сдохнете с голоду! — затявкал он снизу.

— Если ты еще раз появишься здесь, я вышибу твои мозги, — крикнул я и захлопнул дверь.

— Кто это был? — спросила Нелли из спальни.

Я попытался ответить как можно спокойнее:

— Какой-то хорек из службы социального обеспечения.

— Что ему было нужно?

— Ничего особенного, детка. Пришел задать несколько вопросов. Ложись, дорогая, и не волнуйся.

— Они узнали, что ты работаешь по ночам, — догадалась она.

— Ложись, малышка. Тебе нужно отдохнуть, — попытался я уйти от ответа.

— Дэнни, они все знают?

— Ну и что с того, что знают? Теперь это неважно. Пусть подавятся своим пособием. Теперь мы сможем прожить на то, что я зарабатываю в баре. Шеф обещал мне прибавку.

Заметив в ее глазах слезы, я сел на постель.

— Все у нас неладно, Дэнни, — безнадежно произнесла она. — Даже в такой день. Неприятности, одни неприятности. Что за беспросветность!

— Вот увидишь, милая, дела еще выправятся...

Она продолжала смотреть на меня с тоской.

— Нет, Дэнни. Нам никогда не выкарабкаться. Я принесла тебе одни несчастья...

— Сейчас же прекрати говорить глупости! — воскликнул я. — Мы должны надеяться на лучшее. Вот увидишь, все еще образуется.

Она продолжала так же печально смотреть на меня.

— На что надеяться? Ты даже не знаешь, работаешь ты еще или нет. Ведь ты не появлялся в баре четыре дня.

Тут я вспомнил, что даже не позвонил Джеку. Тревога охватила меня.

В баре за стойкой, кроме Джека, стоял новый парень.

— Привет, Джек, — сказал я, стараясь казаться спокойным.

— Привет, Дэнни, — без особого энтузиазма ответил он.

— У меня несчастье, Джек, — я не мог прийти раньше.

Он осуждающе посмотрел на меня и спросил:

— Что же у тебя за горе, что ты не мог даже позвонить? Я две ночи горбатился здесь за двоих, а от тебя ни слуху, ни духу.

— Джек, я похоронил дочь...

На мгновение в баре воцарилась тишина.

— Ты не шутишь, Дэнни?

— Такими вещами не шутят, Джек.

— Извини, старик. Прими мои искренние соболезнования! — его глаза потеплели и стали еще более виноватыми.

Парень за стойкой с притворным безразличием усердно тер и без того блестевшие стаканы.

— У тебя новый парень, — заметил я.

Джек неловко кивнул и тихо произнес:

— Я не знал, что с тобой... А в одиночку, сам знаешь, здесь не много наработаешь...

— У тебя есть что-нибудь для меня? — прервал я его, стараясь придать своему голосу беспечность, что, впрочем, мне плохо удалось, так как от его ответа зависело: будет ли у нас с Нелли завтра что поесть, или нет.

— Пока ничего, Дэнни. Извини. Может быть, позже. Жаль, что ты мне не позвонил.

Парень за стойкой облегченно перевел дыхание.

— Ну, тогда пока, Джек.

— Пока, Дэнни. Позванивай.

Я вышел на улицу, ломая голову над тем, как сообщить эту убийственную новость Нелли. И все же я решил пойти домой. Шел я пешком — истратить пять центов на проезд — слишком большая роскошь в моем положении. К тому же мне впервые захотелось оттянуть встречу с женой.

Когда я подошел к дому, было уже около десяти вечера. И хотя на улице было довольно свежо, у меня взмокла рубашка, пока я поднялся по лестнице. Постояв немного в коридоре, я, наконец, решился и распахнул дверь. В прихожей горел свет, но в квартире стояла странная тишина.

— Нелли! — позвал я, вешая куртку.

Послышался звук шагов, незнакомый мужской голос произнес:

— Это он!

Резко обернувшись, я увидел Нелли и рядом с нею двоих мужчин. Один из них был мне уже знаком — инспектор Морган. На его распухшем носу красовался свежий пластырь. Второй мужчина шагнул вперед и предъявил мне полицейский жетон.

— Дэниел Фишер? — строго спросил он.

— Да.

— Мистер Морган выдвинул против вас обвинение в оскорблении действием при исполнении служебных обязанностей. Вам придется пройти со мной.

Да, день завершился великолепно...

— Мне можно переговорить с женой? — спросил я.

Он внимательно осмотрел меня с ног до головы и кивнул.

— Переговорите. Мы будем ждать вас в гостиной.

Морган хотел было что-то вставить, но полицейский решительно подтолкнул его к выходу.

— Только недолго, сынок, — отечески положил он руку на мое плечо.

Я мысленно поблагодарил этого седого человека.

— Опять без работы? — спросила Нелли, как только они вышли.

Я промолчал. Она замерла на мгновение, потом со слезами бросилась в мои объятия.

— Дэнни, дорогой мой, любимый. Что же нам теперь делать?

Я молча гладил ее чудесные волосы. Весь мир отвернулся от нас. Она встревоженно заглянула мне в глаза:

— Что они с тобой сделают?

Я безразлично пожал плечами. Я так устал от всего этого, что мне и вправду было на все наплевать. Если бы не она, я бы был готов покончить счеты с постылой жизнью.

— Наверное, задержат меня на пару дней до слушания дела. Потом назначат штраф и отпустят.

— Но нам нечем заплатить штраф. А вдруг тебя посадят в тюрьму? Морган грозился...

— А, этот хорек... Судьи не знают всех обстоятельств, а когда узнают, то непременно отпустят меня. Не беспокойся.

В дверь постучали, негромко, но настойчиво.

— Ложись спать, Нелли, и ни о чем не беспокойся. Утром я буду дома.

— Правда? — с надеждой спросила она.

— Правда!

Морган торжествующе ухмылялся, пока мы шли по улице.

— Ну что, Фишер, я говорил тебе, что еще вернусь?!

Я тоскливо молчал, зато полицейский рявкнул:

— Морган, заткнись. Парню и так досталось, а тут еще ты нервы из него тянешь.

Было заметно, что полицейскому не нравится дело, которым ему пришлось сегодня заниматься. Это был один из тех спокойных ирландцев, который, видимо, не от хорошей жизни пошел в полицейские.

Через два квартала я спросил:

— Что обычно бывает за такие дела?

— Назначается судебное разбирательство об оскорблении личности, — ответил ирландец.

— А до слушания меня отпустят домой?

— Отпустят... Но нужен залог.

— Сколько?

— Не меньше пятисот долларов, — ответил полицейский, сочувственно взглянув на меня.

— Тебя засадят в тюрьму! — злорадно пискнул Морган.

Я опешил и остановился.

— Но они не могут сделать этого! — воскликнул я. — У меня болеет жена. Мне обязательно нужно вернуться.

Полицейский взял меня за рукав.

— Очень жаль, но ничем не могу тебе помочь. Я должен доставить тебя в участок.

— Но — Нелли?! Она в таком состоянии! Она пропадет без меня!

— Спокойно, парень, — полицейский покрепче взял меня за плечо.

Мы пошли дальше. В газетах писали, что слушания иногда затягиваются на несколько месяцев... Надо было что-то предпринять, но что? Мы остановились по красному сигналу светофора. К перекрестку подползал серебристый рефрижератор. Полицейский ослабил свою хватку и, как мне показалось, легонько подтолкнул меня в спину. Я рванул вперед перед самым капотом огромной машины, оттолкнув со своего пути Моргана. Сзади раздались крики и ругань, но я не оборачивался.

— Стой! Держи его! — пронзительно визжал Морган.

Трель полицейского свистка ударила в уши. Добежав до угла, я оглянулся.

Морган лежал в канаве, над ним склонился полицейский. Ирландец изо всех сил свистел в свою дудку и махал в мою сторону рукой, казалось, что он машет мне: беги, скорей беги!

Глава четвертая

Кружным путем я пробирался к своему дому. Необходимо было увидеть Нелли и объяснить, что случилось. Но возле подъезда стояла полицейская машина. Меня ожидали. Я свернул в боковую улочку и медленно побрел прочь. Чувство обреченности охватило меня. Одиннадцатый час... Ничего не остается, только пойти и сдаться. Нельзя же бегать и скрываться всю жизнь. Я опять повернул к дому, чтобы поскорее покончить с этим. И чего это я побежал от них? Ах, да, тогда разговор зашел о залоге. Мне негде взять деньги для залога. Надо было во что бы то ни стало раздобыть эти проклятые пятьсот долларов. У родителей Нелли таких денег не было. Они ничего не могли сделать, даже если бы очень хотели помочь. Оставался единственный выход — обратиться к Сэму.

Вспомнился тот день, когда я последний раз видел его. Это было как раз после рождения Викки. Он тогда подумал, что я пришел к нему просить денег, а тогда мне просто хотелось поделиться своей радостью. Я поклялся, что ноги моей больше не будет в их доме. Но теперь мне было не до оскорбленного самолюбия. У меня не было другого выхода. Либо к Сэму, либо в

тюрьму. После того, как я убежал от них, они надолго упекут меня. Надо было использовать последний шанс.

В первой попавшейся кондитерской я нашел в телефонном справочнике номер телефона и позвонил. Трубку подняла горничная.

— Мне мистера или миссис Гордон, пожалуйста.

— Миссис Гордон на загородной вилле, а мистер Гордон еще не вернулся из офиса.

— Будьте добры, номер его телефона, пожалуйста. Мне необходимо срочно связаться с ним.

Она продиктовала номер, я записал. Но позвонить было больше не на что — карманы были абсолютно пусты.

Спустя полчаса я добрался до «Импайр Стейт Билдинг».

— Мистер Гордон у себя? — спросил я швейцара.

— Сейчас посмотрим, — ответил он, раскрывая журнал. — Да. Он еще не спускался.

— Он один?

— Он, — на лице швейцара мелькнула едва заметная ухмылка, — он вернулся со своей секретаршей.

Дальнейших объяснений не требовалось. Сэм ничуть не изменился. Наверняка его секретаршей была первоклассная девочка, под стать всему этому заведению. Поднявшись на двадцать второй этаж, я смело прошел через пустую приемную и вошел в просторный кабинет. Здесь тоже никого не было. Подойдя к боковой двери, я мгновение колебался, потом решился и распахнул ее. Внутри было темно. Нашарил на стене выключатель, щелкнул им. Яркий свет залил комнату. Послышалось проклятье и испуганный возглас женщины. Я нахально осмотрел симпатичную брюнетку, поправляющую платье, потом уставился на Сэма. Его сердитое лицо не предвещало ничего хорошего.

— Выйди вон! — рявкнул он.

Я послушно попятился и закрыл за собой дверь. Развалясь в удобном кресле, я подождал минут пятнадцать. Наконец дверь открылась, и вышла секретарша.

— Мистер Гордон сейчас примет вас, — произнесла она, словно я не видел ее только что в куда менее официальных обстоятельствах.

— Спасибо, крошка.

Вскоре вошел Сэм и уселся за свой огромный стол со множеством телефонов.

— Ты думаешь, что они будут лучше работать, если ты проверишь их в постели?

Он пропустил мой юмор мимо ушей и раскурил сигару.

— Что тебе нужно?

Нет, Сэм все-таки был хорош. Он всегда прекрасно владел собой. Шутить с ним не стоило, поэтому я просто сказал:

— Мне нужна помощь.

— А почему ты пришел именно ко мне?

— Больше не к кому.

— Я же говорил тебе, что я не нянька.

— Ты прав, Сэм. Но няньки мне не нужны. Я действительно попал в беду, и тебе придется помочь мне.

— Придется? — прервал он меня. — Ну, ладно. Давай, выкладывай, что там у тебя стряслось.

— Я набил морду одному мерзавцу, и меня ловит полиция.

— Вляпался! Даже морду не можешь набить... Ты порченный, Дэнни. Каким был гнилым, таким и остался.

Он схватил меня за воротник своей мощной волосатой лапой.

— Выметайся отсюда, слабак, ничтожество!

Я похолодел при одной мысли, что сейчас он выставит меня отсюда силой. Нет, этот человек понимал только один язык. Я резко оторвал его руку.

— Ты бы поспокойнее, Сэм. Ты далеко не в лучшей спортивной форме.

— Я сейчас покажу тебе, в какой я форме, — прорычал он, замахиваясь.

Я легко отбил его удар.

— Слабо, Сэм. Где твоя реакция. Вспомни, чему ты сам учил меня. Постарел, Сэм, потолстел... Что ты раскачиваешься, как твоя секретарша? Ударь по-настоящему, ну, ударь!

Несколько минут он пытался достать меня. Потом я несильно ткнул его, и он свалился в кресло, тяжело дыша.

— Это все твоя жена... Научила Мими готовить спагетти. Я их очень люблю, но для меня мучное — могила.

— Так ты выслушаешь меня?

— Уходи, — уже спокойнее сказал Сэм. — Из тебя никогда не будет толку. Еще мальчишкой ты умудрялся подводить меня. Сначала с Сил, потом на чемпионате, когда пошел на сделку с Макси Филдсом. Сколько можно тебя выручать?

— Сэм, это тебе не будет стоить ни цента. Мне только нужно твое поручительство и какая-нибудь работа, чтобы я мог встать на ноги.

— У меня нет для тебя работы. Ты же ничего не умеешь.

— Ты видишь, что я еще могу боксировать.

— Можешь, как же, но только со мной. Ты уже стар для настоящего бокса. Как профи ты не заработаешь ни цента.

Тут он был прав. В двадцать три трудно подняться на олимп, тем более после шестилетнего перерыва.

— Тогда дай мне какую-нибудь работу в твоей конторе.

— Нет.

— Ты откажешься, даже если я пообещаю ничего не говорить Мими о твоих мужских проказах? А она тебе, точно, устроит веселую жизнь. Уж я-то ее знаю.

По обиженному выражению его лица я понял, что зацепил. Он насупился и задумчиво принялся жевать конец сигары. Просить его было бесполезно. Его можно было только прижать к стене. Наконец, Сэм поднял на меня грустный взгляд.

— Ты все такой же заносчивый щенок, который думает, что весь мир что-то ему должен...

— Нет, Сэм. Я уже другой, — горько признался я. — Перед тобой совершенно другой Дэнни Фишер. Я слишком много пережил, чтобы оставаться прежним. Полтора года назад я ползал на брюхе ради пособия — лишь бы не умереть с голода. Сегодня я спустил с лестницы инспектора социального обеспечения, который допытывался, откуда я взял деньги, чтобы похоронить моего единственного ребенка... Потом он натравил на меня

полицейских. Моя жена лежит дома больная, она не знает, что со мной. Нет, Сэм, жизнь перелицевала меня.

— Что с тобой случилось, чемп? — взволнованно спросил Сэм.

— Ты же слышал, что я сказал. Меня загнали в угол... Так ты мне поможешь или мне рассказать Мими, что я сегодня здесь видел?

— Ладно, Дэнни, — наконец выдавил он.

Глава пятая

— Привет, Дэнни! — улыбнулась мне секретарша. — Тебя искал шеф.

— Спасибо, крошка. А тебя он не искал?

Кэтти была смышленой девушкой, правда, с несколько ограниченным чувством юмора. Она была не первой и не последней секретаршей — любовницей Сэма, но почему-то ее особенно раздражали мои подначки.

Я вспомнил, в каких пикантных обстоятельствах увидел ее в первый раз — три с половиной года назад. Многое произошло за это время. Война в Европе была в полном разгаре. Многие наши служащие ушли на фронт, но меня, по иронии судьбы, забраковала призывная комиссия. Бокс все-таки не прошел для меня даром — военные медики нашли у меня какое-то повреждение барабанных перепонок.

Я перебрал лежащие на моем столе бумаги и нашел нужную. Телефон зазвонил, когда я уже готов был идти к Сэму. Звонила Нелли, с работы. Она служила теперь на военном заводе. Война многим дала работу.

— Я забыла сказать тебе, Дэнни. Отнеси белье в прачечную.

Относить белье — моя постоянная обязанность, о ней я никогда не забывал. Нелли звонила потому, что соскучилась, ведь она ушла на службу в шесть утра, когда я еще спал.

— Хорошо, дорогая. Ну, как там у вас дела? Все куете победу?

— Пекло, Дэнни. Наверное, градусов под пятьдесят.

— Слушай, уходи ты из этого ада. По-моему, я зарабатываю достаточно.

Она отвечала терпеливо, но настойчиво, словно говорила с малым ребенком:

— Дэнни, сколько можно об этом? Я ведь просто сойду с ума в четырех стенах. А здесь я среди людей, чем-то занята...

Спорить с ней было бесполезно. После смерти Викки она сильно изменилась, стала замкнутой, печальной. Жизнь притушила в ней былой огонь.

— Сегодня обедаем дома или в ресторане?

— Давай сходим куда-нибудь, Дэнни.

— Согласен. Заеду за тобой в шесть.

Я вошел в кабинет Сэма.

— А-а, наконец-то явился, — недовольно пробурчал босс.

За годы, проведенные в его команде, я привык не обращать внимание на его плохое настроение и вспыльчивость. Себе самому я цену знал. Мы занимались довольно рискованным бизнесом, но такая работа была как раз по мне. Не многим удавалось превращать нюансы законодательства и оправданный риск в настоящие деньги. К этим немногим относились мы с Сэмом. Сэм отдавал себе в этом отчет и испытывал ко мне нечто вроде уважения, если, конечно, он вообще был способен хоть на какое-то подобие этого чувства.

Сэм за последние годы еще больше раздобрел и еще больше стал похож на добропорядочного отца троих детей, каковым, в сущности, он и был.

— Мими просила пригласить вас с Нелли сегодня на ужин.

— Хорошо. И из-за этого срочный вызов?

— Нет, не из-за этого. Я хочу, чтобы ты отбил эту сделку по торговым автоматам.

— С какой стати? Кажется, ты сам кричал, что нам надо спешить с этими автоматами?

— Я передумал, — проворчал он. — Из-за военных заказов к торговым автоматам невозможно найти запчастей, эксплуатировать их — самоубийство. Любая поломка — их нужно отправлять на свалку.

— Это — единственная причина, или ты передумал потому, что в этих автоматах, по слухам, заинтересован Макси Филдс?

Он побагровел. Видимо, у него скакало давление.

— Мне плевать, в чем заинтересован Макси Филдс! — заорал он. — Просто это слишком рискованное дело. У нас есть концессия на ночной клуб! Отчеты, расчеты, сувениры, открытки с видами, — живые люди, живые деньги. Людей можно понять, ими можно управлять. Это не автоматы!

— Но ведь мы бились над этим целый месяц, — настаивал я. — И всего пятнадцать тысяч — почти даром.

— Пусть Макси берет этот подарок. Мне это уже не интересно. Я не намерен приобретать то, что невозможно сохранить. Никогда не рискую, если шансы пятьдесят на пятьдесят. И тебе не советую.

Он меня не убедил, мы упускали из рук верное дело. Впервые я не был согласен с ним.

— Ты становишься чересчур осторожным, старик, — укоризненно сказал я. — Эти автоматы многократно окупят себя. После войны в них можно будет продавать все, что угодно, от горячего кофе до презервативов.

— Это после войны. А пока они пригодны разве что для продажи сигарет и колы. Нет, я не покупаю.

— Тогда куплю я, — неожиданно для себя самого решил я.

Он мигом насторожился.

— И у тебя есть деньги?

Я выдержал его насмешливый взгляд. Он прекрасно знал, что таких денег у меня нет, и вряд ли скоро появятся.

— Нет, конечно. Все, чем я располагаю, — это пара тысяч на текущем счету. Остальное одолжишь мне ты.

— Что?! — взвился Сэм. — Ты считаешь меня идиотом? Какие гарантии ты можешь дать? Нет, я пока не могу делать такие подарки.

— Я дам тебе честное слово, — спокойно ответил я.

— Однажды ты уже его давал, и я потерял пять тысяч. Неужели ты думаешь, что снова поймаешь меня на ту же удочку?

— Тогда это было слово зеленого мальчишки, который не усвоил суровых законов жизни. Да и потом, тебе нужна была слава делателя чемпионов, и ты получил ее, а мне достались одни неприятности. Теперь я знаю ставки. Даю тебе слово мужчины.

— Нет, — отрезал он.

— Да, — выговорил я. — И ты будешь бегать за мной и предлагать деньги. Я ведь многое знаю, знаю, например, об этой блондинке, танцовщице, для которой ты снимаешь номер в «Савойе». Добропорядочный отец семейства, надежный в делах, как государственный банк. Да я ославлю тебя не только в глазах моей сестры, но в глазах всего делового мира. Думаю, твоя репутация стоит каких-то паршивых десяти тысяч, которые я к тому же верну тебе с процентами. Выбирай!

Цвет его лица изменился несколько раз, пока он, наконец, не выдавил:

— Как ты узнал о ней?

— Для войны у меня уши, может быть, и с дефектом, но для гражданской жизни — самые подходящие.

Он, наконец, успокоился и виновато произнес:

— Ты же знаешь, как это бывает. Я очень люблю твою сестру, но у нее какие-то странные представления о взаимной близости... Мы... как бы это выразиться поточнее, не совсем совпадаем темпераментами. Вот и приходится...

— Да что ты, Сэм, я тебя не осуждаю, даже, признаюсь честно, завидую. Но Мими такая гордая...

Сэм задумчиво просмотрел на меня и, видимо, решил, что надо бы перейти в наступление:

— Неужели я мало для тебя сделал? Ты только вспомни. Заплатил за тебя залог, отмазал от полиции, устроил на приличную работу...

— Все это так, Сэм, и я очень благодарен тебе. Но мужчина должен не просто получать жалованье, но и самостоятельно делать деньги, если у него хватает ума и способностей. У меня, как ты мог убедиться, есть и то, и другое. Так дай мне возможность заработать настоящие деньги.

Он пристально посмотрел на меня, вспоминая, наверное, себя в мои годы. Его лицо расплылось в широкой улыбке. Уж кто-кто, а Сэм Гордон умел проигрывать с достоинством. Однако он решил выложить свою последнюю карту.

— А что, если за это дело возьмется Филдс?

— Не возьмется, я уже проверил. Это дело ему не по зубам.

Сэм откинулся в кресле и вытащил чековую книжку.

— О'кей, Дэнни, я тебе верю. Сколько тебе надо, чтобы начать собственное дело?

— Десять тысяч.

— На какой срок?

— Я верну их тебе через один послевоенный год. Мне надо играть наверняка.

— Но это может растянуться очень надолго. Кто знает, когда кончится война?

— Если она протянется, то плакали твои денежки. Эти автоматы проработают у меня не более трех лет. Потом их надо будет заменять новыми.

— Три года... — задумчиво протянул Сэм, прикидывая что-то в уме. — Проценты обычные?

Обычные проценты означали шесть к пяти, то есть, взяв десять, я должен буду вернуть двенадцать.

— Скинь немного, Сэм. В конце концов все останется в семье.

— Хорошо. Десять процентов годовых на неопределенный срок, — быстро согласился он.

Было ясно, что на таких условиях он выигрывает гораздо больше, но на данном этапе меня это устраивало.

— Что ж! Это будет справедливо. Ты не прогадаешь. Ты хочешь, чтобы я сам съездил в Атлантик-Сити?

— Ну уж нет! — ответил он, выписывая чек. — Положи это на свой счет. Теперь это твое собственное дело!

Выйдя от Сэма, я облегченно перевел дух и уселся за свой стол. Пожалуй, это был самый удачный бой. Вырвать десять тысяч у такого волкодава, как Сэм, было неслыханной победой. Десять тысяч американских долларов! Никогда у меня не было таких денег.

Вдруг мной овладели сомнения, сменившиеся самым настоящим страхом. Я с трудом подавил желание вернуть немедленно чек Сэму, пока не поздно. Я же с ума сошел, решив, что смогу провернуть такое крупное дело. Как всякий хищник, Сэм обладал мертвой хваткой и обостренным нюхом на деньги. Почему он сам не взялся за этот проект? Может быть, он действительно бесперспективен? За время работы с Сэмом я имел немало случаев убедиться в том, что, как правило, Сэм всегда

оказывался прав. Кто я такой, чтобы утверждать — на этот раз Сэм Гордон ошибается?!

Смертельная усталость накатила на меня. Что на меня нашло? Откуда эти наполеоновские замашки? У меня была хорошая работа, спокойная жизнь. Еще несколько лет назад я все был готов отдать за такое место, теперь, видите ли, мне мало. Почему? Ответа я не мог найти, но он был, он вертелся в моем сознании, как вертится на языке вдруг забытое слово. Не мог же я схватиться за эту идею только потому, что Сэм отказался от нее?

Вспомнился первый день работы у него. Сэм вызвал меня в свой кабинет и долго мерил меня тяжелым взглядом. Когда он, наконец, заговорил, я не узнал его голоса. Он решил сразу поставить меня на место:

— Если ты думаешь, что сможешь валять дурака только потому, что ты брат моей жены, то лучше сразу убирайся! Я буду платить тебе тридцать долларов в неделю, но требовать работы на пятьдесят. Иначе — пошел вон! Па-а-нятно?

Я улыбнулся про себя, услышав знакомое со времен тренировок словцо.

— Па-а-нятно, шеф! Клянусь честно отрабатывать свой кусок хлеба с маслом!

— Вот и отлично. Рад, что мы понимаем друг друга. А теперь — выметайся отсюда и принимайся за работу. Чем меньше ты будешь попадаться мне на глаза, тем лучше.

Так я отрабатывал свои тридцать долларов, потом сорок пять, шестьдесят и, наконец, семьдесят пять... И учился, учился, учился. Сначала я мотался по концессиям, проверяя правильность отчислений на счета компании «Гордон Консэшнз Инкорпорейтед». Оценив мои усилия, Сэм начал поручать мне экспертизу новых предприятий и заключал новые сделки только после того, как я производил тщательную проверку. Когда Сэм поручил мне прощупать небольшую фирму торговых автоматов Кристенсона, я отправился туда безо всякой задней мысли. Фирма не приносила большой прибыли, но обладала громадным потенциалом. Автоматы фирмы были разбросаны по всему городу, в них продавались

прохладительные напитки, газеты, жевательная резинка, сигареты...

На меня произвел впечатление влюбленный в свое дело мистер Кристенсон. По тому, с каким энтузиазмом он рассказывал мне о своих «малютках», я понял, что он очень неохотно продает дело. Но врачи ему сказали: либо фирма, либо жизнь, он выбрал последнее. Как Сэм мог разузнать обо всем этом?

В мастерской фирмы работали всего пятеро механиков, еженедельный оборот — около трех тысяч. В распоряжении Кристенсона находился 141 автомат по продаже сигарет и 92 — по продаже кока-колы. В мастерской стояли еще четырнадцать автоматов, к которым не могли найти запасных частей. Но если их наладить, то они смогут приносить еще около трех сотен в неделю. По моим прикидкам, сорок процентов автоматов располагались не там, где они могли приносить максимальную прибыль — если их переместить, товарооборот мог бы достигнуть четырех тысяч, что давало бы около пятисот долларов чистой прибыли в неделю. Именно поэтому я рекомендовал Сэму прибрать к рукам это дело. При его связях можно было бы очень широко развернуться. Я мог бы лично взяться за реорганизацию.

Побывал я и у производителей автоматов. Конечно, сейчас они были завалены военными заказами, но директор завода показал мне проекты послевоенных моделей. Я ахнул! Это был настоящий Клондайк! Автоматы на любой вкус, делающие все, что угодно!

Но Сэму все это было не по душе. Он преуспевал и не хотел суетиться. Я взглянул на чек в моих руках. Ответ ускользал от меня. Я брался за дело не только потому, что хотел самоутвердиться. Здесь было что-то еще. Что? Ответ я получил дома, когда вечером увидел Нелли.

Я тихо вошел в квартиру, пытаясь представить, как она примет новость. Разволнуется, конечно. Она вообще очень настороженно встречала каждую новую мою идею, которая хоть как-то угрожала завоеванному благополучию. Хорошая работа и твердое жалование — вот что было ее лозунгом. Ее буквально бросало в дрожь от

любых спекуляций, в которых присутствовал элемент риска.

Несколько раз я предлагал ей переехать в новую, более удобную квартиру, но она и слышать об этом не хотела, хотя, как я подозреваю, в душе мечтала об этом.

— Зачем нам тратить деньги на квартиру. Нам вдвоем и тут неплохо.

— Но, дорогая, для чего же еще зарабатывать деньги, как не для того, чтобы их тратить? — возражал я.

— Нужно основательно накопить на черный день. Вдруг нам перестанет везти?

Она не могла забыть о наших трудных первых годах.

Нелли дремала в кресле с высокой спинкой. И я, все так же тихо, подошел к ней и обнял ее за плечи. Она очень уставала за день работы в горячем цехе на формовочном прессе. Ей нужно было поспать с полчаса, чтобы прийти в себя. Она не проснулась, и я заметил, что в руках у нее — фотографии нашей Викки. Я тяжело вздохнул и вытащил снимки из ее пальцев. Она так и не проснулась. Сердце у меня дрогнуло от жалости, неожиданно сам собой выскочил ответ на вопрос. Мне стало понятно, почему у нас не было больше детей, почему Нелли боялась потратить лишний цент, почему она отказывалась переехать на новую квартиру. Я так и не смог дать ей главного, что должен дать мужчина любимой женщине — защиту, чувство безопасности от любых невзгод. Одной любви мало, нужна уверенность в муже, в семье, в доме.

Вот оно! Свой дом. Именно поэтому мне захотелось разбогатеть. Чтобы избавиться самому и избавить Нелли от подсознательного страха перед будущим. Это избавление могли дать деньги, большие деньги. И они у меня будут!

Глава шестая

Стараясь не глядеть друг другу в глаза, мы сидели в просторной гостиной Мими и обменивались ничего не значащими фразами. Моя сестра все не могла оставить тщетных попыток помирить меня с отцом. Нелли, Мими и мама ушли укладывать детей спать, а мужчины —

то есть отец, Сэм и я — сидели в гостиной и молча дымили сигаретами перед ужином.

— Дэнни, — вдруг сказал Сэм, — ты помнишь того парня, что дрался с тобой в полуфинале — Джо Пассо?

— Еще бы! Тогда он меня чуть было не наказал. Способный малый.

— Да, — подтвердил Сэм. — Недавно я узнал, что осенью он будет выступать в полутяжелом весе на чемпионате страны.

— Надеюсь, он станет чемпионом, — проговорил я, чувствуя на себе взгляд отца.

— Эх, все-таки именно ты должен был быть чемпионом! — воскликнул Сэм.

— Что же поделаешь, для меня бокс оказался слишком жестоким занятием...

— Да, единственное, чего тебе не хватило, так это инстинкта убийцы. Ты так и не научился добивать. А не добьешь — ничего и не добьешься.

Тут вмешался отец:

— Бизнес, в котором человек должен превратиться в убийцу — не для моего сына!

Обычно он никогда не вмешивался в наши разговоры. Мы с Сэмом удивленно уставились на него. Отец покраснел, но упрямо продолжил:

— Я считаю грязным и низким бизнес, в котором человек вынужден быть убийцей, чтобы преуспеть.

— Отец, — решил объясниться Сэм, — это только боксерский жаргон. Мы никого не думали убивать. Просто это означает — уловить момент, когда твой противник растерян, развить успех и закончить бой в свою пользу.

— ...свернув ему челюсть или устроив сотрясение мозга, — подхватил отец. — Нет, как вы меня ни убеждайте, бокс — это узаконенное убийство, все боксеры — убийцы.

Тут отец хватил через край. С Сэмом так нельзя было говорить на эту тему.

— Вы сейчас неправы, отец, как были неправы много раз в жизни. Прежде всего, вы часто были неправы по отношению к собственному сыну. А такой талант, как у него, встречается раз в сто лет.

Отец поднялся на ноги.

— Все боксеры — убийцы, — упрямо проговорил он. — А мой сын, сверх того, «талантливый» убийца.

Тут уж Сэм рассвирепел по-настоящему.

— Именно поэтому вы отдали за меня свою дочь. Я ведь тоже был боксером...

— Но когда ты женился на ней, ты уже не был им.

— Да, только потому, что у меня был выбит мениск.

— Мими хотела этого, — пожал плечами отец. — Это было ее личное дело, и я не мог вмешиваться.

— Ах, не мог вмешиваться?! — побагровел Сэм. — А когда ты «мог вмешиваться»? Когда тебе было выгодно? Почему-то ты вел себя совершенно по-другому, когда Дэнни...

— Кончай, Сэм, — попытался прервать его я. В отношения с отцом я не хотел привлекать никого, даже Сэма.

— Нет уж, постой, — огрызнулся на меня Сэм. — Я в этом деле тоже не последний. Благодаря его ослиному упрямству, я просадил кучу денег.

Все, теперь Сэма не остановить.

— Ты был доволен, пока малыш тебя беспрекословно слушался. Стоило ему один раз пойти наперекор тебе, ты решил: у тебя нет больше сына! А вот от денег, которые он зарабатывал потом и кровью на ринге, ты не отказывался... Те пять сотен, которые он оставил тебе в ту ночь, когда ты выгнал его из дому, где они? Мне твоя выходка стоила пять тысяч, парню она чуть не стоила жизни... Ты что, всего этого не знал или не хотел знать?

Отец был бледен. Он смотрел на меня чуть ли не виновато.

— По нашим законам сын должен слушаться отца... — начал было он, но Сэм не дал ему договорить.

— Ты отстал от жизни, отец. Они не должны нас беспрекословно слушаться, они могут прислушиваться к нашим советам. Чувствуешь разницу? И ни в коем случае нельзя требовать слепого подчинения. Во всяком случае, именно так я буду относиться к моим ребятам. И пусть они будут не всегда правы. Пусть набьют шишки, но это будут их собственные шишки. А слушаться нас они будут ровно настолько, насколько тянет наш авторитет...

— Посмотрим, что ты запоешь, когда доживешь до моих лет, — настаивал на своем отец.

— В любом случае я никогда не закрою дверь перед носом моих детей!

Отец лишь махнул рукой и вышел из комнаты, как побитая собака.

— Ну и чего ты добился? — спросил я Сэма. — Говорить с ним бесполезно.

— Мне до смерти надоели его нудные разглагольствования о том, какие он на тебя возлагал надежды, и как ты разочаровал его.

— Сэм, тебе-то что до всего этого?

— Да я кровно заинтересован! Ведь он знает, что я мечтал сделать из тебя чемпиона. И он не может простить того, что ты послушался меня, а не его. Не будь я Сэмом Гордоном, если не втолкую ему, как он неправ!

Я устало махнул рукой.

— Тебе это не удастся. Я знаю, что его не переубедить... Все-таки он мой отец...

Глава седьмая

Механик, ремонтировавший автомат, выпрямился и сказал:

— Через пару часов он у меня заработает, мистер Фишер.

— Не торопись, Гус, делай на совесть. Не хотелось бы отправлять его на завод, с запчастями все так же плохо.

— А как насчет товара?

— Тут совсем беда. За последнюю неделю не удалось достать ни одного блока сигарет.

Действительно, было от чего прийти в отчаяние. За прошедшие полгода сигареты стало найти труднее, чем деньги... Слава Богу, что мне своевременно удалось запастись сигаретами, скупив их у мелких контрабандистов, иначе я остался бы на бобах. Теперь надо было выждать, когда цена на сигареты достигнет высшей отметки, и тогда пустить все запасы на продажу. Но к этому времени все мои автоматы должны быть в полной боевой готовности.

Я заглянул в каморку в глубине мастерской и спросил сидевшую там девушку:

— Сэм Гордон еще не звонил?

— Нет, мистер Фишер, — улыбнулась она.

— Позови, как только позвонит.

— Конечно, шеф.

Обращение «шеф» приятно ласкало мой слух, но я знал, что буду чего-то стоить только после того, как проверну операцию с сигаретами. Подошел механик и доложил, что ремонт закончен.

— Хорошо, Гус, — похвалил я его. — Если больше нет работы, можешь быть свободен на сегодня.

— Спасибо, мистер Фишер. И все-таки жаль, что у нас нет сигарет, а то бы посмотрели, как автомат работает.

— Да, невесело, — согласился я с ним. — Но не будем отчаиваться. Если верить газетам, то нынешний их дефицит — дело временное.

— Временное-то оно временное, — развил мою мысль механик, — но ведь кто-нибудь специально придерживает сигареты, чтобы выгоднее продать...

— Мистер Фишер, а проводе мистер Гордон, — спасла меня секретарша.

— Иду! — бросил я, попрощался с механиком и взял трубку. — Привет, Сэм.

— Дэнни, как у тебя с сигаретами?

— Как у всех, Сэм, плохо.

— И почем ты свое «плохо» продаешь?

— Смотря для кого и сколько... Для родственников, как всегда, льготы.

— Ладно, кончай трепаться, мне нужно пять тысяч блоков.

— Три пятьдесят за блок, — быстро ответил я.

— Дэнни, ты с ума сошел, — заорал Сэм, но я знал, что делаю. В барах и ночных клубах его девочки продавали пачку за пятьдесят центов, так что не известно, кто кого грабит.

— Три с четвертью, — торговался Сэм. — Как-никак, если бы не мои деньги, ты бы никогда не вошел в дело.

Действительно, я до сих пор не вернул ему десять тысяч. Но это лишний раз подтверждает, что я не имею права расслабляться.

— Сэм, три пятьдесят — это мое последнее слово. Куда тебе их доставить?

— В обычное место, — сдался он, — и дай Бог, чтобы ты попался агентам по борьбе с контрабандой.

— Если попадусь, твоим девочкам нечего будет предлагать клиентам, кроме самих себя. А по нынешним временам — это дешевый товар. Так что молись, чтобы меня не поймали.

Я повесил трубку, довольный. Десять тысяч были у меня в кармане. Быстро и без особого труда. В свое время я покупал сигареты по полтора доллара за блок. На следующей неделе можно будет подумать о покупке новых автоматов. Я взглянул на настенный календарь. Конец мая. Через несколько дней мне исполнится двадцать семь. Время летит быстро. Я чувствовал себя стариком.

Радостный, я вошел в свою квартиру. Нелли колдовала на кухне над чем-то очень вкусно пахнущим.

— Нелли, когда ты бросишь свой завод и займешься только мной? Ведь у нас теперь достаточно денег!

— Пожалуй, я подумаю об этом, — ответила она, загадочно улыбаясь. — А пока иди умывайся. Ужин почти готов.

— Ну, как прошел день? — поинтересовалась она, когда я поел.

— Нормально. Сегодня удачно сбыл Сэму сигареты. Десять тысяч чистой прибыли!

— Дэнни, — озабоченно проговорила она, — мне все это не нравится. А вдруг они тебя поймают?

— Не волнуйся, малыш. Не поймают.

— Но, дорогой, я недавно читала в газете...

— В газете пишут то, за что платят. Сейчас там платят за это, вот они и пишут. Ведь продажа сигарет не запрещена.

— И все-таки деньги достаются тебе со слишком большим риском. С тех пор, как ты занялся этим делом, я не могу спокойно спать по ночам.

— Ой, Нелли, кончай паниковать. Сколько можно быть простым исполнителем? Если уж выбирать между наковальней и молотом, то я предпочитаю быть молотом. Скоро будешь ходить в мехах и бриллиантах.

— Как-нибудь обойдусь без них, — попыталась улыбнуться Нелли. — Единственное, что мне сейчас нужно, это — ты, ты и только ты. Чтобы ты всегда был рядом, чтобы мне не пришлось объяснять нашему малышу, почему его отец оказался в тюрьме.

— Что ты сказала? — воскликнул я, не веря своим ушам.

Она гордо и спокойно улыбнулась.

— Да, Дэнни, у нас будет ребенок.

Я опустился перед ней на колени.

— Ты уже была у врача?

— Сегодня утром, по пути на работу.

— Могла и позвонить, — упрекнул я ее.

— Но ты бы не смог работать...

— Какая к черту работа! — Скажи лучше, когда мы будем рожать?

— Не знаю, когда ты, а я — в конце ноября.

Я бросился в кресло вне себя от радости. Все-таки я оказался прав, полагая, что у нас будет ребенок, как только Нелли почувствует уверенность в нашем будущем.

— Так, Нелли, — приступил я к следующему пункту своей программы. — Теперь нам нужно перебираться отсюда.

— А чем тебе здесь не нравится?

— Моему ребенку необходимо больше воздуха, солнца, простора. Надо подыскать что-нибудь получше.

— Но, Дэнни, такие квартиры очень дороги...

— А кто тут говорит о квартире? Собственный дом, только собственный дом!

— Дом? Час от часу не легче. Это же вообще безумие!

— Пусть безумие, но для чего еще нужны деньги? Ведь у меня будет сын!

Глава восьмая

Такого душного августа давно не было. Я залез в нагревшуюся на солнце машину и повернул ключ зажигания. Мотор заурчал, чихнул и заглох. Стрелка амперметра застыла на отметке «разрядка». Сел аккумулятор. Чертыхаясь, я вылез из машины, пнул ее в колесо за

предательство и решил ехать на метро. Нелли сегодня ждала меня пораньше.

До ближайшей станции метро было кварталов шесть, и пока я добрался туда, в горле у меня пересохло. Первым делом я бросился к будке с надписью «Кока-кола», но продавца на месте не оказалось. Что за день?! Сплошное невезение!

Подошел поезд, я облегченно плюхнулся на мягкое сиденье. От нечего делать принялся рассматривать спутников и, к своему удивлению, обнаружил, что у многих были такие же недовольные и потные лица, как у меня. Наверное, и они тоже мечтали сейчас о запотевшей баночке пива или бутылочке кока-колы. Смутная мысль начала формироваться в моем сознании.

И тут меня осенило! В жаркие дни людям меньше всего нужны были сигареты и жевательная резинка из автоматов. В метро надо понаставить автоматов с прохладительными напитками. Как это никто не додумался до этого? Итак, нужно договориться с муниципалитетом о подряде и прикупить машин. А зимой? А зимой их, наверное, можно приспособить под продажу горячего кофе. Если у меня это получится, то о деньгах можно будет не беспокоиться до конца своих дней.

Я не на шутку разволновался и теперь уже был благодарен заглохшей машине, жаре и тому парню из фирменной будочки «Кока-кола», которому приспичило сбегать в туалет как раз тогда, когда я подошел. Правильно говорят: если хочешь разбогатеть — иди в массы.

Я нетерпеливо нажал на кнопку звонка и заговорщически подмигнул стоявшей рядом жене. В ее теперешнем положении она еще больше мне нравилась.

— И зачем ты потащил меня к ним сегодня? — недовольно сказала она. — Что, не мог увидеться с Сэмом завтра?

— Так надо, Нелли. Ты же знаешь: время — деньги.

Нас встретила Мими. Женщины сразу же забыли о моем существовании, и я пошел к Сэму, который спасался от жары в ванной. Он уже вылез из воды и, завернувшись в халат, сидел в кресле.

— Как ты смотришь на то, чтобы заработать миллион? — выпалил я.

— Пока я хочу только пива, — спокойно ответил он, открыл холодильник, достал банку, щелкнул крышкой и залпом выпил. — Ох, хорошо! — воскликнул он, достал вторую банку и сообщил:

— Каждая твоя новая идея стоит мне денег...

— Но у меня и вправду потрясающая идея. Ты хочешь меня слушать или нет?

— Ну, давай, давай! Ведь ты все равно не отстанешь...

— Старик, тебе приходилось покупать кока-колу в метро?

— Какое, к черту, метро? — с удивлением посмотрел он на меня. — Я уже забыл, когда был там в последний раз.

— Вот то-то и оно. А нужно быть поближе к народу, босс, и тогда он к тебе потянется и... начнет отдавать свои денежки.

— Ничего не понимаю, — озадаченно пробурчал Сэм. — И где твой миллион?

— Сэм, вспомни то время, когда ты был одним из десяти миллионов простых смертных города Нью-Йорка, когда ты пользовался самым дешевым видом транспорта — метро. И вот, ты возвращаешься домой после трудного жаркого дня. Ты устал, тебе чертовски хочется пить. А до дома и до любимой твоей забегаловки еще ехать и ехать...

— Слушай, Дэнни, я сейчас заплачу... Ты что, решил пойти в актеры?

— Ладно. В общем, ты захотел пить, достал монету, бросил ее в автомат, утолил жажду и поехал дальше. Понял?

Сэм по достоинству оценил мою идею и загорелся ею. Для того, чтобы провернуть это дело, мы организовали отдельную компанию, в которой мы с Сэмом были равноправными партнерами. Он взял на себя финансирование предприятия и все организационные вопросы, я же стал исполнительным директором. Для реализации нашего замысла понадобились все огромные связи Сэма. Себя я целиком посвятил управлению новой компа-

нией, а для ведения моих остальных дел я привлек брата Нелли. Мы не ожидали, что для осуществления такого простого, на первый взгляд, проекта, как установка автоматов в метро, понадобится столько усилий. Сначала мы заручились поддержкой многих официальных людей — отцов города, чиновников из транспортной комиссии, инженеров, инспекторов из отдела по охране труда и здоровья... Когда, казалось, все подписи были собраны, на арену вышли новые силы — политические круги, связанные, естественно, с подпольным бизнесом. Без Сэма я, конечно, не справился бы. Но и его связей оказалось недостаточно. Нью-Йоркская мафия не могла упустить такой лакомый кусок. Так на горизонте возникла фигура Марио Ломбарди — небольшого, убийственно спокойного человека с пронзительными глазами. Сам он неизменно оставался в тени, но вскоре выяснилось, что ни один крупный городской проект не мог сдвинуться с места без одобрения Марио Ломбарди.

Я откинулся в глубоком кресле, задумчиво пуская дым в потолок и разглядывая маленького плюгавенького человечка, который расположился во главе огромного полированного стола.

— Итак, мистер Ломбарди, вы готовы войти в совет директоров нашей фирмы?

— Нет, Дэнни, — ласково остановил он меня. — Я не вхожу ни в какие советы. Боже упаси! Но я могу оказать вам свое содействие... за определенный процент с прибыли.

— А какие гарантии вы можете дать в том, что наше соглашение останется в силе и после войны? Политики в нашем городе меняются чаще, чем листья на деревьях.

— Политики меняются, Марио остается, — спокойно проговорил он, потом вскинул голову и несколько театрально произнес: — Марио Ломбарди никогда не дает обещаний, которых не может выполнить. Меня не волнует, кто будет заседать в мэрии после войны. Это — мой город, и он будет моим всегда!

— Это так, Дэнни. Уж можешь мне поверить! — вставил молчавший до этого Макси Филдс. — Ничто в этом городе не делается без ведома и благословения Марио.

Я пропустил его реплику мимо ушей и посмотрел на Сэма. Сэм спокойно кивнул мне. Я вновь повернулся к Ломбарди, занятому, казалось, изучением своих ногтей.

— О'кей, Марио. Ты получаешь десять процентов от общей суммы прибылей.

Ломбарди поднялся из-за стола и протянул мне руку.

— Ты не пожалеешь о нашем сотрудничестве, Дэнни, — просто сказал он. — Можешь заходить ко мне всегда, когда в этом будет нужда. В добрый путь!

— Нам по дороге, Дэнни? — спросил Филдс.

Я кивнул и повернулся к Сэму.

— Увидимся завтра?

— Да, завтра утром, — ответил он, направляясь к своей машине.

Мы проводили «кадиллак» Сэма глазами и направились к моему двухместному спортивному «ягуару». Я молчал, еще раз проигрывая в уме условия только что заключенной сделки. Десять процентов Ломбарди, пять — Филдсу за посредничество. Кажется, я еще легко отделался.

— Твой зять — ловкий парень, — прервал мои размышления Макси, с трудом втискивая свое грузное тело рядом со мной.

Я бросил на него косой взгляд. Впервые Филдс произнес о ком-то доброе слово.

— Он широко размахнулся, — продолжал Филдс. — Интересно, сколько он будет загребать с твоих автоматов. Вкалываешь ты, а сливки снимает он.

Филдс явно к чему-то клонил.

— Сэм тоже работает, — коротко ответил я.

— Ну, конечно, конечно, — поспешно согласился Филдс. — Но ты, по-моему, должен быть главной фигурой в этом деле. С него хватит того, что у него уже есть.

Я недоверчиво посмотрел на этого нового доброжелателя и промолчал.

— Я слышал, у него повышенное давление. Если, не дай Бог, что-нибудь случится, то тебе придется возглавлять его компанию как брату жены.

Я был ошарашен таким предположением, так как никогда не думал ни о чем подобном.

Когда мы остановились у светофора, я заметил, что Филдс пристально изучает меня, словно пытается прочесть мои мысли.

— Если тебе вдруг понадобится квалифицированный совет и помощь, то я всегда к твоим услугам. Ведь мы с тобой старые знакомые, Дэнни. Ты мне, можно сказать, как сын. Никому я не позволял столько, сколько тебе...

Я вцепился в руль, вспомнив обо всем, что мне пришлось перенести из-за Филдса.

— Спасибо, Филдс, пока мне хватает своего...

— Смотри, Дэнни... Черный рынок сигарет не будет существовать вечно. Во всяком случае подумай над тем, что я тебе сказал, и приходи, приходи запросто.

Остаток пути мы проделали в полном молчании. Когда Филдс вышел из машины около своей конторы, меня так и подмывало дать ему доброго пинка по толстой заднице. Обращаться к нему я решил не чаще, чем того будут требовать дела.

Глава девятая

«Как выросли деревья», — подумал я, выезжая на знакомую улицу. Нелли уже ждала меня у окна. Она, наконец, согласилась на покупку дома, уловив мое самое сокровенное желание: иметь не просто какой-нибудь дом, а именно тот, который мне подарили в детстве. Она поняла, что только здесь я смогу быть по-настоящему счастлив.

Предварительные переговоры были закончены, и сейчас торговый агент ждал нас в доме. Оставив машину у облупившихся ворот (ремонт я собирался сделать позже), я помог Нелли выбраться. Рука у нее дрожала. «С чего бы это? — подумал я. — Вечер, вроде, теплый».

— Что такое, дорогая? Опять неважно себя чувствуешь?

— Нет, ничего, милый. Просто я вдруг чего-то испугалась.

— Ну что с тобой, глупенькая? Чего бояться? Мы всего лишь покупаем дом.

Она с тревогой посмотрела на темные окна.

— Я вдруг испугалась за тебя, Дэнни. У меня какое-то ужасное предчувствие. Должно произойти что-то страшное.

— Глупенькая, — обнял я ее, — в твоем положении женщинам чего только ни кажется! Не бойся, я с тобой всегда.

— Мистер Фишер! — раздался голос.

К нам шел агент по продаже недвижимости.

— Вы готовы осмотреть дом?

Да, я был готов, готов расквитаться с судьбой, поступившей со мной так несправедливо.

Глава десятая

В мою контору шумно ввалился Сэм. Он не баловал меня своими посещениями, поэтому я удивился:

— Кого я вижу, мистер Гордон! Чему обязаны?

Он покосился на секретаршу, и я отослал ее минут на двадцать.

— Дэнни, мне надоело каждую неделю выпрашивать у тебя сигареты. Пора поставить дело более основательно.

Я облегченно улыбнулся, так как думал, что его визит вызван моими самостоятельными закупками новых «автопоилок» для метро.

— Но, Сэм, ты же знаешь, как трудно найти постоянного поставщика. В этом деле невозможно что-либо накапливать на будущее. Сегодня они есть, а завтра их может и не быть.

— Не знаю, как ты, а я уже нашел довольно надежный канал, — уверенно заявил Сэм.

— Завидую тебе. Может быть, поделишься со мной информацией?

— Да вот, взгляни, — бросил он на стол тонкую папку.

Я с любопытством открыл ее и обнаружил копии счетов за сигареты, поступавшие в последнее время на все мои тщательно законспирированные склады.

— Как ты их раздобыл? — спросил я вмиг севшим голосом.

— Не один же ты работаешь, — уклонился он от ответа. — Так я получу сигареты или нет?

— Что будет, если я откажу?

— Службе по борьбе с контрабандой, думаю, будет интересно взглянуть на эти бумаги, — холодно бросил он.

— Ты не сделаешь этого со мной, Сэм! — воскликнул я.

— Конечно, нет, Дэнни. Но при одном условии — ты будешь поставлять мне сигареты по моей цене и... позабудешь о некоторых моих маленьких слабостях.

— Но это грабительские условия, Сэм, — тянул я время. — Я никогда не ожидал от тебя такого. Мы все-таки родственники... — Да, на этот раз Сэм меня обошел.

— Вот о чем вспомнил... А сам, Дэнни, а сам?

Тут я не выдержал и рассмеялся. Мой громкий смех разнесся по тесному кабинету.

— Ты что, спятил? — встревожился Сэм.

— Нет, дорогой зять. Просто я подумал, что у нас складываются странные для родственников и партнеров отношения. Ты не находишь?

Сэм понял, что я сдался, и похлопал меня по плечу.

— Учись, малыш, пока я жив. Теперь мы квиты... Ну-ка, покажи мне свое заведение.

Мы прошли в мастерскую, он все внимательно осмотрел и с уважением глянул на меня.

— У тебя здесь автоматов больше, чем стоит в метро!

— И будет еще больше, когда эти игрушечки начнут приносить монету.

— Теперь мне понятно, почему ты постоянно сидишь без денег...

— Да, я сразу вкладываю в автоматы каждый заработанный доллар!

— Слушай, почему бы тебе не собрать все свои предприятия под крышу одной фирмы? По-моему, ты слишком распыляешься, а здесь нужна концентрация. А так тебе было бы легче управлять...

— Откуда у меня такие деньги? — осторожно спросил я.

— А я на что? Я, Дэнни, возьму половину твоих акций и в дальнейшем буду финансировать точно так же, как проект с «автопоилками» в метро...

Теперь я должен был сказать «нет», но так, чтобы Сэм не обиделся.

— Проект с «автопоилками» был слишком велик для меня, поэтому я пригласил тебя. А это предприятие — оно мое. Я собрал его по кирпичу. Так что спасибо, Сэм, но...

Сэм напряженно молчал. Я знал это его молчание. Он все прикидывал в уме.

— Как знаешь, — сказал он наконец. — Но если вдруг надумаешь, дай мне знать. Кстати, как у тебя дела с домом?

— Нормально. Переедем на следующей неделе. Во вторник.

— Ты бы видел лицо твоего старика, когда Мими сообщила ему об этом.

— И что он сказал?

— Он сказал: «Итак, Дэнни возвращается домой!», а мать добавила: «Дэнни все время к этому дому стремился, а ты не давал ему это сделать». Знаешь, малыш, мне кажется, что твой старик готов просить у тебя прощения, если ты еще раз наведаешься к ним.

Я покачал головой.

— Тут все гораздо сложнее, Сэм. Сначала ему нужно замолить грехи перед Нелли. Он наговорил слишком много гадостей о ней, так что, если он решил каяться на старости лет, то прежде всего должен извиниться перед моей женой.

— Он это сделает, если ты дашь ему шанс.

— Я ему не запрещаю, но и помогать не собираюсь... Так куда тебе доставлять сигареты? — переменил я тему разговора.

Сэм понял меня.

— Туда же, куда обычно.

— Ты получишь товар завтра утром.

— О'кей, Дэнни, — протянул он мне руку на прощанье.

Некоторое время я сидел молча, потом встал и, выглянув из конторы, позвал Зепа.

— Зеп, садись на телефон и срочно арендуй для нас новые склады, — приказал я. — Сегодня ночью необходимо перепрятать весь товар. Сэм сел нам на хвост...

Зеп кивнул и принялся ожесточенно крутить диск телефона. Он оказался для меня неоценимым помощником. Если он и задавал вопросы, то лишь после того, как порученная работа была выполнена.

Я снял трубку другого телефона и позвонил Нелли, сегодня мне предстояло задержаться допоздна.

Глава одиннадцатая

Я выпил кофе, поставил чашку и подошел к Нелли.

— Пока, дорогая. Мне пора на работу.

— Возвращайся пораньше, — подняла она на меня умоляющие глаза. — Поможешь мне закончить упаковываться.

— Не волнуйся, любимая. Если что не успеем, закончим завтра, до приезда грузчиков. Я заказал машину на одиннадцать.

— Зачем все оставлять на последнюю минуту? Обязательно что-нибудь забудем. К их приезду все должно быть готово.

— Хорошо. Сегодня я приеду пораньше. Обещаю.

Я уже открывал дверь, когда она вдруг окликнула меня и бросилась ко мне.

— Что с тобой, Нелли? — спросил я.

— Дэнни, мне вдруг стало страшно оставаться одной.

Я обнял ее.

— Не бойся, маленькая моя. Все будет нормально...

— Дэнни, — с досадой отстранилась она от меня. — Я не за себя боюсь, за тебя.

— Ну, а со мной что может случиться?

— Давай не будем переезжать завтра. И вообще, давай не будем переезжать в этот дом. Подыщем что-нибудь другое. — Она неожиданно расплакалась. — Не возвращайся туда, Дэнни, пожалуйста, не возвращайся! Прошлого не вернуть. Не надо дразнить судьбу! — приговаривала она сквозь слезы.

— Нелли, я знал, что у беременных бывают «ужасные предчувствия», но от тебя я такого не ожидал...

Она слабо улыбнулась, вытащила платочек, вытерла глаза.

— Прости меня. Наверное, это и вправду глупые бабьи страхи.

— Вас вызывает междугородняя, на проводе Буффало, мистер Фишер, — доложила секретарша.

Я взял трубку.

— Хэлло, Дэнни, это Стив Пэрриш, — прозвучал бодрый голос.

Звонил один из крупнейших подпольных торговцев сигаретами. Именно с ним первым я наладил контакт, когда решил заняться этим делом.

— Привет, Стив, — дружелюбно ответил я. — В чем дело?

— Есть выгодная сделка... По старой дружбе я решил предложить ее тебе.

— Сколько коробок?

— Полный грузовик, все кондиционные. Тысяча коробок. Тебя это интересует?

— Твои условия?

— Два доллара блок. Коробка — сто.

Я присвистнул про себя. Это были большие деньги. Сто тысяч долларов.

— Дело срочное, Стив?

— Не задавай глупых вопросов, Дэнни. Я и узнал об этом деле только потому, что ребятам надо срочно избавиться от товара.

— Платить, разумеется, наличными...

— Только так. Поэтому такая низкая цена. Если бы у них было время, то они спокойно загнали бы их по три пятьдесят.

— Но где же мне достать столько сразу?

— А вот это — твоя забота, Дэнни, — с вызовом ответил он. — Если тебе слабо, то я предложу товар Сэму Гордону. Он уже давно просит устроить ему крупную партию, но я не очень торопился, зная, что пока он берет у тебя.

Стив был хорошо осведомлен в моих делах.

— Подожди, Пэрриш, я тебе не сказал, что у меня нет таких денег... Просто я думаю, где можно без ущерба взять их срочно... Сколько времени ты мне можешь дать?

— Нисколько, — последовал жесткий ответ. — Деньги нужны ребятам ночью. Может быть, мне все-таки обратиться к Гордону? У него деньги есть.

На моих часах было полвторого. Банки еще открыты, но все, что я мог оттуда снять — девятнадцать тысяч на личном счете. Все деньги были вложены в дело. Впрочем, Стив сам подсказал мне выход.

— Стив, ты можешь дать мне полчаса? Через полчаса я позвоню тебе, и мы обговорим детали. Пойдет?

На другом конце провода послышался шум совещающихся голосов, потом Стив сказал:

— О'кей, Дэнни. Парни согласны подождать твоего звонка.

— Хорошо. Давай номер твоего телефона.

Если мне удастся раздобыть деньги, то я возьму чистыми пятьдесят тысяч. Я набрал телефон Сэма.

— Сэм, это Дэнни.

— Слышу... Чего тебе надо?

— Если хочешь получить шестьсот стандартных коробок, то у меня есть к тебе предложение...

— На каких условиях? — сразу заинтересовался Сэм.

— Три доллара блок. Сто пятьдесят за коробку. Деньги вперед. Доставка завтра, — быстро проговорил я, не давая ему опомниться.

— Звучит неплохо. Но это большие деньги. А что, если ты не обеспечишь доставку?

— Доставку я тебе гарантирую, — уверенно сказал я.

— А вдруг что-то не свяжется? — осторожничал он. — У меня есть опасность потерять девяносто тысяч.

Сэму нужны были гарантии, и я понимал его.

— Старик, ты знаешь расклад. У меня припрятанного товара на шестнадцать тысяч. Мои заказы на новые автоматы и другое оборудование тянут еще на сорок. Я принесу тебе и оставлю в залог все счета, и пусть они будут у тебя, пока я не доставлю сигареты.

— А что, если не доставишь?

— Тогда все перейдет тебе, — нервно хохотнул я.

Он колебался. Я напряженно ждал ответа.

— Ты уверен, что действительно этого хочешь, малыш? — медленно спросил он.

— Да, Сэм, — ответил я, думая о маячивших впереди пятидесяти тысячах. — Я готов рискнуть.

Сэм откашлялся.

— Ну, хорошо, Дэнни, — размеренно произнес он. — Я приготовлю тебе эти деньги. Приезжай.

Я отключился и тут же вызвал Буффало.

— Деньги у меня в кармане. Где встретимся?

— Прекрасно, — облегченно произнес Стив. — Отель «Рояль». Двести двадцать четвертый номер. Во сколько тебя ждать?

— Первым самолетом. Немедленно выезжаю в аэропорт. У вас все готово?

— Грузовик загружен и заправлен. Гони монету и забирай его.

— Хорошо. До вечера!

Часы показывали два. Нужно было успеть до закрытия банка.

Огромный трейлер был загружен до отказа. Я скептически осмотрел аккуратно упакованные фирменные коробки. Уж слишком все было гладко. Это меня и настораживало. Повернувшись к своему провожатому, я предупредил:

— Ты не обижайся, но я привык все перепроверять... Так что не обессудь, но я бы хотел взглянуть на их содержимое.

— Мистер, придется ведь снимать каждую, потом заново укладывать! — ужаснулся контрабандист. — Почему ты нам не веришь?

Его притворное негодование усилило мои подозрения.

— Это слишком большие деньги. Я должен убедиться.

— Валяй, — сдался он, — если хочешь возиться до двух ночи.

Я устало посмотрел на Стива, потом на остальных. Они тоже были не в лучшей форме.

— Ну вот, теперь все в порядке, — сказал я, но чувство опасности почему-то не покидало меня.

— Говорил тебе, что здесь все чисто, — обиженно заметил Стив. — Можно было и не проверять.

— За сотню тысяч лучше проверить. Кто поведет грузовик?

— Я. — Вышел один парень.

— Хорошо. Садись в кабину и подбрось меня до отеля. Там подождешь. Тронемся прямо оттуда.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— Но мой напарник не появится раньше шести утра...

— Тем хуже для него. Половину пути я сам поведу грузовик. К утру мы должны быть в Нью-Йорке.

У отеля я расплатился, сел за руль и выжал сцепление.

Выезжая из Ньюбурга, я взглянул на часы. Десять минут одиннадцатого. Тяжело груженая машина быстро шла по гладкому шоссе. Скорость — сто десять. Если мы выдержим этот темп, то к полудню будем на месте. Мой попутчик безмятежно спал, привалившись к дверце. Мне тоже хотелось спать. Я шел без остановок, хотя со вчерашнего утра во рту не было ни крошки.

Напарник мой проснулся.

— Давай я поведу, Дэнни. Ты засыпаешь, а я еще хочу жить.

— Да нет, еще часок-другой я выдержу.

— Дэнни, посмотри на себя в зеркало. У тебя же глаза закрываются.

— Ладно, — сдался я и сбросил газ.

Скрипнули мощные тормоза. Поставив машину на ручник, я вылез из-за руля, уступая место напарнику.

— Теперь можешь поспать ты. Шесть часов за баранкой — не шутка.

— Высплюсь, когда будет все закончено, — отозвался я, откидываясь блаженно на сидении.

Мотор заработал, я попытался сосредоточиться на быстро набегавшей белой разграничительной линии. Будешь держаться справа от нее — и ты цел и невредим. Пересечешь ее — и ты покойник. «Держись справа, только справа. Держись справа, только справа», — убаюкивал мотор. Через мгновение я крепко спал.

Проснулся от внутреннего толчка. Машина стояла.

— Что случилось? Поломались? — спросил я водителя.

Он молчал, глядя сквозь ветровое стекло. Вдруг раздался спокойный голос справа. Сон мигом слетел с меня. Я резко повернулся. Точно в лоб мне смотрело дуло пистолета.

— Ну, спящая красавица, вылезай. Приехали!

«Так, кажется, действительно приехали. Интересно, сколько их?»

— Я вам хорошо заплачу, если груз попадет по назначению, — схватился я за соломинку.

— Ты нам уже заплатил, — раздался за спиной голос шофера. Он был с ними заодно.

Гангстер с пистолетом распахнул дверцу и приказал:

— Вылезай! Это мое место!

— Десять тысяч, — проговорил я.

— Я сказал, приехали! — заорал он.

Я спустился на землю. Сквозь разрывы в облаках светила луна. «Наверное, будет дождь», — уныло подумал я и почувствовал, как во мне закипает злость. «Кретин! Так дешево купиться. А ведь тебя предупреждали. Так нет же. Я — самый умный, самый ловкий... Так тебе и надо. Будешь знать, как заноситься».

Я потянулся, разминая затекшие руки и ноги. Вдруг сзади раздались шаги. В темноте явственно обозначился силуэт легковой машины. Видно, они сидели у меня на хвосте от самого Буффало, ждали, когда я засну. Я сжал кулаки, стараясь подавить клокотавшую ярость и мыслить трезво.

— Ну как? Здесь все в порядке? — спросил подошедший, в полной уверенности, что ему ничто не угрожает.

Эта наглая уверенность оказалась последней каплей. Воспользовавшись тем, что карауливший меня гангстер на миг отвел взгляд, я рванулся к нему, метя в челюсть. Он успел-таки отклониться, и мой кулак лишь скользнул по его щеке. Я же, не удержав равновесия, поскользнулся и упал на четвереньки. Тотчас страшный удар обрушился мне на голову, и я покатился вниз по насыпи, пытаясь схватиться хоть за что-нибудь. Когда-то в детстве я точно так же катился в бездну. Липкая тьма окутывала мое сознание. Откуда-то сверху, издалека,

сквозь эту тьму до меня донеслись голоса. Кто-то сказал:

— Сэму Гордону это не понравится. Поосторожнее бы...

В ответ раздалось ругательство. Потом смех. Тьма накатывала волнами, успокаивая меня. Но, прежде чем нырнуть в нее, я успел подумать: «Предан! Предан с самого начала! Вот почему Стив несколько раз упомянул Сэма. Он хотел предупредить меня. Проклятье вам всем!»

ПЕРЕЕЗД

3 октября 1944 г.

Кто-то легонько тряс меня за плечо. Я слабо пошевелился, пытаясь освободиться от настойчивой руки. Это движение отдалось резкой болью в голове. «Почему они не оставят меня в покое?» Мое закоченевшее тело понемногу согревалось. Вот только эти настойчивые руки. Со слабым стоном я перевернулся на спину. И тут кто-то ударил меня по щеке. Раз, другой... Я открыл глаза и увидел над собой чье-то испуганное лицо.

— С вами все в порядке? — с тревогой спросил человек.

Я приподнял голову и убедился, что он один. Накрапывал дождь, я почувствовал, что промок до нитки. «В порядке»? — Я сел и расхохотался. Да, все в полном порядке, если не считать, что меня оставили нищим, предали и чуть не отправили на тот свет. Я застонал от боли и бессилия. Незнакомец заботливо поддерживал меня за плечи.

— Что с вами случилось, молодой человек?

— Кто-то оглушил меня. Двое попросили подвезти до города, а дальше ничего не помню. Нет ни их, ни машины.

Не стану же я ему рассказывать, что произошло. Да он ничего бы и не понял. Сочувственно вздыхая, он помог мне подняться.

— Ваше счастье, что у меня слабые почки, молодой человек. Остановился, вышел и услышал ваши стоны.

Я стоял, широко расставив ноги. Меня покачивало, но силы возвращались ко мне.

— Как бы вам не схватить воспаление легких, — озабоченно проговорил мой спаситель.

— Мне повезло, что вы здесь проезжали, — согласился я и посмотрел на часы. Они были разбиты вдребезги. — Который час?

— Пять минут второго, — ответил он.

Оказывается, я пролежал без сознания около двух часов.

— Мне нужно добраться до города, — пробормотал я. — Мы сегодня переезжаем, и моя жена, должно быть, сходит с ума, не зная, что со мной.

— Я направляюсь в Нью-Йорк. Могу вас довезти, если вам по пути, — с готовностью предложил он.

Я был поражен: только что мне пришлось пережить самую гнусную человеческую подлость, и вдруг — такой подарок судьбы: встретить настоящего человека. Я внимательно посмотрел на моего ангела-спасителя. Он был не молод. Из-под намокшей шляпы выбивались седые волосы, вокруг глаз собрались морщины.

— Я был бы вам очень признателен, — сказал я.

— Ну, тогда поехали? Думаю, часам к трем доберемся...

Я побрел вслед за ним к старенькому «шевроле». Как только я уселся, меня начало трясти. Посмотрев на мои посиневшие губы, мой «ангел» включил отопление и достал початую бутылку виски.

— Возьми, сынок, согрейся. Ты совсем продрог.

— Спасибо.

— Не за что. Каждый христианин поступил бы так на моем месте.

Сейчас он почему-то напомнил мне отца, каким он был давно — в детстве. Я откинулся на сиденье и устало закрыл глаза. Нет, тут мой спутник неправ. В этом мире было много волков в человеческом обличье. Сэм... Ему наплевать и на мораль, и на Христа. «Возлюби ближнего своего...» Да, сейчас пойти и сказать это Сэму. Как он будет смеяться! Он ловко убрал меня с дороги, когда до него дошло, какой лакомый кусок он в свое время упустил. Ну что ж, он исправил свой промах, а я остался ни с чем.

Почему же ни с чем? Мне слишком тяжело далось собственное дело, чтобы так легко от него отказаться.

Мы еще поборемся. Я ведь больше не мальчишка на побегушках. Сэм, ты жестоко поплатишься за свое предательство! Я принял решение и задремал.

Мой спаситель разбудил меня, когда мы сворачивали на Вест-Сайд Хайвей.

— Ну как, вам лучше? — спросил он меня.

Я молча кивнул. Головная боль почти прошла.

— Где вас высадить?

Я назвал ему адрес. Спустя десять минут он притормозил возле моего дома. Я вылез из машины и повернулся к нему:

— Не знаю, как вас благодарить, мистер...

— Бреннан. Бывший почтовый служащий. Сейчас на пенсии. Рад был вам помочь. Меня не за что благодарить...

Он приветливо махнул рукой на прощанье и укатил. Я повернулся и вошел в дом. Вахтер вытаращился на меня. Я глянул в зеркало. Действительно, выглядел я не лучшим образом: костюм, испачканный кровью и грязью, лицо, побитое камнями, когда я катился с насыпи.

— Мистер Фишер, — пролепетал вахтер, — ваша жена уже уехала. Она очень беспокоилась, но ваш зять сказал, что вы, возможно, подъедете позже...

— Сэм Гордон?

— Да, мистер Гордон. Миссис Нелли очень волновалась, что вас так долго нет, и позвонила ему. Он сразу приехал. Да, чуть не забыл, он оставил вам записку.

Мои пальцы слегка дрожали, когда я развернул лист: «Я в офисе. Приезжай немедленно. Сэм».

— Спасибо, — коротко бросил я вахтеру и вышел на улицу.

Я прошел мимо изумленной секретарши и решительно открыл дверь кабинета Сэма. Телефонная трубка замерла у него в руке.

— Где тебя носит? — наконец прорычал он, бросая трубку на рычаг. — Я уже чуть было не отправил на твои поиски полицию.

Что-то в его голосе вызывало неприятный холодок у меня в груди и противный зуд в кончиках пальцев.

— А ты что, ждал меня, Сэм? — хрипло спросил я.

Он вышел из-за стола и вплотную приблизился ко мне.

— Разные мысли лезут в голову, когда даешь девяносто тысяч парню, а он исчезает без следа...

Этот человек был достоин восхищения. Сэм был жестоким игроком. Я тоже постепенно черствел душой, но до него мне было, конечно, далеко.

— Ты же знаешь, что я никогда не сделал бы этого...

— В жизни всякое случается. Может быть, тебе надоела жена, и ты решил смыться из города...

— Ты же сам не веришь в то, что говоришь...

— Веришь — не веришь, — оборвал он меня. — Где сигареты?

Я пожал плечами и просто ответил:

— Не знаю.

Сэм с притворным возмущением вскочил на ноги.

— Как это не знаешь? Что случилось?

Надо заметить, он прекрасно вел свою роль.

— Меня обманули, — спокойно пояснил я, внимательно наблюдая за его реакцией. — Перехватили по дороге, оглушили и полумертвого бросили в канаву. Я чудом остался жив.

Ни один мускул не дрогнул на лице Сэма. Это еще более утвердило меня в том, что ему уже все известно.

— Я так и знал! — снова вскричал он. — Идиот, нашел кому доверить девяносто тысяч.

— Ты-то чего разоряешься? — спокойно заметил я. — Обчистили ведь меня. Ты не потерял ни цента. Даже напротив, завладел всем, что у меня было.

— На черта мне твое дело? Оно мне не нужно... Я бы предпочел вернуть девяносто тысяч!

Вот тут-то в его игру впервые вкралась фальшивая нота. Он явно переиграл для человека, чьи интересы ничуть не пострадали.

— Но ты же так хотел прибрать мое дело к рукам, — напомнил я ему.

— Я хотел работать с тобой вместе. Но теперь, когда ты вышел из игры, мне это — только лишняя забота.

Лучше бы я договорился обо всем с Макси Филдсом. У него, по крайней мере, есть организация...

Я долго разглядывал Сэма, прежде чем ответить. Сэм неосторожно обронил очень важную фразу. Второй раз за последние сутки посторонний человек подталкивает меня к окончательному решению. Ну что ж! Видит Бог, что я этого не хотел.

Через пару часов я переступил порог кабинета Макси Филдса.

— Дэнни?! Рад, рад тебя видеть!

— Макси, тебе нужны деньги? — спросил я сразу. — У меня есть к тебе предложение. Только сначала выпьем.

Филдс быстро оправился от моего неожиданного появления и крикнул Ронни принести виски. Он сидел за столом и внимательно рассматривал меня. Вошла Ронни, подала нам виски. Взгляд ее был равнодушно-безжизнен.

— Что же ты не поздороваешься со своим другом, Ронни? Или не узнала? — саркастически спросил Филдс.

— Почему же, узнала, — тихо произнесла она. — Здравствуй, Дэнни.

— Вот видишь, Дэнни сам пожаловал к нам, чтобы заключить сделку, — с торжеством проговорил Филдс. — Это лишний раз подтверждает то, что я тебе тысячу раз твердил: никому не обойтись без Макси!

— Все верно, Макси, — покорно согласилась она, собираясь выйти из кабинета.

— Сядь! — грубо приказал он. — Составь нам компанию. Ведь мы же свои люди.

Она послушно опустилась на стоявший у стены стул и безучастно уставилась в окно.

— Итак, Дэнни, я тебя слушаю, — обратился ко мне Филдс.

Я отпил из своего стакана и посмотрел Филдсу в глаза.

— Есть партия сигарет. Сто тысяч чистой прибыли.

— Так. И что я буду с этого иметь? — заинтересованно спросил Филдс, к своему стакану он даже не притронулся.

— Всю эту партию, если только окажешь мне одну услугу.

— С чего это вдруг такая щедрость, Дэнни? — недоверчиво спросил он. — Я же знаю, что у тебя зимой снега не выпросишь. Откуда у тебя столько сигарет?

Я вкратце рассказал ему о моей последней неудачной операции, о том, как я добыл сигареты и как неожиданно потерял их. Когда я закончил и поднял глаза на Филдса, я понял, что заинтересовал его.

— А как ты теперь собираешься их вернуть?

— Отнять их у Сэма, — уверенно сказал я и многозначительно добавил: — а возможно, и не только их...

— Каким образом?

— Тем самым, который ты мне подсказал. Помнишь наш разговор, когда мы возвращались от Ломбарди?

Макси медленно кивнул, не спуская с меня напряженного взгляда.

— С ним может что-нибудь случиться? — вкрадчиво спросил он.

— Ну, это уж тебе лучше знать.

— Нет, Дэнни! — вдруг вскричала Ронни.

Я изумленно взглянул на нее.

— Ты не сделаешь этого! — крикнула она. — Сэм — единственный человек, который...

— Молчать! — свирепо рявкнул Филдс.

Она испуганно повернулась к нему, сразу сникла и умоляюще произнесла:

— Макси, ты должен рассказать ему...

За моей спиной раздался резкий шорох, и рядом с Ронни выросла фигура Спита.

— Уведи отсюда девку, — приказал ему Филдс.

Спит с готовностью схватил Ронни за руку, но она вырвалась и выбежала из кабинета, закрыв лицо руками.

Макси указал Спиту на стул, на котором только что сидела Ронни, и вновь пристально посмотрел на меня.

— А чем ты можешь гарантировать то, что я получу обещанные сто тысяч?

— Разреши мне позвонить, и сам убедишься, что они существуют.

Макси кивнул на телефон, и, когда я набрал номер, снял трубку параллельного телефона.

— Джо? — узнал я голос суперинтенданта складов Сэма.

— Да. Кто это?

— Дэнни Фишер. Сэм поручил мне проверить, дошел ли груз. Большой грузовик, доверху набитый сигаретами.

— Все нормально, Дэнни. Мы как раз начали его разгружать.

— О'кей, Джо. Шеф будет доволен.

Я положил трубку, а вслед за мной — Филдс.

— Ну что, убедился?

— И вся партия будет моей?

— Ты меня слышал...

— Прекрасно, — поднялся Филдс, радостно потирая руки. — Я займусь этим лично... К утру все будет кончено.

— Не верь ему, босс, этот парень — яд! — неожиданно подал голос Спит.

— Что с тобой, Спит? — обратился я к нему. — Наложил в штаны?

— Я не верю тебе и никогда не поверю. Ты — порченый!

— Захлопни пасть, Спит! — заорал Филдс. — Ты слышал, я лично займусь этим! — и уже спокойно, мне: — По рукам, Дэнни. Только запомни, на этот раз тебе не удастся уйти в сторону. Малейшее отступление от договора — и ты — покойник.

Я невольно поежился и встал из кресла.

Что ж, Макси Филдс, я оплачу твой счет...

Когда я подъехал на такси к дому, было без пяти минут шесть. Машина давно ушла, а я все стоял у знакомых ворот и смотрел в глаза-окна своего дома. Наконец-то он был моим, но я себя чувствовал старым, усталым и опустошенным.

Неожиданно ко мне пришло понимание, что где бы мне ни приходилось жить, я никогда не считал эти места своими. Они ничего не значили для меня и были лишь недолгими остановками на моем пути домой. То, что я только что сделал, отравляло радость возвращения, но моя больная совесть услужливо подсказывала оправдания.

Слишком много мне пришлось пережить на этом пути. Я уже не был тем желторотым юнцом, который много лет назад ушел из этого дома, который смотрел на мир широко открытыми глазами. Жизнь, сулившая мне одни лишь радости, жестоко обманула меня. За все приходилось яростно бороться, и я изнемог в этой борьбе. И вот, в конце этого долгого пути я не обрел ни друзей, ни мира в душе, ни настоящего счастья. Вся моя жизнь была бесконечной борьбой, в которой действовал только один закон: убей или погибни сам! Чтобы победить, надо было остудить свое сердце и закрыть от людей душу. Человек рождается одиноким, живет одиноким, умирает одиноким...

Тяжело вздохнув, я взялся за массивную дверную ручку в виде львиной головы, но дверь вдруг распахнулась сама, и тихий голос произнес:

— Входи, сын.

Голос был до боли знаком. Это был голос отчего дома.

— Здравствуй, отец.

Я взял протянутую мне руку, и мы вошли в наш дом бок о бок, как много лет назад. Никто не произнес ни слова, да слова сейчас и не были нужны. Посреди столовой мы взглянули друг другу в глаза. Отец плакал. Я впервые видел, чтобы он плакал.

— Наконец мы вернулись домой, Дэнни, — воскликнул он. — Если ты простишь старику ошибки, то мы больше никогда не растеряем того, что однажды обрели в этих стенах.

Я улыбнулся, на душе у меня стало легко и спокойно. В этот миг озарения я умом осознал то, что чувствовал сердцем. Голос дома был голосом отца. И когда я признался дому в своей любви, то, в сущности, я говорил о своей любви к отцу. И сколько бы я за него ни заплатил, этот дом никогда не мог стать моим, если бы его однажды не подарил мне отец.

— Это был самый прекрасный подарок в жизни, папа.

Он ласково провел рукой по моей щеке. Только сейчас он заметил, в каком я виде.

— Боже мой, что с тобой случилось, Дэнни?!

Его возглас вернул меня к действительности.

— Да так... Небольшая авария. Где Нелли?

Отец продолжал озабоченно смотреть на мое побитое лицо.

— Мать отвела ее наверх и заставила лечь в постель. Она вся извелась, ожидая тебя.

Наверху хлопнула дверь. Я поднял голову, на лестнице стояла Нелли. Увидев меня, она побледнела и вскрикнула.

Гулким эхом пронесся ее крик по дому, я побежал к ней по лестнице. Она сделала шаг мне навстречу и вдруг стала медленно оседать.

Я спешил, чтобы подхватить ее, но все-таки не успел, и она скатилась на полпролета, прежде чем я смог остановить это жуткое безмолвное падение.

— Нелли, любимая, — шептал я, покрывая ее безжизненное лицо поцелуями.

Очнувшись, она слабо прошептала:

— Дэнни, я так волновалась за тебя...

В смятении я обернулся к отцу:

— На углу через дорогу живет врач. Позови его. Быстро!

Я прижал к себе Нелли. Почему прозрение наступает так поздно? Во всем виноват только я. Нелли была права. Кругом права. Если бы я послушался ее, то этого всего не случилось бы. Она была для меня всем: и другом, и матерью, и любимой женщиной. Если с ней произойдет непоправимое, то мой мир рухнет окончательно. «Боже, спаси ее! Не дай ей умереть, Боже!» — исступленно молился я, качая ее, как ребенка.

Я нервно мерил шагами приемную небольшой частной клиники. Казалось, я уже здесь несколько дней, а не часов. Засунув очередную сигарету в рот, я попытался зажечь спичку, но руки дрожали, пальцы не слушались. Когда я сломал третью спичку, Зеп поднес огонь к моей сигарете. Я с благодарностью взглянул на него. Что бы я делал в тот день без верного Зепа?

— Спасибо, Зеп, — пробормотал я и обессиленно опустился на стул рядом с отцом. — Что-то давно нет врача.

Зеп попытался успокоить меня:

— Все будет нормально, Дэнни. Вот увидишь, она выкарабкается. Доктор сказал, что у нее есть шанс. Я знаю свою сестру. Она выносливая. Все будет хорошо.

Шанс! Как я допустил, что у нее остался всего лишь один шанс?! Почему порой мы так невнимательны к самым близким людям, ради которых живем?

Положение Нелли было очень серьезно. В результате падения ребенок сместился, открылось внутреннее кровотечение. Так сказал доктор. Сейчас шла операция — резали ее нежную плоть. Я знал, как больно, когда в тебя входит нож! Операция длилась уже два часа. В отчаянии я глядел на мать Нелли, которая сидела у окна напротив, нервно комкая в руке платочек. Моя мама, как могла, утешала ее. И хотя теща не сказала мне ни слова, чувствовалось, что она во всем винит меня. Пожалуй, она была права. Но еще больше был виноват Сэм. Он поплатится за это!

В коридоре раздался дробный стук каблуков, в приемную влетела Мими.

— Дэнни, ради Бога, скажи, что случилось? — с порога спросила она.

Я ей не ответил. Я смотрел на Сэма, который неловко переминался с ноги на ногу позади нее.

— А ты что здесь делаешь? — со сдержанной яростью спросил я.

— Позвонил отец и сообщил, что с Нелли произошло несчастье. Мими была слишком расстроена, поэтому за руль пришлось сесть мне.

Я медленно поднялся, пошел было к нему, но между нами стояла ничего не подозревающая Мими.

— Ну, теперь ты доволен? — с дрожью в голосе спросил я, глядя поверх головы сестры. — Ты этого хотел?

В этот момент в приемную вышел доктор. Я сразу же забыл о Сэме.

— Как она, доктор? — схватил я его за рукав халата.

Он устало посмотрел на меня и мягко убрал мою руку.

— Она отдыхает, мистер Фишер, — спокойно произнес он. — Самое страшное позади. Она поправится. Такой женой можно гордиться.

«Господи! Хоть однажды ты услышал мою молитву!»

— Я могу ее видеть?

— Нет, пока нельзя... Мистер Фишер, можно попытаться спасти вашего сына. Только нужна особая группа крови, очень редкая. В нашем банке, к сожалению, такой нет.

— Что вы имеете в виду, доктор? — я совсем забыл о ребенке.

— Ваш сын почти не пострадал. Может быть, именно потому, что ему пришлось родиться преждевременно. Но он потерял много крови. Если сделать немедленное переливание, то, я думаю, он будет жить!

— Так делайте же! — воскликнул я и засучил рукав.

Врач печально покачал головой:

— Ваша группа крови не подойдет. У него отрицательный резус-фактор. Нужное сочетание такой группы крови и резус-фактора встречается у одного донора из тысячи. Я уже послал за ним. Все зависит от того, насколько быстро его доставят сюда.

Мною опять овладело отчаяние. И здесь не повезло!

— Может, моя подойдет? — подошел Зеп.

— Возможно, — без особого оптимизма согласился врач. — Все желающие могут пройти в лабораторию для экспресс-анализа крови.

Все вереницей потянулись в лабораторию. Последним туда вошел Сэм. Я же сидел и с надеждой вглядывался в знакомые лица выходивших после анализа: отец, мать, Мими, Зеп, теща, тесть. Каждый из них убито качал головой. Дольше всего не было Сэма. Я уже забыл о нем, так как давно исключил его из списка родственников.

— Дэнни! Дэнни! — вдруг раздался радостный голос Зепа, бегущего ко мне по коридору. — У Сэма подошло! Доктор готовит его к переливанию!

Я изумленно смотрел на него, не веря своим ушам.

Спустя полчаса в приемной вновь появился доктор. На этот раз лицо его сияло. Он подошел ко мне и протянул руку.

— Ну, мистер Фишер, я бы на вашем месте всех угостил виски. Поздравляю.

— Спасибо, доктор, — к моим глазам подступили слезы. — Теперь я ваш должник до гробовой доски!

— Благодарить надо не меня, а вашего зятя. Слава Богу, что он оказался поблизости.

Все, как по команде, принялись поздравлять меня и друг друга. Напряжение последних часов спало, все были рады. Я повернулся к врачу.

— Я могу сейчас увидеть свою жену? Она больше всех нас заслуживает поздравлений.

— Хорошо, только недолго. Она еще очень слаба.

Я вошел в палату. Сидевшая возле кровати медсестра поспешно встала и вышла. Бледное лицо Нелли казалось удивительно маленьким, как у спящей девочки. Черные блестящие волосы разметались по белоснежной наволочке. Едва дыша, я присел на краешек стула, осторожно взял ее руку и прижался к ней губами. Она тихо прошептала: «Дэнни...»

Открыла глаза и попыталась улыбнуться, но вместо улыбки у нее получилась жалкая гримаса.

— Все в порядке, любимая, наш сын будет жить.

Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Да-да, любовь моя. Ему только что сделали переливание крови. Теперь все в порядке. Лежи, выздоравливай и ни о чем не беспокойся.

Ее глаза наполнились слезами.

— Я такая невезучая, — еле слышно проговорила она, — чуть было не испортила все...

— Ты чудная, Нелли! Я очень люблю тебя!

— Не уходи больше, ладно? Я не могу жить без тебя.

— Я больше не оставлю тебя одну, никогда! Клянусь! И наш маленький всегда будет с нами вместе.

— Ты его видел? — широко распахнула она глаза. — Какой он?

— Только мельком, когда поднимался к тебе... Доктор разрешил мне взглянуть. Он маленький и... и очень красивый, как ты.

Спускаясь вниз, я услышал оживленные голоса, доносившиеся из приемной. Едва я переступил порог, как попал в объятия родственников.

— Поздравляю, Дэнни! — со счастливой улыбкой бросился ко мне отец.

Мать Нелли поцеловала меня в щеку. У предусмотрительного тестя нашлась бутылка виски и бумажные стаканчики. Все стали полукругом, и папа произнес тост:

— За твоего сына, — сказал он, с гордостью глядя на меня. — Пусть он всегда будет счастлив. Пусть он приносит твоей жене и тебе одни радости! И — за тебя. Чтобы ты всегда гордился своим сыном, как я горжусь тобой!

У меня защипало глаза. Я слишком долго ждал этих слов. Может быть, я не заслужил их, но мне всегда хотелось их услышать.

Отец вновь поднял стаканчик:

— И за моего второго сына, Сэма Гордона, который заставил старика понять, насколько тот был неправ... За Сэма, должниками которого мы отныне стали!

Я взглянул на Сэма. Он смутился, что было ему вовсе не свойственно.

— А ты, Дэнни, когда ты сам стал отцом, помни, твой сын — это твое продолжение, твое будущее. А оно должно быть лучше настоящего. И никогда, никогда не заставляй его расплачиваться за свои ошибки.

Здесь мне нечего было возразить папе. Я бы очень не хотел, чтобы за мои грехи пришлось расплачиваться сыну.

Я смотрел на улыбающегося Сэма, и вдруг начал осознавать, что где-то его, спасителя моего сына, поджидает Филдс. В том, что скоро может случиться, — виноват буду я один. В порыве слепой ярости я отдал его на заклание этим волкам. Нужно было что-то срочно предпринять, сказать Филдсу, что все отменяется.

— Мне необходимо срочно позвонить, — сказал я, выбегая из приемной.

Я ринулся к стоящему в коридоре телефону и набрал номер. Мне ответил усталый женский голос, который я сначала не признал.

— Макси Филдс на месте? — спросил я.

— Его нет, а кто его спрашивает?

— Дэнни Фишер. Вы не знаете, где он? Мне нужно с ним срочно связаться.

— Дэнни! — голос в трубке вдруг ожил, и я узнал Ронни. — Они уже вышли на охоту! Тебе нужно во что

бы то ни стало перехватить их. Сэм всегда был твоим единственным другом! Это он выкупил тебя у Филдса, когда ты вернулся, это он поклялся свернуть шею Макси, если у тебя хоть волос упадет с головы!

У меня оборвалось сердце. В глубине души я подозревал нечто подобное.

— Я думал, что это ты, — сказал я обреченно.

— Нет, он бы меня никогда не послушал. Я вернулась, потому что Бен заболел, нужны были деньги. Но ничто не помогло, он умер.

— Мне жаль, Сара, — искренне сказал я.

Но она вряд ли слышала мои слова, потому что говорила она уже о Сэме — о Сэме и обо мне.

— Ты не должен позволить им сделать что-нибудь с Сэмом! Только благодаря Сэму у тебя шли дела! Он уговорил Ломбарди приказать Макси не трогать тебя, и Макси ничего не мог поделать. Он был в ярости! Ты даже не представляешь, какая это сволочь! Ты должен остановить его, Дэнни!

— Я хочу это сделать, Сара, — прервал я ее. — Слушай меня. Где они могут сейчас быть?

— Они собрались куда-то в Бруклин. Я слышала, Филдс сказал, что сегодня вечером Сэм наверняка будет в твоем новом доме.

У меня похолодело внутри. Это означало, что они устроили засаду возле дома, и когда мы вернемся из больницы, они сделают свое дело. Я тупо уставился на телефон. Ничего не оставалось другого — только приехать домой раньше остальных.

— Спасибо, Сара, — медленно проговорил я и положил трубку.

Вернувшись в приемную, я сразу же подошел к Сэму и попросил, изобразив на лице подобие улыбки:

— Одолжи мне на несколько минут свою машину. Я обещал Нелли привезти кое-что из дома, а моя машина все еще в аэропорту...

— Я отвезу тебя, малыш, — предложил Сэм.

— Нет-нет, — ответил я быстро. — Ты еще не отошел после переливания. Я вернусь через двадцать минут.

— О'кей, чемпион, — протянул он мне ключи.

Я посмотрел ему в глаза. Он не называл меня так уже много лет.

— Все нормально, чемпион? — спросил он. Только мы двое знали смысл этих слов.

Я пожал ему руку.

— Все в порядке.

Его рука сжала мою, и я впервые заметил, как они похожи — наши руки! Одинаковой формы, с одинаковыми пальцами. Взгляд его был полон сердечности. Он был тем, кем я всегда хотел стать. Понимание, словно волна, нахлынуло на меня и принесло чувство благодарности.

— Спасибо, Сэм. Спасибо тебе за все, — дрогнувшим голосом произнес я и повернулся к выходу.

— Веди машину осторожно, Дэнни, — остановил меня отец. — Нам бы не хотелось, чтобы сейчас с тобой что-нибудь случилось.

— Ничего не случится, папа, — ответил я. — А если и случится, не о чем будет сожалеть. В моей жизни было все, и у меня нет ни обид, ни угрызений совести.

— Хорошо, что ты чувствуешь это, — кивнул папа. — Но будь все-таки осторожнее.

Мощный мотор уверенно работал — вез меня к дому. Хорошо, что я взял машину Сэма. Так мне легче будет их найти, ищут-то они именно эту машину.

Поворачивая на Клэрендон-стрит, я заметил в зеркало фары идущей за мной машины. Она хотела меня обогнать. Я усмехнулся и нажал на акселератор. Я тоже спешил.

Автомобиль послушно рванулся вперед, я снова посмотрел в зеркало. К своему удивлению я обнаружил, что расстояние между нами не увеличилось. Кто-то прочно сидел у меня на хвосте. И тут меня осенило: это Макси сопровождает машину Сэма от самой клиники.

Мои преследователи поравнялись со мной, в вечерних сумерках я разглядел лицо Спита. Я замахал ему. Окно машины открылось, рука Спита подняла ствол автомата.

— Спит, — закричал я. — Это я, Дэнни! Все отменяется!

Ствол автомата продолжал подниматься.

— Спит, подонок. Это я, Дэнни!

Я видел, что он засомневался. Он обернулся назад и что-то спросил. Я тоже взглянул туда, там горел огонек сигары. «...И не вздумай свернуть в сторону», — вспомнились мне последние слова Филдса. Автомат изрыгнул пламя. Я пригнул голову и отчаянно нажал на тормоза. Страшная боль пронзила меня, ослепила и попыталась оторвать от руля. Я сжал зубы и намертво вцепился в руль. Машина пошла юзом, но удержалась на дороге. Я вытер рукавом заливавшую глаза кровь и снова увидел, как Спит поднимает автомат. Неукротимая ярость заставила позабыть о боли, о страхе.

Я посмотрел вперед. На угол моей улицы. Выскочившая вперед машина Филдса преграждала мне путь к моему дому. Я видел, в моем доме горел свет, — мы забыли его выключить. Только бы дотянуть до дома, и тогда я буду спасен. Только бы дотянуть...

Я рванул руль влево, к моей улице. Машина Филдса преграждала мне путь, но я продолжал крутить руль. Я видел искаженное ужасом лицо Спита. Его автомат работал непрерывно, но мне было все равно. Либо они уберутся с моего пути, либо я пройду сквозь них. Шины были прострелены, но теперь это уже было не важно, — я ехал домой.

Резкий удар, и сразу же — яркая вспышка. Взметнулся столб огня, на вершине его был я — маленький мальчик, подъезжающий к своему новому дому в кабине фургона. Ночь неожиданно превратилась в тот далекий солнечный день.

Что-то здесь было не так. Время потекло назад. Но этого не может быть! Я отверг эту мысль. Чудес не бывает. Я всего лишь вернулся к началу моей памяти.

Потом видения детства исчезли, и я с удивлением посмотрел на свои руки, держащие остатки руля. В следующий момент я с безумной скоростью помчался прямо в темноту.

Где-то глубоко, в молчаливом мраке, кто-то звал меня по имени. Слоги моего имени докатывались до меня подобно морским волнам.

— Дэн-ни Фи-шер! Дэн-ни Фи-шер! — откуда-то я знал, что нельзя слушать голос этих сирен. Я не должен слышать ни звука. Я не должен пропустить их в свое сознание. Отчаянно я боролся с этим зовом. Неожидан-

ная боль охватила все мое существо. Она становилась все сильней и сильней, она жила сама по себе, она проходила сквозь меня, как воздух, которым я когда-то дышал.

Воздух, которым я когда-то дышал. Когда-то дышал! Почему я так подумал? Боль снова захватила меня и вытеснила мой вопрос. Со стороны я услышал свой стон. Он звенел в ушах со все возрастающей силой. Я вновь погрузился в темноту.

— Дэн-ни Фи-шер, Дэн-ни Фи-шер... — Вновь донесся зов. Он был мягким и нежным, он обещал мир и покой, избавление от агонии, но я сопротивлялся ему изо всех сил. И он отступил, и на смену ему пришла боль. Это была сладостная боль, потому что это была боль жизни.

Как желанна боль, когда все остальное уже покинуло твое тело! Как хватаешься за все, что привязывает тебя к миру! Ты дышишь болью, словно это сладчайший воздух, ты пьешь ее всеми жаждущими фибрами своего существа! Ты продлеваешь эту боль — свою жизнь.

Я любил ее и прижимал ее к себе. До меня доносился мой голос — мой стон протеста, и я был рад тому, что слышал. Я потянулся и ухватил свою боль, но она выскользнула из моих рук, и я снова погрузился в мрак покоя.

Голос звучал совсем близко. Я слышал его, как только что чувствовал ту желанную боль — боль жизни.

— Зачем ты борешься со мной, Дэнни Фишер? — спросил он меня с укором. — Я несу тебе отдохновенье.

— Я не хочу отдыхать! — закричал я. — Я хочу жить!

— Но жить — это страдать, Дэнни Фишер, — голос был доброжелателен и уверен. — Ты же знаешь теперь это очень хорошо.

— Я хочу страдать, — простонал я. — Я хочу жить, я так мало успел сделать!

— Что там тебе нужно делать? Вспомни, что ты только что сказал отцу: «Мне не о чем сожалеть. В моей жизни было все, у меня нет ни обид, ни угрызений совести...» Разве это не твои слова?

— Но люди часто говорят то, что на самом деле не подразумевают! — вскричал я. — Я должен жить! Нелли

говорила, что не сможет жить без меня. Я нужен моему сыну!

Голос был мудр и терпелив, как время. Он эхом звучал в пустоте моего сознания:

— Ты сам себе не веришь, Дэнни Фишер, не правда ли? Ты же отлично знаешь, что со смертью одного человека жизнь не кончается.

— Но я хочу жить для себя, — молил я. — Я хочу чувствовать под ногами упругую ласковую землю, любить мою жену, радоваться, глядя, как растет мой сын!

— Но если ты останешься жить, Дэнни Фишер, — настойчиво звучал голос, — ты не сможешь осуществить ни одно из твоих желаний. Тело, в котором ты жил, твое прекрасное сильное тело изуродовано окончательно. Ты не сможешь видеть, не сможешь слышать, ты не сможешь осязать... Ты превратишься в пустую раковину, которую покинула жизнь. Ты станешь вечной мукой для всех, кого ты любишь.

— Но я хочу жить! — стонал я, борясь с голосом. Я чувствовал, как боль медленно возвращается ко мне.

Я принял ее, как женщина принимает долго отсутствовавшего любовника. Я обнял ее и дал ей проникнуть в меня. Сладкая радость агонии пронзила меня. Неожиданно вспыхнул яркий чистый свет, и я смог видеть вновь.

Я видел свое изуродованное, бесформенное тело. Руки людей были протянуты ко мне, но они остановились, пораженные ужасом. Это было мое тело, и таким меня отныне будут видеть всегда.

Я почувствовал, как печаль и мука смешались во мне. Неужели ничего не осталось во мне такого, что бы не причиняло страха другим? Я увидел себя еще ближе. Лицо мое было чистым. На губах даже сохранилась улыбка. Я приблизился к себе вплотную. Веки мои были закрыты, но я мог видеть. Мои пустые глазницы слепо смотрели в небо.

Я отвернулся от себя. В сознании моем потекли слезы, омывая новую рану.

Боль опять начала покидать меня, свет померк, и наступила тьма. Голос вновь стучался в мое сознание.

— Итак, Дэнни Фишер, — сказал он с участием. — Теперь ты позволишь помочь тебе?

Я изгнал печаль. Вся моя жизнь, в конце концов, была бесконечным торгом. Пришло время последней сделки.

— Да, — прошептал я. — Я позволю тебе помочь мне, если ты вновь сделаешь целым мое тело, так, чтобы любимые мною не отворачивались от меня в ужасе.

— Я могу сделать это, — откликнулся голос спокойно.

Почему-то я был уверен, что мое условие будет выполнено.

— Тогда помоги мне успокоиться.

И вдруг нежное тепло, словно любовь, приняло меня.

— Отдыхай, Дэнни Фишер, — ласково пел голос. — Отдайся покою, мирной теплоте и не бойся. Это — словно сон...

Я доверчиво устремился навстречу темноте. Это был добрый мрак, он дал мне такую теплоту и любовь, каких я никогда не знал прежде. Память о боли отдалилась, а потом и вовсе исчезла. Теперь я знал, почему мне не был прежде известен покой.

Я ничего не хотел.

КАМЕНЬ НА МОГИЛУ ДЭННИ ФИШЕРА

Ты быстро кладешь камень на могильную плиту и стоишь угрюмо, широко открыв глаза. Однако в душе твоей есть какое-то сомнение. Сомнение в твоем отце.

У меня нет ни формы, ни образа. Я для тебя только слово, фотография на книжной полке, звук, сорвавшийся с губ других людей. Ты никогда не видел меня, и я лишь однажды взглянул на тебя.

Но как мне достучаться до тебя, мой сын, как заставить тебя услышать, когда даже голос мой звучит для тебя незнакомым эхом. Я скорблю, мой сын, я скорблю, что не смог разделить с тобой ту жизнь, которую дал тебе. Я не узнаю радости и печали с тобой, как знал их со мной мой отец.

И хотя я дал тебе жизнь, ты дал мне гораздо больше. Тот короткий миг, который мы провели вместе, дал мне понимание многих вещей. Я вновь научился любить своего отца, понимать его чувства, его счастье, его печаль, потому что открылось мне тогда чувство отцовства.

Я никогда не держал тебя на руках, не прижимал к сердцу, но все-таки я чувствую тебя всего. Когда ты поранишься, я чувствую твою боль, когда ты горюешь, я разделяю с тобой твои слезы, и когда ты смеешься — я с тобой. Все то, что ты есть, — прежде было частью меня: твоя кровь, твои кости, твоя плоть.

Ты — часть моей мечты. Ты — свидетельство того, что я ходил по земле. Ты — самый ценный залог моего бытия в мире, ты — та драгоценность, перед которой все сокровища мира — ничто.

Каких только чудес не появится в твое время. Самые отдаленные уголки земли станут досягаемыми за несколько часов. Глубины океанов, горные вершины, а возможно, и сами звезды станут ближе. Но все чудеса вселенной — ничто по сравнению с тобой. Поскольку ты — чудо моей неумирающей плоти, ее продолжение. Ты — звено той бесконечной цепи, которая тянется от начала времен в бесконечность.

И все-таки во всем этом есть роковое несоответствие: ты, возникший из моей силы и страсти, ничего не знаешь обо мне. Судьба отпустила нам лишь миг. «Какой ты, мой отец?» — спрашиваешь ты. Закрой глаза, и я попытаюсь ответить тебе.

Вот так. Закрыл глаза и слушаешь. Пусть мой голос не знаком тебе — ты поймешь меня сердцем. И однажды ты сам заведешь речь обо мне. В твоем голосе будет печаль о том, что мы не знали друг друга. И в этой тихой грусти ты найдешь успокоение, ты будешь моим продолжением, как мой отец был гордостью и надеждой моего деда.

Слушай меня, сын, узнавай голос своего отца.

Хотя человеческая память — вещь недолговечная, да и сама жизнь человека — лишь краткий миг между прошлым и будущим, но в каждом человеке есть доля бессмертия — вечного, как звезды. Человек не исчезает бесследно.

Когда-то я дышал тем же воздухом, которым сейчас дышишь ты, чувствовал под ногами упругую землю. В моей крови бушевали страсти, а в сердце рождались чувства, которые, если ты еще не испытал их, тебе предстоит пережить.

Твой отец не был великим человеком, биографию которого изучают в школе. По мне не звонят колокола, и над моим прахом не приспускают флаги. Твой отец, сын, был простой человек, один из многих, с простыми надеждами, мечтами и страхами. Как миллионы других людей, я мечтал быть богатым, здоровым и сильным. И так же боялся голода и нищеты, войны и болезней. Обо мне не писали песен, не слагали легенд.

Но я — тот, кто будет жить в грядущих тысячелетиях, я — один из тех, кто живет в соседнем доме. Я — человек, который утром добирается до работы на

метро, который подносит спичку к сигарете, который прогуливает свою собаку.

Я — солдат, трясущийся от страха, я — избиратель, в счастливом неведении голосующий за безнадежного кандидата.

Я — человек, который жил тысячи раз и тысячи раз умирал за все шесть тысяч лет человеческой истории. Я — тот, кто плыл с Ноем в ковчеге, я — среди народа, выводимого Моисеем, меня распинали вслед за Христом.

Под величественными памятниками лежат в своих могилах сильные мира сего. Их могилы холодны, а моя ежедневно согревается слезами тысяч скорбящих по своим родным и близким. Частица их душевного тепла достается и мне.

Открой глаза, сын, и посмотри на шесть камней на моей могиле. Теперь ты знаешь, сынок, кто был твой отец. Каким он был — тебе расскажет мама, обнявшая тебя за плечи. Ты показываешь на бронзовые буквы, высеченные на сером граните, и она медленно читает их вслух для тебя.

Вслушайся в них внимательно, сынок. Разве они не правы?

НЕ В СМЕРТИ,

НО В СЕРДЦАХ

ПРЕБУДЕМ.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

ГАРОЛЬД РОББИНС

НЕ ЛЮБИ ЧУЖОГО

Редактор *Ольга Абрамович*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Технический редактор *Елена Капитонова*
Верстка *Ольги Колеговой*
Корректоры: *Нина Синеникольская,*
Нэля Иовчак, Нина Васильева

Подписано к печати с оригинала-макета 22.03.93.
Формат 84×108[1]/32. Гарнитура Тип Таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 176. Заказ 1180.

Информационно-издательский комплекс «Северо-Запад»
«Гриф». 199053, Санкт-Петербург, а/я 709.

[illegible] в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Роббинс Г.

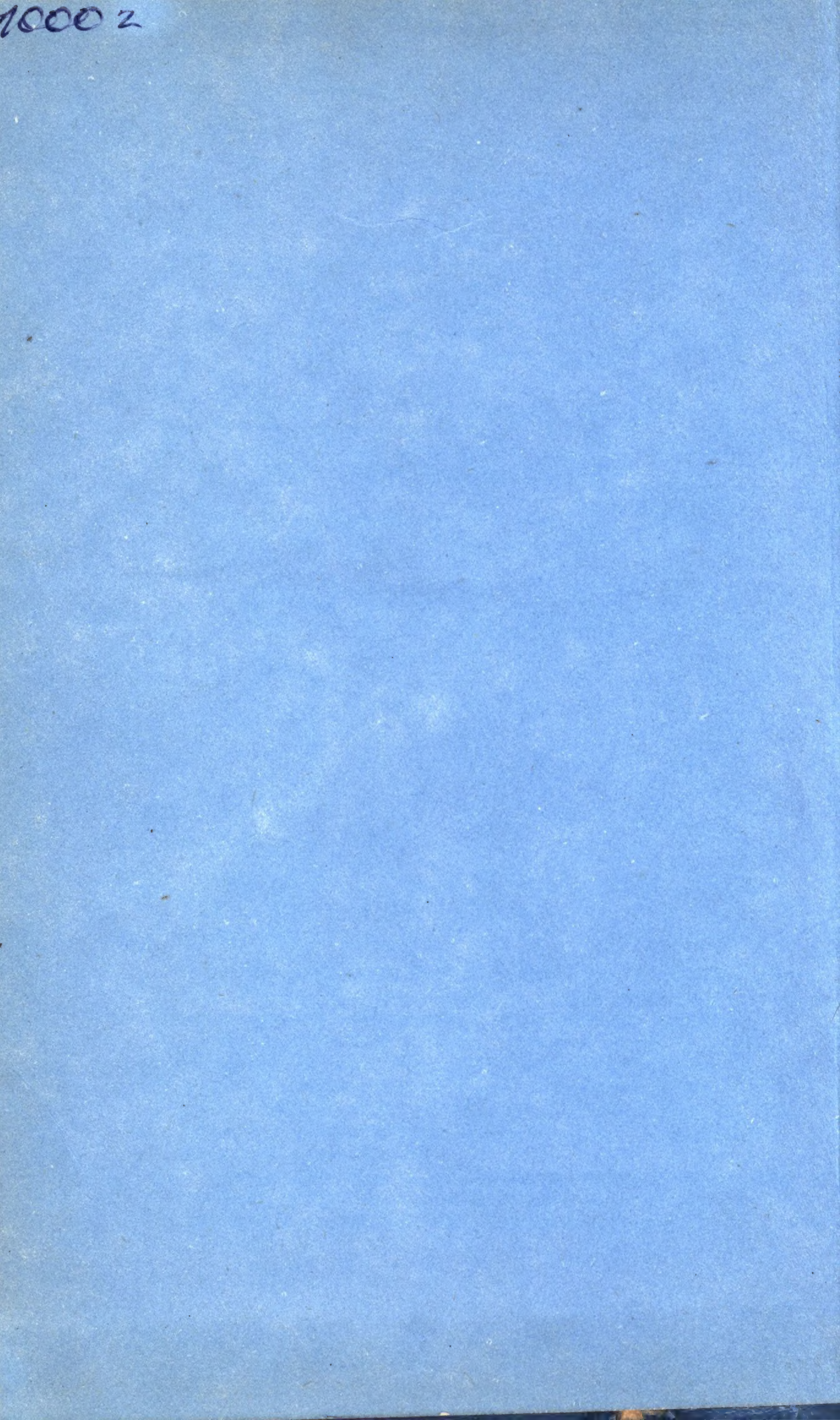
Р 58 Не люби чужого: Романы / Пер. с англ.
СПб.: Гриф, 1993. — 640 с.
ISBN 5-8352-0176-1

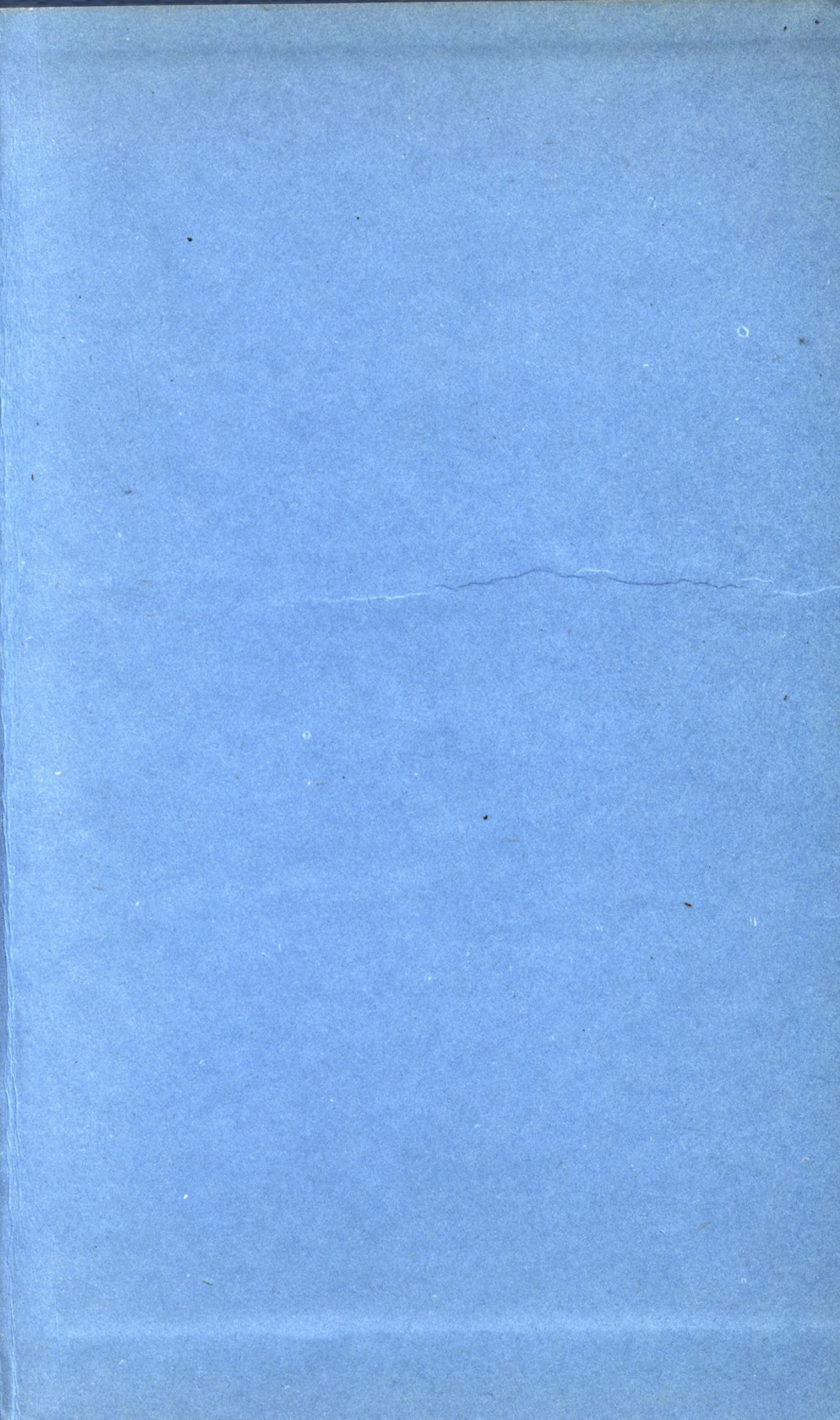
Романы Гарольда Роббинса «Не люби чужого» и «Надгробие Дэнни Фишеру» стали в США бестселлерами, они неоднократно переиздавались миллионными тиражами.

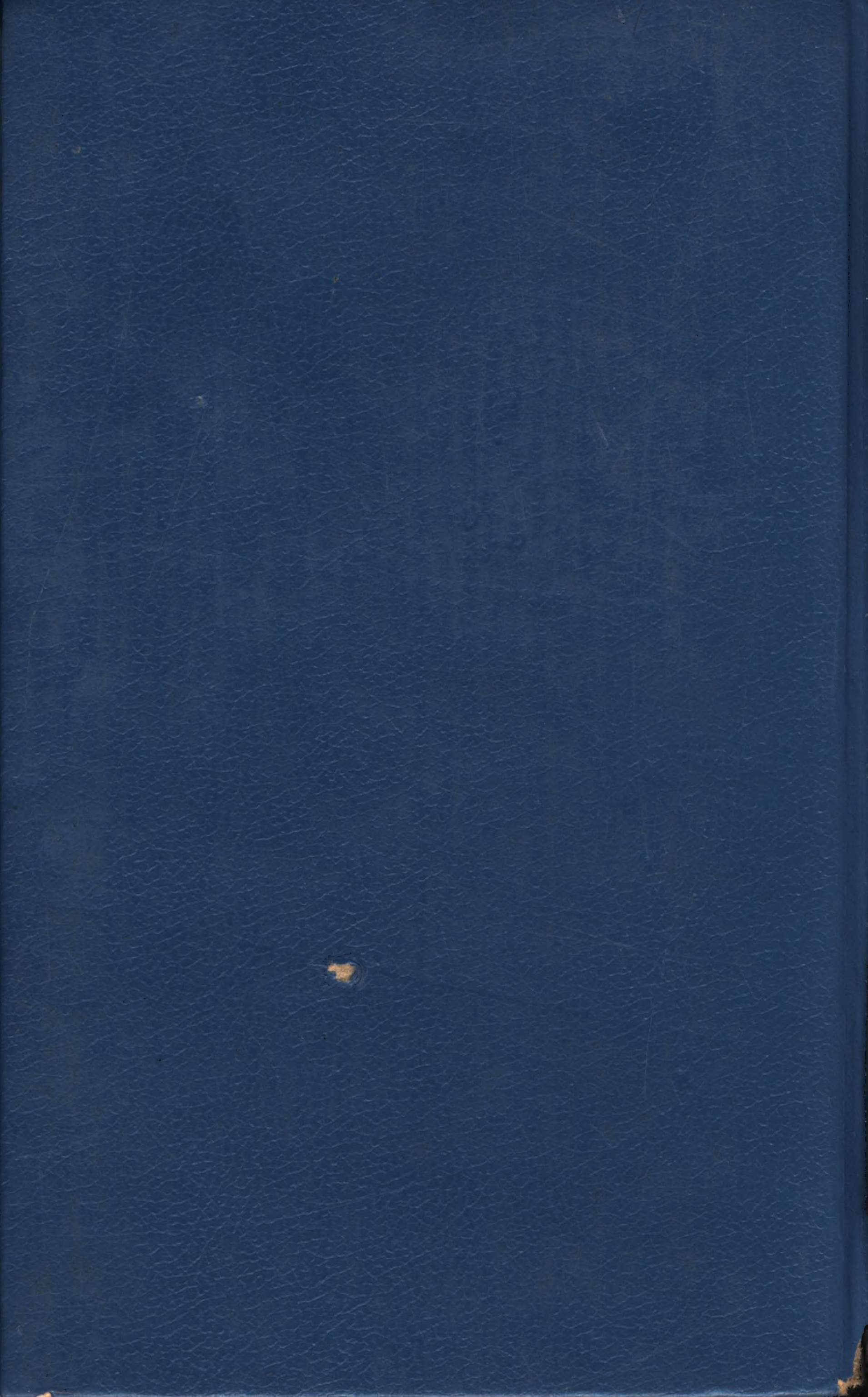
В центре обоих романов — яркая личность с сильным, независимым характером. И руководитель организации подпольного бизнеса Фрэнк Кейн, и профессиональный боксер Дэнни Фишер живут напряженной, полной опасностей жизнью и в конце концов добиваются успеха, оставаясь в то же время самими собой.

Автор, помещая своих героев в критические ситуации, в которых проявляются самые лучшие их качества, заставляет читателя с неослабевающим интересом следить за развитием сюжета.

Не люби чужого
ГАРОЛЬД
РОББИНС